РОБЕРТ МУР ВИЛЬЯМС

ПРОПАВШИЙ ЛИНКОР

РОБЕРТ МУР ВИЛЬЯМС

ПРОПАВШИЙ ЛИНКОР

РОМАНЫ

Джонгор
Король четвёртой планеты
Бегство из прошлого
Пропавший линкор

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Человек двух миров
Бомбы для рогатки
Страна золотых людей
Красная смерть Марса
Под страхом смерти
Звуки боевых труб
Когда начинаются неприятности
Тайна пирамиды
Ракеты над Европой
Возвращение Сатаны

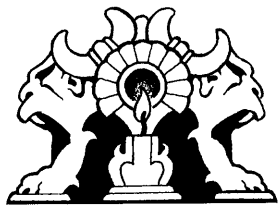

РОБЕРТ МУР

ВИЛЬЯМС

ПРОПАВШИЙ ЛИНКОР

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2015

ББК 84 (7 Сое)-44
В 44

КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ

Составитель А.Лидин

«Джонгор» — один из самых знаменитых романов Роберта Мура Вильямса, классика н-ф 1930-1940-х. Это фантастический вариант Тарзана, где главный герой вынужден выживать, а так же спасать нерадивых путешественников, но не в африканских джунглях, а в Затерянной земле, где до нашего времени сохранились не только динозавры, но и протолюди — выходцы с материка Му и вооруженные знаниями Древних благородные люди-кентавры…

«Король четвертой планеты» — роман о тайнах древнего Марса и о том как корпорации Земли пытаются всеми способами захватить сокровища.

«Бегство из прошлого» — авантюрный роман о путешествиях во времени. Лихо закрученная интрига, необычные герои уносят читателя в водоворот удивительных событий, где героям предстоит сберечь таинственный талисман, открывающий дорогу в далекое прошлое.

«Пропавший линкор» — американский военный корабль, перенесенный в далекое прошлое, в мир динозавров, вынужден сражаться с ужасными противниками — потомками древней цивилизации, чтобы спасти будущее рода человеческого.

Кроме того, в сборник входят повести и рассказы о Марсе, о путешествиях во времени, о сверхразуме, явившемся из далекого прошлого империи Майя, чтобы поработить людей, о тайнах египетских пирамид, и еще о многом другом…

В 44

Роберт Мур Уильямс
Пропавший линкор. — СПб.: «Издательство «Северо-Запад», 2015. — 832 с. — (Желтая серия). Тираж 50 экз.
ISBN 978-5-93835-576-7

ISBN 978-5-93835-576-7

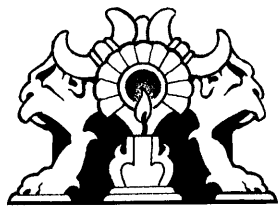
© Перевод: А.Бурцев, Л.Соловьева, А.Лидин, 2015
© Оформление ООО «Издательство «Северо-Запад», 2015

ДЖОНГОР

Первая часть «Jongor of Lost Land»
Журнал «Fantastic Adventures», № 10, 1940

Вторая часть «The Return of Jongor»
Журнал «Fantastic Adventures», № 4, 1944

Третья часть «Jongor Fight Back»
Журнал «Fantastic Adventures», № 12, 1951

ЧАСТЬ I
Джонгор из Затерянной земли

— Что там опять с нашими носильщиками? — с отчаянием спросила Анна Хантер. — Я им хорошо заплатила. Почему они отказываются идти дальше? Ведь до этого они шли охотно. Вчера они были в превосходном настроении, пели вокруг походного костра.

— То было вчера, — задумчиво протянул Ричард Варсей.

Нервно сжимая тяжелое ружье, охотник уставился на поляну. Он и Анна Хантер расположились на вершине невысокого холма, у подножия которого на поляне сгрудились туземцы-носильщики. Однако этим утром они отказались тащить дальше свою поклажу.

— Гофер поговорит с ними, — продолжал Варсей. — Он знает их наречие и выяснит, в чем дело. Замечу еще раз, Анна, этот Гофер чертовски хорош. Вам улыбнулась удача, когда он предложил возглавить экспедицию.

Девушка видела, как внизу у подножия холма Гофер беседовал с туземцами. Те односложно отвечали ему или, что случалось гораздо чаще, молчали. Анна Хантер заметила, что аборигены держат оружие под рукой. Длинные ножи, копья, луки и стрелы — все наготове.

Гофер пытался разговорить их. Но, похоже, они не обращали на него никакого внимания... Вместо того чтобы слушать проводника, они исподтишка тревожно оглядывались, внимательно изучая окружающие заросли.

Это был дикий, горный район. Холмы — невысокие, но словно разломанные, разбитые в сотнях мест. Казалось, гигантский нож исполосовал всю землю. Повсюду застыли потоки древней лавы. Не так далеко на юге раскинулась огромная австралийская пустыня, на границе которой влачили жалкое существование фермеры и аборигены.

— Вы... Думаете, существует вероятность того, что они на нас нападут? — поинтересовалась девушка.

— Откуда мне знать, черт побери? — нервно огрызнулся Варсей.

Анна Хантер повнимательнее взглянула на него и только сейчас заметила, насколько напряжен этот человек. Так или иначе, она никогда не испытывала симпатии к Ричарду Варсею. А теперь и подавно. Он выглядел так, словно Природа слепила его на скорую руку. Маленькие, близко посаженные глазки, борода, закрывающая большую часть лица... Его пальцы нервно поглаживали ружье.

Анна ничего не сказала. В конце концов, она была обязана Варсею. Именно он сообщил ей о том, что Алан Хантер мог быть еще жив, оставаясь в Затерянной земле.

Алан Хантер был братом-близнецом Анны. Два года назад, в возрасте двадцати лет, он отправился в экспедицию и не вернулся.

Вместо него в дом Анны Хантер явился Ричард Варсейи заявил:

— Вашего брата схватили аборигены. Я был с ним. Я бежал, рискуя жизнью, а ваш брат оказался в плену у дикарей.

Анна Хантер не колебалась. Ее родители были мертвы, брат составлял всю ее семью. И вот рожденная и выросшая в богатстве и роскоши, девушка оказалась в самой дикой местности на Земле. Ее могла ожидать смерть или нечто худшее. Однако Анна Хантер не колебалась. Джинсы, легкие, но прочные ботинки, пробковый шлем, спортивная, хорошо пристрелянная винтовка мелкого калибра в загорелых руках — вот так выглядела Анна Хантер, пристально разглядывавшая Варсея на вершине.

Он вспыхнул под ее пристальным взглядом.

— Извините, Анна, — пробормотал он наконец. — Но я прежде бывал в этих краях. И должен сообщить вам, что здесь обитают твари, о которых остальная часть мира и не подозревает.

— Что вы имеете в виду?

Варсей беспокойно заерзал.

— Не знаю, как и сказать... Возможно, это всего лишь суеверие, но что-то темное, таинственное и смертоносное затаилось

в этой части мира. Кажется этим чувством пропитан сам воздух... У меня постоянное ощущение, что кто-то прячется за спиной и наблюдает за тем, что я делаю. Иногда я оборачиваюсь, но ни разу не заметил кого-нибудь.

— Может, виной тому лихорадка? — засомневалась Анна.

— Нет. В этих краях нет лихорадки. Взгляните... — неожиданно он замолчал. — Похоже, Гофер закончил переговоры. Идет сюда. И не глядите так, Анна. Мне самому все это не нравится.

Проводник шел прямо к ним. Невысокий и крепко скроенный, он выглядел печальным. Его словно окружала аура настороженности.

Он остановился перед Анной и Варсеем.

— Жаль... — пробормотал он, вытирая пот с лица. — Эти дикари не желают идти дальше. Я даже предложил увеличить плату, но они и слушать не стали. — Его лицо потемнело от гнева.

Одежда Гофера была самой простой и дешевой. Однако его винтовка представляла собой превосходный образчик иностранного производства. Хоть Гофер и работал проводником, все выдавало в нем хорошо образованного человека. Судя по всему, он не был ни британцем, ни австралийцем, что было бы естественно. С тех пор как Анна наняла его, она все время задавалась вопросом, почему он работает проводником в стране, где шанс найти такую работу очень мал.

— Так что же такое с носильщиками? — спросила Анна. — Разве с ними плохо обращались?

— С ними обращались слишком хорошо, — фыркнул Гофер. — Слишком хорошо, черт возьми! Если бы вы поступили по-моему, манеры этих туземцев стали бы много лучше. Но разговором делу не поможешь. Тут есть что-то еще...— Заколебавшись, проводник внимательно взглянул на девушку.

— Можете говорить прямо, — объявила она. — В чем дело?

— Глупость какая-то, — замялся Гофер. — Дикари мне лгут. Но они говорят, что ночью слышали голос с небес. Он приказал им не ходить дальше. И поэтому они не желают идти дальше.

— Голос с небес! — взвился Варсей. — Смешно! Они не желают идти! Они знают, что мы нуждаемся в носильщиках, и должны помочь нам.

Гофер покачал головой. Проводник казался встревоженным. Он и сам рвался вперед, но пытался подавить волнение. Создавалось впечатление, что он находился на пороге невероятного открытия.

— Тут нечто большее, — объявил он. — Они действительно считают, что таинственный голос — вещь реальная. И они испуганы, ужасно испуганы... Что это, черт побери?

Внизу, у подножия холма, кто-то завопил. Туземцы рухнули на колени и уткнулись носами в грязь.

— Обычно они ведут себя так, когда прибывает один из их вождей, — пробормотал Гофер. — Но никого не видно.

Анна заметила, как проводник быстро огляделся. Девушка проследила за его взглядом.

Туземцы вели себя точно так, словно ожидали появления кого-то могущественного. Но никого видно не было. И кто, кроме них, мог путешествовать по этому отдаленному району? В радиусе нескольких сотен миль не было ни одного белого, если, конечно, не считать брата Анны — Алана.

— Послушайте! — неожиданно проскрипел Варсей. — Вы это слышите?

Только сейчас Анна тоже услышала звук. Холодок пробежал у нее по спине. Она задохнулась.Откуда-то сверху послышался голос. Казалось, он звучал отовсюду и ниоткуда. Грубое, монотонное бормотание, напоминавшее бой маленького барабана, чем-то походило на язык аборигенов.

Анна начала дико озираться.

— Кто-то должен прятаться поблизости, — прошептала она. — Возможно, тот, кто говорит, спрятался за той грудой камней. Сидит там и вещает.

— Не похоже, — покачал головой Гофер.

А тем временем резкий речитатив стал громче и начал звучать отчетливей.

— Кто-то говорит с аборигенами, — прошипел Гофер. В его голосе смешались страх и волнение. — Сидите тихо, а я попробую понять, что он говорит.

Через мгновение проводник вздрогнул.

— Голос приказывает аборигенам атаковать нас! — воскликнул он. — Быстро! Прячьтесь за теми камнями. Туземцы готовы повиноваться.

Варсею не было нужды говорить о том, что делать. С безумной скоростью он метнулся и спрятался за грудой больших валунов. Девушка поспешила за ним. Поджав губы, она посмотрела на Варсея.

— Они идут! — объявил Гофер и, вскинув винтовку, приготовился открыть огонь.

Голос стих. Он смолк так же неожиданно, как и зазвучал. И наступившая тишина показалась столь же жуткой, как и неожиданно зазвучавший голос. В тот же миг, как стих голос, аборигены схватились за оружие. Они стали подниматься по склону холма, на вершине которого, спрятавшись за грудой камней, притаились трое белых.

Анна Хантер крепко прижала приклад винтовки к щеке и выглянула поверх валунов. Движения туземцев напоминали танец — танец дьяволов с густыми и курчавыми волосами. Девушка хорошо видела кости, вплетенные в их спутанные волосы, размазанную по лицам краску. Она слышала их визг — боевые крики. Но внимание Анны сосредоточилось на копьях в руках туземцев, их длинных уродливых ножах и изогнутых луках.

Стрела просвистела над головой Анны. Она тут же прицелилась в стрелка и выстрелила. Дикарь выронил лук, словно это был раскаленный прут, и недоуменно уставился на раздробленную кисть — пуля ударила по пальцам, державшим лук.

Именно тогда Анна поняла, что у них не было шансов. Хотя у путешественников имелись магазинные винтовки, туземцы продолжали наступать. Аборигенов было слишком много — более сорока, и три винтовки не могли их остановить.

— Никогда не видел, чтобы аборигены пытались противостоять людям с огнестрельным оружием, — тяжело дыша, Гофер перезаряжал винтовку. — Этот голос словно свел их с ума. Они считают, что с ними говорил их бог.

Проводник выглядел раздраженным и угрюмым. Стрелял он не спеша, словно в тире. И после каждого выстрела падал один из туземцев. Он не спешил, хорошо целился, словно его жизни и вовсе ничего не угрожало.

— Почему я вернулся в эту проклятую богом дыру? — в сердцах воскликнул Варсей. — Один раз я уже выбрался из этих мест, и должен был бы быть доволен тем, что спас свою жизнь!

Туземцы были уже менее чем в сотне ярдов. Они не собирались останавливаться. Но теперь они больше не прыгали слепо вперед. Вместо этого они стали прятаться, перебегая от валуна до разросшегося куста, а оттуда к каменному косогору. А потом в путешественников полетели стрелы...

Туземцы гибли. По крайней мере, некоторые из них. Но три винтовки не могли одновременно поразить сорок целей, которые всеми силами пытались уклониться. И даже угроза смерти не могла остановить аборигенов.

«Судя по всему, мне придется умереть на вершине этого каменистого холма в Австралии, — подумала Анна. — Придется умереть... Еще несколько минут — и они нарежут меня на ломтики своими огромными ножами. Да, мне придется тут умереть...»

Лицо ее было покрыто черными пятами от порохового дыма, но Анна не прекращала стрелять, методично загоняя обойму за обоймой в магазин винтовки.

Вот она заметила косматую голову туземца всего в десяти футах. Этот абориген был вооружен копьем. Зазывая, он размахнулся, чтобы метнуть его. Анна услышала, как крик туземца задохнулся, и в горле у него забулькало, когда ее пуля прошила его навылет.

Но на место убитого тут же встал следующий туземец... И другой. И еще один. Анна слышала тяжелое дыхание Гофера. Варсей что-то кричал, пытаясь набить патронами магазин. Уголком глаза девушка заметила, что охотник вставляет в магазин патроны задом наперед — он находился на грани истерики.

Огромный туземец, вооруженный лишь ножом, выскочил вперед. Анна Хантер взяла его на мушку и спустила курок. Но винтовка лишь щелкнула. Магазин был пуст!

Вот и все. Анна привстала, готовясь отразить стволом винтовки удар ножа.

Воздух буквально пульсировал от напряжения. Анна Хантер напряженно ожидала атаки дикаря с ножом. Странно и необъяснимо — но она увидела, что туземец остановился. Анна удивилась: что происходит?

Оперенный наконечник стрелы торчал из груди ее противника.

Другой туземец занял его место. Что-то вновь просвистело в воздухе и пронеслось над головой девушки, вылетев у нее из-за спины. Стрела попала в горло нападавшему. Онемев, Анна Хантер повернулась, посмотреть, что случилось. Вот так она впервые увидела Джонгора.

Он стоял на выступе скалы выше их — бронзовокожий гигант. Одетый лишь в набедренную повязку из шкуры леопарда, он держал в руках огромный черный лук. Оперенные концы стрел торчали из колчана, перекинутого через его плечо. Нож висел у него на поясе. Тетива его лука гудела, вибрируя в песне смерти. И он посылал вниз одну стрелу за другой.

Три винтовки и так потрепали аборигенов. Но появление гиганта на уступе над тремя потенциальными жертвами поразило дикарей. Этот новый противник больше всего напоминал бога мести. Стрелы, летящие вниз, поражали туземцев одного за другим. Наконец дикари не выдержали, побежали.

Тяжелая, нереальная тишина воцарилась на вершине холма. Открыв рты от удивления, трое белых путешественников уставились на своего спасителя.

Легко спрыгнув с уступа, Джонгор присоединился к белым. Варсей с ужасом уставился на него. Рот его был широко раскрыт. Он судорожно сглотнул, словно хотел избавиться от кома, застрявшего в горле. Но эти действия Варсея не заметила ни Анна, ни Гофер, хотя они тоже с удивлением разглядывали гиганта, который направился к ним, прыгая с одного валуна на другой.

В какой-то миг лицо Варсея превратилось в маску страха. Он опустил винтовку, которую ему наконец-то удалось перезарядить. При этом она выпала, поскольку Варсей инстинктивно нажал на спусковой механизм. Грохот выстрела эхом разнесся среди скал, а потом послышался шум падающего тела.

Анна и Гофер разом повернулись в сторону стрелявшего. Анна была ближе, наверное, поэтому именно она ударом ноги выбила винтовку из рук стрелявшего.

— Придурок! — огрызнулась она. — Этот человек спас наши жизни, а ты подстрелил его.

— Сначала он приказал аборигенам напасть на нас, — бессвязно промямлил Варсей. — Я его подстрелил, это точно. Он все это подстроил!

И Варсей уставился на Гофера, словно хотел найти у него поддержку своим словам. Но проводник не сказал ни слова. Его бледно-синие глаза — равнодушные голубые глаза прирожденного убийцы — уставились на Варсея. Тот выглядел испуганным.

— Я думал, он собирается напасть на нас, — попытался оправдаться охотник. — Черт возьми, Гофер, не смотрите так на меня. Вы же знаете, что я...

— Заткнись! — ледяным голосом приказал Гофер. — Этот человек спас нас. Если ты еще раз потеряешь голову, я тебя пристрелю.

Проводник отправился вверх по холму, но Джонгор исчез.

Анна Хантер подбежала к тому месту, где незнакомец упал, когда в него попала пуля. Она думала, что он все еще лежит среди камней. Она закричала, призывая его вернуться.

Но они так и не нашли Джонгора. Было только пятно крови на камнях, но гиганта с бронзовой кожей нигде не было видно.

— Он ранен, — с осуждением сказала Анна, обращаясь к Варсею. — Ты стрелял в него!

— Я собираюсь вернуться, — откровенно объявил Варсей.

Он до сих пор был белым как мел и трясся. Его губы были синими от страха.

— Наши носильщики убежали. А без них в этой Затерянной земле у нас нет шансов. Соберу, что осталось из запасов. А что скажешь ты, Анна... мисс Хантер? Вы же у нас босс.

— Я не собираюсь отступать, — твердо заявила девушка. — Мы где-то неподалеку от Затерянной земли. Попасть туда будет не легче, чем выбраться оттуда. И я не отступлю, пока есть хотя бы один шанс обнаружить моего брата. Может, он в плену у аборигенов, сидит в грязной хижине и работает словно раб. Может, его жизнь зависит от того, обнаружим мы его или нет. Я иду вперед в Затерянную землю... если, конечно, смогу добраться туда.

— Но это может означать смерть, — горячо возразил Варсей. — Теперь, без носильщиков, у нас и вовсе почти нет шансов. Пусть Гофер этим занимается, — объявил он, повернувшись к безмолвному проводнику. — У вас ведь большой опыт в подобного рода путешествиях. Мы сможем

отправиться дальше без наших носильщиков? Или вы считаете, что нам пора повернуть назад?

Гофер покачал головой.

— Мы не смогли перебить всех туземцев. Часть их спаслась. Они вернутся в свое племя и расскажут, что случилось. Если мы отправимся назад, то столкнемся с туземцами, поджидающими нас. Без сомнения, мы попадем в засаду. Наш лучший шанс... и скорее всего единственный... идти вперед.

— Но голос, который мы слышали! — умоляюще произнес Варсей. — Этот голос, исходящий из пустоты... Он приказал туземцам напасть на нас. А этот гигант с луком и стрелами! Он вообще непонятно откуда взялся. Чего еще вам нужно?

— Да, — поспешно согласился проводник. — Этот голос из пустоты... Нужно только поискать, и источник его отыщется. Ничуть в этом не сомневаюсь. И объяснение лежит где-то в Затерянной земле. Я отправлюсь дальше, — решительно закончил он.

— Но...

— Если не хотите сопровождать нас, можете возвращаться, — Гофер объявил это категорически, высокомерно уставившись на Варсея немигающим взглядом.

Тот зло хмыкнул. Он начал было что-то говорить, но, вновь встретившись взглядом с Гофером, передумал, лишь поджал губы, так что его рот теперь напоминал ножевую рану.

Джонгор наблюдал за происходящим. Когда Варсей вскинул винтовку, Джонгор заметил его движение. И хоть он не слишком хорошо разбирался в огнестрельном оружии, он знал — ему помогало шестое чувство человека, проводившего всю жизнь в смертоносном окружении: ему грозит смерть. Он видел, как чернокожие падали при грохоте винтовок.

Когда Варсей вскинул винтовку, Джонгор действовал совершенно инстинктивно, словно зверь из джунглей. Он припал к земле и метнулся в сторону. Пуля лишь слегка оцарапала ему кожу. Через несколько минут рана и вовсе перестала кровоточить.

Откатившись в сторону, Джонгор спрятался за валуном, а потом побежал среди скал, так же бесшумно, как скользит по земле тень облака. Когда Анна и Гофер добрались до того места, где Джонгор упал, он уже был далеко.

Теперь он наблюдал. Спрятавшись под защитой скалы, он слышал, как двое мужчин и женщина спорят. В итоге они стали собирать тюки, которые разбросали носильщики. Потом они разделили их на три части и связали, чтобы нести на спине. Ноша Гофера оказалась самой маленькой. Он взял лишь соль, крошечную аптечку и самую малость еды. Зато патронов для винтовки он прихватил как можно больше.

Ноша девушки оказалась побольше. А Варсею досталась поклажа самая большая из трех. Он едва сумел взвалить ее на плечи.

Большую часть запасов они спрятали в наспех сооруженном схроне. Наблюдая за этим, Джонгор высокомерно скривился — эти люди пытались скрыть вещи, которые бросили, но даже самый нерасторопный охотник сразу бы обнаружил их тайник. Эти трое ничего не знали об искусстве сокрытия следов — теперь Джонгор был в этом уверен.

Вначале он думал, что троица последует за туземцами. Тогда все встало бы на свои места. Ведь эти трое были чужаками. Они без спроса вторглись в эти земли. Когда аборигены напали на них, Джонгор действовал чисто инстинктивно. А в награду те, кого он спас, попытались убить его! В итоге Джонгор убедился лишь в одном — эти люди опасны.

Однако больше всего он оказался удивлен, обнаружив, что они решили продолжать путешествие. Они не отступили, а направились дальше вглубь Затерянной земли. Они шли в его страну по ущелью, которое должно было вывести их в ту самую долину, которую называли Затерянной землей.

Вскоре они прошли чуть ниже того места, где, замерев, отдыхал Джонгор. Он беззвучно взял лук наизготовку и положил на тетиву оперенную стрелу.

С каждой минутой путешественники были все ближе и ближе. Джонгор напрягся, натянул лук. Гофер шел первым. Следующей — девушка. За ними плелся Варсей. Острие стрелы Джонгора нацелилось в грудь Гофера.

В любой миг Джонгор был готов выстрелить. Оперенная стрела молнией полетела бы вниз и пронзила тело проводника. Следующая стрела была бы на тетиве еще до того, как первая нашла бы свою цель. Она поразила бы девушку. А

третья, полетев вниз, так же быстро, как ружейная пуля, прикончила бы Варсея.

Перед ним были незнакомцы. Один из них пытался убить его. Лук едва слышно скрипнул, жесткая древесина словно жаловалась на напряженную тетиву. Трое белых путешественников находились прямо под Джонгором. Самое время! Пора пускать стрелы! Однако стрелы так и не пропели смертоносную песнь. Гигант медленно спустил тетиву, пока стрела на упала к его ногам...

Джонгор внимательно следил за незнакомцами, до тех пор пока они не прошли под скалой, на вершине которой он затаился. Он смотрел, как те шли вглубь Затерянной земли, точнее, не спускал взгляда с девушки. В его глазах читалась печаль. Различные мысли крутились в его голове. Девушка... Он помнил другую женщину, которая выглядела столь же очаровательно — его мать.

Десять лет прошло с тех пор, как она умерла вместе с отцом. Джонгору было двенадцать лет, когда теросы поймали их. Его лицо потемнело от гнева, когда он вспомнил, как теросы убили мать и отца, оставив его одного на обширных просторах Затерянной земли.

Отцом Джонгора был капитан Роберт Гордон, летчик ВМФ США. Его самолет разбился, когда он с невестой попытался пролететь над Затерянной землей. Сильные воздушные потоки увлекли самолет к земле. Однако капитан Гордон и его невеста выжили во время авиакатастрофы. А потом они обнаружили, что невозможно покинуть Затерянную землю... Теперь же обломки самолета стали священной собственностью Джонгора.

Непроходимые горные хребты окружили огромную долину. А за горами лежала пустыня, готовая убить любого, кто попытается пересечь ее. Но однажды капитан Гордон нашел дорогу через горы и бросил вызов пустыне. Однако пустыня заставила его повернуть назад...

Джонгор родился на Затерянной земле. Его родители назвали его Джоном Гордоном, но у младенца, когда он попытался произнести свое имя, получилось лишь «Джонгор». Так он и стал «Джонгором» — любимцем отца и матери. Джонгором он и остался.

А после двенадцати лет безбедного существования *терос* убил его родителей. И тогда Джонгор столкнулся с огромной проблемой: ему предстояло без оружия выжить в диких землях. Ведь двенадцатилетний мальчик был лакомой добычей и приятной закуской для хищников. К тому же у него не было силы отца, чтобы защитить себя, и не было матери, чтобы позаботиться о нем. Джонгор оказался лицом к лицу с миром, полным опасностей.

Первые несколько лет после смерти родителей стали настоящим кошмаром. Мало того что Джонгор был очень одиноким и несчастным, смерть поджидала его на каждом шагу. Она таилась у каждого водопоя, скрывалась в колышущейся траве. А смерть на просторах Затерянной земли порой принимала такие чудовищные формы, и молодому Джону Гордону ничего не оставалось, как бежать сломя голову.

И он бежал. Ноги его стали длинными, а грудь широкой. Пришло время, когда он перестал питаться улитками, лягушками, рыбой и мелкими грызунами. Пришло время, когда Джонгор, научившись жить убегая, перестал бояться. Когда-то отец сделал ему лук и стрелы. Тогда это были всего лишь игрушки для развлечения непоседливого малыша.

Но прошли годы, и Джонгор сделал себе несколько луков, каждый новый мощнее предыдущего, который посылал оперенную смерть все дальше и дальше. И с каждым разом все громче и громче звенела тетива. Теперь Джонгор не боялся никого в Затерянной земле, никого кроме... Он старался держаться подальше от того, кого боялся, от существа, которое было сильнее, чем его могучие мускулы... существа, которое сеяло смерть за пределами его понимания.

Однако вид Анны Хантер пробудил у Джонгора ностальгические воспоминания. Анна была женщиной. И мать его была женщиной. И, видимо, именно поэтому он не выпустил стрелу из своего могучего лука.

Вместо этого он тайно последовал за небольшом отрядом.

Целый день Джонгор плелся за путешественниками, хотя мог бы идти втрое быстрее. Анна Хантер и ее спутники двигались осторожно, перебираясь по узким выступам над пропастью глубиной в сотни футов, в то время как бронзовый гигант скользил следом за ними стремительно и тихо, словно

тень. Путники с большим трудом карабкались по склонам, которые он мог бы преодолеть бегом, даже не запыхавшись. Но ведь их жизни никогда не зависели от быстроты их ног...

Через два дня путешественники вошли в долину Затерянной земли. К тому времени они едва держались на ногах. Варсей уже распорядился большей частью своей ноши. Девушка шла покачиваясь, то и дело останавливаясь, чтобы передохнуть.

Только Гофер уверенно шел вперед, словно какая-то неведомая сила гнала его, подпитывая энергией истощенное тело.

Джонгор наблюдал, как вступили они в Затерянные земли. Если посмотреть налево, казалось, долина протянулась далеко-далеко, до самой линии высоких скалистых гор. Направо полукругом вытянулись влажные джунгли. Эти края напоминали Землю, какой она была в юности, — трясины, болота, огромные деревья на невысоких холмиках, грязная, застойная вода, пойманная в ловушки стоячих водоемов. Тростники, виноградные лозы, колючие кустарники росли повсюду. И нигде ни одной тропинки. Джонгор заметил, что тут даже Гофер заколебался. Пытливым взглядом проводник пытался проникнуть под зеленый купол джунглей Затерянных земель. Потом путники устроили совещание и поступили так, как и боялся Джонгор. Они отправились дальше, двигаясь вдоль линии утесов. Без сомнения, эта дорога была много легче. Но даже если бы Джонгор не знал, кто живет среди утесов, он смог бы разглядеть затаившихся там зверей.

«Что же происходит с этой троицей? — удивился Джонгор. — Неужели они не видят? А может, их чувства и в самом деле столь притупились, и они не замечают очевидной опасности? Должно быть, они слепые, — наконец решил он.— Они даже не заметили *дино*, затаившегося в болоте, *дино*, отдыхающего на обломках стволов деревьев». Но Джонгор знал, что тварь именно там. Он даже мог разглядеть крошечных птиц, роящихся на спине чудовища.

Какое-то время Джонгор внимательно следил за *дино*, потом опустил взгляд на свое запястье. На мускулистой рукечуть выше запястья Джонгор носил любопытный браслет. Странный металл покрывали сверхъестественные иероглифы, но на вид браслет был гладким, изношенным.

Браслет украшал единственный камень, размером с серебряный доллар. Настоящий кристалл. И хотя Джонгор не знал этого, кристалл, который он носил, был точно таким же, как тот, что ныне используется для настройки современных передатчиков на определенную длину волны.

Кристалл был великолепно отполирован. Какой-то давным-давно умерший ремесленник проделал в центре его отверстие. Сам же кристалл был сливочного цвета с тоненькими светящимися прожилками. Чем дольше смотрел на камень Джонгор, тем больше завораживали его светящиеся прожилки, идущие к сердцу камня, они пульсировали, испуская слабое свечение.

— Да будут прокляты эти москиты! — раздражительно произнес Варсей. Жалящие насекомые облаками роились над болотами. Хлопая себя по плечам и ногам, Варсей пытался отогнать кусачих тварей.

Анна Хантер оглянулась, посмотрев назад вдоль тропинки, по которой они шли. В первый день на лице ее еще читалась надежда, но теперь это выражение растаяло.

Гофер внимательно посмотрел на нее:

— Бесполезно высматривать этого бронзового гиганта, — объявил проводник. — Варсей подстрелил его, и теперь он или умер, или спрятался и зализывает свои раны.

— Ты говоришь о нем так, словно он безмозглое животное, — сердито объявила Анна.

— Возможно, так оно и есть, Аборигены не намного разумнее животных, — высокомерно заявил Варсей. — А этот гигант — урод от природы.

— Он не такой! — вспыхнула девушка, и в голосе ее реально слышался гнев. — Он — не туземец, белый. Я видела. Кожа его задубела от солнца, но он не абориген.

Варсей промолчал и вновь нахмурился. Дальше они тащились, не проронив ни единого слова.

— Мне... мне не нравится эта страна, — с недовольным видом пробормотала Анна. — У меня неприятное ощущение, что за мной наблюдают со всех сторон.

Ее взгляд скользнул по джунглям. Она привыкла к жизни в городе, где самая опасная вещь — разгоняющийся автомобиль. Несмотря на недавно пережитые приключения, она не

знала, что опасно в этих джунглях. Ее взгляд скользнул мимо отдыхающего *дино*. Джонгор заметил бы его сразу, но Анна не обратила внимание на странную пятнистую тень среди деревьев.

А вот Гофер не смотрел на *дино*, но, видимо, он не ждал, что сможет обнаружить что-то вроде того среди ветвей. Следовательно, он и не мог увидеть отдыхающего *дино*. Легкий ветерок, налетевший с гор, дул от чудовища в сторону людей, так что тварь пока не почуяла их. А зрение у нее было и того хуже.

А потом выше тропы, по которой шли путешественники, среди утесов раздался какой-то трескучий звук. Проводник звук услышал, остановился и начал оглядываться.

Но для *тероса* звук был слабенький. Это был обыкновенный *терос*. Он заметил путников и чуть изменил свое положение, готовясь к нападению. Его кожа была того же цвета, что утесы, а если он начинал двигаться, то так сильно сливался с камнями, так что почти невозможно было разглядеть.

— Что-то увидел? — поинтересовался Варсей.

— Думаю, нет, —- пробормотал Гофер. — Я слышал звук, напоминающий скрип кожаного седла, но такого быть не может.

Он осторожно двинулся вперед.

— Давай лучше подыщем подходящее место и разобьем лагерь на ночь, — умоляющим голосом попросил Варсей. — Устал, как собака.

— Ничего, ты еще сильнее устанешь, прежде чем мы остановимся отдохнуть, — проворчал Гофер.

Упорно, шаг за шагом, троица пробиралась вперед.

Терос уже подобрался, готовый к нападению. Все его бесформенное тело дрожало при виде проходящей внизу добычи. Глаза-бусинки сверкали от голода. Перед хищником была пища — сочная, беспомощная пища... и для того, чтобы заполучить его, *теросу* нужно было всего лишь прыгнуть.

Неожиданно Анна Хантер краем глазом заметила тень, метнувшуюся вниз по склону утеса. Она подняла голову. В первый момент, когда она увидела тень, то решила, что это облако странной формы набежало на солнце, отбрасывая темную тень на утес ниже. А потом разглядела создание, которое на самом

деле породило эту стремительно движущуюся тень. Никакое это было ни облако. Это было...

Анна Хантер завопила изо всех сил.

Гофер подскочил, словно собака, получившая удар хлыста. Он тоже заметил тень, привлекшую внимание Анны. Ее крик поразил его. Он проследил за взглядом девушки. Его глаза вылезли из орбит.

— Боже! — закричал он. — Птеродактиль!

В воздухе кружила большая крылатая ящерица — предшественник современных птиц — отвратительное чудовище с кожистыми крыльями и выпирающими вперед острыми как иглы зубами. Такие твари, возможно, и породили легенды о драконах, существовавшие у всех примитивных народов.

Тварь была больше, чем орел, даже много больше. чем южноамериканский кондор. Но, в отличие от орла и кондора, тварь летала намного хуже. Она не могла оторваться от земли. В результате птеродактили скрывались среди утесов, с которых могли планировать вниз. Их огромные крылья позволяли им великолепно планировать. А если был сильный ветер, или они достаточно разгонялись при спуске, *тероcы* могли взмыть вверх, кружась подобно чайке. Но, в отличии от чаек, они не могли управлять этим полетом.

Огромный клюв, вооруженный острыми как иглы зубами, изогнутые когтистые крылья и тот факт, что хищник набрасывался сверху на ничего не подозревающую добычу, делал этих тварей очень опасными.

Вид ящерицы, планирующей прямо на нее, парализовал Анну Хантер. Впервые в жизни она совершенно растерялась. Так, наверное, чувствует себя кролик, услышав свист крыльев пикирующего ястреба. Он ничего не может сделать, лишь растерянно замирает в траве, пораженный параличом. Вот так же и Анна Хантер замерла, не в силах пошевелиться.

Варсей что-то невнятно забормотал. Тот же самый паралич поразил и его. Однако Гофер, казалось, был выкован из железа и лишен нервов. Крик удивления сорвался с его губ, когда он увидел пикирующего на них птеродактиля. И времени зря он терять не стал.

Его винтовка сама прыгнула к плечу. Но даже в этот момент чрезвычайной опасности он не стрелял вслепую. Он

тщательно прицелился. Шли секунды, а мушка его ружья скользила за пикирующим *теросом.* Тварь неслась вниз. словно камень. С каждой долей секунды она была все ближе.

Палец Гофера мягко надавил на курок. Винтовка выплюнула сноп огня. Пуля пробила левое крыло твари. Она поразила *тероса,* но не задела ни одного жизненно важного органа, лишь изменив его начальную траекторию полета. Сначала тварь метила прямо в Анну. И она ударила бы девушку клювом, вцепилась в нее когтями, сбила с ног ужасными ударами крыльев, если бы пуля не изменила направление ее полета.

Терос сел на землю в десяти футах от своей цели. Но он вовсе не был мертв. До этого было еще далеко. Боль от раны всего лишь разозлила его. Оказавшись на земле, тварь запрыгала в сторону Анны.

Испуганной девушке *терос* показался огромным, словно лошадь. Она видела огромные крылья, бьющие по воздуху, вытянутый клюв, усеянный редкими зубами, жестокие, блестящие, крошечные глазки. Крыльям твари не хватало сил, чтобы поднять существо с земли, они лишь подбрасывали тело хищника вверх, отчего казалось, что тварь прыжками направилась к девушке. При этом *терос* шипел, словно змея.

Гофер вновь выстрелил в чудовище. Хищник повалился на землю у самых ног Анны Хантер, превратившись в кучу дрожащих кожаных мембран.

— Благодарю... — Лицо девушки было белым как снег. — Тварь схватила бы меня... если бы вы не пристрелили его.

Проводник же не обратил на ее слова никакого внимания. Он все еще внимательно смотрел на птеродактиля. Гофер был поражен, недоверие читалось в его взгляде. Наконец, словно придя в себя, он сдвинул на затылок пробковый шлем и вытер пот со лба.

— Гм-м-м! — протянул он. — Птеродактиль! Кто бы поверил в это? Последняя из таких тварей обитала на Земле тысячи лет назад!

В этот момент напряжения акцент в голосе Гофера стал гораздо сильнее. Бормоча что-то себе под нос, он снова покачал головой. А потом взгляд его скользнул от умирающей твари вверх по утесу. И то, что он увидел, заставило его замереть, превратило его лицо в безликую маску.

— Да спаси нас Господь! — задохнулся Гофер. — На тех утесах не один птеродактиль! Там их множество! Настоящий насест. Только посмотрите!

Анна Хантер почувствовала, как мурашки поползли по ее телу, когда она внимательно начала рассматривать утесы. Выступы, пики, пещеры. И на каждом выступе, на каждом пике, у входа в каждую пещеру замерло по чудовищу. Их было полным-полно среди утесов. И теперь все эти твари начали двигаться.

Встревоженные выстрелом или прыжком первой птицы-ящерицы, остальные повылезали из пещер, заползли на утесы, поднялись на вершины. Казалось, весь скалистый склон пришел в движение.

Куда бы ни посмотрела Анна, всюду она видела хлопающие крылья и щелкающие клювы. Шорох перемещающихся тел, скрип, непрерывный шелест крыльев. Воздух наполнился тошнотворным запахом рептилий, от которого Анну чуть не вывернуло. Со всех сторон доносилось змеиное шипение.

— Думаю, в эту сторону мы не сможем идти дальше, — прошептал Гофер. — Мы должны повернуть назад и побыстрее.

Тем временем следующий птеродактиль с криком метнулся вниз. Он находился ближе всего к путешественникам, когда был убит его предшественник. А теперь он напал, попытался взмыть вверх, забил по воздуху тяжелыми крыльями... и упал, срезанный пулей.

Но это лишь привлекло к путникам еще больше внимания. Еще несколько тварей понеслось к земле. И их место тут же заняли другие твари.

— Назад! — закричал Гофер. Однако ни Анну, ни Варсея в этот раз не надо было уговаривать. Они видели наступающую волну *терос*.

Анна понимала, что птеродактили двигаются быстрее, чем смог бы бежать человек. С помощью ружей люди смогли бы остановить дюжину неторопливых тварей. В крайнем случае они могли бы остановить полсотни тварей. Но всех их остановить невозможно. Тварей было слишком много. Тем более что они ничуть не боялись людей с оружием. Перебей путешественники первую волну, это нисколько не сдержало бы вторую.

Анна Хантер видела смерть, скользящую на крыльях следом за ними. А Варсей неожиданно увидел смерть, приближающуюся к ним с тылу. То и дело спотыкаясь, охваченный паникой, он бежал первым, старясь оказаться как можно дальше от *тероса*, а потом неожиданно остановился. Анна буквально врезалась в него.

— Ух ты! — только и смог выдавить Варсей, дрожащей рукой указав куда-то вперед.

Внизу, в болоте, среди зарослей деревьев раздался странный шум. Огромная тварь начала медленно подниматься из воды. Из-за деревьев невозможно было рассмотреть размер чудовища. Но и того, что увидела девушка, оказалось достаточно. Можно было подумать, что целая гора поднимается из болота. Тварь была слишком велика. Анна разглядела лишь огромные серые бока, костяные пластины, невероятную рогатую морду.

Гофер тоже заметил тварь.

— Динозавр! — задохнулся он. — Хм-м-м-м! Логично. Там, где обитают птеродактили, можно отыскать и динозавров. Но кто бы мог подумать, что в двадцатом веке на Земле где-то еще обитают такие твари?

Испуг, который охватил крылатых тварей при виде динозавра, ничуть не удивил проводника. Сам же он, казалось, нисколько не испугался огромного ящера.

— Стреляйте в него! — завопил Варсей, все еще пытаясь передернуть затвор.

Гофер же с удивлением продолжал:

— Остановись-ка, приятель. Эти тонны плоти сможет остановить разве что пушка. У вас, что, спрятана пушка в кармане?

Динозавр все еще ворочался среди деревьев. Путешественники с ужасом следили за каждым движением ужасной твари, сопровождающимся грохотом. У них за спиной в нерешительности замерли птеродактили.

— Но эта тварь перекрыла нам путь к отступлению.

Варсей взвизгнул.

— Проклятые птицы набросятся на нас в течение нескольких минут. Ты же наш проводник! Сделай хоть что-то ,черт побери!

— А что вы предложите, мой друг? — поинтересовался Гофер.

— Что угодно! В утесах есть пещеры! Мы могли бы спрятаться в одной из них.

— И дать птеродактилям окружить нас? Конечно, мы могли бы стрелять их до тех пор, пока мертвые твари не завалят вход. Или пока не закончатся боеприпасы. Но остальные рано или поздно все равно до нас доберутся. Нет, это не выход. Там мы все погибнем.

Гофер покорно пожал плечами.

— Утесы с одной стороны, болота — с другой. Птеродактили — позади, динозавр перекрыл дорогу к отступлению. И ничего мы сделать тут не сможем. Долго мы бороться не сможем. Так что... Мы здесь все умрем.

Анна Хантер почувствовала нотки безнадежности в голосе проводника. Она поняла, что и в самом деле выхода нет. До сих пор Гофер ни разу не падал духом. Он был отважным, непреклонным, как будто некое скрытое, секретное убеждение вынуждало его безропотно выносить все лишения. Ничуть не боясь, вышел он к туземцам-носильщикам...

Он и теперь не вздрогнул, только вздохнул и объявил:

— Если бы я придумал что-то, то непременно сделал бы это. Но все, что я могу сказать: если вы знаете какие-то молитвы — молитесь.

Хотя, похоже, к собственной судьбе он относился с полным безразличием. Казалось, сила того секретного убеждения, что вело его с непреодолимой силой, выдохлась, и весь запал вышел из него.

Динозавр полностью перекрыл путь вперед. Чудовище прошло сквозь рощу, надвигаясь медленно, но неотвратимо — непреодолимая смерть. Взгляды трех пар человеческих глаз неотрывно следили за каждым движением чудовища.

Только когда тварь полностью выбралась из-за деревьев, Анна Хантер разглядела, что она была довольно странной. На шее, позади головы, у твари оказался невероятно огромный горб. Раньше Анна видела динозавров на картинах, видела реконструкции этих гигантских животных в музеях, но никогда не видела динозавров с таким горбом.

Она глазам своим не могла поверить. И только когда животное оказалось совсем рядом, она поняла, в чем дело.

— Это он! — закричала Анна, и дикое ликование прозвучало в ее голосе.

Горбом на шее динозавра сидел Джонгор

— Быстрее, быстрее, ты огромный кусок бесполезного мяса! — кричал Джонгор. — Разве не видишь *теросов*? Двигайся, говорю! Хватит прохлаждаться. Ползи, давай. Сны закончились. Теперь мне необходима вся твоя сила и весь твой разум. Ползи! Давай, гусеница неповоротливая!

Когда Джонгор появился, *дино* спал среди деревьев. Он еще полностью не проснулся. Джонгор же не спускал взгляда с трех путешественников. Он знал, что они его видят. При виде огромного динозавра те явно испугались. А потом с удивлением уставились на самого Джонгора. *Теросы* приближались. Еще несколько тварей соскользнуло с вершин утесов, маневрируя, чтобы подольше удержаться в воздухе. Шанс на спасение был в том, что лишь немногим из них удастся долетать до желанной добычи.

— Бегите ко мне! — закричал Джонгор. — Или *теросы* схватят вас!

Джонгор решил прийти на помощь путешественникам по трем причинам. Во-первых, они были белыми, как и он сам. Но это оказалась всего лишь одной из причин. Более веской причиной стала девушка. Так или иначе, Джонгор не хотел видеть, как она умрет. Судьба двух других путешественников его не волновала. Один из них даже пытался убить его.

Но девушка напомнила Джонгору его мать, которую убили *теросы*. За это Джонгор возненавидел крылатых хищников. Существовала и третья причина. *Теросы* не должны были получить добычу в этот раз. Джонгор питал к этим тварям слепую, неудержимую ненависть. Ведь это они убили двух людей, которых любил Джонгор, — его родителей. Из-за птеродактилей вся жизнь Джонгора превратилась в сплошной кошмар. Он убивал их стрелами, совершал набеги на их гнезда, убивал их птенцов. Он устанавливал западни и хитрые ловушки, охотясь на них.

Если бы он мог, он бы перебил всех *теросов* во всем мире. Другими словами, все, на кого нападали птеродактили, автоматически становились друзьями Джонгора.

Один из *теросов*, который, очевидно, спал на выступе, когда путешественники проходили мимо, пробудился. Тварь посмотрела вниз. Три двуногих существа были слишком далеко. Кроме того, тварь видела Джонгара верхом на динозавре, и тот-то как раз находился в пределах досягаемости.

Осознав это она метнулась прямо к гиганту. Джонгор заметил приближение врага. Когда *терос* напал, динозавр уже окончательно выбрался из болота и шагал по твердому грунту.

— Это тебе, *терос*! — завопил Джонгор, выпустив стрелу. Она пробила сердце птицы-ящерицы, и ее полет прервался. Тварь рухнула на землю. — Быстрее! — скомандовал Джонгор *дино*. — Времени совсем нет. Мы должны спасти девушку и двух других, несмотря на то, что один из них пытался меня убить. Шевелись, вол-переросток.

И существо двинулось вперед еще быстрее.

— Это тот самый уродливый туземец! — задохнулся Варсей. — Он преследовал нас все это время верхом на этом динозавре.

— Как ему удается управлять этой тварью? — с сомнением поинтересовался оглушенный Гофер. — Тем не менее дикарь оседлал чудовище, и, похоже, оно слушает этого парня.

— Вот именно! — взвыл Варсей. — Он заманил нас в ловушку! Он ждал, пока птеродактили не отрежут нас от скал. А теперь он использует динозавра, чтобы перекрыть нам путь к спасению!

Гофер сжал винтовку покрепче.

— Может, он командует и птеродактилями? — продолжал завывать Варсей. — Может, это он натравил их на нас. Стреляйте!

— Если бы я был уверен... — нерешительно проговорил гид.

— Он преследует нас! — продолжал завывать Варсей. — Ты же стреляешь лучше. Пристрели его, и тогда у нас появится шанс спастись.

Гофер поднял винтовку. Прицелился, скользя мушкой за динозавром.

Меткость была одним из лучших качеств проводника. Даже оказавшись лицом к лицу со смертельной опасностью, когда каждая секунда может оказаться решающей, он не торопился стрелять. Осторожно положил он палец на курок.

Прогрохотал выстрел. Но пуля прошла мимо.

Анна Хантер услышала, как Варсей подначивает проводника вновь выстрелить. Но все происходило слишком быстро, так что она едва успевала проследить за происходящим. Девушка видела, как палец Гофера вновь лег на курок. Анна ударила по его винтовке, так что второй раз она выпалила в небо.

— Анна! — завопил Варсей. — Ты не понимаешь, что делаешь! Этот абориген хочет погубить нас! Этот туземный урод прискакал на чудовище, чтобы убить нас! Вон он на спине твари!

— Нет! — с ненавистью закричала девушка. — Разве вы не слышите, что он хочет помочь нам?

— Это всего лишь уловка, — настаивал на своем Варсей. — Если Гофер не будет стрелять в него, то я попробую попасть, — и он сам попытался прицелиться.

А через секунду Варсей уставился в дуло винтовки Анны.

— Опустите винтовку, Ричард Варсей, — приказала Анна Хантер. — Если ты этого не сделаешь, я пристрелю тебя, если это даже будет последняя вещь, которую я сделаю в своей жизни.

— Анна! Ты... Ты это серьезно?

— Говорю совершенно серьезно. То же самое касается и вас, Гофер. Если вы еще раз попытаетесь прицелиться, я выстрелю и в вас.

Ее голос звучал с таким надрывом, что, казалось, он вот-вот сломается. Она едва держалась на ногах, но было видно: она не изменит своего решения. Ее голубые глаза сверкали. Ясно было, что она в любом случае выполнит свою угрозу. Оба ее спутника сразу это поняли. Варсей замер. Гофер опустил свою винтовку.

— Сделаем, как скажите, мисс Хантер, — объявил проводник. — Но этот динозавр скоро будет рядом, да и птеродактили тоже.

Это была гонка — раскачивающиеся птеродактили с одной стороны и динозавр, несущийся вперед неуклюжими прыжками. Анна чувствовала, как при каждом шаге сотрясалась земля, она слышала крик наездника:

— Быстрее! Гони давай, червяк-переросток, или я забью тебе до полусмерти, когда все закончится.

Однако оглядываться времени не было. Анна замерла, не спуская взгляда с Гофера и Варсея. Да и *теросов* отсюда она отлично видела.

Одна из крылатых тварей оказалась почти рядом. Вскинув винтовку, Анна выстрелила поверх плеча Варсея. Ее пуля остановила тварь, но за одним чудовищем следовали другие.

— Обернитесь, вы, двое, и стреляйте по птеродактилям, — приказала девушка.

Ее спутники повиновались. Три винтовки разом выпалили. Но даже сквозь треск выстрелов Анна отлично слышала грохот шагов приближающегося гиганта. И еще она услышала свист стрел, летевших у нее над головой, увидела, как оперенные стрелы сеют смерть в рядах наступающих птиц-ящериц.

— Остановись, двоюродный брат земляного червяка, — раздался за спиной голос незнакомца. — Стой, я сказал! Все, достаточно.

Грохот лап динозавра стих. А потом незнакомец позвал.

— Эй, девушка, лезьте сюда, ко мне. Быстро!

Анна Хантер повернулась. Молодой бронзовокожий гигант, свесившись с шеи динозавра, протягивал ей руку.

В обычных обстоятельствах Анна Хантер побоялась бы близко подходить к огромному зверю. Но сейчас она не ощущала страха. Она бросилась к зверю. Джонгор поймал ее руку и затащил девушку на спину динозавра, словно та была маленьким ребенком. Только сейчас, оказавшись на спине чудовища, Анна Хантер смогла рассмотреть лицо своего спасителя. Серые глаза, коричневая кожа и правильные черты лица. Джонгор улыбнулся незнакомке.

— Спасите и тех двоих, — шепотом попросила она.

Джонгор заколебался. Гофер и Варсей перестали стрелять. Их взгляды метались от человека, восседающего на динозавре, до приближающихся птеродактилей.

— Эй вы, залезайте и садитесь позади меня, — приказал Джонгор.

У путешественников не осталось времени сомневаться или спорить. Джонгор выхватил их прямо из зубов теросов. Люди вжались в чешуйчатое тело динозавра, отчаянно борясь, чтобы удержаться на его спине.

— Теперь снова придется побегать, малыш, — объявил Джонгор. — Беги в болота, где эти твари не смогут преследовать нас.

«Малыш» моментально откликнулся. Он развернулся кругом, снося кусты и маленькие деревца, выворачивая камни из-под ног, и помчался в сторону болота. Он нес четверых с той же легкостью, что раньше нес одного. Вес людей был для этого гиганта не более веса блох.

Через пару часов огромный динозавр вышел из болота неподалеку от того места, где три авантюриста вошли в долину Затерянной земли. Утесы птеродактилей остались далеко позади. Все это время Анна Хантер непрерывно твердила про себя: «Я и в самом деле жива. Собралась умирать, но не умерла. Я в самом деле жива. Он снова спас нас».

Под «он», естественно, подразумевался Джонгор. Свою винтовку она закинула на плечо. Обеими руками она крепко вцепилась в складки кожи животного, чтобы не свалиться со спины грохочущего динозавра.

— Остановись, малыш, — приказал Джонгор. — Мы уже отъехали достаточно далеко.

Животное остановилось. Джонгор соскользнул на землю, потом помог спуститься Анне. Варсей и Гофер, словно два чучела с крыши сарая, кувыркаясь, скатились со спины динозавра.

— Я... Я не знаю, как вас благодарить, — пробормотала Анна Хантер, рассматривая молодого гиганта, башней возвышающегося над ней. Только сейчас она поняла, что ее спаситель настоящий гигант. Он был выше шести футов, а весил, наверное, фунтов двести. И ни унции жира — только мускулы и кости. Джонгор был великолепен, словно греческая статуя.

Импульсивно она опустила руки. Какое-то время она внимательно разглядывала лицо Джонгора. Она видела, что гигант полон сомнений. Казалось, он хотел что-то припомнить. Наконец, он широко улыбнулся и осторожно взял ее за руку. Пальцы Анны утонули в огромной ладони, но прикосновения незнакомца оказались очень нежными.

— Не стоит меня благодарить, — медленно проговорил он. Повернув голову он уставился на двух других путешественников, барахтающихся на земле у его ног. Под неотрывным взглядом Джонгора проводник поднялся и шагнул ему навстречу.

— Молодой человек, думаю, мы сделали ошибку, — медленно проговорил он. — Прошу нас извинить. Однако все выглядело так, словно вы... враг. Видимо, нам стоит попросить у вас прощения.

Джонгор еще раз смерил взглядом проводника. Он видел, что перед ним сильный человек, сталь, скрытая под плотью. Непонятно откуда, но Джонгор сразу понял, что ему еще предстоит столкновение с этим человеком.

— Не стоит извиняться, — ответил Джонгор. — Я все понимаю... Вы решили, что я тоже враг?

За спиной Гофера встал Варсей. Джонгор нахмурился. Он помнил, что именно этот тип стрелял в него, когда он помог отбить нападение аборигенов.

— Ты! — неожиданно воскликнул Джонгор, ткнув пальцем в сторону Варсея.

Тот побелел, словно смерть, попробовал заговорить, но сбился. Пошатнувшись, он отступил.

Анна Хантер все это время не сводила взгляда с лица Джонгора. Она сразу поняла, что он узнал Варсея. И разозлился. Анна робко коснулась руки гиганта.

— Варсей не хотел в вас стрелять, — попробовала объяснить Анна. — Он ужасно испугался, думал, что вы нападаете на нас. Так что стрелял он, не задумываясь...

Девушка отлично понимала всю напряженность ситуации. Сероглазый гигант, который только что спас их, уставился на Варсея. И лицо его кривилось от гнева, а так же от отвращения и презрения. То, что Варсей пытался убить Джонгора, объясняло гнев гиганта. Но отвращение и презрение? И тут у Анны зародилась безумная мысль: неужели эти двое виделись раньше? Но девушка тут же отбросила ее, как невозможную.

— Пожалуйста, — попросила она. — Знаю, вы рассержены, но Варсей не понял, что вы собираетесь нам помочь.

Джонгор вновь посмотрел на девушку.

— Что? Вы о чем... Я думал о другом... Не важно...

— О чем? — с сомнением спросила она. — Не понимаю...

Джонгор пожал плечами.

— Пустое...

Казалось, Джонгор решил изменить тему разговора. Анна была довольна. Только задав следующий вопрос, она

почувствовала, как напряженность спадает. Однако скрытая, неизвестная угроза все еще оставалась.

— Кто... Кто... вы? — спросила она. С самого первого момента, как она увидела бронзового гиганта, она хотела задать этот вопрос.

— Я — Джонгор.

— Джонгор? — девушка оказалась озадачена. — Это ваше имя? Как вы оказались в этой несчастной стране? И как вышло, что вы говорите по-английски?

Гигант усмехнулся.

— Я — Джонгор, — объявил он. — На самом деле меня зовут Джон Гордон, но в детстве я не мог выговорить оба слова. Так что я стал называть себя Джонгором. И теперь так и зову себя.

— Но...

— Я родился в этой долине, — добавил Джонгор, а потом кратко пересказал девушке свою историю.

Анна Хантер с удивлением слушала рассказ гиганта о его жизни в Затерянной земле, о смерти родителей, о почти непреодолимых трудностях, с которыми он столкнулся, пытаясь выжить. Она знала, что все, о чем он говорит, — правда, однако в глубине души она никак не могла поверить в рассказ гиганта. Для нее рассказ Джонгора звучал словно сказка. Ей казалось, что все происходящее — сон, кошмар, от которого она вот-вот пробудится. Однако Анна не была уверена, хочет ли просыпаться.

Джонгор стоял, прислонившись к левой ноге динозавра. Животное терпеливо ожидало.

—...вот и вся история, — закончил Джонгор. — Я родился здесь... здесь вырос. Иногда, как и в этот раз, я пробирался к краю пустыни, но ни разу не пытался пересечь ее. Знаю, где-то там есть иной мир, но я ни разу не пытался добраться до него. Для меня эти земли стали домом.

Динозавр неторопливо повернул голову. Джонгор нежно погладил его нос.

— Хочешь вернуться в свое болото? — поинтересовался гигант так, словно зверь понимал его. — Хорошо. Возвращайся в любимую трясину... Иди... — Он легонько хлопнул динозавра по ноге. Тот фыркнул, а потом медленно побрел прочь.

— Хм-м-м! — задохнулся Гофер. — Какой огромный зверь... каким образом вы контролируете его?

Непреднамеренно взгляд Джонгора метнулся к кристаллу в браслете, который он носил на запястье. Он хотел было что-то сказать, а потом снова взглянул на Гофера и передумал.

— *Дино* и я — друзья, — наконец нашелся он.

— Ложь! — взорвался проводник. — Тот динозавр тупой, как пробка! Даже если бы вы когда-то спасли ему жизнь, он бы этого не оценил. Такие понятия, как дружба, ему недоступны. С того самого мгновения, как я увидел вас верхом на этой твари, я стал ломать голову, как вы ей управляете. Теперь вы приказали динозавру уходить, и он вас послушался. Это лишний раз доказывает, что вы можете им управлять. Как вы делаете это?

Казалось, прежняя неприязнь вспыхнула в проводнике с новой силой. Он не спрашивал, а требовал от Джонгора ответа, настаивал на объяснении, как будто имел на это право.

Джонгор внимательно посмотрел на него.

— Да, я могу управлять *дино*, — наконец объявил он, словно придя к какому-то решению. — Но как это происходит. *Муриты*... Не могу объяснить.

— Вы должны объяснить! — настаивал проводник. — Это очень важно. Это может оказаться тем самым ключом, который я искал... — Он постарался взять себя в руки. — Это может оказаться очень важным для науки. Расскажите, в чем дело? Как вы управляете динозаврами? И это странное слово — «*муриты*»...

До последнего момента Анна Хантер не осознавала, насколько важно то, что сероглазый гигант, назвавшийся Джонгором, может управлять динозавром. А ведь контроль был столь совершенен, что, казалось, динозавр понимал каждое слово человека. С помощью такой методики модно было бы с легкостью обучить собак и лошадей. К тому же, Гофер был совершенно прав, когда сказал, что динозавр слишком глуп, чтобы его можно было чему-то обучить. Это животное — гора плоти, и ее интеллектуальные способности строго ограничены. И все же Джонгор управлял им, как порой охотник управляет собакой.

Было что-то сверхъестественное, таинственное в этом управлении, нечто столь же невероятное и странное, как и в том голосе, что звучал неоткуда — том голосе, что приказал аборигенам напасть на путешественников. Однако с тех пор путешественники голоса не слышали, и в свете того, что происходило, Анна совершенно забыла о нем.

Теперь же, провожая взглядом огромное существо, отправившееся к болоту, она вспомнила сверхъестественный голос, доносившийся ниоткуда. Страх холодными пальцами сжал горло.

— Я уже сказал, что не могу этого объяснить, — стоял на своем Джонгор. — Я это делаю с помощью кристалла, что ношу на своей руке.

— Что? — Гофер потянулся к запястью гиганта.

Джонгор провел рукой по орнаменту, однако не стал снимать с руки браслет.

Гофер шагнул вперед. Он бросил быстрый взгляд на кристалл, а затем с подозрением посмотрел на Джонгора.

— В этот раз вы не соврали, — пробормотал он, словно говорил сам с собой, однако настолько громко, чтобы его услышали остальные. — Вы сказали правду. Так или иначе, а эта кристаллическая штуковина позволяет вам управлять динозаврами. Но где и как вы раздобыли этот кристалл?

— Я его нашел, — ответил Джонгор.

— Нашел! — лицо проводника стало пунцовым от ярости. — Где?

Джонгор отодвинулся.

— Прежде чем я стану отвечать на ваши вопросы дальше, вы ответите на мои вопросы. Что вы делаете в этой долине? Зачем явились сюда? Чего вам тут надо?

— Я пришел сюда, потому что... — Гофер заколебался.

— Я объясню, — вмешалась Анна. — Мы прибыли сюда на поиски моего брата.

— Вашего брата?

— Да. Он и Варсей не так давно добрались до этой страны, но моего брата схватили туземцы. Варсею удалось спастись. Он вернулся, сообщив мне о судьбе брата. Если мой брат... где-то в этой долине, вы должны знать о нем. Вы видели его? Знаете что-нибудь о нем?

Джонгор видел тоску в лице девушки. Он отлично понимал те чувства, что испытывала она. Долгие годы он мечтал лишь о том, чтобы его родители оказались живы... Какое-то время гигант рассматривал Анну, а потом перевел взгляд на Варсея, который побледнел.

— Мне жаль, что ваш брат потерялся... — произнес Джонгор.

— Но вы видели его? — Девушка чуть ли не кричала.

— Это — большая долина, — задумчиво ответил Джонгор. — Я хорошо знаю лишь малую ее часть, — а потом вновь повернулся к Гоферу. — Девушка пришла сюда на поиски брата, а вот зачем явились вы?

— Это вы о чем? — с поддельным недоумением спросил Гофер.

— Почему вы явились сюда?

— Потому что...

— Он — мой проводник, — вновь встряла Анна.

Джонгор больше ничего не сказал. Его лицо казалось безразличной маской, лишенной эмоций. Вместо этого он указал на стену гор, окружавших долину.

— Там ущелье, через которое вы проникли в эти земли, — вновь заговорил он. — Дальше дорога легкая, и *теросы* не станут досаждать вам. Ни один *дино* не покинет болота, так что вы будете в полной безопасности.

— Хотите, чтобы мы ушли? — удивилась девушка.

— Нет, — покачал головой гигант. — Можете поступать, как вам заблагорассудится. Идите куда хотите. Но в этой долине вас ждет смерть. — Жестом он показал на болота и утесы.

— Вы имеете в виду...

Он словно читал ее мысли.

— Нет, я имею в виду не *теросов* и *дино*. Они опасны. Но в долине есть вещи в тысячу раз более смертельные. Опасность тут повсюду. Она в самом воздухе, который мы вдыхаем. Все, что я могу сказать: если хотите остаться жить, немедленно покиньте Затерянную землю.

— Но я не могу... — прошептала девушка. — Разве вы не понимаете? Я не могу уйти отсюда, пока не узнаю о том, что случилось с моим братом. Он может быть где-нибудь поблизости. Я не уйду, пока не узнаю, что с ним.

— Этот парень прав, — впервые вмешавшись, заговорил Варсей. — Лучше всего нам выбираться из этих мест как можно быстрее. Аборигены могут напасть на нас, но с ними, по крайней мере, у нас будет шанс. Разве я не прав, а, Гофер?

— Точно, — отозвался проводник. — И я бы вновь предложил вам, Анна. отказаться от ваших планов, я же останусь здесь и...

— Спасибо, — сказала Анна Хантер. — Я знала, что могу на вас положиться.

Джонгор молча слушал их спор. Он видел страх на побледневшем лице Варсея, видел, как дрожат его высокомерно поджатые губы. Однако он презирал этого человека не из-за того, что тот трусил, а по причине, известной лишь ему одному. Что же до Гофера, то гигант никак не мог понять причин, руководящих действиями этого человека...

Наконец Анна вновь повернулась к Джонгору:

— Мы остаемся, — объявила она. — Надеюсь, вы не возражаете?

— Не возражаю, — ответил он. — Но другие будут...

— О чем вы говорите? — с сомнением заговорил Гофер. — Что значит «другие»?

Но Джонгор ничего не ответил. На несколько секунд он, казалось, забыл о существовании проводника.

Путешественники и Джонгор стояли на открытом месте. С одной стороне вдалеке темнела полоса джунглей. С другой — горы тянулись к небу. Солнце уже почти скрылось за невысокой цепью холмов, и через болота и джунгли протянулись длинные тени. Приближалась ночь.

И... кое-что еще, кроме ночи. Джонгор, запрокинув голову, застыл, подобно статуе. Казалось, каждый мускул его тела напряжен. Он прислушивался.

Анна Хантер тоже замерла, обратившись в слух. Что-то хрюкало на болоте. Птица закричала оглушительно, недовольно, словно обиженная кем-то, а потом неожиданно замолчала. Со стороны джунглей налетел влажный ветер. Странно, но ветер был холодным. Неожиданно Анна вздрогнула. Тонкий завывающий звук разорвал тишину. Источник его пока находился очень далеко, и девушка не была уверена, что вообще что-то слышала. Но, судя по все-

му, источник звука приближался. Что бы это ни было, Анна попыталась уверить себя, что в это нет ничего страшного.

— Бежим! — неожиданно рявкнул Джонгор.

Он не стал ждать и смотреть, послушаются ли его путешественники или нет. Отлично зная, что должно случиться, он забыл, что путешественники ничего не знали о Забытых землях, незнакомы с невероятными опасностями этой долины. Его шаг был легким и таким широким, что ни один опытный путешественник даже бегом не мог поспеть за ним.

Джонгор сделал всего несколько шагов, когда понял, что путешественники не идут за ним. Гигант оглянулся через плечо. Троица с недоумением смотрела ему вслед. Они и не собирались никуда бежать.

— Бегите! — приказал гигант. — Вы — глупцы! Идет смерть!

Трое путников выглядели пораженными. Вначале они нервно оглядывались во все стороны, но ничего не увидев, уставились на Джонгора.

Скривившись от злости от очевидной глупости путешественников, Джонгор повернул назад. Прежде чем Анна поняла, что случилось, он подхватил ее на руки и забросил на плечо.

— Бегите или умрете! — закричал он остальным.

— Он знает, что делает, — пробормотал Гофер. — Будь я проклят, но лучше последовать за ним.

А Джонгор уже мчался под защиту ближайших деревьев. Там он присел, поджидая остальных.

— В чем все-таки дело? — пробормотал Варсей, скользнув под укрытие деревьев.

— Вибрирующая смерть, — ответил Джонгор. — Смотрите...

Анне Хантер показалось, что нечто происходит на том месте, где они стояли несколько минут назад. На первый взгляд это был всего лишь вихрь пыли, подпрыгивающий в воздухе. Больше всего вихрь напоминал миниатюрный торнадо. Воздух вокруг него дрожал, как порой дрожит от жары в жаркий летний день. Но, приглядевшись, девушка поняла, что это не просто пыль. Туман? К тому же он мерцал.

А потом на том месте, где совсем недавно стояли четыре человека, зашевелилась земля. Поверхность ее вздыбилась, камешки и песок полетели во все стороны. Девушка увиде-

ла, как песок начал танцевать в воздухе. Следом за ним от земли стали отрываться маленькие камешки.

— Только посмотрите! — услышала она приглушенный голос Гофера. — Валуны в воздух поднимаются!

Камни и в самом деле поднялись в воздух! Они скользили по кругу. Сначала они двигались медленно, но постепенно их скорость увеличивалась. Они неслись все быстрее и быстрее. Происходящее все больше и больше напоминало трубу торнадо. Именно от этого торнадо исходил гудящий звук. Гул постепенно становился все громче и громче. Послышался утробный рев.

— Земля трясется! — хриплым голосом прошептал Варсей.

Анна тоже чувствовала вибрацию земли под ногами. Почва под ногами словно ожила.

— Вот это мощь! — пробормотал Гофер. — Какая сила!

— Вибрирующая смерть! — пояснил Джонгор. — Все, к чему прикоснется этот вихрь, умирает.

— Откуда он взялся? В чем причина этого явления? Это действительно природное явление? — с тревогой поинтересовался проводник.

— Это...

— Посмотрите! Оно приближается! — заплетающимся языком произнес Варсей.

Вихрь начал двигаться. Он двигался по земле в сторону деревьев, где скрывались четыре человека. Джонгор посмотрел на небо.

— Вибрирующая смерть будет следовать за нами, пока окончательно не стемнеет. Если стемнеет быстро, то мы сможем убежать. Иначе... мы умрем! Бежим. Мы должны попробовать скрыться.

Вновь подхватив Анну, гигант легко побежал вперед, подальше от холмов. Местность тут была открытой. Он старался держаться на окраине джунглей, протянувшихся вдоль болота.

Анна слышала, как «торнадо» врезался в деревья. Послышался звук ломающихся ветвей, расщепляющейся древесины. Теперь звук напоминал рев, какой бывает, когда настоящее торнадо хозяйничает в лесу. Девушка, охваченная ужасом, посмотрела назад.

Листья, ветви и сломанные, перекореженные стволы кружились в безумном водовороте...

Анна Хантер бежала от невероятного торнадо, который медленно, но неотступно преследовал людей. Казалось, ночь никогда не наступит. За их спиной, в полутьме наступающих сумерек ревел торнадо крутящегося тумана. Девушка то и дело спотыкалась и падала, но каждый раз Джонгор помогал ей встать на ноги. Наконец гигант вывел путешественников в густую рощу. Очередной раз споткнувшись, Анна упала.

— Не могу идти дальше, — прошептала девушка. — Просто не могу. Но вы бегите. Спасайтесь.

Здесь, среди деревьев, тени сгущались быстрее. В сумраке Джонгор казался девушке всего лишь темной тенью. Однако Анна увидела, что в ответ на ее слова гигант покачал головой.

— Если вы не можете идти дальше, не пойду и я...

—...Но вы должны, — упрямо продолжала девушка. — Варсей и Гофер останутся со мной.

Варсей и Гофер без сил растянулись на земле в дюжине ярдов от девушки. Гигант бросил взгляд в их сторону.

— Сомневаюсь, что это сильно вам поможет, — кратко сказал он.

Девушка так устала, что страх для нее отступил на второй план. Среди деревьев ревел торнадо. Земля дрожала. Анна не смогла ничего сказать, а крутящийся вихрь был все ближе и ближе. Ее нервы были напряжены до предела.

— Эти люди — мои друзья, — хватая ртом воздух, пробормотала она.

— Варсей трус и слабак, — пробормотал Джонгор. — Вы должны посмотреть правде в глаза. Гофер — сильный человек, но он опасен, смертельно опасен. И они оба используют вас в своих целях, правда, они у них разные.

— Это... Это... невозможно, — Анна запнулась. — Варсей очень сильно нервничает. Он... он не совсем отвечает за свои действия. А в Гофере я совершенно уверена. Почему вы хотите настроить меня против моих друзей? — вспыхнула она. — В конце концов, я знаю их намного лучше, чем я знаю вас... Внешне выглядит все так, словно вы то и дело спасаете наши жизни, однако Варсей еще в самом начале высказал предположение, что это вы приказали аборигенам напасть на нас. Кроме вас ведь там никого не было.

Так что вы могли имитировать голос, идущий ниоткуда. Вы ведь могли управлять тем динозавром. Откуда мне знать, что вы не можете управлять птеродактилями?

Ее лицо казалось бледным, обезумевшим.

— Может, это вы приказывали им лететь вниз, на нас, а потом притворились, что явились спасать нас? Да, я знаю, что вы убили нескольких птеродактилей, да и нескольких аборигенов тоже. Но, возможно, вы достаточно хладнокровны, чтобы убить людей ради того, чтобы предать вес своим словам... Вы ведь выглядите и действуете подобно дикарю... — не могла остановиться Анна. — Откуда мне знать, что рассказанная вами история — правда? Откуда мне знать, что вы не подманиваете ту ужасную вещь, которая гонится за нами?

При этом Анна отчаянно жестикулировала. Джонгор стоял не двигаясь. Анна не могла ясно рассмотреть его лицо в сгущающемся мраке, но она знала, что он внимательно смотрит на нее.

— Девушка! — горечь звучала в голосе Джонгора... горечь и боль. — Вы не понимаете, о чем говорите. Я — Джонгор. Ручаюсь, мне совершенно безразлично, верите вы мне или нет. Вы можете верить во что угодно, как пожелаете...

Гигант был всего лишь тенью среди теней. Неожиданно он и вовсе растаял во тьме. И не было больше ни звука ломающейся древесины, ни шелеста листьев — никаких звуков. И сколько Анна Хантер не пыталась, она не могла разглядеть Джонгора.

— Джонгор! — позвала она.

Но ей никто не ответил.

С трудом ей удалось подняться на ноги.

— Джонгор! — с отчаянием в голосе позвала она. — Я не то имела в виду! Я очень устала. Я не хотела вас обидеть. Джонгор! Вернись!

Но Джонгор не возвращался. Он не отвечал. Бесшумный, как привидение, скользил он через джунгли.

— Дура я! — пробормотала себе под нос Анна Хантер. — Похоже, гигант говорил правду. Человек с таким взглядом не может врать... И я назвала его лгуном!.. Джонгор! Мне жаль. Я не то хотела сказать. Пожалуйста, вернитесь!

— Прекрати вопить! — цыкнул на нее Варсей. — Вы что, хотите, чтобы все знали, что мы здесь?

— Мне все равно! — огрызнулась девушка, слезы навернулись ей на глаза.

— В чем тут дело? — поинтересовался Гофер, подходя к ним.

Анна рассказала ему о том, что случилось. Гофер ничего не сказал.

— Рев-то почти смолк, — продолжал Варсей. — Знаете, готов поспорить, что наш абориген управлял тем странным вихрем.

Однако в чаще слышались странные звуки. Шуршал песок — высвободившись от объятий вихря, он скатывался по листьям растений. Земля под ногами перестала ходить ходуном. Где-то вдали стали падать камни.

— Он... не он... Кто-то, без сомнения, управлял тем торнадо, — заявил Гофер. — Он ведь гнался прямо за нами. И когда мы бежали, он следовал за нами. Это значит, что человек, который управлял им, видел нас. За нами следили.

Проводник ударил кулаком по стволу ближайшей пальмы.

— Есть какой-то великий секрет, сокрытый в этих землях, — взволнованно проговорил он. — Здесь используются научные знания, неизвестные нашему цивилизованному миру. Завтра начнем исследование этой долины. Мы раскроем все ее тайны...

Постепенно безумные пульсации, которые Джонгор назвал Вибрирующей смертью, исчезли. Наступила ночь. На небе загорелась Луна. Ее бледный свет высветил утесы, окружавшие Затерянную землю.

Анна Хантер и два ее спутника остались под защитой деревьев. Они не смели развести огонь из опасения, что это привлекло бы внимание хищников. Они бережно разделили запасы пищи, которые у них оставались.

— Мы должны постоянно находиться начеку, — продолжал Гофер. — Я возьму на себя первую вахту, до часу ночи. Потом разбужу тебя, Варсей. Дежуришь до утра. А вы, мисс Хантер, пока выспитесь, — любезно предложил он.

— Спасибо, — ответила девушка. — Я смертельно устала.

Она растянулась на земле между корнями огромного дерева. Однако, несмотря на усталость, сон не шел. Постепенно джунгли наполнились обычными звуками ночной жизни. Где-то далеко взвыл какой-то хищник. Анна решила, что это

один из динозавров, делающих эти земли поистине сверхъестественными.

Это земля была не только отделена от всего остального мира, но, похоже, затерялась во времени. Поэтому тут до сих пор царили дикие твари первобытного мира...

Да еще этот голос, звучащий из пустоты! Еще одна невероятная тайна. И этот сероглазый гигант, играющий с динозаврами. Анна все время думала о нем — спала и в то же время не спала...

Грохот винтовки Гофера разбудил ее. Анна села. Ее первая мысль была о том, что уже взошло солнце и наступил день. А все потому, что было светло. Она хорошо видела все окружающие предметы. Над деревьями сверкал огненный шар, который она в первый момент приняла за солнце. Потом ошеломленная Анна разглядела, что шар огня вовсе не солнце. Это был странный воздушный корабль. Он повис в воздухе и сверкал, словно колдовские огни. Именно из-за этого Анна в первый момент и решила, что уже взошло солнце. Его прожектора освещали джунгли, словно и в самом деле светило солнце.

— Что это? — задохнулась от изумления Анна. — Что случилось?

— Я не знаю, — скривившись, заметил Гофер. — Похоже, это судно прилетело за нами.

Он снова выстрелил. Анна потянулась к своей винтовке. К этому времени Варсей тоже зашевелился. Вскинув винтовку, он тоже пальнул вверх.

— Они не смогут добраться до нас! — закричал Гофер. — Судно не сможет приземлиться из-за деревьев. А вот если они станут бросать бомбы...

Проводник отступил на шаг и снова выпалил.

— Пошли! — приказал он. — Мы должны убраться с освещенного участка. Пока они могут видеть нас, мы в опасности. Бежим!

Все началось заново. Девушке казалось, что все, что она делает в этой Затерянной земле, — бежит. Она не подозревала, что одно из фундаментальных свойств, необходимых для выживания, — умение быстро бегать. В течение бесчисленных столетий людям ничего не оставалось, как только бежать. Джонгор сумел выжить, потому что умел хорошо бегать.

Теперь же бежать пришлось Анне Хантер. И не было ни времени, ни желания, чтобы задаваться вопросом, откуда прилетело волшебное воздушное судно. Девушка лишь поняла, что это удивительное сооружение, подобного которому она никогда раньше не видела. Судно неподвижно висело в воздухе, как не сумел бы ни один вертолет.

«Деревья спасут нас», — подумала она с радостью. Но, бросив вверх еще один взгляд, поняла, что судно висит настолько низко, что касается вершин деревьев. В его корпусе была открыта дверца, и из нее свисала вниз веревочная лестница. А потом странные тени отделились от суда, спускаясь в джунгли.

Анна загляделась на одно из существ. Его внешний вид ошеломил девушку. Незнакомцы напоминали обезьян-переростков. Не такие высокие, как человек, они казались более коренастыми.

— Этот корабль полон обезьян! — закричал Гофер. — Стреляйте по ним, быстрее!

Слишком поздно путешественники поняли, что джунгли не спасут их. Огромные деревья лишь облегчали спуск существам с судна.

Винтовки одна за другой изрыгали пламя. Одна из обезьян выпустила веревку и полетела вниз. Она была мертва. Но противников было слишком много. Еще несколько мгновений — и джунгли буквально кишели человеко-обезьянами. С каждой секундой они сжимали кольцо вокруг путешественников.

«Но как могли обезьяны построить летающий корабль?» — удивилась девушка.

— Настоящий кошмар... Наверное, мне все снится, — пробормотала она себе под нос. — Это не может быть правдой.

Но все так и было. Анна знала: все это — правда. И в этот раз у них не оставалось никакой надежды убежать. В прошлый раз их спас Джонгор, а сейчас...

Но Джонгора рядом не было. Она сама его отослала. Одна из обезьян прыгнула с дерева прямо на плечи Гофера. Проводник повалился на землю. То же случилось и с Варсеем.

Когда одна из «обезьян» направилась к ней, Анна увидела, что это на самом деле не обезьяна. На волосатых руках твари сверкали драгоценности. И еще... обезьяна носила одежду!

— Разумная тварь! — задохнулась Анна Хантер. Но это открытие ничуть не порадовало ее. Те твари, что захватили их, не были животными...

А потом Анна увидела то, что вызвало у нее настоящий приступ тошноты. Необычные существа имели хвосты. Это определенно были не люди. Нелюди — пародии на людей.

Когда существо уже готово было схватить Анну, она милостиво упала в обморок...

Когда Анна Хантер очнулась, мысленно она вернулась к тому моменту, когда на нее обрушилась мгла.

Она села и стала дико озираться. Она ожидала, что, придя в себя, окажется в лесу с существами, напоминающими обезьян, но все оказалось несколько иначе.

Анна была вовсе не в лесу. Ночь прошла. Через зарешеченное окно пробивался одинокий луч дневного света. Анна находилась во влажной, мрачной, тюремной камере со стенами, сложенными из огромных каменных блоков.

Варсей вытянулся на каменной скамье посреди комнаты. Голова его была обмотана какими-то грязными тряпками.

Гофер застыл в дверном проеме, украдкой поглядывая через щель в металлической двери. Одежда проводника оказалась сильно порвана. На голове у него красовалась огромная шишка, а лицо было в засохшей крови. Когда Анна зашевелилась, он повернулся и увидел, что она села.

— Вы в порядке? — с сомнением поинтересовался он. Спросил он машинально, небрежно, так что было видно: его больше интересует, что происходит за дверью, чем самочувствие девушки.

—Д-да... — ответила Анна. — Я... Я думаю, со мной все в порядке. Но где мы? Что случилось?

— Нас захватили приятели вашего дикого приятеля, — фыркнул Варсей.

— Вы подразумеваете Джонгора?

— А о ком я еще могу говорить? Мерзкий дьявол.

— Но ведь не он же послал за нами этих обезьян? — попробовала защитить гиганта девушка. — Он... Я сказала то, что ему не понравилось, и он ушел...

— И как только он ушел, появились обезьяны! — возмущенно заметил Варсей. — Вы не сможете убедить меня, что

это простое совпадение. Он играл с нами по каким-то своим причинам, а когда понял, что не сможет нас обмануть, послал за нами обезьян. Он — чудовище! Он только внешне напоминает человека. Он — не человек. Он выдал себя, когда признался, что может управлять тем динозавром. Ни один человек на такое не способен, и вы отлично это знаете...

Наконец Варсей сел. Его бородатое лицо скривилось — нечто среднее между гримасами страха и ненависти.

— Уверяю, Джонгор — чудовище. Настоящий урод от рождения. Он вырос в этом мире и обладает способностями, о которых мы не подозреваем.

— Но он говорит по-английски, — продолжала протестовать девушка. — А значит, он именно тот, за кого себя выдает...

— Это доказывает, что он читает наши мысли! — торжествующе объявил Варсей.

— Но... Но чтение мыслей невозможно.

— Откуда вам знать? — бросил он через плечо. — Динозавры и птеродактили тоже не существуют, но вы должны признать, что они реальны... Джонгор, без сомнения. может читать наши мысли. Именно поэтому нам и казалось, что он говорил с нами по-английски. Когда мы вступили в Затерянную землю, он увидел нас. Он не хотел, чтобы мы находились в этих землях, но прежде чем уничтожить нас, хотел узнать, что нам тут нужно... Так что он попробовал сначала задружиться с нами, чтобы выяснить, почему мы прибыли сюда, чего хотим. А после этого все... каюк. Он прожил Ббог знает сколько времени в этих Богом забытых краях. Может, он и вовсе бессмертен. Но если вы спросите меня, что он может сделать с нами, я отвечу вам честно: я не знаю. Но все же могу предполагать! Наверняка это он создал эту новую расу — людей-обезьян, да и летающую лодку в придачу. А теперь он хочет использовать их, чтобы захватить Землю. Я твердо убежден, что он — самая опасная тварь в этом мире. Что до нас, то надо попробовать уничтожить его, прежде чем он убьет нас!..

Ужасные сомнения зародились у Анны Хантер, пока она слушала Варсея. В том, что он говорил, в самом деле была логика. В конце концов, что они знали о Джонгоре? Только то, что он им сам рассказал. Все, что говорил Варсей, могло оказаться правдой. Джонгор мог ведь и солгать им. Он

мог играть с путешественниками, как кот играет с мышами. Несмотря на его внешность, он не мог быть обыкновенным человеком. Может, это и в самом деле безумный урод, порожденный Затерянными землями.

— Но, даже если он урод, у него ведь должны быть родители, — заметила девушка. — К какому племени он принадлежит?

— Думаю, что смогу ответить на ваш вопрос, — вмешался Гофер. — Обезьяны, захватившие нас, легко могут оказаться его родным народом, — продолжал проводник. — Очевидно, давным-давно в прошлом тут, в Затерянной земле, обитала развитая раса... Когда обезьяны схватили нас, я не терял сознания. Они подняли нас на борт судна и полетели над болотом, пересекающим долину... Когда они стали приземляться, в свете Луны я разглядел строения, которые когда-то были частью гигантского города. Он протянулся на много миль во все стороны. Когда-то там были большие каменные здания, широкие улицы. Теперь все превратилось в руины. Деревья растут прямо посреди улиц. Многие здания обвалились... Обрушившиеся огромные колонны напоминают колонны в храме Карнака в Египте. Судя по всему, раса строителей давным-давно исчезла или деградировала. А может, это была раса не людей, но очень разумных созданий. Тогда можно предположить, что они не вымерли окончательно... Возможно, они стали вновь развиваться, и Джонгор — их отродье.

— Прислушайтесь, — посоветовал Варсей. — Гофер знает, о чем говорит.

Девушка ничего не ответила. Может, их пленил народ Джонгора? Или гигант — своего рода урод? Может, в поисках брата она попала в земли, обитатели которых выступают против всей человеческой расы?

Гофер снова повернулся к двери.

— Кто-то идет, — тихим и зловещим голосом объявил он.

Из коридора послышались звуки — шаги босых ног по каменному полу. При этом звуки шагов нескольких человек складывались в определенный ритм, словно те маршировали. По крайней мере, так показалось Анне Хантер.

Резко прозвучала команда, и марширующие разом остановились. Засов, запиравший дверь, со скрежетом вышел из скоб.

Дверь открылась. Один из человеко-обезьян вошел в комнату. Он резким голосом отдал пленникам какой-то приказ, но говорил он на языке, которого Анна Хантер не знала.

— Язык чернокожих, — прошипел Гофер. — Он сказал: «Рабы, преклоните колени перед Алканом, который отведет вас к Величайшему из царей, дабы он свершил правосудие».

И, подавая пример остальным, проводник опустился на колени. Варсей соскользнул с каменной скамьи и встал на колени рядом с проводником. Но Анна Хантер была слишком поражена происходящим, чтобы повиноваться. Она смутно припомнила, что читала где-то о варварских народах, вынуждающих пленников ползать перед ними, вымаливая жизнь. В глубине души она считала, что на Земле все подобные традиции остались в далеком прошлом. Приказ человеко-обезьяны поразил ее. Так поразил, что Анна не смогла даже пошевелиться.

— На колени! — прошипел Гофер.

— Не буду, — упрямо пробормотала девушка, вызывающие глядя на существо, назвавшее себя Алканом.

Он был чуть выше других обезьяно-людей, столпившихся в коридоре, и к тому же не столь волосатым, как остальные Отсутствие волосяного покрова более чем восполняли украшения с драгоценными камнями. Они покрывали все его руки и грудь. В любой цивилизованной стране они стоили бы целого состояния.

В отличие от остальных обезьяно-людей Алкан носил рваную набедренную повязку. В одной руке он держал посох, который, очевидно, был знаком его положения, в другой сжимал кончик собственного пышного хвоста, кисточкой которого щекотал себе подбородок. Позже Анна узнала, что среди соотечественников Алкана его хвост считался самым красивым и пушистым. Сам же Алкан невероятно гордился им.

Но в данный момент Анна была больше обеспокоена тем, что увидела в глазах странного создания. Обезьяно-человек рассматривал ее... одобрительно. Его черные глаза похотливо поблескивали. И хотя Анна не повиновалась приказу, в глазах Алкана не было гнева. Вместо этого Анна прочитала там кое-что более ужасное. Неожиданно осознав, что ее рубашка порвана, а узкие бриджи четко очерчивали ее гибкое тело, девушка отодвинулась.

Алкан, обойдя двух путешественников, преклонивших колени, направился прямо к Анне.

— Отойди, — прошептала девушка.

Она поднялась с каменной скамьи, которая служила ей кроватью, и встала лицом к Алкану.

— Не шагу дальше, — хрипло объявила Анна. — Держитесь подальше от меня. Не смей меня касаться.

Тем не менее Алкан подошел к пленнице почти вплотную. Шаг за шагом девушка отступала, пока не уперлась спиной в стену. Дальше отступать было некуда.

Но Алкан так и не коснулся ее. Когда он протянул руки и крик уже готов был сорваться с губ Анны, обезьяночеловек словно вспомнил о чем-то и, повернувшись посмотрел на своих спутников, столпившихся у дверей.

Они же в свою очередь неотрывно следили за каждым его движением. Алкан быстро отступил подальше от девушки, и она поняла: все, что спасло ее сейчас, — присутствие свидетелей.

Анна дрожала всем телом. Алкан мог ведь прийти снова, и без своих людей. Что она тогда станет делать?

Тем временем Алкан вновь пролаял какой-то приказ.

— Он говорит, что мы должны идти, чтобы предстать перед Великим Царем, — перевел Гофер.

Путешественникам разрешили подняться с колен. А потом они двинулись по длинному извилистому коридору. Анна держалась между своими спутниками — сомнительная защита. Алкан шел впереди, а его воины окружали их со всех сторон. Наконец они вошли в зал, который, судя по всему, в прошлом был настоящим произведением искусства — огромный зал с рядами каменных колонн, возвышающихся по обе стороны. Потоки солнечного света, пробивающиеся через ниши в стенах. Удивительное место — светлое и красивое. Только невыразимо грязное. Полы были украшены мозаикой, но мозаикой разрушенной, покрытой слоем многолетней грязи. Да и сам воздух казался липким, вонючим.

На троне в дальнем конце зала, окруженный подлизами и подхалимами, сидел Великий Царь — старый, скрюченный обезьяно-человек со слезящимися глазами. Он то и дело моргал, пытаясь стряхнуть слезы.

— На колени и ползите! — перевел Гофер очередной приказ Алкана. — На колени в присутствии Великого!

На этот раз и Анне Хантер пришлось опуститься на колени. Но в глубине сердца она была рада. Вот она и оказалась лицом к лицу с правителем этих невероятных существ.

И это был не Джонгор.

Когда Алкан сказал, что они должны предстать на суд царя, Анна отчаянно испугалась, что это сероглазый гигант будет взирать на нее с высоты царского трона. Трон оказался таким, как она его и представляла, вот только Джонгора на нем не было. Кем бы там ни был этот Джонгор, к обезьяно-человекам он никакого отношения не имел. Варсей и Гофер ошиблись. Не Джонгор был правителем обезьян-человеков.

Или все же был? Может, это чудовище со слезящимися глазами — марионетка Джонгора? Может, сероглазый гигант специально держится в тени и тянет за нити, управляя марионетками безумной долины?..

Когда пленники подползли поближе, царь со слезящимися глазами очень разволновался. Особенно его взволновало появление девушки. Двое стражей подхватили Анну под руки и швырнули ее к ногам царя. Потом они несколько раз протащили ее перед троном, словно она была моделью, демонстрирующей одежду перед группой предполагаемых покупателей.

Стражи вынуждали Анну поворачиваться, двигаться медленно. Девушка вынесла это испытание, не вздрогнув хотя все внутри ее трепетало, стоило ей только подумать о причине подобного представления.

Что если они предлагали ее этому ужасному царю в качестве наложницы гарема, а в том, что у этого царя есть гарем, Анна не сомневалась. В Древнем мире девушки-рабыни продавались на рынке, и беспомощные девы вынуждены были демонстрировать свои прелести перед предполагаемыми покупателями.

Не это ли было целью парада? Стражи определенно демонстрировали ее прелести, чтобы царь смог решить, действительно ли он хочет ее? Лицо Анны побелело от напряжения.

«Я умру, прежде чем он коснется меня!» — сказала она себе.

Исподтишка Анна наблюдала за лицом царя — глазки-бусинки, блестящие от похоти широко раскрылись. Царь кивнул, а потом что-то быстро заговорил на своем языке. Девушка не понимала этой речи. Охранники у трона лишь усмехались и облизывали губы. Независимо от того, каким было решение царя, они поддерживали его. «Алкан выглядит разочарованным,— подумала Анна. — А остальным, похоже, все это нравится».

Анна краешком глаза взглянула на Гофера, но проводник, растянувшийся на полу, украдкой разглядывал зал и не обращал никакого внимания на правителя.

Тем временем девушку вновь подтащили к путешественникам, поставили на колени, и теперь все трое вынуждены были отползти от основания возвышения, на котором стоял трон. После Алкан и стражи вернули путешественников в их темницу.

Сердце девушки безумно колотилось в груди. Что собирались сделать с ней эти твари? В самом ли деле ее собирались обесчестить? Этот вопрос не давал ей покоя. А ведь Гофер слышал то, что сказал царь. Он знал, какая участь им предназначена.

— Скажите мне, что решил царь? — прошептала Анна, обращаясь к проводнику. — Что они собираются делать со мной?

Но Гофер был слишком возбужден, чтобы обратить внимание на ее вопрос.

— Теперь я знаю, как зовется эта раса обезьяно-человек, — проговорил он. — Я должен был сразу понять, когда у Джонгора проскользнуло это словечко — «*муриты*». Но точнее я бы назвал их «*мурийцы*». Они — колония той расы, чьи земли тысячи лет назад погибли, скрывшись под водами Тихого океана. Быть может, та же самая катастрофа, что погубила их земли, воздвигла новые горы и изолировала Затерянную землю. Эта колония так и осталась здесь. Шли столетия, и существа вырождались и физически, и ментально. За прошедшие десятки тысяч лет город успел разрушиться, и цивилизация едва не погибла... Но они все еще сохранили часть науки предков — воздушный корабль, вихрь, который Джонгор назвал Вибрирующей смертью, голос, звучащий из

пустоты. Они — *мурийцы*, — без сомнения. У них хвосты, а значит, они и есть то недостающее звено, которое так долго искали ученые всего мира. А нашел их я... Я, Гофер, наконец преуспел...

Неожиданно проводник замолчал, с интересом уставившись на своих спутников. Он был сильно взволнован, Анна Хантер никогда не видела его раньше в таком состоянии. К тому же его слова не то что вовсе ничего не значили для девушки, но в целом звучали совершенно бессмысленно. Какое значение имело то, что эти твари — потерянное звено? Что из того, что они колония вымерших *мурийцев*? И при чем тут их наука? Анна Хантер хотела знать лишь одно: что собирался сделать с ней царь обезьяно-человек.

— А это... — отмахнулся он, словно вопрос Анны не имел никакого значения. — Он сказал, что они, наконец, нашли деву, которая подойдет Светлому богу. Теперь вы станете их высшей жрицей.

Анна буквально задохнулась от облегчения.

— Я думала... я боялась... что мерзкий царь захочет забрать меня в свой гарем!

— Нет... Ничего подобного, — заверил ее Гофер. — Он сказал, что вы станете невестой Светлого бога.

— Что он имел в виду? Кто такой — «светлый бог»?

— Они поклоняются солнцу. Следовательно, их бог — Солнце. Поклонение солнцу — одна из самых древних религий человечества. Естественно, что эти дикари придерживаются старинной веры. Это логично.

— Солнцепоклонники! — девушка вздохнула с облегчением. — Я стану высшей жрицей Солнца? — Ее голос звучал очень напряженно. — Если это все, что должно со мной случиться, можно не бояться. Я опасалась, что случится что-то худшее.

Гофер с любопытством посмотрел на девушку. Впервые с момента пленения Анна привлекла его пристальное внимание. И то, что девушка прочитала в его взгляде, вновь вызвало у нее приступ страха.

— Вы что-то недоговариваете, — решительно объявила она. — Вы не все сказали. Что такое невеста Светлого бога? Что со мной будет?

Гофер явно не хотел говорить. Он попробовал уклониться от ответа. Но девушка настаивала.

— В любом случае вы должны мне сказать, в чем дело, — сказала она, пытаясь скрыть волнение. — Я справлюсь. Только скажите, что со мной будет. Ваша нерешительность пугает меня...

— Это означает, что вас принесут в жертву Солнцу, — медленно проговорил Гофер.

«Жертва Солнцу!» — эти слова эхом звучали в ушах Анны Хантер. В один миг она перенеслась в Древний мир, в те времена, когда приносились человеческие жертвы, чтобы умиротворить сердитых богов. И теперь выходило так, что ее должны были принести в жертву на алтаре Солнца. Вот почему *муриты* несколько раз протащили ее к трону царя! Это сделали для того, чтобы монарх смог определить, достаточно ли Анна красива, чтобы стать невестой их бога. А Анна Хантер, бесспорно, была красива. Роскошный экземпляр. И теперь, похоже, ее красота и здоровье станут причиной ее смерти!

Темница поплыла перед глазами Анны Хантер. У нее закружилась голова, и она облокотилась о стену, чтобы не упасть. Она едва ли поняла, что дверь темницы открылась. Только когда она увидела *муритов*, столпившихся у входа, она поняла: «Что-то происходит». Она слышала их голоса.

— Они пришли, чтобы подготовить вас к браку с их богом, — перевел Гофер. — Несколько дней они будут праздновать вашу свадьбу. Вас оденут в лучшие одежды, тело ваше натрут лучшими мазями. О вас станут заботиться, как о царице. Вам будут прислуживать рабы. Невеста Солнца не должна ни в чем нуждаться.

Однако Анна была слишком слабой, чтобы идти самостоятельно, и *муритам* пришлось силой вывести ее из темницы.

Последующие дни для Анны Хантер, заполнил все нарастающий ужас. Никакого физического насилия. Люди-обезьяны немедленно выполняли любое ее желание, если оно было по силам дежурным слугам. Прислуживали ей самки *муритов*. Подобно мужчинам, они имели хвосты. Они обращались с Анной с огромным уважением. И что самое удивительное, завидовали Анне, потому что она — невеста бога, в то время как они оставались простыми смертными!..

В разрушенном городе не прекращался пир. Каждый день Анну показывали гулякам как девушку, которая должна была стать невестой бога Солнца. День жертвоприношения должен был превратиться в гигантский фестиваль. Много лет *муритам* было не найти никакой девы для своего бога, а теперь, когда они нашли одну, выпал случай для многодневного пира.

Однако Анна Хантер все время дрожала от страха. Она все время высматривала возможность убежать. Но случай никак не представлялся. Тогда она стала высматривать случай, чтобы украсть кинжал и покончить с собой. Но ее стражи были очень внимательны.

Анна не видела ни Варсея, ни Гофера. Сначала она надеялась, что они помогут ей убежать. А потом поняла, что их держат в той же темнице заключенными. Или их уже убили? Она попыталась расспросить своих стражей, но те не понимали ее. Или делали вид, что не понимают.

Алкана она видела много раз. *Мурит* всякий раз с жадностью пожирал девушку взглядом, щекоча себе подбородок кончиком хвоста. Несколько раз она замечала его похотливые взгляды. Алкан хотел ее. Она это знала. Но ее собирались преподнести их богу, и *мурит* не досаждал ей.

Анна много думала о Джонгоре. Несмотря ни на что, ей иногда начинало казаться, что вот-вот появится сероглазый гигант и спасет ее. Но шли дни, а Джонгор так и не появлялся. Ее надежды на счастливое освобождение постепенно таяли и, наконец, умерли...

Жертвоприношение Солнцу должно было состояться в полдень. Пришла последняя ночь для Анны! Завтра она должна была умереть!

В городе шел пир — великий пир, который устроил царь, пока слуги готовили Анну Хантер к праздничной церемонии. Кто-то то и дело пробегал по своим делам по коридорам за стенами ее палат. Алкан зашел к девушке на пару минут, еще раз оглядел ее и ушел. И только тогда Анна поняла, что бесполезно надеяться на спасение. Бледная, не сопротивляясь, она позволила слугам искупать и одеть себя. Потом, как она поняла, появился посыльный, сообщивший, что ей пора пройти к столу царя и принять участие в празднестве.

Анна вышла в коридор. Спереди и сзади шли стражи. Чем ближе она была к пиршественному залу, тем громче становились звуки пира.

Неожиданно раздался выстрел — стреляли определенно там, где шел пир. Сердце девушки сжалось. Выстрел из винтовки! Что это могло значить? У путешественников винтовки отобрали еще в ту ночь, когда *муриты* захватили их. Люди-обезьяны не имели такого оружия. Кто мог стрелять из винтовки здесь, в этих затерянных землях?

Винтовка заговорила снова, выпалив через несколько секунд после первого выстрела. Затем раздался третий выстрел.

Нет, этот звук невозможно было ни с чем спутать! Кто-то палил из винтовки. Что это значило?

Шум пира стих. Наступила тишина. А потом один из *муритов* закричал резким голосом. А потом завопили и другие.

Толпа обезумевших *муритов* выкатилась из пиршественного зала. Сначала Анна подумала, что они собираются на кого-то напасть. А потом поняла — они бегут! Они боролись друг с другом, чтобы побыстрее вырваться из зала. Одни побежали прямо на Анну и ее стражей, другие — в противоположном направлении. Некоторые, выскочив из зала, бросились к окнам и через них перебирались на деревья во дворе.

За время плена Анна Хантер узнала несколько слов из языка *муритов*. Она разобрала то, что кричали, убегающие человеко-обезьяны.

— Царь мертв! — кричали они. — Царь был убит! Гром прибыл и убил царя!

Кто-то стрелял в царя! Кто-то с винтовкой проскользнул в банкетный зал и во время пира убил царя! Кто же мог это сделать? В глубине сердца Анна надеялась, что это — Джонгор. Он где-то раздобыл винтовку, а потом прокрался в залу и убил царя. Разве такое возможно?

Девушка присела, прислонившись спиной к стене. И вот из тронной комнаты вышел... Ричард Варсей. И в руках у него была винтовка.

Это он стрелял. Он убил царя и спас ей жизнь. Ричард Варсей — тот, кого она презирала, считая слабаком и трусом; тот,

кому она не доверяла, так или иначе сумел выбраться из темницы, где сидел, а теперь он спасет ее... и она не станет невестой бога солнца! Анна бросилась к своему спасителю.

— Дик! Слава Богу, вы сумели сбежать вовремя! Пойдем! Давайте уйдем отсюда, прежде чем эти существа оправятся от паники.

Она так обрадовалась, увидев Варсея, что едва не поцеловала его. Напряженность и страх, сковывавшие душу девушки много дней, отступили. Не в силах сдержаться, она начала плакать. Но это были слезы счастья и облегчения. Теперь она в безопасности! Ей не придется завтра в полдень подниматься на алтарь, чтобы умереть на голом камне перед толпой обезьяно-человек, обезумевших от жажды крови. Она была в безопасности!

— Дик, мне так жаль, что я не доверяла вам! Пожалуйста, простите, — попросила Анна. — А теперь бежим, пока у нас еще есть шанс.

Однако Варсей никуда не торопился. К тому же он старался не смотреть в глаза девушке.

— Тут нет никакой опасности, — наконец выдавил он. — Когда я пристрелил царя, *муриты* так испугались, что теперь их не остановить. Мы в безопасности.

— Но как вам удалось выбраться из темницы? И где Гофер?

— Не знаю, где он, — уклончиво ответил Варсей. — Они разделили нас вскоре после того, как вас увели.

— Но как вам удалось освободиться? Я перепробовала все способы, но за мной внимательно наблюдали.

— Мне помогли, — признался Варсей.

— Помогли? Вам помог Джонгор? Он пробрался в темницу и освободил вас? — с нетерпением спросила девушка.

— Нет, это был не Джонгор.

Только теперь Анна заметила, что Варсей избегает смотреть ей в глаза. И его ответы звучали слишком уклончиво. Внезапно холод испуга вновь сковал девушку.

— Дик? — обратилась она к нему дрожащим голосом. — Все в порядке?

Но прежде чем Варсей успел что-то ответить, из дверей, ведущих в пиршественный зал, вышел *мурит*. Это был Алкан, и его сопровождали воины. Быстрым шагом он направился к

путешественникам. Анна сразу же узнала его. Она громко закричала, и ее крик эхом разнесся среди руин:

— Дик! Они у вас за спиной! Стреляйте! Быстрее!

Однако Варсей и не думал брать Алкана на прицел. А человек-обезьяна подходил все ближе и ближе. Лицо его расплылось в победной улыбке.

— Стреляйте! — закричала Анна.

Однако Варсей не двигался. Пугающая догадка поразила девушку в самое сердце. То, что сейчас происходило, было неправильным, ужасным. Отказ Варсея стрелять объяснил ей все. Да и манера поведения Алкана лишь укрепила подозрения девушки. *Мурит* очень торопился. Он смотрел на Анну.

Он попытался схватить ее, но девушка отскочила в сторону.

— Дик, защити меня! — попросила она.

Варсей отпихнул девушку к *муриту*.

— Вот она, — объявил он. — Берите ее. Я же обещал вам, что, если вы освободите меня и найдете мою винтовку, я пристрелю вашего царя. Теперь вы — царь. И к тому же вы получите девчонку. Как видите, я выполнил условие нашей сделки. Царь мертв. Вот девчонка.

Так вот как Варсей «сбежал», и вот почему он так легко нашел винтовку! Он сговорился с Алканом убить царя *муритов*. И если первая часть заговора удастся, Алкан получит Анну Хантер.

— Вы — настоящий дьявол! — прошипела девушка. — Вы — жалкий трус!

Варсей испугался огня вспыхнувшего в глазах Анны.

— Это — единственный способ спасти вашу жизнь, — пробормотал он.

— Нет, чтобы спасти вашу собственную жизнь... Вы это подразумеваете? Вы — крыса! Если бы у меня было оружие, я бы тебя убила. А я предпочитаю смерть объятиям Алкана. Слышите!? Я предпочла бы стать невестой Солнца, чем стать наложницей нечеловеческой твари. А вы... Вы отдали меня этому уроду!

Холодный, ожесточенный гнев звучал в ее голосе. И страх. Анна ведь на несколько минут подумала, что в безопасности. Она думала, что Варсей спас ее. А все оказалось совсем не так. Он ее предал...

Хрипло взревев, Алкан прыгнул к девушке. Сжав кулак, Анна изо всех сил ударила обезьяно-человека. Удар пришелся *муриту* точно по носу. Алкан замер, заморгав от неожиданности. Ничего такого он не ожидал. Этот удар буквально потряс его. *Мурит* качнулся на пятках и потерял равновесие...

... и упал. Прежде чем он смог подняться на ноги, Анна Хантер повернулась и со всех ног помчалась по коридору. В конце его была дверь. Анна распахнула ее и нырнула в хитросплетение ночных теней. Алкан и его стража бросились за ней следом.

На рассвете Анна Хантер была в нескольких милях от города *муритов*. Она спустилась со стены, окружающей город, и теперь пробиралась через джунгли.

В течение ночи смерть несколько раз была в нескольких дюймах от девушки. С первыми лучами рассвета Анна, вскарабкавшись по крутому склону, выбралась на скалу, возвышающуюся над зловонными болотами. Теперь она оказалась на высоком выступе над джунглями. Ей нужно было отдохнуть, прежде чем отправиться дальше.

Задыхаясь, она присела у края скалы. Слева в нескольких милях раскинулись руины города, откуда она только что сбежала — груды камней, которые некогда были особняками, в свете поднимавшегося солнца больше всего напоминали кости мертвого гиганта. Какое-то время Анна рассматривала джунгли, пытаясь обнаружить преследователей. За ней гнались, это она знала, но удалось ли ей сбить преследователей со следа? Что-то двигалось в джунглях, но со скалы Анна не могла определить, был ли это человек или животное. Что-то двигалось прочь от города *муритов*, но двигалось как-то странно. У Анны сложилось впечатление, что создание или ранено, или сильно истощено... Однако вскоре оно исчезло из поля зрения.

Однако независимо от того, кто это был, двигался он в другую сторону.

А потом Анна заметила и своих преследователей *муритов*! По крайней мере, дюжина обезьяно-человек вышли из джунглей. Они шли, словно псы, по следу раненной добычи. С ними были Алкан и Варсей. Они нашли то место, где Анна вылезла из болота и начала карабкаться на скалу. Заверещав, они прибавили шаг.

Девушка с трудом поднялась на ноги — она очень устала. Она находилась на скале, и на камне не осталось никаких следов. Теперь *муриты* смогут преследовать ее, если только они сродни животным и чуют жертву по запаху. Начав двигаться по выступу, она остановилась потрясенной.

С той стороны, куда она собиралась идти, были хищники — птеродактили. Двое из них парили воздухе, направляясь прямо к Анне. Другие уже лезли на скалы. Птеродактили! Бессознательно Анна выбралась на утесы, где обитали птицы-ящерицы. Пути к спасению оказались отрезаны. Ей оставалось лишь выбрать смерть от лап чудовищ или в объятиях Алкана.

Утомление и усталость отразились на лице Анны. Она прибыла сюда в поисках брата, но вместо этого нашла смерть. В глубине души она уже сделала выбор. Без колебания подошла она к краю уступа. Ее губы двигались в безмолвной молитве. Где-то внизу по камням топали сотни ног.

Для Анны смерть была предпочтительнее Алкана. Смерть была чиста. Девушка приняла решение и шагнула к краю уступа. Смерть ждала ее на камнях подножия утеса.

— Вы никогда не получите меня! — закричала Анна. — Никогда! Никогда!

Она уже готова была сделать последний роковой шаг. Ее нога повисла в воздухе. Она начала падать.

И в этот момент она услышала хруст за своей спиной. Неожиданно ее желание умереть растаяло как утренний туман.

— Девушка! Не делайте этого!

Отчаяние и ярость прозвучали в этом голосе. Анна обернулась. Вид человека, шагнувшего к ней, заставил ее попытаться восстановить равновесие. Неожиданно она поняла, что не хочет умирать.

Но было слишком поздно. Она падала с края пропасти.

И в тот же миг стальная рука обхватила ее за талию. В этой руке была огромная сила. Девушка чувствовала вздувшиеся стальные мышцы. На мгновение, когда она почувствовала, что висит над бездной, ее охватил ужас. Все замерло: невероятная сила гиганта боролась с ее весом.

И мускулы победили. Победили! Анну подняли в воздух и поставили назад на край выступа.

— Девушка! — осуждающе начал Джонгор. — Вы собирались броситься с утеса и сделали бы это, если бы я вас не остановил...

Именно Джонгор пришел ей на помощь в последний момент, и теперь Анна Хантер утонула в его объятиях, пытаясь восстановить дыхание.

— Где... Откуда вы взялись? — с удивлением пробормотала она.

Лицо сероглазого гиганта было совершенно серьезно.

— Жаль, что тогда я ушел и оставил вас. Понимаю, вы не знали, можно доверять мне или нет. Эти двое, что путешествовали вместе с вами... Вы думали, что это они ваши друзья, а не Джонгор. Когда я вернулся, было слишком поздно. Я нашел место, где вы разбили лагерь. Следы на земле и в нижней части кроны деревьев рассказали мне о том, что случилось. *Муриты* поймали вас. Когда я увидел, как вы карабкаетесь по склону этого утеса, я поспешил вам на выручку, — и Джонгор широко улыбнулся.

Неужели он говорил правду? Выражение его лица, его взгляд говорил, что все так и есть.

— Но почему вы пробовали меня спасти? — с сомнением поинтересовалась Анна Хантер. — Почему вы только теперь решили рискнуть жизнью, чтобы спасти мою?

Сероглазый гигант пожал плечами. Он ответил лишь после долгой паузы.

— Я одинок, — спокойным голосом объявил он. — С тех пор как погибли мои родители, я был одинок. Я играл с *дино*, боролся с *теросами*, прятался от *муритов*. Я жил на болотах, лазил по горам. Я разговаривал сам с собой, потому что больше было не с кем... В этих землях нет людей. Я говорил сам с собой, зная, что притворяюсь. Думал, что было бы хорошо поговорить с вами, услышать ваш голос. Мне нравится слышать, как вы смеетесь, видеть радость в ваших глазах. Вот почему я пришел защитить вас от *муритов*... если смогу.

Так несколькими простыми, откровенными словами он нарисовал картину, которая заставила затрепетать сердце девушки. На мгновение она представила себе одинокого мальчишку, час за часом борющегося за жизнь, и в итоге выросшего в одиночестве. Это и было самое страшное проклятие

Затерянной земели — одиночество. В детстве Джонгор никогда не имел приятеля. В молодости у него никогда не было друга. Теперь он стал одиноким молодым человеком, никогда не знавшим общества. И для того чтобы спастись от этого одиночества, он пришел на помощь Анне — единственной девушке, с которой он познакомился после смерти матери.

И тут Анна Хантер неожиданно поцеловала его. Она и сама не поняла, почему так поступила — она действовала инстинктивно.

Джонгор выглядел пораженным.

— Что вы сделали? — прошептал он. — Что это было?

— Я поцеловала вас, Джонгор, — застенчиво ответила Анна. — Разве вы не знаете, что такое поцелуй?

— Нет, — покачал он головой. — Нет. Не знаю. Что это? Что это означает?

Слезы хлынули из ее глаз, но на губах играла улыбка. Именно в этот момент первый из *муритов* поднялся на скалу.

Джонгор отпустил девушку. Он отодвинул ее себе за спину. Огромный лук был заброшен у него за спину. Джонгор рывком сорвал его и натянул тетиву. Его правая рука метнулась к плечу, гигант выдернул стрелу из колчана за спиной. Лук выгнулся, словно гигантская арфа, а потом стрела вылетела...

Двое из *муритов*, те, что двигались побыстрее, вылезли на вершину. Вооруженные длинными метательными копьями, они бросились на гиганта один за другим.

Первый обезьяно-человек закричал, когда стрела ударила его. Она была пущена с такой силой, что насквозь пробила тело первого нападавшего и по самое опереньие вонзилась в грудь второго. Только могучие мускулы Джонгора могли согнуть такой лук и с такой силой пустить стрелу.

Муриты внизу завопили от ярости, когда увидели гибель своих товарищей. Пронзительные крики Алкана убедили обезьяно-людей продолжить погоню. Сами же Алкан и Варсей держались сзади, хотя у Варсея и была винтовка.

— Может, нам стоит бежать, пока есть такая возможность? — с беспокойством спросила Анна Хантер, увидев вооруженного Варсея.

— Мы не сможем убежать, — ответил Джонгор. — Я смог запрыгнуть сюда вон с того уступа, но назад прыгнуть не смогу.

Есть и еще одна причина, по которой мы не сможем бежать, — Джонгор махнул рукой, указывая куда-то за спину.

Девушка повернула голову и сразу поняла, что подразумевал гигант. Птеродактили! Они соскальзывали с утесов, парили, а потом лезли назад, наверх. Если бы Анна и Джонгор попытались бежать, то они попали бы прямо им в лапы.

— Мы будем сражаться, — объявил Джонгор. — Это наш единственный шанс.

Муриты стали подниматься на выступ. Они были вооружены только копьями и ножами. Оружие порождающее Вибрирующую смерть, судя по всему, не было столь портативным, потому что у *муритов* его с собой не было. Но они во много раз превосходили беглецов по числу — их, по крайней мере, было пятнадцать.

Лицо Джонгора превратилась в маску ярости. Серый кристалл, что он носил на левом запястье — кристалл, с помощью которого гигант управлял динозавром — сверкал в солнечном свете каждый раз, когда Джонгор натягивал лук. Стрелы молниями летели в сторону *муритов.*

Обезьяно-люди занесли копья, но Джонгор с проворством тореадора, уклоняющегося от рогов быка, избежал их ударов. Каждый раз, когда копье вот-вот готово было ударить воина, тот отклонялся вправо или влево, не сходя с места.

Анна Хантер, затаив дыхание от восхищения, наблюдала, за отважным воином. Смерть таилась на остриях копий человеко-обезьян, но гигант двигался, подобно балерине. Мрачная улыбка играла на его лице.

— Подходите, и получите свою награду, трусливые *муриты*! — кричал он своим противникам. — Подходите, вы, хвостатые, попробуйте побороться с человеком!

Стрелы одна за другой летели в *муритов*, пронзая их тела с глухим звуком. Число сраженных врагов все увеличивалось. Джонгор побеждал. Анна Хантер видела: еще чуть-чуть — и победа его станет окончательной. Могучий лук и бесстрашное сердце значили в битве больше, чем число нападавших. Сердце девушки замирало всякий раз, когда она думала о гиганте. И вот тогда прогремел выстрел. Пуля попала в цель. Сердце девушки едва не выпрыгнула у нее из груди. Джонгор мог избежать копий, но

не мог избежать пуль. Он был сражен. Пуля не задела его, и тем не менее...

Девушка не сразу поняла, куда именно попал стрелок. Он попал не в гиганта, а в его лук. Варсей попал в большой лук Джонгора, и тот, расколовшись, превратился в бесполезные обломки.

Теперь гигант оказался безоруженым. Его лук сломался. Но сам воин пока еще был невредим.

Муриты радостно завизжали.

Анна Хантер увидела, как Джонгор отбросил бесполезные обломки лука в сторону и отскочил назад. Ее сердце вновь едва не выскочило из груди от ужасной мысли.

Но Джонгор не сбежал. Метнувшись вперед, он поймал одно из копий, от которых раньше с успехом уворачивался. А потом метнул его, вложив в бросок все свои силы. Но целил он не в *муритов*, а поверх их голов — в Варсея, человека с винтовкой.

Что касается Джонгора, то он моментально принял решение. Следующий выстрел винтовки мог бы легко положить конец схватке. Поэтому в первую очередь нужно быловывести из строя стрелка.

Варсей видел, что копье нацелено в него. Он попробовал увернуться, но куда ему было до Джонгора. Однако копье ударило его не в грудь, как нацелил его гигант, а в плечо. Острие копья почти отсекло руку Варсея, и тот выронил винтовку. Полетев вниз, она ударилась о камни у подножия утеса. Теперь обливающийся кровью, вопящий от боли Варсей был не опасен.

Но у Джонгора не осталось времени следить за судьбой белого, он лицом к лицу столкнулся с Алканом и его пятью охранниками. Копье осталось только у одного *мурита*, остальные уже метнули свои копья в бронзового гиганта. Однако *мурит* с копьем так и не решился швырнуть оружие во врага. Он находился слишком близко к цели. Вместо этого он попытался нанести удар прямо в сердце Джонгора.

Анна Хантер едва подавила крик, когда поняла, куда нацелил удар обезьяно-человек. Она видела, как гигант протянул руку, словно намеревался ладонью отклонить копье в сторону. Девушка отлично понимала, что у него ничего не

получится. Острие вот-вот должно было пронзить ладонь гиганта. На ее взгляд, попытка остановить копье напоминала попытку поймать рукой пулю.

А Джонгор и не собирался останавливать противника. Его рука с огромной скоростью метнулась вперед, схватила древко копья. Джонгор резко рванул копье на себя, и *мурит* инстинктивно качнулся в его сторону. Другая рука Джонгора метнулась вперед, и кулак гиганта врезался в подбородок обезьяно-чеовека. Казалось, удар получился не таким уж и сильным, но шея *мурита* сломалась, словно тонкая ветвь.

— Подходите, хвостатые придурки, и получите свое! — усмехнулся Джонгор.

Он не стал ждать, пока противники примут его приглашение. Вместо этого он сам бросился на них. Вскинув колено, он ударил по нему копьем, отобранным у *мурита*, переломив древко надвое. — копье было слишком длинным для ближнего боя. А так одним движением Джонгор превратил его в очень эффективное оружие.

Анна Хантер, затаив дыхание, наблюдала за схваткой. Слишком хорошо она понимала, что значит для нее победа обезьяно-человек. Гигант Джонгор возвышался над *муритами*, подобно несокрушимой башне. Анна видела, как он крутил над головой обломок копья, поражая хвостатых направо и налево. Потом противники Джонгора бросились наутек. Все, кроме Алкана, который держался позади. Он не слишком-то следил за схваткой, вместо этого он нервно оглядывался. Анна не знала, что ищет *мурит*, пока хлопание кожистых крыльев не заставило ее посмотреть вверх. Тогда она увидела чудовище. Это был *терос*! Он кружил над сражающимися, словно никак не мог выбрать, кто первым должен стать его жертвой.

— Джонгор! — закричала она. — *Терос!* Смотри!

Алкан повернулся, собираясь убежать. Джонгор взглянул вверх на кружащуюся в небе ящерицу. Но он и не думал бежать, вместо этого он метнулся следом за Алканом.

— Осторожнее, Джонгор! — изо всех сил закричала Анна Хантер.

Джонгор игнорировал предупреждение девушки. Когда гигант прыгнул на убегающего обезьяно-человека, девушка увидела, как со скал соскользнула еще одна ящерица.

Две твари! И они спускались все ниже и ниже. Но Джонгор продолжал погоню за Алканом, словно не сознавая надвигающуюся опасность с небес.

Дрожа всем телом, девушка прижалась к утесу. Смерть парила в воздухе. Она приближалась с каждой секундой. При всем своем желании Анна не смогла бы бороться с птеродактилями. Их крепкие клювы и когтистые крылья разорвали бы ее на части. Даже Джонгор не смог бы бороться с *теросами* без оружия. Челюсти с огромными зубами разорвали бы мускулы гиганта, превратив его тело в кровавый кусок мяса.

Но Джонгор и не собирался бороться с чудовищами. Он преследовал Алкана. Неужели он не видел надвигающейся опасности? Может, он ранен? Может, он настолько разозлился, что его единственным желанием стало схватить обезьяно-человека?

Анна видела, как Джонгор схватился с Алканом, а потом сверху на них свалилась пара зубастых ящеров. Но Джонгор словно не замечал их! Вместо того чтобы попытаться спастись, он остановился и врезал *муриту* так, что тот потерял сознание. А потом девушка увидела, как Джонгор сорвал что-то с руки Алкана. Она видела, как одна из тварей метнулась к нему с открытым клювом, занесла когтистые крылья, чтобы разорвать воина на куски.

«Сейчас он умрет, — подумала девушка. — Сейчас он погибнет. Он не сможет убежать. У него нет шансов спастись».

Тем временем Джонгор резко повернулся, взглянул на приближающихся *теросов*. Он даже не пытался защититься.

Неожиданно крылатые ящерицы отпрянули, словно они разом ослепли. Оба хищника стали вести себя так, словно больше не видели людей, стоящих на утесе. Вместо того чтобы атаковать беззащитную добычу, они развернулись и заскользили дальше вниз вдоль утеса.

Джонгор подбежал к девушке. В руке он держал предмет, который сорвал с руки Алкана. Это был браслет с кристаллом вроде того, что носил он сам, но меньшего размера и чуть иного цвета.

— Точно так же, как мой браслет управляет *дино*, этот — управляет *теросами*, — пояснил он. — Этот браслет был

у Алкана. Он использовал его, чтобы вызвать *теросов*. Вот почему я должен был отобрать его. Если бы я этого не сделал, он удрал бы в джунгли и наслал на нас сотни крылатых тварей. А отобрав браслет, я отослал тварей в другую сторону. С помощью этой штуки я могу управлять *теросами*, которые находятся на расстоянии в несколько миль...

И тут Джонгор едва спел поймать девушку, которая от облегчения лишилась чувств.

— Да, — медленно протянул Джонгор. — Я помогу вам покинуть Затерянную землю. Мы пересечем джунгли и горы. Если чернокожие все еще поджидают вас, мы обманем их. Так или иначе, мы пересечем пустыню. Я хочу увидеть мир, откуда вы прибыли; мир, о котором мне рассказывали мои отец и мать.

Когда гигант закончил говорить, взгляд его был устремлен куда-то вдаль. Сверху, будто отфильтрованный через переплетение листьев, лился солнечный свет. К этому времени Джонгор с Анной оставили горы и спустились в джунгли. Джонгор настоял на том, что им безопаснее будет в джунглях, чем на открытой местности.

Девушка отдыхала. Бегство из города *муритов* истощило ее силы. Джонгор стоял, облокотившись о копье одного из *муритов*, и наблюдал за своей спутницей. Она же тем временем съела плод, который он принес ей.

Анна Хантер улыбалась. Теперь она немного расслабилась. Страх отступил. Девушка больше не боялась Джонгора. Когда гигант был рядом с ней, она ничего не боялась.

Теперь он собирался отвести ее домой! Дом! Это слово колокольным звоном гремело у неё в мозгу. Только теперь она поняла, насколько хочет вернуться домой. Но было еще одно препятствие. Она пришла в Затерянную землю в поисках своего брата Алана. А ведь Анна так его и не нашла. Никакого следа Алана она не нашла. Единственный логический вывод напрашивался сам собой: он мертв...

— Мы должны отправиться в путь, как только вы станете достаточно сильны, — пробормотал Джонгор. — Это — длинное путешествие, и нам понадобится не один месяц.

— Я готова, — ответила девушка, поднимаясь на ноги.

Бок о бок они направились через джунгли. Только-только перевалило за полдень, и твари, которые обычно охотятся

ночью, спали. Однако путешественников окружали и другие опасности. В любой момент можно было наткнуться на какую-нибудь ядовитую тварь. Но это были родные земли Джонгора, и он знал, как пересечь их в безопасности.

Очарованная девушка наблюдала за своим спутником. Шел он почти бесшумно. Его острый взгляд замечал все опасности, таящиеся в чаще. В зеленой чаще не было ни одной твари, которую не разглядел бы зоркий взгляд гиганта.

Неожиданно Джонгор остановился. Его взгляд замер на зеленых растениях возле небольшой лужицы.

— Что это? — прошептала Анна.

— Тс-с-с! — прошептал Джонгор, указывая куда-то. — Кто-то скрывается в тростниках.

Девушка проследила взглядом за его рукой. Она ничего не видела. Эти тростники были точно такими же, как другие. Не было даже слабого ветерка, и ни одна травинка не шелохнулась.

— Идите за мной след в след, — прошептал Джонгор. — Постарайся двигаться бесшумно. Кто-то прячется там, кто-то, кто чужой в этих джунглях. Он таится.

Джонгор медленно шел вперед, держа копье наготове. Если раньше он двигался тихо, то теперь шел совсем бесшумно... И он не спускал взгляда с зарослей тростника, где кто-то прятался.

— Выходи! — резко приказал Джонгор.

Анна Хантер почувствовала, как ее сердце сжимается от страха. Несколько секунд тростник по-прежнему оставался неподвижным. Путешественники замерли в ожидании. А потом что-то вырвалось из кустов. В первое мгновение Анна подумала, что это какое-то животное, и лишь через несколько секунд поняла, что перед ней — человек.

Или, скорее, это создание некогда было человеком. Теперь оно больше напоминало чучело. Грязная, всклокоченная борода и копна грязных волос скрывали лицо незнакомца. Взгляд его был измученным.

— Мой Бог! — прокаркало существо. — Анна!

Девушка вздрогнула всем телом. Эти слова были произнесены голосом, который она уже не ожидала услышать снова. При его звуках сердце девушки лихорадочно забилось. Чучело

пошатываясь шагнуло им навстречу. Джонгор угрожающе нацелил копье. Но девушка прыгнула вперед, закрыв телом незнакомца.

— Алан! — зарыдала она. — Мой брат!

Чучело и в самом деле оказалось Аланом Хантером — близнецом Анны, ради которого она прибыла в Затерянную землю. Теперь же она нашла его. Но Алан был дрожащей пародией на человека. Сил у него оставалось лишь на то, чтобы стоять... Однако он был жив, и только это и имело значение. Должно быть, Анна видела его утром с утеса, но издалека не смогла узнать его. Она видела, что кто-то бредет через джунгли неподалеку от города *мурийцев*, но не смогла разглядеть, человек это или животное.

Но это оказалось не животное. Это был Алан Хантер. Теперь Анна, Алан и Джонгор с легким сердцем могли навсегда покинуть Затерянную землю. Вот и конец этому безумному приключению. Счастливый конец!

Казалось, наступил самый счастливый момент в жизни Анны Хантер.

— Вот так все и произошло, — горько произнес Алан Хантер. — Варсей и я добрались до Затерянной земли, правда, из всей амуниции у нас остались только винтовки. Варсей струсил и объявил, что не станет спускаться в долину. Он остался в ущелье, в то время как я пошел вперед. Невероятная удача, но мне удалось пересечь долину и отыскать город *муритов*. Я набрел на руины ночью, и так получилось, что я попал в их сокровищницу... Что сказать! Там достаточно алмазов, чтобы нагрузить слона. Золотые бруски сложены в горы выше человеческого роста. Первоначально этот город, должно быть, был колонией рудокопов. Предки этих «обезьян» работали в шахтах, пока их родные земли не ушли под воду, и у них не было никакой возможности распорядиться добытыми богатствами... Естественно, я набил карманы алмазами. Потом попытался выбраться оттуда. *Муриты* так и не заметили меня... Я добрался до того места, где меня ждал Варсей, и показал ему драгоценные камни. Вот это и было моей ошибка. Моя откровенность едва не стоила мне жизни, — сердитым голосом пробормотал он.

— Что случилось? — настоятельно спросила девушка.

— А как ты думаешь, что случилось?.. Варсей выждал до ночи, а потом набросился на меня. Он всадил в меня пулю, но не убил. Но я загнал его в угол. Я выбросил алмазы в ущелье — туда, откуда их никто никогда не достанет. Когда я сделал это, Варсей стал завывать, словно побитый щенок. Как он хотел получить алмазы!.. Но он никогда не получит их, если на то будет моя воля. Поняв, что алмазов больше нет, он отправился назад к цивилизации, решив, что я умер.

Анна Хантер вздрогнула всем телом. Только теперь она поняла, как ужасно ее обманули.

— Он сказал мне, что ты — пленник аборигенов, — прошептала девушка. — Все, что он на самом деле хотел от меня, так это то, чтобы я профинансировала экспедицию в Затерянную землю. Он знал, что там, откуда пришел Алан, осталось еще много сокровищ.

— Он играл с тобой, как кошка с мышкой, сестричка, — объявил Алан Хантер. — И, поверь мне, если он когда-нибудь попадет ко мне в руки, то ответит за все... Он оставил меня, решив, что я мертв... Я был все равно, что мертвый. Когда я пришел в себя на следующий день, Варсей уже ушел, а надо мной сидел гигант в леопардовой шкуре. Сначала я решил, что схожу с ума. А потом понял: гигант реален...

Хантер жестом указал на Джонгора, который стоял, опершись на копье.

— Этот человек спас меня, — объявил он. — Джонгор! Он принес мне воду и пищу. И тогда я попросил его проследить за Варсеем. Пусть Джонгор расскажет, что случилось после этого.

— Я взял след, — продолжал великан. — Но Варсей заметил меня и, должно быть, предположил, что я на него охочусь. Он сбежал в пустыню, и я решил, что пустыня воздаст ему по заслугам.

— Выходит, вы с самого начала знали, что Варсей пытался убить моего брата? — вызывающе спросила Анна Хантер. — Почему вы не сказали об этом мне? Почему не предупредили меня?

— Если бы я попробовал, разве вы стали бы меня слушать? — в свою очередь спросил Джонгор.

— Мне жаль, — заколебалась девушка. — Я была дурой. Но я не знала...

— Хах! — усмехнулся Алан Хантер. — Сестричка, на моей памяти ты впервые признаешься, что была не права. Похоже, ты прошла долгий путь от девушки высшего общества до нормального человека.

Анна покраснела.

— Возможно, — неуверенно ответила она.

— Когда я вернулся на то место, где оставил вашего брата, он исчез, — продолжал Джонгор. — Судя по следам, пока меня не было, появился летающий корабль *муритов.* Я не искал его, *муриты* обычно убивают тех, кого ловят. Если бы я знал, что он томится в плену, я бы попробовал спасти его. Но я не знал...

— Ты не виноват в том, что не пытался мне помочь, — заметил измученный юноша. — *Муриты* заперли меня и забыли обо мне. Он хотели, чтобы Анна стала невестой бога, но меня-то они не могли использовать подобным образом. Правда, время от времени мои тюремщики вспоминали обо мне и приносили хлеб и воду. Я думал, что обречен. Но вчера в их городе начался страшный переполох. Вот я и убежал.

Тогда Анна Хантер объяснила им причину ночного переполоха.

— Снова Варсей! — разозлился юноша. — Это он продал тебя Алкану. Если эта дьявольская обезьяна все еще жива, я не покину эту долину, пока не сведу с ней счеты!

— Думаю, тебе не стоит о нем волноваться, — вставил Джонгор. — У Алкана была очень хилая шея. Она сломалась, когда я немного прижал его. Что касается Варсея, то у него страшная рана. Джунгли позаботятся о нем.

Алан Хантер мрачно улыбнулся. Он-то знал, какая «хилая» шея была у Алкана, и легко мог представить, как она сломалась, стоило только Джонгору «тронуть» *мурита.*

— Выходит, ты оплатил и мой долг, — усмехнулся юноша.

— Негодяй и мне задолжал, — заметил Джонгор. Юноша с любопытством взглянул на гиганта, но объяснений просить не стал.

— Я могу идти, и мне кажется, что нам нужно как можно быстрее убраться отсюда. Я насмотрелся на эти края так, что мне хватит до конца жизни. Джонгор, Анна и я — богатые

люди. Если ты отправишься с нами, то будешь должным образом вознагражден.

— Меня награда не интересует, — ответил гигант.

— Но вы ее заслужили, — быстро сказала Анна Хантер. — и пойдете с нами.

Джонгор внимательно посмотрел на девушку. Она стоически встретила его взгляд.

— Я пойду с вами, — просто сказал он, и огонь полыхнул в его глазах.

Алан Хантер заметил взгляд, который проскользнул между ними.

— В дорогу, — счастливым голосом объявил юноша. — Сестричка, ты нашла именно того, кто нам нужен! Думаю, что это вышло не случайно.

— Прекрати, Алан! — при этом девушка сильно покраснела.

Ее брат лишь усмехнулся в ответ.

— Нравится вам это или нет, но место шафера за мной, — объявил Алан.

— Шафер? — с сомнением произнес Джонгор. — Что это такое?

— Не обращайте на него внимания! Он... Он ерунду несет, — объявила Анна, и щеки ее порозовели.

Тем временем солнце поднялось в зенит, а затем заскользило вниз по западной части неба...

Путешественники шли медленно. Джонгор вынужден был плестись, так как ни девушка, ни ее брат не могли идти быстро. Однако Анна Хантер чувствовала себя счастливой. Она нашла брата. И каждый раз, бросая взгляд на Джонгора, она понимала, что нашла кое-что еще. К тому же они возвращались домой. Домой! Теперь ничто не смогло бы их остановить. Ничто! Пока их сопровождает этот сероглазый гигант, даже темнокожие туземцы не рискнут напасть на них. И тут совершенно неожиданно, когда путешественники пересекали пустошь между болотами и холмами, с небес раздался голос.

— Остановитесь! — приказали путешественникам. — Остановитесь!

Джонгор запрокинул голову, подобно льву, почувствовавшему запах опасности, и оскалился.

— Голос из воздуха, — хрипло произнес он. — И в этот раз он обращается к нам.

— Но говорят по-английски! — задохнулась Анна Хантер. — Прежде этот голос пользовался языком темнокожих туземцев, а теперь говорит по-английски!

Голос же звучал из ниоткуда. Казалось, он доносится со всех сторон — пугающий, чудовищный шепот, исходящий прямо из воздуха.

— Остановитесь! — требовательно продолжал неизвестный чревовещатель. — Анна Хантер, остановитесь! И ты, Джонгор, тоже. Не двигайтесь!

Алан Хантер первым догадался, в чем дело.

— Должно быть, этот голос — устройство, порожденное наукой древних *мурийцев*, — быстро заговорил он. — Они научились видеть то, что происходит на большом расстоянии... Что-то вроде телевидения, за исключением того, что им не нужен никакой передатчик, чтобы видеть, что тут происходит. Для этого они используют большой кристаллический шар... И, черт побери, насколько я понял, они поклоняются этому шару. Не удивлюсь, если выяснится, что это штуковина — одна из легендарных машин Му. Раньше я об этом как-то не задумывался! Однако не важно... С помощью этого кристаллического шара они могут видеть все, что происходит внутри и на границах Затерянных земель. Они могут видеть нас и говорить с нами... Не знаю, как эта штука работает, — у меня никогда не было возможности исследовать ее устройство. Да и какая нам разница, раз они все равно могут нас видеть. Только вот сделать нам они ничего не могут. Мы слишком далеко. Разве вот сообщить аборигенам о нас и приказать им напасть. Однако незадача — поблизости нет никаких аборигенов... Выходит, они блефуют... Но я не знал, что *муриты* знают английский, — нерешительно закончил Алан Хантер.

— А то! — объявил голос.

— Черт возьми, они могут нас слышать! — задохнулся Алан Хантер.

— Конечно, я могу вас слышать, — продолжал голос. — Вы должны остановиться. Девушка должна вернуться в город *муритов*.

Только тут Анна Хантер узнала голос и поняла, почему теперь обезьяно-человеки могут говорить на английском.

— Это — Гофер, — вздохнула она с облегчением. — Наш проводник, — пояснила она брату. — А значит, все в порядке. Выходит он нашел дорогу в лабораторию *мурийцев* и разобрался, как пользоваться древними приборами. Гофер в порядке, и это — хорошо. Он не станет вредить нам. Должно быть, он хочет, чтобы мы вернулись в город, для того чтобы передохнуть... А потом мы вместе покинем эти ужасные земли.

В этот миг Анна выглядела очень трогательно. Сверхъестественный голос, звучащий из воздуха, даже несмотря на то, что путешественники и раньше слышали его, звучал пугающе. Но теперь брат Анны знал, откуда исходит этот голос, и понимал — бояться нечего. Тем более что говорили с ними не *муриты*, а Гофер.

Анна же в свою очередь считала Гофера человеком с железными нервами, стремящимся к неведомой цели. Она помнила, как он хладнокровно следил за полетом птеродактиля, выжидая момент для удачного выстрела, игнорируя смерть, которая неслась к нему. Она помнила, как Гофер, когда напали аборигены, ничуть не растерялся, посылая во врагов пулю за пулей, словно находился на учебном полигоне. К тому же Гофер поддержал Анну, когда она стала настаивать на дальнейшем путешествии вглубь Затерянной земли.

— Да, — вновь прозвучал голос, но в этот раз в нем чувствовались одновременно и удовлетворение и беспокойство. — Да, вы должны вернуться в город *муритов*. А после того, как мы отдохнем, мы вместе отправимся через пустыню. Не стоит сомневаться. Впереди вас ждет засада и... смерть... Помните, я могу видеть то, что не видно вам.

Гофер защищал их, помогал им, а они забыли его, оставили в городе *муритов*. Но он не забыл о них.

— Конечно, мы вернемся! — заверила проводника девушка. — Мы немедленно повернем назад...

И она посмотрела на Джонгора и брата, ожидая, что те поддержат ее. Но гладкое, бронзовое лицо Джонгора оставалось совершенно равнодушным. Его серые глаза казались бездонными. Он по-прежнему держал копье наготове, удостоив Анну

лишь мимолетным взглядом. Он всматривался в джунгли, которые они только что покинули. Во всем его теле читалась напряженная настороженность.

А через мгновение Анна увидела, как глаза ее брата округлились от ужаса.

— Говоришь, твоим проводником был Гофер? — задохнулся Алан Хантер.

— Да. И что такого? Ты хочешь сказать, что с ним что-то тоже не так? Он показался мне честным человеком.

— Он — честный! — простонал Алан Хантер. — Он был и моим проводником. Меня предупреждали, чтобы я с ним не связывался, но я не обратил никакого внимания на предупреждение. В итоге он подхватил лихорадку, и я вынужден был отослать его назад с несколькими носильщиками. Тут, если говорить честно, мне повезло, потому что он разговорился в лихорадочном бреду, и тогда я узнал, каков он на самом деле. Настоящий антихрист! Вдобавок ко всему, он безумен и в то же время чертовски умен, чтобы скрывать это. Он — безумный анархист, поклявшийся уничтожать любое правительство... Так или иначе, Гофер хочет найти ключ к тайнам Затерянной земли. Целых пятнадцать лет он бродил вокруг да около, пытаясь обнаружить вход в долину. Однако все его попытки не увенчались успехом. Никто не хотел финансировать его экспедицию, пока не появились мы... Боже! — простонал Алан. — Анна, поверьте мне, Гофер и Варсей наверняка договорились и разыграли вас, как по нотам. Гофер отдал бы все на свете, лишь бы пробраться в эту долину, потому что он хочет завладеть оружием *мурийцев*. Он хочет использовать его, чтобы свергнуть все правительства на Земле. И теперь, похоже, он получил то, чего жаждал многие годы.

Слова брата до глубины сердца поразили Анну Хантер. Только теперь она начала понимать, как ее обманули Варсей и Гофер. Каждый из них использовал ее, преследуя собственные цели. Она вспомнила, как восторгалась скрытой энергией Гофера, которая заставляла его идти все дальше и дальше. И только теперь она поняла, какое желание гнало его вперед. Он хотел найти заброшенный город *муритов* и завладеть оружием.

Гофер был предателем не только в отношении Анны, он предал все человечество, всю цивилизацию.

— Он хочет, чтобы и мы пали жертвами его власти, — заметил Алан Хантер. — Без сомнения, он попробует снова вас обмануть. Но мы знаем, кто он такой, и не станем возвращаться. Мы покинем долину и вернемся с армией...

Их оглушил взрыв хриплого смеха.

— Вы думаете, что сможете спастись, удрать от меня! — Гофер едва ли не рычал. — Вы думаете, что сбежите и пришлете сюда самолеты с бомбами? Как бы не так! Вы — несчастные рабы плутовской демократии! Никуда вы не денетесь от Гофера!

— Что он имеет в виду? — шепотом пробормотала девушка.

— Он имеет в виду именно то, о чем говорит... — так же шепотом ответил Джонгор.

Звук был едва различим, словно за стеклом жужжал трутень. Вскоре на поляне, где остановились путешественники, появился маленький вихрь.

Старые листья и мертвые веточки закружились в воздухе...

Гофер получил контроль над Вибрирующей смертью. Он мог следить за своими жертвами. Не важно, куда они побегут, он пошлет за ними всесокрушающий вихрь.

Анна Хантер закричала. Ее брат застыл, бледный, уставившийся безумным взглядом на мерцающий туман в растущем воздушном водовороте вокруг них.

Джонгор не растерялся. Он мгновенно обхватил девушку вокруг талии, схватил за руку бородатого юнца — ее брата и прыгнул к краю вихря. Сильные потоки ветра обрушились на него. Воздух, словно ударная волна, врезался ему в бок. Порой воздух, двигаясь с огромной скоростью, может ударить не хуже большого камня. А это был тот самый водоворот, который может стебельком пшеничной соломы пробить толстый ствол крепкого дуба. Настоящий торнадо, только искусственно созданный.

Джонгор боролся изо всех сил. Могучие мускулы его ног, развитые за долгие годы, когда Джонгору приходилось бегать, чтобы выжить, боролись с ударами воздушной стихии. И вдруг он начал чувствовать, как вихрь начал приподнимать его. Алан Хантер, который весил намного меньше, не

устоял, и ветер оторвал его от земли. Но гигант боролся, не выпуская из своей ладони руки юноши, пытаясь добраться до края воздушного водоворота.

А вихрь становился все сильнее. Потоки быстро перемещались, кружась более яростно. Звук ветра постепенно перерастал в грозовой рев. И еще Джонгору порой казалось, что сквозь рев он слышит раскаты дьявольского смеха Гофера.

— Это остановит тебя, дикарь! — закричал Гофер. — И девчонку остановит. Законопорядочные граждане!.. И твоего братика тоже! Ха-ха-ха! Умрите! Я проклинаю вас, умрите!

Джонгор изо всех сил напряг свои мускулы, используя все оставшиеся силы. И вихрь удержал его! Напрягаясь изо всех сил, Джонгор вновь рванулся вперед. Однако воздушные потоки поймали его и отбросили назад. Джонгор боролся так, как никогда прежде, ведь у него на плече была девушка. И он должен был спасти ее. Но он не мог! Джонгор был сильным, но вихрь был намного сильнее его. С каждой секундой воздушный поток становился он все мощнее. Вихрь пытался оторвать беглецов от земли.

Вокруг Джонгора кружились комья земли. Небольшие деревья вырывало из почвы, и они устремлялись к небу. Он знал: как только его поднимет наверх — его ждет смерть. Назад на землю попадет лишь искалеченная плоть.

— Держитесь за мой пояс! — завопил Джонгор своим спутникам. — Держитесь изо всех сил. Мне придется ползти.

Медленно опустился Джонгор на колени, а потом лег. Он чувствовал, как пальцы Анны и Алана сжались на жестком поясе кожи, обмотанном вокруг его талии. Впившись руками в землю, Джонгор пополз вперед. Идти дальше было бы фатальной ошибкой — несмотря на вес, Джонгора оторвало бы от земли. Но внизу, у самой земли, вихрь был не таким уж сильным. Джонгору показалось, что он боролся с вихрем целую вечность. Он даже не мог понять, побеждает ли он воздушную стихию или нет.

Неожиданно Джонгор достиг края вихря. Подтянув за собой юношу и девушку, он рывком вырвался из вихря.

— Ага! — завопил Гофер. — Вам все-таки удалось вырваться из объятий Вибрирующей смерти! Вы все еще надеетесь убежать! Ха-ха-ха!

А Джонгор бежал, бежал так, как никогда раньше не бегал. Позади него ревел вихрь. Он преследовал беглецов, но не так уж быстро. Однако и Джонгор бежал медленно. Будь он один, он легко бы обогнал вихрь, но он нес Анну Хантер и должен был помогать ее брату.

Добравшись до болота, он пересек несколько медленных потоков, с трудом прокладывая себе путь через путаницу виноградных лоз. Кровь появилась на его ногах там, где колючие кустарники безжалостно разодрали кожу. Тело гиганта блестело от пота. Его огромная грудь тяжело вздымалась.

Они нашли защиту от вихря в самом сердце густого леса. Деревья скрыли их от взгляда Гофера. Они слышали, как где-то вдали ревет ветер.

— Он потерял нас! — задыхаясь, пробормотал Алан Хантер.

— Сомневаюсь, — тяжело дыша, возразил Джонгор. — Он очень хочет нас заполучить и вряд ли откажется от своих планов. Наш единственный шанс — бежать ночью. Тогда, если мы сможем за ночь проскочить к ущелью, ведущему через горы, мы окажемся вне опасности.

— Мы должны убежать, — отчаянно сказал молодой Хантер. — Я не думаю о нас. Пусть нам суждено погибнуть. Но Гофер — анархист. Он ненавидит все формы правительства. Если он разберется в устройстве машины, создающей вихри, ад выйдет за пределы Затерянной земли. Он обрушится на Америку, торнадо ударит по Вашингтону, уничтожит Капитолий... Однако все это ерунда по сравнению с тем, что случиться дальше. Торнадо обрушится на все мировые столицы, пронесется по Лондону, Берлину, Риму, Токио. Все правительства мира разом будут снесены с лица Земли. Вот что такое Вибрирующая смерть *мурийцев*. И мы должны убежать для того чтобы остановить его.

Джонгор слушал. Названия городов, которые упоминал Алан, были для бронзовокожего дикаря лишь пустым звуком. Он ничего не знал о них. Он даже не понимал значения слов «правительство» или «цивилизация». Но он видел, насколько серьезно обеспокоен юноша.

— Так или иначе, но бежать нужно, — серьезным голосом подытожил он.

Держась вне поля зрения бывшего проводника, путешественники слышали рев вихря, скользящего по просторам Затерянной земли в поисках новых жертв.

Однако беглецы не стали ждать прихода ночи, для того чтобы отправиться к ущелью, ведущему прочь из долины. Двигаясь от укрытия к укрытию, они направились к отдаленным отрогам горы, откуда собирались рвануться на свободу.

Вскоре они очутились на просеке, протянувшейся между деревьев, — глубокой ране, которую проложил в джунглях вихрь. Остановившись, Джонгор указал в сторону скал.

— Ущелье в нескольких милях отсюда, но мы должны добраться туда до того, как наступит утро, — пробормотал он.

Там, в узком ущелье, вьющемся меж горных отрогов, они были бы в безопасности. А для Джонгора ущелье — начало пути к большому миру, которого он никогда не знал. К родине его отца, которая сейчас находилась под угрозой фанатика, оставшегося где-то там, в городе *муритов*.

Какое-то время гигант внимательно смотрел на ущелье. Неожиданно его рука замерла. Ужас застыл в его глазах.

— Ущелье перекрыто! — прорычал он. — Вибрирующая смерть у входа в ущелье.

Он внимательно смотрел на отдаленный проход в скалах. Его вытянутая рука застыла в воздухе. Неуверенность читалась в его взгляде.

Гофер установил вихрь прямо в узком ущелье, полностью блокируя проход. Беглецы оказались в ловушке. Пойманы! Они видели валуны, обломки деревьев и даже целые деревья, витающие в воздухе.

— А другого пути из этой долины не существует? — поинтересовалась Анна Хантер.

— Нет, — ответил Джонгор. — Это единственный проход между скал. И он перекрыт.

Лицо гиганта казалось маской, вырезанной из гранита.

— И что теперь нам делать? — севшим голосом поинтересовался Алан Хантер. — Мы должны сделать кое-что. Мы просто не можем потерпеть неудачу!

Джонгор покачал головой.

— Знаю, но есть только одна вещь, которая нас сейчас спасет, — пробормотал он. — Но это — отчаянное предприятие.

Его взгляд метался по джунглям, словно он что-то искал. За спиной путешественников взревел еще один торнадо, двигавшийся поперек долины. Он устремился к небесам в форме гигантского перевернутого черного конуса. Два вихря! А потом появился третий вихрь. Гофер старался не упустить своей возможности. Казалось, он готов был уничтожить жизнь в долине ради того, чтобы убить трех человек.

— Есть один способ, — протянул Джонгор. — Как только начнет темнеть, попробуем.

— Что за способ? — поинтересовался Алан. Джонгор рассказал. По мере того как путешественники слушали его, их лица становились все бледнее и бледнее.

Вот-вот должна была разгореться заря. Гофер потянулся к раме, установленной давным-давно учеными *мурийцев*. Луна садилась. Но ее света было достаточно, чтобы разглядеть очертания огромной долины.

— Ха! — злорадно потряс кулаком Гофер. — Все у меня свое получите... Все идет точно по плану.

За стенами города по равнине кружилось восемь огромных вихрей.

Один из них запирал вход в ущелье — единственный путь из долины. А остальные носились туда-сюда по долине, сея смерть и разрушения.

Гофер повернул назад в комнату управления и стал регулировать установленные там приборы — творение древних.

— Варсей, — обратился он к человеку, сидевшему вместе с ним в комнате. — Они мертвы. Слышишь? Они мертвы! На то, что они убежали, шансов нет.

Рука Варсея была перевязана. Его лицо напоминало гипсовую маску.

— Поторопись, заканчивай это дело, — проворчал Варсей. — Потом захватим побольше драгоценных камней и пойдем отсюда. От всего, что в этой долине происходит, у меня мурашки идут по телу.

— Да, — пробормотал Гофер, внимательно изучая человека, сидящего с ним в одной комнате. — Глянь-ка из того окна, нет ли поблизости *муритов*.

— Они давно разбежались, — отмахнулся Варсей. — Глядеть бесполезно.

— Нужно удостовериться, — настаивал Гофер.

Варсей пододвинулся к окну, на которое указал Гофер. Когда Варсей отвернулся, проводник потянулся к винтовке, стоящей у стены. Он внимательно выбрал цель, а потом выстрелил Варсею точно между лопаток. Варсей без звука рухнул на пол. Дернувшись несколько раз, он затих.

Гофер злобно пнул мертвеца.

— Трус и слабак, — высокомерно сплюнул он. — Если бы я согласился на союз с тобой, ты бы предал меня при первом удобном случае. Теперь же весь мир будет дрожать передо мной. Когда я укрощу эти вихри, ни один противник не сможет мне противостоять. Слышишь, Варсей! Я стану королем мира! Ты слышишь меня, Варсей?

Но Варсей не шевелился. Ручеек крови протянулся от его лопаток по холодному каменному полу. Где-то в лаборатории взвыл один из приборов. Тогда Гофер повернулся снова к окну и вновь посмотрел вниз на долину, где по джунглям гуляли торнадо. Он по-прежнему был бесстрастным, хладнокровным проводником. Но злорадная усмешка играла в уголках его губ. Безумный анархист оказался «на вершине» своего безумного мира. Внезапно его усмешка изменилась. Он прищурился...

Вокруг руин города возвышалась защитная стена. За этой стеной в сером предрассветном свете он увидел что-то огромное, движущееся. И это направлялось прямиком к стене. Пока он наблюдал, что-то проломило стену и втиснулось в проем. Усмешку на лице Гофера сменила гримаса страха, когда он понял, что происходит.

— Быстрее, еще быстрее! — вопил Джонгор. — Повалите эту стену. Толкните ее хорошенько. Она была сделана, чтобы остановить таких как ты, но делали ее много столетий назад, и теперь она стала дряхлой. Ты же молодой и сильный. Еще один толчок. Навались! Давай, двигай, двоюродный брат змеи, большой навозный жук. Толкай!

Динозавр ревел, словно обезумевший мул. Его когти рыли землю, а хвост действовал как рычаг. Когда он вновь врезался в стену... мускулы его напряглись, гигантские сухожилия затрещали, рогатые пластины уперлись в трещины стены. И камни поддались. Они стали выскакивать из многовековых оков кладки.

— Толкай! — кричал Джонгор. — Напрягись и толкни посильнее.

И *дино* в очередной раз обрушился на стену. С грохотом она начала осыпаться.

— А теперь в проем, — приказал Джонгор. — Прорвись в город, ты, неуклюжий мошенник. Ходу, я говорю!

Дино проскользнул через проем в стене. За ним последовала дюжина динозавров поменьше...

Это был план Джонгора — найти динозавров и подогнать их к городу. С кристаллом, который он носил на запястье, кристаллом, который в незапамятные времена потеряло одно из должностных лиц *мурийцев*. Давным-давно Джонгор нашел его и научился управлять не одним, а множеством животных. Пока все в долине прятались от вихрей, Джонгор и двое его компаньонов отыскали *дино*... Потом всю ночь, избегая вихрей, то и дело проносящихся по долине, сероглазый гигант и его спутники собирали динозавров под стенами полуразрушенного города...

Теперь же Джонгор, Анна и Алан Хантеры въехали в город на одном из *дино*. За ними следовали и другие хищники, пойманные в сети ментальной ловушки кристалла. Звери не понимали, что от них хотят, они лишь тупо повиновались простейшим приказам, исходившим от кристалла. Грохочущим стадом ворвались они в город *муритов*.

— Гофер в здании с куполом! — закричал Алан Хантер.— Мы должны прорваться туда и вывести из строя эти машины!

— Мы схватим его, — мрачным голосом заверил Джонгор своих спутников. — Ходу, толстяк, ходу!

Дино развернулся в сторону здания, на которое указал Алан.

Джонгор отлично понимал, что они играют со смертью. Если у Гофера хватит времени, для того чтобы запустить еще один вихрь, то даже мощи динозавров окажется недостаточно, чтобы победить разбушевавшуюся стихию.

А новый вихрь уже начал сформировываться. Джонгор чувствовал первые вибрации воздуха, видел туман, собирающийся в водовороты, слышал вой ветра и ощущал первые толчки пробудившейся стихии.

— Быстрее! — взревел он, нацелив копье на здание, где скрывался Гофер. — Быстрее, ты, болотный таракан!

Новорожденный вихрь начал завывать.

Рассвет приветствовали отвратительные звуки дробящегося камня, визгливый рев динозавров, завывание воздушных вихрей — настоящего торнадо, от ударов которого вибрировала сама земля. *Муриты* давно разбежались, решив, что настал конец света.

Джонгор видел и чувствовал, как набирает силу вихрь, который был готов направить на них Гофер. Однако гиганту ничего не оставалось, как подгонять *дино*, прося, умоляя, ругаясь и кляня. И чудовища повиновались ему. Напрягая гигантские мускулы, твари боролись с нарастающей силой ветра.

Если бы только они смогли подобраться к зданию, где располагались машины древних — те самые удивительные устройства, что создавали вихри, — то они оказались бы в безопасности. Гофер не решился бы обрушить вихрь на себя самого. Но, судя по всему, им было не успеть туда вовремя.

Дино галопом неслись по главной улице, словно выплеснувшееся наводнение. Некоторые сворачивали на боковые улицы, прыгали по упавшим колоннам. Они потоком текли между зданиями, разрушающимися на глазах.

Вихрь всасывал пыль, поднимавшуюся в воздух, небольшие камни, песок. Иногда это были, большие камни. Джонгор видел, как ветер оторвал от земли одного небольшого *дино* и тот в полном замешательстве поплыл по воздуху, дергая лапами.

Джонгор понимал, что еще чуть-чуть — и они погибнут.

— Быстрее! — шептал он на ухо своему скакуну. — Во имя всего святого, малыш, быстрее.

И «малыш» рванулся вперед. Он пронес своих всадников прямо до здания с куполом, где прятался обезумевший Гофер.

— Теперь мы достанем его! — закричал Алан Хантер. — Мы проскочили!

— Не все так просто, — мрачным голосом возразил Джонгор, и словно в подтверждение его слов, где то наверху выстрелила винтовка. Гигант едва успел наклониться — пуля просвистела у него над головой.

— Давай, малыш, через ту арку, — приказал он. — В здание!

Дино развернулся. Его бока стали тереться о стены арки, и наездники оказались в опасности.

— Внутрь! — вновь приказал зверю Джонгор.

Динозавр взвыл. Вокруг него сыпались камни. Динозавр снова взвыл и вломился прямо в комнату управления и лабораторию *мурийцев*, откуда Гофер направлял Вибрирующую смерть. Но Гофера в этой комнате уже не было.

— Сбежал! — простонал Алан Хантер. — Он удрал!

Джонгор быстро осмотрел комнату. Он видел жужжащие машины — это было то самое место. Без сомнения, Гофер стрелял из этой самой комнаты. Но самого Гофера нигде не было видно.

— Он там! — закричала Анна Хантер, указывая на окно.

Джонгор бросил взгляд из окна, и даже несмотря на его выдержку, сердце его ушло в пятки. Из соседнего здания медленно поднимался в воздух летучий корабль *мурийцев*! За пультом управления стоял Гофер. Именно он пытался вывести судно из ангара.

Похоже, ему удалось удрать от преследователей. Они разрушили лабораторию, но он сбежал на летающем корабле. Только вот судно — пережиток прошлого, последнее из летающих судов, построенных *мурийцами,* — никак не могло набрать высоту.

Ему не удалось бы набрать достаточную высоту, чтобы пролететь над горами и выбраться из Затерянной земли. Но если Гофер смог бы поднять судно, он перестрелял бы беспомощных людей из винтовки. И у них не было никакого шанса сбежать. С высоты проводник мог выслеживать их годами.

Джонгор соскочил с динозавра. Прыгнув в окно, он удачно приземлился и помчался к ангару со всех сил. Он бежал прямо к летающему кораблю, пытаясь не высовываться из-за каменных глыб.

Гофер заметил его приближение. Оставив пульт управления, проводник схватился за винтовку.

Джонгор метнул копье. Он запустил его со всей силой своих могучих мышц. Копье полетело, как стрела, и, проскользнув в открытую дверь кабины, пробило злое сердце Гофера.

На мгновение удивление появилось на лице проводника. Винтовка выпала из его обессилевшщих пальцев. Он схватился за копье, торчащее у него из груди. Его губы скривились

от кашля, во все стороны полетели капли крови. Негодяй выскользнул через дверь кабины и стал падать, но был мертв, прежде чем достиг земли.

Воздушный корабль начал опускаться назад на землю...

— Теперь мы уедем отсюда, — объявил Джонгор. — Мы отправимся в ваш мир.

— Это ведь и ваш мир тоже, — возразила Анна.

— Как пожелаешь, — заметил Алан. — Узнает большой мир или нет, но в это утро вы много сделали для всего цивилизованного мира, Джон Гордон. Однако вряд ли кто-то оплатит вам ваш подвиг.

— Мне награда не нужна, — заявил гигант, пытаясь поймать взгляд девушки. — То, что у меня есть, — достаточная награда...

— Когда-нибудь мы вернемся сюда — продолжал он. — В вашем... моем... мире должны быть мудрые люди, которые захотят получить прибыль, изучая работы *мурийцев*. Мы вернемся сюда и узнаем все тайны Затерянной земели. Ну а теперь пойдем и посмотрим, что там за горами...

Но не в тот день, ни на следующий, а только через день оставшиеся *муриты* наблюдали, как гигант, девушка и молодой человек покидают Зетерянную землю. И с первого взгляда становилось очевидно, что девушка влюблена в гиганта.

— Белый гигант покидает наши земли, — радостно говорили одни *муриты*.

— И невеста Солнца вместе с ним, — с печалью добавляли другие.

— Смотрите, гигант помогает ей...

— К утесам, малыш, — мягким голосом попросил Джонгор. — И опусти свою чешуйчатую голову, чтобы я видел, куда ты там прешься, иначе кулаком в глаз получишь. Вперед, чудовище болот! Поспеши. И назад не смотри! Потому что если ты сделаешь это, то не увидишь ничего хорошего. После визита твоего повелителя и его девушки там остались только руины.

ЧАСТЬ II
Возвращение Джонгора

— Тс-с! — приказал Джонгор.

Анна и Алан Хантер, прятавшиеся за спиной воина, затихли.

Джонгор вновь наклонился, высматривая что-то в озере, раскинувшемся у его ног. Анна Хантер и ее брат внимательно наблюдали за ним. Тем временем сумерки все сгущались. Путники уже давно искали воду, и вот, наконец, когда нашли, Джонгор неожиданно остановил их, приказал держаться сзади. Словно высматривая опасного врага, он приблизился к водоему и опустился перед ним на колени.

На первый взгляд перед путешественниками лежал совершенно обычный водоем. Маленький ручей, не более четырех футов в ширину, проложил себе путь по склону горы. В самом глубоком месте глубина была фута два. Серебристое мерцание — это под водой резвились пескари. Следы на берегу говорили о том, что сюда на водопой часто заходят мелкие животные. Ручей выглядел совершенно безопасным местом.

Но Джонгор разглядывал открывшиеся перед ним озерцо и ручей так пристально, словно был уверен, что где-то рядом скрывается смертоносный враг.

— Что он делает? — взволнованно прошептала Анна Хантер.

— Тихо, сестричка, — успокоил ее брат. — Не знаю, чем он занят, но лучше ему не мешать.

Девушке не понравилась отповедь Алана, но она послушалась. Ведь Анна Хантер больше не была bp,fkjdfyyjqсветской дамой, отправившейся в дикие, неисследованные земли Австралии на поиски пропавшего брата. После того, что случилась в джунглях Затерянной земли, она сильно изменилась. Теперь она была коротко подстрижена — джунгли не тер-

пят длинных волос. Никакого маникюра и полировки ногтей. Ее лицо и руки утратили прежнюю белизну — творение лучших салонов красоты. Никаких модных дорогих платьев из эксклюзивных магазинов на Пятой авеню. Она слишком долго прожила в джунглях, чтобы понять, что все эти изыски цивилизации не помогут ей выжить. Теперь она носила короткую юбку, а на ногах у нее были мокасины, которые Джонгор сшил из шкуры оленя. Ее кожа стала бурой от загара, на лице расцвело созвездие веснушек, а легкое ружье в рукепревращало ее в охотницу древних времен, которая неким чудом раздобыла современное оружие...

— Посмотрите! — неожиданно прошептала девушка, тыча пальцем в сторону водоема. — Что это там?

Джонгор все еще стоял на коленях у кромки воды. Ноблагодаря острому слуху он, очевидно, разобрал шепот девушки, однако даже вида не подал, что что-то слышал. Все его внимание сконцентрировалось на водной глади.

Водоем неожиданно стал меняться. Чистая вода стала темнеть. Джонгор не коснулся воды, и, тем не менее, вода быстро темнела.

— Джонгор! Что это? — спросила девушка.

— Помолчи, сестричка, — прошипел Алан Хантер. — Не мешай ему. Он знает, что делает, — при этом в голосе молодого человека звучали нотки страха. Он доверял Джонгору, но поведение черноволосого, сероглазого гиганта, который опустился на колени перед озерцом, казалось ему более чем странным. Вообще Джонгор для Алана Хантера был загадкой, но то, что происходило с водоемом, не укладывалось ни в какие рамки. Вода становилась все темнее и темнее. И с первого взгляда становилось понятно, что тьма эта не исходила из какого-то источника, а ползла по поверхности озерка. Вскоре вода стала напоминать чернила. Алан Хантер с тревогой наблюдал за происходящим. Джонгор не шевелился. А потом откуда-то из глубины джунглей пришел тонкий, вибрирующий звук, словно множество людей пели хором. Но звук быстро стих. Вновь наступила мертвая тишина.

И тут черную поверхность водоема прочертили полосы света. Алану Хантеру они показались молниями в летнюю ночь, танцующими на фоне далекой грозовой тучи. Он поймал себя

на том, что прислушивается, готовый услышать отделенный гром, но сразу же отогнал все подобные фантазии. Однако вода в обычных водоемах не чернела без всякой видимой причины? и полосы света не танцевали по поверхности воды.

И снова молодому человеку показалось, что он слышит отдаленное песнопение. Он вновь начал внимательно рассматривать озерцо.

Неожиданно вспышки света исчезли. В следующую секунду исчезла и чернота. Вновь озеро было наполнен прозрачной, искрящейся водой. Стайка пескарей? выскользнув из потайного места, продолжила свои игры. Что бы там ни происходило, все закончилось. Джонгор встал с земли.

— Что это было, Джонгор? — спросила Анна Хантер.

Гигант заметно хмурился.

— Послание, — наконец ответил он.

— Послание? — эхом повторила пораженная девушка.

Джонгор натянуто улыбнулся ей.

— Это было письмо на воде от царицы Неске, — объяснил он. Взгляд его оставался задумчивым. Казалось, он не замечал, что ни Анна, ни Алан Хантер не поняли, о чем он говорит. А у самого Джонгора и мысли не возникло о том, что они его не поймут.

— Царица Неск? Письмо на воде? — задохнулась от удивления Анна Хантер. — О чем ты говоришь? Я... Я... — и не найдя подходящих слов, она замолчала.

— Извини, — быстро заговорил Джонгор. — Я забыл, что вы ничего не знаете о царице Неске. Попробую объяснить... Царица Неске отправила мне сообщение. Она написала его на воде, зная, что какую бы дорогу я ни выбрал, я рано или поздно выйду к этому озерцу. Если же случится так, что я через какое-то время вновь выйду к этому озеру, сообщение появится вновь, — гигант печально улыбнулся. — Теперь понятно? — поинтересовался он.

Девушка в замешательстве уставилась на него. Объяснения Джонгора только еще больше запутали ее. Может быть, Джонгор имел в виду, что сообщение послано особым видом радио, которое передавало сигнал не по воздуху, а по воде? Но звучало это слишком невероятно.

— Письмо на воде, — вновь повторила девушка, и в голосе ее прозвучало сомнение. — Что это?

Еще она собиралась сказать, что написать письмо на воде невозможно, но неожиданно сама себя одернула. На просторах Затерянной земли она уже видела слишком многое, что ранее считала невозможным, поэтому утверждать, что письмо на воде не могло существовать, не стоило. В конце концов, она стала свидетельницей странного явления.

— Но... — только и смогла выдавить она.

— Я тоже не понял, — встрял Алан Хантер. — Ради бога, Джонгор, скажи, неужели эти вспышки света были своего рода кодом.

Джонгор кивнул. Он видел, как смутились его спутники.

— Попробую объяснить, — продолжал он. Лицо его по-прежнему оставалось задумчивым. — Мы с царицей Неске друзья. Очень хорошие друзья. Однажды теросы заманили меня в ловушку, и я не смог бы вырваться из лап этих ужасных «птиц», если бы царица Неске не пришла мне на помощь. Она спасла меня, и потом я отправился с неюй в ее страну, на юг Затерянной земли. Там я и изучил письмо на воде.

Джонгор замолчал. Анна и Алан внимательно слушали, ожидая продолжения рассказа.

— Если Неске захочет послать мне письмо на воде, то придет в место, которое ее подданные называют храмом водяного бога, — продолжал Джонгор. — В этом храме есть маленький водоем черной воды. Вокруг водоема много странных инструментов, изобретенных мудрецами ее народа. Я так и не понял, как они работают, хотя Неске рассказывала мне это несколько раз. Все, что я понял: она каким-то образом запускала их. И они передавали ее послание черной воде. А потом независимо от того, где я нахожусь, стоит мне только приблизиться к воде или даже поднести кубок воды к губам, сообщение появится передо мной на поверхности жидкости. Неске использует водуля общения. Понимаете? — закончил Джонгор.

Сомнение было написано на лицах обоих егоспутников.

— Выходит, царица Неске управляет очень развитым народом, — медленно произнес Алан Хантер.

— Они называют себя *аркланами*, — ответил Джонгор. — И утверждают, что их народ самый древний и самый мудрый народ Земли.

— Скромный народ, не так ли? — усмехнулся Алан Хантер. — Мне еще многое не понятно, но если ты считаешь, что все в порядке, то все в порядке. Сейчас важно то, что мы измучены жаждой, словно пара верблюдов, и если водяное письмо царицы не отравило озеро, то нам хотелось бы напиться. Скажи, Джонгор, сообщение царицы водоем не отравило?

Гигант усмехнулся.

— Нисколько не отравило, — ответил он. — Вода отличная. Пейте сколько хотите.

Алан Хантер опустился на колени у воды и начал пить. Анна не двигалась.

— А ты что, пить не хочешь? — поинтересовался у нее Джонгор.

— Я тоже хочу пить, но могу подождать, — ответила девушка. — Как... Насколько я поняла, те вспышки были посланием от царицы Неске?

— Да, — ответил Джонгор.

— А что это было за послание? — быстро спросила девушка. Она выпалила это с такой скоростью, что Джонгор был поражен. Он внимательно посмотрел на Анну, и та покраснела. — Не то, чтобы меня гложет любопытство. В конце концов, это твое дело...

— Анна, почему ты покраснела? — задохнулся Джангор.

— Ничего подобного! — вспыхнула Анна.

— Но ты... — попытался возразить гигант.

— Что я?! — фыркнула девушка.

Джонгор с удивлением посмотрел на нее. Он не понимал, в чем дело. Хотя совершенно очевидно, что Анна сердилась на него.

— Я... Я сказал что-то, что тебя задело? — поинтересовался Джонгор. — Я не имел в виду ничего... Что-то не так, Анна? Не понимаю, в чем дело...

Девушка так ничего не ответила.

Алан Хантер оторвался от воды, повернувшись к своим спутникам.

— Не морочь себе голову, сестричка, — приказал он, а потом добавил, глядя на гиганта: — Она ревнует. Это ее единственный недостаток.

— Попридержи-ка язык! — цыкнула Анна на брата.

Алан проказливо усмехнулся.

— Ревнует? — с сомнением протянул Джонгор. — Не понимаю. Что такое ревность?

— Это означает, что ты получил послание от своей старой подруги, а Анне это не нравится, — стараясь говорить совершенно серьезно ответил Алан. — Это означает, что она готова умереть, лишь бы узнать, что было в том послании... Эй, сестричка, прекрати кидаться камнями.

Анна подняла пригоршню камешков и начала швырять их в брата.

— Я ведь говорила тебе, чтобы ты не лез не в свое дело, — с жаром заявила она.

— Да я ничего такого не сделал, — защищался ее брат.

— Держи рот на замке, — Анна подхватила еще одну пригоршню гальки, но Алан быстро отступил под защиту деревьев.

Джонгор наблюдал за этой парочкой, забавляясь. Его взгляд стал серьезным, когда мир был восстановлен, и Алан, прячущийся за деревьями, поинтересовался:

— Сестричка, видимо, что-то надумала, а, Джонгор? И все же, что было в сообщении от вашей подруги?

Гигант выглядел встревоженным.

— В сообщении... — он колебался, очевидно не очень хотел говорить.

— Конечно, если там не было ничего личного, — подмигнул Алан. — Если же это было приглашение или что-то интимное, можешь не говорить... Эй, вы слышите?

Раздался странный звук, который Алан дважды слышал, пока Джонгор стоял у воды на коленях. Первые два раза, когда он прозвучал, Джонгор был слишком поглощен сообщением царицы Неске. Теперь могло показалось, что он услышал эти звуки в первый раз. Удивление появилось на его лице.

— Эти звуки я слышал и раньше, — объявил Алан. — Что это, Джонгор?

— Аборигены! — ответил гигант.

— Аборигены! — задохнулась Анна Хантер. Так обычно называли диких обитателей австралийских пустынь, которые часто посещали Затерянную землю. Она слишком хорошо знала, что означало это слово. На пути в этот край она уже сталкивалась с дикарями.

— Они далеко? — поинтересовалась девушка.

Джонгор не ответил. Стрела, выпущенная из огромного лука, просвистела над небольшой поляной, которую путешественники только что миновали.

— Вы оба ждите меня здесь, — бросил он через плечо.

Словно тень гигант метнулся в сумрак джунглей.

— Джонгор! Подожди! — торопливо воскликнула Анна.

Но ответа она так и не получила.

— Скорее всего, он отправился на встречу со своей подругой, — ехидно заметил Алан Хантер.

— Нет! — горячо запротестовала Анна. — Он отправился выслеживать дикарей.

— Почему он должен их выслеживать? — поинтересовался Алан. — Джонгор в одиночку может разогнать сотню туземцев. Он не стал бы беспокоиться по их поводу. Скорее всего, его взволновало послание царицы Неске. Мальчишка! Я бы показал всем этим царицам! Темнокожие красавицы... Эй, ты чего?

Анна отвернулась и пошла прочь. Быстро темнело, приближалась ночь. Не успел Алан сообразить, в чем дело, как его сестра растворилась среди деревьев.

— Эй, Анна! — позвал он. — Вернись! Ты же знаешь, что в этих землях опасно разгуливать после наступления темноты.

Анна не ответила.

— Анна! — вновь позвал Алан. — Я же просто дразнил тебя. Разве нельзя немного поребячиться?

Теперь в его голосе послышались нотки паники. Он знал, что Анна безумно влюблена в Джонгора, и, как и все братья в подобной ситуации, не мог удержаться от того, чтобы не поддразнить ее. Он не ожидал, что она настолько рассердится и убежит куда глаза глядят, когда где-то поблизости бродят туземцы.

— Анна, не дури! — позвал он. — Возвращайся!

Но единственный звук, который он услышал в ответ, — далекие завывания дикарей. Казалось, они празднуют что-то

где-то в ночи. Нежный ночной ветерок разносил над джунглями их песнопения. Анна же не отвечала.

Алану ничего не оставалось, как отправиться за сестрой. Он пересек небольшую поляну, и углубился в джунгли. Анна не могла уйти далеко. Он снова позвал ее, но в этот раз намного тише. «Ничего, — думал он, — она несколько минут подергается, а потом успокоится и ответит ему». В любом случае, у нее была винтовка — оружие Гофера, и она могла постоять за себя. Сам Алан потерял свое ружье за несколько месяцев до того, как Джонгор отыскал его в Затерянной земле, и был вооружен тяжелым копьем, которое сделал для него Джонгор. Алан позвал снова.

Крах! Резкий звук выстрела из ружья расколол тишину ночи.

Потом наступила тишина.

Алан Хантер видел вспышку выстрела. Но он не видел, в кого стреляла девушка.

— Анна! С тобой все в порядке? — тихо позвал он.

Подождал, но сестра не отвечала. Ночь оставалась безмолвной. Может, Анна выстрелила в животное, может. в тень. Если она в опасности, то, без сомнения, выстрелит снова. Алан мог и не беспокоиться. Анна могла о себе позаботиться.

Неожиданно Анна закричала.

Крах! Снова прогремело ружье. В этот раз девушка выпалила в воздух.

— Оглянись, Алан! — закричала она.

И крик ее оборвался, словно чья-то рука быстро сжала ее горло. Алан метнулся в ту сторону, где стреляли.

Вжик! Он услышал звук, но не увидел снаряд. Со свистом что-то тяжелое пронеслось по воздуху и ударило Алана по голове. Звезды заплясали перед его глазами. Когда же он падал на землю, ему показалось, что джунгли вокруг него заговорили. А потом сознание покинуло его...

Сознание вернулось к Алану Хантеру вместе с головной болью в затылке. Но гораздо сильнее болело у него под лопаткой. Вроде бы что-то ударило его по голове, но откуда взялся источник боли между лопаток, он понять не мог. Он все еще полностью не пришел в себя. И только открыв глаза, он понял, отчего болит плечо.

Его руки были связаны за спиной. Он сидел на земле, а ноги его были вытянуты перед ним. Его спина была прислонена к столбу, и руки его были связаны позади столба.

В двадцати футах от него, но достаточно близко для того, чтобы он смог почувствовать тепло, горел костер. Всего же костров было четыре, но именно тот. что был прямо перед Аланом, привлек его внимание. Для этого костра дерева не пожалели, и огонь разрастался, становился все более жарким. Такое пламя разводят для того, чтобы, когда дерево выгорит, остались угли, на которых можно было бы пожарить отличный бифштекс.

Несколько человек танцевали возле огня, но Алан никак не мог их толком рассмотреть. В руках у них были щиты, копья и дубины. Они дико, по-варварски завывали, то повышая, то понижая голос в беспорядочном ритме.

«Что тут происходит?» — удивился Алан. Он еще окончательно не пришел в себя. Память еще не вернулась к нему полностью.

— Боже мой!.. — прошептал кто-то рядом с ним.

Алан повернул голову. Справа от него горел еще один костер. Но пламя его почти угасло, и теперь от костра остались только раскаленные угли. Неподалеку от костра тоже был вбит столб, и к нему, точно так же, как Алан, был привязан человек. Он и стонал.

— Боже мой!.. — вновь повторил незнакомец.

Несколько танцоров, отделившись от основной группы, подбежали к связанному незнакомцу. Алан подумал, что они собираются освободить несчастного, помочь ему, а может быть, дать напиться. Вместо этого танцоры начали тыкать в него копьями.

Несчастный завопил.

Аборигены снова и снова вонзали в него копья. Они старались не вгонять их слишком глубоко — они не собирались убивать несчастного. Но каждый раз, когда в плоть входило остроконечное копье, появлялась новая рана и текла кровь.

— Убейте меня и покончим с этим! — закричал несчастный. Он попытался ударить своих мучителей, вырваться, и крепкий шест, к которому он был привязан, закачался от его усилий. Но несчастный так и не смог ни вытащить

шест из земли, ни порвать веревку, стягивающую его руки. Черномазые же с большим интересом наблюдали за его усилиями, и в какой-то миг Алану показалось: еще чуть-чуть — и несчастный освободится. Но и тогда, без сомнения, мучители не оставили бы его в покое.

— Продолжайте, убейте меня! — вопил пленник.

Но дикари только смеялись в ответ.

— Заткнись, Мортон! — неожиданно произнес кто-то низким голосом.

Вывернув шею, Алан увидел еще один шест. К нему был привязан еще один человек. Именно он и приказал пленнику замолчать.

— Они же наслаждаются твоими завываниями и мольбами о смерти, — продолжал второй пленник. — Разве ты не видишь: они же делают тебе больно специально, чтобы ты кричал? Они мучают тебя только для того, чтобы наслаждаться твоими воплями.

— Но они собираются убить нас и съесть, — простонал Мортон. — Уверяю тебя, Шиллер, они поджарят нас на этих углях и съедят.

— И что из того? — невозмутимо ответил Шиллер. — Они живут, зажатые между пустыней и горами. Обычно они голодают, а теперь у них появился шанс хорошенько набить желудок. Возможно, некоторые из них впервые за всю жизнь плотно набьют желудок.

— Нет... Не говори так! — умоляюще взвыл Мортон.

— С тобой одни неприятности, потому что у тебя кишка тонка, — огрызнулся Шиллер. — А теперь заткнись, грязная желтая собака, и умри, как человек, хоть ты и недостоин этого гордого имени.

Стоны Мортона превратились в рыдания. В отсветах костров Алану хорошо было видно, как слезы катятся по лицу несчастного. А дикари, смеясь, вернулись к костру и продолжили свой безумный танец.

Алан Хантер отвернулся, и его вывернуло. Теперь он знал, что происходит и что должно случиться. Его поймали туземцы-людоеды. А еще чуть раньше они поймали двух белых людей. Всех троих они собирались съесть. Единственное, что грело душу Алана: Анна, скорее всего, убежала. Аборигены

ее не поймали. У нее было ружье, и она могла защищаться до тех пор, пока не вернулся бы Джонгор. Она могла бы убежать и спрятаться в джунглях, а потом гигант с легкостью отыскал бы ее.

Анна спаслась!

Он дразнил ее, и она ушла в джунгли. И поэтому останется в живых. К тому же Алан был слишком испуган, чтобы подумать о том, от какого странного поворота судьбы зависела жизнь его сестры. Если бы он не дразнил ее...

Но потом до него неожиданно дошло, что дикари развели четыре костра.

Аборигены развели по одному костру для каждой жертвы. Он видел только двух обреченных, сам был третьим. Но кто же тогда четвертый?

Алан был привязан к последнему из столбов. На другом конце линии находились Мортон и Шиллер. А четвертый костер был разведен поодаль. Выгнув шею, Алан с трудом разглядел еще один шест, в копанный в землю. У подножия этого шеста скорчилась человеческая фигура.

Анна!

Черномазые и ее поймали! Значит, ей не удалось убежать!

Мортон снова начал молиться. Похоже, у него началась истерика. И чем ниже становилось пламя над углями, тем громче он завывал. А Шиллер монотонно проклинал своего товарища.

— Заткнись, черт тебя побери! — кричал Мортон.

Странно, но крик Мортона возымел действие, Шиллер неожиданно замолчал.

Алан Хантер тем временем продолжал бороться с сыромятными веревками, стягивающими его руки. Неожиданно он почувствовал, что те поддаются, и в сердце его зародилась надежда. Если бы он смог их освободить... Но что потом? Дикарей у костров собралось около сотни. Даже со свободными руками у него не было никаких шансов, и он отлично знал это. Но он не оставлял своих попыток. К тому же он мог попытаться освободиться, только когда на него никто не смотрел, а хуже всего было то, что он не видел, что делал.

Единственная реальная надежда была на то, что вернется Джонгор. Гигант, несомненно, что-то придумает и спасет их.

Алан и сам удивлялся тому, насколько доверял сероглазому дикарю из джунглей, однако хорошо понимал, что Джонгор вовсе не сверхчеловек. Однако Джонгор мог сотворить чудо. В открытой борьбе он мог схлестнуться с двадцатью этими дикими туземцами, но и то с трудом... Но даже Джонгор не смог бы сразиться с сотней... И Алан Хантер продолжал работать, пытаясь освободить руки.

На небе встала луна. Языки пламени все еще гуляли над углями. Но теперь языков осталось мало, а жар, исходящий от костра, стал намного сильнее.

Туземцы прекратили танцевать и стали разравнивать груды угля, чтобы удобнее было готовить.

— Боже, — простонал Мортон.

Каннибалы вновь обратили внимание на свои жертвы. По нескольку туземцев побежало к каждому из столбов. Быстро и невнятно болтая между собой, они начали развязывать кожаные веревки, стягивающие руки пленников.

Трумммм! Шшшш! Тьфу!

Три звука последовали друг за другом так быстро, что едва можно было отделить один от другого. Первый звук донеся из джунглей, окружающих поляну. А последний издал чернокожий, выпустивший из рук веревку, стягивающую руки Анны Хантер. Причиной тому стала стрела, ударившая его в грудь. Она вошла так глубоко, что теперь из груди торчало только оперение.

Дикарь сжал кончик стрелы. Он уже был мертвым, но так и не понял, что случилось. Инстинктивно он пытался вытащить стрелу из своего тела. А потом ноги его подкосились. Он упал на землю и больше не шевелился.

Все произошло так быстро, что дикари так и не поняли, что происходит. В первый момент большая часть дикарей решила, что их товарища настигла кара богов. На поляне воцарилась мертвая тишина.

Трумммм!

Снова тишину прорезал странный звук. В тусклом свете костра, мерцая, пронеслась оперенная стрела. Злобно пропев, она впилась в тело другого аборигена.

И тут чернокожие, наконец, сообразили, что случилось. Кто-то спрятался во тьме и стреляет в них! И боги тут совершенно

ни при чем. В джунглях скрывался враг с луком. А как обходиться с врагами, они отлично знали.

Размахивая копьями, аборигены бросились к тому месту, откуда вылетали стрелы.

— Это — Джонгор! — закричала Анна Хантер. — Их слишком много. Ты не сможешь их победить.

Она отлично знала, кто стрелял. Джонгор! Могучий Джонгор прятался где-то во тьме. Осознание того, что гигант пытается их спасти, вновь возродило надежду в груди Анны Хантер. Но, несмотря на то, что она знала, что гигант здесь, она отлично понимала, что чернокожих слишком много. Джонгор мог убить нескольких аборигенов, но не мог же он перебить все племя. Они же задавят гиганта числом, и неважно, насколько хороший он боец. Анна кричала Джонгору, чтобы он бежал, спасался.

Но в ответ на ее призывы из темноты лишь летели новые стрелы.

Дикари выли от ярости. Они не знали, кто стрелял, но, несмотря на то, что стрелы вылетали одна за другой, они подозревали, что их враг — одиночка, скрывающийся в темноте. Они хотели схватить наглеца, развести еще один костер и вновь танцевать, пока он не превратится в «ложе» для углей. Туземцы кричали, пытаясь вызвать незнакомца на бой.

Ответные крики пришли из тьмы. Откуда-то из джунглей донесся голос:

— Двигайся, двоюродный брат змеи! — кричал Джонгор. — Двигайся, я сказал. Давай, шевелись. Ты, гора пищи для червей! Шевелись, а то я сорву чешуйчатую шкуру с твоей костлявой спины. — А потом голос изменил тон. — Беги, малыш, — в голосе зазвучали умоляющие нотки. — Беги быстрее. Беги прямо к тем огням, впереди. Не бойся огня. Я не позволю ему тебе навредить. Беги, малыш, беги!

Что-то зарычало в ночи. Страшно затрещали ветви. Закачались деревья.

Орда дикарей замерла.

— Беги, малыш, — снова зазвучал голос Джонгора. — Будь хорошим мальчиком и беги очень быстро.

В ответ раздалось громкое фырканье.

Расшвыривая обломки кустов направо и налево, из джунглей выскочило нечто огромное. А потом тварь запрокинула голову и попятилась от огня.

— Ты, чудовищная малодушная гора! — кричал Джонгор. — Эти костры тебе ничуть не повредят, а вот я тебе мозги точно вышибу. Вперед, я сказал. Костры тебе не повредят. Напрягись!

Потом послышалась серия громких хлопков, словно кто-то лупил дубиной по костистой спине.

Тварь фыркнула. Она направилась к огню. Земля затряслась, когда тварь приблизилась.

— Да поможет нам Бог! — закричал Мортон. — Это дьявол пришел за нами.

— Заткнись! — зашипел на него Шиллер. — Что бы это ни была за тварь, она явилась, чтобы помочь нам.

Вот гневные крики туземцев стихли. А зверь тем временем полностью выбрался из джунглей. Теперь можно было хорошенько рассмотреть его. В два раза выше человека, тварь и в самом деле была гигантской. Она, должно быть, весила тонны. Земля вибрировала при каждом ее шаге.

Однако туземцы были настоящими дикарями. Они не побежали бы, предстань перед ними хоть сам дьявол. Анна Хантер видела, что они ничуть не боятся винтовок белого человека. Они были бесстрашными бойцами и могли без колебания лицом к лицу столкнуться со смертью. Они готовы были встретиться с чудовищем, которое явилось к ним из ночных джунглей.

— Разорви их на куски, малыш, — продолжал командовать Джонгор. — Втопчи их в грязь.

Вновь фыркнув, чудовище направилось в сторону дикарей.

— Боже! Да это же динозавр! — закричал Шиллер. Недоверие и изумление звучало в его голосе. Пока животное пробиралось по джунглям, его было толком не рассмотреть, теперь же, когда оно выбралось из тени деревьев и оказалось залито лунным светом, можно было рассмотреть все детали.

У Шиллера даже не возникло вопросов относительно того, что он увидел. Перед ним был динозавр.

Но самым поразительным было вовсе не существование доисторического чудовища.

На спине чудовища был всадник, самый большой человек из всех, кого только видел Шиллер. Это был тот самый человек, что

кричал в джунглях. Подобно цирковому наезднику, он сидел на спине динозавра. В его левой руке был огромный лук.

Траммм! Траммм! Траммм!

Воин посылал стрелу за стрелой, прямо в массу дикарей. Каждый раз, спуская тетиву, гигант кричал:

— Покажи им, *дино*!

Алан Хантер услышал его крик. И он повторил его, для того чтобы было как можно больше шума. И Хантер, и Джонгор знали, что шум — столь же эффективное оружие против туземцев, как и стрелы. Шум их пугал.

Джонгор знал, что эти крики могут обратить канибалов в бегство. Потому что сейчас их было слишком много даже для того, чтобы победить их с помощью динозавра. Одно хорошо нацеленное копье или брошенная дубина сбили бы воина со спины чудовища. Если бы подобное произошло, то толпа дикарей просто захлестнула бы гиганта. Джонгор рассчитывал, что неожиданное появление динозавра испугает дикарей. Проживая на краю пустыни и Затерянной земли, дикари не осмеливались штурмовать горы, чтобы попасть в потайную долину. Они никогда не видели динозавров. По крайней мере, так думал Джонгор. Только один вид гигантской твари должен был испугать их до смерти. Вопя изо всех сил, Джонгор направил динозавра на дикарей. Но они и не думали бежать.

Наконец они дрогнули и начали отступать. Потом их предводитель закричал, называя их шелудивыми трусами, которые питаются только желтыми собаками. Он выпрыгнул вперед и, потрясая тяжелым копьем, с воплями бросился на динозавра. И он не стал опрометчиво метать свое оружие. Увидев наездника, он сразу понял, что тот — единственный воин, которого стоит бояться.

И он решил достать Джонгора. Гигант же совершенно спокойно натянул лук. Он видел предводителя дикарей, и тот отлично видел гиганта. Динозавр и абориген бросились навстречу друг другу. Расстояние между ними быстро сокращалось. Джонгор подозревал, что каннибал собирается выждать, пока динозавр не окажется рядом, потом метнуть копье и отпрыгнуть в сторону.

Если бы все аборигены применили подобную уловку, подпустили бы поближе рычащее чудовище и принялись бросать

копья в его наездника, тот вскоре напоминал бы подушечку для иголок, утыканную тяжелыми копьями-булавками. Он должен был прикончить эту важную шишку черномазых. Положив стрелу на тетиву, он ждал. Боковым зрением он видел костры и столбы, к которым были привязаны будущие жертвы.

К тому же один из несчастных вопил во все горло.

— Отправь всех их в ад, Джонгор! Разорви их на части! Коси их! — это кричал Алан Хантер.

Рядом с ним, каждый к своему столбу, были привязаны еще двое белых. Их Джонгор видел в первый раз, зато он отлично знал пленницу, привязанную к последнему столбу. Анна! Кроме того, гигант отлично знал, что с ней случиться, если он не сумеет разобраться с аборигенами.

— Беги быстрее, — с надеждой в голосе попросил он.

Динозавр фыркнул и рванулся вперед.

В последний момент предводитель дикарей бросился в сторону. Он занес копье, готовый метнуть его в любую секунду. Дикари с легкостью метали копья на тридцать-сорок футов, при этом обычно попадая в цель. А их вождь на таком расстоянии просто не мог промахнуться.

Вздох разом вырвался из груди сотни дикарей, наблюдающих за происходящим. Их предводитель знал, как победить чудовище, явившееся из ночной тьмы. Он не боялся. В этот миг аборигены гордились своим вождем, и как только он покажет, что ужасную тварь можно поразить копьем, они все разом кинутся в атаку. Дикари следили за его рукой, сжимавшей копье.

Трам-м-м!

И на голой черной груди вождя неожиданно выросло варварское украшение. Кусок прямой палки с оперением на конце. Со стороны могло показаться, что она неожиданно выросла из груди.

Стрела Джонгора! Он ведь тоже выжидал до самого последнего момента, пока абориген не занес руку для того, чтобы бросить копье. На долю секунды перед броском вождь каннибалов открылся — и стал отличной мишенью.

Джонгор дождался. Стрела отправилась в цель.

Копье выпало из обессилившей руки. Крик кровавыми пузырями зашелся на губах вождя, а потом резко оборвал-

ся, когда тот упал. Мгновение — и предводитель аборигенов шлепнулся на землю и замер без движения.

Ужас сковал каннибалов. Их вождь, самый могучий воин племени, самый сильный из них, пал. Страх внезапно охватил их. Если их вождь не смог победить, то как они, более слабые существа, смогут победить это ночное чудовище? Объятые страхом, дикари попятились, прислушиваясь к воплям гиганта, оседлавшего чудовище.

— Отправь всех их в ад, малыш!

Этим крикам вторила одна из жертв, привязанная к столбу. Словно воинственные боевые крики, их вопли эхом разносились по темным джунглям.

Однако дикари могли бы пережить гибель своего вождя. Они могли бы даже попытаться прикончить динозавра. Но вождь погиб в тот миг, когда, по их мнению, он уже почти победил, а ужасное животное фыркало, земля дрожала от его поступи, всадник, восседавший на чудовище, безумно кричал — слишком много для их напряженных нервов.

Они не выдержали и побежали.

А Джонгор уже был среди них! Теперь, когда аборигены бросились бежать, пришло время наказать их — время, чтобы обратить их в паническое бегство. Если бы у каннибалов нашлось время подумать, они могли бы сообразить, что всадника легко прикончить, метко метнув копье. Но Джонгор не собирался давать им время на раздумье. Тетива его лука пела песню смерти, а динозавр топтал бегущих. Некоторые, те, кому повезло меньше других, были раздавлены. Их крики, вкупе с воплями раненых превратили ночную тишину в настоящую какофонию.

Дикари бежали в джунгли, ища защиты под сенью могучих деревьев. Но Джонгор преследовал их, не давая передышки. Только когда он убедился, что напугал каннибалов настолько, что они и думать забыли о том, чтобы вернуться к кострам, он возвратился освободить жертв.

— Спасибо, — пролепетала Анна Хантер. — Я...

Она собиралась держаться холодно и спокойно. А вместо этого упала в обморок на руки Джонгора.

— С ней все в порядке? — с сомнением поинтересовался у Алана гигант. — Она не ранена?

— Всего лишь лишилась чувств, — пояснил брат Анны. — Черт побери, но все девушки склонны к этому! Не бери в голову. Она придет в себя через несколько минут. Я и сам едва не лишился чувств, когда услышал: «Отправь их в ад, малыш».

— Единственное, что я сумел придумать, — признался Джонгор. — Помню, вы говорили мне, что в Америке воины, бросаясь в атаку, выкрикивали что-то...

— Нет, у нас это было по-другому, — усмехнулся Алан Хантер. — К тому времени, как ты появился, я и надежду потерял. Думал, что ты, даже если обнаружишь нас, не придумаешь, как нас выручить.

— Можешь меня не благодарить, — ответил Джонгор. — Лучше поблагодари моего маленького друга, — он кивнул в сторону динозавра. Большое животное фыркало, косясь на горящие угли. Огонь был ему в новинку. — Он боится, что огни съедят его, — пояснил Джонгор, хлопнув здоровое чудовище по передней лапе. — Не бойтесь этого малыша. Я защищу тебя от этих ярких горячих углей. Большой дурак! Не пихай туда свой нос!

Динозавр фыркал, слишком приблизившись к горящим углям. Подпалив нос, он резко отвел голову, повернувшись в сторону Джонгора.

Джонгор погладил обожженное место.

— Большой дурак, — с нежностью произнес Джонгор. — Ступай вон туда, — приказал Джонгор.

Шиллер и Мортон молчали — испуганные свидетели этой маленькой сцены. Джонгор перерезал веревки, которыми они были привязаны к столбу. Занимаясь с Анной, он совершенно забыл о них. Шиллер и Мортон никак не могли примириться с мыслью, что динозавр может быть домашним любимцем.

— Он ведь разговаривает с этой тварью! — задохнулся Мортон. — Он обращается с этим чудовищем, словно это всего лишь большой кот. Он обращается с динозавром, словно это — домашний зверек!

Джонгор бросил через плечо взгляд на парочку незнакомцев.

— Это и в самом деле домашний зверек, — объявил гигант, наконец обратив на них внимание.

— Вы говорите так, будто этот зверь понимает вас, — удивился Шиллер.

— Он понимает меня, — заверил его Джонгор.

Мортон же быстро ретировался — отошел подальше. Человек, который утверждал, что разговаривает с динозавром и тот его понимает, очевидно был безумен. Шиллер покачал головой.

— Вы говорите это серьезно? — продолжал он.

Джонгор заколебался, прежде чем ответить. Он внимательно осмотрел двух незнакомцев. Прежде он никогда не видел ни того, ни другого.

— До того как я отвечу, вы должны рассказать мне, что вы делали в этих землях?

— Не все... — начал было Мортон.

— Мы охотились в пустыне на кенг, — перебил его Шиллер. — Потом мы заблудились, и у нас иссяк запас воды. Мы были едва живы, когда увидели вдали горы. Не помню, как мы добрались до них, но, так или иначе, нам это удалось. Тут дикари нас и схватили, — и он пожал плечами. — Остальное вы знаете.

— Мы хотели бы поблагодарить вас за то, что вы нас спасли, — торопливо добавил Мортон.

— Не нужно меня благодарить, — отмахнулся Джонгор. Благодаря заботам брата, Анна Хантер пришла в себя. Джонгор встал возле нее на колени и убедился, что она цела и здорова.

— Мы говорили о том, как вы контролируете динозавра, — продолжал гнуть свое Шиллер, встав позади гиганта. — Вы сказали, что разговариваете с динозавром и он понимает вас. Неужели такое возможно?

Джонгор заколебался. Так или иначе, но этой парочке он не доверял.

— Расскажи им, — начал подначивать Джонгора Алан Хантер. — Они ведь с ума сойдут, пытаясь догадаться, как ты это делал. Я тоже едва не сошел с ума, когда увидел это в первый раз. Тогда ты ехал на одном из мелких ящеров. Расскажи им...

— Хорошо, — кивнул Джонгор, и указал на кристалл, вставленный в полосу металла, который он носил на левом запястье. — Этот кристалл помогает мне управлять *дино*.

— Ух, ты! — задохнулся Шиллер.

— Да, — кивнул Джонгор. — Когда я говорил, что разговаривал с *дино*, и тот понимал, что я говорю, я имел в виду именно то, что говорил. Не то, чтобы он понимал слова, но когда я говорю, или даже не говорю, а о чем-то напряженно думаю, то мои ментальные импульсы передаются животному. Этот кристалл соединяет мой разум с разумом дино. Именно так, с помощью кристалла, я управляю моим маленьким другом.

Шиллер безмолвно уставился на Джонгора. На лице этого человека не было никаких эмоций. А Мортон отступил еще дальше.

— Вы сами сделали этот кристалл? — поинтересовался Шиллер.

Джонгор рассмеялся.

— Нет, конечно, — возразил он. — Я не делал его. Боюсь, что тайна создания подобных кристаллов умерла много тысяч лет назад. Я его нашел.

— Нашли! — с удивлением прошептал Шиллер.

— Да.

— Где?

— На просторах Затерянной земли, — ответил Джонгор. — Его сделали *мурийцы* тысячи лет назад, и тайна его создания была потеряна. Я же нашел его и научился им пользоваться, но если вы хотите узнать, как мне это удалось или как сделать еще один такой, вы должны спросить у кого-то другого.

— Затерянная земля! — задохнулся Мортон. — Должно быть там...

Шиллер обернулся и внимательно посмотрел на своего спутника. Мортон тут же смолк.

— Ах да, Затерянная земля, — протянул Шиллер. — Звучит заманчиво. Вы не могли бы побольше рассказать об этом месте?

— Завтра поговорим, — отрезал Джонгор. — Теперь нам нужно отдохнуть.

— Хорошо, — кивнул Шиллер. — Завтра.

— Мне очень жаль, — вздохнул Джонгор, — но дальше вы отправитесь без меня.

Уже расцвело. Огромный красный шар солнца только-только выглянул из-за края горизонта. Его яркие лучи

высветили группу людей на берегу озера, спрятавшегося посреди джунглей.

— Без тебя? — задохнулся от удивления Алан Хантер. — О чем ты говоришь? Мы не пойдем без тебя. До пустыни нам еще шагать много миль. Ты один знаешь все источники в этих краях. Да и пустыню мы без тебя не одолеем.

Джонгор пожал массивными плечами. Он тоже чувствовал себя неловко. Легче было победить сотню дикарей, чем сказать то, что он должен сказать.

— Без всякого сомнения, вам это удастся, — жалобно произнес он. — Шиллер и Мортон, — тут он махнул в сторону новых знакомых, которые стояли чуть в стороне не понимая, что происходит, — знают пустыню. Скорее всего, они знают расположение оазисов намного лучше меня. Они смогут проводить вас... Вы проводите Алана и Анну Хантер? — спросил он, с надеждой посмотрев на новых знакомых.

— Без сомнения, — тут же отозвался Мортон. — Рады будем. Ведь и нам надо выбираться из этого...

Шиллер медленно покачал головой.

— Конечно, мы сделаем все, что в наших силах, — заверил он. — Есть только один вопрос: как нам самим найти дорогу? Мы же заблудились, прежде чем оказались в этих краях.

Джонгор согласился, что Шиллер прав. Так как Шиллер и Мортон сами заблудились, то приглашать их на роль проводников было бы глупо. К тому же, Джонгор понимал: это его обязанность — вывести людей из Затерянной земли. И еще он отлично знал, что не сможет этого сделать. А ведь Анна Хантер не сводила с него взгляд. Ее лицо побледнело от напряжения.

Гигант знал, что девушка не раз встречала опасность лицом к лицу, но никогда она так сильно не бледнела. Ни разу за все то время, что он ее знал, она не колебалась. А теперь ее внешний вид говорил об обратном.

— Ты сказал, что отведешь нас назад к цивилизации, — промямлила она, заметно побледнев.

— Помню, — ответил Джонгор, и выглядел он по-настоящему несчастным.

— Ты говорил, что поедешь с нами в Америку, что...

— Я все помню, — ответил Джонгор.

— Ты передумал?

— Нет! Тут совсем другое дело.

— Тогда почему ты так поступаешь?

— Я не могу, — объявил Джонгор.

— Почему ты не можешь?

— Царице Неске нужна моя помощь, — ответил он.

— Царице Неске? — разволновалась девушка. — Все дело... Все дело в том сообщении...

— Да, — согласился Джонгор. — Это был зов — просьба о помощи. Если помнишь, мы выгнали *муритов* из их города. Теперь же они напали на земли царицы Неске. Так вот, царица утверждает, что это — моя вина, что я был неправ, разрушив город *муритов*. Если бы не это, они не напали бы на ее земли. А раз так, то моя прямая обязанность — явиться и защитить ее страну от надвигающейся угрозы, которую я же сам и создал.

— Ты должен ей помочь? — прошептала Анна Хантер.

— В свое время она спасла мне жизнь, — просто ответил Джонгор. Для него такого утверждения было вполне достаточно. Он был не искушен в премудростях цивилизованных отношений, но закон джунглей, которому он следовал с раннего детства, гласил, что нельзя отказаться помочь другу, если он просит об этом. Такую просьбу ни в коем случае нельзя игнорировать. Он надеялся, что Анна спокойно примет эту истину. Так или иначе, для него было очень важно, чтобы она его поняла.

— Значит ты... возвращаешься туда? — она махнула в сторону Затерянной земли. Для нее Затерянная земля означала горы и болота, джунгли, жару и дождь. Для нее это была земля, где смерть на видимых крыльях скользила к земле с высоких утесов, где ловушка таилась за каждым деревом, где постоянно нужно было опасаться клыков и когтей хищников.

— Да, — кивнул Джонгор. Для него Затерянная земля была домом. Он легко мог избежать смерти, которая поджидала неопытного путешественника на каждом шагу. И он понимал, что не имеет права просить ее вернуться с ним в эту страну.

— Вместе с Шиллером и Мортоном вы отыщите дорогу через пустыню, — заверил он Анну и ее брата. — Ждите меня

в первом городе, который попадется вам на пути. Я догоню вас, как только все улажу.

— Нет, — твердо сказала девушка.

— Но...

— Если ты должен вернуться на просторы Затерянной земли, то я отправлюсь вместе с тобой.

— И я тоже, — добавил ее брат.

Джонгор с удивлением уставился на эту парочку. Но это были его друзья, единственные настоящие друзья, которых он имел.

— Вы не должны туда возвращаться, — наконец проговорил он.

— Какого черта! — взорвался Алан Хантер. — Если ты думаешь, что Анна позволит тебе без сопровождения нанести визит этой варварской царице, ты сильно ошибаешься. Ты должен это отлично понимать.

Анна Хантер покраснела.

— Лучше держи на замке свой длинный язык, — огрызнулась она на брата, а потом обратилась к Джонгору. — Когда мы выступаем?

Джонгор усмехнулся.

— Прямо сейчас, — а потом кивнул в сторону динозавра. — Мы поедем верхом на моем маленьком друге. Нам нужно как можно скорее добраться до владений царицы Неске. Она передала, что находится в страшной опасности.

Все это время Шиллер и Мортон внимательно слушали разговор друзей. Они даже не пытались вставить свое слово, теперь же Шиллер выступил вперед:

— С вашего разрешения, мы хотели бы отправиться с вами, — обратился он к Джонгору.

— Эй! Подожди минутку! Я не... — но Мортон неожиданно замолчал, стоило его товарищу наградить его пристальным взглядом.

Шиллер похлопал по прикладу винтовки — когда черномазые в панике разбежались, он вернул себе оружие и патроны,

— Мы прибавим две винтовки к вашему арсеналу, — объяснил он. — В этой стране пара стволов будут не лишними.

Джонгор колебался. Он-то считал, что Шиллер и Мортон должны поспешить назад в свой цивилизованный мир. А

вместо этого Шиллер добровольно хотел попасть в долину Затерянной земли. Гигант внимательно изучал искателя приключений. Что скрывалось за этим предложением помощи?

— Почему вы хотите пойти с нами? — спросил он.

— Полагаю, мы слегка вам должны, — ответил Шиллер. — Вы нас спасли. Отправиться с вами — меньшее, что мы можем сделать для вас.

— Думаете, что сможете помочь? — Джонгор все еще внимательно изучал Шиллера. Перед ним был сильный человек, а холодный взгляд его светло-голубых глаз говорил о целеустремленности. Шиллер на вид был из тех людей, кто не остановится, пока не доведет дело до конца. Такие люди могли стать или надежными друзьями, или смертельно опасными врагами.

— Конечно, мы сможем помочь, — заверил гиганта Шиллер.

— Но Затерянная земля полна опасностей, — предупредил Джонгор.

Шиллер пожал плечами.

— Я и раньше бывал в опасных странах.

— Вы точно не хотите вернуться? — упорствовал Джонгор.

— Весь вопрос в том, сможем ли мы сами это сделать? — парировал Шиллер. — Нам ведь нужно пересечь пустыню. Единственный шанс, который у нас есть, так это отправиться с вами. Если мы останемся здесь, то погибнем. Если мы даже избежим туземцев-каннибалов, то пустыня нас прикончит. Вам ничего не остается, как взять нас в Затерянную землю.

В его голосе звучали просительные нотки. И выглядело все это, как просьба человека слишком гордого, чтобы просить дать ему шанс выжить.

В том, что сказал Шиллер, имелась определенная правда, и Джонгор это признавал. Дикари далеко не ушли. Они наверняка устроят охоту на сбежавших. Печальной была бы участь любого человека, попади он повторно в руки каннибалов. Так что оставить эту парочку без защиты означало вынести им смертный приговор.

— Можете идти с нами, — наконец объявил Джогор.

— Спасибо, — поблагодарил Шиллер. — Вы не пожалеете о своем решении, — но глаза его по-волчьи глядели, когда он произносил эти слова. В этот миг он напоминал человека, который одержал большую победу.

Мортон хмурился, но молчал.

Потом все пятеро перебрались на спину дино.

— Давай ходу, малыш, — приказал Джонгор.

Большое животное фыркнуло в ответ, и Джонгор направил его в узкое, извилистое ущелье, которое в конечном итоге должно было привести в Затерянную землю.

На следующий день они проехали последний узкий поворот ущелья. Теперь перед ними лежала бескрайняя долина Затерянной земли. Она протянулась до гор, возвышавшихся далеко у самого горизонта, — широкая равнина, заросшая зелеными джунглями. Тут и там темные, низко нависшие тучи отмечали места, где сейчас шел дождь. Долина казалась пропитанной влагой. Ветра, несущие с моря тяжелые дождевые облака, вынуждены были отдавать земле воду, не в силах перенести ее через горы. Заброшенная земля очень напоминала джунгли Новой Гвинеи и Борнео, где постоянно идут дожди. Вода и тропический климат совместно создали непроходимые джунгли.

Пейзаж, открывшийся из узкого ущелья в горах, находящегося намного выше долины, напоминал картину кисти одного из старых мастеров. Группа путешественников остановила своего скакуна, любуясь открывшимся видом.

— В этой долине есть что-то притягательное, — заметил Алан Хантер. — Вообразите, что вы — первый человек, который увидел эту картину, — он махнул рукой, обводя жестом всю долину. — Она напоминает райский сад, — замолчав, он повернулся к Джонгору. — Может, это и есть райский сад? Может быть, он на самом деле располагался здесь, а не в Средней Азии, как считают наши историки? Что ты об этом думаешь, Джонгор?

— Не знаю, — пожал плечами Джонгор. Он смотрел на долину другими глазами, чем остальные. Джонгор не замечал красоты открывшегося пейзажа, да и не красоты он выглядывал. Джонгор высматривал совершенно другое — защищенное место, чтобы провести ночь или хотя бы отдохнуть несколько часов и пополнить запасы воды. А там, глядишь, ему удалось бы подстрелить оленя. Запасы продовольствия тоже необходимо было пополнить. К тому же Анна Хантер и ее брат нуждались в отдыхе, точно так же как Шиллер и Мортон. Точно так же, как и динозавр. Большое животное могло приложить гигантское усилие,

но в течении небольшого отрезка времени, а от длительного перехода динозавр страшно устал. Через кристалл на запястье Джонгор чувствовал волны усталости, которые, подобно серым потокам, текли через тело животного. Да, дино должен был отдохнуть. Нужно было отпустить его на ночь, чтобы он нашел себе пропитание и отыскал болото.

По обе стороны от ущелья вытянулись утесы. Справа Джонгор заметил укромный уголок, защищенный деревьями. Сквозь зелень поблескивала вода, а значит, там было болото. Уверившись, что зрение не обманывает его, Джонгор хлопнул по массивному плечу динозавра.

— Спускайся по склону, забирая вправо. Не торопись. Теперь нам спешить некуда.

Большое животное медленно заковыляло вниз по склону. Оно выглядело неуклюжим, но столь же устойчивым, как мул. Джонгор направил его к укромному уголку, который приметил сверху. Остальные последовали за ними своим ходом.

— Отдохнем здесь, — объявил Джонгор. — А ты, малыш, можешь пойти и напиться. А если тебя цапнет крокодил, можешь укусить его в ответ.

Фыркая в предвкушении удовольствия, динозавр понесся к воде и врезался в ее толщу, словно спущенный на воду огромный линейный корабль. Мортон посмотрел ему вслед.

— Я бы и сам не прочь поплавать, — заметил он. — Как насчет этого, а, господин Джонгор? Вы не возражаете?

Джонгор улыбнулся, услышав звенящее «господин» и столь наивный вопрос.

— Можете поплавать, если хотите, — кивнул он. — Но помните, что я сказал *дино* о крокодилах.

— Черт возьми! — задохнулся Мортон. — Есть тут крокодилы или нет?

Мортон торопливо бросил взгляд на озерцо.

— Я собираюсь поохотиться, — объявил остальным Джонгор. — А вы оставайтесь здесь и отдохнете.

— Хотите, я отправлюсь вместе с вами? — поинтересовался Шиллер. — У меня винтовка...

Джонгор погладил свой большой лук.

— Спасибо, не стоит, — сказал он. — Я предпочитаю это. Ружья слишком сильно шумят. Если в окрестностях есть

один из *муритов*, то они сразу постараются проверить, кто стрелял.

Таким образом, предупредив своих спутников, Джонгор скользнул в джунгли.

Появление этого небольшого отряда в Затерянной земле вызвало настоящее волнение в группе *муритов*, скрывавшихся в утесах неподалеку. Группа сбилась в местечке, откуда отлично просматривался узкий вход в Затерянную землю. На этом скальном выступе было полным-полно обгрызенных костей и других останков, так что было очевидно, что эта группа давно находилась тут, по крайней мере в течение нескольких дней.

В этом отряде было пятнадцать существ: четырнадцать — *муриты*. Они были ниже ростом, чем средний человек, но более коренастыми, с приземистыми мускулистыми телами, покрытыми редким, мягким мехом. За исключением кованных металлических украшений на руках, они были совершенно голыми и напоминали больших, могучих обезьян, но размер их голов говорил, что они обладали гораздо большим интеллектом, чем любая обезьяна. Они напоминали полулюдей — существ, которые развились из обезьян, но еще не достигли человеческого уровня. Животных они напоминали и тем, что обладали длинными, чрезвычайно волосатыми хвостами.Пятнадцатый член отряда еще меньше напоминал человека, чем остальные. Голова, плечи, руки и туловище его были как у человека. На этом подобие и заканчивалось. Он имел тело коня. Кентавр!

Когда Джонгор и другие на *дино* впервые появились в поле зрения этой группы, среди обезьяноподобных существ на утесе началось волнение.

— Кто-то приближается! — прошипел часовой.

Мурит по имени Великий Орбо верховодил отрядом. Он был больше остальных, с могучими мускулами, намного сильнее своих спутников — совсем недавно он был начальником стражи царя *муритов*, но после того, как царя застрелили, сам провозгласил себя вождем *муритов*. Его хвост был более длинным и пушистым. В дополнение к браслетам из кованного металла, он носил на шее ожерелье из больших искрящихся драгоценных камней в оправе из желтого металла — знак власти.

— Кто приближается? — обратился Орбо к часовому.

Часовой покосился на расселину — вход в долину.

— Точно не уверен... Ах! Теперь я вижу! Великий Орбо! Это — он! Это — он! Большой гигант из джунглей — тот, кого мы ищем.

Это известие вызвало необычное волнение. Все обезьяноподобные существа разом уставились на ущелье. Хотя теперь они стали двигаться с большой осторожностью, стараясь не выдать себя. Вскоре можно было хорошо рассмотреть усталого динозавра и его наездников.

— Это — Джонгор! — взбесился Орбо. Сжав кулак, он погрозил динозавру и его наездникам. — И девочка с ним. И ее брат. Но кто двое других?

Это был вопрос, на который никто не мог отвечать.

— Не имеет значения, — наконец решил Орбо. — Трое или пятеро, мы всех их схватим. Что ж, Джонгор! — он еще раз погрозил кулаком динозавру и его наездникам. — Скоро ты снова окажешься в нашей власти. Ты думал, что сбежал... сбежал от нас навсегда, а теперь мы приветствуем твое возвращение в Затеряную землю. Теперь, Джонгор, посмотрим, понравится ли тебе то, что мы тебе приготовили!

Обезьяно-люди ликуя пустились в пляс. Кентавр же не обратил внимание на столь очевидное выражение чувств. Он держался в стороне, так как относился к своим спутникам с презрением, как к низшим существам. Неожиданно Орбо обратился к нему.

— Эй, Моздок! — с радостью начал Орбо. — Вижу, ты выполнил свое обещания. Ты вернул Джонгора.

Кентавр пожал плечами.

— Естественно, как я и планировал, это должно было сработать, — проговорил он. — Джонгор не смог определить происхождение водного послания. Он подумал бы, что его отправила царица Неске. Он должен был вернуться.

— И попасть в нашу западню! — добавил Орбо. — Это ты отлично придумал. Я хочу поблагодарить тебя. Все мы хотим поблагодарить...

— Не думайте, как отблагодарить меня, — перебил его Моздок. — Я выполнил свою часть соглашения. Только заплатите оговоренную цену.

— Цену? Ах да, цену, — пробормотал Орбо, утратив большую часть своего энтузиазма. Он хитро взглянул на Моздока, словно оценивая силу лошадиного тела и разум, сокрытый в большой человеческой голове.

Моздок словно прочитал мысли своего собеседника.

— Если думаешь перерезать мне горло, вместо того чтобы заплатить, — начал он, — я бы порекомендовал тебе изменить планы. Попытка перерезать мне горло ничем хорошим для тебя не закончится.

— У меня и мысли подобной не было! — торопливо проговорил Орбо. — Ничего подобного. Вы плохо обо мне думаете...

— Главное, заплати, — перебил его Моздок.

Орбо неохотно зашел в маленькую пещеру, вход в которую располагался рядом. Там он забрал маленький мешочек из оленьей кожи, а потом высыпал его содержимое в протянутые руки Моздока.

Большие блестящие алмазы, драгоценные камни столь же большие, как яйца курицы, посыпались из мешка. Богатство махараджаха, сокровища всех королей Куша и далекого Катая — целое состояние, и даже больше того. Пока они сыпались в протянутые руки Моздока, глаза того блестели ярче, чем драгоценные камни. Один за другим кентавр прятал драгоценности в мешочек, который носил на талии.

— Вы, *муриты*, незаслуженно обладаете такими драгоценностями, — пробормотал он, когда последний драгоценный камень исчез в мешочке.

— У нас драгоценностей больше, чем необходимо, — похвастался Орбо.

— Когда-нибудь, возможно, я помогу тебе пересчитать их, — пробормотал Моздок. Он повернулся и неспеша направился вдоль скалистого выступа к тому месту, где начиналась каменная лестница, ведущая в джунгли, расположенные далеко внизу.

— Все-таки стоило перерезать ему горло, — пробормотал Орбо, глядя вслед кентавру. — Но какая польза в сверкающих камнях, если вместо них можно получить то, что хочешь?

Его взгляд скользил по джунглям. Он видел, что динозавр отправился в болото, видел, как пять человек расположились в укромном уголке под деревьями, видел, что Джонгор отвесил

своим спутникам глубокий поклон и бесшумно исчез в джунглях.

Джонгор был именно тем, кто был нужен Орбо, Джонгор и месть. Джонгор разрушил город *муритов*, уничтожил их чудо-оружие — Вибрирующую смерть и летучий корабль — творение их далеких предков. Орбо решил, что гигант джунглей должен заплатить — за это и многое другое, а невеста Солнца, вернуться к своему жениху...

Орбо внимательно изучал людей, оставшихся на краю джунглей, наблюдая, что они делали, но смотрел на них, словно они были пустым местом. Потом он начал нашептывать приказы своим косматым подданным.

Над Затерянной землей воцарились сумерки. Темные мрачные тени гор, окружающих долину, легли на землю, вытянув длинные черные пальцы теней через джунгли. Постепенно, мало-помалу стали затихать крики птиц. Где-то далеко в зеленой чаще прорычал хищник, который проспал весь день и только теперь пробудился, чтобы отправиться на поиски пищи.

В укромном уголке за деревьями Анна Хантер сняла мокасины. Винтовку она положила рядом. Она отдохнула, и теперь чувствовала себя посвежевшей. Тем временем Мортон и ее брат собрали сухие ветки и теперь рыли яму в земле. Они хотели развести в этой яме огонь, маленькое пламя, которое даст мало дыма и будет невидимым на расстоянии пятидесяти ярдов. Когда Джонгор вернется, они на углях пожарят сочные бифштексы. Хотя приготовление бифштексов — ее работа. Раньше она готовила только для тех, кого считала своими близкими — для брата и Джонгора. Теперь к их отряду прибавилось двое незнакомцев. И Анна думала именно о них.

Шиллер же сидел в тишине, в стороне от остальных. Он даже не пытался помочь, погруженный в собственные темные мысли.

Кроме того, Анна Хантер думала о Джонгоре и царице Неске.

— Будь она проклята! — внезапно прошептала Хантер.

Она ненавидела царицу Неске, хотя никогда не видела и до последнего времени даже не подозревала о ее существовании. Именно сообщение Неске заставило Джонгора вернуться в эти земли. Но существовала ли настоящая причина

для неприязни? Ведь Джонгор никогда не смог бы отвернуться, если бы кто-то из его друзей позвал его на помощь. Но что, если царица Неске была больше чем друг? Что, если она — возлюбленная Джонгора? Что, если Джонгор некогда был влюблен в Неске? И не влюбится ли он в нее снова, если увидит?

Мужчине подобная проблема не казалась бы столь уж важной. Мужчина в таком случае пожал бы плечами и сказал:

— Да и черт с ним...

Но для девушки не было более важной проблемы. Анна Хантер подозревала, что в лице царицы Неске она имеет опасную соперницу.

Неожиданно Анна подумала о том, что неплохо бы встретить Джонгора, когда он будет возвращаться с охоты. Это показалось ей очень хорошей идеей. Если он убьет оленя, она даже могла бы помочь ему нести добычу. Она вновь натянула свои мокасины, взяла ружье.

— Эй, сестричка, куда это ты собралась? — поинтересовался у нее Алан Хантер.

— Встречу Джонгора, когда он будет возвращаться.

— И поможешь этому силачу нести добычу? — усмехнулся брат.

Она только фыркнула, ничего не ответив.

— Только далеко не уходи, — строго бросил он ей вслед.

— Не буду, — пообещала Анна. Она и не собиралась идти далеко. Во всяком случае, у нее с собой была винтовка и местность она немного знала. Держась на достаточном расстоянии от края болота, она отправилась в ту сторону, куда ушел Джонгор. Чем дальше она шла, тем больше нравилась ей ее идея отправиться встречать гиганта.

Она-то думала, что это была ее идея. Она и не подозревала, что это могло бы быть и вовсе не ее решение. Когда она зашла под полог крон огромных деревьев с густой листвой, дюжина темных пушистых существ обрушились на нее, словно с неба. Они схватили ее, прежде чем она поняла, что случилось. Винтовку вырвали из ее рук, чья-то тяжелая рука зажала ей рот, другие существа схватили ее за руки и за ноги. Ее повалили на землю. В рот ей затолкали кляп, потом крепко связали руки за спиной.

Орбо аж пританцовывал от переполнявших его чувств — волнения и удовольствия.

— Отлично! Здорово! — хрюкал он, пока его воины связывали девушку. — Прекрасно. Очень хорошо. Я знал, что смогу дотянуться до ее разума и заманить ее в западню. Отлично!

При этом он тряс кристаллом, наподобие того, с помощью которого Джонгор управлял динозаврами. Только этот камень был намного меньше, чем тот, что использовал Джонгор. Этот камень предназначался для управления людьми. Орбо использовал его, чтобы внушить Анне Хантер мысль о том, что стоит пойти встретить Джонгора, когда он будет возвращаться с охоты. Однако человек, который знал о существовании такого устройства, мог с легкостью преодолеть его воздействие. Вот только Анна даже не подозревала о существовании кристалла. Она считала, что идея отправиться прогуляться и встретить Джангора — ее собственная. Но это было не так. Мысль исходила из кристалла Орбо...

— Почему мы не использовали кристалл, чтобы заманить Джонгора в западню? — угрюмо поинтересовался Умбер — его помощник, который был только чуть слабее и не таким зверским на вид. — Какой толк нам с этой тощей женщины? Ведь мы хотим поймать Джонгора. Почему мы не использовали кристалл на нем?

— Ты — дурак и сын дурака! — резко объявил Орбо. — Джангор знает нас. Он знает о существовании кристалла. Если бы мы попробовали использовать кристалл на нем, он немедленно узнал бы о том, что случилось, и вместо того чтобы заманить его в западню, мы сами оказались бы в западне. Любой дурак сразу понял бы это, — закончил Орбо.

Умберу не понравилось, что его назвали дураком. Но, задумчиво взглянув на могучую грудь своего предводителя, решил промолчать.

— Все равно не понимаю, какой толк от этой женщины? — пробормотал он. — Она только устроит нам неприятности. Джонгор сойдет с ума, когда узнает, что мы ее схватили. Его гнев будет ужасен. Вспомни, что он сделал с нашим городом, — недовольно пробормотал Умбер.

— У тебя в голове мозгов меньше, чем у болтающей обезьяны, — хрюкнул Орбо. — Мы нуждаемся в девушке. Она будет

приманкой в нашей западне — приманкой, на которую Джонгор клюнет без труда. Поняв, что самку похители, он рассердится. Конечно, он отправится на ее поиски. Именно этого мы от него и хотим. Мы оставим след для него, чтобы он знал, куда идти. Когда же он придет в поисках девушки... — восхищенно усмехнулся Орбо и провел волосатым большим пальцем у себя под подбородком с таким звуком, словно перерезал горло.

Только тогда Умбер понял стратегию своего предводителя. «Здорово придумано», — с неохотой подумал он. Но, даже не смотря на это, замысел предводителя ему не нравился. Умбер, а не Орбо, должен быть предводителем *муритов*. Повинуясь командам Орбо, *муриты* заставили девушку с завязанным ртом пойти с ними, украдкой скользя через джунгли.

Однако они оставили хорошо различимые следы...

Джонгор отправился на поиски дичи. Это был один из тех дней, когда джунгли казались безжизненными, а все животные словно попрятались. Далеко на утесах Джонгор заметил птеродактилей, но по собственному опыту знал: их жесткое, кожистое мясо малосъедобно. Еще он видел аллигаторов, греющихся в грязи на краю болота, но на них он тоже не собирался охотиться. Джонгор хотел поймать оленя, если, конечно, получится. Вот только отыскать оленя он не мог.

Уже наступила ночь, когда он заметил одного оленя, на небольшой полянке под утесами. Осторожно подобрался он на расстояние выстрела, шагая так, что вызвал бы восторженное одобрение опытного охотника. Но он не думал об этом — действовал механически. Всю свою жизнь он двигался именно так. Олень пал от его первой стрелы.

Забросив добычу на плечо, Джангор рысцой поспешил назад к лагерю. Но сумрак сгустился над джунглями прежде, чем он вернулся. Издалека в темноте Джонгор заметил тусклое мерцание крошечного походного костра. При виде огня он вздрогнул. Огонь, сверкающий в ночи! Он разглядел фигуры, двигающиеся вокруг костра и тихо позвал:

— Эй, в лагере?

Он знал, что так будет лучше, чем возвратиться в лагерь без предупреждения. Если бы он вернулся неожиданно выскочив из сумрака без предупреждения, то мог бы получить пулю вместо радушного приема.

Три человека разом повернулись в его сторону, и только тогда он вошел в круг света.

— Олень! — позлорадствовал Мортон.

Глаза Шиллера радостно засверкали.

Алан Хантер уставился куда-то за спину Джонгора.

— А где Анна? — поинтересовался он.

Сердце Джонгора ушло в пятки.

— Анна? Разве она не с вами?

— Нет. Она отправилась тебе навстречу. Разве ты не видел ее?

На долю секунды Джонгор каменел.

— Куда она пошла? — спросил он.

— Туда, — ответил, указывая направление, Алан Хантер. — Думаешь, с ней, что-то случилось?

Джонгор, опустив тушу оленя на землю, уже разворачивался. Не замечая бегущего рядом Алана, он взял след девушки и пошел по нему с легкостью и непринужденностью гончей. Американский индеец оценил бы способность Джонгора идти по следу, но, как и при преследовании оленя его движения были близки к совершенству. Сломанная веточка, помятая трава, след мокасина на мягкой почве.

Лагерь уже исчез из поля зрения, когда Джонгор нашел место, где земля была истоптана так, словно тут кто-то боролся. Острые глаза дикаря, даже в ночной тьме, отлично видели все детали. Единственное слово, сорвалось с его губ.

— *Муриты*!

— *Муриты*?— побледнел Алан Хантер. — *Муриты*!

— Маленький отряд, — подытожил Джонгор. — Они, должно быть, видели, как мы вернулись, и прятались среди крон деревьев. Они застали ее врасплох. Посмотри! Они пошли в том направлении, взяв ее с собой...

Оставив человека позади, Джонгор нырнул в джунгли. След был ясно виден. Даже во мраке он мог идти по нему. Однако через пятнадцать минут темнота сгустилась, превратившись во тьму непроглядную. Теперь даже острые глаза Джонгора не могли различить след. И внезапно гиганту открылась горькая правда: *муриты* схватили Анну, и он с этим ничего не сможет поделать. Он не видел достаточно хорошо, чтобы следовать за пленницей, и должен был вернуться.

— Что мы будем делать? — встревожено пробормотал Алан Хантер.

— Мы ничего не сможем сделать до завтра, — ответил Джонгар.

— Но *муриты*...

— Я знаю. Не могу помочь.

Слова были произнесены с подавленным гневом. В этот момент Джонгор мог сломать шею любому *муритау*, попадись тот на пути.

— Жаль, Джонгор, — несчастным тоном произнес Алан Хантер. — Я должен был лучше наблюдать за ней. Я не должен был позволить ей уйти из лагеря. Но не думал, что поблизости были *муриты*... — он развел руками, словно признаваясь в собственной беспомощности.

— Сейчас ничего не сделать! — с горечью заметил Джонгор . — Завтра... Как только рассветет... Мы пойдем по следу. Мы вернем ее, если...

Он так и не закончил предложение. Он задался вопросом: будет ли Анна Хантер завтра жива?..

А неподалеку Орбо танцевал от радости. Отойдя не так далеко, *муриты* остановились и устроили засаду тому, кто, как Орбо был уверен, поспешит по следу девушки.

— Будь он проклят! — проворчал предводитель *муритов*. — Будь он проклят!

Опять удача улыбнулась ему! Если бы темнело не так быстро, Джонгор бы продолжал преследование, и они бы его схватили!

— Ничего не вышло! — объявил Умбер без всякой симпатии. — Мы так и не поймали Джонгора. Позволь нам убить девушку. А потом мы подбросим им в лагерь ее мертвое тело. Как Джонгар взбесится, когда это случится!

Умберу эта идея очень нравилась. Прикончить девушку и подбросить ее тело в лагерь — великолепная шутка для Джонгора!

— Так я убью ее? — нетерпеливо спросил он.

— Нет! — грубо проревел Орбо.

— Но...

— Дурак! Джонгор завтра снова пойдет по следу. Мы устоим еще одну засаду, и на сей раз он не убежит. Мы

не должны убивать девушку. Она — единственная приманка, которая соблазнит Джонгора сунуться в нашу западню завтра! Это — мой план.

Умбер вновь смутился. Однако он утешал себя той мыслью, что завтра ему удастся расправиться с девушкой, а также и с Джонгором. И еще он утешался тем, что, если повезет, он прикончит и Орбо.

А пока ему придется помогать исполнять планы предводителя *муритов*.

— Мы возьмем женщину с собой, — объявил Орбо, и отряд волосатых обезьяно-людей торопливо отправился исполнять его приказ.

Анна Хантер встречалась с *муритами* и раньше. Она знала их язык настолько, чтобы смутно понимать, о чем они говорили. Она дрожала, слушая, как равнодушно *муриты* обсуждали ее убийство. Она не хотела умирать! Но хуже, чем страх смерти, было осознание того, что *муриты* собирались использовать ее как приманку, решив заманить Джонгора в западню.

«Это приманка, на которую он непременно клюнет», — знала она. Пока полностью не стемнело, Анна беспомощно наблюдала, как *муриты* готовили первую засаду. Джонгор ведь должен был отправиться следом за ней. В отчаянии она пробовала ослаблять кляп во рту, чтобы крикнуть и предупредить гиганта.

Когда тьма скрыла следы, девушка страшно обрадовалась. Джонгор избежал засады. Он — в безопасности. Но радость вновь сменилась тревогой, когда она услышала, как Орбо планирует засаду на завтра. Она достаточного хорошо знала этих выродившихся, *мурийцев*: они не остановятся ни перед чем, чтобы захватить Джонгора. Гигант джунглей оскорбил их, и более того — оскорбил их богов. Такая обида могла быть смыта лишь кровью.

Анна Хантер знала, что должна сделать. Ей необходимо бежать, сбить Джонгора со следа, предупредить его. Иначе он мог погибнуть.

Пока *муриты* гнали ее по ночным джунглям, она пыталась придумать способ убежать. Ее руки были связаны за спиной, во рту был кляп. Чтобы Анна могла идти и не пришлось тащить ее на себе, *муриты* оставили ее ноги свободными. Если бы она

могла освободиться, она могла бы бежать. Единственная проблема состояла в том, чтобы освободиться. Ее руки были связаны вместе за спиной, и к запястьям была привязана длинная веревка из сырой кожи. Позади Анны шел *мурит*, который держал другой конец этой веревки.

Пробираясь через ночные джунгли, волосатые твари выстроились в линии, а Орбо вышагивал впереди всех. Двигались они медленно. Когда луна поднялась, они пошли быстрее. Анна, ожидая своего шанса, решила попробовать внезапно вырваться из линии, выдернув веревку из рук *мурита*, идущего за ней следом. Она попыталась убежать. Ее усилие закончилось хрюкающими проклятиями, потом ее несколько раз ударили тупым концом копья. *Муриты* приняли предосторожности: покрепче затянули веревку вокруг ее запястья.

— Не дергайся! — прохрюкал один из них. — Следующий раз я кольну тебя острием копья, а не тупым концом.

После этого Анна не пыталась бежать.

Орбо, ведя отряд, потратил очень много времени, выбирая место, где устроить засаду на следующий день. Ему была нужна полянка с нависающим утесом с одной стороны и густыми зарослями с другой.

— Трое с копьями наверх. Трое с копьями на деревья. Трое спрячьтесь позади, чтобы отрезать Джонгору путь к отступлению. Если он увернется от первого броска копий, трое будут ждать его впереди, если он попробует прорваться, и кто-то один останется охранять девушку. Я, лично, дам сигнал для первого броска копий... — а потом Орбо с энтузиазмом закончил: — Если он будет ранен, мы схватим его живьем, если сможем.

Он не сказал, почему хочет схватить Джонгора живьем, если удастся, но Анна Хантер знала причину. Эти выродившиеся полузвери считали: нет ничего лучшего, чем захватить врага живьем, а потом замучить его до смерти.

На этот раз Умбер, хоть и разозлился, согласился с планом предводителя.

— Мы поймаем его живьем, и женщина останется у нас? Хорошо!

Орбо был совершенно уверен, что след приведет Джонгора прямо на поляну и что тот, подойдя, ничего не заподозрит.

Мурит выставил часовых, чтобы те предупредили о появлении Джонгора, человека, который и в темноте мог пойти по следу. Орбо не хотел упустить ни одного шанса.

Умберу поручили охранять девушку. Единственное, на что оставалось ей надеяться, так это на то, что ее тюремщик уснет, ослабит захват веревки, и тогда она сможет убежать. Умбер уснул — нашел мягкое местечко среди корней дерева и вскоре громко захрапел. Но, прежде чем уснуть, он предпринял меры предосторожности, привязав конец веревки из сырой кожи к молодому дереву.

Аня Хантер напрасно потратила целый час, отчаянно пытаясь освободиться. Она нащупала узел, но несмотря ее усилия, она не смогла развязать его. Умбер храпел. Его копье лежало на земле рядом с ним. Лунный свет, просочившись через листву деревьев, искрился на лезвии.

Девушка заметила блеск острия копья. Ее сердце едва не выпрыгнуло из груди от внезапно зародившейся надежды. Если бы она могла подтянуть копье к себе!

Уперевшись носком одной ноги в пятку другой, она сумела стянуть один мокасин. Вытянувшись, насколько позволяла ей веревка, она коснулась конца древка копья.

Впервые в жизни она позавидовала обезьянам. Обезьяны могли использовать ноги почти так же, как руки. Если бы она с легкостью управляла своими ногами, она могла бы потянуть копье к себе без всяких усилий. Как бы то ни было, копье находилось для девушки в пределах досягаемости, но она не могла подтянуть его к себе. Наконец она сумела ухватить древко, зажав его между большим и указательным пальцами ноги. Сердце билось так, словно собиралось вырваться из груди. Копье сдвинулось.

Следующие полчаса стали настоящей пыткой. Анне пришлось действовать с чрезвычайной осторожностью. Самый тихий звук мог разбудить Умбера. Она подтянула копье к себе так, что острие оказалось у нее за спиной. Потом она накинула на него петлю из веревки, стягивающей ее руки. Веревка была жесткой, острие копья оказалось не таким уж острым. Кляп во рту душил. Анна не видела, что делает. Положение ее было крайне неудобным: тереть жесткие плети об острие копья — занятие очень

утомительное. Дюжину раз, ей казалось, что она должна сдаться, что сил не осталось.

Умбер внезапно прекратил храпеть, хрюкнул и сел. Анна Хантер замерла. Может, он услышал ее? Или он каким-то образом ощутил, что собиралась сделать девушка? *Мурит* уставился на Анну. Убедившись, что та на месте, он снова хрюкнул, лег на другой бок, собираясь снова уснуть. В этот раз его храп зазвучал еще громче. Где-то в ночи проревел лев.

Анна продолжала тереть веревки об острие. И неожиданно не почувствовала никакого давления. Ее первая мысль была о том, что веревка соскочила с острия. Она стала искать его, а потом поняла, что ее руки свободно двигаются.

Она перепилила веревку. Ее руки были свободны! Но мышцы рук настолько затекли, что она едва могла двигать пальцами. Она попыталась вырвать кляп, но ей удалось лишь стянуть его. Воздух потоком влился в ее легкие. Кляп почти задушил ее. Мгновение она сидела не двигаясь, втягивая ртом воздух в легкие. Постепенно силы возвращались к ней. Она подняла копье и потянулась к своим ногам.

На мгновение она замерла с копьем в руке, глядя на спящего Умбера. Один удар...

Однако спящий *мурит* выглядел столь трогательно, что в голову девушке пришла другая идея. Если она бросится на него, их борьба может встревожить других. Нет, Умберу пока следует остаться в живых.

Вооруженная только копьем, Анна украдкой скользнула в ночные джунгли. У Анны Хантер сейчас была только одна цель — она хотела обойти лагерь *муритов* и вернуться по следам, которые они оставили. Как только рассветет, Джонгор непременно пойдет по ее следу. А *муриты*, когда обнаружат, что она сбежала, покинут свою засаду. Но ведь они могли остаться на месте, могли послать за ней двух или трех волосатых обезьяно-человек, в то время как остальные остались бы ждать Джонгора.

Значит, Анна должна была предупредить его прежде, чем он достигнет западни.

Девушка обошла стороной спящих *муритов*. Несмотря на лунный свет, пробираться через джунгли было тяжело. В подлеске рядом с ней раздался странный звук.

Ее сердце замерло. Похоже, где-то рядом лев. Анна застыла без движения, держа копье наготове.

С таким копьем Джонгор мог бы побороться со львом. Но даже он предпочел бы бегство борьбе с голодным хищником в темноте. Дикие животные Затерянной земли редко встречали или почти не встречались с людьми, поэтому не боялись их. Львы здесь были большими косматыми хищниками, а не изнеженными животными, которых она видела в зоопарках.

Приоткрыв рот, едва дыша, Анна прислушалась. Звуки не повторились. Вероятно, лев не заметил или не учуял ее. Но в любую минуту ветер мог смениться. Девушка отлично знала, что случится, если хищник обнаружит ее присутствие.

Шаг за шагом она начала пятиться. Джунгли затихли, затаившись. Все голоса ночи смолкли, когда вновь послышался рык. Царь зверей был где-то поблизости. Все маленькие зверьки замерли, чтобы не привлекать внимание.

Анна Хантер отступала дальше и дальше. Лев учуял ее? Может, чудовище преследовало ее в ночи джунглей? Несмотря на размер, большие хищники могли двигаться бесшумно, словно тени, и Анна об этом отлично знала. То, что она не слышала никаких звуков, вовсе не означало, что ее не преследуют.

Неожиданно лунный свет просочился сквозь заросли джунглей, и тогда в глубине вспыхнули два шара отраженного света. Глаза льва сверкнули в свете луны.

Хищник уставился в ее сторону.

Анна не знала, видел ли ее лев, но зверь определенно смотрел в ее сторону. Девушка не двигалась. Глаза хищника, не мигая, следили за ней. Неожиданно она подумала поискать безопасное место на дереве. Но она тут же отбросила эту идею. Днем *муриты* нашли бы ее. Она предпочла умереть в лапах льва, чем в руках зверолюдей.

И тогда она со всех ног бросилась через джунгли. Снова она увидела глаза зверя. Лев гнался за ней. Тогда она побежала. Теперь бессмысленно было пытаться двигаться бесшумно. Однако хищник не догонял и не стремился поймать ее. Он, казалось, играл с ней.

Интуитивно Анна поняла: хищник сыт. Он просто играл с ней. Анна часто видела, как коты дома наслаждались подобной игрой. Лев не стремился поймать девушку. Он всего лишь за-

бавлялся. Но от этого Анне было не легче. В любую минуту лев мог устать от игры и убить ее просто ради убийства. Если бы она позволит льву подобраться чересчур близко к ней, искушение окажется слишком велико, чтобы хищник смог сопротивляться.

Анне казалось, что это — самые ужасные минуты в ее жизни. Лев следовал за ней. Когда она попыталась чуть сбавить темп, хищник зарычал. Она решила, что после этого зверь решит схватить ее...

В свою очередь, она не могла остановиться, но и не могла убежать от него. Независимо от того, как быстро она двигалась, хищник без труда держался у нее за спиной. Девушка пыталась прятаться в тени, рвалась через колючие кустарники, пересекала ручьи. Хищник следовал за ней. Преследование продолжалось до тех пор, пока Анна не оказалась на грани истощения. Луна уже садилась на западе, когда девушка поняла, что не может идти дальше. Передвигаясь из последних сил, она сумела забраться на дерево. Лев подошел к дереву, посмотрел вверх, зевнул, два или три раза обошел вокруг ствола, потянулся и лег на землю.

Ночь была на исходе. Пришло время отдохнуть. Хищник уснул под деревом.

Усталая девушка наблюдала за восходом солнца. Где-то на просторах Затерянной земли эти же самые золотые лучи встающего солнца привели Джонгора прямо в засаду *муритов.*

Когда Орбо на рассвете проверял, наготове ли его воины, и обнаружил, что Умбер спит, а девушка исчезла, у него едва не случился нервный срыв.

Умбер же стал ругаться, но ничуть не расстроился.

— Наверное, ее освободил какой-нибудь ночной дьявол, — предположил он. — Смотри, я ведь привязал ее к дереву. Она не могла сама освободиться. Дьявол, должно быть, помог ей.

Орбо пожал плечами. Ночного дьявола простые *муриты* не смогли бы остановить. Орбо должен понимать такие вещи. В том, что девушка сбежала, вины Умбера не было. Дьявол сделал это.

Однако Орбо в глубине своего черного, переполненного суевериями разума сомневался, что дьявол украл девушку.

Как только стало достаточно светло, он послал троих воинов по следам девушки.

— Послушайте! — обратился он к этой троице, прежде чем отправиться на охоту за ней. — Вы поймаете эту женщину, или с вами случится что-то нехорошее. Слышите меня?

Они слышали его. Опытные воины джунглей, они поспешили по следу беглянки. А пока Орбо расставил оставшихся воинов, подготовив засаду.

— Вскоре Джонгор придет за девушкой, — объявил он. — Наш враг не знает, что она убежала. Когда он придет, мы его схватим.

На рассвете Джонгор был готов продолжать погоню. Он оставался глух к настоятельным просьбам Алана Хантера взять его с собой. Шиллер нерешительно сделал то же самое предложение.

— Нет, — отрезал Джонгор. — Вы будете только помехой. Один я пойду намного быстрее.

— Но *муритов* более...

— Четырнадцать, — объявил Джонгор. — Я считал их следы.

— Четырнадцать против одного! — возразил Алан Хантер.— Ты нуждаешься в нашей помощи. У Шиллера и Мортона винтовки. У тебя всего лишь лук и копье. С их винтовками мы сможем с легкостью перебить всех *муритов*.

— Вчетвером мы никогда близко не подберемся к *муритам*, — объяснил Джонгор. — Они услышат, как мы приближаемся, и исчезнут при первом же намеке, что их преследуют, а Анна, если она все еще жива... — тут голос его дрогнул, — ...будет убита.

— Но они не услышат, как мы подойдем.

— Вы не понимаете, — продолжал Джонгор. — Они услышат вас. У них острый слух, а вы — новички в джунглях. Кто-то наверняка отправится проверить, что за шум...

— Боюсь, он прав, — обратился Шиллер Алану. — Как бы мы того ни хотели, мы не сможем помочь.

— Это — дело личное, — объявил Джонгор. — Это — моя работа, и я смогу сделать это. А теперь самое время, чтобы начать...

Крики птиц в глубине джунглей уже возвестили о наступлении дня. Где-то в болоте зарычал динозавр, и Джонгор,

подумал, не вызвать ли животное и почему бы не использовать ли его, чтобы последовать за *муритами*? Но почти сразу он отверг эту идею, поскольку *дино* производил шума гораздо больше, чем три человека. Большое животное могло принести много пользы, но при сложившихся обстоятельствах от него не будет никакого прока.

Оставив троих спутников в лагере, он углубился в джунгли и отыскал то место, где темнота вынудила его оставить следы накануне ночью.

Почти сразу он обнаружил место, где Орбо устроил первую засаду. След был хорошо виден, так же как места, где обезьяно-люди лежали, поджидая его.

— Если бы прошлой ночью я прошел еще какую-нибудь сотню ярдов!.. — задохнулся он. То, что могло произойти было очевидно.

«Они поджидали меня», — понял Джонгор.

Очень осторожно он пошел вперед. Если *муриты* устроили одну засаду, они могли устроить и вторую.

В джунглях день взорвался звуками. Повсюду свистели птицы. Обезьяны болтали среди деревьев. Гигант уверенно шел вперед. А потом к цепочке следов обезьяно-людей присоединились следы льва. Вначале следы большого хищника шли параллельно следам *муритов*, а потом отклонилось, видимо лев нашел более легкую добычу.

Следы *муритов* четко отпечатались на мягкой земле. Там, где земля была твердой, сломанные ветви показали, где они прошли. Следы были настолько ясны, что даже совершенно неопытный следопыт мог распознать их. Они были так хорошо различимы, что Джонгор стал подозревать что-то неладное. *Муриты* хотели, чтобы он последовал за ними. Даже если бы он не нашел место, где они устроили первую засаду, следы вызвали бы у него подозрение. Он ожидал, что, возможно, ему устроили еще одну засаду. У него было особое чутье на опасность...

Муриты держали в плену Анну Хантер. Опасения за ее жизнь заставили Джонгора двигаться быстрее. Он рисковал, чего никогда не сделал бы при других обстоятельствах...

Он почувствовал, что попал в засаду, за долю секунды до того, как увидел противников. Нависающий выступ скалы,

деревья с другой стороны поляны — самое подходящее место для западни.

Так и было. Краешком глаза Джонгор заметил движение на выступе скалы. Испуганный олень не смог проскочить дальше или быстрее, чем сделал белый дикарь. Копья, брошенные вниз с выступа, со свистом рассекли воздух на том месте, где он стоял долю секунды назад, и впились в землю. Вопль разочарования эхом отразился от скалистого склона.

Муриты надеялись прикончить Джонгора первым броском копий. Потерпев неудачу, они ожидали, что дикарь бросится вперед или повернет и отбежит в сторону. Когда он окажется у противоположного края поляны, *муриты*, спрятавшиеся в кронах деревьев, должны были в свою очередь метнуть копья. С точки зрения *муритов*, это был превосходный план, и он не мог потерпеть неудачу. Куда бы не направился Джонгор, он натолкнется на копьеносцев, ожидающих его. *Муриты*, оставшиеся позади, готовы были отрезать ему путь к отступлению, если он побежит назад.

Однако Джонгор не выжил бы в джунглях, если бы был несообразительным. Краем глаза он заметил движение на выступе скалы и понял, что попал в засаду и сзади его наверняка поджидают враги. *Муриты* не оставили бы ему очевидного путиспасения. За долю секунды, пока копья, сверкая, летели вниз в Джонгора, он оценил ситуацию, свои возможности и начал действовать. Он не сделал ничего из того, что ожидали от него *муриты*. Они-то думали, что он попробует убежать... Вместо этого он бросился прямо на скалистый склон, на тот выступ, с которого в него метнули копья.

Гневный рев донесся со стороны деревьев у него за спиной. Воины, ожидающие там, обманутые добычей, помчались следом за ним на холм. *Муриты* на выступе увидели, что он приближается к ним. Они не предусмотрели такого поворота событий. По их мнению, Джонгор, избежав копий, должен был убегать, а не бежать к ним. Растерявшись, они не знали, что делать.

Один из них вроде бы догадался, что делать. Но тут стрела пронзила его, и злое проклятье вырвалось из его горла. Цепляясь за стрелу, *мурит* упал с выступа, с глухим стуком ударившись о землю.

— Отправляйся в ад!

Дикий боевой крик Джонгора пронесся над джунглями. Джонгор, перебросив и копье, и лук в левую руку — древко копья параллельно луку, — выстрелил во врагов на холме. Копье было запасным оружием, и Джонгор собирался использовать его только в близком бою.

Два оставшихся на выступе *мурита* в испуге уставились на гиганта, прыжками поднимавшегося прямо к ним по скалистому склону. Они дрожали от одного вида Джонгора. Их сердца трепетали. Они знали силу гиганта джунглей. В течение многих лет они пытались поймать его. Но он смеялся над их усилиями. Все волшебство предков было в распоряжении *муритов*, но Джонгор презирал их. А теперь он избежал их ловко расставленной западни.

— Бежим! — прошипел один из них.

Второй колебался.

— Орбо разорвет нас на части, если мы убежим, — заколебался он.

Чпок!

Тому, кто хотел бежать, представилась такая возможность. После того как стрела пронзила его, он мог бежать куда угодно... по *муритскому* эквиваленту ада. Когда он упал, Джонгор прыгнул на выступ. Он завопил в полный голос. Он надеялся, что третий *мурит* испугается и бросится бежать.

Мурит и в самом деле был испуган. Он видел, как копья пролетели мимо Джонгора, видел, как стрелы пронзили двух его товарищей. В глубинах его суеверного разума зародилась мысль о том, что этот гигант — дьявол джунглей. Если бы он имел возможность, он, конечно, убежал бы, и если Орбо это не понравится, то пусть Орбо будет проклят.

У *мурита* не осталось времени на раздумье. Джонгор слишком быстро взбирался на холм, прыгая с выступа на выступ. Вместо того чтобы бежать, *мурит* закричал настолько громко, насколько позволяли его легкие, и помчался прямо на Джонгора. Через мгновение человек достиг выступа и оказался лицом к лицу с обезумевшим обезьяно-человеком.

Мурит был неистов.

Словно молния, обрушился он на Джонгора, прежде чем тот наложил на тетиву новую стрелу. Лук и копье вылетели из его

руки. Когда тварь, размахивая когтями ног и рук, щелкая пастью, бросилась на него, у Джонгора не было времени, чтобы защитить себя. *Мурит* сбил его с ног и прыгнул на него сверху.

В течение безумного мгновения они боролись на самом краю выступа. Джонгор оказался на спине. Руки *мурита* сомкнулись вокруг его горла. Пальцы его оказались невероятно сильны. Они, словно клещи, впились в плоть человека. Джонгор попробовал освободиться от захвата дикаря. Яростные вопли подсказали ему, что случится, если он не освободится. И не глядя, он знал, что остальные *муриты* лезут на скалистый холм с такой скоростью, как позволяют им их кривые ноги.

Сильным конвульсивным движением Джонгор согнулся, словно хотел поклониться. Это была демонстрация силы и способности, которой позавидовал бы любой профессиональный борец. *Мурита* аж подбросило. Когда он упал, Джонгор выскользнул из-под пушистого тела, при этом сильно ободрал о камни плечо и спину, так как *мурит* оказался очень тяжелым. Прежде чем обросшее мехом чудовище сообразило, что случилось, Джонгор что есть силы врезал кулаком по подбородку противника.

Мурит не ожидал такого удара. На мгновение ошеломленный, он выпустил горло Джонгора.

Мурит, вероятно, так никогда и не понял, что же произошло. Внизу кто-то завопил.

— Хватайте его!

— Лови Джонгора!

Подобно клину разгоряченных футболистов, *муриты* бросились вверх, перепрыгивая с выступа на выступ. Схватив своего противника, Джонгор поднял его над головой и швырнул вниз на его приближающихся соплеменников — прямо в самую гущу надвигающихся противников.

Раздался громкий шлепок, а потом послышался рев. Словно кегли, сбитые шаром, *муриты* разлетелись в разные стороны.

— Убирайтесь в ад! — взревел Джонгор им вслед. А потом, подобрав лук и копье, он крутанулся на пятках. К тому времени как *муриты* поняли, что случилось, он уже был на полпути к вершине холма.

— За ним! — завопил Орбо. — Две дополнительные жены тому, кто поймает его!

— Две дополнительные жены! — завопил Умбер, переполненный восторгом. Такая награда за пойманного Джонгора была вполне справедливой. — Я согласен! — Он со всех ног помчался за убегающим гигантом и так стремился получить награду, что обогнал остальных *муритов*. Он еще прибавил шагу, когда увидел, что нагоняет Джонгора. Коротконожка бежал быстрее, чем длинноногий человек! А потом, совершенно неожиданно, *мурит* понял, в чем дело.

Джонгор хромал. Каждый раз, ступая на правую ногу, он вздрагивал всем телом, а один раз и вовсе чуть не упал. Джонгор был ранен.

Если Умбер в чем-то и нуждался, чтобы бежать быстрее, так это было как раз оно. Несмотря на то, что в награду за поимку Джонгора обещали двух женщин, он не слишком-то спешил поймать этого человека. Несмотря на рану, Джонгор был невредим и готов сражаться — это был не тот приз, который мог в одиночестве завоевать кто-то из *муритов*. Но Джонгор был ранен, и сердце Умбера трепетало от радости, когда он наблюдал мучения гиганта. Он уже предвкушал, как повалит обессиленного Джонгора, а потом будет хвастать своей победой перед соотечественниками. А потом его станут считать самым могущественным среди *муритов*. Даже Орбо будет его уважать. Он будет считаться могущественным охотником — великим воином. От таких мыслей Умбер еще прибавил ходу.

Оглянувшись через плечо, Джонгор увидел, что его догоняют. Вид огромной туши Умбера и его огромной дубины — Анна Хантер забрала его копье, и исчезла с ним — казалось, привела человека в отчаяние. И тогда он прибавил шаг. Вскоре он достиг вершины холма, а потом бросился вниз по другому склону, к густой роще, которая росла в небольшой долине чуть ниже по склону. С воплями Умбер помчался за ним. Когда он спускался с холма, ему казалось, что его короткие ноги почти не касаются земли. Джонгор хромал все сильнее. Он едва двигался. Когда же он добрался до деревьев, Умбер буквально наступал ему на пятки.

На минуту, оказавшись в зарослях, Умбер потерял человека из виду. Но тут же треск ветвей привлек его внимание, и,

повернувшись, он увидел Джонгора, который крался среди зелени, пытаясь как можно дальше отойти в глубь зарослей. Взревев и яростно размахивая дубинкой, Умбер бросился на врага, но Джонгор, казалось, больше не мог бежать. Он был всего в шаге впереди Умбера. Двигаясь вперед, он что-то нашептывал. И еще Умбер слышал крики мелких зверьков, которые бросились от них в разные стороны.

Наконец Джонгор понял, что конец близок, и отчаянно закричал. Умбер размахнулся дубиной, целясь прямо в голову Джонгору. Тяжелая дубина должна была раздробить череп гиганта, и *мурит* злорадствовал от одной этой мысли. Он постарался вложить в этот удар всю свою силу.

Удар оказался такой силы, что Умберу в какой-то миг показалось, что его руки вот-вот вывернутся из суставов. Однако дубина не достала Джонгора. Гигант сумел избежать удара, а дубина со всего размаха врезалась в землю. Прежде чем *мурит* смог снова ею замахнуться, Джонгор выхватил ее и отшвырнул далеко в сторону.

Умбер оказался лицом к лицу с Джонгором. Невозможно, но, казалось, Джонгор нисколько не ранен. Его слабость исчезла. Он больше не хныкал от страха. Вместо этого он смеялся.

И смех этот был самым неприятным звуком, который слышал Умбер в своей жизни. Только теперь *мурит* понял, что его одурачили, что Джонгор специально позволил гнать себя, соблазнив преследованием, притворившись раненым, чтобы Умбер последовал за ним. А теперь вместо измученного, раненого противника перед ним стоял полный сил, разъяренный Джонгор. И еще Умбер понял, что оказался в очень опасном положении. Завопив от страха, он попытался повернуться, чтобы убежать. Но когда он начал поворачиваться, на него обрушился страшный удар. С ужасной силой великан швырнул его наземь. Стальные руки Джонгора сомкнулись на его шее. Умбер услышал, как затрещали его шейные позвонки.

Раньше он никогда не слышал о «нельсоне». Все что он понял, — Джонгор снова победил его и готов в любой момент сломать ему шею.

Однако, к удивлению Умбера, Джонгор ему шею не сломал. А потом *мурит* почувствовал, как захват стал чуть слабее. Однако боль все еще была достаточно сильной, чтобы

парализовать все его движения. Умбер решил, что Джонгор играет с ним, словно кошка с мышью. Гигант явно хотел чего-то большего, чем смерть еще одного *мурита*. Если бы он собирался убить своего противника, то давно так бы и сделал, причем постарался бы убить врага как можно быстрее.

— Где девушка? — прошептал Джонгор в волосатое ухо Умбера.

— Девушка?

— Девушка... Ты знаешь, о ком я говорю, — пробормотал Джонгор на резком хриплом языке *муритов*. — Где она?

— Она ушла, — завопил Умбер. Почему-то он был уверен, что следующая секунда окажется последней в его жизни.

— Ушла? Ты хочешь сказать, что вы убили ее?

— Нет! Нет! Нет! — взвыл Умбер. — Мы ее не убивали. Она ушла. Дьявол приходил вчера вечером и забрал ее. Она ушла с дьяволом.

Джонгор посильнее сдавил горло Умбера.

— Ты лжешь, — прошипел он.

— Я говорю правду, — завопил Умбер. — Не убивай меня, Джонгор. Я ко всему этому не имею никакого отношения. Это был Орбо. Он все это придумал. Именно он послал сообщение, из-за которого вы вернулись в наши земли. Именно Орбо решил похитить женщину и использовать ее как приманку, устроить западню для тебя. Все это придумал Орбо...

— Как ему это удалось? — холодно спросил Джонгор. Выходит, сообщение от царицы Неске было фальшивкой! Это была западня, устроенная для того, чтобы вернуть его в долину Затерянной земли! Неске предала его! Горячая ярость захлестнула Джонгора. — Царица Неске придумала этот трюк, чтобы я вернулся! Вы, *муриты*, знали, что я появлюсь здесь и поджидали меня.

Умбер снова взвыл, заверяя, что все это правда, и снова стал упрямо утверждать, что все это придумал Орбо.

— Не убивай меня, великий Джонгор! — просил он. — Я не имею никакого отношения ко всему этому.

— В какую сторону направилась девушка, сбежав от вас? — потребовал ответа Джонгор.

— Не знаю. Орбо послал троих воинов следом за ней. Пожалуйста, Джонгор...

Но Джонгор уже освободил его. Умебр пополз прочь от гиганта на четвереньках, стараясь как можно быстрее оказаться подальше от врага.

Джонгор подобрал свое копье и лук, а потом быстро исчез среди деревьев. Он сделал большой круг вокруг того места, где *муриты* устроили засаду, пытаясь отыскать след, который могла оставить Анна, убежав от них.

И он нашел следы. След трех *муритов* протянулся следом за ним. Джонгор отправился в погоню.

Вскоре он догнал преследователей. *Муриты* спешили, но им приходилось искать следы Анны, а так как сами они не предпринимали никаких мер безопасности, идти следом за ними оказалось совсем не трудно.

Стрела, вылетевшая из джунглей, остановила одного из *муритов*. Двое других бросились наутек, и вскоре Джонгор остался один. Теперь догнать Анну стало только вопросом времени. Возможно, она была голодна или страдала от жажды. Но она — в безопасности, так как *муриты* больше не гнались за ней. Джонгор с легкостью шел за ней следом, почти бежал.

Он нашел то место, где Анна остановилась, где изменила направление. Она двигалась по большому кругу, очевидно пытаясь запутать *муритов*. Судя по всему, она искала место, где можно было бы спрятаться. Затем неожиданно следы стали трудноразличимы, и тогда Джонгор задался вопросом, что в самом деле происходит и почему девушка стала двигаться в столь странной манере. А потом он заметил поверх ее следов широкий след льва. Девушку преследовал хищник.

Джонгор нашел то место, где Анна попробовала убежать от огромной кошки, где перебралась через ручей, где пробиралась через джунгли в надежде, что лев не сможет последовать за ней. Судя по следам, Анна была в отчаянии, она пыталась забиться в самые густые заросли, чтобы зверь не смог преследовать ее. Джонгор пошел еще быстрее. Конечно, он надеялся, что девушка догадается забраться на дерево.

Неожиданно он натолкнулся на тело льва. Мертвый хищник лежал под деревом. Если бы даже его поразила молния, его тело не было бы таким обугленным и настолько сожжённым.

Джонгор стал изучать следы. Анна и в самом деле полезла на дерево. Ее копье застряло среди ветвей. После того как девушка устроилась в безопасности, лев остался ее сторожить. А потом появился еще кто-то. Лев быстро развернулся и тут же погиб. Молния буквально испепелила его.

Хотя Анна считала, что останется в безопасности на дереве, больше ее там не было. Следы говорили о том, что она или сама слезла с дерева, или ее заставили.

А потом, присмотревшись к следам, он увидел на мягкой земле отпечатки копыт. Теперь Джонгору стало ясно, кто убил льва. *Аркланн* был здесь. *Аркланн* убил льва.

И он же увел Анну...

— Ну и в чем заключается твой план? — с сомнением поинтересовался Шиллер.

— После наступления темноты я пойду туда, — ответил Джонгор и, взмахнув рукой, указал на город, который лежал прямо перед ними в небольшой долине.

Когда Джонгор обнаружил, что произошло с Анной Хантер, он тут же вернулся к своим спутникам. Анну нужно было спасти, и он нуждался в их помощи. Однако из того, что он знал об *аркланах*, он боялся, что ему понадобится нечто большее, чем помощь этих трех человек. То, что попадало в руки *аркланов*, было очень сложно отобрать. Аккуратные, словно печатные, следы копыт *аркланов* вели прямо в их город.

Тот располагался в маленькой долине. По другую сторону города поднимались высокие утесы. Они, насколько было известно Джонгору, были изрыты пещерами, которые, в случае нападения врагов, должны были укрыть всех *аркланов*. Утесы представляли собой настоящую крепость. Они окружали город с трех сторон, словно высокая каменная стена.

Это был не такой уж большой город. Тут можно было разместить всего несколько кварталов обыкновенного американского городка. *Аркланов* никогда не было слишком много. У них редко рождались дети, и даже после длительного периода мирной жизни их поголовье едва насчитывало тысячу. Как и динозавры, *аркланы* по своей сути были неудачным экспериментом Природы, обреченным на исчезновение. Только в Затерянной земле, где выжили динозавры, могли существовать такие создания.

Город *аркланов* был очень древним. С первого взгляда было ясно, что ему много тысяч лет. Он был уже очень старым, когда на Эгейском побережье только-только начали строить Трою. Это город возвели до Нинневии, до того как первый кирпич лег в основание Вавилона. Здания в городе *аркланов* были невысокими, с плоскими крышами, в основном одноэтажными, сложенными из плоских серых камней. Часть зданий давно превратилась в руины, да и стена, окружающая город, почти рухнула. Искра жизни постепенно затухала для *аркланов*. Умирающая раса. Они даже не имели желания и не пытались что-то восстанавливать или ремонтировать.

Аркланы жили слишком долго.

Однако, несмотря на то, что они принадлежали к вымирающей расе, Джонгор знал, насколько опасны и насколько смертоносны они были. С другой стороны, они были могущественными союзниками, но как враги были чрезвычайно опасны. К тому же среди утесов у них было сокрыто оружие, какого больше не было ни у одного племени, проживающего на просторах Затерянной земли...

С того места, где находился сейчас Джонгор, можно было рассмотреть нескольких *аркланов*, которые, как казалось издали, бесцельно бродили по улицам.

— Ну и ну! — задохнулся от удивления Мортон. — Не могу в это поверить. Это же кентавры, настоящие живые кентавры — наполовину люди, наполовину лошади!

— Я же говорил вам, что они — кентавры, — согласился Джонгор.

— Знаю, знаю... Я даже видел следы, но одно дело — слышать о подобном чуде, и совсем другое — увидеть его. Поверить не могу.

— Теперь сможете, — заметил Шиллер. — Он в свою очередь внимательно разглядывал город, с жадностью пожирая взглядом каждое здание. В его глазах горели неприятные алчные огоньки.

— Не понимаю, почему царица Неске решила проделать ради нас такой трюк? — медленно произнес Алан Хантер. — Почему она решила выступить против нас? Почему попыталась заманить в засаду? Ты же говорил, что она — твой

други спасла тебе жизнь, когда однажды ты решил посетить этот странный город.

— Да, я считал ее своим другом, — с печалью в голосе ответил Джонгор. — Но почему она послала мне то фальшивое сообщение, не могу сказать. *Аркланы* — странные существа. Они — не люди, и многие из мотивов их поступков нам не понять. Не знаю, почему она помогла *муритам* обмануть меня. Возможно, ей пришлось выполнить какое-то из обязательств, которые связывают эти два народа. Возможно, ей сделали предложение, от которого она не смогла отказаться. А может, по какой-то неизвестной мне причине, она изменила точку зрения.

Джонгор достаточно хорошо знал царицу *аркланов*, чтобы понимать: ее поступки порой было невозможно объяснить. Царица Неске была кентавром, и иногда ее поступки были еще более странными, чем ее внешний вид.

— Почему *аркланы*, обнаружив Анну, привели ее именно сюда? — продолжал упорствовать Алан Хантер.

Джонгор только пожал плечами.

— Не знаю, — ответил он. — Если *муриты* предложили за меня большую цену, они могли так же предложить цену и за Анну. Обнаружив ее, любой *арклан* знал бы, что он нашел что-то ценное, за что *муриты* хорошо заплатят.

— Заплатят? — с сомнением протянул молодой человек. — Какой может быть разговор об оплате? Что такого есть у *муритов*, чего хотели бы заполучить *аркланы*? *Муриты* — почти животные. У них нет ничего такого, что они могли бы предложить кентаврам!

— Если бы вы когда-нибудь видели хранилище сокровищ *муритов*, вы бы никогда не задавали подобного вопроса. — *Муриты* ныне почти животные, но они потомки великой расы. Здесь первоначально располагалась колония *мурийцев*, которые занималаись разработкой недр. Так или иначе, но они много столетий добывали тут различные металлы и драгоценные камни, так что у них в хранилищах огромный запас золота и драгоценных камней, — тут Джонгор крепко сжал пальцы. — Я знаю, в чем тут дело. Алмазы! Больше всего на свете *аркланы* любят алмазы. Они буквально поклоняются этому драгоценному камню. А у *муритов* столько алмазов, что они не знают, что с ними делать. Так что, скорее всего,

именно они предложили царице Неске заманить меня в ловушку. И она приняла их предложение...

Шиллер, который как бы случайно слышал весь этот разговор, весь обратился в слух.

— Вы были в этом хранилище? — с явным сомнением в голосе поинтересовался он.

— Да, — ответил Джонгор.

— А вы случайно не прихватили с собой хотя бы один из этих алмазов?

— Нет.

— Нет? Вы говорите, что могли приобрести целое состояние и не сделали этого?

В ответ Джонгор только пожал плечами.

— Алмазы — всего лишь красивые камни, — ответил он. — На них приятно смотреть. После разговоров с Анной и Аланом Хантерами я понял, какой ценностью они обладают, но когда я в последний раз был в сокровищнице муритов, я этого не знал. Мне даже в голову не пришло прихватить с собой горсть-другую камней.

Шиллер и Мортон с удивлением уставились на гиганта.

Сумерки опустились на древний город *аркланов*. Серые каменные стены, слившись с тенями, стали почти невидимыми. К этому времени Джонгор был полностью готов к опасной вылазке. Ни один воин Затерянной долины не готовился к набегу с такой тщательностью. В первую очередь Джонгор разделся, оставшись в одной набедренной повязке. Кроме нее,

из одежды он оставил лишь мокасины. У них были гладкие, мягкие подошвы, и гигант мог ступать почти бесшумно. Большой лук и дюжину стрел он оставил Алану Хантеру. Лук было слишком неудобно нести. Так что копье и нож за поясом стали его единственным оружием. Широкий наконечник копья Джонгор обмазал грязью, чтобы блеск металла не выдал его в самый неподходящий момент. Ведь луч лунного света мог блеснуть, отразившись от полированной поверхости. Потом Джонгор отвел трех своих спутников к тому месту, где каменная стена, окружающая город, раскрошилась и яастичер осыпалась, и помог им забраться на стену.

— Ждите меня тут, на стене, — приказал он. — Когда я вернусь, будьте готовы помочь Анне.

— Так вы считаете, что вам удастся вернуться вместе с ней? — прошептал Шиллер.

— Если мне не удастся спасти ее, я не вернусь, — ответил Джонгор.

— Гм, — задумчиво протянул Шиллер. — Но если получится так, что вы не вернетесь, что же делать нам?

— Если я через два часа не вернусь, сами решите, что делать, — ответил гигант. Потом он указал на серое здание — одно из немногих строений, которое имело два этажа. — Это — дворец царицы Неске. Если вы решите отправиться в город, то должны знать, что я буду именно там. Но прежде чем последовать за мной, выждите пару часов.

А потом, тихо как тень, он отделился от стены и исчез в хитросплетении узких улочек.

Аркланы никогда не любили ночное время суток, и в это время обычно прятались по домам, однако сегодня, словно специально, вопреки правилам, все население вышло на улицу. В эту ночь *аркланы,* перемещаясь украдкой, пробирались по переулкам так, словно не хотели, чтобы их заметили сторонние наблюдатели. Улицы города не были вымощены камнями, так как мощеная мостовая не слишком подходит для копыт *арклановв.* Вместо этого тротуары были засыпаны мягким белым песком, по которому *аркланы* двигались бесшумно, как тени. Три раза Джонгору пришлось прятаться, чтобы его не заметили спешащие куда-то жители.

Обычно их дома были освещены факелами, стоявшими в специальных стойках на каждом углу, но сегодня их не зажгли. При этом в домах не горели огни. *Аркланы* почти не использовали огонь, тем более что в каждом доме были трубы, дающие холодное пламя.

Но сегодня и в зданиях не горели огни — город погрузился во тьму ночную. Тем не менее в темноте *арканы*, похоже, были заняты своими весьма важными делами.

Единственным освещенным зданием в городе был дворец царицы Неске. И он, в отличие от других домов, хорошо охранялся.

Однако и охранники дворца, подобно всем остальным *аркланам*, казалось, были чем-то обеспокоены и весьма небрежно несли свою службу. Джонгор, хорошо видевший в темноте, заметил, что к стражникам подходили другие кентавры, говорили с ними о чем-то, а потом убегали. Один из таких перерывов и использовал Джонгор. Когда охранники отвлеклись, он без труда проскочил во дворец.

Украдкой пробрался он в ту часть строения, где, насколько он знал, царица держала важных узников, а Анна Хантер была, без сомнения, важной пленницей. Джонгор не раз бывал в этом дворце как гость и хорошо знал расположение помещений. *Аркланы* относились к нему с любопытством, считая, что он как бы отчасти кентавр, просто из другой части мира. Теперь все это пригодилось ему, чтобы незаметно пробраться во дворец.

Странно, но внутри самого дворца в эту ночь не было никакой охраны. Сам же Джонгор был готов в любой момент спрятаться, но на всем своем пути он так никого и не встретил. А самый опасный участок пути оказался у входа в чертоги самой царицы. Двери, ведущие в ее комнаты, оказались чуть приоткрыты, и гигант остановился, прислушиваясь.

А потом неожиданно из глубины дворца раздался голос. Говорили на языке *муритов*.

— Войди, Джонгор! — приказали гиганту.

Голос царицы Неске! Она говорила на языке *муритов*, который Джонгор отлично понимал. Она сама предложила ему войти на запретную территорию своих чертогов!

В первый момент Джонгор хотел было бежать. Но он отказался от этой мысли, когда осознал, что царица, так или

иначе, знает о его присутствии. Если бы он побежал, то она, несомненно, позвала бы охрану. Нет, бежать было нельзя. Тогда его в любом случае поймали бы. Все, что ему осталось делать, так это выполнить то, что она просила — войти в комнаты царицы Неске.

Джонгор осторожно перешагнул через порог. Неске ждала его и улыбнулась ему. Не было никакой враждебности, никакой ненависти в ее взгляде. Она улыбалась, хотя выглядела печальной.

А потом раздался приглушенный вскрик, кто-то метнулся к Джонгору, и через мгновение Анна Хантар очутилась в объятиях гиганта. Его Анна! Она была живой и совершенно невредимой. От радости она плакала и смеялась одновременно.

Джонгор через плечо покосился на царицу Неске, словно хотел спросить ее о чем-то и не решался.

— Удивлен? — поинтересовалась царица, тихо и печально усмехнувшись. — Я нашла ее, когда она сидела на дереве, а лев внизу ждал, когда она устанет и упадет...

— Вы? Так это вы были тем самым *аркланом*, который убил льва? А потом вы привели ее сюда?

— Да, — ответила странная царица. — Даже не знаю, кто при этом был больше удивлен — я или она. Никогда не думала, что увижу кого-то еще из твоего рода... из рода людей. Да и она, кажется, не ожидала увидеть *арклановв*. Однако я еще больше удивилась, когда оказалось, что она может говорить на языке *муритов*, а когда выяснилось, что она знакома с тобой, моему удивлению и вовсе не было границ.

Суровое, темное от загара лицо Джонгора расплылось в широкой улыбке. Какую игру ведет с ним царица Неске? Что она задумала? К чему весь этот разговор?

— Почему вы привели ее сюда? Раз вы говорили с ней, вы знали, что я ее ищу. Почему вы не отправились на мои поиски?

Неске продолжала все так же таинственно и в то же время задумчиво улыбаться.

— Я привела ее сюда,— пожала она плечами. — Девушка очень устала и была голодна. Она едва цеплялась за ветви, когда я подоспела ей на помощь. Я привела ее сюда, чтобы она смогла нормально поесть и отдохнуть, ожидая тебя.

— Ожидая меня? — взорвался Джонгор.

Царица Неске кивнула.

— Зная тебя, я была уверена, что ты за ней придешь. Мы убедились, что ты следуешь за ней. Мы отвели ее в наш город, зная, что ты последуешь за ней. Понятно?

— Да, — медленно протянул Джонгор. — Это правда? — прошептал он, обращаясь к Анне.

— Все, что она сказала, — правда, — ответила Анна Хантер. — И... И где Алан? — Вопросы один за другим срывались с ее губ.

— Ш-ш-ш! — торопливо одернул ее Джонгор. — Все это может подождать. Позволь мне вначале закончить разговор.

Он не хотел отвечать на вопросы царицы, которые могли последовать вслед за вопросами Анны. Кроме того, он не сводил взгляда с Неске, внимательно наблюдая за всем, что она делала. Он обнаружил Анну в безопасности. Царица Неске спасла ее. Похоже, все было в порядке. Но оставалось еще множество вопросов без ответа. Поддельное сообщение! Может быть, здесь какая-то фальшивка, уловка, о которой он не имеет ни малейшего понятия?

Джонгор ждал и наблюдал. Внутри же он был напряжен, словно кот, готовый вот-вот броситься на мышь. Все складывалось слишком хорошо, чтобы быть правдой. Где-то должно было быть что-то не так. И сомневаться в этом не приходилось.

— Ты в задаешься вопросом, откуда я узнала, что ты в коридоре? — спросила Неске.

— Об этом и о многих других вещах, — уклончиво ответил Джонгор.

— Я смотрела в окно и видела, как ты, минуя охрану, проскользнул во дворец.

— Да-а... — озадаченно протянул Джонгор. Он все еще не знал, что делать. Пленник он или нет? А может, Неске играет с ним в какую-то странную игру? Она выглядела дружественной, но *аркланы* по своей сущности были очень двуличны.

— Спасибо за то, что позаботились об Анне, — нашелся наконец Джонгор.

— Это была особая привилегия, — неопределенно ответила Неске. Тем не менее она никак не выказывала своих

настоящих чувств. Она лишь печально улыбалась, глядя на влюбленную парочку.

Однако у Джонгора было иное мнение. Он считал, что чем быстрее поставит все точки над i», тем будет лучше.

— А теперь, — наконец решившись, начал он, — с вашего разрешения, мы покинем ваш город, — он произнес это спокойным, совершенно уверенным голосом, хотя отлично понимал: Неске — царица *аркланов*, и поэтому, что бы он нирешил, он вынужден изначально просить у нее разрешения согласно принятому этикету.

Однако, произнеся эту фразу, Джонгор затаил дыхание. Что случится, если Неске ему откажет? Но сейчас ему не оставалось ничего другого, как ждать, крепко сжимая в своей руке руку Анны.

Неске молчала. Во дворце воцарилась мертвая тишина. Единственный звук — некий бормочущий шум — доносился откуда-то снаружи. В этой тишине Джонгор отлично слышал, как учащенно бьется его собственное сердце.

Неске мягко вздохнула.

— Да, — наконец сказала она. — Вы можете идти.

Она произнесла это мягким голосом, но тон ее поразил Джонгора больше, чем если бы она накричала на него. К тому же она разрешила им уйти!

— В самом деле? — хриплым голосом переспросил ее Джонгор.

— Именно так, — ответила царица *аркланов*. Крики за пределами дворца становились все более громкими. Казалось царица прислушивалась к ним. — Фактически я приказываю вам уйти. Идите, притом, как можно быстрее. Идите всю ночь и весь день завтра и всю следующую ночь. Идите, пока не окажитесь в безопасности.

— Что? — задохнулся Джонгор. — Неске, если это какая-то игра...

— Тут нет никакой игры, — ответила царица *аркланов*. — Поспеши, Джонгор. Бери девушку и беги... иначе будет слишком поздно.

Когда она попросила Джонгора поспешить, в ее голосе прозвучали странные нотки.

Однако Джонгор не сдвинулся с места.

— Я всегда считал вас своим другом, — медленно начал он.

— Так и есть. Я твой друг, и я доказала это, защитив твою любимую. И я вновь готова доказать это, позволив вам уйти.

— Вы говорите, что готовы доказать это, позволив нам уйти. Однако я хочу, чтобы вы объяснили мне...

Джонгор все еще не мог понять, что же происходит. И прежде чем начать действовать, он должен был разобраться в ситуации. *Аркланы* были странными созданиями, и Неске могла задумать какое-то коварство, о котором Джонгор и понятия не имел. Тем более что лицо царицы оставалось совершенно непроницаемым.

— Не думайте ни о чем... ступайте... — быстро проговорила она.

— Однако, я хотел бы задать вам вопрос, — продолжал Джонгор. — В конце концов, это вы послали сообщение. Из-за этого я попал в западню. Так вот я хочу понять, почему вы так поступили. Иначе я могу предположить лишь одно: вы хотите отправить меня в новую западню.

— Нет никакой западни, — вздохнула царица *аркланов*.

— Почему я должен вам верить? — поинтересовался Джонгор.

— Поверь мне, Джонгор, — вновь вздохнула повелительница кентавров.

— Я однажды поверил вам. Послание...

— Фальшивка!

— Фальшивка?

— Я не посылала его. Я не знала, что оно было послано, пока не поговорила с Анной Хантер. Пожалуйста, Джонгор, не бери дурное в голову. Ступай! — снова заговорила царица, и в голосе ее послышались не повелительные, а умоляющие нотки.

Джонгор что есть силы вонзил копье в песок, а потом решительно покачал головой.

— Мне жаль, Неске. Один раз я вслепую ответил на ваш зов. Дважды я не попадусь на одну и ту же удочку. Прежде чем я покину вас, я хочу быть уверен, что не попаду в ловушку.

Лицо Неске скривилось. Она выглядела очень печальной. Такой Джонгор ее никогда не видел.

— Если бы ты только знал, — протянула царица. — Только сегодня я узнала, что сообщение было послано одним из моих доверенных слуг, без моего на то согласия. Моздок послал его по просьбе *муритов*. Не знаю, сколько ему заплатили за это предательство, но, думаю, это был мешочек алмазов. Ты же знаешь, что мы, *аркланы*, готовы почти на все ради этих драгоценных камней?

Джонгор кивнул. Ему с самого начала не верилось, что Неске послала это сообщение. А Моздок мог это сделать. И притом без особого труда. Все, что было необходимо, так это проскользнуть в храм водяного бога и подкупить священников. Но что скрывалось за всем этим?

— Моздок использовал алмазы, чтобы подкупить моих слуг, — пояснила Неске. — Он поднял моих людей против меня. Вскоре они явятся и потребуют, чтобы я отреклась от престола, перестала быть их царицей. Именно поэтому я хочу, чтобы вы как можно скорее ушли. Когда за мной придут, я не хочу, чтобы вас нашли рядом со мной.

Джонгор с удивлением смотрел на царицу *аркланов*. Только теперь он начал понимать, что происходит. Цена, которую *муриты* заплатили за то, чтобы его заманили в западню, была столь высока, что богатства хватило на то, чтобы свергнуть царицу.

— Мне жаль, Неске, — проговорил Джонгор.

— Это была не твоя ошибка. Идите и поспешите. Скоро сюда придут мои подданные. Рычание, которое вы слышите, — крик, с помощью которого они требуют их правительницу, то есть меня, сложить полномочия. Они в любой момент могут ворваться во дворец.

— А что будет с вами?

— Со мной? Они заставят меня отказаться от трона.

Крики снаружи, в ночи, становились все громче. Наконец Джонгор понял смысл происходящего в городе. *Аркланы* устроили заговор, чтобы свергнуть свою царицу.

— Тогда мы пойдем, — решительно объявил Джонгор. — И вы пойдете с нами. Когда они доберутся до дворца, тут никого не будет.

— Нет, — возразила Неске.

— Почему — нет?

— Обычай требует, чтобы я осталась. Я должна остаться здесь.

Джонгор видел, что лицо ее было преисполнено печалью. Без сомнения, она не хотела отдавать свой трон. Она была рождена для того, чтобы править, и не знала никакой другой жизни. Хотя, в конце-концов, она нашла бы чем заняться. Потерять трон было плохо, но существовали вещи и много хуже... А потом Джонгора поразила другая мысль, хотя многие из обычаев *аркланов* он помнил слишком смутно. Несколько мгновений он не сводил взгляда с Неске.

— Значит, вы и в самом деле собираетесь отречься от трона, — прошептал он.

Неске вздохнула.

— Я вижу, ты помнишь наши обычаи... — пробормотала она. — Я надеялась, что ты их забыл. Да, правители *аркланов* могут отречься от престола только одним способом — умереть.

Неудивительно, что царица выглядела опечаленной! Она вот-вот должна была потерять и трон, и жизнь!

Песнопение на улице стало громче. Сотни голосов распевали как один.

— Идите и поспешите! — вновь приказала царица.

— И оставить вас одну на растерзание толпы? — возмутился Джонгор. — Неужели вы — Неске из *аркланов.* могли предположить, что я так поступлю?

— Но вы должны идти...

И тут в коридоре за дверью послышался шорох шагов. А потом в комнату разом вошли десять *аркланов.* Оказавшись в царских покоях, они застыли, уставившись на двух людей, которые стояли рядом с их царицей. Сердце Джонгора затрепетало. Это была охрана дворца, и они пришли сюда, чтобы попытаться защитить свою любимую царицу. Их было слишком мало, но они собирались сражаться. При помощи десяти *аркланов* Неске могла сбежать. Надо было только уговорить ее. Они бы смогли рывком прорваться сквозь толпу, окружающую дворец. А потом... В Затерянной земле было полно мест, где она могла бы спрятаться — жить в мире и безопасности.

— Неске, поверьте мне, у вас есть шанс спастись, — объявил Джонгор. — Вы можете потерять трон, но с помощью этих слуг мы сможем пробить себе дорогу и выбраться.

— Нет, Джонгор, — объявила Неске. — Эти *аркланы* пришли не для того, чтобы сражаться на моей стороне.

— Тогда зачем они пришли? Неужели это ваши палачи?

— Нет, — возразила Неска. — Они — верные мои слуги. Из всех моих подданных только они остались мне верны. Они явились, чтобы продолжить старую традицию, не бороться во имя меня, но умереть вместе со мной.

Вмиг Джонгор почувствовал, что оказался в тупике. Царица Неске не хотела бороться за свою жизнь. Не в обычаях правителей *аркланов* было выступать против своих подданных. А десять слуг, верных царице, собирались разделить ее участь. Они умерли бы у ее ног. Фактически для этого они и явились во дворец. Но они не собирались бороться за ее жизнь или за свою. Они тоже поступили согласно обычаю.

Неске попробовала объяснить происходящее.

— Это — мудрый обычай, — заметила она. — В прежние времена у *аркланов* были плохие правители. И если их царь и в самом деле плохо правил, они убивали его. Если бы он начал сопротивляться, то начались бы междуусобные войны, и многие были бы убиты. Наш народ вымер бы... Но если правитель не станет сопротивляться и умрет вместе с теми, кто верен ему... Вся правящая верхушка будет уничтожена, и ее место займут новые *аркланы*, не будет никакой войны и народ не заметит потери. Так что во имя всего народа *аркланов* я не стану сопротивляться. Так будет лучше для моего народа.

Рассуждения царицы имели под собой некую логику.

— Но вы же не плохая царица, — возразил Джонгор.

— Мои подданные восстали против меня, — возразила Неске. — А это означает, что я — плохая царица.

— Это означает, что их подкупили, — в гневе воскликнул Джонгор.

Тот пыл, с которым он произнес эти слова, произвели впечатление на верных царице *аркланов*. Он видел, как они стали переглядываться, словно одновременно подумали об одном и том же. Даже Неске, казалось, задумалась.

— Думаете, что, отказываясь сопротивляться, вы тем самым помогаете своим людям, — продолжал Джонгор. Он понимал, что должен отыскать способ заставить слуг царицы

отказаться от обычаев, которые обрекали их на смерть. А ведь жизнь Джонгора и Анны Хантер была связана с жизнью Неске. Дворец был окружен. Любой, кто окажется возле царицы в тот миг, когда восставшие вступят во дворец, будет считаться верным слугой царицы и должен будет умереть вместе с ней. — Вы ничем не сможете помочь своим людям, если откажетесь сопротивляться, — настаивал Джонгор. — Вы нанесете своему народу огромный вред.

— Как ты можешь так говорить? — с сомнением протянула Неске.

— Вы были хорошей правительницей, а Моздок получит трон при помощи обмана и подкупа. Разве при всем этом он может оказаться хорошим правителем?

Аркланы, слушая речь Джонгора, встревожились.

— Это точно, — неожиданно согласился один из них, кивнув. — Моздок будет плохим правителем. Он предатель, обманщик, и к тому же вор. Он не сможет править нашим народом, как вы. Раньше я об этом не думал.

— Тогда сопротивляйтесь! — с отчаянием сказал Джонгор. — Боритесь с ним. Убейте его. Не позвольте ему победить!

Он видел, что *аркланы* задумались над его словами. Они отлично знали обычаи своей расы. Они едва могли заставить себя что-то делать. И все же...

— Это не причина сопротивляться, — объявил старый *арклан.* — Люди свергнутого правителя никогда не сопротивлялись. Помню, когда отец Неске стал стар и больше не мог править нашим народом, мы вошли к нему, и он любезно нас встретил. Он даже не пытался сопротивляться. Я бы сказал, что он даже рад был нашему визиту. Он умер охотно...

— Должно быть, он был стариком, который знал, что не пригоден править своим народом, — объявил Джонгор еще громче. — Но Неске не старая. Она может править вашим народом и правит справедливо. Она — ваша царица. Под ее властью вы остаетесь великим народом. Если к власти придет Моздок, ваш народ может прийти к окончательному вырождению. Так сразимся же с Моздоком!

Он почти уговорил их. Похоже, идеи Джонгора понравились слугам царицы. Теперь они хотели бороться! Но Джонгор не мог заставить себя взяться за оружие...

Неожиданно песнопения стихли. А потом в зловещей тишине послышались шаги.

Два палача одновременно вступили в комнату. Каждый из них был вооружен обоюдоострым церемониальным топором. *Аркланы* имели и другое, более могущественное, оружие, но традиции требовали, чтобы они использовали для казни царицы церемониальные топоры. Палачи внимательно смотрели на Неске.

— Вы слышали песнопение? — сказал один из них, выполнив все правила ритуала, согласно установленным обрядам.

Неске побледнела, но голос ее, когда она заговорила, не дрогнул:

— Я слышала, что вы там кричали, — ответила она.

— Вы принимаете решение вашего народа? — продолжал плач.

— Я... Я согласна с решением *аркланов*, — ответила Неске.

Джонгор вздрогнул от ее голоса. С одной стороны, он гордился ею, тем, как она встречала смерть. Она не хныкала и не молила о пощаде. Пусть Неске была связана темными обрядами, пусть суеверна, но невозможно было отказать ей в храбрости.

— Вы принимаете желание богов?

— Я принимаю их желание...

— Но в темноте, которая придет на смену дня... что хорошего будет для вас и тех, кто пришел с вами?

Палачи внимательно смотрели на десять верных слуг царицы, столпившихся возле своей повелительницы.

— Вы принимаете желание Неске, так же как ваша повелительница? — поинтересовался он.

Несколько секунд они колебались, а потом ответили нестройным хором голосов:

— Неске — наша царица. Мы не знаем никакого другого царя или царицу. Неске — наша царица. Куда идет она, туда и мы.

Сердце Джонгора подкатило к самому горлу. Было что-то прекрасное в этих людях. И что-то чудовищное... Они принимали смерть, словно львы. Но если бы у них была храбрость запертых в углу крыс! Если бы они боролись, то, по крайней мере, погибли бы не зря. Если бы...

Палач снова обратился к Неске:

— Вы в самом деле готовы? — спросил он.

— Я... я... — она облизала губы кончиком языка. — Я готова.

Палач поднял топор.

— Зато я не готов! — неожиданно для самого себя объявил Джонгор. Сделав выпад копьем, он пронзил насквозь тело палача.

С глухим стуком топор палача упал на землю. *Арклан* с удивлением уставился на Джонгора. Так как эти двое странных существ были с царицей, то они, видимо, готовы были разделить ее судьбу. Однако не для Джонгора было пассивное ожидание смерти, никакие обряды, традиции и церемонии не могли заставить его сдаться... Однако палач, похоже, так и не понял, что с ним случилось. Он ожидал, что сразит царицу одним единственным ударом, а вместо этого сам оказался сражен.

Из горла Джонгора вырвался ужасный крик.

— Устроим им настоящий ад, а, царица?

Выдернув копье из тела палача, он повернулся, чтобы напасть на второго палача, но в этом необходимости уже не было. В тот момент, когда Джонгор нанес удар, один из *аркланов* — слуг царицы, вырвал топор из рук второго убийцы.

Разом остальные *аркланы* словно пробудились от сна и теперь готовы были бороться. И они боролись. Разом метнулись они ко второму обезоруженному палачу. Он уставился на слуг царицы округлившимися от удивления глазами.

— Да здравствует царица Неске! — закричали они. — Неске — наша царица! Никто другой никогда не станет править нами!

Снаружи апартаментов царицы воцарилась зловещая тишина...

— Нам нужно оружие, — объявил Джонгор. — Мы должны вооружиться. Где оружие, которое поражает врагов, подобно молнии, — то, что Неске использовала, чтобы испепелить льва? Мы должны вооружиться, если хотим победить.

Он знал, что у *аркланов* есть маленькое ручное оружие, по форме напоминающее пистолет, которое испускает луч чудовищной радиации, больше напоминающей вспышку молнии. Лев, преследовавший Анну Хантер, был убит

именно из него. Теперь, когда слуги Неске решили сражаться, им нужно было оружие.

Десять верных слуг Неске, согласно традициям, пришли во дворец невооруженными, чтобы разделить судьбу своей царицы...

Джонгор повернулся в сторону Неске, но та уже спешила к одному из сундуков, стоявших у стены большой комнаты.

— Оружие здесь, — объявила она. — Это мой частный арсенал.

Преданные *аркланы* окружили свою царицу. Толпа, собравшаяся за пределами дворца, снова завела свое песнопения. А потом кто-то там во дворе заговорил. Джонгор прислушался.

— Неске предала традиции наших предков. Ее нужно убить...

Рев и аплодисменты поддержали эти слова.

— У тех, кто во дворе, есть такое оружие? — спросил Джонгор у ближайшего *арклана*.

— Нет, — ответил кентавр — Они могут вернуться в свои дома и взять его. Но сейчас у них с собой такого оружия нет. Это противоречит обрядам и традициям. Все пришедшие во дворец, кроме палачей, разумеется, должны быть без оружия.

— Тогда мы с легкостью пробьемся через толпу! — возликовав, объявил Джонгор.

Он знал, какой силой обладает то небольшое оружие. Снаружи могут собраться сотни *арклановв*, но они не смогут ничего противопоставить слугам царицы. И если Неске и десять преданных ей кентавров откроют огонь, то они с легкостью проложат себе дорогу через толпу врагов. Однако позже, когда противники царицы вооружатся, в самом деле могло разыграться настоящее сражение. Однако к тому времени Джонгор собирался уже быть далеко, исчезнуть на просторах Затерянной земли.

Наконец замок, щелкнув, раскрылся. Неске с нетерпением откинула тяжелую крышку. Неожиданно уверенность на ее лице сменилась удивлением. Джонгор сразу понял причину опасения царицы. Сундук оказался пуст.

— Оружие исчезло! — прошептала Неске. — Кто-то ограбил меня. Должно быть, Моздок, подозревая, что я могу сопротивляться, заранее выкрал все оружие из моих апартаментов.

Рев за стенами дворца перешел в настоящие завывания.

— Теперь самое время! — продолжал все тот же голос. — Вперед, во дворец! Убейте царицу, которая правила вами слишком долго!

Громкие крики вторили голосу оратора.

— Есть из дворца другой выход? — спросил Джонгор. — Какой-нибудь тайный путь? Туннели?

Неске покачала головой. Ее желание сопротивляться, похоже, исчезло. Преданные ей кентавры тоже готовы были отступить.

— Это желание богов, — начали перешептываться они. — Почему мы решили бороться с желанием богов?

Тогда Джонгор повел всех к задней части дворца. Когда на них нападут, они смогут защищаться руками, копытами... Но, если им суждено умереть, они не умрут без борьбы. Кроме того, Джонгор надеялся, что происходящее у дворца привлечет внимание тех, кого он оставил в тылу. Если его спутники откроют стрельбу, то вполне возможно, *аркланы* разбегутся. И тогда, при условии, что Алан Хантер, Шиллер и Мортон поддержат их огнем, им, быть может, повезет добраться до стены и перебраться через нее. Если бы им удалось добраться до джунглей, то не все потеряно.

У задней части дворца было всего четверо охранников, и все они собрались у угла, наблюдая за толпой перед дворцом.

— Может быть, нам удастся незаметно проскользнуть мимо них?

Удерживая Анну Хантер рядом с собой, Джонгор рванулся вперед. Неске следовала за ней. За ними двигались десять преданных царице *аркланов*. Желание бороться за свою жизнь вновь вернулось к ним, и теперь они следовали за царицей, подобно верным псам, охранявшим свою повелительницу от опасности.

— Во дворец! — завопил кто-то с другой стороны здания.

Раздался дикий рев. *Аркланы* рванулись вперед. Толпа ворвалась во дворец.Четверо охранников слишком сильно разволновались, наблюдая за происходящим перед дворцом. Они тоже хотели присоединиться к обезумевшей толпе, а потомодин из них, неожиданно повернувшись, увидел царицу Неске и ее спутников. Он завопил, предупреждая остальных о побеге.

Ноги бегущих вязли в песке, они понимали: вот-вот — и за ними бросятся в погоню.

Джонгору и царице Неске повезло — стражники не имели стрелкового оружия. Они были вооружены лишь тяжелыми дубинами. Бросившись в погоню за царицей и ее спутниками, они посчитали, что те не вооружены, но их встретил Джонгор с тяжелым копьем. Они быстро обнаружили свою ошибку. Джонгор не стал бросать копье. Если бы он метнул его, то остался бы без оружия. Он использовал его как копье, держа его перед собой. Первый из *аркланов*-охранников оказался прямо перед гигантом. Трое других стали обходить его с двух сторон.

— Зовите Моздока! — завопил один из них, обращаясь к двум другим своим спутникам. — Я за беглецами, а вы сообщите Моздоку о том, что тут случилось.

Двое из охраны бросились назад ко дворцу. Третий остался вне досягаемости. Очевидно, он хотел последовать за царицей и ее спутниками.

— Пока он следует за нами, нам не удастся скрыться, — заметил один из слуг царицы.

— Знаю, — с мрачным видом ответил Джонгор.

К тому времени они уже были в квартале от дворца. Нигде не было ни огонька, а свет от дворца не проникал так далеко. Похоже, все обитатели города собрались у входа во дворец.

— Вы идите вперед, — приказал Джонгор царице Неске.

Мгновение — и он спрятался в тени здания.

Анна, Неске и верные ей *аркланы* поспешили по улице. Через несколько минут Джонгор присоединился к ним, вытирая от крови наконечник копья.

— Больше за нами нет погони, — с мрачным видом объявил гигант. — Подойдите. Мы должны перебраться через стену, и как можно быстрее.

Крики, доносящиеся из дворца, сказали им, что Моздок узнал об их бегстве. Беглецы же безмолвно скользили через темный город. А потом над восточным горизонтом встала луна. Ее яркие лучи высветили город *аркланов*...

Беглцы потратили несколько драгоценных минут в поисках того места на стене, где Джонгор оставил своих спутников. Но когда они приблизились, прозвучал выстрел.

Один из *аркланов*, застонав, рухнул на землю.

— Прекратите стрелять! — приказал Джонгор.

На мгновение наступила тишина, а потом раздался голос Шиллера:

— Это ты, Джонгор? Я видел, что кто-то приближается к нам, но не смог разглядеть...

— Так что выпалил, не думая, — со злостью произнес Джонгор.

— Мне жаль, — ответил Шиллер извиняющимся тоном. — Я не знал, что они с вами. Все, что я видел, — кентавры. Я думал, они опередили вас...

Джонгор больше его не слушал. Он был занят раненым *арклaном*. Однако ему уже ничем нельзя было помочь. Неске нагнулась, заглядывая через плечо Джонгора.

— Он сильно травмирован? — спросила царица Неске.

— Боюсь, он мертв, — ответил Джонгор. — Послушайте, он хочет что-то сказать.

Умирающий *арклан* начал что-то шептать, и царице пришлось наклониться еще ниже, чтобы разобрать его слова. Остальные кентавры столпились вокруг. А потом шепот умирающего стих. Голова его безвольно упала. Джонгор так и не понял, что сказал умирающий своей царице, потому что говорил *арклан* на древнем языке своего рода, которого гигант не знал.

— Что он сказал? — спросил Джонгор.

Царица Неске выглядела очень опечаленной.

— Он сказал, что когда он прибыл во дворец и встал рядом со мной, он хотел умереть, и теперь он не возражал против смерти.

Его слова смолкли, а потом Неске заговорила снова:

— Он сказал, что это боги желали его смерти. И он должен умереть, и что я и те, кто пошли со мной, скоро умрут, и неважно, удастся нам убежать или нет. Он сказал, что месть богов непременно настигнет нас, потому что скоро все *арклaны*, как один, отправятся на охоту за нами.

От этих слов холодок пополз вдоль позвоночника Джонгора. Может, этот умирающий кентавр и в самом деле предсказал их будущее? Действительно ли это было пророчество или просто бред умирающего? Неужели и в самом деле спасение невозможно?

Тряхнув плечами, он отогнал все подобные мысли прочь. Когда придет время, он умрет, а сейчас он приложил все усилия, для того чтобы остаться в живых. Вместо того чтобы продолжать скорбеть над погибшим, он повернулся к стене.

— Что, черт возьми, у вас там происходит? — спросил Шиллер. — Что там за шум в центре города? Мы думали, что вам конец.

— Были небольшие неприятности в городе. — ответил Джонгор. А потом на вопрос беспокоящегося Алана Хантера он ответил, что Анна в безопасности вместе с ними.

— Похоже, вам удалось выкрасть девушку точно так, как вы собирались, — сердито проворчал Шиллер. — Но, черт побери, судя по всему, вы разворошили настоящее осиное гнездо. Теперь будет замечательно, если нам удастся удрать.

— Думаю, нам повезет, — ответил Джонгор.

— Что ты имеешь в виду? — с сомнением протянул Шиллер.

Джонгор поднялся на стену. Тем временем орда *аркланов* появилась в ближайших воротах. Они несли факелы. Волной выплеснулись они из города и бросились на поиски беглецов.

— Похоже, мы в ловушке, — задохнулся Шиллер. — Еще немного, и они замкнут кольцо вокруг города.

— Похоже, так, — ответил Джонгор. — Видимо, Моздок и в самом деле талантливый командир. Смотрите, другие группы начинают обыскивать город.

Он указал на темные улицы, где стали зажигаться факелы. *Аркланы* устроили настоящую охоту на свою царицу.

Джонгор снова спустился со стены и объяснил царице Неске создавшееся положение.

— У вас есть какие-то предложения? — поинтересовался он.

— Единственная надежда для нас — добраться до крепости, вырезанной в скалах, — медленно пробормотала Неске. — Если мы достигнем ее, то сможем продержаться там, защищаясь от целой армии. Там есть могущественное оружие. Если мы туда доберемся, то будем в безопасности.

— Мы — должны, — мрачно объявил Джонгор. Он позвал Шиллера, Мортона и Алана Хантера, которые все еще оставались на стене и объяснил им, что необходимо сделать. Мортон что-то невнятно пробормотал себе под нос, но Шиллер шикнул на него, приказав помалкивать.

Подобно призракам, скользили они через залитый лунным светом город в сторону темных утесов. А *аркланы* продолжали искать их. Дважды отряды, занимавшиеся поисками, едва не натолкнулись на беглецов. Но царице Неске все-таки удалось привести своих спутников к крепости так, что преследователи не обнаружили их. Ворота, ведущие в крепость, охранялись двумя воинами с оружием, которое могло сжечь на расстоянии. Они, нервничая, расхаживали взад-вперед.

— Кажется Моздок учел все и принял все возможные предосторожности, — вздохнула Неске. — Не стоит даже пробовать пробраться туда. Прежде чем ты подойдешь достаточно близко для того, чтобы бросить копье, они вас испепелят.

— Я не собираюсь использовать свое копье, — ответил Джонгор. Он подошел к Алану Хантеру, который все это время нес его лук, а потом одним могучим движением натянул тетиву, наложил на нее стрелу.

— У меня есть предложение получше, — объявил Шиллер. Небрежно вскинув винтовку к плечу, он выстрелил, практически не целясь. Два выстрела прозвучали почти одновременно.

Видимо, он и в самом деле был замечательным стрелком, потому что оба стражника упали в песок у ворот.

— Хорошие выстрелы, — похвалил Джонгор. — Но было бы лучше, если бы все прошло тихо. Эти выстрелы, без сомнения привлекут внимание *аркланов*, которые охотятся на нас.

Беглецы остановились у входа и забрали оружие у убитых часовых. Потом царица Неске открыла ворота. И тут их заметил один из *аркланских* патрулей, рыскающих по городу. Молнии синего пламени ударили в ворота, когда те качнулись, закрываясь за спиной беглецов. С обеих сторон двери находились узкие прорези для того, чтобы защитники, находящиеся внутри крепости, могли вести огонь изнутри. Джонгор подпрыгнул к одной из этих бойниц. Из нее открывался отличный вид на площадку перед входом в крепость. Джонгор видел, как галопом вылетели аркланы. Однако они не спешили атаковать ворота, а держались в отдалении, видимо, ожидая подкрепления.

— Один человек с вашим испепеляющим оружием может удержать у входа в эту крепость целую армию, — заметил Джонгор.

— Или два человека с винтовками, — поддержал его Шиллер. — Мортон и я останемся охранять эти ворота, а вы пока обошли бы крепость. Посмотрели, нет ли врагов внутри. И еще, я предложил бы вам поискать побольше этих пистолетов, метающих молнии. Думаю, они нам понадобятся, так как ребята по ту сторону ворот, судя по всему, настроены очень серьезно.

Предложение Шиллера было принято. Оставив его и Мортона у ворот крепости, остальные поспешили вглубь каменного бастиона.

— А обычно в крепости есть охрана? — с сомнением поинтересовался Джонгор.

— Не думаю, — ответила Неске. — Они нас тут не станут искать. Моздок поставил охрану у входа, чтобы она не пустила нас, но внутри крепости, скорее всего, никого нет.

Царица оказалась права. Один из *аркланов* вынул из креплений в стене трубку, светящуюся холодным светом, — она осветила дорогу беглецам. Внутри они не встретили воинов Моздока. Сама же крепость, вырубленная в толще скалы, напоминала лабиринт. Столетиями *аркланы* прорубали коридоры в каменной толще, возводя последнее убежище для своего народа на случай какого-то бедствия или нападения врагов...

Вначале Неске повела их в комнату, где, по ее мнению, должен был располагаться склад оружия. И на этом складе оружие оказалось на месте. Выглядело оно довольно странно. Большие металлические контейнеры вдоль стен содержали странные пистолеты *аркланов*. Кентавры вооружились, взяв с собой столько оружия, сколько могли унести. А потом царица Неске отправила их всех к воротам, чтобы помочь двум стражам, оставив при себе только двух воинов-кентавров вроде личного почетного караула.

— Как у нас с едой и водой? — поинтересовался Джонгор. — Хватит у нас запасов, если нам придется выдержать осаду?

— Тут должны быть запасы продовольствия, которые помогут нам продержаться много месяцев, — ответила царица *аркланов*. — Что касается воды, то под крепостью протекает подземная река. Из-за этого крепость и была построена именно на этом месте. Эта река даст нам столько воды, сколько нам понадобится. А теперь, если вы пойдете за мной...

Она провела их через короткий коридор в огромную комнату. Когда же она коснулась скрытого выключателя, по всему залу разом зажглись лампы, дающие холодный свет. Они оказались в обширной зале, больше напоминающей пещеру, вырубленную в толще скалы. Потолок ее больше всего напоминал купол храма. Это помещение вызывало трепет, и не только из-за своих размеров, а скорее из-за осознания тех усилий, которые пришлось приложить, чтобы вырубить ее в каменной толще. Сколько времени на это потребовалось, и каким искусством должны были обладать камнерезы! Джонгор не смог сдержать вздоха удивления — даже его поразили размеры этой залы.

Только раса великолепных архтекторов могла создать такое чудо, и только раса художников могла высечь их камня эти великолепные фигуры, выстроившиеся вдоль стен.

— Это — наш храм, — голос Неске гулко разносился по величественной палате. — Это место мы создали, чтобы поклоняться нашим богам. Там, — показала она вглубь зала, — находятся самые совершенные творения нашего народа.

Потом она указала на каменный постамент, где покоился огромный шар. Одного взгляда на него хватило Джонгору, чтобы он понял, что это своего рода глобус. Он был сделан из какого-то металла, и на его поверхности сверкали отблески холодных огней. На поверхности шара можно было рассмотреть континенты и океаны Земли. На вершине глобуса, там, где должна была располагаться ось мира, стоял маленький металличский крылатый *аркланн.* Он застыл, запрокинув голову к звездам.

Пегас, рвущийся с Земли. Высоко задранный подбородок, широко раскрытые глаза, широко распластанные крылья... Это и в самом деле было чудесное творение, так что царица, быть может, и была права, назвав его лучшим творением *аркланов.*

Джонгор услышал, как приглушенно вздохнула от восторга Анна Хантер.

— Это... Это и в самом деле прекрасно...

— Спасибо, моя дорогая, — прошептала царица *аркланов.* — Да, эта статуя прекрасна, но в ней есть нечто большее, чем простая красота. Вот такими некогда были наши предки, и такого же величия мы собираемся достичь...

При всем этом в голосе царицы звучала печаль, такая печаль, которую было не передать словами. Стоя перед крылатым *аркланом*, который готов был в любой миг устремиться в небеса, она, казалось, жалела о чем-то...

Джонгор почувствовал ее настроение. И тогда он почувствовал, как кольнуло его сердце, а потом голос его громом разнесся по храму:

— Неске! В чем тут потаенный смысл?

Однако царица *аркланов* сразу не ответила, она заговорила лишь через несколько минут, словно приняв некое решение:

— Я хотела, чтобы вы увидели эту скульптуру, — сказала она. — И еще хотела, чтобы вы помнили меня, помнили об этой крылатой скульптуре, олицетворяющей всех *аркланов*! О мечте взлететь, — тут она махнула рукой в сторону статуи.

— Неске!

Но царица, казалось, не слышала Джонгора. Она словно прислушивалась к голосам, доносящимся откуда-то издалека.

— Мы появились на этой земле задолго до *мурийцев*, — начала она. — Когда они появились, наша раса уже начала угасать, в нас исчезла энергия жизни. Но мы все еще оставались сильны, умели сражаться, могли выжить. Мы поселились здесь... Но пришли *мурийцы*. Они развивались и совершенствовались, семимильными шагами продвигаясь к величию цивилизации. А потом их империя погрузилась в воды Тихого океана. Немногие *муриты* из тех кто выжил, обосновались здесь. Вы видели Орбо и Умбера и знаете, что ныне они лишь немногим отличаются от животных, обитающих в джунглях.

Внутри Джонгора все аж похолодело. Анна и Алан Хантер прижались к нему, словно ища защиты. Два *арклана* — почетный караул царицы, застыли, словно высеченные из камня. Так или иначе, но выглядели они так, словно это был их час славы.

— Расы приходят, стареют и погибают, — заметила Неске. — Мы пришли в мир много-много тысяч лет назад. Потом пришли *мурийцы*. Однако я не сомневаюсь, что до нас были другие. И после нас... — тут ее голос дрогнул, и она повернулась к Джонгору, — придут другие.

— Скажите мне, царица Неске, в чем смысл этой напыщенной речи? — поинтересовался Джонгор.

— В том, что ныне, наконец, пришел конец рода *аркланов*, — ответила царица. — Пришел час нашей гибели. Дни нашей славы прошли. Теперь мы должны уступить место другой расе — твоей расе, Джонгор. Когда я впервые увидела тебя в Затерянной земле, я сразу поняла, что ты представляешь расу, которая должна прийти на смену всем нам.

Джонгор внимательно посмотрел на царицу.

— Неске, этот разговор о смерти — настоящая глупость. Здесь мы в безопасности. Мы имеем большой запас продовольствия и находимся под защитой каменных стен. Вы же сами говорили, что здесь мы в полной безопасности.

— Я умру здесь, Джонгор, — объявила Неске.

— Умрете? — мысли Джонгора вернулись назад. к умирающему *арклану*, которого подстрелил Шиллер. — Похоже, вы все еще под впечатлением от...

Но царица, не дав ему договорить, покачала головой.

— Не могу объяснить, откуда я это знаю, но я, как и многие из *аркланов*, могу чувствовать будущее. Поверь мне, Джонгор, когда я говорю, что умру здесь, я знаю, о чем говорю. Я умру здесь, точно так же. как мои подданные...

— Но...

Джонгор неожиданно замолчал. Приглушенный коридорами, по крепости разнесся звук выстрела. Видимо, Шиллер или Мортон стреляли в *аркланов*, пытающихся подобраться к крепости. Джонгор сделал вид, что ничего не заметил.

— Когда ты пришел во дворец... — заговорила Неске — теперь она говорила много быстрее, словно спешила произнести все это вслух, а времени у нее было очень мало: — ...я знала, что скоро умру. И все усилия уговорить меня сопротивляться року ничуть не изменят моего отношения. Я знаю, что это случится.

— Тогда почему вы решили сопротивляться? — потребовал ответа Джонгор. — Почему не положили голову на плаху палача? Почему не отказались от моей помощи?

— Я боролась, чтобы ты, Джонгор, остался жив. Ты и девушка, которую ты любишь.

— Что?

— Я боролась из-за тебя, Джонгор. Собственная судьба мне безразлична. Но я не хотела бы, чтобы ты умер. Вот почему я позволила тебе увести меня из дворца.

Безмолвно смотрел Джонгор на эту странную царицу. В храме стояла мертвая тишина. А потом раздался шум чьих-то шагов. Кто-то бежал по пустым каменным коридорам. Неожиданно человек ворвался в залу. Обеими руками он сжимал свою грудь. Это был Мортон.

— Что случилось? — хриплым голосом спросил Джонгор, а потом подскочил к Мортону. — Ты ранен? Тебя подстрелили?

— Шиллер, — едва слышно пробормотал Мортон. — Он стрелял в меня.

— В тебя?

— Я не позволил ему открыть ворота, — пояснил Мортон.

— Шиллер хотел открыть ворота? — взорвался Джонгор.

— Да, — прошептал Мортон. — Он сказал, что *аркланы* снаружи победят так и так, и что если бы мы присоединились к ним, они наверняка хорошо бы нам заплатили. Думаю, что должен рассказать тебе, Джонгор, но Шиллер и я.... Когда мы впервые встретили вас... Мы искали дорогу в Затерянную землю. Шиллер откуда-то узнал, что такая земля существует. Он попробовал сам пробраться сюда, но у нас ничего не вышло. Именно поэтому он вызвался идти с вами... потому что вы направлялись сюда.

Лицо Джонгора скривилось от гнева. Он подозревал, что Шиллер о многом умолчал. И в самом деле, их попутчики самостоятельно пытались добраться до Затерянной земли.

— Он говорил, что тут полно золота и алмазов, — продолжал Мортон. — Я пробовал остановить его. Джонгор. Ведь ты хорошо отнесся к нам, спас нас, когда каннибалы схватили нас... Я не хотел делать ничего такого, но Шиллер...

Мортон закашлялся кровью, потом осел, и Джонгор помог ему опуститься на каменный пол.

— Оставь меня, Джонгор, — прошептал умирающий. — Шиллер открыл ворота, и скоро сюда придут *аркланы.*

Он замолчал. Волна конвульсивной дрожи прошла через его тело.

— Проклятый Шиллер. — пробормотал Джонгор. — Я сломаю ему шею.

А потом по коридором крепости эхом прокатился топот множества копыт *аркланов.* Распрямившись, Джонгор посмотрел на Неске.

— Прошу прощения за то, что сомневался в ваших талантах, — объявил он. — Похоже вы знали правду, когда говорили о близкой смерти, — при этом лицо Джонгора скривилось от смертоносной усмешки. — Но прежде чем умереть, мы будем сражаться!

Он наложил стрелу на тетиву большого лука.

Царица Неске улыбнулась ему.

— Ты достойный представитель расы, которая придет нам на смену, Джонгор. Отважный в битве, милосердный в победе, благородный... Да, в самом деле, твоей расе принадлежит будущее. А мы — *аркланы* — существа из прошлого. К тому же законы и обычаи, которых мы придерживаемся, — неправильные законы.

А потом царица неожиданно замолчала.

Когда же она заговорила снова, ее голос зазвучал с новой силой.

— Для меня большая честь, Джонгор, умереть, сражаясь рядом с тобой. Пойдем быстрее, я знаю место, где мы будем защищены с трех сторон. Там противники не смогут использовать свое численное превосходство. Там мы сложим баррикаду из их тел, прежде чем падем сами. Пойдем! Быстрее!

Дважды приглашать ей не пришлось. Они быстро промчались через храм, мимо глобуса с крылатым *арклaном*, который стремился в небо, готовый вот-вот оторваться от поверхности металлического шара. Остановившись у гладкой стены, царица нажала на какое-то едва заметное украшение. При этом часть стены скользнула в сторону.

— Быстрее! — позвала царица.

Джонгор нырнул в темный проход. Следом за ним последовали Анна и Алан Хантер. В узком коридоре их шаги отдавали сыгромким эхом. Куда же вел этот ход? Храм был вырезан из единого цельного камня. Тут не было никаких боковых проходов... А потом часть стены у них за спиной встала на свое место.

И только тогда Джонгор понял, что ни царица Неске, ни ее слуги не вошли в этот коридор. Они остались в большом зале. Клацнув, дверь в потайной ход окончательно закрылась.

Джонгор, Аллан и Анна Хантер оказались в полной темноте.

— Неске! — воскликнул Джонгор, повернув назад. — Ты снова обманула меня? Ты опять меня предала?

Ответ царицы едва можно было разобрать из-за каменной стены, разделяющей их.

— Я никогда не говорила о том, что ты умрешь в древнем храме *аркланов*. Я и мои слуги умрем. Но не ты со своими спутниками.

Джонгор в ярости ударил кулаком по стене. Где-то далеко он услышал звон оружия, и понял, что восставшие *аркланы* вошли в зал.

— Я слышу шум воды, — прошептала Анна Хантер.

И в самом деле, прислушавшись, можно было различить мягкий пдескводы, несущейся среди камней. Тем временем Джонгор водил руками по стенам, пытаясь сориентироваться.

— Эй, похоже, мы куда-то движемся! — задыхаясь воскликнул Алан Хантер.

Только тогда Джонгор почувствовал, что пол у него под ногами и в самом деле раскачивается. Тогда он опустился на колени и прижал руки к полу. Он ничего не видел, но, судя по всему, пол, на котором они стояли, был сделан из дерева. И еще он слышал, что где-то рядом несется водяной поток.

Внезапно он понял, что все это значит.

— Мне кажется, мы в какой-то лодке, — прошептал он — Вот только как мы сюда попали? Неске сказала, что через храм протекает подземная река. Так вот мне кажется, что мы в лодке, посреди этой реки.

И только сейчас он понял, что случилось. Вход в эту странную лодку был замаскирован, и скорее всего эта «лодка» могла спокойно вынести их за пределы крепости. Своего рода путь для бегства из каменной цитадели. Так что, получалось, царица Неске, открыв для них путь к спасению, сама осталась в древнем храме, чтобы, исполнив собственное пророчество, принять смерть. А может, она просто хотела задержать преследователей? Об истинной причине ее поступкаДжонгор так никогда и не узнал.

Пока они вслепую плыли по подземной реке, дважды слышали они рев и какой-то грохот, похожий на подземные взрывы. Джонгор даже решил было, что царица Неске использовала какую-то взрывчатку, скрытую в храме. Погибнув сама, она уничтожила всех своих врагов. Однако это был вопрос на который Джонгор так никогда и не получил

ответа. А странная лодка тем временем плыла все дальше и дальше, время от времени натыкаясь деревянными бортами на невидимые каменные стены. Обследуя их, Джонгор обнаружил рычаг, который открывал дверь, ведущую наружу.

За стенами лодки оказалась полная темнота — совершенно ничего видно не было. Где-то внизу шумела вода.

— Мы должны вновь закрыть дверь и подождать, посмотреть, куда принесет нас эта странная лодка, — решил Джонгор.

Нравится им это или нет, а они были пассажирами странного судна, которое то неслось по поверхности подземной реки, то погружалось глубоко под воду. Быть может, оно несло их к смерти? Что с ними случится, если их судно застрянет где-нибудь глубоко под водой? Прошел час, за ним еще один.

— Похоже, что нас вынесло на поверхность! — заметил Джонгор, почувствовав, как стены вновь начали раскачиваться.

Осторожно взявшись за рычаг он чуть-чуть приоткрыл «дверь». Они и в самом деле были на поверхности, плыли по реке, протянувшейся через всю Затерянную землю. За спиной у них возвышались отвесные утесы в которых огромной пастью темнела пещера, откуда вытекала подземная река.

Действуя копьем, как шестом, Джонгор подогнал их лодку, больше напоминавую уменьшенный библейский ковчег, к берегу. Еще несколько секунд — и беглецы выбрались на прибрежный песок.

— Вы только посмотрите! — неожиданно позвала Анна Хантер.

Джонгор повернулся. Где-то в джунглях пылал гигантский костер. Языки пламени лизали небо. Судя по всему, горел город *аркланов*. Хотя что могло гореть в этом сосредоточии камня!

Беглецы поспешили к этому гигантскому костру. И хоть Джонгор отлично понимал, что означает такой пожар, он все же надеялся, что сможет спасти Неске — последнюю царицу *аркланов*, ту, что спасла им жизнь. Если бы Джонгор мог, он, несомненно. спас бы ее... Вот беглецы поднялись на очередной холм, и перед ними открылся город *аркланов*. Джонгор застыл. разглядывая ужасную картину...

Утесов, которые раньше нависали над городом *аркланов*, больше не существовало. Вместо них были гигантские воронки, заваленные камнями. Видно, и в самом деле царица взорвала какое-то страшное оружие или чудовищные запасы взрывчатки.

Чем бы ни был вызван этот взрыв, его последствия оказались поистине чудовищными. Утесов, внутри которых пряталась крепость кентавров, больше не существовало, а их город был в огне. Реки жидкого огня, вроде лавы, текли по улицам города. Каменные здания *аркланов* пылали, словно факелы.

— Неске была настоящим пророком, — медленно произнес Джонгор. — Она сказала, что время смерти *аркланов* пришло.

— Это она подожгла город? — спросил Алан Хантер.

— Мы никогда этого не узнаем, — ответил Джонгор. — Возможно, она сделала это, чтобы скрыть все следы нашего бегства. А может, так получилось случайно. Нам никогда этого не узнать.

— У нее было большое сердце, — прошептала Анна Хантер. — Прежде чем я поняла искреннюю подоплеку ее поступков, я ревновала ее к тебе.

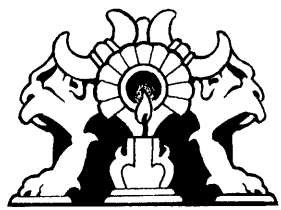
— Она была великой царицей, — с печалью в голосе подытожил Джонгор. — Больше таких в этих землях не найдется.

Аркланы были великой расой. Они были разумны мудрыи в древности совершили немало великих открытий. Однако им многого недоставало, чтобы стать истинными повелителями Земли. И больше всего они мечтали о крыльях, чтобы воспарить над землей. Джонгор на несколько секунд задумался о крылатом кентавре, статую которого видел в храме. Другие расы, жившие на Земле до них, в свое время уступили им место точно так же, как в свое время *аркланы* ушли, освободив дорогу *мурийцам*, выродившимся в *муритов*, которых со временеме вытеснили люди. И только здесь, в Затерянной земле, нашли свой дом последние кентавры. Здесь последние из их племени боролись, чтобы выжить. А потом, запрокинув голову, Джонгор устремил взгляд в темное небо. В какой-то миг ему даже показалось, что он увидел, как среди клубов дыма пронесся крылатый силуэт. Но налетел ветер, и видение растаяло, распавшись кольцами дыма. Видел ли гигант крылатого кентавра или это была всего лишь игра

воображения? Джонгор не знал. Моргнув, он вновь уставился на небо. Но видение окончательно развеялось.

— Спасибо тебе, царица Неске, — проговорил он, обращаясь к ночному ветру. — Спасибо тебе, царица *аркланов* за то, что спасла нас.

А потом беглецы отправились назад, в самое сердце Затерянной земли. А за спиной у них догорали руины последнего на Земле города кентавров...

ЧАСТЬ III
Джонгор сражается вновь

— Будьте начеку! — воскликнул Джонгор, осторожно направившись вперед.

Анна и Алан Хантер остановились позади него посреди тропинки, в то время как взгляды их скользили по густым зарослям.

— Я ничего опасного не вижу, — проговорила Анна, не повышая голоса, но по тому, как он дрожал, было ясно, насколько она взволнована.

— Я тоже, — вторил ей брат. — Но если Джонгор говорит, что нужно быть начеку, то для этого есть какая-то причина. Посмотри! Что он собирается делать?

Впереди, недалеко от них, стоял Джонгор. Мускулы от напряжения вздулись у него на спине. Держа в правой руке наготове копье, он осторожно прокрался вперед. Его движения говорили о том, что где-то неподалеку таилась опасность, но гигант до конца не был уверен.

Через плечо у него был перекинут длинный лук. Оперенные кончики стрел торчали из колчана. Повернув голову к своим спутникам, он медленно произнес:

— Оставайтесь там, где стоите.

— Что происходит? — шепотом поинтересовалась Анна.

Джонгор только покачал головой, так ничего и не сказав.

— Похоже, у нас и в самом деле большие неприятности, — едва слышно обратилась девушка к своему брату. — Больше я так не могу.

Хотя девушка и говорил, что страшно устала, уставшей она не выглядела.

В костюме из кожи диких зверей, в кожаных мокасинах, которые Джонгор сделал для нее сам, с раскрасневшимися щечками, она не выглядела очень уставшей. Внешне она

была в хорошей физической форме, а благодаря легкой винтовке, которую крепко держала в загорелых руках, она выглядела, словно современная амазонка.

— Затерянная земля — настоящая колыбель для неприятностей. Любой, кто оказывается в этих краях, тут же находит приключения. А если он захочет выбраться отсюда, то неприятностей окажется еще больше.

Произнеся это, Алан еще раз внимательно оглядел джунгли и болото. Далеко позади поднимались высокие горы, отмечая естественные границы этой страны. Где-то там у гор, в руинах старинного города жили *мурИты* — потомки *мурийцев* — выходцев с таинственного континента Му. Некогда, много тысяч лет назад, это был огромный шахтерский город. А в другой стороне, под грудой камней, лежал еще один мертвый город — город ныне мертвой расы *аркланов* — кентавров, населявших Землю задолго до *мурийцев*. Вокруг путешественников поднимались джунгли, а в темной воде болот прятались огромные аллигаторы, многие из которых в длину были более тридцати футов.

— Однако не стоит отступать, сестричка, — снова заговорил Алан. — Пока Джонгор с нами, мы можем не волноваться.

Его оценка сил гиганта в набедренной повязке из шкуры леопарда, основывалась на прошлом опыте. К тому же, Алан и Анна видели его в бою. И они оба доверяли ему практически безгранично. Брат и сестра знали, что без Джонгора им не выжить в этой опасной Затерянной земле.

Где-то впереди в зарослях джунглей громко защебетали птички. И, словно вторя им, где-то в глубине болот взревел *дино*. Обычные звуки для Затерянной земли.

— Я не слышала и не видела ничего такого, — беспокойно проговорила Анна. Она чуть приподняла дуло легкой винтовки из схрона Гофера. — Но на всякий случай...

Ее брат тоже взял винтовку наизготовку.

— Когда ты находишься в таком вот месте, как это, и не видишь, не слышишь ничего опасного, ты должен всего лишь остановиться и оглядеться, — с умным видом объявил Алан.

— Ты только глянь, что это? — голос Анны прозвучал очень резко.

И тут из зарослей деревьев прямо перед ними на тропу вышел *мурит* ростом по крайней мере футов девять высотой. При этом он был одет в какой-то костюм, больше всего напоминающий броню. Шлем с огромным перистым гребнем закрывал его голову. В руках у него был огромный топор. Незнакомец направился прямо к Джонгору.

— Откуда он тут взялся? — вздохнул Алан Хантер.

— Джонгор, отойди! — закричала Анна Хантер.

Однако Джонгор застыл на месте. Его копье было наготове, и наконечник сверкал на солнце.

Девушка вскинула к плечу винтовку, готовая открыть огонь. Она выстрелила бы, но на линии огня стоял Джонгор, и она ничего не могла сделать, чтобы защитить гиганта. А потом что-то другое привлекло ее внимание.

Неожиданно раздался громкий треск, и ружье оказалось выбитым из рук девушки дубиной. Повернувшись, она увидела нечто и так испугалась, что застыла, окаменев, а потом истошно завопила:

— *Муриты!*

Из-за деревьев справа, словно вода из прорвавшейся плотины, хлынули ревущие обезьяньо-люди. Краем глазам Анна видела, как Алан вскинул винтовку и выпалил. Один из *муритов* упал, но второй раз Алан выстрелить не успел. Волна обезьяно-людей накрыла их.

— Джонгор! — закричала Анна Хантер.

Он видела, как гигант повернул голову, бросив через плечо быстрый взгляд. В тот же миг странный великан в броне взревел и, занеся над головой свое ужасное оружие, бросился на Джонгора.

Но Анна так и не увидела, что произошло потом, потому что *муриты* повалили ее на траву, и несколько человекообезьян навалились на нее, выкручивая руки...

Джонгор, подходя к этой роще, ожидал увидеть *муритов*, скрывавшихся там. Его острый слух поймал тихий звук, указывающий на присутствие людей-обезьян Затерянной земли. Он не боялся их, был уверен, что сумеет сбежать.

Когда же из рощи вышел странный гигант, Джонгор был сильно удивлен. Он-то считал, что знает достаточно хорошо все племена, обитающие в Затерянной земле, но раньше

он никогда не видел никого, напоминавшего этого гиганта, хотя, судя по всему он был одним из *муритов.*

Крики девушки вывели Джонгора из оцепенения, и он успел увернуться. Краем глаза он увидел толпу приближающихся *муритов.* Джонгор уже собирался развернуться и броситься на помощь к Анне, когда чудовище взревело, заставив его замереть на месте.

— Стой! — прокричал таинственный незнакомец. — Стой, пигмей! Умри!

И он с такой силой нанес удар топором, что, попади он в цель, череп Джонгора раскололся бы, как гнилая дыня.

Только топор не попал в цель. Джонгор ловко отскочил в сторону.

— М-м-м! — изумленно протянул гигант, поняв, что его топор ушел глубоко в землю. Он тупо уставился на него. Ему обещали деньги за убийство этого существа, и он собирался так или иначе выполнить работу, за которую взялся.

Однако в тот миг, когда он попытался вытащить свой топор из земли, на него обрушилось копье Джонгора — тот изо всех сил ударил острым наконечником в грудь великана.

Крепкая броня воина-*мурита* выдержала. Но сила удара была столь велика, что гигант качнулся назад. Он упал, однако остался невредим. Пострадало исключительно его самомнение. Уцепившись за ручку топора, он попытался встать на ноги.

— Помогите! — донесся до Джонгора голос Анны Хантер.

Джонгор повернулся, чтобы посмотреть, что с его спутниками — Анной и Аланом. Он видел, как их захлестнула волна *муритов.* А потом, когда Хантеры оказались у них в руках, человеко-обезьяны повернули к Джонгору.

Одного из *муритов* Джонгор сразу узнал. Это был великий Орбо — предводитель стаи. Судя по всему, именно он спланировал нападение.

— Схватить его! — приказал Великий Орбо, указывая на Джонгора.

Одного *мурита* или даже дюжину Джонгор не боялся. Но что мог он сделать один против толпы, тем более за спиной у него гигант все еще пытался вытащить из земли свой огромный топор.

Единственное, что оставалось Джонгору, — бежать. Если он смог бы спастись, то потом, несомненно, вернулся бы, и тогда *муриты* заплатили бы ему за все, точно так же, как этот гигант. А великан уже вытащил из земли свое ужасное оружие и снова им замахнулся.

— Хватайте его! — все еще вопил Большой Орбо. — Две жены тому, кто поймает его!

Но Джонгор не стал ждать *муритов*, а со всех ног рванул в сторону рощи, и обезьяно-люди припустили за ниим следом.

Он не видел дубин, которые полетели ему вслед, и узнал об их существовании, когда одна из них ударила его по затылку. Удар был страшным. Джонгор споткнулся и рухнул на землю. На мгновение он потерял сознание, но через пару секунд снова был на ногах. Если Джонгор был ранен, по его походке это было незаметно. Однако ни один человек, каким бы могучим он не был, не смог бы перенести такого удара.

Анна Хантер шла спотыкаясь. Руки у нее были связаны за спиной, а конец веревки держал *мурит*, идущей следом. Она шла и плакала. Надежда выбраться из этой смертоносной Затерянной земли растаяла, как призрачный дым. Никто не мог спасти ее, даже Джонгор. Ведь она видела, как он сбежал! Она раз за разом прокрутила в памяти эту сцену и до сих пор не могла поверить, что все случилось именно так.

— А что ты ожидала, что он будет стоять на месте и ждать, пока эти макаки раскроят ему череп? — поинтересовался ее брат. — Даже Джонгор не смог бы выстоять в бою против двадцати или тридцати *муритов*. И что... — тут он сделал паузу, словно никак не мог подобрать подходящее слово, чтобы описать существо, возглавляющее процессию *муритов*, — ...кто такой этот великан?

Калазао — великан, шагал рядом с Большим Орбо. На плече он нес гигантский топор. Говорил он свободно, голосом, который можно было принять за раскаты далекого грома.

— Я бы прикончил его, если бы он не сбежал, — с досадой проговорил Калазао. — Но в следующий раз, когда я его увижу, я его хорошенько приложу.

Он говорил на языке *муритов*, который и Алан, и Анна отлично понимали.

— Следующий раз, когда ты увидишь его, ты будешь бежать впереди собственной тени! — злобно выкрикнула ему в спину Анна.

— Ш-ш-ш! Помолчи, сестричка, — убедительно сказал ей Алан. — Во всяком случае минуту назад ты была согласна со мной в том, что Джонгор струсил и сбежал. А теперь ты вопишь о том, что он вернется и отомстит за нас!

Калазао и Большой Орбо разом повернулись в их сторону.

— Но! Так выходит, он вернется? И ты думаешь, я побегу от него? Ха! — Калазао покачал топором, а потом взмахнул им над головой, словно собирался поразить невидимого врага, а потом снова начал рассказ о том, что сделает с Джонгором, когда поймает его.

— Иногда лучше держать рот на замке, сестричка, — заметил Алан Хантер. — Калазао теперь будет настороже и станет поджидать Джонгора.

— В любом случае, он был бы настороже, — ответила Анна.

— Эй, вы там, хватит болтать, — и *мурит*, державший конец веревки дернул за нее. В результате Анна повалилась на землю. — Давай, вставай! — приказал *мурит*, пнув ее.

— Ты сам повалил ее, а теперь пинаешь за то, что она упала! — вступился за сестру Алан Хантер. Безоружный, с руками, связанными за спиной, он бросился на *мурита*, и что есть силы пнул его головой в живот.

Человеко-обезьяна повалился на спину, а когда встал на ноги, размахнулся дубиной. Его близко посаженные глазки сверкали от ярости.

— За это я прибью тебя...

— Прекрати! Немедленно прекрати! — закричал Орбо. — Остановись немедленно, или я прикажу отрезать тебе хвост за неповиновение.

— Но он ударил меня! — взвыл разозленный *мурит*.

— Послушай, если я разозлюсь и ударю тебя, вот тогда ты поймешь, что такое настоящий удар, — ответил Орбо. — Я точно отрежу тебе хвост, если ты скажешь еще слово.

Поняв, что предводитель не шутит, *мурит* скис. Анна поднялась с земли, и они продолжили свое путешествие. Очевидно, они направлялись назад, в самое сердце Затерянной земли, в старый город *муритов*.

Ростом *муриты* были чуть ниже людей, но по телосложению — более приземистыми, мускулистыми. Все их тело покрывал тонкий мягкий мех. Выглядели они наподобие горилл, хотя ни один из них не был таким могучим, как обезьяны. Размер и форма их голов говорили о том, что *муриты* обладают почти человеческим интеллектом. Они принадлежали побочной линии развития человечества, и хотя были уже далеко не животными, им было очень далеко до нормальных людей. Сходство с животными усиливал тот факт, что у *муритов* были длинные хвосты.

Среди *муритов* особым шиком считалось владение этим хвостом, но самым большим хвостом обладал Большой Орбо — его хвост был такой длины, что он мог обернуть его вокруг собственной шеи. Кроме того, он оброс более густой шерстью, чем его соратники. Если не считать металлических украшений на руках, *муриты* были совершенно голыми. Их оружие состояло из дубинок и коротких копий.

Шагая по тропинке, Анна внимательно разглядывала джунгли. Она была уверена, что Джонгор найдет и спасет ее. Она не сомневалась, что сероглазый гигант что-нибудь придумает, ведь ему удалось выжить в аду Затерянной земли.

Умбер — второй среди *муриотов* — прошел мимо пленных, направляясь во главу колонны. Однако, минуя пленных, он на мгновение остановился, искоса посмотрел на девушку:

— Теперь ты будешь принадлежать мне, — пробормотал он.

— Я лучше умру, — прошипела девушка ему в ответ.

Умбер в ответ на это усмехнулся.

— Иди по своим делам, — вмешался в их разговор Алан Хантер.

— Это тебе! — зло сверкнув глазами, *мурит* поднял копье и прижал наконечник к щеке пленника.

— Оставь его! — закричала Анна.

Обиженный Умбер оскалился, изобразив то, что он считал улыбкой умиротворения, и продолжил путь в голову колонны, где Орбо и Калазао прокладывали дорогу сквозь заросли. Алан медленно поднялся на ноги. Кровь струилась по его щеке, где ее коснулось острие копья.

— Ты в порядке, Алан?

Молодой человек провел пальцами по щеке, его глаза вспыхнули от ненависти.

— Надеюсь, я когда-нибудь поймаю этого *мурита*, и тогда у меня в руках будет оружие!

А тем временем Орбо, Умбер и Калазао разгоряченно спорили.

— Она должна стать невестой Солнца, — уверенно говорил Орбо. — Это было давно решено. Или невестой Большого Потерянного бога, если тот, конечно, призовет ее.

Анна Хантер задрожала всем телом. Эти существа были поклонниками Солнца. Их богом был пылающий шар света, который каждый день скользил по небу. Стать невестой бога означало погибнуть на его алтаре. Она не знала, какой этот бог, и не хотела знакомиться с ним.

— Именно так все и будет, — проговорил Орбо. — Однако если она окажется недостаточно совершенной для бога, то я сам займусь ей.

— Выходит, что, как бы дело там ни обернулось, сестричка, ничего хорошего тебе не светит, — с отчаяньим в голосе проговорил Алан Хантер.

Снова взгляд Анны скользнул по джунглям. Она снова начала высматривать Джонгора.

— Он придет, — пробормотала она себе под нос. — Он обязательно придет и найдет нас...

Для душевного покоя Анны Хантер было хорошо, что она не видела Джонгора в этот момент...

Он неторопливо вышел на полянку. Сейчас он думал лишь о том, что он страшно голоден и что олень смог бы стать превосходной и аппетитной пищей. И он совершенно не думал ни об Анне, ни об Алане Хантере. В этот миг они для него словно и не существовали. Он и не воспоминал о них! Дубина, которой один из *муритов* попал по голове гиганта, едва не раздробила его череп, так что голова у Джонгора просто раскалывалась. К тому же вместе с ударом дубиной события последнего года просто вылетели у него из головы.

Такое порой бывает. В результате удара память исчезает на какое-то время. Человек может впасть в амнезию и совершенно не помнить то, что происходило с ним в последнее время. Человек, оказавшийся жертвой несчастного случая,

может забыть многое из того, что с ним было до этого. Со временем его память может восстановиться, за пару дней... или за неделю.

Но эта потерянная память может восстановиться, а может и нет. Все зависит от того, что дальше будет происходить с этим человеком.

Джонгор чувствовал боль где-то в затылке. Каждый раз, когда он покачивал головой, боль накатывала на него новой волной. И боль не уходила. Однако, прожив в Затерянной земле много лет, он научился игнорировать боль. А вот видения... Время от времени перед ним возникала призрачная женщина. И Джонгору всякий раз казалось, что это его мать. Она была единственной женщиной, которую он знал.

Или была и другая женщина? Он пытался что-то вспомнить, морщил лоб. Но образ женщины всякий раз ускользал. Наконец, заметив в глубине зарослей оленей, Джонгор совершенно забыл о видениях.

Олень кормился и не чувствовал надвигающейся опасности. Осторожно раздвинув листву, Джонгор натянул лук и наложил стрелу на тетиву. Лук тихо заскрипел, когда оперение стрелы коснулось щеки гиганта.

— Лети прямо, — прошептал он, выпуская стрелу.

Он пустил стрелу с плеча. Олень сделал огромный прыжок, а потом, когда стрела пробила его сердце, замертво повалился на землю. Джонгор подошел и срезал сочные куски мяса, потом нашел укромное местечко и развел огонь, использовав обычную зажигалку. Разведя огонь, Джонгор уставился на зажигалку, пытаясь понять, откуда она у него взялась. Он отлично знал о том, где раздобыл браслет с кристаллом, который носил на левом запястье. Но вот эту небольшую штучку, с помощью которой с легкостью можно было развести огонь...

Эту зажигалку месяц назад подарил ему Алан Хантер. Но Джонгор ничего вспомнить так и не смог.

Присев на корточки у костра, он замер, прислушиваясь к тому, что происходит вокруг него в джунглях. Ни животных звуков, ни шорохов подкрадывающихся *муритов.*

Шорох шагов. Закинув лук за спину, Джонгор не спеша потянулся за копьем. А потом резко схватив его вскочил, развернувшись...

Два человека разбили лагерь на краю джунглей. Над их лагерем нависал огромный утес. Перед лагерем раскинулась чистая поляна, так что путешественники могли ничего не опасаться. Они заметили бы любого, кто попытался бы к ним подобраться.

Выбирая место для лагеря, они постарались быть очень осторожными.

Сейчас вся полянка под утесами была завалена их вещами и припасами. Коробка с лекарствами, коробки с боеприпасами, две маленькие металлическихе коробки, которые очевидно содержали запасы провианта.

У большого камня стояли две большие спортивные винтовки. А еще на бедрах у обоих мужчин покачивались большие пистолеты и тяжелые охотничьи ножи.

— Эти бессовестные туземцы бросили нас именно тогда, когда были нужны нам больше всего, — заговорил Гномер — тот, что повыше. В его голосе слышались гневные нотки. Высказавшись, он наклонился над костром, проверил жарившийся кусок оленины.

Гномер был большим, чернявым, бородатым и выглядел настоящим проходимцем.

— Да, — ответил его партнер Роуз. — Они знали, когда удрать. Если один из этих дьяволов попадет на мушку моего ружья, то аборигенов в этих краях сразу станет на одного меньше.

— Никогда никого из них ты не поймаешь, — заметил Гномер со злой усмешкой. — Если бы ты не спал во время своего дежурства, они бы никуда не ушли.

— Не мог я остановить их не потому, что уснул, — проворчал Роуз. — Я следил за ними и, должно быть, просто опустил голову. Клянусь, я не спал, только, быть может, прикрыл глаза на минуту или две. А потом все они разом исчезли.

— А мне кажется, что ты закрыл глаза на пару часов, — с горечью проговорил Гномер. — Пока ты сидел, прикрыв глаза, эти туземцы унесли большую часть нашего снаряжения, припасов и карты, — голос Гномера дрожал от ярости. — Черт побери, я всажу в тебя пулю, если ты еще раз напомнишь мне об этих сукиных детях.

Роуз, все еще сидевший на земле, тревожно скривился.

— А какая разница? Есть у нас карта или нет? Мы все равно в землях, которых нет ни на одной карте!

— Мы добрались сюда, и это хорошо. Но как мы сможем отыскать что-то без карты?

— Найдем как-нибудь. Это где-то здесь.

Гномер обвел свободной рукой раскинувшуюся перед ним Затерянную землю.

— Да, и ты видишь, эта долина в самом деле огромная. Без карты мы будем блуждать много лет, прежде чем найдем то, что ищем.

— Но с этим мы ничего сделать не сможем, — равнодушно протянул Роуз.

Совершенно бесшумно, словно тень, Джонгор по скалам перебрался на выступ, который был выше того места, где разбили лагерь путешественники. По джунглям он двигался с прежней легкостью, не оставляя за собой никаких следов. Благодаря тому, что скалы были старыми, искрошившимися, подниматься по ним оказалось не так уж сложно.

При виде белых людей у Джонгора появилось странное чувство — нечто сродни голоду, хотя надо отдать должное — он только что хорошо закусил, так что это был вовсе и не голод. Что же это тогда такое? Мысль об этом не давала гиганту покоя.

Джонгор никак не мог осознать, что это чувство всего лишь желание общаться с себе подобными существами. И хотя воспоминания об Анне и Алане Хантере оказались блокированы, в нем все еще оставалось ностальгическое желание общаться с людьми. Даже *муриты* страдали, если им долго приходилось находиться в одиночестве...

Глядя на этих двух путешественников, Джонгор всем сердцем хотел быть вместе с ними. Говорить с ними. Сейчас его единственными воспоминаниями о таких же людях, как он сам, были воспоминания об отце и матери. Те всегда были добры к юному Джонгору, и из-за этого у гиганта-дикаря сложилось ошибочное мнение, что все люди точно такие же, какими были его родители.

В какой-то миг желание поговорить с соплеменниками пересилила природную осторожность, и, поднявшись во весь рост, Джонгор громко сказал:

— Привет!

Вид высокого гиганта, одетого лишь в узкую набедренную повязку, так поразил Гномера, что тот выронил свой кусок оленины прямо в огонь. Тем более что Джонгор, как показалось Гномеру, появился на выступе скалы совершенно неожиданно, словно возникнув из ниоткуда. Путешественник машинально вытащил пистолет из кобуры.

— Кто... ты?

Джонгор с легкостью спрыгнул на землю и встал рядом с ошеломленными путешественниками. Его лицо расплылось в улыбке. Отставив руку с копьем в сторону, он вытянул вперед другую руку с пустой ладонью в древнейшем жесте дружбы и миролюбия, а потом шагнул к незнакомцам.

Гномер по-прежнему держал Джонгора на прицеле. Роуз быстро схватился за ружье, стоявшее прислоненным к скале, и прижал приклад к плечу.

— Стой! — приказал Гномер.

— Но...

— Я сказал, чтобы ты остановился. Иначе я буду стрелять, — голос Гномера звучал спокойно и совершенно равнодушно. А потом он шагнул в сторону и развернулся так, что дуло его пистолета нацелилось на Роуза.

— Но... — вновь повторил Роуз, опуская ружье.

— Прошу прощения, — вмещался Джонгор. Он отлично понимал, что своим появлением поразил этих двух путешественников, однако тут было и что-то другое — что-то, чего Джонгор не понимал. Может, он сделал что-то не так? — Я — Джонгор, — вновь заговорил он. — Я увидел ваш костер и пришел, чтобы поговорить, — для него это была простая констатация факта.

— Предположим, — протянул Гномер. — Предположим, — судя по всему, он обдумывал ответ Джонгора. Он был ужасно поражен. Последнее, что он ожидал увидеть в этой Затерянной земле, так это белого человека, подобного Аполлону, вооруженного примитивным оружием. Но теперь, когда Джонгор появился перед ним, у него не было никакой причины не верить в его существование, иначе ему пришлось бы признать, что его глаза обманывают его. — Ладно, садись, — пригласил он Джонгора, — махнув рукой в сторону костра. — Ты и в самом деле

поразил нас. Кто ты? — при этом он старался говорить так, чтобы голос его звучал доброжелательно.

Присев на корточки у костра, Джонгор рассказал новым знакомым историю своей жизни. Сомнение, изначально написанное на лицах путешественников, сменилось удивлением.

— Хорошо, это-то нам понятно, — то и дело повторял себе под нос Роуз, поглядывая уголком глаза на своего товарища, словно ожидая от него какого-то сигнала. Гномер же совершенно не обращал внимания на Роуза. Со стороны могло показаться, что он давно уже все для себя решил.

— Так ты всю свою жизнь прожил здесь? — с сомнением в голосе поинтересовался Гномер.

— Да, — ответил Джонгор.

— Тогда ты должен отлично знать эту долину.

— Я и в самом деле знаю ее.

— Очень хорошо. Сначала я в этом не был так уж уверен. Это и в самом деле Затерянная земля?

— Если хочешь знать мое мнение, то я считаю, что чем быстрее мы уберемся отсюда, тем лучше, — пробормотал Роуз.

— А твоего мнения никто не спрашивает, — фыркнул Гномер. Роуз тут же замолчал, застыл, прикусив губу. А Гномер вновь повернулся к Джонгору. — Ты когда-нибудь слышал о старом, полуразрушенном городе, где живут какие-то странные обезьяны?

— Потерянное звено?

— Вроде того. Наполовину обезьяны, наполовину люди.

— Должно быть, вы имеете в виду *муритов*? — переспросил Джонгор. На какое-то мгновение его лицо скривилось от гнева.

— Не знаю, как вы их называете. Ты мог бы показать нам дорогу к городу этих самых *муритов*?

— Полагаю, мог бы, — продолжал хмуриться Джонгор. — Но почему вы хотите попасть туда?

— Мы — ученые, — торопливо ответил Гномер. — Нас послала сюда одна организация, занимающаяся различными исследованиями. Мы слышали слухи о... *муритах*... В общем, наша работа заключается в том, чтобы исследовать их и определить, являются ли они тем самым недостающим звеном между обезьяной и человеком. — Он старался говорить просто и бесхитростно. Однако все дело портил Роуз,

который выглядел удивленным и озадаченным. Он словно впервые слышал о том, что говорил Джонгору его товарищ.

— Ученые, — задумчиво протянул Джонгор. — Не знаю значение этого слова...

— Ученые — это такие люди, которые всю свою жизнь посвящают изучению мира. Они исследуют то, о чем другие люди ничего не знают, изучают различные природные явления, а потом рассказывают о них всему миру, чтобы все люди могли извлечь выгоду из их знания. Судя по тому, что ты нам рассказал, твои родители тоже были учеными. Они пытались исследовать эту Затерянную землю, пролететь над ней на самолете...

— В общем, да, — согласился Джонгор. Слова этого человека звучали хорошо, да и он сам казался храбрым и честным, но некое шестое чувство, присущее дикарям — детям Природы, подсказывало Джонгору, что не все тут так просто. Быть может, этот человек был сродни *муритам* и часто лгал. Джонгор не знал, что и думать. Наконец, приняв определенное решение, он покачал головой.

— Нет, я не поведу вас к городу *муритов*, — неожиданно для себя самого объявил он.

Молниеносно пистолет Гномера вновь оказался нацелен на Джонгора, который хорошо знал, что такое огнестрельное оружие. И хотя он ничего не помнил ни об Анне и Алане Хантер, ни об их спутниках, он понимал смертоносную силу стрелкового оружия.

— Руки вверх! — резким голосом приказал Гномер.

— Но вы же только что говорили, что вы — ученые...

— То, что я говорил, не имеет никакого значения. Подними-ка руки повыше и повернись. Если попытаешься выкинуть какой-нибудь фокус, я тебя продырявлю.

Ничего не сказав, Джонгор повиновался. Только теперь он начал понимать, с какими людьми он столкнулся. Он пришел к ним в поисках дружбы, хотел поговорить с соплеменниками. Он хотел стать другом этих людей. А теперь Гномер держал его на мушке, угрожал убить, если Джонгор не станет делать то, что ему говорят. Неужели все люди такие? Или это их специфическая манера обращения с друзьями?

Он чувствовал, как Гномер по очереди потянул его руки вниз, так что теперь они были сложены за спиной, а потом

запястье Джонгора захлестнула крепкая веревка. Мгновение — и его руки оказались крепко связаны.

— А теперь, как я полагаю, ты все же отведешь нас в город этих самых *муритов*! — с триумфом в голосе объявил Гномер.

— Но почему вы так хотите попасть туда? Из-за алмазов и золота?

— Алмазы? Золото? — выпучив глаза, повторил следом за гигантом Роуз. — Откуда они там взялись?

— Некогда у предков *муритов* — *мурийцев* здесь были шахты, — объяснил Джонгор. — Да, у них огромные запасы драгоценных камней и золота.

— Боже мой! — прошептал Гномер. — Мы пришли сюда не за этим. Но теперь, когда мы знаем об этом, похоже, цели нашего путешествия изменились. Отправимся в дорогу завтра утром. А ты и не думай о том, что сможешь удрать этой ночью. Никуда ты от нас не денешься и завтра, так или иначе, отведешь нас к городу этих самых *муритов*!

Голос Гномера звучал, как голос человека, которому неожиданно улыбнулась удача.

— Так что теперь у нас есть кое-что получше неточных карт, — объявил он своему спутнику, кивнув в сторону Джонгора.

В какой-то миг Джонгор очень разозлился, а потом разом остыл. Его заманили в ловушку и поймали. Он отлично это понимал. Но почему-то ему все время казалось, что он и раньше встречал кого-то из людей своего рода.

Какие-то обрывочные воспоминания, словно призраки, выскальзывали из его памяти, но всякий раз, когда Джонгор пытался припомнить хоть что-то, они ускользали от него.

А парочка, взявшая его в плен, задавала вопросы. Дюжины вопросов о *муритах* и о городе древних людей, где те жили; о том, как лучше будет туда пробраться. Джонгор с достоинством отвечал им. Глубоко в сердце он чувствовал все разрастающуюся ярость. Но в данный момент он ничего не мог поделать. Однако он знал, что придет время...

Всю ночь Анна пыталась перетереть кожаные ремни, стянувшие ее запястья. Алан, который сидел неподалеку от нее, занимался тем же самым. *Муриты* же развели огромный костер.

А Калазао, завалившись в тени неподалеку, храпел, словно старая испорченная паровая машина. *Муриты* спали беспокойно, устроившись в такой близи от костра, что было просто удивительно, что они до сих пор не подпалили свои шкуры. Однако прежде чем лечь спать, они выставили часовых — те не спали, пристально вглядываясь в темные джунгли. Для тех, кто обитал в Затерянной земле, ночь традиционно была самым опасным временем суток. Вот где-то во тьме взревел лев, и обезьяны вторили ему испуганными криками...

Анна и Алан Хантеры лежали чуть в стороне от костра *муритов*. Если бы им удалось освободиться от пут, то, вполне возможно, они смогли бы незаметно скрыться, воспользовавшись темнотой. Несколько минут — и они были бы свободны... но безоружны. И это в Затерянной земле, где смерть подстерегала человека на каждом шагу. Однако лучше свобода и неведомые опасности Затерянной земли, чем плен *муритов*.

— Сестричка, — шепотом позвал Алан Хантер.

— Да?

— Похоже, мне удалось освободить руки!

Анна почувствовала, как сердце едва не выпрыгнуло из груди при этих словах. Она увидела, как Алан зашевелился и медленно пополз в ее сторону, постепенно придвигаясь все ближе и ближе. Вскоре она почувствовала, как его пальцы коснулись ее запястий. Но тут пробудился один из беспокойных *муритов*. На беду пленников это был сам Умбер. Анна сразу узнала его в свете костра. Судя по растерянному выражению лица, человеко-обезьяне снился кошмар. Умбер оглянулся, посмотрев их сторону. Анна затаила дыхание.

— Ну-ка, отодвинься от нее, — приказал Умбер, со всего маха пнув Алана. Анна краем глаза видела, как брат откатился в сторону. — И не смей приближаться к ней снова! — продолжал *мурит*.

— Он мой брат и может находиться рядом со мной, — твердым голосом объявила Анна на языке *муритов*.

— Тихо, сестричка, — обратился к ней Алан по-английски. — Не зли его сейчас.

— О чем это вы говорите? — с подозрением спросил Умбер.

— Ни... ни о чем, — с дрожью в голосе ответила девушка. — Он всего лишь сказал, что я должна делать, как ты говоришь.

— Хорошо, — довольным голосом проворчал Умбер. Очевидно, он все еще наполовину спал. Потом он опустился на колени возле девушки. Схватив ее, он повернул ее лицом к себе.

В первый момент Анна подумала, что человеко-обезьяна хочет поцеловать ее. Но она не помнила, чтобы у *муритов* существовал подобный обычай. Они выказывали свою привязанность словно животные — терлись носами. А сейчас девушка чувствовала горячее дыхание *мурита*, чувствовала прикосновение его влажного носа. Паника охватила ее. Это было подобно удару электрического тока.

Анна захотела закричать, но не посмела. Если бы она что-то выкрикнула, это привлекло бы внимание других муритов. А ей это было совершенно не нужно. Возможно, это спасло бы ее от подобного унижения, но с другой стороны это привлекло бы внимание других человеко-обезьян. А тогда могло обнаружиться, что Алан освободил руки. И у них не осталось бы ни единого шанса сбежать. Поэтому девушка сдержалась. Ни одного крика не вырвалось у нее из груди.

— Ты красивая, — прошептал ей на ухо Умбер.

— А ты — грязное животное, — ответила ему девушка по-английски.

— И что это означает?

— То, что ты очень сильный!

— Ах! — и Умбер замурлыкал, словно кот, обожравшийся сливок. А потом его нос снова коснулся ее носика. Снова она ощутила на лице зловонное дыхание своего тюремщика. Он прижался к ней еще плотнее... И Анна, не в силах больше терпеть, закричала.

— Что происходит?

— Кто идет?

Разбуженные криками девушки, *муриты* тут же повскакали на ноги. Даже Калазао проснулся. Вскочив на ноги, он схватился обеими руками за свой огромный топор, а потом принялся вертеть им над головой, высматривая врага, который посмел нарушить его покой.

Умбер, отплевываясь, словно рассерженная кобра, встал, сердито пнул девушку.

— Пленнице приснился кошмар, — объяснил он своим сородичам.

Такое объяснение даже Анна смогла принять. Теперь она снова лежала тихо, безмолвно, страясь не издавать никаких звуков, хотя рыдания так и рвались у нее из груди. Алан тоже застыл, стараясь ничем не привлекать внимание человеко-обезьян. Вскоре Калазао снова захрапел, и лагерь затих. Снова Анна почувствовала пальцы Алана, пытающегося распутать узы на запястьях сестры. Через минуту они оба стали свободны. А потом они словно тени скользнули в залитые лунным светом джунгли. Хотя в последний момент Алан заколебался: он хотел было украсть копье у одного из спящих *муритов*, но потом решил не рисковать. Часовой, охранявший лагерь с их стороны, спал, и они без помех проскользнули мимо него. Потом они обошли по кругу лагерь человеко-обезьян. Оба беглеца чувствовали невероятное ликование.

— Мы сбежали, Алан. Мы свободны! — прошептала Анна.

— Надежда никогда не умрет, — ответил Алан. — Никто никогда не станет так долго держать Алана Хантера под замком. Теперь нужно найти Джонгора. Не понимаю, что с ним произошло. Я уверен, что он где-то неподалеку.

— Может, он и в самом деле где-то рядом, — нетерпеливо проговорила Анна. — Может, он всего лишь ожидает удобного случая, чтобы спасти нас. А сейчас пойдем отсюда подальше и будем надеяться, что завтра он нас найдет. Держу пари, так и будет. Без него... — начала было она, но замолчала, потому что они оба отлично знали: чтобы выжить в Затерянной земле без Джонгора, им потребуется совершить почти невозможное.

— Пошли, — позвал ее Алан. — Давай-ка двигать подальше отсюда.

Они старались идти как можно быстрее, чтобы между ними и лагерем *муритов* легло как можно большее расстояние. Где-то вдалеке вновь заревел лев, но потом его голос стих.

И когда они убегали из лагеря *муритов*, ни один из них не заметил человеко-обезьяну, который последовал за ними. Это был Умбер. Сжимая в руке тяжелую дубину, *мурит* спокойно следовал за ними — бесшумный, невидимый призрак. Один удар дубины из темноты — и с братом девушки будет покончено. А потом девушка будет его, и он сможет делать с ней все, что захочет...

Беглецы украдкой пробирались по джунглям, залитым лунным светом. В ночном свете Затерянная земля казалась потрясающе красивым местом, но в этот момент брату с сестрой было не до того — не самое лучшее время для того, чтобы любоваться пейзажами. Неожиданно Анна услышала шорох слева среди зелени. Она сделала вид, что ничего не слышит, и продолжала следом за Аланом пробираться через густые заросли. Если он и слышал что-то, то определенно не обратил на это внимания. Откуда-то издалека донесся рык льва. Однако и в этот раз оба беглеца сделали вид, что ничего не слышали. Рев льва означал, что хищник отправился на охоту. Но этот рев напомнил беглецам, что джунгли полны опасностей, о большей части которых они даже не подозревали. А потом они вновь услышали странный треск ветвей.

— Алан, кто-то крадется следом за нами, — прошептала Анна.

Юноша обернулся. Он покрепче сжал в руке копье.

— Я ничего не слышу, — пробормотал он.

— Теперь и я ничего не слышу, — с негодованием ответила девушка

— Скорее всего, за нами крадется какое-то животное, — проговорил Алан. — А может, это всего лишь твое воображение. Пошли, — позвал он, отмахнувшись.

Анна последовала за братом, который направился в самую гущу зарослей. Тут было еще темнее. Анна отлично понимала, что Алан пробирается вперед буквально наощупь. Он не видел, куда он шел. А потом он неожиданно остановился.

— Что это? — прошептала девушка.

— Стой на месте, я сейчас возьму тебя за руку, — ответил ее брат.

— Какой...

— Лезь на дерево, — приказал юноша.

Анна почувствовала прикосновение чьей-то руки, а потом Алан подсадил ее. Пошарив по грубой коре дерева она нашла сук, поставила на него ногу и подтянулась.

— Лезь сюда, — позвала она.

— Я останусь тут, внизу, — ответил он. — Лезь повыше и устройся поудобнее.

— Но...

— Ш-ш-ш! — прошептал он, предупреждая, чтобы девушка молчала.

А потом она услышала шорох где-то на краю зарослей. Мягкий шорох, словно кто-то протискивался мимо веток. Звук потряс ее до глубины души. Кто-то крался среди теней. Но кто? Кто это мог быть? Единственное, в чем была уверена Анна, — что существо, которое преследовало их, не было настроено дружелюбно. Пошарив рукой над головой, девушка нашла еще одну толстую ветвь, и, потянувшись, залезла повыше. А потом замерла, прижавшись к стволу дерева и полностью обратившись в слух.

Теперь она была уверена, что кто-то пробирается в джунглях во тьме следом за ними. Тихий, почти неразличимый звук. Она услышала его, как слышит все звуки зверь, за которым ведется охота. Интересно, слышал ли эти шорохи Алан? В какой-то момент она хотела было предупредить Алана, но это могло так же послужить сигналом и тому, кто их преследовал. Скудный лунный свет едва мог просочиться через густую листву у нее над головой. Анна же пыталась разглядеть противника, но, похоже, все было напрасно. Существо, кравшееся за ними, тщательно избегало лунного света.

— Ого!

Крах! Бум!

Все эти звуки прозвучали один за другим прямо у нее под ногами. Первый издал Алан, и этот звук больше напоминал злое рычание. Остальные два звука Анна не смогла идентифицировать. Больше всего они напоминали звук холодного оружия, пронзившего плоть.

— Будь ты проклят! — и это, без сомнения, был голос Алана. В этом Анна не сомневалась. Ответом было рычание, которое с надрывом вырвалось изо рта какого-то другого живого существа. Потом снизу послышались звуки борьбы, глухого стука. — Получи, мерзкая тварь!

Анна Хантер колебалась всего секунду. Она соскользнула вниз с дерева. Независимо от того, что там происходило, Анна поспешила на помощь брату.

Однако когда она оказалась внизу, звуки борьбы стихли. Потом раздался какой-то странный треск, и наступила мертвая

тишина. В темной роще все застыло. Казалось, тишина говорила о том, что где-то там, среди деревьев, произошла трагедия. Анна постаралась взять себя в руки и не впасть в панику. Она прислушалась, затаив дыхание. А потом девушка услышала, что кто-то рядом с ней тяжело вздохнул.

— Алан? — едва слышно прошептала Анна.

Никто ей не ответил. А потом она почувствовала, что кто-то движется среди теней. Кто-то скользнул к дереву, прижался к нему.

— Алан?

Тень потянулась к ней, и руки девушки коснулась мохнатая лапа. Существо, прижавшееся к дереву было *муритом*...

А потом ночную тишину разорвал вопль ужаса. Это кричала Анна Хантер!

Удар дубины не только «выбил» из головы Джонгора воспоминания о событиях последних дней, но и породил у гиганта апатию, безразличие. Ничуть не заботясь о том, что случится с ним, гигант согласился проводить к городу *муритов* встретившуюся ему парочку. Два дня они пробирались через джунгли, через озера открытой воды — болота. Гномер и Роуз на все лады проклинали долину. А Джонгор только пожимал плечами. Он привык к этой стране и к подобному образу жизни.

Эти двое хорошенько стерегли его. Когда они отправились через джунгли, руки Джонгора завязали за спиной, а Гномер всегда держался в нескольких футах позади, с винтовкой наготове.

Джонгор несколько раз пробовал заговорить со своими пленителями.

— Почему вы так хотите попасть в город *муритов*?

— Возможно, попав туда, мы сможем разбогатеть, — ответил Гномер. — Ты сам сказал нам, что эти *муриты* — потомки шахтеров. Несколько тысяч лет они собирали золото и драгоценности...

— Но вы же не знали об этом, пока я не сказал вам, — заметил Джонгор. — Наверняка, чтобы прийти в Затерянную землю, у вас должны были быть более серьезные причины.

— Серьезные причины? — пожал плечами Гномер. — Мы слышали об этом месте. И у нас была одна причина — мы хотели разбогатеть.

— А что вы считаете богатством? — поинтересовался Джонгор.

Оба путешественника с удивлением уставились на своего проводника. Они попробовали объяснить Джонгору, что такое богатство. По их мнению, богатство заключалось в обилит денег, наличии большого дома, автомобилей, служащих. И все же Джонгор с недоумением смотрел на своих пленителей.

— И все это так замечательно? — поинтересовался он.

В ответ Гномер только покачал головой, а его спутник при этом еще покрутил пальцем у виска.

Джонгор не знал смысл этого жеста. Он так и не понял, что, по мнению Гномера и его спутника, он был не в себе. Джонгор так ничего и не сказал, но решил, что эта парочка боится его больше, чем хочет показать. И ему это совсем не понравилось. И еще ему очень не нравилась головная боль, которая никак не проходила. Еще он пытался вспомнить, что происходило с ним в последнее время, однако воспоминания, словно призраки, снова и снова ускользали. Что-то связанное с девушкой...

Но он никак не мог вспомнить.

— Ладно, давай вставай, и пошли дальше, — приказал Гномер, слегка пнув гиганта.

Джонгор только пожал плечами и встал. Ему все это не нравилось, но он ничего не сказал. Что он мог поделать? И все дело было в винтовках. Кроме того, руки у него все время были связаны за спиной, кроме тех моментов, когда его тюремщики кормили его. А Гномер мастерски обращался с веревкой. Джонгор уже попробовал узлы. Они были отлично завязаны. Судя по всему, Гномер и в самом деле умел обращаться с веревкой. А веревка была слишком крепкой для его могучих мускулов...

Неожиданно Джонгор споткнулся и упал. Раньше он никогда вот так легко не спотыкался. Но сейчас его руки были связаны за спиной, и поэтому ему было очень трудно удерживать равновесие. Джонгор попробовал подняться.

Роуз, подойдя поближе, подтолкнул его в спину.

— Поднимайся, поднимайся, неуклюжая обезьяна! Эй, что с тобой?

Последний вопрос Роуз задал, когда Джонгор резко повернулся к нему.

— Эй! — осторожно начал он. А все дело в том, что лицо Джонгора было перекошено от ярости. Его впервые в жизни пнули. Впервые в его жизни с ним обращались подобным образом. И, естественно, гигант сильно разозлился. Лицо его столь сильно скривилось от злобы, что Роуз по-настоящему испугался. Он торопливо сдернул с плеча винтовку.

— Эй! — осторожно начал он.

— Что там у вас? — поинтересовался Гномер.

— Не стоит пинать меня снова! — предупредил Джонгор, вставая с земли.

Однако этот пинок сыграл свою роль, выведя гиганта из странной апатии. Он все еще не помнил о последних событиях своей жизни, но безразличие исчезло. В очередной раз он напряг руки, проверяя крепость веревок.

— Что ж, можешь тужиться сколько угодно, но веревку эту не порвешь, — заверил его Роуз.

— Зато в один прекрасный день я сломаю тебе шею, — ответил Джонгор.

Роуз качнул ружьем, нацелившись на гиганта.

— А ну-ка, прекратите! — приказал Гномер...

В этот вечер они разбили лагерь на краю огромного болота, среди зелени которого темнели омуты. Ни Гномер, ни Роуз не заметили тех, кто прятался в болотных тростниках. О существовании этих тварей говорила лишь легкая рябь в воде возле тростников. Джонгору развязали руки, чтобы он мог поесть — днем Гномер подстрелил дикую свинью.

Несмотря на свою амнезию, Джонгор отлично помнил о том, как пользоваться браслетом со странным кристаллом, который он носил на правой руке. Наконец, словно невзначай приняв удобное положение, он сосредоточился на кристалле, продолжая машинально жевать мясо.

Прошла минута, другая... А потом тростники раздались в стороны, и из их зарослей высунулась голова гигантской змеи. Ни Гномер, ни Роуз не заметили твари. А Джонгор даже вида не подал, что происходит что-то необычное. Однако его пристальный взгляд ни на мгновение не отрывался от таинственного кристалла на запястье.

Это был любопытный кристалл. Камень сам по себе был серым. Однако внутри него словно пульсировали таинственные

золотистые вены. Если бы Гномер и Роуз решили повнимательнее исследовать этот кристалл, они оказались бы очень удивлены... потому как жилы внутри камня были золотыми, впрочем, точно так же, как сам браслет, в который был вставлен этот камень.

Неожиданно воздух вокруг буквально завибрировал. Чудовище в воде тряхнуло гигантской головой и зашевелилось. Через мгновение рябь на воде превратилась в волны. Туша, которая на первый взгляд казалась маленьким островком, поднялась из воды.

Гномер и Роуз разом вскочили.

Тем временем чудовище неспеша направилось в сторону берега, поросшего тростником. Издали оно напоминало подводную субмарину, с высоко-высоко поднятым перископом.

— Это что, подлодка? — задыхаясь, пробормотал Роуз.

— Этого не может быть! Субмарины не могут плавать в таком болоте!

Тем временем существо приближалось к берегу. Оно подняло огромную волну. А звуки, которые оно издавало при движении, лишь подтверждали то, что чудовище и в самом деле было невероятных размеров. Наконец проломившись через прибрежные кусты и заросли тростника оно выбралось на берег и застыло — создание из далекого прошлого Земли.

— А... а... а... динозавр! — в ужасе задохнулся Гномер, наконец поняв, что за тварь перед ним. Однако ничего страшного на самом деле не было, потому что перед ним был один из травоядных динозавров, которые обычно кормились травой и большую часть времени проводили в воде, так как на суше им было тяжело поддерживать свое огромное тело.

Но на просторах Затерянной земли существовали и другие динозавры — хищники, ужасные ящеры, которые могли разом заглотить оленя и при этом остаться голодными. Динозавры, или *дино*, как называл их Джонгор, были ему хорошо знакомы с раннего детства, а вот Гномер и Роуз видели их впервые. Они даже не подозревали, что подобные твари и по сей день обитают на просторах Затерянной земли. Поэтому, увидев, перед собой гигантское чудовище, искатели приключений застыли, замороженные страхом.

Тем временем *дино* изогнул свою длинную шею так, словно принюхивался к новым запахам. Низкий звук, похожий на стон, сорвался с его губ. А потом он вновь двинулся вперед.

— Эта тварь идет прямо на нас! — прошептал Роуз.

Гномер вскинул свое ружье и выстрелил. Резкий треск ружья громом разнесся над Затерянной землей.

Пуля ударила в динозавра и исчезла в его массе плоти.

— С тем же успехом ты можешь стрелять в слона из пугача! — в ярости воскликнул Роуз. — Ты как хочешь, но я убираюсь отсюда, — последние слова он выкрикнул через плечо уже на бегу.

Гномер был более храбрым человеком и снова выпалил из ружья. И только когда чудовище из болота уже нависло над ним, он повернулся и побежал. Убегая, он краем глаза заметил, что Джонгор по-прежнему спокойно сидит у костра. Если Джонгор и боялся динозавра, то вида не показывал.

— Эй! Надо выбираться из этого ада! — закричал Гномер.

Но Джонгор даже не пошевелился.

— Бежим! — завопил Роуз. — Не время спорить с этим дикарем. Если он хочет, чтобы динозавр его сожрал, — это его дело!

И оба путешественника помчались со всех ног. К их общей радости, динозавр не последовал за ними. Вместо этого, он повернул к Джонгору. Искатели приключений, отбежав на безопасное расстояние, тоже остановились. Они ожидали, что гигантская тварь бросится на человека и растопчет его своими чудовищными ногами.

Вместо этого динозавр подошел к Джонгору и остановился, потом вытянул вперед свою длинную шею. Джонгор запрыгнул на нее, словно белка на поваленный ствол огромного дерева, а потом, соскользнув к массивным плечам чудовища, прокричал:

—Хо! Пошел! Давай-ка научим уму-разуму этих двух негодяев. Беги прямо на них! Пошел!

Фыркая, динозавр повернулся в сторону искателей приключений и помчался в их сторону огромными прыжками.

— Мой бог! Он же едет верхом на этой твари!

— Не просто едет. Он управляет ею!

Несколько секунд искатели приключений смотрели на динозавра выпученными глазами, широко открыв рты. Динозавр

сам по себе был последним из живых существ, которых они ожидали увидеть. А теперь же выходило так, что этот странный человек, который сидел верхом на динозавре, не просто ехал на нем, а управлял доисторической тварью. А если добавить то, что динозавр несся прямо на них... Нервы авантюристов не выдержали. Развернувшись, они оба помчались прочь так, словно сам дьявол гнался за ними, хватая за пятки. А позади громом разносился каждый шаг чудовища и трещали ветви деревьев. Но что самое ужасное — перекрывая этот грохот, зазвучал голос их недавнего пленника:

— Гони их, ату! Пусть убираются в ад! Покажи им, кто настоящий хозяин Затерянной земли!

Динозавр громко взревел, вторя голосу человека. В этот миг Гномер и Роуз решили, что пришла их смерть. Они бежали так, как никогда ни один человек не бегал.

А Джонгора, оседлавшего динозавра, все это откровенно забавляло. Эти двое получили именно то, к чему стремились. Тем не менее из-за потери памяти Джонгор считал, что это первые два человека, которых он встретил в своей жизни, если не считать отца и мать. И когда он предложил им свою дружбу, они вероломно обманули его. Но он не имел никакого намерения убивать их. Когда они окончательно выбились из сил. Джонгор остановил динозавра.

— Хватит с них. Ну, а нам нужно вернуться, чтобы я забрал свое оружие.

Неохотно динозавр свернул в сторону и направился к краю джунглей, туда, где авантюристы взяли Джонгора в плен, туда, где осталось его оружие — лук и копье. Гигант хотел вернуть его себе как можно быстрее.

Выжить без оружия в Затерянной земле — азартная игра, которую легко можно как выиграть, так и проиграть.

Гиганский динозавр легко мчался в ночи, и, прежде чем наступило утро, Джонгор вернул себе лук, копье и пояс с ножом.

— Возвращайся в свое болото и отдыхай, — приказал гигант динозавру.

Огромная тварь застонала, а потом направилась к ближайшему водоему. Джонгор мгновение постоял, прислушиваясь к собственному организму. Что он в самом деле хотел,

так это есть. Поэтому, минуту постояв, раздумывая, он направился в джунгли на охоту. Поохотившись и насытившись, он решил вернуться к себе домой — в огромную пещеру, где когда-то жил вместе с родителями. Это был единственный дом, который он когда-либо знал.

Джонгор неторопливо отправился по джунглям Затерянной земли. А потом заметил какую-то тень — человеческую фигуру.

Поглядывая краем глаза, он, тем не менее. был совершенно уверен, что натолкнулся еще на одно создание того же рода, что и он сам.

«Еще один человек, — подумал он. — Ладно, в этот раз я буду осторожнее. Постараюсь держаться от него подальше».

Его общение с Гномером и Роузом оставило слишком тяжелый осадок.

Джонгор видел, что человек пытается всеми силами привлечь его внимание, но вместо того, чтобы откликнуться, гигант отвернулся и с решительным видом зашагал в другую сторону.

Злобное рычание стало ответом на крик Анны Хантер. Лапа вновь коснулась руки девушки.

Когда лапа вновь коснулась ее, девушка вскинула вверх обе руки и ухватилась за ветвь, с которой только что спустилась. А потом, повиснув на ветке, качнулась и ударила обеими ногами в грудь *мурита*, обрушившись на него всем весом своего тела.

— Ничего себе! — завопил *мурит*, получив такой пинок. Качнувшись, Анна вновь ударила ногами, попав человекообезьяне прямо в лицо. Тот потерял равновесие, выпустил из рук ствол дерева и упал.

Однако, прежде чем Анна смогла залезть на дерево, она почувствовала, как под пальцами ее крошится кора. Вскрикнув, она полетела во тьму.

К счастью, она обрушилась прямо на голову *мурита*.

— Алан, — упав, закричала она. Однако ей никто не ответил. Девушка попыталась как можно быстрее встать на ноги. — Алан!

Не было никакого ответа, если не считать тяжелого дыхания *мурита*. Потом она почувствовала, как тот тоже

зашевелился, пытаясь встать на ноги. Он на ощупь шарил лапами вокруг себя. Анна почувствовала, как из-за шорохов его движений в душе ее поднялась волна страха.

— У-у-у! — завывал у нее за спиной *мурит*. В какой-то момент ей показалось, что ее преследователь видит в темноте или по крайней мере мог видеть лучше ее. Изо всех сил она рванулась из рощи. Так она раньше никогда не бегала. Если в Заброшенной земле и таились опасности, то все они были не столь отвратительны, как та, что таилась у нее за спиной.

Когда же Анна больше не могла бежать и остановилась, задыхаясь, она вся обратилась в слух. Где-то позади нее трещали ветки. Без сомнения, это был один из человеко-обезьян, быть может, даже сам Умбер. Он все еще гнался за ней!

Она побежала снова, а когда снова остановилась и прислушалась, было тихо. Только через час она уверилась, что сбежала от *мурита*. А потом совершенно неожиданно повернула назад.

— Я должна найти Алана. Он может быть ранен, возможно, нуждается в помощи.

Но напрасно она пыталась найти дорогу назад. Через два часа ей пришлось смириться с мыслью о том, что она окончательно заблудилась.

А потом где-то далеко заревел лев, и Анна вновь задрожала от страха.

Первые лучи солнца застали ее сидящей высоко на дереве.

Когда рассвело, Анна спустилась на землю, снова попыталась отыскать свои следы, но без успеха. Похоже, она безнадежно заблудилась в этой стране болот и почти непроходимых джунглей.

Два дня Анна блуждала по зарослям... Она дрожала при каждом звуке — на ночь залезала на деревья, питалась только плодами и ягодами, которые в свое время показал ей Джонгор. На вторую ночь Анна пожалела, что не умерла, Ей снилось, что она убегает от гиганта, а тот догоняет ее, тянет к ней руки. Земля, по которой она бежала, была усыпана черепами, о которые она и то и дело спотыкалась. А потом ее схватили чудовищные руки, подняли над землей и подтянули к гигантскому лицу. Безумные глаза чудовища уставились на нее в упор. Она закричала и проснулась. Она всем телом дрожала от страха. Ее

крик ужаса разнесся по округе, и ночные хищники вторили ее зову. Остальную часть ночи Анна провела, вжавшись в густую листву на вершине дерева и дрожа от страха.

Мысли о Джонгоре постоянно мучили ее. Она была твердо убеждена, что рано или поздно гигант найдет ее. Он был опытным следопытом. Независимо от того, куда она пойдет, он найдет ее. Только эта мысль и поддерживала его. Если бы Джонгор нашел ее, все было бы хорошо. Глубоко, в самой глубине ее сердца, она любила этого сероглазого гиганта из Затерянной земли.

А потом она увидела фигуру. Человек! Неожиданно надежда вспыхнула в ее сердце с новой силой!

— Джонгор! — закричала она. Джонгор был здесь! Он нашел ее. Сердце едва не выпрыгнуло из груди девушки. Она со всех ног бросилась к гиганту.

Джонгор повернулся, посмотрел на нее. Он видел ее. Анна была уверена, что он ее видел. Теперь все ее неприятности закончатся, теперь-то ей бояться нечего. Могучий гигант защитит ее от всех опасностей Затерянной земли.

— Джонгор!

Она подбежала к гиганту. Несколько секунд он стоял, уставившись на нее, а потом повернулся и ушел, растворившись в зарослях джунглей, словно призрак.

Потрясенная Анна Хантер остановилась. Она знала: Джонгор видел ее. Почему же он не помог ей? Почему повернулся и ушел? Вторя ударам сердца, в голове у нее стучали вопросы.

— Джонгор! — позвала она снова, а потом немного тише повторила: — Джонгор...

Может, это был кто-то другой? Но подобное невозможно. Нет, без сомнения, это был Джонгор.

И тут где-то позади Анна услышала какой-то странный-нье. Игнорируя его, Анна, побежала вперед, следом за Джонгором. Там, на земле, она нашла следы. Она и в самом деле не ошиблась. Это был Джонгор!

— Джонгор!

Никакого ответа. Слезы навернулись у нее на глазах — слезы отчаяния. Она пригнулась к земле, закричала. В этот миг ее охватило такое отчаяние, что она даже не заметила

подкрадывающихся *муритов*. Они выбрались из зарослей и, осторожно ступая, стали окружать девушку, но она не замечала их.

— Смотрите, я нашел ее! — завопил Умбер. Он был очень счастлив. То, что он вновь нашел девушку, — настоящая удача. Большой Орбо, несомненно, наградит его за это.

— Надеюсь, рано или поздно тебя повесят на твоем мерзком языке, — проговорила она, когда *муриты* схватили её.

Умбер усмехнулся. Он был в слишком хорошем настроении, чтобы обращать внимание на такие замечания.

— Посмотрите! — закричал *мурит*. — Здесь был этот гигант — Джонгор!

Муриты увидели следы на земле. Увидев эти следы, обезьяно-люди очень разволновались. Они сбились в кучу, со страхом глядя на заросли джунглей. Они очень боялись Джонгора.

— Все равно дело сделано! — объявил Орбо. — Мы схватили девушку. Когда мы отправимся в путь, Джонгор наверняка последует за нами и попробует спасти ее. Мы будем настороже, и в этот раз схватим его.

Мысль о том, что скоро им удастся пленить Джонгора, взбудоражила Орбо. Он дергался, то вытягивал, то скручивал свой хвост, ликуя, словно дело было уже сделано.

С сжимающимся от боли сердцем, Анна Хантер слушала разговоры обезьяно-людей. Она-то отлично понимала, что никого они не схватят. Джонгор бросил ее. Он не станет преследовать их отряд и не станет спасать ее. От этой мысли она почувствовала, как слезы снова наворачиваются у нее на глаза.

Остановившись в зарослях, Джонгор издали наблюдал за девушкой, которая пыталась отыскать его. Все это время ему казалось: вот-вот — и он вспомнит что-то важное. Джонгор почему-то решил, что он знает эту женщину. Откуда он знал это? Он был знаком только с одной женщиной — своей матерью.

Он уставился на Анну, наморщив брови. Почему то, что происходило с этой незнакомкой, так беспокоило его? Однако что-то внутри говорило ему: девушка, без сомнения, нуждалась в его помощи. Но Джонгор все еще отлично помнил о

двух авантюристах, Гномере и Роузе, которые пленили его. Если первые люди, которых он встретил, обманули его и воспользовались им, почему так не могла сделать и эта женщина? А может, она поступит с ним еще хуже?

Все же в этой незнакомке было что-то... Он чувствовал себя неудобно, волновался, вот только почему, понять не мог.

Он видел, как *муриты* схватили девушку, и разозлился. Джонгор хорошо знал *муритов*, знал с раннего детства. Только одно создание в Затерянной земле Джонгор ненавидел больше *муритов — теросов*. Именно *теросы* убили его мать. А сейчас Джонгор следил за *муритами*, видел как они волнуются. Они вовсе не гнались за ним. Очень странно! Он наблюдал, как обезьяно-люди связали руки девушки.

Интересно, что они собирались делать с пленницей? Повернувшись, Джонгор вновь зашагал к большой пещере, где прошло все его детство. Эта женщина и в самом деле не имела к нему никакого отношения.

Но она же назвала его имя! Она звала его снова и снова!

— Джонгор!

Откуда она его знала?

Когда Джонгор и в самом деле уверился, что таинственная незнакомка знала его, призрачные воспоминания обрели реальность. Словно молния пронзила Джонгора, и он разом вспомнил все, что случилось с ним за последние месяцы. Он отлично помнил тот чудовищный удар, что обрушился на него, когда он бежал от гиганта и *муритов*. Теперь Джонгор вспомнил и девушку, и ее брата.

— Анна Хантер! — неожиданно сорвалось с его губ. Теперь он знал, кто эта девушка и что она имела в виду, когда звала его.

Перемена, которая в этот миг произошла в Джонгоре, поразила бы любого.

Дрожь волной прокатилась по его телу, а потом он ссутулился, словно вся тяжесть мира в один миг обрушилась на него. Но вот Джонгор распрямился, и теперь он был переполнен гневом.

Муриты не прошли и мили, когда услышали звуки погони. Со стороны той группы разведчиков, что двигалась

слева, раздались странные крики. Большой Орбо приказал своим спутникам и девушке пошевелиться.

— Это наши, — пробормотал Большой Орбо, прислушиваясь.

— Но что там у них случилось? — поинтересовался Умбер.

— Откуда я знаю? Такой вопрос мог задать мне только полный дурак, — зарычал Орбо. — Пойдем и посмотрим.

Орбо и Умбер отправились вперед и почти сразу поняли причину волнения *муритов*. Обезьяно-люди были возбуждены, потому что натолкнулись на двух белых людей, блуждающих в джунглях.

— Еще два человека! — воскликнул большой Орбо. — Откуда они взялись?

— Никто не... — начал было Умбер, а потом неожиданно замолчал, словно передумал. Глядя на могучие мускулы своего предводителя и отлично зная его неудержимый характер, Умбер решил, что не стоит говорить вслух о том, что только круглый дурак задавал бы такие идиотские вопросы.

Тем временем двое из группы разведчиков подбежали к ним.

— К нам из джунглей вышли два человека, — объяснили они. — Судя по их жестам, они всеми силами хотят показать, что они нам друзья.

— И вы позволили им присоединиться к вашей группе? — строгим голосом поинтересовался Умбер.

— Знаками они показали, что не враги нам. Кроме того, они вооружены.

Последние слова разведчик произнес со страхом. *Муриты* хоть и были потомками *мурийцев* и даже имели часть инструментов, доставшихся им от предков, ни малейшего понятия не имели о науке. За многие поколения они позабыли даже основы основ. Дубины и копья — вот единственное оружие, которое они использовали, хотя они знали, что существует и другое оружие — более опасное. Те люди, что проникли к ним в Затерянную землю, были вооружены винтовками, которые могли убивать врага на большом расстоянии.

— Оружие! — протянул Орбо. Он уважал оружие людей. — Пусть они подойдут сюда, я хочу с ними поговорить. Но держитесь наготове. Будьте готовы прикончить их, если они выкажут

малейший признак неповиновения или попытаются использовать свои винтовки.

Через пару минут разведчики подвели к вождю *муритов* двоих белых. Можно представить себе, как те удивились, когда увидели Анну Хантер.

— Белая женщина, — пробормотал Роуз. Его глаза засверкали.

— Успокойся. У нас сейчас на это нет времени, — осадил его Гномер. — Утихомирь свою похоть. Эти обезьяны — *муриты* или как их там... Они — именно те, кого мы ищем. Вот теперь выходит так, что они нашли нас.

Однако выражение лица Гномера и его голос говорили, что он считал встречу с *муритами* большим подвигом, совершить который он стремился чуть ли не всю свою жизнь. И вот теперь его мечта сбылась.

— Ну, встретились мы с ними, и какой нам от этого толк? — недоумевал Роуз. — Мы даже поговорить с ними не можем...

— А может, и сможем, — взгляд Гномера буквально сверлил девушку. — Она с *муритами* и, быть может, говорит на их языке. — А потом он повернулся к Анне Хантер. — Прошу прощения, мисс... — тут Гномер постарался продемонстрировать все хорошие манеры. — Вы понимаете меня?

— Более чем, — ответила девушка, а потом внимательно посмотрела на Большого Орбо. Похоже, теперь ей придется выполнять роль переводчицы между *муритами* и этими искателями приключений.

— Что вы делаете здесь? — перебил ее Большой Орбо, явно обращаясь к искателям приключений, при этом косясь на их винтовки.

— В большом мире, там, за этой горной стеной, мы слышали о величии *муритов*, — ответил Гномер. — Мы прибыли, чтобы взглянуть на них. И если им необходима помощь... мы готовы помочь.

— Но... — осторожно протянул Орбо. — Почему же мы так вас заинтересовали?

— Мы хотим помочь вам, — невпопад ответил Гномер.

— Выходит, вы хотите сделать для нас что-то прямо сейчас? — с сомнением продолжал Орбо.

— Да, если это в наших силах, — продолжал Гномер. — Скажите, что вам нужно, и мы поможем вам, если это, конечно, в нашей власти.

— Хорошо, — ответил Большой Орбо. Теперь он занервничал, начал ходить туда-сюда. Его хвост дергался из стороны в сторону, словно он планировал какое-то действо и никак не мог решиться на него. — Нас преследует один из вашего рода. Мы хотим устроить на него засаду. Мы хотим, чтобы вы помогли нам поймать его, используя ваше оружие. — Орбо глубокомысленно указал на две винтовки, которые держали в руках его спутники. — Вы должны застрелить этого человека.

— Конечно, — быстро ответил Гномер. — Кто этот человек?

— Джонгор! — ответил Большой Орбо. Услышав это имя, разозленные *муриты* начали подскакивать на месте. — Вы должны подстрелить его, и тогда вы сможете разделить все то, чем обладают *муриты*. Но вы не должны убивать его. Только ранить. Я сам добью его.

И он яростно ударил о землю дубиной, словно желая подчеркнуть всю свою ненависть к пресловутому Джонгору.

Анна Хантер обмерла от страха. Она безмолвно наблюдала, как люди-обезьяны устраивают засаду на Джонгора. Тем более что Большой Орбо считал себя великим мастером в устройстве засад. Он устраивал ее с особой тщательностью. Сначала весь отряд прошел до узкой расселины между холмами, потом они повернули вправо и остановились. Гномер и Роуз с винтовками расположились на склоне холма. Любой, кто попытался бы пройти тут, следуя за *муритами*, сразу попал бы им на прицел. Любой, кто сунулся бы сюда, тут же пал бы под пулями их винтовок.

Большой Орбо едва мог скрыть свое волнение. Теперь на его стороне были люди с винтовками. Он болтал и болтал, в буквальном смысле обещая Гномеру и Роузу золотые горы, как только умрет Джонгор.

— Только цельтесь пониже, — поучал он. — Перебейте ему ноги. Тогда он не сможет от нас сбежать, — и *мурит* снова принялся воинственно размахивать своей дубиной, желая показать, что он сделает с Джонгором.

— Насколько мы можем доверять этой обезьяне? — поинтересовался Роуз по-английски, а потом, поняв, что девушка,

действуя чисто механически, вот-вот может перевести его слова главарю обезьяно-людей остановил ее, замахав руками. — Что вы, что вы, это вовсе не нужно переводить, — заверил он Анну Хантер.

— Мы можем доверять ему, пока эти малышки у нас в руках, — ответил ему Гномер, нежно погладив приклад своей винтовки.

А потом люди и обезьяны замолчали, замерли, затаившись. Где-то далеко на болоте заревел *дино*, а потом в зарослях джунглей запела какая-то экзотическая птица. Анна Хантер замерла, сжалась в комочек, безмолвно наблюдая за происходящим. Джонгор ведь не подошел к ней, чтобы помочь. Он не собирался преследовать *муритов*, чтобы спасти ее.

— Ш-ш-ш... Похоже, он идет.

Услышав эти слова, девушка подняла голову. Среди зарослей и в самом деле показался Джонгор. Значит, он не бросил ее! Он и в самом деле преследовал человеко-обезьян, чтобы спасти ее.

И она позволила заманить его в смертельную западню!

От этой мысли сердце Анны едва не выскочило из груди. Она видела Гномера и Роуза, видела, как они прицеливались, а потом услышала шепот Гномера:

— Помни, мы должны его всего лишь ранить. Целься пониже.

— Помню... помню... — проворчал Роуз. И начал тщательно целиться. Девушка видела, как палец его задрожал на спусковом крючке.

И тут она поняла, что ей нужно что-то делать.

Крик, который вырвался из ее горла, эхом разнесся между двумя холмами. А потом одновременно раздалось два выстрела, и Анна Хантер оказалась лицом к лицу с разъяренными Орбо и Умбером...

У входа в расселину между холмами Джонгор остановился. Он отлично понимал, что едва не угодил в засаду *муритов*. К тому же он невероятно разозлился. Даже больше, чем просто разозлился. Анна Хантер была в опасности. Она отчаянно нуждалась в помощи. И Джонгор не мог отказать в помощи другу. Сейчас же он так сильно разозлился, что отбросил в сторону

любую осторожность. Он презирал *муритов* и всегда побеждал их. А они посмели устроить на него засаду!..

Потом раздался пронзительный крик девушки!

Теперь у Джонгора не было времени на размышления. Он был уверен в том, что кричала Анна Хантер — кричала, чтобы предупредить его о том, что *муриты* устроили засаду... Нет!.. Тут было что-то большее.

Джонгор бросился плашмя на землю. А потом над головой его просвистели пули. Пули! По нему стреляли из винтовок! А потом *муриты* разом взвыли и бросились вниз по склонам холма, завывая, словно безумные дьяволы!

Винтовки в руках *муритов*! Сама мысль об этом ошеломила Джонгора. А через секунду он понял, что дело тут не в *муритах*. Не только *муриты* были на этом склоне. Так что Джонгор даже не пытался встать на ноги. Он откатился в сторону в поисках укрытия. А пули, свистевшие у него над головой, заставили его двигаться быстрее. Каждая из этих пуль могла убить, и Джонгор отлично это понимал. Ему пришлось ползти до тех пор, пока он не оказался в укрытии. Последняя пуля ударила в грязь у него за спиной.

Из-за того, что крик ее предупредил Джонгора, Анна Хантер сначала подумала, что *муриты* убьют ее на месте. Большой Орбо подскочил к ней, оскалившись, замахнулся на нее дубиной. Девушка подумала, что еще мгновение — и этот полузверь разобьет ей голову.

Однако она даже не пыталась сопротивляться.

Возможно, именно это и спасло ее.

Если бы она попробовала спрятаться или бежать... Если бы она заговорила с Орбо или даже подняла руку, пытаясь защитится, он, наверное, убил бы ее. Однако она всего лишь тряхнула головой и внимательно посмотрела прямо в глаза обезьяне-человека. Она увидела оскаленную пасть обезумевшего зверя, который больше всего напоминал гориллу. И в руках у этого разумного зверя была дубина — с помощью такой дубины он мог выбить ей мозги одним ударом. Она стояла перед этим зверем и ожидала смерти.

А Орбо попрыгал вокруг нее, размахивая своим оружием, а потом отступил. Гномер, поднявшись с земли, внимательно следил за происходящим.

«Храбрая девушка!» — подумал он.

Единственное, что точно знала Анна, — Джонгор спасся, хотя сейчас туда, где его видели, побежали *муриты*. Сердце девушки затрепетало от одной этой мысли! А потом *муриты* вернулись, споря друг с другом.

— Заверяю тебя, я раздавлю его, как дождевого червя.

— Да вы не сможете справиться с ним, даже если он будет скован цепью, — со злостью проворчал Гномер...

Отряд *муритов*, сопровождавших Гномера, Роуза и Анну Хантер, отправился дальше на запад. Зато Калазао, как заметила Анна, больше с ними не было. Она не знала, что случилось с гигантом, где он теперь. Да, честно говоря, ее это совершенно не заботило. А вот то, что с нею нет Алана... Она спросила Умбера, что стало с ее братом, но обезьяно-человека так ей и не ответил. Тогда Анна решила, что Алан, скорее всего, мертв. А может, Джонгор отыщет его?

— Твой брат больше тебе не поможет, — заявил Умбер совершенно уверенно. — Почему бы тебе не забыть о нем? Чем я могу ему помочь? — Умбер помахал в воздухе своим хвостом. Он согнул несколько раз свои лапы, чтобы показать, какими могучими мускулами он обладает.

— Или ты будешь держаться подальше от меня, или я сообщу обо всем Большому Орбо, — проговорила девушка.

— Ха! Черт с ним! — глумился Умбер. И он торопливо поглядел вслед своему вождю, но тот, похоже, был достаточно далеко, чтобы слышать, о чем они тут говорят. — Когда нибудь я сверну ему шею. Тогда я стану главным! — И он снова злобно оскалился. — И тогда ты станешь моей.

— Сначала я умру, — ответила Анна Хантер.

На следующий день Джонгора нигде поблизости видно не было. А в полдень они добрались до города *муритов*.

Тот был расположен в долине между холмами. За городом поднимались высокие утесы, из которых в древние времена *мурийцы* добывали золото. Слева к городу подступало болото.

Анна Хантер всегда чувствовала, что называть это место городом было бы неправильно. Конечно, когда-то это был город, настоящий мегаполис. Его защищала высокая стена, которая теперь частично обрушилась в результате воздействия времени и последнего визита в обитель *муритов* ее возлюбленного

Джонгора. Тогда Анна Хантер была пленницей человеко-обезьян. Теперь же девушка с удивлением увидела, что люди-обезьяны даже не пытались восстановить разрушения.

Город состоял из каменных зданий, которые казались такими же старинными, как холмы, которые окружали его. Многие здания ныне больше напоминали груды камней. Там, где некогда тянулись широкие улицы, теперь росли деревья. Одного взгляда на этот город хватило, чтобы понять, что *муриты* сильно деградировали в сравнении со своими предками. И сам город деградировал точно так же, как его обитатели.

Увидев город, Гномер и Ромер обрадовались, и все же...

— Выглядит не так уж многообещающе, — пробормотал Роуз.

— Снимки с воздуха говорили правду, — ответил Гномер. — Город здесь. Может, те самые вещи, которые мы ищем, тоже здесь.

— Какие-такие снимки с воздуха? — удивилась Анна Хантер.

Оба авантюриста разом повернулись к девушке, а потом замолчали.

— Забудьте, что мы что-то говорили, — пробормотал Гномер.

— Жаль, что она это услышала, — вставил Роуз. — Но она не сможет никому ничего рассказать, черт меня побери!

А потом *муриты* разом заголосили. Они стали жестикулировать, указывая на холм справа. И вдруг, перекрывая их голос, раздался другой звук — нарастающий топот тяжелых копыт!

— Мой бог! — пробормотал Роуз. — Ты только посмотри.

Вниз по склону холма, прямо к группе *муритов* неслись три динозавра. Это были не травоядные твари, вроде тех, с которыми раньше сталкивались Гномер и Роуз. Это были хищники — настоящие драконы древних времен. На несколько секунд *муриты* замерли, широко оскалившись, а потом от их криков ужаса содрогнулись утесы.

При виде хищников *муриты* разбежались. Большая часть их сломя голову бросилась вниз по склону холма. Анна Хантер замерла, увидев что впереди всех *муритов* бежит Большой Орбо. Он был не только предводителем *муритов*

во время битвы, он и бежал с поля боя впереди остальных. Умбер держался позади него.

Щелчок затвора винтовки привлек ее внимание. Но девушка заметила еще кое-что на спине динозавра, который бежал впереди остальных. Словно ковбой, пригнувшийся низко в седле, на шее чудовища сидел человек.

— Джонгор! — закричала Анна Хантер. Да, это не мог быть никто другой, кроме Джонгора из Затерянной земли. Ее сердце затрепетало А потом она увидела, как Гномер вскинул винтовку к плечу, щелкнул затвор...

Она видела, как тщательно целится Гномер.

— Прекратите! — закричала Анна и подобно разъяренной тигрице бросилась на искателя приключений.

— Черт побери, девушка!

Царапаясь, толкаясь, пинаясь ногами, она вцепилась в авантюриста. Если бы она смогла его отвлечь на пару минут, Джонгор оказался рядом с ней и...

— Ты, дурочка...

Она обвила рукой шею аватюриста, повисла на нем. Гномер не мог стряхнуть ее со спины.

— Роуз...

Неожиданно девушка почувствовала, как кто-то схватил ее за волосы. А потом ее сильно дернули. В какой-то миг Анне показалось, что еще немного — и неизвестный сорвет с нее скальп. И тут Роуз изо всех сил ударил ее кулаком по голове. Ее захват Гномера ослаб. Упав на землю, она услышала выстрел. Первый раз Гномер промахнулся. Сердце готово было вырваться у нее из груди. Грохот шагов динозавра становился все громче. Рев динозавров уже оглушал. Ружье прогремело снова.

— Я достану его! — объявил Гномер.

Девушке пришлось собрать всю свою силу воли в кулак, чтобы повернуться и посмотреть. Гномер опустился на колено, стараясь более точно прицелиться. А потом он вновь выстрелил.

Человек, сидевший верхом на динозавре, качнулся, когда тяжелая пуля ударила его. Соскользнув с шеи чудовища, он упал на землю, прямо под лапы динозавра, бегущего следом. Анна Хантер уставилась на приближающееся чудовище. Она отлично понимала, что произошло. Попасть под копыта

бегущих быков — детские игрушки в сравнении с лапами бегущего динозавра... Человек мог выжить после пулевого ранения, но, попав под ноги динозаврам... Они должны были растоптать Джонгора, превратить его тело в кровавую лепешку.

Анна мысленно представила себе Джонгора, раненого, растоптанного. Он лежал где-то там, на склоне холма, и истекал кровью...

— Эти проклятые твари сейчас будут здесь! — завопил Роуз.

— Они сюда не придут,— ответил Гномер. — Я подстрелил Джонгора. Я видел, как он упал...

— Но они!..

Скорее всего, так все и было. Тем не менее динозавры не собирались сворачивать с заданного им пути. Они неслись вперед, не собираясь останавливаться, и не было никакого способа повернуть в сторону их бег.

— Бежим отсюда, быстрее! — закричал Роуз.

Развернувшись, он со всех ног помчался следом за *муритами*. Но он остановился так же быстро, потому что навстречу ему по дорожке со стороны города обезьян-людей шел Джонгор.

План Джонгора был очень простым. Управляя динозаврами, он направил их вниз с холма, используя удивительный кристалл, созданный древними *мурийцами*. Свернув из соломы чучело, издали напоминающее человеческую фигуру, он привязал ее к спине одного из *дино*. Он знал, что *муриты* побегут. И еще он ожидал, что два авантюриста тоже помчатся со всех ног. В замешательстве, он шагнул вперед — он хотел подхватить Анну, вскочить на одного из *дино* и ускакать. План должен был сработать. Это было просто. Но где-то в расчетах он совершил ошибку. Потому что искатели приключений не побежали с *муритами*, как ожидал Джонгор. Теперь ему ничего не оставалось, кроме как действовать. Удар тяжелого копья, без сомнения, сразит одного из них. И раньше, чем второй сообразит, что происходит, будет слишком поздно.

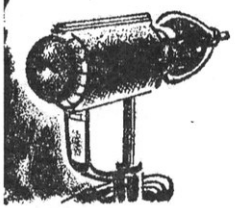
План был хорош. Это должно было сработать. И это сработало бы, если бы Роуз не повернулся в самый неподходящий момент. Даже после того, как Роуз обернулся, Джонгор мог все

еще принять меры. А вслед за ним обернулся Гномер, и Джонгор решил, что он вот-вот в него выстрелит. Но Гномер не выстрелил.

— Стой! — завопил Гномер. Он нацелил дуло винтовки на Анну Хантер. — Останови их, или я пристрелю ее.

Джонгор замер. Теперь он и в самом деле не мог ничего сделать. Топот динозавров становился все громче.

— Заставь их повернуть, или я буду стрелять! — закричал Гномер.

Лицо искателя приключений напоминало каменную маску. Он был уверен в собственном превосходстве. Джонгор понимал, что стоит ему выказать хоть каплю сомнения, и он подпишет Анне Хантер смертный приговор. Опустив голову, Джонгор посмотрел на кристалл на своем правом запястье. Это устройство было очень древним, но оно все еще работало. Какой-то ныне давно забытый ученый из *мурийцев* изобрел этот кристалл. *Муриец*, который это сделал, был гением. Кристалл испускал какие-то волны, воздействующие на разум динозавров.

Животные свернули в сторону. Они пронеслись в пятидесяти ярдах в стороне от авантюристов и Джонгора. Роуз, вытирая пот с лица, в полном недоумении уставился на

Джонгора. Гномер даже не пошевелился. Он внимательно смотрел на Джонгора, но краешком глаза наблюдал и за Анной Хантер. И дуло его винтовки по-прежнему было нацелено в голову девушки.

Только когда динозавры пронеслись мимо них вслед убегающим *муритам*, Гномер обратился к Роузу:

— Опусти винтовку и свяжи руки у него за спиной.

И вновь Джонгор вынужден был повиноваться.

— Я хочу, чтобы ты объяснил, как управляешь этими динозаврами.

— Я делаю это с помощью своего разума, — ответил Джонгор, пожав плечами.

— Ты что, идиот? — поинтересовался Роуз. — Никто не может управлять животными силой мысли.

Джонгор снова пожал плечами.

— Можете считать все, что угодно, — с безразличием ответил он. Он признал, что эти два человека боялись его и что они настроены использовать его в своих интересах.

— Вставайте, и ты и девчонка. И не пытайся выкинуть чего-нибудь... — В голосе Гномера звучала угроза. Определенно он не шутил.

Джонгор и Анна Хантер повиновались. Никто не знал, что ждет их в городе, но, без сомнения, там их не ждало ничего хорошего. А потом Джонгор тихим шепотом рассказал Анне о том, что с ним случилось.

— Несколько дней я не помнил, что случилось со мной.

— Выходит... ты не бросил меня... — ответила ему Анна. — Я так рада.

До этого мысль о том, что Джонгор в какой-то момент оставил ее в беде, грызла ее сердце. Но теперь она знала правду. В этот момент она полностью забыла об опасности, которая подстерегала их впереди. Джонгор был здесь с нею. Он мог спасти ее и, без сомнения, спасет!

Они направились в сторону города. Из-за камней стали высовываться *муриты*, помахивая дубинами. Теперь, когда опасность миновала, храбрость вернулась к ним. Анна Хантер вела себя так, словно вовсе их не видела.

— Заприте пленников в старой шахте, — приказал Большой Орбо. — Скоро мы решим, что делать с ними.

Пленников отвели в старую шахту, вырубленную в утесе. Их затолкали в маленькую камеру, запирающуюся на засов. Их охранял *мурит* с необычно большой дубинкой и лицом, которое постоянно кривилось в злобном оскале. Большую часть времени он проводил, рассматривая пленников через решетчатую дверь и корча рожи.

— Подожди, Джонгор до тебя доберется, — энергично объявила Анна.

— Кто?.. Джонгор?.. — ответил *мурит*, размахивая дубиной и скаля клыки. Джонгор подошел к двери.

Пораженный *мурит* отпрыгнул, словно Джонгор мог добраться до него сквозь решетку. А потом, поняв, что гигант не сможет вырваться, обезьяно-человек вновь обнаглела.

— Оставайся там, и я покажу тебе, что могу сделать с тобой.

— Он очень храбр, пока ты там, а он — здесь, — усмехнулась девушка.

— Все это было бы забавно, если бы не было так серьезно, — ответил Джонгор. Хоть он и не хотел пугать Анну, но им, видимо, понадобится вся удача, чтобы выбраться из этого положения.

Они были одни, и ждать помощи им было неоткуда. Они были надежно заперты, и впереди их ждала смерть.

Прошел день, потом еще один. Пленники видели только тюремщика с дубиной. Ни Гномер, ни Роуз не приходили к ним.

— Чего они ждут? — громким голосом поинтересовалась Анна, и тут же пожалела, что задала вопрос.

— Не знаю, — покачал головой Джонгор. — Но они чего-то ждут... могу поспорить. И нам это вряд ли понравится. Послушай-ка! — приказал он.

Откуда-то из недр горы, из глубоких пещер, словно из самых недр ада, послышался громкий рокот — унылый, пульсирующий звук, от которого дрожал каменный пол.

— Что это? — поинтересовалась Анна.

— Я не знаю.

— Это — большой бог самых глубоких пещер, — заговорил охранник. — Прежде я никогда не слышал его голоса. Но рассказывают...

Мурит облизал губы и задрожал. Звук неожиданно стих, а потом зазвучал снова — пульсирующий рев, от которо-

го вся гора задрожала. Маленькие камешки, откалываясь от скалы на стенах и потолке, посыпались на пол с мягким стуком, который был едва различим в громком реве, поднимающемся из недр горы. А потом снова наступила мертвая тишина.

— Не нравится мне этот звук, — прошептала Анна Хантер. — Очень не нравится.

Джонгор обнял ее за плечо, и девушка прижалась к нему. Она искала защиты...

— Расскажи мне побольше о твоем великом боге, — попросил Джонгор своего тюремщика-*мурита*.

— Я почти ничего о нем не знаю. Единственное, что я скажу наверняка, раз мой бог позвал дважды — он потребует жертву.

— Жертву? — прошептала Анна, а потом внимательно посмотрела на Джонгора. — Тот прижал ее к себе, чувствуя, как она дрожит — дрожит всем телом. Сам же Джонгор своим шестым чувством ощущал приближение опасности.

Охранник-*мурит* дрожал, он даже подошел к двери-решетке, словно жаждал дружеского отношения со стороны заключенных, хотя он находился тут для того, чтобы их охранять. Двигаясь спокойно, Джонгор отодвинул Анну в сторону.

А потом он совершенно неожиданно выбросил вперед обе руки и сквозь прутья схватил *мурита*, а затем со всего маху ударил обезьяно-человека о прутья.

— Тьфу! — задохнулся охранник. Он хотел закричать, но крик так и не смог вырваться из его горла, потому что его сжали стальные пальцы. Он дергался, извивался, выгибался, словно собираясь поклониться, упершись ногами, пытался оттолкнуться от стальных прутьев.

Тем не менее Джонгор так и не разорвал захват.

Бросив дубину, *мурит* попытался освободиться, вцепившись своими руками в руки Джонгора. Пальцы гиганта крепко сжимали горло *мурита*, хотя обезьяно-человек был силен. Джонгор чувствовал: еще немного, и он уступит, а второй шанс ему вряд ли представится. Мышцы на руках гиганта вздулись, превратившись в каменные узлы.

— Держи его крепче, Джонгор, — задохнулась Анна. — Я сейчас выпихну задвижку из гнезд.

— Девай, давай!

Дверь была заперта снаружи большим тяжелым брусом, просунутым в металлические гнезда. Джонгор сдерживал противника из последних сил. Анна, просунув руки через прутья решетки, попыталась пропихнуть засов, но ей мешал *мурит*, всем телом навалившись на дверь. Ей никак было не сдвинуть засов.

— Никак не могу справиться с этим засовом.

— Тогда не мешай мне. Через минуту эта обезьяна сдастся.

Страж сопротивлялся все слабее. Неожиданно руки его обмякли, и он выпустил руки Джонгора. Тяжелое тело осело на пол. Джонгор потянулся через решетку и вытащил засов.

Дверь резко распахнулась. Теперь они были свободны! Джонгор подхватил дубину упавшего *мурита*. Лучше, чем ничего. Хотя оружие было для Джонгора совершенно непривычным.

— Пошли, Анна, оставим его здесь.

— И куда, черт возьми, вы собираетесь пойти?— голос незнакомца гулом разнесся по подземелью.

Джонгор и Анна остановились. Навстречу им, нацелив на них винтовки, шагнули Гномер и Роуз. Следом за ними следовали Большой Орбо и Умбер. Увидев поверженного часового, Гномер пришел в восторг, как будто только что выиграл огромные деньги. Роуз тоже выглядел взволнованным.

— Собрались нас покинуть? — поинтересовался Гномер. — Похоже, мы решили навестить вас как раз вовремя. Большой Орбо был бы сильно разочарован, если бы вы убежали. А ведь мы не хотим разочаровывать Большого Орбо, не так ли?

Все происходящее казалось Гномеру забавной шуткой. Но и он, и Роуз держали винтовки наготове. И было понятно, что при первой же попытке Джонгора что-то предпринять негодяи застрелят обоих пленников.

— А пока опусти дубину, медленно, — тихо проговорил Гномер. Джонгор повиновался.

— Не опускай голову, смотри на них сверху вниз, — шепнул гигант своей спутнице.

— Пусть с каждой стороны от пленных идут по паре часовых. Я отрублю голову тому *муриту*, который позволит им сбежать! — завопил Большой Орбо.

Могучие *муриты* схватили за руки Анну и Джонгора и увели их. Вскоре те оказались на площадке, откуда открывался вид на гигантскую пещеру.

— Это шахта, где добывали металл древние *мурийцы*, — прошептал Джонгор на ухо Анне. А зрелище, открывшееся им, было и в самом деле грандиозным.

Прямо перед пленниками разверзлась огромная шахта. Ниже, на расстоянии пятидесяти футов была каменная площадка. Там горели факелаы уставленные в стенные держатели, которые освещали всю сцену.

— Что там внизу? Никак не могу рассмотреть, — пробормотала Анна.

На самом дне этой огромной ямы стояла странная машина. Как она выглядела? Больше всего она напоминала гигантский экскаватор. В огне факелов эта махина походила на доисторическое чудовище из далекого прошлого Земли.

— Я не знаю, что это, — пробормотал Джонгор. — Я никогда прежде здесь не был. Я даже не знал о существовании этой машины. — Он чувствовал, как в сердце Анны зарождалось беспокойство, которое вот-вот могло переродиться в настоящий ужас.

Площадка, на которой стояли Джонгор и девушка, нависала над ямой, *муриты*, казалось, были повсюду. Воздух гудел от их голосов.

— Они к чему-то готовятся, — пробормотала Анна. Ее голос был едва различим и дрожал от страха. — Что... что они собираются делать?

Джонгор покачал головой и ничего не ответил. Он смутно представлял себе, что собираются сделать *муриты*, но не хотел, чтобы Анна заметила его нерешительность. А потом внизу появились два человека, и направились они прямо к машине.

Гномер и Роуз! Гномер по лесенке взобрался на крышу машины, поднял навес и сел на сиденье внутри кабины. По обе стороны от кресла располагались какие-то рычаги. Гномер передвинул один из рычагов. Повинуясь ему, одна из длинных стрел машины качнулась, а потом двинулась по кругу. Ее тень заскользила по стенам пещеры. Машина завибрировала — звук, который Джонгор и Анна слышали раньше.

Как будто в ответ на рев машины, *муриты*, наблюдавшие за происходящим, взвыли от восторга. Дрожь прокатилась по толпе обезьяно-людей. Похоже, все племя *муритов* собралась в пещере.Очевидно, сейчас должно было состояться какое-то важное действо, свидетелями которого должно было стать все племя. Джонгор даже подумал, что о случившемся здесь *муриты* станут передавать из поколения в поколение.

Стрела странной машины стала подниматься. Свет многочисленных факелов высветил большой блок черного камня. Изъеденный временем и природой, этот камень был очень старым. Когда камень стал виден целиком, многие *муриты* стали «всхлипывать» — они издавали мягкие конвульсивные звуки, в которых, казалось, смешались воедино голод и страх. В самом деле, звуки, которые издавали муриты, были жуткими, сверхъестественными.

Роуз отошел от машины. Покосился на уступ, где стояли Джонгор с Анной, а потом обратился к Великому Орбо:

— Поднимайте выше! — закричал предводитель *муритов.*

Ответ пришел откуда-то из темноты у них над головами:

— Сейчас!

И вновь зазвучало старинное песнопение. Роуз поднялся на утес и остановился рядом с Джонгором. Капли пота стекали у него по лицу. Однако выглядел он мирно.

— У этих обезьян странные фантазии, — проговорил он.

— Я знаю, — ответил Джонгор.

— Я только хотел, чтобы вы знали: это не моя идея, — объявил Роуз. — Я к этому не имею никакого отношения,— и, чтобы подчеркнуть свои слова, энергично покачал головой. — Вообще никакого. Я даже пробовал отговорить их от этого.

— Отговорить их от чего? — резко проговорила Анна. Ужас, с которым она не могла больше совладать, звучал в ее голосе.

— Ладно, все это ерунда, — пробормотал Роуз, хотя явно чувствовал себя не в своей тарелке. Монотонное пение обезьяено-человек становилось все громче. Мягкий гул исходил из их рядов.

— Что вы имели в виду? Вы начали говорить о чем-то... — вновь начала Анна.

Роуз смахнул пот, который буквально заливал его лицо, и вытер руку о рубашку, а потом проделал это еще раз. И казалось, чем больше пота он вытирает, тем сильнее потеет.

Муриты собрались связать пленных по рукам и ногам, а Роуз стоял неподалеку, внимательно наблюдая за Джонгором и Анной Хантер. Кроме того, он то и дело бросал косые взгляды на *муритов*. Роуз снова вытер пот.

— Они считают этот механизм богом, — продолжал Роуз. — Однако они не знают, как завести его генератор. Но они помнят, что когда-то эта машина работала. Они передавали рассказы об этом из поколения в поколение...

— Бог? — прошептала Анна. Страх в ее сердце сменился настоящим ужасом. Если у нее и были какие-то сомнения прежде, то теперь их не осталось. Существовал только один способ, которым *муриты* могли умиротворить своих богов.

— Да... Именно так они и думают. Гномер объяснил мне, что это машина, которая разрушала камень с помощью какого-то луча. И еще он сказал, что в свое время *муриты* были великими шахтерами. Еще он говорит, что этот луч смертоносен, и если чуть поменять систему, машина сможет убивать на расстоянии многих сотен миль.

— Что? — прошептала Анна. Раньше она боялась лишь того, что может случиться с ней и Джонгором. Теперь же ей стало намного страшнее. Что случится с многими тысячами людей или даже с миллионами, если эта древняя машина покинет Затерянную землю? Если ее и в самом деле можно превратить в мощное оружие.

Роуз энергично закивал.

— Все именно так... Так говорил Гномер. Он давно изучал легенды о старых временах континента Му. Существует много намеков на то, что в этих краях сохранился какой-то древний город. Гномер несколько раз пролетел над этими краями, очень высоко, делал много фотографий. А потом по этим фотографиям он составил карты. Вот так мы и добрадись сюда.

— Но луч? — спросила Анна. Теперь она тоже увидела *муритов*, приближающихся к пленникам с кожаными веревками, и поняла, что те хотят сделать.

И Роуз снова кивнул.

— Гномер говорит, что продаст эту штуковину за несколько миллионов долларов. По крайней мере он так сказал. Он утверждает, что есть дюжина стран, которые заплатят любую цену, какую он попросит. — Тут Роуз облизнулся, словно мысль о деньгах делала его голодным. — Но я к этому никакого отношения не имею, — добавил он.

— К чему «этому»? — поинтересовалась Анна.

— Ах, эти обезьяны... — пробормотал Роуз, отводя взгляд. Теперь он рассматривал *муритов* так, словно впервые видел их. — Вон как расфуфырились. Они собрались... — но он так и не закончил предложение.

Группа *муритов* подошла к ним. Повернувшись, Анна увидела, что один из них несет крюк, привязанный к концу длинного троса. Другой конец троса исчезал в темноте. *Муриты* медленно подтягивали его к пленным. В тусклом свете крюк напоминал огромный светящийся знак вопроса, перевернутый вверх тормашками. И Анне показалось, что этот знак сам вопрошал: какой из путей ведет в вечность?

В какое-то мгновение Анна отвела взгляд от крюка и уставилась на *муритов*. А потом она неожиданно поняла, зачем нужен крюк, кожаные веревки и огромный каменный блок на дне ямы. Видимо, *муриты* собирались связать ее и Джонгора и подвесить их на крюке. А потом их, как и все прежние жертвы, опустят на каменный блок и совершенно беспомощных сожгут лучом машины. Именно таким образом *муриты* хотели сделать из нее невесту Бога.

Девушка задрожала всем телом. Она едва смогла сдержать крик, а потом уставилась на Джонгора.

Гигант стоял тихо в стороне и вел себя безразлично, словно все происходившее вокруг его нисколько не касалось. Он как будто ничего не видел и не слышал. *Муриты* схватили Джонгора за руки. Казалось, они не могли понять, почему он не сопротивлялся. Но даже если бы он стал сопротивляться, что он мог сделать?

Мурит с кожаными веревками подошел к ним.

— Сначала девушку! — приказал он. — Свяжите её.

— Йееееео!

Крик разорвал тишину в шахте, и Анне Хантер показалось, что кричит именно она. А потом она поняла, что это

вовсе не она. Тот кто кричал, находился намного выше, где-то под куполом пещеры.

И тут Анна и в самом деле закричала, заметив, как что-то, сорвавшись с уступа высоко над ее головой, устремилось вниз.

Это был обезьяно-человек — *мурит* упал с уступа у самой вершины шахты. Пролетая мимо Анны и Джонгора, он снова закричал. Эхо подхватило его крик и разнесло по шахте.

Крик резко оборвался, и неожиданно раздался громкий шлепок — тело упало на дно пещеры. *Мурит* мгновенно погиб. А эхо все еще металось между каменных стен, словно умер не один, а дюжина *муритов*.

Мурит с веревками остановился. Он застыл с широко открытым ртом. Все обезьяно-люди разом вздохнули, словно переполненные ужасом.

Они ждали жертвоприношения, и оно случилось. Только погиб один из них, упав с огромной высоты. Жертвоприношение произошло, но совсем не то, какогоительный вопль:

— Убирайтесь в ад!

Сердце Анны едва не выскочило из груди. Она отлично знала этот голос — кричал ее брат.

— Алан! — позвала девушка, и крик ее подхватило то же самое эхо.

Одновременно крюк на конце кабеля качнулся в ее сторону.

В ту же самую секунду Джонгор рывком вырвался из рук обезьяно-людей. Пораженные видом смерти одного из них, они совершенно забыли о своем пленнике и сильно поплатились за это...

Анна Хантер видела, что Джонгор освободился. Она была не совсем уверена в том, как он сделал это, однако видела, как он отпихнул в сторону двоих *муритов*. Те полетели с выступа следом за своим «приятелем». Анна услышала крики, потом — тяжелые шлепки о каменный пол далеко внизу.

Джонгор метнулся к девушке и со всего маху врезал кулаком ближайшему *муриту*. Обезьяно-человек шатнулась назад, налетев на Роуза. *Мурит* завопил, и ему вторил Роуз — они оба оказались сбитыми с ног. Однако Джонгору было не достать второго *мурита*, потому что, бросив девушку, он улепетывал со всех ног.

Мертвая тишина воцарилась в шахте. Похоже, *муриты* так и не поняли, что случилось. Это было на руку Джонгору. Он двигался, словно молния. И тут сверху вновь закричал Алан:

— Устрой им настоящий ад, Джонгор!

Крюк все еще раскачивался, находясь на расстоянии нескольких футов от выступа. Если сорваться — верная смерть. Однако Джонгор ждать не стал.

Подхватив Анну одной рукой, он прыгнул в сторону крюка.

Сердце девушки сжалось, когда она поняла, что собирается сделать гигант. Но сумеет ли он ухватиться за крюк? Сумеет ли удержаться? Она почувствовала толчок, когда Джонгор ухватился за крюк. А потом она задержала дыхание... В какой-тол миг ей показалось: еще немного и рука Джонгора соскользнет. Она почувствовала, как напряглись мускулы его тела. Если его рука соскользнет, смерть ожидает их обоих. Но это была бы более быстрая смерть, чем если бы они оказались на алтаре. Но... Она чувствовала, как скользит по крюку рука Джонгора... Но вот он медленно подтянулся, крепко держа Анну свободной рукой. А потом девушка потянулась и сама ухватилась за крюк.

— Устрой им настоящий ад, Джонгор! — торжествующе закричал Алан.

Крюк, на котором они висели, начал подниматься. *Муриты* замерли, наблюдая за происходящим. Добыча, которая, как они считали, принадлежит им, готова была бежать. Анна услышала, как по-бычьи взревел Большой Орбо, когда увидел, что его пленники вот-вот вырвутся на свободу. А потом загремела винтовка, и беглецы почувствовали, как мимо них просвистела пуля.

— Держись крепче, Анна, — прошептал Джонгор. Мимо просвистела еще одна пуля. Когда крюк качнулся в очередной раз, Анна увидела, что стреляет по ним Роуз. На уступе в бессильной ярости бесновались *муриты.* Они трясли кулаками и выкрикивали ругательства и угрозы, только сделать ничего не могли. Снова пуля пролетела мимо. Но в этот раз гораздо дальше.

Крюк пронесся по широкой дуге к другому выступу, и через мгновение Джонгор и Анна вновь стояли на твердой скале. Не удержавшись на ногах, они повалились друг на друга. А *муриты* уже бежали к ним...

— Анна! Джонгор!

— Алан! Как ты попал сюда?

В полутьме Алан Хантер выглядел осунувшимся и очень усталым. Но он улыбался.

— Я прячусь тут уже несколько дней. Когда я пришел в себя после схватки с Умбером, я не смог найти тебя, сестричка. В итоге я отправился сюда, потому что если бы муриты поймали вас, они непременно привели бы вас сюда. Я долго наблюдал за тем, что тут происходит, только понять не мог, что затеяли эти макаки. Они собирались использовать этот крюк, чтобы перенести вас на алтарь, — он махнул рукой в сторону толпы, собравшейся на выступе, расположеннм ниже.

Роуз все еще вглядывался в тени наверху, пытаясь разглядеть Джонгора и девушку — он искал мишень для нового выстрела. А вокруг него яростно завывали *муриты.*

— Давайте побыстрее выбираться отсюда, — сказала Анна.

— Нет, — возразил Джонгор. — Алан, дай-ка мне копье, — и потом, не ожидая ответа молодого человека, забрал копье из его рук.

— Джонгор, что ты собираешься делать? — поинтересовался юноша. — Что ты задумал?

Сжимая копье в руке, Джонгор снова прыгнул и зацепился рукой за крюк.

— Опускайте меня! — приказал он, указав на дно шахты.

— Нет, Джонгор, не надо! — закричала Анна.

Джонгор вновь указал копьем вниз.

— Мы никогда не выберемся из Затерянной земли, если не отобьём у *муритов* любое желание, преследовать нас.

— Но что ты собираешься делать? Там же сотни *муритов?*

Джонгор быстро объяснил своим спутникам, что он собирается делать.

Анна застыла, словно окаменев, — она онемела, не в силах произнести ни слова.

— Если ты считаешь, что справишься... — пробормотал Алан Хантер. — Но ты сильно рискуешь.

— Я справлюсь, — заверил их Джонгор. — Неожиданность будет на моей стороне.

— Дерзай, — пробормотала Анна Хантер и стала крутить лебедку, разматывая трос, к которому был привязан крюк.

Гномер сидел, скорчившись над пультом управления лучевого дезинтегратора. Он слышал, как *муриты* дружно завывали от ярости. Но даже его технический гений не мог разобраться с проблемой, вставшей перед ними. Даже после тогокак Джонгор и Анна исчезли из поля зрения, «перескочив» на другой уступ, он так и не понял, что происходит. Он решил, что скорее всего какой-то глупый *мурит*, который отвечал за лебедку, поднимавшую и опускавшую крюк, ошибся и потянул крюк вверх, вместо того чтобы опустить его на алтарь, как требовала того традиция.

— Проклятые глупые обезьяны, — выругался он с чувством. А на выступе прямо перед ним кружились и орали *муриты*. Так как Гномер не знал их языка, он решил, что обезьяно-человека ругают и проклинают его. А потом он увидел, как Великий Орбо начал прыгать и кричать изо всех сил.

Только тогда Гномер понял: что-то пошло не так. Но винтовка лежала в кабине древней машины рядом с ним. Тяжелый пистолет был в кобуре на поясе. Если *муриты* решатнаброситься на него, винтовка заставит их передумать. А пока Гномеру нужно было разобраться в том, как управлять этой древней машиной.

— Убейте его! — улышал он вопль Большого Орбо.

Гномер и в самом деле не беспокоился относительно *муритов*. Главное, чтобы они ему не мешали разобраться с машиной. Однако мысль о том, то произошло с Джонгором и Анной, не давала ему покоя. Интуитивно Гномер признал в Джонгоре врага. Он понимал, что даже выбравшись из Затерянной земли, он никогда не будет себя чувствовать в безопасности. А разобравшись с дезинтегратором, он сможет продать его за баснословную цену, и быть может, станет самым богатым человеком на Земле. Ему нужно было только остаться в живых.

У него во рту пересохло от одной этой мысли. Он уже видел дома, которые мог бы купить. Автомобили, которые мог бы купить, женщин, которыми мог бы обладать! Он уже представлял себя настоящим Мидасом! Ни *муриты*, ни Джонгор не смогут остановить его.

Неожиданно с выступа, где раньше стояли Джонгор и Анна, раздался выстрел. Резко повернув голову, Гномер увидел, что

муриты набросились на Роуза. Вскинув ружье, он принялся палить в толпу обезьяно-людей. Однако прежде чем он расстрелял всю обойму, *муриты* подхватили его и сбросили с уступа. Падая, Роуз страшно закричал, а потом раздался ужасный шлепок, и крики несчастного стихли.

Гномер уставился на кровавую лепешку, которая совсем недавно была Роузом — его товарищем по путешествию. Роуз превратился в груду окровавленной бесформенной плоти. Молнией страх пронзил сердце Гномера, а потом он почувствовал себя лучше: Роуза больше не было, а значит, ему не придется ни с кем делиться, когда он выберется из Затерянной земли. Все, что он сможет добыть здесь, будет принадлежать ему одному.

«Ну и черт с ним, — подумал он. — В мире стало меньше на одного тупого болвана. Даже лучше, что его не стало».

А потом Гномер заметил, что над ним, наверху, что-то движется. Уголком глаза он заметил движение и, задрав голову, посмотрел вверх.

— Джонгор! — закричал он.

А гигант уже был прямо над машиной. Когда он понял, что Гномер заметил его, то выпустил из руки крюк. Гибкий, как кот из джунглей, он приземлился на крышу машины. И тут Гномер увидел копье в руках Джонгора.

У Гномера не было времени, чтобы нацелить винтовку и пристрелить гиганта. Он знал, что копье пронзит его, прежде чем он успеет прицелиться. Поэтому вместо того, чтобы целиться в Джонгора, Гномер качнулся в сторону и рывком выпрыгнул из машины на каменный пол.

Он приземлился на ноги, споткнулся, упал и откатился в сторону. Он все еще сжимал винтовку в руках. Теперь он вскинул ее к плечу.

Джонгору показалось, что его противник исчез за мгновение до того, как он готов был пронзить его копьем. Вместо тела Гномера, он с силой вогнал острие копья в пульт управления машиной. Раздался страшный треск.

Гномер крутанулся на месте. В безрассудном порыве Джонгор бросился на врага. Пуля пронеслась мимо него, дым ослепил, Джонгор со всей силы врезал кулаком по дулу ружья.

— Будь ты проклят!

А потом Джонгор схватил Гномера. Навалившись, он опрокинул противника. Гномер, изо всех сил напряг мускулы, которые вздулись, словно стальные пружины. Человек подтянул обе ноги под Джонгора и пинком отшвырнул гиганта.

Даже профессиональному борцу было бы сложно вынести такой удар. Но Гномер сражался не с профессиональным воином. Перед ним был человек, который вырос в джунглях и который вынужден был постоянно использовать всю свою силу и хитрость для того, чтобы выжить. Сильный удар подбросил в воздух тело гиганта, оторвал его от Гномера, но не вывел из боя.

Извернувшись в воздухе, Джонгор вновь бросился на противника. Тот извернулся, попытался выскользнуть из-под навалившегося на него гиганта. Но Джонгор всей своей массой прижал Гномера. Руки гиганта скользнули под шеей авантюриста и сжали его. Мгновение Гномер дико молотил по воздуху руками и ногами, а потом раздался треск костей.

Тело Гномера обмякло. У него была сломана шея.

Джонгор поднялся на ноги. Одной угрозой стало меньше. Этот человек прибыл в Затерянную землю в поисках сокровищ. Но он нашел лишь смерть...

— Джонгор, оглянись!

Джонгор оглянулся, высматривая новую опасность, которая грозила ему. Из туннелей, выходящих на дно шахты, выскочили *муриты*. Они неслись к Джонгору, завывая на ходу, и не было никаких сомнений в их намерениях.

Увидев, что Джонгор схватился с Гномером, они решили, что им выпал шанс поквитаться с гигантом. Сейчас они с легкостью могли прикончить и того и другого.

Однако больше всего они хотели прикончить Джонгора. Много лет он был занозой у них в заднице, насмехался над ними и в любой момент готов был бросить им вызов. Они много лет пытались поймать и прикончить его. Теперь же настал час их мести. Джонгору не сбежать, и в любом случае он будет принесен в жертву их богу. Ему просто некуда деваться.

— Забейте его до смерти!

— Выбейте у него мозги из головы!

— Припечатайте его кишки к полу!

— Отдайте его мне!

— Нет, я первый!

Когда Джонгор встал, отставив мертвого Гномера лежать на полу, *муриты* на мгновение заколебались.

— Хватайте его! — закричал Большой Орбо. — Он один, а нас много!

Толпа на мгновение заколебалась. А потом обезьяно-люди бросились вперед, словно охваченные новым приступом ярости. Большой Орбо бежал впереди всех. Он скалился и громко кричал, перечисляя, что он собирается сделать с Джонгором.

Джонгор понимал, что у него не будет не единого шанса, вступи он в драку с *муритами.* Его растоптала бы первая волна нападавших. Быть может, они бы и в самом деле сделали то, что обещали с ним сделать.

Быстро взглянув наверх, он увидел, что крюк сместился. Теперь Джонгор ни за что не допрыгнул бы до него. Он отлично понимал, что у него нет никаких шансов выстоять, и обезумевшая толпа обезьяно-людей убьет его. Конечно, он мог бы попытаться допрыгнуть до крюка, но времени на вторую попытку у него не было. Если он не уцепится за крюк с первого раза... Тут он покачал головой. И все же у него был шанс, причем только один.

Одним прыжком Джонгор заскочил на кожух машины. А потом, еще раз взглянув на удаляющийся крюк, скользнул на то место, где совсем недавно сидел Джонгор.

Естественно, Джонгор не знал, что делает тот или иной рычаг, но он видел, как Гномер передвигал их. Гигант решительно передвинул их. Неожиданно из носа машины ударил фиолетовый луч, а потом полыхнуло, словно на мгновение на дне шахты зажглось новое солнце. Излучатель был направлен чуть вверх, так что луч ударил в середину стены. Скала взорвалась брызгами расплавленного камня.

Где-то внутри машины послышалось зловещее гудение. Это был тот же звук, что Джонгор слышал раньше.

«Сейчас она взорвется, — подумал Джонгор. — Другой ...»

Он передвинул еще один рычаг. Излучатель качнулся. Луч ударил в толпу *муритов* и смел их, словно удар ветра прошлогоднюю листву, разметал обезьян-людей по дну шахты. Кроме того, луч был раскаленным...

Джонгор увидел, как *муриты* попадали. Их мех горел. Большой Орбо закричал от ужаса.

Джонгор увидел, как Большой Орбо оскалился, когда луч ударил ему прямо в грудь. А потом крик Большого Орбо оборвался, когда его со всего маху ударило о стену. И тут все *муриты* бросились бежать. Они встретились со своим древним богом. Джонгор больше не интересовал их. Они должны были наблюдать, как их бог поглотит очередную жертву, а вместо этого он разозлился и обрушился на них, и теперь они стали жертвами.

А потом Джонгор понял, что на дне шахты больше не осталось ни одного *мурита*. Джонгор выключил машину, и только тогда услышал радостные крики, доносившиеся откуда-то сверху:

— Отправь их в ад, Джонгор.

Это вопил Алан Хантер. Услышав его голос, лицо Джонгора скривилось в усмешке. Он посмотрел туда, где на выступе возле лебедки, поднимавшей крюк, стояли Алан и Анна.

— Теперь мы можем в безопасности оставить Затерянную землю, — пробормотал Джонгор. — Не думаю, что в ближайшее время *муриты* нас снова побеспокоят. К тому же, теперь нет ни Роуза, ни Гномера.

— Думаю, пора выбираться отсюда, — пробормотала Анна.

— Я тожу буду рад, выбраться их этих нездоровых мест, — вторил ей Алан. Но его голос прозвучал задумчиво. А потом он заговорил снова, и слова, казалось, исходили прямо из его сердца. — Но когда-нибудь я вернусь сюда. Тут много тайн, которые современная наука может изучить. Древние *мурийцы* были мудрыми созданиями. Чего стоит хотя бы этот смертоносный луч! А кристалл, который ты носишь на руке, и масса других древних артефактов? Тут полно загадок, которые обеспечат работой ученых... Да что там! Тут может заниматься поисками целое поколение. Я обязательно вернусь в эти земли и приведу сюда настоящих служителей науки... — и Алан неожиданно замолчал, словно задумался над своими словами.

— Странно, Алан. Ты раньше никогда не выказывал интереса к науке,— с удивлением заметила Анна.

— Знаю. Но тут, в Затерянной земле, мои взгляды на жизнь сильно изменились. Я непременно сюда вернусь.

— Тогда я отправлюсь вместе с тобой, — заметил Джонгор. Он отлично знал эти земли, но плохо разбирался в науке, однако теперь чувствовал определенную ответственность в отношении Алана. Конечно, сначала он хотел увидеть страну, откуда родом были его родители. Но потом...

— Тогда я отправлюсь вместе с вами, — заявила Анна. — Или вы думаете, что отправитесь в эти земли и оставите меня дома? Мы сделаем это втроем...

А потом крик удивления сорвался с ее губ.

Все трое разом повернулись в сторону туннеля, который вел из шахты наружу. Они замерли.

У выхода из туннеля стоял Калазао, угрожающе покачивая огромным топором.

— Откуда он взялся? — задохнувшись, пробормотала Анна.

— Какая разница, откуда он явился. Главное, что теперь он здесь, — ответил Алан.

— Ха! — усмехнулся великан. Этот звук скорее напоминал кашль, чем какое-то осмысленное слово. Размахивая над головой топором, он со всех ног бросился к ним.

В этот раз добыча не могла сбежать от него. То, что Джонгор уклонился от него в прошлой схватке, сильно уязвило самолюбие огромного воина. Это было много больше, чем он мог вынести. Никакое существо в Затерянной земле не могло противостоять ему, а тут... Джонгор. Больше всего Калазао хотел с ним расправиться.

— Держитесь в стороне, — крикнул Джонгор Алану и Анне, и они метнулись в сторону, словно напроказившие дети.

— Ха! — снова выдохнул великан. Высоко подняв топор, он помчался навстречу Джонгору. Казалось, еще мгновение — и он размажет своего противника по полу туннеля. *Муриты* хорошо заплатили ему за то, чтобы он помог им захватить этого воина. Без сомнения, они заплатили бы ему еще больше, если бы он убил этого странного воина. Кроме того, Джонгор оскорбил его, отказавшись сражаться, удрав с поля боя.

Джонгор застыл, чуть пригнувшись. Он присел, приготовившись встретить противника, но удирать не собирался. Джонгор был без оружия. У него даже ножа не было. Все, чем он располагал, это руки, разум и скорость. Калазао со всех ног мчался к Джонгору, который и не пытался прятаться.

Когда противник оказался в нескольких шагах от Джонгора, его топор скользнул вниз подобно молнии! Джонгор проскочил под падающим топором и обхватив гиганта за талию, приподнял в его.

Джонгор использовал одну из старых уловок. Многие борцы знают, как использовать движение противника себе на пользу, но Джонгор действовал чисто интуитивно. Топор со всего маху ударил по скале. Из-за силы удара Калазао выпустил топор. Джонгор оторвал противника от земли и, покачиваясь шагнул к краю площадки.

— Хо! — резко выдохнул Джонгор. Его противник уже понял, что происходит, но было слишком поздно. Неожиданно выпустив противника, Джонгор отшвырнул его к краю уступа, прямо в шахту.

Великан закричал, и эхо подхватило его крик. А потом раздался отвратительный шлепок и наступила мертвая тишина. Едва передвигая ноги от усталости путешественники покинули древние шахты *мурийцев*...

Снаружи ярко светило солнце. До его захода оставалось еще часа два. Перед путешественниками до самого горизонта раскинулась Затерянная земля. Туман повис над болотами. Свет солнца раскрасил его словно яркие жемчуга. Птицы с ярким оперением расселись на деревьях. У ног путешественников лежал город *муритов*. Если кто-то из обезьяно-человек и пережил бойню в шахте, то теперь все они или спрятались, или разбежались в разные стороны. Было совершенно очевидно, что они больше не собираются препятствовать беглецам.

Однако со стороны болот что-то двигалось в их сторону. Джонгор прищурился, а потом посмотрел на кристалл в браслете на своем запястье.

— Вижу *дино*, — проговорил он. — Подождите, пока я не успокою эту гору мяса, — попросил он.

— Это предложение мне определенно по душе, — пробормотала Анна. — Больше нам не придется тащиться пешком.

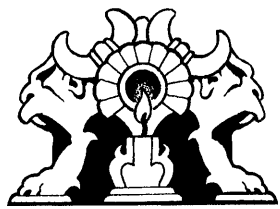
Джонгор усмехнулся краешком рта. А потом обнял Анну, положив руку ей на плечо. Где-то в глубине души он чувствовал удовлетворение. А потом троица стала спускаться к болоту, где их ждал динозавр.

ST WORLDS OF FANTASY & SF #7, Feb, 2004. Published by Lake Hou
Placitas NM, 87043. All rights reserved. Price $2.95 in the U.S. and $4.00 in Ca
likenesses this and one fictional. Any similarities to persons living or dead are
reproduced or transmitted, in any form or by any means, except for revi

КОРОЛЬ ЧЕТВЁРТОЙ ПЛАНЕТЫ

«King of the Fourth Planet»,
Ace book. 1962

ПРОЛОГ

Среди историй про людей, бороздящих космос и покоряющих иные планеты, о бесстрашных первопроходцах, есть одна, что заставляет даже самых отчаянных храбрецов удивленно и недоверчиво качать головами. Это рассказ о невероятных событиях, невозможных совпадениях и нечеловеческой изобретательности. Даже сами космонавты, беседуя друг с дружгом в тихих уголках салунов, пока их корабли стоят на приколе, пересказывают эту историю друг другу только шепотом.

Это история о Марсе, Красной планете, об удивительном человеке, прозваннм Королем Красной планеты, и о Сузусилмаре, великой горе, находящейся в центре самой большой пустыни Марса, горы такой громадной, что ее гранитное основание, как полагают, упирается в само ядро планеты, и настолько высокой, что металлический шпиль, венчающий ее Седьмой Уровень, выходит за пределы атмосферы в безвоздушное пространство.

Это очень странная гора. Выше, чем Эверест на Земле, но окутанная пригодным для дыхания воздухом вплоть до самой вершины, воздухом, который синтезируется древними механизмами, созданными так давно, что люди и марсиане помнят об этом лишь то, что создала их раса гигантов, вырезавших в гранитной горе шесть разных Уровней. Правда, марсиане считают, что Первым и самым нижним Уровнем является сама пустыня, так что Сузусилмар является горой семи Уровней. Эти Уровни — громадные уступы с различной архитектурой на каждом, с домами и парками. На каждом Уровне живут марсиане, на каждом Уровне есть своя таможня и существует свой уклад жизни. Лишь нечто неуловимое под названием Закон является единым для всех Уровней. На четырех сторонах горы громадные лестницы, постепенно сужаясь, тянутся вверх от пустыни вплоть до самого верхнего Уровня, где металлическое копье-шпиль вонзается в космос.

Широкие в основании и узкие на самом верху ступени этих лестниц. Марсиане рассказывают, что многие пытались подняться по ним до самой вершины, но лишь единицы добились успеха.

Космонавты же рассказывают, что на вершине Сузусилмара живет Король Красной планеты.

Также они рассказывают, что много лет назад на Сузусилмар пришел человек, крупный мужчина с копной седых волос, бежавший с Земли. Говорят, что марсиане Четвертого Уровня, во многом напоминающего Землю, радушно приняли его, и он обрел у них дом, где работал над чем-то, о чем лучше даже не упоминать.

И еще космонавты рассказывают, что «Компания по Улучшению Межпланетных Отношений» — красивое название, под которым скрываются грабители и воры, — послало когда-то на Сузусилмар большой корабль. Что там произошло с ним и его экипажем, кажется уж совсем невероятным обычным людям.

Но обычные люди не летают в космосе и никогда не испытывают то чувство ужаса и восхищения мирами, лежащими далеко в небесах...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Джон Рольф был крупным человеком с копной непослушных волос, которые никогда не удавалось как следует причесать. Сейчас они казались белоснежными, но в былые времена, которые, как он сам считал, давно минули и забыты навсегда, они были чернее угля. В те далекие дни женщинам нравилось гладить его волосы и пытаться привести их в порядок. Но даже тогда он не терпел этого, заявляя, что ему не нужна женщина, чтобы придать смысл жизни, потому что это смысл был у него и без нее. Это мнение не разделяла его жена, как не разделяла и многое другое в его жизни. Давно приняв решение развестись с ним, она не полетела на Марс, а осталась на Земле. Или, скорее, Рольф сам принял такое решение. Дочь решила остаться с матерью на родной планете.

Если разлука с дочерью и оставила шрам на сердце Рольфа, то об этом шраме он давно уж забыл.

Сюда, на Марс, его звала мечта, более важная, чем жена или дочь. Великая Мечта. Да и сам Джон Рольф был тем человеком, который мог иметь лишь Великую Мечту.

Когда он, согнувшись, трудился над настройкой небольшой серебряной антенны, для него более прекрасной, чем волосы у него на голове, — он называл ее теликнон и надеялся, что с ее помощью его мечта воплотиться в жизнь, — он услышал шум приземляющегося космического корабля. У марсиан не было космических кораблей. Хотя когда-то хозяева Красной планеты их имели, но ныне они не считали их отсутствие большим неудобством. Так что рев дюз означал, что большой корабль с Земли прибыл в Сузусилмар. Поскольку на Уровнях великой горы не существовало места для посадки кораблей, Рольф знал: корабль приземлится где-нибудь на окраине большого крысиного садка, который назывался городом и раскинулся в пустыне у подножия Сузусилмара.

Там за последние месяцы часто бывали люди, много людей. Сам Рольф не видел ни одного, но Джалнар, полуслепой нищий, с длинным посохом бродивший по обширному городу на горе, шепнул ему, что там появились люди его расы. И Таллен, учитель Рольфа с Пятого Уровня, тоже упомянул об этом, тщательно глядя за реакцией человека, которая указала бы, не изголодался ли он по общению с себе подобными. Когда Рольф не отреагировал на эти новости, Таллен тихонько вздохнул, но означал ли этот вздох удовлетворение оттого, что его ученик стал развиваться, или, напротив, отчаяние оттого, что это развитие никогда не начнется, Рольф не знал. Таллен надежно хранил свои секреты. Осознание присутствия людей на самом нижнем Уровне немного раздражало Рольфа, но не мешало ему. Его Мечта, воплотившись в жизнь будет полезной и для людей, но пока что они не могли разделить ее с ним.

Кроме того, у жителей Красной планеты существовала пословица: «Где люди, там и неприятности».

Не то чтобы сами марсиане обходились без неприятностей. На нижних Уровнях жизнь была тяжелой. Возможно, на более высоких Уровнях марсианам тоже приходилось не

сладко, но там, по словам Таллена, они всегда ходили осторожно, словно ступали по яйцам с очень тонкой скорлупой, и всегда помнили, что их действия, слова, а возможно, даже и мысли могут нарушить существующее равновесие и порядок.

Иногда Рольф думал, что даже слепой Джалнар касался посохом дорожки перед собой так осторожно, словно боялся, что стуком палки взбудоражит планету вплоть до ее раскаленного ядра.

И вот шум космического корабля потревожил его здесь!

Усилием воли Джон Рольф выкинул из головы мысли о человеческих ракетах. Сунув в уши крошечные наушники, он включил теликнон. Почти немедленно в его ушах прозвучала музыкальная нота, прозвучала и тут же стихла. Больше ничего не указывало на то, что теликнон работает, хотя Рольф знал: его прибор настолько чувствителен, что мог бы обнаружить излучение от пролетающего комара.

И хотя теликнон был сделан с помощью техника Четвертого Уровня Таллена, он был изобретением Рольфа. Это также была его Великая Мечта. Не только его личная Мечта, эту Мечту он делил со всеми великими деятелями Земли, с великими социологами, великими философами и великими мыслителями.

Это была Мечта о мире без страха и ненависти, без войны, без болезней, без голода, бедности и преступлений. Эта Мечта существовала всю кровавую историю Земли то в одной форме, то в другой, засев глубоко в мыслях и душах людей. И неужели она вечно должна оставаться только мечтой?

Рольф очень надеялся, что нет. Он надеялся, что когда-нибудь она осуществится. Он надеялся, что этот маленький приборчик, лежащий перед ним, будет тем средством, с помощью которого она воплотится в жизнь.

Когда теликнон будет усовершенствован, он даст людям возможность читать мысли друг друга. Когда станет невозможно ничего скрывать, когда все планы, злые замыслы и алчные побуждения будут совершенно ясны всем, все станут честными.

Рольф надеялся производить теликнон миллионами и продавать его по минимальной цене всем, кто мог заплатить, и раздавать его даром тем, кто заплатить не мог.

Когда у всех будет теликнон, Земля, Родной Мир, станет Возвращенным Раем. Даже «Компании по Улучшению Межпланетных Отношений» придется изменить свои методы и манеры. Джон Рольф по собственному опыту знал, что улучшить нравы Компании может только чудо.

Здесь, на Четвертом Уровне Сузусилмара, такое изобретение, как теликнон будет доведено до совершенства с наибольшей вероятностью, чем в любом другом месте на Марсе или Земле. Казалось, что-то способствующее новым открытиям витало в самом воздухе Четвертого Уровня. Никто точно не знал, было ли это или только казалось. Сами марсиане назвали эту область, окружающую великую гору посредине, Уровнем Изобретений. Они утверждали — и имели веские доказательства для таких утверждений, — что здесь может быть усовершенствовано любое устройство, не нарушающее законы природы.

Таллен, когда соглашался говорить об этом, тоже подтверждал, что так оно и было. Здесь, на этом Уровне, Рольф видел устройства, которые, как он знал, ученые на Земле пытались создать уже много десятилетий. Одно такое устройство, производящее электричество, могло освещать небольшой земной город. А было оно размером с кулак человека и могло проработать лет десять. Перезаправка его стоила несколько центов.

Таллен и марсиане более высоких Уровней, казалось, относились к подобным изобретениям с удивленной снисходительностью взрослых, любующихся яркими детскими игрушками.

А сами изобретатели Четвертого Уровня не особенно волновались из-за своих открытий. По некоторым непонятным Рольфу причинам, имелось неписанное правило. Марсиане называли его Законом. Рольф так и не смог понять его. Так вот, согласно Закону, марсиане не передавали свои изобретения на более низкие Уровни, чтобы улучшить благосостояние остального населения Красной планеты, которое прозябало в дикости и варварстве.

Марсиане не были миссионерами. Они не пытались никого заинтересовать своими открытиями. Они, фактически, не очень-то интересовались ими и сами. Открытие, которое

сделало бы человека известным на всей Земле, они рассматривали как интересное упражнение ума — лишь очередная ступенька к более высоким целям.

Но каковы были эти более высокие цели? С этого места марсиане всегда начинали высказываться крайне неопределенно. Когда Рольф приехал сюда много лет назад со своей Великой Мечтой, они радушно приняли его. И сейчас ему по-прежнему все были рады. Все, от дикарей на Первом Уровне до Таллена на Пятом, включая Джалнара, полуслепого нищего, блуждающего по Уровням, все относились к Рольфу с уважением, словно в глубине души они разделяли его Мечту...

Рольф стал настраивать теликнон.

И вдруг словно огненная молния пронзила его мозг!

Все произошло без малейшего предупреждения.

Теликнон, если виновен был он, никогда еще так себя не вел.

Молния вспыхнула и исчезла. И вновь воцарилась тишина.

Но это была не та тишина, какую Джон Рольф слышал прежде. В ней был тихий шелест, писк и какой-то далекий щебет, словно голоса гномов и эльфов, которые согласно марсианским легендам все еще обитали в красных пустынях. У пораженного Рольфа возникло впечатление, что эта тишина связывала воедино многие формы жизни самой разнообразной природы, и некоторые из них были настолько чуждые, что их не считали жизнью вообще.

Рольф понимал, что все это лишь в его сознании, что теликнон внезапно открыл некий канал, или снял некий барьер между ним и другими формами жизни.

Впервые теликнон заработал.

Рольф был потрясен этим фактом. Работа, казалось, завершилась без его сознательного участия, что-то пришло ему в голову, что заставило его дернуться с такой скоростью, словно он уворачивался от размахивающего ножом убийцы с Первого Уровня. Вал эмоций. Ничего подобного Рольф никогда ранее не ощущал. В этих эмоциях был страх, гнев, наметки на сексуальную энергию, жажда, жадность, но главным образом, голод.

Голод в чистом виде! Не жажда еды или похоть. Это была жажда власти. На всем Марсе и всей Земле не было власти достаточной, чтобы удовлетворить, насытить или хотя

бы как-то ослабить этот голод. Этот голод питал сам себя и становился сильнее с каждой секундой. И с ним было связано лицо, лицо человека, которого Рольф никогда прежде не видел. И хотел бы никогда не видеть. Молодое лицо с выпирающими скулами и блеском черных глаз, которые горели то с лихорадочным блеском, то с холодной расчетливостью. Разум, прячущийся за этим взглядом, интенсивно работал, пытаясь понять, как лучше всего взять Вселенную за глотку.

Когда Рольф мельком увидел это лицо, он содрогнулся, и внезапно его тело скрутили судороги. Он попытался унять их, но не смог. Эти судороги причиняли ему нестерпимую боль. Перед глазами изобретателя все потемнело, дыхание со свистом вырывалось изо рта. Рольф попытался крикнуть и услышал свой голос, хриплый и словно придушенный. Тогда он с усилием заставил себя встать на ноги.

И тут же мышцы его расслабились, стали словно кисель, Рольф упал ничком и потерял сознание еще до того, как его тело ударилось об пол.

Во время падения порвались проводки, соединявшие наушники в его ушах с теликноном.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда сознание частично вернулось, Рольф услышал идущий откуда-то голос, с непонятной мукой повторяющий по-марсиански:

— Рольфен! Ваден ас! Ваден ас!

Рольф понял, что это голос Таллена, который просит его очнуться, но его удивило звучащее в нем страдание. Ему всегда казалось, что Таллен не способен испытывать эмоции.

Открыв глаза, Рольф увидел Таллена, склонившегося над ним. Морщинистое лицо старого марсианина было несчастным.

— Ис ервилл тенсан? — спросил Таллен. — Что случилось?

— Я... Я не знаю, — ответил Рольф.

Он огляделся с растущим замешательством, вспомнив о вспышке молнии, тишине и человеческом лице, а также о

вале грубых эмоций. Однако воспоминания мгновенно поблекли, и Рольф даже не мог бы сказать, случилось ли все это на самом деле. В растерянности он уставился на Таллена. Потом он попытался встать на ноги и обнаружил, что у него совершенно нет сил.

— Оставайтесь здесь и не двигайтесь, — быстро сказал Таллен по-марсиански. — Я найду кого-нибудь, кто поможет отвести вас к моему врачу.

Таллен вышел из большой комнаты, которую Рольф использовал в качестве лаборатории, но вскоре вернулся с четырьмя марсианами и устройством, которым пользовались для перевозки мусора.

Невзирая на протесты Рольфа, марсиане положили его на носилки и принесли к широкой лестнице, ведущей на Пятый Уровень. По вежливой просьбе Таллена они начали подъем. С носилок Рольф увидел далеко внизу несколько мужчин и женщину, поднимавшихся вверх. Возможно, они были с корабля, прилет которого Рольф услышал перед тем, как с ним что-то произошло. Он бы с удовольствием подождал их и побеседовал с ними. Внезапно Рольф понял, что он соскучился по звукам языка, на котором говорил на Земле.

Но Таллен не разрешил бы. Мусорщики — марсиане Четвертого Уровня, повиновались ему, ведь он принадлежал к Пятому Уровню. Здесь, на Сузусилмаре, считалось мудрым законом оказывать любую помощь, которую попросит представитель более высокого Уровня.

Рольф, снова внезапно почувствовав слабость, откинулся на носилки и порадовался тому, что его несут. Но на половине пути по выщербленным ступеням он внезапно сел. Таллен подошел к нему.

— Что, Рольфен? — спросил он с беспокойством на лице.

— Меня снова коснулось безмолвие, — ответил Рольф.

— Тишина...

— Да, тишина. И голос, шепчущий у меня в голове. Остановитесь здесь. Ни шагу дальше! Какого дьявола, что это такое, Таллен? Часто, поднимаясь на этим ступеням, чтобы посетить вас, я чувствовал барьер, тонкий, словно паучья сеть...

— Этот барьер существует. Его цель... — Пристальный взгляд Таллена, казалось, спустился на многие мили вниз,

к разбросанному крысиному садку в пустыне у подножия горы. — Это не физический барьер. Он касается разума и... Но больше ни слова! Давайте быстрее вперед! — велел он носильщикам мусора.

Наверху лестницы, где начинался Пятый Уровень, стоял некто, напоминающий заблудившееся и чудом оказавшееся здесь чучело с фермерского поля с Земли. Это был Джалнар, полуслепой нищий Сузусилмара. Джалмар не носил обуви, даже сандалий. Одежда его была черной и заплатанной. Облокотившись на деревянную палку, он смотрел почти слепыми глазами на поднимавшуюся процессию.

Таллен поклонился ему. Мусорщики поклонились ему.

Джалмар поклонился им в ответ. Когда мусорщики пронесли носилки мимо него, Рольф почувствовал, что полуслепые глаза нищего, не отрываясь, глядят на него. Если в нем и крылась тайна, то Рольф был согласен оставить ее нераскрытой, потому что его интересовала совсем другая тайна. Когда они поднялись на Пятый Уровень, покой охватил его душу. У него появилось ощущение того, что он достиг цели. К которой так давно стремился. Был ли Пятый Уровень Раем, как утверждали многие марсиане? Если и так, то Рольф внес в этот Рай частичку своего мира, свои тревоги.

В свете далекого солнца Пятый Уровень и правда походил на Рай. Здесь не существовало никакого производства, ни промышленности, ни давки и торговой суеты. Вместо этого весь Уровень был громадным кругом похожих на парк лужаек, где раскрывшиеся цветы и кустарники испускали сладкие ароматы. Местами между деревьев плескались фонтаны и мерцали, словно полированное серебро, небольшие озерца. Среди деревьев укрылись небольшие дома, в которых жили марсиане Пятого Уровня.

Выше Пятого в бесконечное небо поднимался Шестой Уровень. Там мало кто жил. А над ним копьем пронзал вечный космос металлический шпиль Седьмого Уровня. Там не жил никто. Иногда отдельные марсиане посещали эту головокружительную высоту, но надолго там не задерживались.

Удивленный врач поднялся, чтобы встретить их. Это был типичный марсианин, высокий и стройный, с глазами,

взгляд которых, как казалось, он мог по желанию направлять во вне или внутрь себя. Речь Таллена журчала, словно ручеек, пока он объяснял, в чем дело. Затем врач разрешил им пройти в смотровую. Там Рольфа уложили на стол. Мусорщики бесшумно вышли. Смотровая оказалась обставлена очень просто. Свет струился со всех сторон и из круглого окна в крыше, увенчанной маленьким металлическим шпилем, очевидно, копией громадного шпиля, венчающего Седьмой Уровень, только гораздо меньше. Единственное оборудование, которое увидел Рольф, было устройство, напоминающее китайский абак с разноцветными бусинками на струнах. Врач, которого звали Унардо, сел за стол, на котором лежал абак, а Таллен с бронзовым лицом, таким же неподвижным, как у статуи одного из древних богов Марса, встал возле Рольфа.

Унардо глянул на Рольфа, затем взгляд его стал рассеянным; врач, казалось, задумался о чем-то своем. Глядя на него, Рольф был уверен, что марсианин его не видит. Потом Рольф взглянул вверх, на возвышающего над ним Таллена. Тот, казалось, даже дышать перестал.

Неожиданно врач поднял руку и одним пальцем коснулся бусинки абака, перемещая ее. Где-то тихо прозвучала и тут же стихла музыкальная нота. У Рольфа сложилось впечатление, что это устройство звучало в резонансе с мелодией его собственного тела, только на октаву выше. Это изумило его. Как его тело может издавать музыкальные звуки? Пока он пытался понять это, врач переместил еще одну бусинку абака. Снова раздался звук в резонансе со звучанием тела Рольфа, но теперь на октаву ниже. Затем врач стал перемещать бусинки абака так быстро, что глаза не могли уследить за его мелькающими пальцами, и смотровая заполнилась странной мелодией. И опять тело Джона Рольфа эхом отозвалось на нее. Пока он пытался понять, что происходит, он начал ощущать, что чувствует себя гораздо лучше. Слабость покинула его тело, и он начал обретать силу и равновесие.

Затем врач взял заключительную ноту, и его взгляд вновь сфокусировался на Рольфе, словно проверяя результаты лечения. Марсианин улыбнулся и поднялся со своего места. Таллен шумно вздохнул. Рольф встал со стола; он обнаружил, что

может двигаться и даже стоять на ногах. Запинаясь, он поблагодарил врача и попытался задать вопросы, которые вертелись у него в голове, но Таллен отмел их нежной улыбкой, которая походила на реакцию отца на вопросы молодого и очень любопытного сына. Потом Таллен повел Рольфа к двери, давая понять, что время визита закончилось.

— Но я же должен заплатить ему, — уперся Рольф и повернулся к врачу. — Сколько я должен?

Унардо непонимающе посмотрел на него, затем вопросительно глянул на Таллена.

— Тише, — мягко сказал Таллен Рольфу. — Вы ничего ему не должны. Здесь Пятый Уровень Марса! Здесь не бывает должников и одалживающих, и невозможны никакие расчеты.

Рольф знал, что ему помогли, что ему вернули силы и душевное равновесие. Он понятия не имел, как это было сделано, хотя предполагал, что абак — устройство, управляющее неизвестной энергией. Таллен не хотел или не мог ему ничего объяснить. Когда они дошли до лестницы, ведущей вниз на Четвертый Уровень, Рольф все еще пытался разобраться в случившемся.

— Джалнар ушел, — сказал Таллен, оглядываясь в поисках полуслепого нищего. Казалось, он был немного разочарован его отсутствием. — Что касается вас, Рольф, я думаю, вы должны быть очень осторожны, когда вернетесь в свою мастерскую. Может случится так, что вас там ждут посетители и нечто удивительное.

Отказавшись отвечать на дальнейшие вопросы, Таллен ушел. Джон Рольф, еще не пришедший в себя от изумления, стал в одиночестве спускаться по большим ступеням.

Посреди длинной лестницы на него вновь накатила волна тишины. Теперь она была приглушенной и какой-то более дружелюбной.

И барьер. Никакой голос не говорил ему уходить. Была только тишина и чувство, что здесь есть нечто, что его ум еще не готов исследовать и понять.

На мгновение Рольф остановился, чтобы полюбоваться на раскинувшуюся перед ним сцену. Вниз, уменьшаясь от Уровня к Уровню, вели большие ступени. Они тянулись на

много миль, пока не достигали обширной марсианской пустыни. У основания могучей горы виднелись строения, похожие с этой высоты на кукольные домики, сгрудившиеся вокруг Сузусилмара. Вода, струящаяся из подножия горы, орошала зеленую область, постепенно переходящую в пустыню.

А выше раскинулись два оставшихся Уровня и высокий металлический шпиль, словно антенна гигантской радиостанции давно забытого прошлого, вонзившаяся тонким пальцем в небо.

Даже если шпиль когда-то использовался в качестве антенны, то радиостанция, которая работала с ним, давным-давно исчезла. Как исчезли и архитекторы, спланировавшие громадные террасы, тянущеся вокруг горы, вырезанные из твердого, как гранит, камня.

Марсиане Второго и Третьего Уровня думали, что эту работу проделали гиганты. На Первом Уровне полагали, что эти гиганты создали и саму гору. На Четвертом Уровне, который Рольф называл своим домом, об этом ничего не знали. На более высоких уровнях марсиане вообще об этом не говорили.

Конечно, все это было создано очень давно. Ступени из самого твердого камня, который когда-либо видел Рольф, когда-то были в фут высотой. Теперь же они стали тонкими, как сланцевые пластинки, на более низких Уровнях, стертые бесчисленными ногами. На более высоких Уровнях было меньше движения, и ступени были изношены меньше.

Рольф часто задавался вопросом, почему марсиане разных Уровней так отличаются друг от друга? На самом низком Уровне жили воры и убийцы. На Уровне выше обитали те, кто ценил богатство. Но они никогда не пытались ничего украсть с более высоких Уровней. Они могли переехать жить на более высокий Уровень, если заслужили, но могли посещать любой Уровень по желанию, что часто и делали, но никогда не нападали и не пытались напасть на более высокие Уровни. И ни один марсианин с высоких Уровней никогда не вмешивался в дела низших Уровней.

«Таков Закон», — объяснил Таллен...

Рольф вошел в свою квартиру. Двое мужчин тут же повернулись к нему. У Рольфа осталось неопределенное чувство,

словно он слышал чьи-то поспешные шаги в задних комнатах. Но внешность незваных гостей мгновенно выбила из него все мысли.

Он не знал этих людей и не должен был их знать. Он знал этот тип людей. Широкие, искусственные улыбки, высокие скулы и черные глаза обратили на себя внимание в первую очередь. Они с таким высокомерным видом протянули ему руки для рукопожатия, словно им принадлежала вся Земля, а также и Марс в придачу, и они собрались здесь, чтобы показать, что они — люди Компании — воплощение всех ее лучших и худших традиций. Казалось, сами правители Человечества пришли поприветствовать Джона Рольфа. Первым к нему подошел человек с самой широкой улыбкой. Рольф не протянул руки, но подошедший все же заграбастал ее, крепко пожал и, не отпуская, заговорил:

— Мистер Рольф! Такая честь встретиться с вами. Мы прилетели с Земли, чтобы проконсультироваться у вас. Меня зовут Хардести. Я из «Компании по Улучшению Межпланетных Отношений». Возможно...

— Я знаю, — сказал Рольф.

— Вы знаете? — Хардести озадаченно посмотрел на него, и Рольф воспользовался моментом, чтобы выдернуть свою руку из его захвата. — Как вы могли узнать? Кто передал вам информацию? Никто не знает, что мы собираемся основать здесь филиал...

— Я знаю, что вы работаете на Компанию, — объяснил Рольф. — Я не знал, что вы основываете филиал. Никто не передавал мне никакой информации. Относительно того, как я узнал, что вы из Компании... Это мне подсказали ваши манеры.

— Да? — Хардести выглядел довольным.

— У всех, кто работает на Компанию, всегда прекрасные манеры, — продолжал Рольф.

— Спасибо, сэр, — ответил Хардести, лучась радостью.

— И никакой морали, — закончил Рольф.

Лицо Хардести потускнело. На секунду ненависть промелькнула в глубине его черных глаз, но тут же растворилась. Хардести внезапно рассмеялся, притворяясь, что принял слова Рольфа за шутку.

— Прекрасно... Нужно не забыть повторить это старику. Вы же помните его, старика Х. Б. Великий человек, сэр. Великий человек.

— Я его помню, — с мрачным видом подтвердил Рольф. — Беспринципный вор. Ни доллары, ни женщины не будут рядом с ним в безопасности.

— Но...

— Не притворяйтесь потрясенным, молодой человек. Вы знаете правду, иначе не были бы здесь в качестве управляющего основываемого здесь филиала. И, вероятно, вы знаете, что старик наградил вас этой должностью, чтобы заставить прекратить...

— Но!

— ...недавно раскрытый шантаж, — безжалостно продолжал Рольф. — Если Компания не улучшила свои нравы — а это вряд ли случилось, — то молодого человека поощряют исключительно за брак с дочерью какого-нибудь руководителя или за шантаж.

Черные глаза Хардести сверкали от гнева, но за гневом крылась тревога: как мог этот старый дурак столько узнать?

За Хардести стоял второй человек, и Рольф внезапно вспомнил о его присутствии. Глянув на него, он увидел гладкое лицо, смелые голубые глаза и скованные манеры. Он немедленно понял его роль. Это был человек другого типа, который Рольф тоже не забыл. Он не спешил представляться.

— Вы обижены, — продолжал Хардести, частично возвращая свое нарушенное равновесие. — Возможно, так обстояли дела, когда вы служили в Компании. Но времена изменились. Мы не безупречны и не притворяемся таковыми. Но мы прилагаем все усилия к тому, чтобы стать таковыми, — на лицо Хардести вернулась улыбка. — Разрешите мне представить своего помощника. Господин Беллер, познакомьтесь с господином Рольфом.

Рольф взял его руку, но ему не понравилось то, что он при этом почувствовал, и он немедленно разорвал рукопожатие.

— Возможно, времена и меняются, но не меняется стиль убийц, — заметил он Хардести.

Все равновесие, какое обрел было Хардексти, немедленно рухнуло.

— Господин!!!

— Я тоже нанимал их в былые времена, — сообщил Рольф. — На вид невинные молодые люди, у которые только и есть, что реакция и навыки обращения с оружием.

— Я требую, чтобы вы извинились! — взорвался Беллер, глянул на своего босса, и его рука поползла под распахнутую куртку, но под ответным взглядом Хардести замерла на полпути.

— Я также сам убил несколько таких, — усмехнулся Рольф. — Проблема в том, что они тоже честолюбивы. Вам стоит присматривать за ним, — кивнул он на Беллера. — Если он найдет какие-нибудь материалы, то легко станет шантажировать вас. Держите руки на виду, мистер Беллер, а то вы подтверждаете мои слова.

Рука Беллера нехотя выползла из-под куртки. Рольф довольно взглянул в его голубые глаза и, когда тот заморгал, снова повернулся к Хардести.

— Итак, чего вы хотите от меня, молодой человек?

— Вашего сотрудничества, — ответил Хардести.

— Моего сотрудничества?

— Естественно, — Хардести попытался вернуть на лицо улыбку, и, когда это все же удалось, он снова довольно бойко заговорил: — Вы долго прожили здесь. Вы знаете здешнюю обстановку, знаете язык, обычаи, знаете то, что будет представлять для нас определенную ценность...

— О-о! — протянул Рольф.

— Не то чтобы мы не готовы за все справедливо платить... Мы собираемся честно вести дела с местными...

— Понятно, — прервал его Рольф. — Я уверен, что вы благородны.

— Знаете, что здешние произведения искусства и изобретения немало стоят и могут оказать помощь в развитии Земли. Иногда эти черноногие цапли делают действительно важные открытия. Возможно, это — одно из них, — с этими словами он кивнул на теликнон на рабочем столе. — Вы также знаете влиятельных марсиан. Но когда открываете отделение на новом месте, лучше начинать с первого этажа.

— Понятно, — повторил Рольф. — Здесь несколько месяцев на низких Уровнях жили люди. Это были сотрудники Компании?

— Не могу спорить с вами. Они были и остаются сотрудниками.

— Тогда вы должны знать, что здесь и как, — продолжал Рольф.

— Да, у нас есть общее представление.

— И что же вы хотите от меня?

— Вы можете облегчить нам жизнь. Вам также может быть известно то, что упустили наши люди. Конечно, мы готовы позаботиться о вас. Вам хорошо заплатят.

— Заплатят? — эхом повторил Рольф.

— Естественно. Я знаю, что вы привезли с собой массу вещей с Земли, но к настоящему моменту вы уже могли израсходовать все запасы. Я слышал, что вы работаете неполный рабочий день...

— Работаю, — кивнул Рольф. — Я начал работать, как только прибыл сюда.

— Да? Но вы,, наверное много привезли...

— Я не привез с собой запасов и на десять центов, — перебил его Рольф.

— Что? Но у вас же была куча...

— Я все передал Сильвии во время развода, чтобы она могла безбедно жить, воспитывать и обучать нашу дочь, — пояснил Рольф. — Я работаю здесь по двадцать часов в неделю. Мне ничего не платят, но система обмена, основанная на единицах труда, дает мне все, что требуется. Если мне нужно специальное оборудование, мои друзья-марсиане с радостью сделают его для меня бесплатно.

Пока Хардести слушал, на лице его появлялись противоречивые эмоции. Сначала он был поражен, узнав о человеке, который оставил все свое богатство жене во время развода. На его лице было написано: «Проклятый дурак! Ей нужно было нанять тебя дворником!» Когда Рольф сказал, что на Марсе ему не платят за работу, лицо Хардести выразило сомнение, эквивалентное выражению: «Только дурак работает бесплатно!»

Рольф не стал рассказывать, что на Пятом Уровне он только что оскорбил марсианина, предложив ему оплату за труд. В глубине души он знал, что не хочет ничем делиться с этими двумя и Компанией, которую они представляли. Единственное, чего

он хотел, так это избавиться от них. Он хотел, чтобы его оставили в покое, подумать о том, что с ним случилось на Пятом Уровне, подумать о марсианине по имени Унардо и странном инструменте, напоминающим абак, который издавал музыкальные звуки, когда перемещали бусинки, попытаться хотя бы чуть-чуть понять, что именно принесло исцеление его телу и спокойствие измученному уму. Он увидел чудо и хотел остаться один, чтобы подумать о нем и, может быть, помечтать.

Пока Рольф наблюдал, как меняется выражение лица Хардести, где-то в самой глубине души он коснулся краешка тишины и внутреннего спокойствия. Что-то зародилось там, смутное, как в потемневшем от времени зеркале. Но это было не то, что он желал бы увидеть. Вместе с ним пришли эмоции, грубые...

Внезапно Рольф понял, что не хочет разглядеть это, потому что это было лицо, которое он увидел, когда теликнон впервые заработал. Это было лицо Хардести! И когда Рольф узнал его, прилив грубых эмоций и вечной жажды власти снова попытался заполонить его разум. Он почувствовал их, как удар, и вздрогнул, словно от удара, но также он понял, что его ударило не с прежней силой. Теперь появился какой-то барьер, который задержал и ослабил этот поток. И когда это произошло, он внезапно понял, что Унардо гений, и ощутил благодарность за граничащую с чудом работу марсианина Пятого Уровня. Рольф понял, что, если бы не Унардо, он снова упал бы в обморок под напором яростной энергии. Но теперь он только ощутил, что его пальцы мелко дрожат. И тогда он до конца понял Хардести. Если сначала он лишь распознал в нем определенный тип людей, то теперь он понял его самого. Этот человек был куда хуже, чем типичный представитель себе подобных.

— Выходит, вы не станете сотрудничать с нами? — спросил Хардести.

— Вам нечего предложить мне, и мне нечего предложить вам, — объявил Рольф, повернулся к двери и распахнул ее, приглашая незваных гостей покинуть его квартиру, но затем он увидел того, кто стоял за дверью.

Джалнар вошел внутрь, считая открытую дверь приглашением, и поклонился. Его палка мягко касалась пола при каждом шаге.

— Кто это? — спросил Хардести.

— Марсианский друг, — торопливо ответил Рольф.

— Друг? — пристальный взгляд Хардести пробежался по изорванной одежде, грязным ногам без сандалий и полуслепому лицу. — Странную вы водите компанию, Рольф. Было время, когда таких нищих выкидывали с черного хода. Теперь вы здороваетесь с ними и называете их друзьями, — в голосе его звучало презрение, и Хардести даже не прилагал усилий, чтобы скрыть его.

— Наверное, и времена, и я изменились, — тихо сказал Рольф и поздоровался с Джалнаром, добавив, что эти двое уже уходят.

Джалнар кивнул, но прошептал, что у него и в мыслях не было помешать их беседе, он просто постоит у стены, пока люди закончат свой разговор.

— Я даю вам последний шанс, соглашайтесь, — сказал Хардести Рольфу.

— Я не стану сотрудничать с вами, — ответил Рольф. — Наши пути давно разошлись.

— Но, послушайте, это место — настоящие залежи денег! — продолжал Хардести.

Рольф покачал головой и снова кивнул на дверь. Спокойствие снизошло на него, хотя и оставались воспоминания о приливе эмоций, которые чуть было снова не захлестнули его. Теперь еще больше ему захотелось остаться одному, чтобы все обдумать. Или, по крайней мере, избавиться от человеческой компании. С Джалнаром можно было помолчать.

— Ладно, — вздохнул Хардести. — Вы сами напросились, так что получайте.

Он явно намекнул на то, что, раз слова потерпели неудачу, тот он пустит в ход тяжелую артиллерию.

— Приведите ее, Беллер, — велел Хардести.

Тот кивнул и пошел в дальнюю комнату, скрылся за дверью и тут же вернулся. Он не тащил ее силой, но крепко держал за руку, намекая, что это молодая женщина все равно войдет в комнату, хочет она того или нет.

На ее лице отражалась сложная смесь чувств. Она попыталась выдернуть руку из захвата Беллера, попыталась

выпрямиться и войти в комнату медленно и гордо, но это всегда трудно сделать, когда тебя тащат. Она на мгновение взглянула на Джона Рольфа и тут же опустила взгляд, уставившись в пол. Оказавшись в комнате, она была всего лишь в нескольких шагах от Рольфа, но по-прежнему не смотрела на него. От стыда она опустила плечи.

— Хочу познакомить вас с моей секретаршей, — проговорил Хардести тоном человека, доставшего, наконец, туз из рукава. — Ее зовут Дженни.

— Дженни? — с сомнением переспросил Рольф.

Он знал, что ведущие сотрудники Компании обычно брали с собой в длительные межпланетные перелеты молодых женщин. Их называли секретаршами, но это был лишь вежливый термин. На самом деле у них было несколько иное назначение.

— Какое она имеет отношение к... — начал было Рольф и осекся.

Молодая женщина подняла взгляд, и впервые Рольф заглянул ей в глаза. Ей явно было стыдно, но также в ее взоре была тоска и любовь, любовь, какой он не видел в глазах женщин.

Это поразило его. Почему женщина, тем более молодая, должна глядеть на него с тоской и любовью? И почему в ее взгляде было что-то еще, словно она хотела, чтобы он узнал ее, как будто она больше всего на свете хотела, чтобы он ее вспомнил.

И тут он действительно узнал ее и вспомнил. И его поразил шок от пробужденных воспоминаний.

Это была его уже повзрослевшая, дочь!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Какую-то долю секунды тянулась немая сцена. И за это время Джон Рольф понял, что желание в глазах его дочери было эхом ответа на то, что крылось в его собственном сердце. Непреднамеренно, словно она была еще ребенком, он протянул руки к дочери. Это было как сигнал! Она вырвалась от Беллера

и бросилась в его объятия. Она поцеловала его, наверное, раз пятьдесят, затем обхватила за шею, спрятала голову у него под подбородком и заплакала.

На какие-то секунды Рольфу показалось, что он перенесся в далекое прошлое. Он стал мягко гладить ее волосы, пытаясь успокоить, словно она все еще была маленькой девочкой.

— Ну-ну, моя дорогая! Почему ты плачешь?

— Я... я п-плачу от... с-счастья, — побормотала девушка, глядя на него. — Если бы ты знал, как я хотела увидеть тебя... — И слезы опять хлынули у нее из глаз.

Джону Рольфу стало крайне неловко. Он думал, что оставил прошлое позади, на родной планете. Но прошлое вернулось к нему, и теперь дочь рыдала в его объятиях.

— Ты была еще ребенком, когда я улетел, — попытался он что-то объяснить. — Мне казалось невозможным увезти тебя на Марс. Мать стала бы возражать, и суд поддержал бы ее...

— И пусть бы она протестовала! А суд пошел бы ко всем чертям!

— Но у них есть власть, — возразил Рольф. — Кроме того, на Марсе ведь нет больше земных детей.

— Это было бы неважно.

— Но ребенок должен общаться со своими сверстниками.

— У ребенка должен быть рядом отец, — воскликнула Дженни. — И плевать, что говорят детские психологи!

— Но твоя мать...

— Стала хронической алкоголичкой, которую интересуют только мужчины, — вздохнула Дженни.

Рольф потрясенно уставился на нее.

— Дорогая моя! Ты ведь должна уважать своих родителей!

— Пусть они сперва добьются моего уважения, — ответила Дженни. Слезы уже высохли, и она посмотрела на него ставшим вдруг серьезным взглядом. — Это касается и тебя! — но тут же выражение ее лица изменилось. Теперь на нем была написана тревога. — Папа, я не хочу быть резкой и высказывать свои обиды. Просто на Земле я была несчастна. И я подумала, если я прилечу туда, где живешь ты... — Она снова заплакала.

Рольф принялся успокаивать ее, как мог, но в глубине души знал, что должен был успокаивать самого себя. Он

чувствовал себя так, словно тяжесть всего мира легла на его плечи, а он не мог отказаться от этой ноши. Повернувшись к Хардести, он увидел, что его лицо сияет торжеством, и понял, что столкнулся с новыми проблемами.

— Спасибо, что позаботились о моей дочери, — произнес он.

— Не стоит благодарности, — ответил Хардести. — Она ведь моя секретарша.

— О-о, — протянул Рольф невыразительным голосом. — По контракту с Компанией?

— Естественно, — ответил Хардести.

— Мы сейчас на Марсе, — вставила Дженни. — Все контракты здесь недействительны!

— Я думаю, вам еще предстоит узнать, — хихикнул Хардести, — что контракт уполномочивает Компанию или ее представителей принимать любые необходимые меры, чтобы проводить их в жизнь, — тут он хихикнул еще громче. — Эти контракты когда-то сформулировал один из лучших умов Компании.

Джон Рольф внезапно осознал, что дочь глядит на него, и ему не понравилось то, что он прочел в ее взгляде.

— У компании трудности, нужно было как-то заставить молодых людей лететь на другие планеты, — продолжал Хардести. — И гений решил эту проблему, придумав контракт с секретарем. После этого у молодых людей не было возражений против длительного пребывания на чужих планетах.

Рольф молчал. Ярость бушевала в его сердце, но он прилагал все силы, чтобы скрыть ее. Дженни по-прежнему глядела на него.

— Молодой гений, придумавший этот контракт, получил большое вознаграждение, — не замолкал Хардести. — Он стал вице-президентом и, в конечном итоге, президентом Компании.

Рольф чувствовал, что взгляд дочери не отрывается от него.

— Секретарши, подписывающие этот контракт, — не замолкая, жужжал Хардести, — вовсе не должны были становиться женами этих молодых людей. Об этом в контрактах не было ни слова, но были созданы соответствующие условия...

Хардести замолчал и вновь рассмеялся самым жестоким смехом, какой только слышал Рольф. Дженни не отрывала взгляда от отца.

— Он ведь говорит о тебе, — фыркнула она. — Это ты тот молодой гений, ставший президентом Компании.

— Я... — голос Рольфа сорвался. — Да, это так. Но все это осталось, прошлом. Когда я увидел, каким чудовищем стала Компания, чудовищем, которое я сам помог создать, я... Я бросил все это. Я больше видеть не мог всех этих умных юношей, заполнявших бюро по трудоустройству Компании, чтобы получить то, что она предлагает, и я понял, что в душе все они были волками, стремящимися урвать у других свой кусок добычи. И я устал, очень устал смотреть на молодых девушек, заполнявших те же бюро, использующих все свои уловки, включая и секс, чтобы получить шанс подписать секретарский контракт. Вот тогда я понял: что-то не так происходит со всем человечеством, включая и меня самого. То, что я увидел в Компании, заставило меня понять, что мы не люди, а всего лишь образованные, приглаженные, вежливые животные. Мы выглядели, как люди, у нас были человеческие тела, но в душах у нас таились звери из джунглей. Тогда я бросил все и прилетел сюда, пытаясь найти решение проблемы джунглей в душе каждого человека.

Когда он замолчал, взгляд Дженни изменился. Он потерял свою горечь и смягчился. И Рольфу стало немного легче.

— Вы добились успеха? — спросил Хардести.

— Я положил начало, — ответил Рольф и невольно взглянул на теликнон, но тут же понял, что этот взгляд мог открыть слишком многое, и быстро отвел его. — Марсиане давно решили эту проблему. Ответ где-то здесь, на Сузусилмаре, но марсиане не могут или не хотят открыть его.

— Почему же? — спросил Хардести. — Если у них есть что-то стоящее, мы бы не остались в долгу.

— Мне кажется, их идеи никто не сумеет использовать с умом, пока не заслужит право на это, — ответил Рольф.

— Ну, мне они кажутся не слишком-то развитыми, — вздохнул Хардести, кивнув на Джалнара, который подпирал стену, похожий на согбенное, морщинистое чучело. — А может, он просто не заслужил право использовать

это таинственное нечто, которое, как вы считаете, может спасти Человечество?

— Может, и не заслужил, — кивнул Рольф. — Здесь много тайн, и он — не самая маленькая из них.

— Что же таинственного может быть в слепом нищем? — удивился Хардести.

Рольф пожал плечами, показывая, что у него нет ответа. Хардести кивком велел Беллеру следовать за ним и двинулся к двери. Потом остановился, когда Дженни окликнула его, и вопросительно взглянул на нее.

На ее лица играла улыбка. Глядя на нее, Рольф с гордостью подумал, что его дочь просто красавица.

— Я не знаю всей истории, но мне показалось, вы хотите, чтобы мой отец сотрудничал с вами, — сказала она Хардести.

— Да ведь я... — Хардести взглянул на Рольфа, явно не желая, чтобы его личные мотивы прозвучали слишком отчетливо. — Этот бизнес совершенно не касается вас, моя дорогая.

— Деловые вопросы не могут не касаться вашего секретаря, Джим, — ответила она и, пока подходила к Хардести, ее улыбка становилась все теплее и шире. — Если вы с папой начинаете какое-то дело, то мне кажется, что я должна быть в курсе его.

В этот момент она, должно быть, напоминала Хардести мягкого, пушистого и очень желанного котенка, а одной ее улыбки было достаточно, чтобы заставить зашкалить эмоции любого мужчины.

— Мы подумаем об этом, — ответил Хардести. — Кажется, пока он отказывается, но я уверен, он скоро поймет всю пользу от сотрудничества с нами. — Хардести усмехнулся и поймал ее рукой за подбородок. — Не волнуйтесь об этом. Просто останьтесь здесь и познакомьт по-новому со своим папой. Мы вернемся через пару деньков и тогда продолжим этот разговор.

Она мягко высвободила подбородок из его руки.

— Но есть еще одно, что озадачивает меня, Джим. На Земле вы приехали ко мне и сами предложили мне контракт секретарши.

— Я сделал это. потому что слышал, будто вы ищете что-то новенькое, и подумал, что вы с радостью полетите на Марс и повидаетесь с отцом, — быстро ответил Хардести.

— Я очень рада, — так же быстро сказала Дженни. — Вы даже не знаете, как я рада, что нахожусь сейчас здесь с ним.

— Вот и прекрасно, — просиял Хардести. — Значит, я вам обоим сделал одолжение.

Джон Рольф слушал их, отлично понимая, что у Хардести на уме. И это вызывало у него отвращение. Он слишком хорошо знал, как делает дела Компания, чтобы не понять, что Хардести намеревался использовать Дженни, чтобы заставить его сотрудничать. И он предполагал, что Хардести не хочет, чтобы она узнала об этом. Ей могло бы не понравиться, что ее используют в качестве пешки в политических играх Компании. Улыбка Дженни стала еще нежнее.

— И мне бы хотелось знать, Джим: когда вы предложили мне на Земле контракт секретарши, вы уже тогда намеревались использовать меня, чтобы заставить отца заключить с вами сделку здесь, на Марсе?

Голос Дженни звучал нежным шепотом в тишине комнаты.

— Конечно же нет, моя дорогая, — поспешно ответил Хардести. — Я просто хочу быть полезен вам обоим...

— Мне кажется, что вы лжете, — объявила Дженни.

— Но, моя дорогая...

Она с силой ударила его по губам крепко сжатым кулачком.

Это был такой внезапный и сильный удар, какого пораженный Рольф еще никогда не видел. И он никогда не видел, чтобы так сильно била женщина. Удар заставил Хардести отлететь назад.

Понимая, что сейчас произойдет, Рольф подскочил к Беллеру. Голубоглазый красавчик уже начал распахивать полу куртки. Рольф не думал, что успеет добраться до убийцы прежде, чем тот выхватит оружие, но знал, что должен попытаться.

— Стой, отец! — резко выкрикнула Дженни.

Рольф сумел остановить уже начавшееся движение своего тела. Одновременно Беллер, глядя на Дженни, остановил движение своей руки. Рольф повернулся и взглянул на дочь. В ее руке был маленький пистолет. Через долю секунды после того, как ударила Хардести, она выхватила оружие из кармана своей куртки и теперь целилась в Беллера. Голубоглазый красавчик выглядел ошеломленным.

Дженни стремительно отступила к стене и остановилась рядом с Джалнаром. Тот, казалось, не понимал, что происходит. Дженни встала так, чтобы держать на мушке одновременно и Хардести, и Беллера.

Хардести встал на ноги, на его губах была кровь.

— Ты, маленькая сучка...

Дженни направила на него пистолет.

И в этот момент ожил Беллер.

Рольф попытался выкрикнуть предупреждение и одновременно прыгнуть на него. Он понимал, что и то и другое будет слишком поздно. Но он также знал, что Беллер, не раздумывая, выстрелит в женщину.

Беллер уже выхватил из-за пазухи пистолет, но, пока он поднимал его, что-то пролетело мимо головы Рольфа, и выбило пистолет из руки Беллера.

— Попытаешься его поднять, и я пущу пулю в голову твоего босса! — сказала Дженни.

Беллер застыл на месте.

Рольф повернул голову. В руке Джалнара не было посоха.

Дженни махнула стволом пистолета на дверь.

— Убирайтесь отсюда, вы оба! — велела она.

Лицо Хардести скривилось от гнева, угрожающего перерасти в разгоревшееся пламя убийства. Женщина переиграла его. Женщина его нокаутировала. В этот момент он не хотел ничего больше, чем убить женщину, которая сделала это.

А та направила на него оружие. Хардести знал, что она выстрелит, если он не повинуется, и пошел к двери. Беллер последовал за ним.

Они входили сюда, как волки, но покидали комнату, как побитые собаки с поджатыми хвостами.

Рольф подошел к дочери. Она выронила пистолет, бросилась в его объятия и снова заплакала.

— П-папа, я даже не знаю, откуда у меня взялась смелость ударить его по лживому рту, — выдавила она между всхлипами, уткнувшись носом в его куртку.

— Если бы у меня был сын, то и он не сумел бы нанести лучший удар, — с гордостью в голосе сказал Рольф.

— Ты-ы... ты всегда хотел мальчика. А я не... Я — девочка! — она снова уткнула нос в куртку.

Рольф увидел Джалнара. Почти слепой марсианин на ощупь брел через комнату. Рольф шагнул, чтобы помочь ему.

— Нет, — сказал Джалнар, и Рольф остался на месте.

Джалнар опустился на четвереньки, его рука наткнулась на пистолет, который выронил Беллер, и он отдернул пальцы, словно обжегся, а потом продолжил поиски, пока не нашел свой посох. С помощью его Джалнар поднялся на ноги и пошел к двери.

— Сердечное вам спасибо, — сказал Рольф. — Не уходите, побудьте еще.

Полуслепые глаза обратились к нему. Им не хватало выразительности, и Рольф не мог понять, видит ли его Джалнар... или все же видит, но не отчетливо. Но все-таки это Джалнар бросил посох с убийственной меткостью!

— Не нужно благодарности, — ответил Джалнар на марсианском.

— Я бы хотел познакомить вас с моей дочерью, — сказал ему Рольф.

— Это честь, это большая честь для меня, — и Джалнар поклонился почти до полу.

Дженни затихла и перестала плакать. Она недоверчиво смотрела на этого почти что слепого марсианина.

— Это для меня великая честь, — ответила она.

Джалнар еще раз поклонился и пошел к двери. Они слышали мягкий шелест его посоха, чуть касавшегося пола.

— Не знаю, почему я сказала, что для меня большая честь познакомиться с ним, — прошептала Дженни и встретилась взглядом с отцом. — Но, папа, он же почти слепой.

— Да.

— Тогда как он мог так точно бросить свой посох?

— Мне кажется, иногда он способен видеть иным способом, который не опишешь словами, — ответил Рольф.

— Но... но, если бы он не метнул посох, то Беллер убил бы меня, — продолжала Дженни.

— Знаю, — ответил Рольф.

— Я... я обязана жизнью полуслепому нищему марсианину. Он... Он искал свой посох на ощупь. Но как же тогда он мог так точно его метнуть? — В голосе Дженни слышались страх и скептицизм.

— Есть еще один не менее важный вопрос: а как он вообще оказался здесь именно в тот момент, когда появилась нужда в его помощи, — задумчиво произнес Рольф.

Он покачал головой, стараясь избавиться от мыслей, далеко ушедших от мира причин и следствий. Возможно, ответы крылись в иных измерениях в каких-то потусторонних мирах.

— Папа, я ничего не понимаю, — прошептала Дженни.

— Это Сузусилмар, — ответил Рольф. — Здесь есть то, чего не поймет ни один человек — и понимают лишь очень немногие марсиане. — Он видел, как в ее глазах рос страх, пока он говорил. — Сузусилмар и его семь Уровней являются самой большой тайной Марса. Возможно, и самой большой тайной всей Солнечной системы. Здесь слово «разум» имеет другое значение, нежели на Земле. Много веков здесь, на этой горе, марсиане изучают значение этого, слова и даже теперь они не добрались до его основ. Возможно, у него вообще нет основы, возможно, разум лишь иное название бесконечности, и то, что мы называем своим разумом, лишь маленькие частички бесконечности из всего необъятного пространства-времени, из мозаики в десять в десятой степени миллиардов форм жизни, среди которых мы знаем только людей и марсиан.

— Это так странно... и так интересно, — прошептала Дженни. — По крайней мере, я чувствую, будто только сейчас коснулась самого краешка смысла жизни...

— Продолжай удивляться, моя дорогая, — улыбнулся ей Рольф. — Это самое важное чувство из всех, что у тебя есть. Пока что достаточно и его. Ну, а теперь ты должна рассказать мне о себе, как жила и что делала все эти годы. Я так потрясен осознанием того, что ты здесь. До сих пор не могу прийти в себя.

Оба они забыли о пистолете, все еще валявшемся на полу.

Много позже, когда Рольф слушал ее рассказ о себе, в дверь постучали. Извинившись, он встал и пошел открывать.

За дверью стоял человек в форме космонавта Компании. При виде его Дженни взвизгнула и убежала в заднюю комнату. Джон Рольф с недоумением поглядел на гостя.

Высокий и долговязый, с руками и ногами, которые, казалось, были присоединены к туловищу под странными углами,

он напоминал какого-то космического журавля. Взглянув вслед убежавшей Дженни, он крикнул вдогонку:

— Эй, Дженни! Погодите! Не убегайте от меня, Дженни!

Дверь задней комнаты захлопнулась.

Долговязый разочарованно взглянул на Рольфа и тут же узнал его.

— Вы — Джон Рольф? Отец Дженни? — он быстро сыпал вопросами, не дожидаясь ответов. — Рад познакомиться с вами, сэр. Я — Билл Хокер. На Земле Дженни много рассказывала мне о вас... То есть рассказывала, когда вообще снисходила до разговоров со мной.

Рольф пожал протянутую руку Хокера. Рукопожатие вышло теплым и дружелюбным.

Если Хардести и Беллер были волками, то этот человек напоминал скорее щенка, любопытного, но очень дружелюбного и готового вилять хвостом всем подряд.

Рольфу он тут же понравился, хотя Хокер и был в форме Компании.

— Вам не нравится форма? — спросил Хокер. — Я полетел на Марс в качестве помощника корабельного повара. Дженни даже не знала, что я на борту.

— Могу я спросить, почему? — понтересовался Рольф.

— Потому что... н-ну... простите... Потому что Дженни прилетела сюда по секретарскому контракту. Чтобы быть рядом, я должен был оказаться на том же корабле.

— Выходит, вы прилетели сюда из-за Дженни?

— Естественно, сэр. Ваша дочь — прекрасная девушка.

Улыбка Хокера была какой-то детской. Он был немного смущен, но слишком честен, чтобы отказаться от собственных чувств. Хокер стал переминаться с ноги на ногу, опустив глаза в пол, и тут увидел лежащие там пистолеты. Усмешка исчезла с его лица. Он нагнулся и поднял маленький пистолет.

— Это пистолет Дженни, — сказал он. — По пути сюда я встретил Джима Хардести. Я вовремя спрятался, и он не заметил меня. У Хардести текла кровь из губы... — он вопросительно взглянул на Рольфа.

— Были небольшие проблемы, — пояснил Рольф.

— Ничуть не удивлен, — ответил Хокер. — Надеюсь, с Дженни все в порядке?

— Конечно, со мной все в порядке, — объявила Дженни, выходя из задней комнаты. — Спасибо, что подняли мой пистолет. Возможно, он понадобится мне снова, раз вы рядом... — улыбнулась она Хокеру, так и не закончив фразу.

Хокер сделал обиженное лицо и вернул ей оружие.

— Дженни, вы знаете, что я не дам и волоску упасть с вашей головы.

— Да знаю, глупый, — вновь улыбнулась она. — Я просто дразню тебя.

Она повернулась к отцу и еще раз представила Билла Хокера.

Но Рольф едва ли слышал, что она говорит. Он был поражен изменением в ее внешности. Слезы исчезли с ее лица, волосы были приведены в порядок.

И тут Рольф осознал, что Хокер обращается к нему.

— Я люблю вашу дочь и хочу просить вашего разрешения жениться на ней.

— Моего разрешения? — удивленно переспросил Рольф. — Но почему вы не спросите ее саму?

— Я спрашивал ее не меньше дюжины раз, — усмехнулся Хокер. — И всякий раз она сбрасывала меня с неба на землю. Вот я и подумал, что если она будет знать, что вы дали свое разрешение, то могла бы сдаться, когда я в очередной раз попрошу ее стать моей женой.

Рольф вздохнул. Отношения мужчин и женщин — как и женщин с мужчинами — были одними из многих приятных вещей на Земле, о которых он давно и думать забыл.

Одна половинка Джона Рольфа очень хотела, чтобы Дженни осталась здесь с ним и с Биллом Хокером.

Другая же его половинка — та, которая стремилась осуществить свою мечту с теликноном, — беспокоилась, что их присутствие затормозит его работу над этим прибором.

И эта половинка еще больше волновалась по поводу Джима Хардести. Этот парень был из породы волков, которых Джон Рольф слишком хорошо знал в прежние времена, чтобы питать иллюзии о чистоте его помыслов или законности его методов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Вы действительно хотите дать всем людям средство, с помощью которого они смогут читать мысли друг друга? — возможно, в десятый раз спросил Таллен.

Даже по марсианским меркам Таллен был стар. Его лицо прочертили морщины, а походка казалась медлительной. И лишь постоянный яркий блеск глаз говорил, что дух его вечно юн. Житель Пятого Уровня, он взял Рольфа под крыло сразу же, как тот прибыл на Сузусилмар. Сейчас они сидели в лаборатории Рольфа перед теликноном, установленном на рабочем столе.

— Такой прибор должен быть у всех людей, — в десятый раз терпеливо объяснил Рольф. — Если он окажется лишь у одного человека, тот использует его, чтобы создать свою империю.

— Кажется, у вас плохое мнение о собственной расе, — заметил Таллен.

— Конечно, существуют исключения, — ответил Рольф. — Многие великие ученые, многие истинные психологи использовали бы этот прибор, чтобы помогать другим. Но они не смогли бы долго держать его в секрете. Рано или поздно он попал бы в руки иных людей. Здесь, на Марсе, у вас похожая ситуация, — продолжал Рольф. — Вы же не даете оружие — даже лук со стрелами, — марсианам Первого Уровня.

— Это вовсе не я не даю им оружие, — поспешно заметил Таллен. — Это делает Закон.

— А кто придумал этот Закон?

— Ну... Ну... Наши традиции.

Рольф усмехнулся. Они были старыми друзьями и могли непринужденно общаться друг с другом.

— Всякий раз, когда я спрашиваю вас о Законе, вы начинаете увиливать. Здесь кроется что-то большее, чем кажется на первый взгляд.

— На это я и пытаюсь вам указать так деликатно, как только могу, — ответил Таллен. — И в теликноне есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд.

— Надеюсь, что так, — ответил Рольф.

— А вы готовы встретиться с этим «большим»? — спросил Таллен. — Действительно ли вы так сильны?

Рольф пожал плечами.

— Пересечем мост, когда доберемся до него. У нас на Земле есть проблема, которую мы называем теорией ответственности. Она гласит, что мы становимся сильнее, лишь когда встречаемся с проблемами и успешно решаем их.

Таллен вздохнул. Он собирался сказать что-то еще, но шум во внешней комнате объявил о прибытии Дженни и Билла из школы. Таллен распрощался и ушел, когда они ворвались в лабораторию.

— Ну и как снова почувствовать себя школьниками? — спросил у них Рольф.

— Это все еще кажется мне странным, — ответила Дженни. — Мы ходим в эквивалент их детского сада. Нам показывают картинки и произносят марсианские слова, обозначающие их. Я никогда не слышала языка, подобного марсианскому. Даже французский прост по сравнению с ним. А их арифметика! Самая простая арифметика! Они не пользуются десятеричной системой счета. В основе их системы лежит двенадцать!

— Когда-то на Земле тоже были такие системы, — сказал Рольф.

— Я считаю, что посещение школы — это часть цены, которую мы должны заплатить, чтобы стать гражданами Марса, — вставил Хокер. — Лично я лучше бы работал необходимые двадцать часов в неделю, чем ходил в школу.

— Ты должен пройти школу прежде, чем сможешь работать, — ответил Рольф. — Вы оба захотели получить гражданство.

— Мы должны получить гражданство, — заметила Дженни. — Если мы вернемся на Землю, то Хардести заставить меня выполнять секретарский контракт. А если они поймают Билла, хоть здесь, хоть на Земле, то посадят его в тюрьму за дезертирство с корабля. — Она улыбнулась отцу. — Во всяком случае, я хочу остаться здесь с тобой, папа.

— Спасибо.

— Уже доставили мебель для моей новой комнаты? — спросила Дженни и, услышав, что доставили, потащила Билла смотреть ее новые апартаменты.

Как только они решили стать гражданами Марса, марсиане отправили команду рабочих, чтобы пристроить дополнительную комнату к дому, который занимал Рольф. Дженни тут же указала им, что одной комнаты недостаточно. Когда Рольф попытался объяснить это марсианам, они не сразу поняли, зачем нужны две спальни — одна для женщины и одна для мужчины, но, послушав Рольфа, просто пожали плечами и пристроили еще одну комнату для Дженни.

К тому времени, когда молодые люди закончили осматривать новую комнату, оба проголодались. Они пошли вместе с Рольфом в общественную столовую, где вместе питались все марсиане Четвертого Уровня. Поначалу еда казалась им странной, но вскоре их желудки научились принимать ее как должное. Как-то само собой сложилось так, что каждый вечер после ужина они прогуливались по каменной стене, откуда открывался прекрасный обзор на лежащие ниже Уровни. Дженни и Биллу нравилось это великолепное зрелище, но Рольф понимал, что по-настоящему они ходят сюда, чтобы в один прекрасный вечер увидеть, что корабль с Земли наконец-то улетел.

Но это была надежда, которая не осуществлялась. Корабль оставался на своем месте невдалеке от поселения в пустыне. И сегодня вечером солнце особенно сильно блестело на его стабилизаторах.

— Они привезли с собой разобранный вертолет, — заметил Билл Хокер. — Это машина со специальными лопастями, сконструированная, чтобы летать в разреженной атмосфере. По слухам, это была идея Хардести. Он думал, что вертолет ему здесь пригодится.

— Я так и думал, — ответил Рольф. — А сколько людей у него на корабле?

— По меньшей мере несколько сотен, не считая секретарш.

Двести человек! Рольф прошелся взглядом по могучей горе под названием Сузусилмар от широких Уровней, лежащих внизу, до тонкого острия, венчавшего металлический шпиль, протянувшийся в бесконечный космос. Он не знал, сколько здесь обитателей, но, конечно, на самой горе и вокруг нее жило не меньше ста тысяч марсиан. И двести человек мало что могут сделать с ними. Но все же Рольф

чувствовал бы себя в большей безопасности, если бы знал планы Хардести.

— Мне нужно больше работать, — пробормотал он.

— Над чем, папа? — спросила Дженни.

— Ни над чем, моя дорогая. Просто мысли вслух.

Взгляд ее стал задумчивым.

— Мне кажется, ты хотел сказать, что должен бы побыстрее закончить свой теликнон, чтобы с его помощью узнать, что планирует Хардести. Тебе он по-прежнему не дает покоя.

— Дорогая моя... — начал было Рольф.

Позади них послышалось тихое постукивание посоха по камням. Они повернулись и увидели Джалнара, осторожно идущего по парапету. Он поклонился им, и они поклонились ему в ответ. Он остановился и, опираясь на посох, пристально уставился куда-то вниз полуслепыми глазами.

— Я помню это место, — тихо сказал он на марсианском языке. — Раньше здесь было очень красиво. А теперь оно красиво по-прежнему?

— Конечно, — тоже по-марсиански ответил Рольф.

Мягкий ветерок, поднимаясь от лежащей внизу жаркой пустыни, обдувал им лица. Джалнар повернулся навстречу к этому ветерку.

— Но от ветра неприятности, — сказал он и, повернувшись, медленно пошел дальше.

С парапета они наблюдали, как солнце медленно опускается за горизонт Марса. Было трудно поверить, что это то же самое солнце, лучи которого несут на Земле тепло и жизнь. На Красной планете оно было маленьким и почти незаметным, но после его заката разреженный воздух моментально становился холодным. Закат был быстрым и знаменовался лишь желтоватым туманом, навеянным песчаной бурей, разыгравшейся где-то далеко в пустыне.

Рольф снова взглянул на корабль. На нем уже зажглись огни. И озноб, похуже, чем холод марсианской ночи, прошел у него по спине.

Когда они вернулись домой, Рольф тут же вернулся к работе над теликноном. Объектом для испытаний служил Билл Хокер. Рольф обнаружил, что необходима тонкая настройка, чтобы создать связь между двумя разумами. Это

показывало, что разум каждого человека работал на своей длине волны и что лишь случайно люди могли настраиваться друг на друга. Рольф и прежде подозревал, что это так, но не мог доказать. И тишина казалась способом прочистить дебри его разума, чтобы его сознание стало более восприимчивым. Когда же связь с сознанием Хокера установилась, Рольф обнаружил, что разум молодого человека полон вопросов, остававшихся без ответов, и что он взбудоражен чем-то, промелькнувшим в его голове с быстротой молнии. Рольф знал, что всего лишь прикасается к самому краешку разума Хокера, к поверхностным мыслям, мимолетным идеям. А существовали глубины, куда он и не пытался проникнуть. У него оставалось впечатление глубочайшей пропасти, в которую он мог упасть и потерять собственную личность. И Рольф постарался тщательно оградить ее.

Дженни же была совершенно иной. Сначала Рольф не мог понять, в чем это различие, но затем осознал, что ее разум, вероятно, находится в иной фазе, потому что она женщина и в ней сильны сексуальные составляющие. И одновременно разум ее был спокойнее, чем разум Хокера. Рольф уловил теплую нежность ее чувств по отношению к нему. Но к этой теплоте был примешан гнев от того, что ее разлучили в детстве с отцом. А отец был ей тогда очень нужен. Рольф при этом снова почувствовал легкий укол вины. И снова у него появилось ощущение пропасти, в которую он мог погрузиться и потерять себя.

Разум, даже разум отдельного человека, имел невероятные глубины.

После экспериментов Хокер и Дженни казались спокойными и непринужденными, словно ничего не происходило. Но у Хокера появилась масса вопросов. В частности, он хотел знать, почему никаких линий электропередачи не тянется вниз с Четвертого Уровня. Электричество производилось на Четвертом Уровне легко и дешево.

Но почему провода не спускались на более низкие Уровни? Почему вниз не поставлялись небольшие и недорогие электростанции? На нижних Уровнях электричество весьма бы пригодилось.

— Это против Закона, — попытался объяснить ему Рольф.

Но это было плохое объяснение. Он даже и не пытался убедить в этом своих слушателей. Он знал, что они отправятся за разъяснениями к Таллену, и старый марсианин будет увиливать от ответа.

— На Пятом Уровне есть много вещей, которых нет здесь, на Четвертом, — сказал Рольф Дженни и Биллу. — Никто не приносит их сюда, потому что у нас их никогда не было. И если бы они у нас появились, мы не смогли бы использовать их с умом.

Рольф подумал о странном абаке, который Унардо использовал в качестве инструмента для лечения и который создавал нечто, казавшееся ему музыкальными звуками.

Каковы же глубины и высоты разума? Засыпая, Рольф ломал над этим голову. А потом он внезапно проснулся. Сначала ему показалось, что он все еще спит. Но что-то в его сне было не так. Через открытое окно падал свет ближайшей луны. Но, кроме нее, было в небе что-то еще, какой-то звук, похожий на шум вертолетных лопастей, неуместный в марсианской ночи.

Дом был погружен во тьму. Стояла тишина. Мертвая тишина. Вероятно, Билл и Дженни уже спали. Не включая света, Рольф прошел в гостиную и там запнулся обо что-то, лежащее на полу, упал и ударился головой о стену так сильно, что перед глазами завертелись звезды. Ошеломленный, он лежал на полу.

Сознание медленно возвращалось, и Рольф услышал, как что-то сопит в темноте. От этого звука у него пробежали по телу мурашки, особенно когда он понял, что источник непонятных звуков приближается к нему.

Потом что-то коснулось его, и Рольф вскочил на ноги. Он вглядывался в темноту, думая о том, чем бы вооружиться, когда услышал бормотание:

— Мистер Р... Рольф?

— Билл! Это ты?

Рольф почувствовал облегчение, поскольку понял, что полз к нему просто Билл Хокер. Но это облегчение длилось недолго. Пока Рольф нашаривал выключатель, он уже думал, а что это Билл делает на полу?

Когда вспыхнул свет, Хокер сидел у стены и безуспешно пытался встать.

— Где Дженни? — резко спросил Рольф.

— Там, — Хокер кивнул на кушетку, и глаза его расширились, когда он увидел, что кушетка пуста. — Она была там. Мы сидели в темноте... — Краска залила его лицо, когда он осознал, что говорит это отцу Дженни. — Понимаете, как это бывает...

— Понимаю, я сам был когда-то молод, — раздраженно сказал Рольф. — Где она?

Лицо Хокера стало растерянным.

— Как я оказался на полу?.. — пробормотал он, наконец-то поднялся на ноги и покачал головой. — В носу все горит, как будто я надышался газа... — Глаза его расширились, и он уставился на Джона Рольфа. — Похоже, что кто-то выстрелил в меня из газового пистолета. Дженни! Где Дженни?

— Не знаю, но могу предполагать, — ответил Рольф.

Вместе с Хокером он быстро вышел на улицу и пошел к краю парапета. Там по-прежнему горели огни корабля, а рядом мигающие огоньки показывали место посадки вертолета.

— Он послал Беллера с парнями на вертолете, они усыпили нас газом и похитили Дженни! — Голос Хокера звучал, точно рычание взрослого пса. — Я убью Хардести, даже если это будет последнее, что я сделаю в жизни!

— Тебе придется встать в очередь, — сказал Джон Рольф.

— Пойдем к нему! — рявкнул Хокер. — И вернем Дженни!

— Конечно, — сказал Рольф. — Но сначала нам нужно узнать планы Хардести.

Он быстро прошел в помещение, служащее ему лабораторией. Гнев кипел и бурлил в нем. Когда Рольф устроился на табурете и включил теликнон, он знал, что Хокер, сопровождавший его, также разъярен.

— Вы знаете частоту Хардести? — прошептал Хокер.

— Я записал ее еще в тот день, когда он посетил меня, — ответил Рольф. — Совершенно случайно. — И тут же он подумал о мерах предосторожности. — Если со мной что-нибудь случится, отнеси меня на Пятый Уровень к Унардо или Таллену.

— А что может случиться? — спросил Хокер.

Рольф взмахом руки велел молодому человеку замолчать. Тишина. Очень осторожно он настроил теликнон.

Мертвая тишина. И тут вспышки неистовых эмоций пронеслись у него в голове. Возникло и исчезло лицо. Лицо Хардести. Джима Хардести переполняло торжество. Он разговаривал с Дженни. И тут все исчезло, словно сбилась настройка. Рольф старательно заново настроил теликнон. И снова у него возникло ощущение пропасти. Он тщательно обнес ее оградой, тонкими лучиками мысли, разыскивая связь с разумом Хардести. И опять почувствовал вспышки эмоций.

Дальнейшее напоминало гром с ясного неба. Раскрылась пропасть. И поглотила его.

Внутри Джим Хардести представлял собой водоворот энергии, в котором сплелись страх и ненависть, жадность и голод, торжество и теперь, когда у него была Дженни, чувство власти.

И в этот водоворот засосало эго Джона Рольфа, ту его часть, которая и являлась личностью. И Джон Рольф забыл, кто он такой. Он ощущал себя Джимом Хардести. Фактически, за исключением маленькой частички сознания, которая знала, что это не так, он и был Джимом Хардести!

Это и было пропастью, вокруг которой он пытался выстроить ограждение. Потеря собственного Я. И он попал в эту ловушку. Прекратил быть самим собой. Стал кем-то другим.

Он был Джимом Хардести, и Хардести разговаривал на корабле с Дженни.

— Вы связались с ним? — спросил Билл Хокер.

Рольф, сидя на табурете перед столом, не ответил. Первым делом Хокер подумал, что ученый поглощен связью, которую создал теликнон, поэтому он мгновение подождал и повторил свой вопрос.

Рольф по-прежнему не отвечал.

— Вы слышите меня? — спросил Хокер.

Здесь происходило что-то, чего он не понимал, и это не нравилось ему. Он подошел к Рольфу и заглянул ему в глаза.

Глаза не мигали, они слепо глядели сквозь стену в никуда.

В голове у Хокера зазвучал сигнал тревоги.

— Мистер Рольф, — закричал он уже во весь голос, — очнитесь!

Глаза Рольфа продолжали тупо глядеть в стену.

Хокер поспешно выключил теликнон.

Рольф неподвижно сидел на табурете. Глаза его не мигали, уши не слышали, разум не отвечал. Тело оставалось здесь, но оно было лишь машиной из мышц, костей и крови. А владелец этого тела, «эго» Рольфа, его личность, был где-то в другом месте.

Хокер схватил запястье Рольфа. Пульс был очень слабый, сердце едва билось. Подняв Рольфа, он перенес его в гостиную, положил на кушетку и попытался привести в чувства.

Ничего этого Джон Рольф не заметил. Он не ощущал, что происходит с его телом. Он был Джимом Хардести. У него было тело Хардести, разум Хардести, чувства Хардести. Рольф хотел делать то, что хотел Хардести. Совершенно беспомощный, он был пленником потока энергии, циркулирующей в Хардести.

Сам же Хардести не знал, что происходит нечто необычное.

— Я хочу, чтобы ты ответила лишь на один вопрос, — заявил Хардести молодой женщине, сидевшей напротив него. — Что твой старик изобретал там, на Четвертом Уровне?

Вопрос застал Дженни врасплох. Как только она увидела Хардести и поняла, что ее вернули на корабль, она ожидала, что с нею произойдет все что угодно, вплоть до сексуального насилия, все, кроме этого вопроса. И это так удивило ее, что она ответила, не раздумывая.

— Способ чтения мыслей, электронное устройство, с помощью которого можно прочитать мысли другого человека, — сказала она.

Это поразило Хардести. Он привык относиться к своему разуму, как к частной собственности, секретному убежищу, где он мог обдумывать любые мысли и идеи, и никто не смог бы узнать о них. Но если Рольф может читать мысли, то секретов больше не существует. Эта мысль потрясла молодого руководителя. Он не хотел, чтобы Рольф понял, что сотворил! Если старик Х. Б. получит в свои руки аппарат Рольфа и с его помощью сможет читать мысли младших администраторов, то полетит много голов в «Компании по Улучшению Межпланетных Отношений». Возможно, Рольф планирует продать свой аппарат старику Х. Б. Возможно, ради этого старый волчара проторчал столько лет на Марсе!

Хардести был потрясен. Он зарычал на Дженни, словно она могла отвечать за действия своего отца. А затем он понял, что может произойти, если этот аппарат попадет к нему в руки!

Через год он сам уже может стать президентом Компании!

Как только он получит информацию на старика Х. Б, то не будет никаких препятствий к его стремительному продвижению по служебной лестнице!

Теликнон Рольфа дал бы ему все сведения, в каких он нуждался.

— Ну, старый волчара! Теперь мне понятно, почему ты бросил все на Земле и прилетел на Марс! Ты не хотел упустить свой главный шанс!

— Не думаю, что он вообще имел в виду что-то подобное, — возразила Дженни. — Я думаю, он просто хотел сделать добро, помочь людям.

— Сделать добро! — рассмеялся Хардести. — Это старый-то Джон Рольф хочет делать добро! Я мог бы порассказать тебе, какое он делал добро: о людях, которых он сломал, о лжи, которой постоянно пользовался, о меньших компаниях, которые поглотил, и юридических уловках, какие при этом использовал. Один его секретарский контракт чего стоит!

— Это было давно, — ответила Дженни, борясь с растущим в ней гневом. — Он пытается возместить причиненный ущерб, пытается загладить свою вину перед людьми.

— Он пытается отхватить самый большой кусок, — сказал Хардести. — А ты защищаешь его.

— Он мой отец, — бросила она Хардести. — И я люблю его.

Хардести поспешно отступил от нее.

— Если ты еще раз ударишь меня, я тебя убью!

Он вовремя выбросил вверх руку, чтобы блокировать ее удар. Дженни ударила снова. Хардести схватил ее обе руки. Задыхаясь от гнева, она попыталась освободиться.

— Когда у меня будет свободное время, я выдрессирую тебя, — пообещал он.

Дженни поняла, какую совершила ошибку, рассказав о существовании теликнона. Теперь Хардести захочет его заполучить и не остановится ни перед чем. Как она сможет его остановить?

— Почему бы не начать дрессировку прямо сейчас? — поинтересовалась она.

— У меня нет времени.

— И что же такое важное мешает тебе? — спросила она и повисла в его руках.

— Теликнон, — ответил Хардести. — Если марсиане помешают мне заполучить его...

— И что ты сделаешь им? Разве ты не знаешь, что это их святая гора? Они станут защищать ее даже ценой своей жизни.

— Чем защищать? — презрительно бросил Хардести. — Ножами на Первом Уровне, копьями на Втором, луками и стрелами на Третьем и кремневыми пистолетами на Четвертом? А выше нет ничего!

— Но это их святое место! Ты же должен испытывать хоть какое-то почтение перед святынями чуждой расы.

— Когда я закончу с ними, гора будет даже более святой с кучей пробоин, — ответил Хардести.

— Джим, ты слишком порывист, — Дженни еще сильнее повисла у него на руках. — Ты сможешь заняться этим завтра. А сегодня... — Она многозначительно не закончила фразу.

На секунду он чуть было не поддался зову пола, на который надеялась Дженни. Но ее приманка все же потерпела неудачу.

— Еще много времени и много ночей впереди, — объявил Хардести и швырнул девушку на кушетку.

Лязгнул стальной корабельный люк, закрываясь за ним.

Дженни поняла, что проиграла. И тут «эго» Джима Рольфа сменило местоположение. Притянутое тонкой ниточкой сочувствия, оно перестало быть Джимом Хардести. На какую-то микросекунду он вспомнил, кем был, и эта ниточка помогла ему. Но он не вернулся в свое тело... Он стал своей дочерью.

Ярость кипела в ней. Не было ни грана мягкости, которая делала женщину нежной. Она стала кошкой, полной безумного желания царапать, рвать и кусать. Если бы у нее была сейчас такая возможность и оружие, она застрелила бы Джима Хардести, как бешеную собаку, бегающую на свободе по улицам.

И Джон Рольф стал частью этой ярости. Он был пойман и втянут в ее водоворот, попался в ловушку и стал ее пленником.

Он не знал, сколько времени оставался в таком положении. Время потеряло для него значение. Возможно, прошли часы, прежде чем Дженни стала немного успокаиваться.

Внезапно Рольф осознал, что снова стал самим собой. Он больше не был собственной дочерью.

Вместо этого он стал долговязым мужчиной, который, потея, нес что-то по громадным пролетам лестницы.

Этот высокий здоровяк разговаривал сам с собой, и Рольф узнал его имя. Билл Хокер. Глазами Хокера Рольф увидел, что тот нес по лестнице. Безвольное и явно безжизненное тело. Джон Рольф даже не узнал самого себя.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Билл Хокер легко нашел Унардо. Была еще ночь, но по-прежнему светила ближайшая луна. Первый же марсианин, с которым Хокер встретился на Пятом Уровне, сразу же понял, что Хокеру нужно. Он не только показал дорогу, но и настоял на том, чтобы помочь ему нести тяжелую ношу.

Разбуженный Унардо сразу же открыл дверь. Хокер был поражен его видом. Как и большинство марсиан, Унардо не носил пижамы, когда спал. Без всяких вопросов марсианский врач провел их в процедурный кабинет. Биллу Хокеру он велел встать у стены и не мешать, чтобы ни произошло, а сам Унардо, оставаясь голым, сел за абак.

И в этот момент личность Джона Рольфа снова сменила местоположение. Он перестал быть Хокером и стал Унардо. И тут же немедленно увидел значительные различия между разумом Хокера и марсианина. Разум Хокера работал тяжело, как тяготение самой Земли. Мысли Унардо были легкими и такими воздушными и чувствительными, что Рольф и помыслить не мог о существовании подобного. Но, несмотря на свою чувствительность, разум марсианского врача не был настолько острым, чтобы обнаружить незваного гостя. Унардо не ощущал, что «эго» человека, личность того, кому он пытался помочь, проникла в его разум, видела его глазами, слышала его ушами, чувствовала его эмоциями.

В разуме Унардо Джон Рольф внезапно почувствовал себя очень комфортно. Словно между ними тут возникли благоприятные для него близость и непринужденность. И не было стремительного водоворота эмоций, как у людей, а была мягкость, доброта, сострадание, которые Рольф посчитал самым приятным. Однако Рольф тут же узнал, что когда-то и в Унардо бушевал водоворот страстей. Но в течение долгих периодов, во время которых Марс крутился вокруг Солнца, марсианский врач произвел внутреннюю чистку, беспощадно удаляя ненависть и жадность. А когда те исчезли, страх тоже прошел. В душе Унардо воцарились нерушимые мир и спокойствие. Но эта нерушимость, как оказалось, могла быть нарушена.

Ее нарушало тело, лежащее на столе. Унардо сразу же понял, что произошло. Он понял, что «эго» — личность его человеческого друга — покинуло свое тело. Многое стало ясно. Но Унардо не знал, можно ли вернуть эту личность обратно, и это нарушало его спокойствие. После освобождения личность могла быть не готова вернуться в темницу тяжелой плоти. Или неспособна сделать это. Если личность не вернется, то тело Джона Рольфа умрет через несколько часов. Без хозяина, без чувства собственной идентификации, человеческое тело представляло собой стремительно разряжающийся аккумулятор.

Обнаружив все это в голове Унардо, Джон Рольф ничуть не обеспокоился. Его не встревожило даже тело, когда-то принадлежавшее ему, а сейчас безвольно лежавшее на медицинском столе. И даже когда разум Унардо предоставил ему информацию, его единственной реакцией было равнодушие. Ну и что? Личность осознала свое бессмертие. И какая тогда разница, что будет с телом?

Унардо тронул абак. Теперь, через разум марсианского врача, Рольф мельком осознал сложную природу этого устройства. Землянин был поражен, изумлен и до какой-то степени очарован. Это было не волшебство, а наука о звуках и гармонии. Энергия текла в надлежащих величинах под контролем Унардо. И глазами Унардо он видел то, что не мог увидеть человеческими глазами, он увидел, как звуки из абака и мерцающие огоньки струятся по телу, лежащему на столе в переливах живой радуги.

Когда и звуки, и разноцветные волны стали втекать в тело, у него появились необычные ощущения. Казалось, все происходило не с его физической плотью и костями, а с его двойником, находящимся на ином, более прекрасном уровне, созданном из какой-то иной, тонкой материи, какую не видели прежние глаза Рольфа. Энергетический уровень этого двойника был очень низок. И Унардо пытался влить энергию в это прекрасное тело.

Это был медленный процесс. Его успех зависел от умения Унардо согласовать свои действия с определенными ритмами тела из высшей материи. Но в разных его частях звучали разные ритмы, поэтому весь процесс был сложным. Он был также и опасным. Неправильный подбор частоты, ошибка в тактах могла бы причинить вред не только телу из тонкой материи, но и телу из плоти и крови, лежащему на столе.

Рольф чувствовал, как в Унардо растет напряжение. Это было не напряжение эмоционального конфликта, а напряжение, возникающее из-за усиления энергетического потока. Марсианский врач производил энергию в своем теле и направлял ее в тело, лежащее на столе, с помощью абака и собственного разума! Если это было возможно, то каковы пределы такой терапии? На этот вопрос не было ответа. Возможно, никаких пределов не существовало. Может быть, единственным ограничением было качество мысленного управления.

Внезапно Рольф понял, что лишь часть разума Унардо сконцентрировалась на работе с абаком и управлении энергией. Другая же часть искала его «эго».

Цель Унардо стала вполне ясна. Он хотел вложить личность Джона Рольфа в лежащее на столе тело. И только когда это будет сделано, марсианский врач сможет начать работать по-настоящему. Это было сложной задачей. Сначала нужно было отыскать эту личность. Одно это могло занять времени больше, чем длина человеческой жизни. А после того как личность будет найдена, ее нужно заставить повторно войти в собственное тело.

Эта мысль ужаснула Джона Рольфа, и он стал бороться.

Словно ощутив сопротивление, Унардо вздохнул и стал все медленнее и медленнее работать с абаком. У марсианина возникло чувство поражения. Он прошел, сколько

мог на данный момент. Если он пойдет дальше, то может нарушить тончайшие нюансы личности и повредить телу. Позже придется попробовать снова. Когда абак смолк, в теле на столе стало больше энергии, чем было прежде. Но ненамного больше. Недостаточно. Тело без личности просто не может принять нужное количество энергии, чтобы начать работать в полную силу. Вздохнув, Унардо резко отстранился от абака.

Замерший у двери Билл Хокер осмелился вздохнуть.

— Он будет... он в порядке? — спросил Хокер на ломаном марсианском.

Унардо протянул руки жестом беспомощности.

— Я сделал все, что мог... Но будущего я не знаю. Ситуация в хрупком равновесии... Малейший порыв ветерка в неправильный момент — и все рухнет.

Лицо Хокера вытянулось.

— Могу ли я чем-нибудь помочь... — начал он.

— Вы ничем не можете помочь, — ответил Унардо.

— Я... Мне нужно еще кое-что сделать... — пробормотал Хокер.

— Так идите и занимайтесь своими делами, — ответил Унардо.

— Когда он очнется, скажите, что я вернусь, — попросил Хокер.

Когда Хокер выходил из процедурного кабинета, на лице его была написана мрачная решимость.

Унардо занялся своим разумом, и скоро в нем снова воцарилось спокойствие. Тогда он начал последовательно искать личность Джона Рольфа.

Однако, понимая, что это означает его возвращение в тело из неуклюжей плоти, Рольф сбежал. На это потребовалось лишь желание, и больше ничего. Его собственное желание, его воля были исполнительными инструментами для личности, находящейся вне тела.

Джон Рольф взмыл вверх. Когда он решил замедлить полет, то находился уже высоко над Сузусилмаром, почти у самой границы бесконечного космоса. Красная планета выглядела закутанным в темноту шаром. Однако Рольф был еще не настолько высоко, чтобы увидеть солнце, но звезды он

видел. На обширных небесных лугах звезды подмигивали, как маяки, указывающие путь в бесконечность. И они тихо шептали в голове Джона Рольфа: «Иди к нам, иди к нам...»

Личность Рольфа знала, что звезды не были вне ее досягаемости. Если бы она захотела, то могла бы покинуть этот маленький темный шарик под названием Марс, покинуть точки-мухи, называемые планетами Солнечной системы, улететь в далекий космос и забыть там, что когда-то была человеком. Тоска по свободе, по полету к звездами росла в душе Джона Рольфа.

И эта тоска, это стремление могли унести его в бесконечность. Если бы умерло тело на медицинском столе, то какое это имело бы значение для того, кто шел звездными путями?

Рольф полетел было дальше, но тут же остановился и повис в нерешительности. Что-то звало его обратно. Он сосредоточился, чтобы обнаружить источник этого зова. И увидел, что он находится в его безжизненно теле. Необъяснимо, но тело хотело полететь вместе с ним. Оно тоже хотело бродить по звездным тропам. Даже те остатки жизни, что еще теплились в нем, мечтали о звездах!

Рольф внезапно ощутил сочувствие к этому телу, и желания его изменились. Он захотел вернуться в тело, которое столько лет было его домом. И не только вернуться...

Но когда он полетел вниз, его внезапно подхватил яростный водоворот эмоций. Они мешали, и Рольф понял, что возвращение в собственное тело будет не таким легким, как он ожидал. Он плыл в этом водовороте, боролся с потоками, с которыми было невозможно бороться. На него навалилась вся тяжесть планеты. И прежде, чем он понял, что происходит, он опять стал Джимом Хардести. Это дикие эмоции Хардести заманили его в ловушку, притянули его к себе!

Рольф обнаружил, что свобода его личности, его «эго» весьма зыбка и относительна. Порыв ветерка, взрыв эмоций могут навсегда отнять эту свободу!

Личность могла свободно летать среди звезд. Но ее могло затянуть в водоворот чужих эмоций. И единственное место, где она была бы в безопасности, было ее собственным телом.

Но как добраться до этого тела?

Хардести, кипя от гнева, разговаривал возле космического корабля с группой людей.

— Послушайте, приятели, все уже подготовлено. Цапли наземного уровня организованы и вооружены. Они нападут на гору. Если их разгромят, это не наша печаль. Вы нужны мне в качестве резерва, чтобы сделать две вещи. Во-первых, руководите их нападением. Если они попытаются отступить, преградите им путь огнем. Вбейте в их тупые головы, что у них есть единственный путь — только вперед.

Люди вокруг Хардести согласно закивали. У всех были лица патентованных бандитов; они составляли большую часть экипажа, которую Хардести привез с Земли специально для этой цели. Рольф знал людей такого типа. В свое время он сам нанимал их для подобной работы. И он прекрасно представлял, что они натворят на Сузусилмаре.

Командовал этими людьми Беллер. Глазами Хардести Рольф увидел невысокого, стройного убийцу с ледяными голубыми глазами.

Внезапно личность Рольфа снова переместилась. На какую-то долю секунды он решил, что освободился, но его подхватил другой водоворот эмоций, поймал и удержал. Он стал Беллером.

От тела маленького бандита тянуло кислым душком, вызывающим тошноту. Рольф не сразу понял, что это запах наркотиков. Он понял, что Беллер и, вероятно, все остальные, накачаны наркотиками. Хардести знал, как использовать наркотики, чтобы превратить людей в своих рабов.

Беллер стремился вверх на гору, стремился убивать и грабить. Как и все остальные. Они были образчиками людей, которые выковывались на Земле бесчисленными столетиями разрухи, голода и отчаяния, они всего лишь шли путем Человечества. Но может ли проблема с этими завоевателями решена здесь, на Древнем Марсе? Насколько Рольф знал, решить эту проблему можно было только на высших Уровнях Сузусилмара, возможно, даже лишь на Седьмом Уровне.

— А во-вторых, я хочу, чтобы вы стали резервным отрядом, который вступит в бой, если все-таки эти цапли будут остановлены! — закричал Хардести. — Всем все ясно?

По толпе пробежала волна кивков. Эти люди были прекрасно вооружены автоматическим оружием. Правда, самое передовое оружие, изобретенное на Земле, являлось монополией

земного правительства, и даже «Компания по Улучшению Межпланетных Отношений» не могла его раздобыть. Но и то, что у них было, казалось достаточным.

— Командир — Беллер! — прокричал Хардести. — А теперь — вперед!

Когда люди двинулись к ближайшей лестнице, ведущей на гору, Рольф отправился с ними. У Беллера была рация для связи с Хардести.

Когда отряд пошел по узким исшарканным улочкам города вокруг великой горы, словно ниоткуда начали появляться марсиане. Они не задавали никаких вопросов. Сам вид вооруженных людей говорил им, что время настало.

Дикие пустынники оказались неплохо подготовленными. Откуда-то у них взялись автоматы и гранаты. По приказу Беллера и его людей, они крадучись двинулись вперед. Первое сопротивление им попытались оказать на Втором Уровне. Своими ужасными взрывающимися гранатами и автоматами, извергающими стену огня, дикие пустынники снесли сопротивляющихся, словно их и не существовало.

Беллер со своими людьми шел следом. Джон Рольф, захваченный кипящими в Беллере страстями, вынужден был идти вместе с этим бандитом.

Постепенно Джон Рольф начал понимать взаимосвязь между водоворотами страстей и его идентификацией с ними. Страсти ловили в ловушку его личность, его «эго», и он идентифицировал себя с тем, в ком оказывался в плену. Из разума Унардо он смог сбежать лишь потому, что разум марсианского врач был тих и спокоен.

Рольф понимал, что Беллер никогда не успокоится, но на мгновение он мог затихнуть. Рольф ждал такого момента, а когда тот настал, выскользнул из Беллера прежде, чем водоворот страстей снова захватил его.

Сказать, что Джон Рольф был рад сбежать из разума Беллера, значило бы весьма преуменьшить его реакцию. Он ликовал, обретя свободу. Но одновременно с радостью было и осознание, что в его личности, в его «эго» существовало нечто сродни эмоциям Беллера. Между ними каким-то образом образовалась связь, протянулась ниточка сочувствия. Рольф ощущал эту связь как общее расовое наследие, которым обладают все

люди. Они с Беллером могли быть антиподами по образу мышления, но все равно оба относились к человеческой расе.

Когда единица сознания, бывшая Джоном Рольфом, его личность, сбежала из Беллера, то немедленно снова угодила в ловушку. На этот раз это был очень сердитый и очень испуганный человек, большими шагами идущий вниз по наклонным ступеням Сузусилмара. Рольф попытался вырваться, но почувствовал, что у него нет сил на борьбу. И он снова стал ждать момента спокойствия, зная, что рано или поздно оно наступит.

К своему удивлению, он обнаружил, что захватившим его человеком был Билл Хокер.

Разум Хокера был тоже охвачен страстями, жестокими, бурными страстями, но здесь преобладало чувство справедливости, и следа которого не было в разуме Хардести или Беллера. В этот момент Рольф подумал, что у рода человеческого есть много различных типов разума. Хокер находился на более высоком уровне, нежели Хардести или Беллер. Кроме того в душе Хокера таилась, хотя и искаженная гневом, любовь.

Хокер мог выглядеть неуклюжим и совершать в своем рвении ошибки, но в нем было стремление к чему-то лучшему, к чему-то более прекрасному и возвышенному. И поиски этого прекрасного лежали в основе его любви к Дженни. Хокер шел к кораблю, желая найти и спасти ее. Рольф тут же понял, что должен пойти с этим человеком. Дженни была дорога им обоим.

Хокер достиг Второго Уровня, когда началось нападение диких пустынников. Он быстро нырнул в укрытие, предоставив марсианам пройти мимо него по лестнице. Мельком он подумал, что есть и другие лестницы, но тут же отбросил эту мысль, когда понял, что весь Второй Уровень разбужен и взбудоражен. Ночью, при свете только одной луны, он никогда бы не смог отыскать другую лестницу. Не было уверенности, что он сможет долго оставаться в живых. Марсиане Второго Уровня тоже не были достаточно цивилизованными.

Ожидая удобного случая, Хокер внезапно увидел оружие, которое кто-то обронил. Это был всего лишь нож, но и нож был лучше, чем ничего. Донесшийся сверху шум подсказал ему, что заварушка началась на более высоком Уровне, Хокер начал

спускаться к обшарпанным домишкам в самом низу. Беспрепятственно добравшись до них, он свернул в сторону.

— Эй, ты! — раздался из темноты чей-то голос. — Кто такой и что тут делаешь? Иди сюда!

Это был голос Беллера. Повернувшись, Хокер увидел людей, спокойно стоявших в тени стены, окружавшей гору. Сильный фонарь не только ослепил его, но и осветил корабельную форму, которая была на нем.

— Я заблудился, — быстро сказал Хокер. — Я думал, что вы на горе.

Неуклюжее объяснение, но оно сработало, главным образом потому, что Беллер не узнал его, но также и потому, что у маленького бандита было слишком много других забот, чтобы терять время, расспрашивая какого-то отставшего.

— Идти к стене, к остальным, вот и не заблудишься, — велел Беллер.

— Да, сэр, — сказал Хокер.

Он подошел к людям в тени стены и увидел, что они вооружены. Он почувствовал их нетерпеливое предвкушение. Они шептались друг с другом о богатствах, которые ждут их, когда завершится завоевание горы.

Хокер в отчаянии подумал, что теперь он никогда не доберется до Дженни. Джон Рольф, признавая вероятность такого исхода, ждал мгновение спокойствия. И когда оно наступило, он покинул Хокера и начал поиски самой Дженни.

Найти ее оказалось нетрудно. Нужно было лишь подумать о дочери, и это, казалось, притянуло к ней его личность. Душа Джона Рольфа воссоединилась с его дочерью. Между ними всегда существовала близкая связь на глубинных уровнях.

В Дженни Рольф все еще бурлил гнев, глубокий океан гнева и море горечи, но теперь она старалась держать чувства под контролем. Ее разум также отличался лукавством и хитростью. Пораженный, Рольф понял, что подобные свойства были когда-то присущи и ему. Не зря в былые времена его враги говорили, что он опаснее всего, когда улыбается.

— Дженни, — прошептал Рольф обращаясь к дочери.

Не последовало никакого ответа. Он попробовал еще раз, изо всех сил пытаясь прорваться к ней. Но он преуспел только

в том, что она стала думать о нем. Она считала все его мысли своими собственными. Рольф начал снова, сосредоточив все силы, пытаясь сказать ей, кто он и где находится. На этот раз получилось немного лучше. Девушка восприняла его мысли, но внезапно подумала, что просто сходит с ума. И тут же у нее началась паника. Она начала кричать, молотя кулаками по стальной двери. Эмоциональный водоворот внутри нее стал еще сильнее. Рольф снова оказался в ловушке. Теперь он мог только ждать, пока она успокоится.

Захваченный эмоциями своей дочери, Рольф чувствовал себя потерянным призраком. Но все же он был не призраком в традиционном смысле этого слова, а личностью, чистым «эго». И он подумал, что, может, такое много раз происходило раньше на Земле. Легенды о призраках были столь же стары, как и история Человечества. И уж не это ли было их истинным источником?

Как и у Земли, у Марса также были свои легенды, странные, невероятные истории, включая легенду о Короле Красной планеты. Это была одна из тем, которые Таллен не желал обсуждать, уклоняясь от расспросов. Размышляя над странной властью этого Короля, Рольф решил, что это была чисто мифическая фигура, созданная из надежд и несбывшихся чаяний многочисленных поколений обитателей Красной планеты.

Но теперь, попав в ловушку водоворота страстей Дженни, он подумал о Короле, и мысли об его власти, чувстве завершения и ощущения славы пришли незваными в сознание Джона Рольфа. Было похоже, что самый процесс размышлений о Короле принес ему эти мысли. А с ними появилось осознание мудрости и бесконечности мира. И у Рольфа создалось впечатление, что где-то существует разум, способный охватить все взаимосвязи между всеми марсианами на Сузусилмаре, а также людьми, появившимися здесь, и поместить их всех на ладонь одной руки! Вся история Красной планеты, казалось, сосредоточилась в этой руке. И еще одно впечатление появилось у Рольфа, ощущение прикосновения к любви, столь всеобъемлющей, что она могла сделать нежным рев ураганов, шум торнадо, гул землетрясений.

Разум Рольфа содрогнулся. Контакт сразу же оказался прерван. Рольф не отключал его. Его сознательно прекратил кто-то

другой. Коснувшись его, громадный разум почувствовал возникновение контакта и тут же разорвал его, как делает тот, кто прерывает телефонную связь с нежелательным и непрошеным телефонным абонентом.

Но хотя контакт и был прерван, у Рольфа осталось чувство существующего где-то великого могущества. Вот только где? У землянина не было ни малейшего представления о местоположении источника этого могущества.

Внезапно Дженни успокоилась. Было похоже, что разум, с которым связался Рольф, передал свою любовь через него к ней, принося с собой спокойствие и умиротворение.

Рольф понял, что хочет возобновить контакт. Он попытался. Получилось! Получилось столь же необъяснимо, как и в первый раз. Но вместе с контактом пришло кое-что еще. На него охотились! Рольф не мог определить личность охотника, он лишь узнал о самой охоте. Где-то в большом мире что-то искало его!

Осознание этого принесло ему панику и желание сбежать! Рольф начал сопротивляться этому импульсу и одновременно попытался мысленно найти Таллена.

Но он наткнулся лишь на пропасть, молчание которой только намекало на энергию вне его понимания и невероятной глубины. Он не мог миновать эту пропасть. И поэтому не мог достигнуть Таллена. Постаравшись не обращать внимания на то, что на него охотятся, Рольф попробовал еще раз войти в контакт с Дженни.

Теперь она отнеслась к этому более спокойно.

— Дженни! — прошептал Рольф.

Ее реакция подсказала, что она услышала его. И снова она оказалась на грани паники.

— Не бойся, — торопливо прошептал он.

— Папа? — недоверчиво спросила она.

— Да, — сказал Рольф.

— Я чувствую твой взгляд. Но... Но где ты? — Она пошарила взглядом по комнате, в которой была заперта.

Рольф попытался ей все объяснить, но тут же бросил эту попытку, потому что почувствовал, как стала расти ее тревога. Девушка отказывалась понимать его. Как он может быть внутри нее? Что это еще за «эго»? Он что, правда, умер? И с ней говорит его призрак?

— Не пытайся понять, просто прими это на веру, — стал убеждать ее Рольф. — Позже ты получишь объяснения. Просто поверь мне, как верила, когда была маленькой девочкой.

В ней поднялся вихрь воспоминаний.

И еще он нашел, что искал — уверенность и веру. Дженни начала успокаиваться. Когда она была маленькой девочкой, то считала, что отец может решить любые проблемы. И теперь к ней вернулась эта уверенность. Она ждала, пока он ей скажет, что надо делать.

— Ты должна выбраться отсюда, — сказал Рольф.

— Как? — спросила Дженни. — Дверь заперта снаружи, и ключ у Джима Хардести.

— Сейчас для тебя самое важное оставаться спокойной, — сказал Рольф. — Этот даст мне возможность выйти из тебя, а потом вернуться.

Дженни не поняла, но по-прежнему, как маленькая девочка, отнеслась к словам отца с полным доверием. Выйдя из ее разума, Рольф стал передвигаться по кораблю.

Теперь, когда он начал осваиваться с управлением своей личностью, отделенной от тела, то понял, что видит, слышит, чувствует и мыслит в этом состоянии совершенно не так, как тогда, когда глядел на мир чьими-то глазами. Его восприятие стало более острым и одновременно более смутным. Он различал форму и контуры трехмерных материальных объектов. Также он видел цветные энергетические поля, окружающие эти объекты. Он воспринимал огромный диапазон частот, ему были доступны тончайшие оттенки цветов, частот и эмоциональных тонов. Самое главное было избегать кипящих водоворотов — эмоциональных областей других форм жизни, неважно, человеческих, марсианских или чьих-то иных.

Рольф незримо шел по кораблю. У главного люка стояли на посту двое охранников... Двое инженеров занимались своими делами... В радиорубке сидел радиооператор, а космонавигаторе лежал больной на своей койке. Секретарши сидели по своим каютам, за исключением той, что была вместе с Хардести в главной рубке управления.

Рольф понял, что если бы у него было человек десять, он мог бы захватить корабль. Но у него не было десяти человек, у него не было ни одного человека, не было даже собственного тела.

И при мысли о теле он почувствовал некоторое неудобство. Оно осталось где-то на горе. Он сбежал из него, и теперь тело нуждалось в нем, чтобы продолжать жить. Но Рольф был нужен Дженни, так что телу придется подождать.

Осматривая корабль, Рольф нашел секретаршу, мысли которой были достаточно спокойны. Войдя в нее, он обнаружил, что в ее обязанности входило приносить еду больному космонавигатору. Рольф осторожно подал ей мысль, что было бы неплохо, если бы она отнесла еду и Дженни. Девушка подумала, что это ее собственная мысль, и Рольф осторожно поддержал ее. Она прошла на камбуз и приготовила навигатору жидкий суп. Но навигатору было плохо, и он отказался от еды, поэтому она решила отнести суп Дженни.

Рольф вернулся в разум Дженни, объяснил ей, что сейчас произойдет, и что она должна сделать.

Когда секретарша отперла дверь, Дженни врезала ей изо всех сил. Это был такой сильный удар, что секретарша потеряла сознание и покатилась по полу, пролив при этом суп.

Дверь была открыта, и Дженни вышла. Первой ее мыслью было пойти в рубку управления и захватить Хардести. Ей очень хотелось дать волю своим кулакам. Рольфу пришлось использовать все свое убеждение, чтобы заставить дочь передумать.

— Ты должна отнести меня на гору, — снова и снова повторял он.

Дженни показалось, что в ней становится все сильнее желание увидится с отцом. Она все еще чувствовала себя маленькой девочкой и нуждалась в его физическом присутствии, как никогда прежде.

Выскользнув из корабля, Дженни побежала по пустыне к ближайшей лестнице, поднимавшейся на гору Сузусилмар. Из темноты, освещенной лишь тусклыми лучами одной из лун, доносились приглушенные крики, треск выстрелов и приглушенные разрывы гранат, отмечавшие продвижение боевых действий. Дженни слышала их, но не понимала значения, а отец не мог подсказать ей, что происходит.

Она совершенно забыла инструкцию Рольфа оставаться спокойной. В ней бушевал такой сильный водоворот эмоций, что Рольф оказался совершенно беспомощным.

Прежде чем Дженни добралась до начала лестницы, доносившиеся сверху звуки сражения стали такими сильными, что она, наконец, поняла, что происходит. В ней вспыхнул страх, когда она осознала, что не может воспользоваться этой лестницей.

Страх быстро перерастал в панику. Развернувшись, Дженни понеслась в лабиринт узких улочек, окружавших подножие Сузусилмара.

И через несколько минут она поняла, что заблудилась.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Поняв, что заблудилась, Дженни Рольф испытала старый ужас, который не раз испытывала в детстве. Много дней после того, как отец внезапно улетел на таинственный Марс, она чувствовала себя потерянной. Прошли годы, она воздвигла в душе барьер вокруг этого кусочка своей личности и, поскольку больше не пугалась, то решила, что он попросту не существует. Но на самом деле страх существовал, и теперь, когда барьер рухнул, она ощутила его в полной мере и даже сильнее. Он вырос за прошедшие годы и превратился в настоящий ужас.

Холодная ночь, тусклая марсианская луна, вздымавшийся рядом громадный Сузусилмар и звуки битвы! Как можно выжить во мраке на чужой планете, особенно когда из прошлого вернулись страхи, чтобы мучить ее?

Для Дженни это оказалось уже слишком. И пытаясь совладать с все растущим в ней ужасом, она тихонько позвала отца. Она делала так много раз, когда была маленькой. Тогда он ей не отвечал, но теперь она ждала ответа. Он же лишь несколько минут назад был каким-то образом с ней, нашептывал ей советы. Или этот шепот был всего лишь галлюцинацией, порожденной эмоциями? Дженни не знала, что думать. Но она вспомнила его слова:

«Успокойся. Только сохраняй спокойствие».

Вспомнить-то она вспомнила, но как можно быть спокойной сейчас, когда она бредет в одиночестве по темным

улицам странного города на чужой планете? Внезапно все окружающее показалось ей нереальным, но это чувство тут же прошло. Под ногами была каменная мостовая, в воздухе висело зловоние, и это говорило ей, что на самом деле все это и есть реальность. Никакие это не галлюцинации. Все это происходит с ней на самом деле!

На Первом Уровне никогда не было уличного освещения. Здесь марсиане освещали лишь собственные помещения, а сегодня ночью и в окнах домов не горел свет. Вдали Дженни мельком увидела свет факелов, которые несла группа марсиан, спешащих к ведущей вверх лестнице, и поспешно нырнула в проулок.

Марсиане с факелами пробежали мимо. Дженни услышала их взбудораженные голоса. Они походили на зверей, спешащих в темноте на запах добычи. Хардести и его команда своими разговорами о грабежах и добыче пробудили этих животных от древней спячки, привели в движение силы, результата действий которых никто не смог бы предсказать.

Когда марсиане исчезли в темноте, Дженни услышала чьи-то осторожные шаги, крадущиеся к ней по переулку. Ком подкатил к горлу. Она развернулась и побежала по узкому, извилистому переулку, вонючему, с темными домами и запертыми дверьми.

Незнакомцы следовали за ней.

— Дженни! — позвал ее чей-то голос. — Дженни!

Ее первой мыслью было то, что какой-то марсианин узнал ее имя. Но тут же она узнала этот голос.

— Билл! — воскликнула она.

— Дженни! — отозвался Билл Хокер. — Где ты, Дженни? Я мельком заметил какую-то женщину, шмыгнувшую в переулок, чтобы спрятаться от марсиан...

И тут они столкнулись. Билл Хокер почувствовал себя на седьмом небе. Так пылко его еще никогда не целовали. И так часто. Дженни, в свою очередь, никогда не обнимали так крепко. Ей, в общем-то, никогда и не нравилось так обниматься.

— Дженни, я шел на корабль, чтобы спасти тебя, — шепнул Хокер. — Как ты сумела освободиться?

Вместо того чтобы пытаться объяснить то, чего она сама не понимала, Дженни снова поцеловала его. Хокер счел такое объяснение удовлетворительным.

— Я отнес твоего отца к доктору, — сказал он наконец.

— К доктору? Что с ним случилось?

— Не знаю, — ответил Хокер. — И не думаю, что это знает марсианский доктор. Во всяком случае, он мне ничего не сказал. А может, он решил, что я не пойму.

— Где отец?

— В доме марсианского доктора на Пятом Уровне, — ответил Хокер. — Он сам велел мне отнести его туда.

— Тогда идем, — решительно сказала Дженни.

— Но как? — спросил Хокер.

— Есть и другие лестницы, ведущие наверх, — ответила Дженни. — Нам нужно найти их.

Осторожно передвигаясь, они направились вокруг основания гигантской горы. Они шли узкими улочками, наполненными ужасной вонью и марсианами, разбуженными событиями этой ночи, единственными за всю их историю. Захватить Сузусилмар! Наплевать на Закон и с боем прорваться на гору! Эта темная мечта лежала глубоко в сердце каждого обитателя Первого Уровня Сузусилмара. Человеку, Джиму Хардести, оставалось лишь пробудить ее и указать цель обитателям трущоб.

Звуки сражения постепенно остались позади. Теперь, когда Дженни была с Биллом Хокером, к ней вернулась большая часть утраченного спокойствия. И это, в свою очередь, дало личности Джона Рольфа возможность освободиться от нее.

Но ему была не нужна эта свобода. Такой суматошной ночью существовала опасность, что он будет захвачен эмоциональным водоворотом бушующего выше сражения. А кроме того, пока Дженни не найдет его тело, она будет делать то, что ему нужно. И Рольф остался с ней.

Кроме того, Рольф знал, что на него охотятся. Он только не знал, кто или что.

Гораздо выше сражения, идущего на нижних Уровнях Сузусилмара, сидел за абаком марсианский врач Унардо. Он сидел в таком положении уже много часов, вглядываясь внутрь себя. Пальцы его не двигались по бусинкам абака. По звукам

медленного дыхания он знал, что лежащее на столе тело все еще живо. Жизнь теплилась в нем, хотя ее огонек все слабел. Жизнь в теле не может долго существовать без личности, с которым связано это тело. Если личность постоянно не пополняет его своей энергией, сердце теряет желание биться, артерии — распространять кровь, а мозг — управлять всем этим. А если дыхательный центр в мозгу перестанет выполнять свои функции и следить за уровнем углекислого газа в крови, то легкие просто перестают впитывать кислород. И тело и мозг были просто частями сложного механизма, как рука в перчатке. Самый большой компьютер, когда-либо созданный, был грубым и неуклюжим устройством по сравнению с единственной клеткой человеческого мозга.

Как двигатель с остатками энергии, человеческий механизм может какое-то время продолжать функционировать по инерции. Но если личность отсутствует слишком долго, неизбежно наступает то, что люди называют смертью.

Унардо плохо понимал взгляды людей на смерть. Казалось, они относились к ней с ужасом, хотя он не мог понять, почему. Унардо хотел бы иметь возможность изучать эту странную расу, что силой ломилась через космос. Он знал, что они относятся к смерти так же, как читатель относится к окончанию книги. Ни Унардо, ни любой другой марсианин не придерживались таких взглядов. Для них смерть была лишь концом главы, за которой начиналась новая глава.

Марсиане полагали, что история каждой личности уже включает в себя много глав, которые просто никто не помнит. И много глав будет написано в будущем, на Марсе, на Земле или на других планетах Солнечной системы, а возможно, и на планетах других звезд, искрящихся в необъятных глубинах космоса. Личность бессмертна. Она существовала во многих телах, которые жили и умирали, но сама она бессмертна. Она привносила в тело новое качество жизни, давала ему собственную творческую индивидуальность и смысл жизни.

По крайней мере, так было по марсианским представлениям. В соответствии с этой верой, Унардо не беспокоился и о потере телом жизни. Он помогал своему новому другу, пока мог, а когда не сможет, начнется новая глава, где-нибудь,

как-нибудь. Вероятно, Унардо никогда не узнает, где начнется эта новая глава, но он был уверен, что она где-то начнется. Марсианский врач не боялся смерти тела. Как он мог быть врачом, если бы боялся того, что пытался предотвратить? Его стремление помочь Джону Рольфу включало в себя много различных побуждений, немаловажной из которых была сердечная теплота самого человека. Кроме того, было еще уважение к жизни в любой ее форме. И третья причина имела отношение к работе, которую Рольф пытался сделать здесь, на Марсе, не только конструируя теликнон, но и делая правильные выводы, которые получались из доказательства самой телепатии. Унардо прекрасно понимал, что эти заключения были не только утонченными, но и с далеко идущим скрытым смыслом. Любой, кто поймет их хотя бы частично, станет жить уже в иной Вселенной.

Унардо работал в тишине и спокойствии. Где-то вдалеке кричали. Он этого не слышал. Затем послышался треск автоматных очередей, разрывы гранат. Он также не слышал их. Он всматривался вглубь себя, обшаривал собственный внутренний мир, который каким-то таинственным образом отражал целую Вселенную. Разум Унардо был глубоким бассейном. И глубина в нем казалась такой же бесконечной, как и сам космос.

Работая, Унардо уделял частичку своего внимания отслеживанию дыхания тела на столе. И когда тренированный слух говорил ему, что дыхание становится слишком тяжелым, длинные пальцы Унардо касались абака, перебирая бусинку за бусинкой. Мягкие музыкальные звуки начинали шептать в тишине комнаты, и тело отвечало им. Но каждый раз ответ был немного слабее. Унардо знал, что всему есть предел, и что настанет момент, когда тело перестанет отзываться, потому что в нем не было личности. Тело не могло бесконечно принимать чуждую ему энергию. И когда энергия иссякнет, оно тихонько вздохнет в последний раз и перестанет дышать.

Внезапно сосредоточенность Унардо была нарушена тем, что распахнулась внешняя дверь. Шум снаружи ударил по нервам Унардо. Он задрожал, его лицо утратило загадочное, как у Будды, выражение. Он почувствовал, как по спине струйками льется пот.

Сюда пришли люди.

У Унардо мелькнула мысль, что они должны немедленно уйти.

Но не успел он встать на ноги, как они уже были в комнате. Одного из них Унардо видел прежде, это был молодой человек, который принес ему Рольфа. Второй метнул взгляд на лежащее на столе тело и бросился к нему.

— Папа! Папочка, дорогой! Очнись, папочка, очнись!

Тело на столе глубоко вздохнуло, и ритм дыхания у него изменился. Рольф открыл глаза. В них застыл ледяной холод космоса, но руки уже тянулись к Дженни, и лед во взгляде таял.

Джон Рольф прервал свой контакт с Дженни. Личность его вернулась в свое тело. И как только это произошло, плоть обрела жизнь.

Тело напомнило Джону Рольфу старый и очень удобный костюм. Оно принадлежало его личности. Это был дом.

Джон Рольф снова ожил.

Постороннему все это показалось бы относительно просто. Человек был близок к смерти. А комнату вошла его любимая дочь. Некоей тонкой алхимией она привела отца в чувство. В длинной истории человеческого рода подобное происходило достаточно часто.

Глядя на это и ощущая тончайшие нюансы происходящего, Унардо подумал, что не стоит просить этих двоих удалиться. Он видел, что женщина сделала то, что не могли совершить все его таланты. Она вернула телу личность. И, сделав это, она возвратила его к жизни.

Унардо почувствовал, как пот высыхает на теле. Мягкая улыбка появилась на его лице, которое опять стало чем-то походит на лик Будды. Унардо не знал, каким образом личность была возвращена в тело, но у него мелькнула мысль, что к этому как-то приложил руку Король.

Джон Рольф соединился с телом и снова стал самим собой, когда личность соединилась со старой нейронной сетью.

И когда он стал собой, некие цензоры в его мозгу начали стремительно закрывать память об его истинной личности. Цензоры были ловки и быстры. За доли секунды память стала рядом блестящих, но не связанных между

собой картинок, похожих на красивое сновидение, которое тускнеет при пробуждении. Рольф беспомощно наблюдал, как все мысленные картинки слились в единую звезду, мерцающую в глубине пространства. У него еще оставалось впечатление, что в этой звезде была скрыта сложная картина истинного мира, но и это впечатление почти сразу же исчезло.

Цензоры были частью его разума, который снова стал функционировать. У него, созданного решать повседневные проблемы выживания, и должны быть такие цензоры, призванные скрывать истинную глубину и чудеса Вселенной. Потому что разум человека не мог охватить всю необъятность. Решение проблемы состояло в том, чтобы разбить память на отдельные фрагменты и сохранить их все в виде звездочек, сияющих в бесконечном космосе.

Эмоционально Джон Рольф испытал кошмарное потрясение. Эмоции человека не могли менять силу и направленность так же стремительно, как рассудок. Мысли летали молниеносно, а чувства тащились медленно, словно неповоротливые клячи. И в результате Рольфу пригрезился кошмар. Он решил, что побывал где-то в другом месте и стал кем-то совершенно иным. Чувства подсказывали ему это. Теперь же он вновь стал самим собой. Но кем он был? Он схватил скрюченными пальцами руку Дженни и что-то невнятно забормотал.

Тогда начал действовать Унардо. Он отодвинул Дженни в сторонку и снова сел за абак. Когда его пальцы коснулись бусинок, Рольф заметил его. И тут же вспомнил, что на него, Рольфа, охотились. Теперь он узнал, кто был охотником.

— Вы... Это вы охотились за мной... — прошептал Рольф.

Унардо кивнул.

— Я пытался найти и вернуть вас, — марсианский врач покачал головой. — Я не собирался вам повредить, друг мой. Напротив, я пытался помочь.

Рольф вздохнул и замер.

— А теперь, если хотите собрать свой разум воедино, успокойтесь и лежите очень тихо, — продолжал Унардо.

Джон Рольф постарался успокоиться. Унардо коснулся бусинок абака. И снова по комнате пролетели музыкальные ноты.

Тихие, успокаивающие, точно волшебная музыка некоей утраченной волшебной страны, звуки начали перешептываться в теле Рольфа. И теперь, когда личность вернулась на место, тело ответило ей человеческим эхом на марсианское лечение. Звуки, облеченные в музыкальную гармонию, шептали что-то утомленному телу, которое стремительно обретало силу.

Теперь на лице Унардо была уверенная улыбка Будды. Он знал точно, что нужно делать, словно шел уже не раз хоженым путем.

В другом конце комнаты Дженни, как бледный призрак, вцепилась в руку Билла Хокера и наблюдала все это. Они оба казались испуганными детьми, очутившимися в непонятном мире.

Лежа на столе, Рольф чувствовал, как в тело текут сила и тепло, как сердце начинает стучать в обычном ритме, как энергия струится по жилам. И когда музыка стихла и Унардо подал знак, что лечение завершено, Рольф осторожно сел. Дженни тут же подбежала к нему. Он обнял дочь и прижал к себе.

На душе его было легко, а где-то в сознании ярко горела единственная звезда.

Он не знал, что это означает, если вообще означает хоть что-то. И он перестал обращать на нее внимание, повернувшись к Дженни. Разлившееся тепло связало его со всем человечеством. В каком-то смысле оно вообще связало его с жизнью хоть на Земле, хоть на Красной планете. Возможно, в конечном итоге, эта теплота и была способна связать его со всеми звездами во всем бесконечном космосе, маленькой частичкой которого был род человеческий.

И где-то на заднем плане, словно тоже ощущая эту теплоту, улыбался улыбкой Будды марсианский врач Унардо.

Потом комната наполнилась голосами. Дженни отчаянно пыталась рассказать отцу, что он был с ней в корабле, а тот хмурился и улыбался одновременно, хмурился, потому что цензоры скрыли от него часть воспоминаний, и улыбался из-за переполнявшего его счастья.

Вот Дженни запыхалась и замолчала. Но тишину нарушили другие звуки. Они были и раньше, но царившая в комнате теплота на какое-то время отдалила их. Теперь же в умы людей пришло понимание, что они значили.

Это были звуки сражения на горе. Раскрылась внешняя дверь. В приемной послышались чьи-то шаги. Дверь процедурного кабинета распахнулась. Билл Хокер повернулся к ней, но тут же опустил нож, увидев, кто вошел.

Это был Таллен. От привычного спокойствия марсианина Пятого Уровня не осталось и следа. Лицо его кривилось, он задыхался, будто только что проиграл состязания по бегу. Он едва сумел поклониться присутствующим.

— Вас вызывают, — сказал Таллен, посмотрев на людей. — Всех вас вызывают на Седьмой Уровень.

Унардо поклонился в ответ, улыбаясь с нетерпеливым предвкушением. Лицо его стало таким же ярким, как весна в холодной пустыне древнего Марса.

Рольф нахмурился. Он доверял Таллену, но в голове у него теснилось много вопросов.

— Кто вызывает нас? — спросил он.

— Король, — ответил Таллен. — Нас вызывает тот, кто властвует над этой горой.

Джон Рольф не знал, взволнован он или испуган этим сообщением. «Наверное, и то, и другое», — подумал он.

Снизу неслась волна криков и взрывов на каменных крепостных валах Сузусилмара.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Джим Хардеси, находясь в рубке управления космического корабля, слушал радиосообщения Беллера. И то, что он слышал, ему не нравилось.

— Что значит, они нас остановили? Они не могут остановить меня! — орал Хардести в микрофон.

— Во всяком случае, нас притормозили, — ответил Беллер. — На Четвертом Уровне только однозарядное оружие, но марсиане стреляют метко. К тому же они стреляют сверху. Это напоминает стрельбу по полной бочке рыбы, только рыбой являются наши марсианские ребятки. Вся лестница покрыта их трупами. Защитники перекрыли нам путь на Четвертый Уровень и стреляют из-за

баррикады. Так что наши парни теперь дважды думают, прежде чем бросаются в атаку.

Хардести зло выругался. В его планы не входило останавливаться! Затем ему в голову пришла другая мысль, и он поспешно задал вопрос:

— Разумеется, я не бросал в бой парней, прилетевших с нами с Земли, — ответил Беллер. — Я не сделал бы это без ваших приказаний.

— Хорошо, — сказал Хардести с облегчением от того, что его гвардия цела и невредима. — Где точно вы сейчас находитесь?

— На Третьем Уровне, слева от лестницы, — ответил Беллер.

— Вы заняли Третий Уровень? — уточнил Хардести.

— Конечно, — сказал Беллер. — Большинство марсиан Третьего Уровня только и ждали, чтобы присоединиться к нам. С теми, кто возражал, разобрались их же соплеменники. Но на Четвертом Уровне другая ситуация. Они сражаются, как люди, — в устах Беллера это звучало как комплимент.

— Плевать мне, как они сражаются. Вы должны заставить наших марсиан двигаться дальше вверх, — велел Хардести. — Если их надолго задержат, они станут плохо управляемыми.

— Знаю, — с дрожью в голосе ответил Беллер.

Ни Хардести, ни Беллер не тешили себя иллюзиями относительно марсиан с нижних Уровней. Это были настоящие дикари. Они сражались, пока лелеяли надежды хорошенько поживиться, но были не способны к затяжным боям. Как только их остановят огнем, они начнут думать о собственной безопасности. И могут вспомнить о том, о чем на время позабыли — о том, что на их языке называется Законом. Тогда страх заставит их убежать вниз, к своим жилищам.

Через пару деньков, зализав раны и начав искать виноватых, они могут даже решить, что это чужаки из космического корабля стали причиной их поражения.

Тогда они могут даже напасть на корабль.

Хардести был уверен, что даже с оружием, которое им выдали, марсиане не смогут нанести кораблю реальный ущерб, но беспорядки помешают торговле — а значит, исчезнет прибыль на много месяцев вперед. Аудиторы Компании потребуют с него бухгалтерского отчета. А старик

Х. Б. плохо относится к менеджерам, которые допускают слишком много ошибок.

Сидя в рубке управления, Хардести покрылся вдруг потом и треснул кулаком по столу.

— Никто не остановит меня! Вы слышите? Никто!

— Да, — раздался из рации голос Беллера. — Я вас слышу. Но эти цапли, засевшие наверху, успешно отстреливают наших, и это очень не нравится нашим марсианским ребятам.

— Мне тоже не нравится, что все вы там трусите! — крикнул Хардести.

— Вам бы не понравилось еще больше, окажись вы здесь, — ответил Беллер. — Если мы не найдем способ выкурить цапель сверху, наш блицкриг сорвется.

— На что вы намекаете? — поинтересовался Хардести.

— Возле корабля стоит вертолет с пилотом, — ответил Беллер. — Почему бы вам не приказать ему подняться и забросать сверху гранатами защитников Четвертого Уровня? Задайте работу их медикам, снесите ко всем чертям их баррикаду, и тогда наше войско пойдет дальше.

— Я сделаю это, — немедленно отозвался Хардести. — А вы с гвардией держитесь в сторонке и поддерживайте связь по рации. Я покажу вам, как уничтожить этих защитников!

Хардести немедленно присвоил себе идею Беллера. Это соответствовало практике Компании, когда идеи подчиненных тут же присваивались начальством, если казались осуществимыми. Если же на деле они оказывались неудачными, все свалили бы обратно на подчиненных. Переключив передатчик на другую частоту, Хардести связался с пилотом вертолета.

— Готовьте машину. Мы полетим, — объявил ему Хардести.

— Но еще ночь на дворе, — возразил пилот. — Лучше подождать несколько часов, тогда рассветет, и нам будет видно, куда лететь.

Хардести на мгновение заколебался. Если ждать наступления дня, то можно потерять марсианских союзников. Приказав пилоту разогревать двигатель, он пошел в хранилище и запасся ручными гранатами. Затем разбудил одну из секретарш и посадил ее дежурить возле рации. Выходя из главного люка, он велел охранникам, несущим там вахту, не пускать никого на корабль, пока он не вернется.

Снаружи была ночь. Одна из лун Марса катилась к горизонту. Огромный Сузусилмар темным гигантом навис над кораблем. Воздух пустыни был разрежен и морозен. Внезапно Хардести пробрала дрожь. Только здесь, снаружи, он понял, каким уютным мирком был космический корабль. А за его пределами царила холодная, безжалостная ночь, ночь чужой планеты, мира, где людям нечего было делать.

Сумка с гранатами оттягивала руки Хардести. Несмотря на сильный холод, он почувствовал, как на лбу вдруг выступил пот. На мгновение ему захотелось плюнуть на все и сбежать под защиту космического корабля. Но он подавил это желание и побрел по песку туда, где вращающиеся лопасти вертолета уже подняли облака пыли.

Невольно пригнувшись, Хардести прошел под лопастями и залез в машину.

— Полетели, — приказал он пилоту.

— Есть, сэр.

Когда вертолет набрал высоту, Хардести пересел на переднее сидение, открыл сумку с гранатами и поставил ее на пол у своих ног, затем осмотрел уже установленный на носу пулемет. Эта мощная машинка пускала пули со скоростью 3000 футов в секунду, причем в разреженном воздухе Марса они не теряли скорость так быстро, как на Земле.

Вспышки света на склоне горы подсказали ему, где шел бой.

— Идем вверх, а потом снижайтесь над тем местом, — приказал Хардести.

Он подумал с негодованием, что бросать гранаты с борта вертолета — чертовски примитивный способ ведения войны. Когда он станет президентом Компании, то изменит правила так, чтобы служащие Компании на других планетах всегда имели при себе атомные бомбы! Так, на всякий случай. Хардести заранее хотелось взять их с собой в этот полет, но старик Х. Б. испугался, упирая на то, что дряхлые земные законы, запрещают употреблять ядерное оружие. Разумеется, Хардести понимал, что, прикрываясь законами, Х. Б. просто скрыл то, что не знает, как можно получить в свое распоряжение атомные бомбы, не рискуя угодить пожизненно в тюрьму, так что именно трусость Х. Б. заставила его теперь вести бой одними

лишь автоматами и гранатами. В то же время Хардести знал, что его оружие превосходит все, что есть у марсиан Четвертого Уровня. А на более высоких Уровнях вообще не было оружия, насколько он знал. Так что, справившись с обитателями Четвертого Уровня, он мог идти дальше без помех.

Под шум двигателей, пока большие вертолетные лопасти молотили разреженный воздух древнего Марса, Хардести связался по рации с Беллером.

— Наши парни готовы, — доложил ему Беллер. — Мы только ждем, когда вы снесете баррикаду наверху. Однако есть одна проблема...

— Что еще за проблема? — спросил Хардести.

— Марсиане с Первого и Второго Уровней начинают разбредаться и грабить Третий Уровень, — сказал Беллер.

— Мародеров расстреливать, — приказал Хардести.

— Да, сэр, — покорно ответил Беллер.

Пилот вел машину вверх, пока не поравнялся с Пятым Уровнем. Внизу Хардести увидел постройки Четвертого Уровня и небольшие парки, смутно чернеющие в марсианской ночи. Он также отчетливо видел широкую лестницу, ведущую вверх. «Словно лестница в небеса», — подумал он. Лестничные пролеты ниже Четвертого Уровня, усыпанные трупами, сообщили, что этот путь ведет прямиком в ад. Мгновенные вспышки пламени с баррикады, перегораживающей лестницу в самом начале Четвертого Уровня, подсказали ему, что бой все еще идет.

Он приказал пилоту зависнуть как раз над этой баррикадой. Марсиане Четвертого Уровня занимались тем, что высматривали и отстреливали ползущих снизу врагов, и пока что не замечали врага у себя над головами.

Пока Хардести ждал сообщения Беллера, что его марсиане готовы к атаке, он увидел, как небо начало светлеть. В разреженном воздухе Красной планеты рассвет начинался исподволь: сперва едва заметно светлело, а потом солнце как-то сразу появлялось из-за горизонта, и небо заливала синева. Пустыня и редкие цепочки гор освещались неярким светом. Походило на то, что к Марсу солнце относилось с осторожностью, боясь причинить вред древнему миру. Художники-импрессионисты и поэты с Земли считали, что красота марсианских рассветов стоит того,

чтобы так долго лететь в корабле на эту планету. Они прилетали сюда и пытались передать здешнюю красоту в своих картинах, но терпели одну неудачу за другой. Поэтам не хватало слов, чтобы описать здешний мир. В земных языках не существовало слов, чтобы описать Марс.

Джима Хардести не влекло к поэзии или вообще к искусству. Но он тоже стал размышлять о рассвете. Интересно, поможет он успешному нападению на баррикаду Четвертого Уровня? Или, напротив, сыграет на руку ее защитникам?

Хардести решил, что лучше захватить марсиан на баррикаде врасплох и отвлечь их от нападавших снизу.

До Четвертого Уровня лестница была чиста и нападавшие прошли без помех. И только на Четвертом Уровне марсиане посчитали, что их имущество стоит того, чтобы сражаться за него. А на более высоких Уровнях, казалось, никого не заботило, что происходит внизу. Однако, казалось, все же было кое-что, к чему марсиане высоких Уровней относились со вниманием — беженцы. Хардести видел, как по лестницам медленно ползут многочисленные крошечные фигурки. «Они спасаются бегством на высшие Уровни», — решил он. И его взгляд снова упал на высокий шпиль, венчающий Седьмой Уровень. Ему кажется, или он окутан каким-то странным сиянием? Да нет, шпиль действительно купался в ярком мерцающем свете. Глядя на него, Хардести решил, что глаза обманывают его. На Марсе люди частенько видели миражи, принимая свои галлюцинации за реальность. И он решил, что сияние вокруг шпиля как раз и было таким миражом.

Ожила рация, его вызывал Беллер.

— Наши марсианские парни построились в шеренги и готовы к нападению, — доложил Беллер.

— Отлично.

— Я сказал им, что с неба спустится марсианский бог в виде большой птицы и снесет с их пути баррикаду.

— Что? — пораженно спросил Хардести.

— Эта большая птица — вы, сэр, вы и взорвете баррикаду. Все, что вам нужно сделать, это снизиться и сбросить несколько гранат.

— Это я как раз и планировал, — процедил Хардести, раздраженный тем, что Беллер проявил инициативу.

На Земле он частенько наблюдал, как раздражался президент Компании, когда кто-то опережал его. А уж как будет раздражен старик Х. Б., когда Хардести добудет теликно Рольфа! Но не долго ему лютовать, потому что он скоро не будет оставаться президентом. А когда президентом станет Хардести, никакой умный щенок не сможет перебежать ему дорогу! Он будет знать, что творится в умах менеджеров, прежде чем те сами осознают это.

— Мы ждем вашего сигнала, босс, — передал Беллер снизу.

Взглянув в небо, Хардести увидел, что до полного рассвета оставался по крайней мере еще час. А когда первые лучи солнца коснутся Седьмого Уровня, он хотел быть уже там, что бы приветствовать их.

— Спускайте их с цепи! — проворчал он Беллеру.

— Да, босс, — ответил Беллер.

Беллер оставил рацию включенной, так что Хардести слышал, как Беллер раздает команды, а его люди подстегивают марсиан, чтобы те снова пошли в атаку. Сквозь прозрачный пластик вертолета он увидел вспышки автоматных очередей, когда дикари-марсиане двинулись к баррикаде, перегораживающей путь на Четвертый Уровень.

— Опустите вертолет над баррикадой до высоты пары сотен футов, — велел он пилоту. — Только не зависайте на месте, двигайтесь потихоньку.

— Да, сэр, — ответил пилот. — А что, если они начнут в нас стрелять?

— Именно поэтому я и хочу, чтобы вертолет двигался, — объяснил ему Хардести. — Если они сосредоточат огонь на нас, врубай мотор на всю катушку и поднимайся вверх.

Марсианам на баррикаде вертолет действительно казался громадной птицей. Они бросали взгляды в ночное небо, но понятия не имели, что от него ожидать. У них не было опыта ведения воздушной войны.

Хардести набил гранатами карманы куртки и остальные положил так, чтобы они были под рукой. Когда вертолет снизился, он взялся за пулемет, прицелился в темные тени на баррикаде и нажал курок.

Сплошной поток пуль полетел вниз. Марсиане на баррикаде начали падать. Хардести видел, как они дергались, когда в них

впивались пули, как одни падали, а другие в предсмертной агонии пытались бежать с баррикады.

Продолжая стрелять одной рукой, другой Хардести стал брать с пола гранаты, зубами выдергивать кольца и бросать их через отверстие в пластиковом фонаре вертолета.

Взлетели фонтаны огня и дыма, обломки взлетели к небесам. В баррикаде образовались рваные бреши, словно по ней принялся пинать какой-то гигант.

Марсиане Четвертого Уровня стали обстреливать вертолет.

А снизу, вопя как демоны, уже лезли в проломы дикари с Первого Уровня.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Когда они достигли Шестого Уровня, у Рольфа подгибались ноги, а сердце бешено колотилось. К Седьмому Уровню вела еще одна лестница. Взглянув на нее, Рольф понял, что устал до изнеможения.

Дженни и Хокер тоже тяжело дышали, но Таллен и Унардо шагали легко, словно такое восхождение было для них не больше, чем неторопливая утренняя прогулка. Оба они решительно двинулись к лестнице, ведущей на последний Уровень. Рольф попытался последовать за ними и понял, что ноги отказываются его слушаться.

— Папа, с тобой все в порядке? — спросила Дженни.

— Присядьте, Рольфен, — проговорил Таллен, впервые заметив, как Рольфу тяжело идти. — Я и не видел... Я... я был слишком поглощен...

Возражая, что ему лишь требуется небольшая передышка, потому что ночь была трудной, Рольф рухнул на каменную скамью, резную, установленную здесь еще в те времена, когда Марс был юн. Остальные стали ждать. Внизу стихли звуки сражения. Но, несмотря на тишину, ночь была пропитана тревогой. В тусклом свете единственной луны в небе Сузусилмар, казалось, тоже чего-то ждал.

Бесчисленные годы прошли с тех пор, когда на этой громадной горе были вырублены Уровни и построены ведущие

к ним лестницы. За это время по поверхности Красной планеты прошло много завоевателей. Мелкие принцы, цари племен пустыни, дикие враждующие между собой орды выходили из окружающих областей и пытались подняться наверх, но всегда отступали и становились обитателями Первого Уровня, дна пустыни. Они были местными завоевателями, и Сузусилмар знал, как нужно обращаться с такими волками. Но теперь он столкнулся с инопланетной разновидностью того же вида грабителей и убийц. Сумеет ли могучая гора справиться с ними?

К лестнице шли марсиане Пятого Уровня. Пытаясь отдышаться, Рольф наблюдал за ними. Они вовсе не выглядели беженцами, бегущими от наступающего завоевателя. Они шли так, словно такова была их судьба, с высоко поднятыми головами, легко ступая по камням. Потом Рольф услышал тихое постукивание по мостовой деревянного посоха и вскоре увидел согбенную фигуру, медленно бредущую к лестнице. Он сразу же узнал в ней Джалнара, полуслепого нищего, и подумал: «Сумеет ли Джалнар найти себе убежище?»

Рольф спросил бы об этом, но в голове у него царил полный беспорядок и смутная память о небывалых переживаниях, представленная в виде горящей звезды. И еще ему хотелось поговорить о теликноне и той роли, которую аппарат сыграл в пережитом Рольфом опыте. Но Таллен запретил ему задавать вопросы.

— Мне еще надо слишком многое обдумать и некогда отвечать на вопросы, Рольфен, — мягко сказал Таллен. — Потом мы поговорим, если будет это «потом».

— Вы хотите сказать, существует шанс, что Хардести победит? — мрачно спросил Рольф.

Была в нем уверенность, что эту гору невозможно захватить силой. А может, не уверенность, а просто желание.

— Шанс всегда есть, — ответил Таллен. — Мы знаем многое, но будущее сокрыто от нас. Всегда существовала опасность, что какой-то мелкий принц, выступивший против горы, победит.

— Но... — начал было Рольф.

— У нас нет такой магии, чтобы уничтожить опасность, — продолжал Таллен. — Здесь, на горе, мы вечно ходим по тонкому льду — как и нынче ночью.

— Но вы же говорили, что горой управляет Король, — напомнил ему Рольф.

— Да, так и есть. Но если его рука дрогнет, гора падет. Это сокрушит и Короля, и гору, и всех нас.

Трое людей вздрогнули и прижались поближе друг к другу, создавая в ином мире островок человеческого тепла. Далеко в пустыне, на самом горизонте, начинал голубеть краешек неба — близился восход солнца.

— От корабля летит вертолет! — воскликнула Дженни, тыча рукой в небо и прижимаясь поближе к отцу. — Ты... ты думаешь, что это ищут меня?

— Они даже не знают, что ты не на корабле, — вздохнул Хокер. — Я полагаю, Хардести сам полетел в вертолете, чтобы посмотреть, как идет наступление.

— Кажется, я отдохнул, — сказал Рольф.

— Если вы готовы, Рольфен... — тут же отозвался Таллен.

Рольф поднялся с каменной скамейки и снова увидел Джалнара. Полуслепой марсианин очень медленно поднимался по ступеням лестницы. Рольф невольно пошел к нему. Таллен окликнул его.

— Я хочу помочь Джалнару, — вздохнул Рольф.

Голос Таллена внезапно стал теплым.

— Но у вас едва хватает сил идти самому, зачем помогать никому не нужному нищему?

— Возможно, сил мне не хватит. Но он нуждается в помощи.

— Мы должны идти наверх, — сказал Таллен. — Я уверен в Джалнаре. Хватило же ему сил добраться до Шестого Уровня. Если тут начнется заварушка, он сумеет найти себе укрытие. Но ваше желание помочь слепому марсианину делает вам огромную честь, друг мой. — В голосе Таллена чувствовался какой-то подтекст. — Ну-ка, — продолжал марсианин, — вспомните, кто зовет нас. В нашем мире тот, кто не повинуется такому зову, поступает опрометчиво.

— Но... — все еще попытался было спорить Рольф.

— Тот, кто настолько велик, что держит на ладони всю гору, может заодно позаботиться о слепом нищем, — прервал его Таллен. — Идем.

Рольф понял, что у него нет другого выбора, кроме как послушаться спутника. Когда они стали подниматься по

лестнице, ведущей на Седьмой Уровень, Рольф увидел нимб, нечто вроде ореола, окружавший высокий шпиль, который, словно копье, вонзался в бескрайний космос. И ему показалось, что в этом ореоле мелькают какие-то цвета и неясные фигуры, на которые было больно смотреть. Рольф уставился на них, но у него закружилась голова.

— С тобой все в порядке, папа? — снова спросила его Дженни.

— Конечно, — ответил Рольф, стараясь придать голосу твердость, но это было далеко от истины.

Где-то в его сознании все еще горела одинокая звезда. Цензоры изо всех сил пытались оградить его от воспоминаний, которые могли повредить рассудку, и так уже подвергшемуся испытаниям минувшей ночью, а также от того, что позади неуклонно заползала на Сузусилмар опасность. Рольф чувствовал, что с него уже хватит испытаний. Потом он вдруг обнаружил, что лестница закончилась. И Рольф застыл в изумлении перед тем, что увидел. У основания того, что он всегда считал сплошным металлическим шпилем, вздымавшимся к звездам, была распахнута дверь.

А за дверью, из которой шел яркий фиолетовый свет, было какое-то помещение.

— Как... Я и понятия не имел, что здесь что-то есть, — воскликнул Рольф.

— И всегда было, — ответил Таллен. — Гиганты, вырезавшие террасы-уровни на склонах Сузусилмара и установившие шпиль, построили внутри него храм. Идем.

И Таллен, мягко ступая, вошел в дверь. Следующий позади Таллена Унардо шел так, словно входил в священное место.

Обнимая одной рукой Дженни, Билл Хокер попытался придать ей храбрость. Рольф с удовольствием поделился бы храбростью с ними обоими, но с удивлением обнаружил, что ему самому едва хватает ее. Остановившись в дверях, он огляделся и поразился еще сильнее.

Помещение было круглым и куда больше, чем казалось снаружи. Семь рядов амфитеатром спускались к центру, к возвышению футов на три от пола.

Не считая дорожки и стоящего на ней табурета, возвышение было почти полностью занято самым большим абаком,

какой только видел Рольф. В медицинском абаке Унардо было около дюжины рядов с сорока бусинками на каждом. У этого абака рядов были сотни, а бусинок — много тысяч.

Рольф подумал, что этим абаком управляет какой-то супермарсианин. Нужны были годы обучения, чтобы научиться управляться всеми бусинками на этом инструменте.

«Неужели Таллен станет работать на нем?» — подумал Рольф. Он смотрел, как марсианин Пятого Уровня прошел по проходу, окружавшему помещение на высоте двери. Повернувшись, Таллен махнул людям, чтобы они последовали за ним. Значит, оператором будет не Таллен.

И постепенно Рольф начал думать, что марсианин, который сядет за этот абак, и будет таинственным Королем. Но где же этот Король? Возвышение было пустым.

С потолка струился тусклый свет, искрившийся на бусинках большого абакеа. У Рольфа сложилось впечатление, что от металлического шпиля, копьем устремившегося в бескрайний космос, исходит мощный энергетический поток. И эта энергия поступает на большой абак.

В этом месте было сосредоточение такой развитой науки, по сравнению с которой земная наука была ничем, просто ритуальными плясками дикарей. Местная наука основывалась на глубоких знаниях, позволявших контролировать силы природы. Еще никто из людей не знал, что это за силы, что за энергии и каков их эффект.

Но на Марсе множество тысячелетий назад обитали те, кому было это ведомо. Или они прилетали сюда на какое-то время, а потом улетели, но их знание осталось? Марсиане тихо стояли в помещении, как будто молились. Возможно, этот храм был самым святым местом на Марсе, настолько святым, что Таллен взял на себя громадную ответственность, приведя сюда людей.

Однако он сделал это не по собственной инициативе. Ему велели это сделать. Таллен привел землян к местам на верхнем ряду амфитеатра и усадил Рольфа справа от себя, Дженни — слева, рядом с ней сел Хокер, а возле Хокера — Унардо. Рольф почувствовал, что Таллен рассаживает их, точно детей, которые могли что-то сказать или сделать не так в самое неподходящее время, и что

посадил он их таким образом, чтобы они причинили как можно меньше вреда.

Было ли опасно в этом храме? Но разве могло быть опасно здесь по сравнению с той опасностью, что поднималась снизу, если Хардести выиграет это сражение?

Оказавшись победителем, Хардести стал бы действовать в традициях Компании. Он был бы безжалостен. Эксплуатируя Марс, Хардести наплевал бы на все человеческие законы.

Сидя неподвижно, Рольф понял, что здесь, в храме, все же присутствует опасность, по сравнению с которой жестокость Хардести — просто ничто. Но определить источник этой опасности Рольф не сумел. Казалось, у нее просто нет источника. Казалось, она разлита в самом воздухе этого помещения. Здесь было тихо. Очень тихо. Собравшиеся марсиане сидели с таким видом, словно едва-едва смели дышать. Прибывающие на цыпочках проходили к своим местам. На каждом месте была маленькая скамеечка, на которой стоял небольшой абак, похожий на тот, что использовал Унардо. Абак был и на скамеечке перед Рольфом, но когда он протянул палец, желая потрогать его, Таллен протестующе зашипело ему в ухо. Рольф быстро убрал палец, затем обратил внимание, что стекающий с потолка свет в храме постепенно становится ярче. Он понял, что энергия, поступающая с металлического шпиля снаружи, постепенно заполняет помещение.

Кругом стояла полная тишина. Это смутно напомнило Рольфу другую тишину, с которой он уже сталкивался где-то в глубине собственного разума. Но как только он начал что-то вспоминать, тут же включились цензоры, убирающие эти воспоминания. Память о той тишине была хороша лишь в нужное время и в нужном месте. Но сейчас она могла лишь причинить вред рассудку, и не более того.

Внезапно в тишине храма раздался столь неожиданный звук, что Рольф чуть не подскочил. Но быстрый взгляд Таллена велел ему не шевелиться. Затем Таллен посмотрел на Дженни и Билла Хокера — они неподвижно сидели на местах.

Сначала Рольф не понял источника звука, затем увидел, что один из марсиан протянул руку, и пальцы его, стремительно, как голова атакующей змеи, переместили бусинку стоявшего перед ним абака.

Дуууууууунг!

Еще один звук, гармонирующий с первым, но октавой ниже, пронесся по помещению.

И прежде чем он замер, другой марсианин коснулся своего абака, затем третий, пятый и так далее, так что храм наполнили музыкальные звуки прекрасной гармонии в прекрасном ритме, которые, казалось, были первыми тактами некоей утраченной симфонии Красной планеты.

Рольф первым делом подумал, что эта симфония является частью происходящего здесь религиозного ритуала. Мысли его снова и снова возвращались к религии, но всякий раз Рольф отбрасывал их. Религиозные мотивы могли быть частичным, но не полным объяснением того, что здесь происходило. В этом храме была запущена в действие супернаука. Рольф отчетливо понял это, когда увидел, что марсиане Пятого и Шестого Уровней не играют заученную мелодию, а импровизируют, творят музыку, и что каждая следующая нота должна быть в гармонии с остальными и добавлять новые штрихи к развивающейся теме!

Это было немыслимо, это поражало человеческий ум. На Земле симфоническими оркестрами руководили дирижеры, и играли они по записанным нотам. Здесь же не было никакого дирижера, а симфония, которую исполняли, еще никогда не была записана! Они создавали ее и исполняли одновременно!

Сам воздух в помещении, казалось, отзывался на эту симфонию. И, слушая, Рольф понял, что и его тело в определенной степени отзывается на музыку, как это было в кабинете Унардо.

Затаив дыхание, Рольф ждал появления дирижера, появления Короля. Он предполагал, что Королем окажется марсианин Шестого или даже Седьмого Уровня, из тех, кого Рольф никогда не видел.

Великий Король, управляющий всей горой!

И в Джоне Рольфе стало расти благоговение перед ним. Все сильнее и сильнее!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Когда он увидел, как дикари Первого Уровня полезли через проломы, сделанные в баррикаде его гранатами, жажда крови охватила Джима Хардести. Его жизнь на Земле, все эти годы, что он провел в Компании, была скучной и унылой. Она была лишь подготовкой для этого момента, когда он мог начать жить диким сражением на Марсе. Вот это была жизнь —сражение, борьба! Здесь человек мог полностью ощутить вкус жизни, потому что смерть была так близка. А одно не может существовать без другого. Хардести почувствовал, как сердце его забилось сильнее. Ноздри раздулись, как у боевого коня, услышавшего зов медных труб. Он откинул пластиковый фонарь вертолета, чтобы видеть и слышать то, что творилось внизу.

Звуки боя, треск автоматных очередей, пронзительные вопли раненых напомнили ему всю историю родной планеты, которая представлялась сплошной войной.

— Снижайтесь! — крикнул он пилоту.

— Но, мистер Хардести, там же стреляют! — запротестовал тот.

— Из-за этого я и спускаюсь! — заорал Хардести. — Я сам поведу их в битву!

Звуки сражения пробудили в нем неизвестные доселе и скрытые где-то в глубинах памяти наследственные воспоминания. Мысленным взором он видел себя, возглавляющим кавалерийскую атаку, преследующим беспорядочно убегающих врагов.

Пилот колебался.

— Вниз! — снова заорал Хардести.

Пилот нехотя повиновался. Хардести сунул гранаты в карманы куртки, затем снял ручной пулемет с подставки и рассовал по карманам запасные обоймы.

И тут одновременно произошло два события. Залп с левой стороны от баррикады, перегораживающей проход на Четвертый Уровень, показал, где скрывается резервный отряд защитников Уровня. Когда баррикада пала, этот отряд принял бой. Медленно продвигаясь вперед, воины в упор расстреливали лезущих вверх нападающих марсиан. Одновременно защитники тащили к баррикаде двери,

снятые с ближайших домов, металлические листы со склада, чтобы залатать проломы в баррикаде.

Но тут защитники Четвертого Уровня наконец-то заметили спускающийся прямо им на головы вертолет и открыли по нему массированный огонь.

А стрелками они оказались меткими.

Хардести увидел, как в бортах вертолета из прочного пластика появляются пробоины, услышал свист пуль.

Пока он стрелял в марсиан, это было забавно. Но когда марсиане начали стрелять в него, Хардести стало не до веселья.

— Вверх! Вверх! — закричал он пилоту.

Но ответа не последовало. Повернувшись, Хардести распахнул дверцу, ведущую в рулевой отсек, и пилот упал к его ногам, пытаясь ухватиться за Хардести. Изо рта у него текла кровь.

Пилот попытался что-то сказать, но задохнулся, схватившись за грудь, где ее прошила пуля из марсианского ружья. Внезапно глаза его потускнели и тело обмякло.

Хардести понял, что держит уже мертвеца.

Пули по-прежнему били в бока вертолета, где-то зловеще гудел двигатель. Большие лопасти, поддерживающие вертолет в воздухе, крутились все медленнее.

Хардести схватил микрофон.

— Беллер! — закричал он.

— Да, сэр! Все идет превосходно! — ответил Беллер.

— Ничего не прекрасно! Я падаю! — завопил Хардести.

— Сэр!

— Поднимай своих людей, Беллер! Немедленно!..

Приказы Хардести прервал громкий треск рвущегося металла. При падении вертолет развернуло на бок. Концы лопастей ударили в цветочную клумбу в центре парка. Поднялся вихрь из пыли и цветочных лепестков. Кабину бросило вперед, но, поскольку лопасти все еще вращались, она перевернулась. Лопасти вырвались из опор. Скрежет металла прорезал воздух.

Джиму Хардести показалось, что он очутился в волчке. Он ударился головой о стенку вертолета, когда тот перевернулся, и в него полетело мертвое тело пилота.

Труп, казалось, пытался уцепиться за него. Хардести отпихнул его, но труп вернулся, когда вращающийся вертолет

ударился о дерево на краю парка и остановился с металлическим скрежетом.

Еще раз отпихнув от себя мертвого пилота, Хардести стиснул ствол автомата и пополз к дверце, которую сорвало еще при первом ударе. Выпрыгнув из вертолета и упав на землю, Хардести на миг испугался за гранаты, рассованные по карманам, как бы они не взорвались от удара, но тут же сообразил, что они не взорвутся, пока не выдернуть кольца. Встать на ноги он даже и не пытался, а просто пополз. С гремящими в карманах гранатами, он напоминал механическую свинью. Впереди оказались заросли кустарника. Хардести заполз в них и спрятался под большим растением, ветви которого клонились до самой земли.

Вокруг было тихо. Вдалеке, на баррикаде, еще звучали выстрелы и крики, но Хардести не видел, что там происходит.

Рядом послышались голоса марсиан. В сером полумраке рассвета он мельком увидел их, осторожно крадущихся к разбитому вертолету. Хардести взял автомат наизготовку, но стрелять не спешил.

Возможно, они найдут труп пилота и решат, что больше в вертолете никого и не было.

Марсиане нашли пилота, но не совершили ошибки, приняв его за единственного человека на борту. Следы, оставленные Хардести, пока он выползал из вертолета, подсказали им, что второй пассажир убежал. Они пошли по следам, и Хардести вспотел в своем укрытии под деревом. Но тут на баррикаде ударил залп автоматных очередей.

В бой вступил Беллер со своими людьми.

Прячась под кустом, Хардести почувствовал, что снова хочет вступить в бой, его опять охватила жажда крови

Он знал, что марсиане Четвертого Уровня из всех обитателей этой таинственной горы больше всего походили на землян.

Земляне сражаются, защищая свои дома. Так же и марсиане Четвертого Уровня. Но кроме того, у марсиан был еще один повод защищать высшие Уровни, потому что они считали их священными.

Хардести недооценил этих марсиан. Он считал их слабаками, которые побегут, когда на них нападут люди с автоматическим оружием. Но теперь он видел, что они и не думали убегать. Пройти дальше можно было, лишь убив их. И Хардести засомневался, сможет ли Беллер со своей командой захватить баррикаду и получить доступ к Четвертому Уровню, где оружие даст им большее преимущество. Он также понял, что нужно было бы организовать нападение и на другой лестнице, чтобы разделить силы защитников.

Но теперь было поздно. Он должен победить здесь и сейчас. Должен победить, пока разгорается в небе рассвет, иначе все будет потеряно. А если он проиграет, то ему будет затруднительно объяснить Компании, на что он потратил на Марсе такую кучу денег, в то время как Компания не станет считать затраты, если операция завершится успешно. Но при неудаче аудиторы Компании начнут подсчитывать все потраченные деньги вплоть до последнего пенса. И в конечном итоге они поняли бы и доложили президенту, что целью операции была личная выгода Хардести и что он хотел заполучить изобретение, сделанное живущим здесь человеком, лично для себя. И тогда старик Х. Б., несомненно, узнал бы, что телепатическая машина существует, и захотел бы получить ее.

Х. Б. всегда умел распознать стоящую вещь. И он без колебаний украл бы ее, если была такая возможность!

Сидя под кустом, Хардести лихорадочно соображал, и стал думать еще быстрее, когда вдруг понял, что все эти рассуждения строятся на предпосылке, что сам он останется в живых. Но эта предпосылка могла стать ложной!

Хардести вспотел. Холодный, сухой воздух Марса высасывал его пот столь же быстро, как его производили потовые железы, поэтому лоб Хардести оставался сухим. Треск автоматных очередей стал громче. Может, Беллер уже бросил в бой все свои резервы. Бандит всегда мог бы вспомнить, что собственная жизнь важнее. Если бой разгорелся не на шутку, Беллер мог и забыть, что его босс попал в беду здесь, на Четвертом Уровне.

Хардести не знал, что сделали бы марсиане Четвертого Уровня, если бы нападение потерпело неудачу, и он попал

бы к ним в руки. Может, они содрали бы с него кожу и вывесили его корчащееся тело на парапете как предупреждение всем, кто еще захотел бы напасть на священную гору.

Из всего этого следовало лишь одно: нападение не могло потерпеть неудачу! Просто не могло!

Он должен одержать победу! Любой ценой!

Хардести подполз к краю кустарника и присел на корточки. Зажав автомат под левой подмышкой, он вытащил из карманов гранаты и разложил их перед собой.

С того места, где он находился, Хардести видел баррикаду. Марсиане Четвертого Уровня пытались заделать в ней бреши, но автоматный огонь снизу затруднял им работу.

Тогда Хардести стал действовать. Вытаскивая кольца зубами, он бросил гранаты одну за другой, а затем распластался на земле.

Бум! БУ-УМ! Бум, бум!

Взрывы гранат звучали, словно топот ног рассерженного гиганта, печатающего шаги по поверхности Красной планеты.

Хардести почувствовал всем телом, как гора задергалась, точно испуганное животное.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Музыка в храме поднялась до крещендо и протянулась долгим аккордом, словно в ожидании появления кого-то. А может, музыка действительно звала кого-то? Этого Рольф не знал. Однако никто так и не появился.

Но музыка не смолкла. То один, то другой марсианин вносил свою нотку, и, с бесчисленными изменениями, тема опять стала симфонией, чтобы достигнуть кульминации в еще одном долгом аккорде, где смешались все ноты, произведенные абаками в храме.

Снова просьба прийти не получила ответа. И снова полилась музыка, гаммой выше и с более пронзительным призывом. Когда ноты потекли через его тело, Рольф стал отзываться на них, так что его эмоции, казалось, превратились в музыку, а музыка стала эмоциями, и все это слилось в единстве гармонии. Рольф

почувствовал, что его мысли стали подчиняться тому же ритму. Сперва цензоры, сторожившие его разум, отнеслись к этому ритму отрицательно и попытались подавить его, понимая, что ритм принесет с собой воспоминания, с которыми разум не сможет справиться. Но затем, постепенно, сами цензоры стали вливаться в мелодию, подчиняться ритму, поскольку решили, что Рольф не опасен здесь, в амфитеатре храма у основания тонкого шпиля, нацеленного, точно копье, в бесконечное пространство.

Рольф был по-прежнему ошеломлен тем, что эта музыка, эта гармония, слитные в невероятное единство, были созданы без дирижера, нот или хотя бы общего плана. Или на возвышении в центре амфитеатра действительно стоял невидимый дирижер? Рольф вздрогнул от этой мысли. Возможно, глаза марсиан могли воспринимать часть спектра, невидимого для глаз людей? Он внимательно поглядел на возвышение, но там не на что было смотреть.

ДЖЖЖЖОООООНГ!

Рольф услышал неправильную ноту, резкий диссонанс, который прокатился по телу колючкой боли, которая могла стать мучительно болезненной, если бы нота звучала дольше.

Волна боли прокатилась через марсиан. Рольф мимолетно увидел того, кто взял неправильную ноту. Марсианин взмахнул руками, словно был охвачен сильной болью.

Более того, у Рольфа создалось впечатление, что если эта ошибка не будет немедленно исправлена, если она не станет отправной точкой новой, более высокой гармонии, если... он не знал, что случиться тогда. Но в воздухе явно витала гибель.

Пальцы Таллена метнулись к абаку, он подхватил эту ноту и тут же проиграл три других, использовавших неправильную ноту в качестве фундамента, на котором стали строить новую часть симфонии, создавая верное начало из предыдущей ошибки.

Рольф ошеломленно почувствовал, что это гора сама исправила все и вернула на место, когда полился поток новой волшебной музыки.

Только руки, которые двигались быстрее, чем кошачьи лапы, и мысль, быстрее, чем молния, могли достичь такого результата.

Рольф снова увидел марсианина, допустившего неправильную ноту. Он резко упал вперед, уткнувшись головой в каменную скамеечку возле его абака. Рольф тут же понял, что он мертв. И, вспомнив колючую боль, что пробежала по его телу, когда была взята неправильная нота, предположил, что именно это убило марсианина.

Теперь Рольф, хотя бы отчасти, понял, почему марсиане высоких уровней всегда двигались так, словно шагали по яйцам с очень тонкой скорлупой. Цена неправильной ноты, как и неверного шага, была одна — смерть. Однако марсиане высоких уровней, казалось, относились к этой опасности как к неотъемлемой части жизни. Рольф был уверен, что никто не вынуждал их прийти в этот храм, и страх, а точнее, нечто гораздо большее, нежели страх, зародилось в нем. Он знал, что мельком увидел кое-что, ранее скрытое завесой тайны, окутывавшей, точно саван, Сузусилмар. Но это был лишь мимолетный проблеск. Лишь намек на большую тайну.

Если неправильно взятая нота привела марсианина к смерти, то к чему приведет неправильный поступок? Рольф предпочел даже не думать о такой возможности. У него создалось впечатление, что в этом храме уже сконцентрировалось достаточно энергии, чтобы сотрясти гору до основания или даже встряхнуть всю планету. На Земле атомная энергия находилась под жестким контролем Мирового Государства, и ни один человек не мог использовать для себя лично эту жуткую силу. Но Рольф заподозрил, что громадная энергия, высвобожденная из атома, все еще пугающая половину человечества на Земле, была ничтожно малой по сравнению с энергией, сконцентрированной здесь.

Он не знал природы здешней энергии, но подозревал, что эта энергия исходила из космоса и преобразовывалась, изменялась и управлялась марсианами с маленькими абаками. Музыкальные ноты были не самой энергией, а лишь звуковой ее частичкой, позволяющей марсианам слышать, как изменяется эта энергия. Это была могущественная наука, наука о превращении энергии в совершенную гармонию, прекрасно сбалансированную, со звуковой составляющей, словно гигантской симфонией, которая взлетала все выше и выше, словно упрашивая кого-то — короля или бога —

откликнуться на ее призыв. В этой музыке чувствовалась жизнь, словно сама энергия каким-то странным образом была живой и отзывалась на массовый призыв марсиан, собравшихся в храме.

Музыка достигла кульминации в еще одном призывающем, умоляющем аккорде. Но не появился никто: ни бог, ни король. При мысли о короле в голове Рольфа пронеслись старые воспоминания, принесенные с Земли, о королях, командующих армиями, королях, сидящих на тронах, носящих украшенные драгоценностями короны, королях, сжимающих скипетры как символы власти. Это была память о картинах, которые он видел когда-то в музеях. Для любого короля, который когда-либо жил на Земле, рисовали портреты лучшие художники его эпохи. Рольф всегда относился к такой живописи, как к памятникам человеческому тщеславию.

Аккорд все длился и длился, и тянулся, казалось, вечность, но все же умолк и он. И все замерло. Марсиане каменными статуями застыли перед абаками. Ни движения рукой, ни шевеления веком. Сам воздух в храме, казалось, скрутился гигантской пружиной и корчился от сжатой в нем энергии. В воздухе искрились синие пылинки света, напомнив Рольфу горящую у него в сознании звезду.

В храме стояла тишина.

И тишину эту нарушили два звука. Далекая сухая дробь автоматной очереди, и тихое постукивание конца деревянного посоха по камням.

Второй звук мог означать только то, что Джалнар не нашел убежища на Шестом Уровне, а добрел до храма наверху горы, надеясь, что здесь он будет хотя бы некоторое время в безопасности. Сочувствие вспыхнуло в Рольфе и скрутило в узел все его внутренности. Он знал, что чувствует дичь, за которой идет охота, но только сейчас он понял, что значит быть слепой дичью. Хотя здесь, на Сузусилмаре, Рольф вечно ощущал, что зрение не передает ему и малой части окружающего.

А вслед за сочувствием пришел ужас, потому что Рольф вспомнил, что стало с марсианином, который взял неправильную ноту. И если уж квалифицированный марсианин Пятого или Шестого Уровня смог допустить смертельную

ошибку, то что станет со слепым Джалнаром в этом месте, переполненном энергией? Единственный неправильный стук посоха может послать нищему смерть!

Рольф ощутил импульс вскочить, побежать к Джалнару, схватить его за руку и увести отсюда, где смерть могла наступить из-за одного неправильного удара посоха о камни.

— Сидите и не двигайтесь! — прошептал в голове Рольфа голос Таллена.

И Рольф успел подавить импульс вскочить прежде, чем он стал действием. Он не смотрел на Таллена — это было тоже запрещено, — но откуда-то знал, что марсианин Пятого Уровня в курсе его чувств.

— Вы дадите ему погибнуть? — попытался мысленно спросить он.

— Спокойно, не шевелитесь, — ответил Таллен. — Иначе молния поразит нас!

Рольф замер. «Здесь Марс, — сказал он себе. — И если Джалнар должен быть спасен, то это должны сделать сами марсиане».

Марсиане знали закон и правила. А он, Рольф, был человеком и незваным гостем. Если они решили позволить полуслепому нищему зайти туда, где смерть могла настигнуть его в любой момент, то это был все же их мир.

Стук посоха стал громче. Джалнар появился в проходе амфитеатра. Посох нащупал ведущую вниз ступеньку, и Джалнар сделал первый шаг вниз, затем остановился, опираясь на посох.

Казалось, он не был уверен, стоит ли идти дальше.

Рольф подумал, что наверняка сейчас поднимется какой-нибудь марсианин, чтобы сопроводить нищего в безопасное место.

Кто же хотел видеть в своем храме это одетое в лохмотья чучело?

Но ни один марсианин не шелохнулся.

Джалнар медленно сделал второй шаг. Конец посоха нашарил следующую ступеньку. Марсиане по-прежнему не шевелились. Они сидели на своих местах, точно статуи. В храме стояла абсолютная тишина. Казалось, сам воздух застыл от сжатой в нем энергии.

И вдруг послышался тихий ритм, напоминающий барабанный бой. Медленный и приглушенный, он, казалось, исходил из пустоты, потому что не было видно никакого его источника.

Но тут же Рольф увидел этот источник. Всякий раз, когда посох Джалнара касался пола, слышалась барабанная дробь. И Рольф понял, что посох поддерживал правильный ритм, даже когда Джалнар использовал его, ища себе путь вниз. И поглядев пристально, Рольф уловил мелкие, ритмичные движения запястья Джалнара.

Пока марсиане сидели, как статуи, и Джон Рольф сдерживал, как мог, дыхание, слепой нищий, осторожно, шаг за шагом, шел к основанию храма. Конечно же, подумал Рольф, вот теперь кто-нибудь из марсиан позаботится о нем!

Но марсиане, казалось, даже не ощущали его присутствия. Они, как и трое землян, затаили дыхание. Пока самый воздух в храме дрожал и корчился и в нем вспыхивали тусклые звездочки света, марсиане сидели в полной неподвижности.

Никто не шевельнулся даже тогда, когда полуслепой нищий направился к возвышению в середине круглого амфитеатра храма. Рольф даже предположить не мог об интенсивности энергии, сконцентрированной на этом возвышении, но знал, что она должна быть громадной. Он ожидал, что вот-вот, в любой момент из стоявшего там громадного абака выпрыгнет электрическая искра и превратит тело нищего в пепел.

Но не было ни искры, ни пламени. Конец посоха предварял каждый шаг, ведущий на вершину возвышения. Барабанная дробь не замолкала и не меняла ритма.

Джалнар выпрямился на возвышении. Его заплатанная, как у чучела на фермерском поле, одежда встала дыбом, словно раздутая ветром. Но не было здесь ни малейшего ветерка, просто она настолько была наэлектризована.

Рольф не мог закричать, его голосовые связки были словно парализованы и не могли издать ни звука. Он мог лишь смотреть, смотреть и надеяться, что ужас его уже не сможет стать сильнее.

Но его надежда была напрасна. Ужас все рос и рос, потому что Джалнар нашел проход, ведущий к огромному

абаку. Казалось, он считал, что нашел наконец-то место, где можно укрыться. На его лице появилось нетерпение. Держа перед собой посох, он пошел вперед более твердым шагом. Он вел себя, как дичь, за которой долго гонялись и которая наконец-то нашла убежище.

Подойдя к огромному абаку, Джалнар нашарил табурет и, сев, опустил посох на пол рядом с собой.

И тут смолкла барабанная дробь.

Воздух в храме внезапно стал горячим. Тишина была, как в бесконечном космосе. Марсиане, казалось, перестали дышать. Все ждали. И громадная гора ждала вместе с ними. А может, ждал и весь Марс. Джалнар тоже замер, точно животное, нашедшее, наконец-то, убежище. А затем, дюйм за дюймом, его правая рука с искривленными, как когти, пальцами потянулась к бусинкам огромного абака. У Рольфа возникло смутное впечатление обезьяны, которая, блуждая, попала в помещение, где стоял громадный компьютер. Увидев клавиши, обезьяне стало любопытно. Она потянулась к ним. И никак нельзя было ей сообщить, что клавиши, которых она коснется, могут выпустить энергию, что сотрясет всю планету вплоть до самого ядра!

Джалнар коснулся бусинки абака, и энергия ответила. Единственная нота, торжественная, как начало большого гимна, прозвучала в тишине храма.

И немедленно, словно этого и ждали, все марсиане в храме пришли в себя. Их пальцы метнулись к абакам. Храм заполнился гармоничной музыкой, в которой главенствовала торжественная партия сигнального горна. Скрученный, напряженный, горячий воздух внезапно ожил пульсирующими цветами.

Скрюченные пальцы Джалнара коснулись второй бусинки, затем еще и еще, его руки задвигались, словно у арфиста. А через несколько секунд храм уже заполнила новая, более торжественная симфония.

Марсианин, который едва различал поднесенную к самым глазам руку, стал лидером собравшихся здесь. Он тоже работал спонтанно, импровизируя. Симфония изменила свое течение, словно могучая река, разбившаяся на сотни водопадов, но не потеряв при этом ни направление течения, ни

интенсивность потока. Казалось, она устремилась к некоему величественному кульминационному моменту, пока еще недостижимому.

И все это делал слепой нищий.

Джон Рольф сидел на своем месте, оцепенелый и неподвижный, и у него внезапно возникло шокирующее осознание, что он видит короля Красной планеты!

Это Джалнара, полуслепого нищего, призывали собравшиеся здесь марсиане. Это Джалнар, жалкое чучело, имел власть над Сузусилмаром!

И пока рациональная часть разума настаивала, что это невозможно, Рольф вспомнил, как точно Джалнар метнул посох, когда Беллер попытался застрелить Дженни. Он также вспомнил, что Джалнар оказался в нужном месте в нужное время, чтобы предотвратить трагедию. Выходит, Джалнар заранее знал, что может произойти? Даже если будущее и не открыто ему, то он явно получает намеки...

Внезапно сердце Рольфа екнуло, когда он вспомнил, как часто говорил с Джалнаром, считая его всего лишь нищим. Это не Джалнар был слепым, а он сам, Джон Рольф, ничего не видел! Самая великая тайна Сузусилмара много раз возникала у него перед глазами, а он не распознал ее. Он видел всего лишь нищего! Его охватил стыд за то, что он был так слеп, а поскольку симфония набирала мощь и взлетала все выше и выше, в груди у Рольфа возник страх. И тогда его «эго» вырвалось из своих пут.

Он стал Джалнаром. И в Джалнаре его потрясло смирение, которое возникает, когда уже нет уже гордости. Когда все тщеславие смыто и растворено в чем-то большем. Оказавшись в Джалнаре, Рольф стал также любым марсианином, присутствующим в храме и даже вне храма. До некоторой степени он идентифицировал себя со всеми марсианами на Сузусилмаре, а возможно, и с самой горой. Марсиане Четвертого Уровня сражались за свою жизнь, и Джалнар был с ними. Но он был также с дикими соплеменниками, пробивающимися с боем вверх с более низких уровней. И он был с землянами, организовавшими и возглавившими это нападение.

Но все это не было здесь удивительным, потому что Джалнар был чем-то вне всего. Он был энергией, приходящей из

бесконечности космоса и стекающей по высокому шпилю, копью, нацеленному в высокие небеса. Он был этой энергией, но одновременно и управлял ею. Она струилась, куда хотел он.

У этого слепого нищего был суперразум, способный понять не только тайны Седьмого Уровня, но и ненависть, страхи и надежды всех обитателей Сузусилмара. Но этот суперразум не мог видеть будущее. Он создавал это будущее, строя из него, спонтанно и импровизированно, настоящее, как великую симфонию. А марсиане, участвующие в этой симфонии, обучались сами, чтобы в далеком будущем самими стать суперразумами и занять место короля, когда уйдет Джалнар, и чтобы король стал чем-то еще более великим.

Рольф понял, что его самого, Дженни и Билла Хокера привели в этот храм для того, чтобы дать суперразуму модель человеческого разума, так как Хардести был человеком и пытался с боем пройти на Четвертый Уровень. Все разумы были смешаны и соединены в единый, чтобы встретить угрозу, которую принесли с собой Хардести и Компания, которую он представлял.

Таким образом «эго» Джона Рольфа попало в этот синтетический разум Марса, когда слепой нищий собрал и смешал энергию, позволяющую ему держать в одной искривленной руке большую часть Сузусилмара.

Музыка и энергия увеличивали и без того бурный темп, и Рольф снова почувствовал растущее вокруг напряжение. А потом наступила тишина.

Рассветные лучи проникли в храм через открытую дверь. Солнце поднялось над краем марсианского горизонта и поползло все выше, а внизу торжествующие крики сообщили о победе. Гигантская волна этого крика прокатилась по горе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Джону Рольфу показалось, что он слышит сразу многочисленными ушами, включая и свои собственные. Жители

Красной планеты слышали иные звуки, нежели те, кто был рожден на Земле с более плотным воздухом и большей силой тяжести. Марсианские уши могли слышать звуки до 25 000 герц, а человеческие только до 16 000.

Но через марсианские уши Рольф услышал звуки, которые никогда прежде не слышал: писк, похожий на мышиный, какой-то шелест, словно от шелкового полотнища на ветру, шипение, будто пар под давлением. Он также обнаружил, что марсиане воспринимают иной диапазон ароматов, нежели люди. Столетия засухи позволили марсианам чуять малейший намек на влагу в воздухе. Способность чуять воду спасла жизнь многим марсианам, заблудившимся в обширных пустынях. Иными были также и эмоции. Марсиане ощущали целый диапазон прекрасных чувств, о существовании которых Рольф даже не подозревал.

Но сейчас больше всего марсиан интересовали не запахи, а то, что они слышали.

Внизу на горе кто-то закричал. В ответ простучала автоматная очередь. Крик резко смолк.

Дрожь пронизала марсианские умы. Дрожь от осознания смерти. Марсиане на горе смолкли, а марсиане в храме почувствовали идущую снизу смерть.

Снизу, издалека, донесся хриплый голос:

— Оставь охрану на Пятом Уровне, Беллер! Пусть стреляют в любого, кто подойдет слишком близко. Остальные — со мной!

Это был голос Хардести. Он ясно прозвучал в рассветном воздухе.

Скрюченные пальцы Джалнара изменили ритм игры на абаке. Теперь гармония стала прерываться внезапными дикими взрывами звуков, напоминающими женский плач. Память подсказала Рольфу, что это такое. Это был марш смерти жителей пустыни. Это был их дикий плач, когда умирал кто-нибудь из их соплеменников. Рольф слышал несколько раз, как в пустыне играла музыка, напоминавшая шотландскую волынку.

У музыки, исполняемой здесь и сейчас, был лишь один смысл. По горе шла смерть. Вот только чья смерть?

Ни Джалнар, ни работаший с ним в унисон сборный разум, не знали этого. В наступившем критическом моменте было не определено, кто именно умрет.

Внизу снова раздались крики. Им ответили автоматы, уже явно ближе.

В храме стал громче марш смерти.

Рольф почувствовал, как Дженни мысленно зовет его. Она была охвачена тревогой, и сердце подсказывало, что ей нужен отец. Рольф попытался успокоить ее, передать, что все будет хорошо, хотя он сам вовсе не был уверен в этом. Дженни ощутила нехватку его уверенности. Но тут вмешался Джалнар.

— Спокойнее, человек, — прошептал его голос в голове Рольфа.

Рольф попытался последовать совету, но мысли не повиновались ему. Разве марсиане не понимают своего положения? Хардести не оставит в живых никого, кто мог бы создать ему проблемы в будущем.

— Я знаю, — сказал Джалнар в голове Рольфа.

— Но почему вы не останавливаете его?..

— Гораздо важнее наших деяний правосудие, — прошептал голос Джалнара. — Я должен судить его по той же шкале ценностей, что и вы, люди.

— Но у вас же есть власть...

— А с властью есть и ответственность, — ответило «эго» Джалнара «эго» Рольфа.

Рольф внезапно умолк. Впервые он подумал о значении слова «правосудие», какое имел в виду Джалнар. Оно включало в себя ценность человека, его побуждения и истоки этих побуждений, оно рассматривало Хардести, людей и марсиан, которых он убил, также взвешивало их ценность, и из всего этого возникало уравнение громадной сложности. Только сейчас Рольф понял причину смирения, которую нашел в разуме Джалнара. Вселенная была такой громадной, такой сложной, что даже суперразум был очень скромным и смирялся перед ней.

Музыка продолжала медленный ритм похоронного марша. Давление в храме все нарастало, пока сам воздух не зашипел от напряжения. Снаружи все ближе и ближе раздавались взрывы гранат и автоматные очереди. Рольф, без сомнения, знал, что Хардести преодолел баррикаду на Четвертом Уровне и был теперь на пути к вершине горы. Из открытой двери храма слышался скрежет шагов по камням.

Люди достигли вершины Сузусилмара. Рольф уже слышал их невнятные голоса снаружи. Они нашли раскрытую дверь, ведущую в храм, и пытались понять, что находится внутри.

— Пойдите и узнайте, что там! — закричал Хардести.

Первым в двери появился тупой ствол автомата. А за ним голова человека. Глаза его расширились, когда он увидел амфитеатр. На мгновение он застыл, потом голова и ствол оружия исчезли.

— Здесь куча цапель, наигрывающих какую-то странную музыку, босс, — послышался голос снаружи.

Музыка сменилась тишиной. Джалнар сидел, как каменный, перед большим абаком. И все марсиане в амфитеатре тоже сидели неподвижно.

Потом в дверном проеме появился Хардести. В каждой руке у него было по автоматическому пистолету, которые он позаимствовал у убитого во время боя на Четвертом Уровне. Его черные бакенбарды топорщились, из царапины под левым глазом текла струйка крови, одежда была грязна и изорвана.

Но в глазах у него светилась победа. Он держался с самоуверенностью того, кто выиграл битву и знает об этом. Когда он вошел, вновь послышалась музыка. Она тихонько вторила его шагам, как похоронный марш.

За Хардести шел Беллер. Лицо маленького бандита было также покрыто копотью и пылью сражения. Он походил на гремучую змею, которая сделала выпад и осталась довольна его результатом. В правой руке у него был автоматический пистолет.

Хардести обвел взглядом амфитеатр и среди собравшихся увидел ее.

— Дженни, какого черта вы здесь делаете? Я же оставил вас на корабле.

В его голосе звучало удивление.

Дженни сидела как замороженная.

— Немедленно идите ко мне, — велел ей Хардести.

Сквозь музыку пронесся шквал нот, когда Дженни попыталась подняться, но в ногах ее, казалось, не было сил. Она попробовала еще раз, опираясь на плечо Билла Хокера.

— Сидите, сидите, — сказал ей Хокер и встал на ноги.

Одновременно с ним поднялся и Рольф.

— Нет! — выдохнула Дженни, поняв их намерения. — Он убьет вас обоих!

Горячая волна звуков пробежала по помещению.

— Дженни! — властно скомандовал Хардести.

Она вскочила и встала перед отцом и Биллом Хокером.

— Я люблю вас обоих, — сказала она, — и не допущу, чтобы вас убили. Не вмешивайтесь.

— Вы любите меня? — прошептал Билл Хокер.

— Да, я же сказала, — ответила Дженни и направилась к каменной дорожке, окружающей амфитеатр позади верхнего ряда.

— Нет! — в голос выкрикнули Билл Хокер и Рольф.

— Я справлюсь сама, — решительно сказала она, направляясь к Хардести. Они посмотрели друг на друга.

— Этого я и боялся, — сказал ее отец, и оба последовали за нею.

Пока Дженни шла по дорожке, ее каблучки стучали по твердым камням. И внезапно музыка подстроилась под ритм этого стука. Теперь это был не похоронный марш, а военная песнь о храбрости, силе и решительности. Хардести уставился на Билла Хокера. По его лицу было видно, что он узнал его.

— Как, черт побери, вы попали на Марс, Хокер? — спросил он.

— Прилетел на вашем корабле, мистер Хардести, — ответил Хокер.

— Надо же. А я и не знал. Но неважно, домой вы на нем все равно не улетите, — в его голосе послышалось мрачное предупреждение.

— Возможно, вы тоже, Джим, — сказала Дженни.

Оружие в руке Беллера оказалось направлено на нее. А позади Беллера появились другие люди, с автоматами наизготовку. Дженни не обратила на них внимания.

— Что вы хотите этим сказать? — принял вызов Хардести.

— Ничего конкретного, — ответила она. — Но вы вторглись в самое священное место на Марсе. Ни один землянин не бывал здесь прежде. Как знать, что может произойти с подобным злоумышленником.

— Но вы же здесь, — сказал Хардести.

— Да, — кивнула она, — но меня пригласили.

Она шагнула к нему. Хардести вздрогнул и огляделся на Беллера.

— Если она ударит меня, стреляйте.

Беллер кивнул, облизнув тонкие губы.

— То же касается и этих двоих, — добавил Хардести.

Беллер снова кивнул.

— Почему вы думаете, Джим, что я хочу ударить вас? — спросила Дженни.

— Вы уже сделали это однажды.

— Это было давно, — сказала Дженни тихим голосом с мечтательными интонациями. — Теперь же все по-другому.

— Да, — кивнул Хардести. — Теперь все по-другому. Теперь я на вершине. А вы приползли ко мне на животе, пытаясь спасти вашу жизнь, жизнь вашего старика и вашего любовника.

— Приползла? — повторила она, как плюнула. — Я не перед кем не ползала!

Рольф перехватил ее руку, прежде чем она успела нанести удар. Какую-то долю секунды он боролся с ней, пытаясь заставить остановиться. Пока он боролся с дочерью, музыка в храме словно сошла с ума, но когда Дженни затихла, у него создалось впечатление, что музыка помогла успокоить ее.

Когда Дженни утихомирилась, Хардести что-то одобрительно проворчал и тут словно впервые увидел Рольфа.

— А, привет, Джон, — сказал он.

Называя Рольфа по имени, Хардести словно показывал, что, по крайней мере в мыслях, он уже был президентом Компании. И он был вежлив по отношению к человеку, который не являлся его подчиненным, но которого он намеревался использовать.

— Рад снова увидеть вас.

Хардести не стал протягивать ему руку. Президент не обменивается рукопожатием со швейцаром. Кроме того, в каждой руке у него было по пистолету.

— Я добрался сюда, Джон, — продолжал Хардести.

— В каком-то смысле, да, — сказал Рольф.

— Вам больше не стоит ни о чем волноваться. Я присмотрю, чтобы о вас хорошо позаботились.

Говоря это, он бросил на Дженни взгляд, сказавший яснее слов, что он намеревается защищать ее отца, пока она сотрудничает с ним — и никак иначе.

Дженни вздрогнула, поняв это. Но сумела держать язык за зубами. Рольф тоже молчал. Он не настолько доверял себе, чтобы начать говорить.

— Между прочим, Джон, я решил, что нам может пригодиться то ваше устройство, — говорил тем временем Хардести. — Как вы его назвали? Теликнон? Ну, эта ваша телепатическая штучка. Я увезу ее на Землю. Когда мы закончим здесь, вы можете спуститься в свою лабораторию и принести ее мне.

Тон Хардести был небрежным, словно президент Компании говорил мальчишке-посыльному, что надо сделать.

Когда-то Джон Рольф яростно вознегодовал бы на эту манеру. Когда-то Рольф был горд, пока слепой нищий не преподал ему урок смирения. Его гордыня была смыта действиями суперразума.

— Да, мистер Хардести, — ответил Рольф.

Дженни ошеломленно поглядела на отца.

— Хорошо сказано, человек, — прошептал в голове Рольфа голос Джалнара.

Но если в глубине души у Рольфа и было смятение, если он понимал, что его тянут в разных направлениях, то он не позволил себе отразить это на лице. В сердце у него теплилась надежда, что Джалнар нанесет смертельный удар этому наглому щенку.

Но если у Джалнара и было такое намерение, то он никак не отразил его в мыслях. И тут Хардести впервые обратил внимание на музыку в храме. Он обвел взглядом амфитеатр. Но ни малейшего удивления не появилось у него на лице от того, что он увидел.

— Чем здесь заняты эти чучмеки? — спросил он.

Рольф уже полностью контролировал свои эмоции.

— Это их святое место, — ответил он.

— Я уже сказала ему, — прервала его Дженни. — Но для него это ничего не значит.

— Мне плевать, насколько свято это место, — рявкнул Хардести. — Я хочу знать, что они делают.

— Возможно, по-своему молятся, — быстро сказал Рольф.

Слова вылетели у него непрошенными. Он не сказал бы это, если бы у него было время подумать.

— Гм-м!.. — протянул Хардести, вложив в этот звук презрение, затем повернулся к людям, которые пошли за ним в храм. — Займите позиции наверху, — приказал он. — Стреляйте в каждого, кто двинется с места. А вы следуйте за мной, — велел он Беллеру, когда все двинулись выполнять приказ.

Беллер кивнул. Хардести начал спускаться по ступеням, ведущим к центру амфитеатра. Беллер следовал за ним, а Рольф, Дженни и Билл Хокер шли за маленьким бандитом.

Музыка подстроилась к ритму шагов Хардести. Теперь она снова стала воющим похоронным маршем обитателей пустыни.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Внизу Хардести внезапно остановился и повернулся к Рольфу.

— Эти чучмеки отбивают такт моим шагам, — сказал он. — Они что, пытаются оскорбить меня?

Его глаза сверкали от гнева.

— Ничуть, мистер Хардести, — ответил Рольф. — Это их способ чтить победителя.

Рольф солгал и прекрасно понимал это. Мысленно он почувствовал, как Джалнар скорчился от этой лжи. Еще один марсианин в переднем ряду тоже содрогнулся и пропустил ноту. И тут же помещение прорезал неуместный звук. В воздухе затанцевали тусклые вспышки света, словно зарницы на далеком горизонте. Миллионами нот засверкали красные вспышки, как стоп-сигналы, останавливающие поток музыки.

Пальцы Джалнара с лихорадочной поспешностью забегали по абаку. Он уловил дисгармонию и начал строить на ней новую гармонию звуков. И все марсиане в помещении лихорадочно помогали ему. Медленно, словно сопротивляясь, хаотический шум стал отступать. Музыка снова вернулась в лоно симфонии, и мелодия похоронного марша исчезла в этом потоке.

Марсианин в переднем ряду, взявший неверную ноту, резко упал вперед. Рольф подумал, что наверняка эту смерть вызвала его ложь.

— Спокойно, — прошептал Джалнар. — Похоронный марш был сыгран для него. Ты не имеешь к этому никакого отношения.

Хардести обратил внимание на мертвого марсианина.

— Что с ним случилось? — спросил он Рольфа.

— Я... я не знаю.

— Осмотри его, — кивнул Хардести Беллеру.

Бандит шагнул вперед, склонился над марсианином и тронул его за руку. Тело свалилось на бок. Беллер выпрямился и повернулся к Хардести.

— Он мертв, — сказал Беллер.

Всего лишь прошлой ночью Хардести видел много мертвых людей и марсиан. Еще один не мог иметь никакого значения. Но он почему-то испугал его. Хардести повернулся к Рольфу.

— Что убило этого чучмека?

— Я... Возможно, сердечный приступ. Мы находимся на вершине горы, а он уже был в годах.

Жгучие глаза Хардести не отрывались от Рольфа, пот постепенно смыл кровь с его лица.

— Какой, к черту, сердечный приступ? — рявкнул он.

— Я не врач, мистер Хардести. Это всего лишь мое предположение. Это уже второй, который умер здесь с вечера. — Рольф махнул рукой вверх на тело первого умершего марсианина. — Вон там еще один. Он умер точно так же, как тот, на кого вы глядите.

— Что с ними произошло? Только не говорите мне, что вы не знаете. Вы же здесь были! — Пистолеты Хардести внезапно направились на Рольфа.

— Но, мистер Хардести...

— Я прекрасно могу обойтись без вас, — прервал его Хардести, в его глазах сверкала явная угроза. — Если они умерли просто так, то так же может умереть и любой из нас. Например, я. Или вы сами. — Он взмахнул пистолетами.

Из глубины души Рольф послал умоляющий призыв Джалнару.

Ответа не последовало.

Рольф взглянул на полуслепого марсианина, полускрытого стоявшим на возвышении громадным абаком.

Джалнар был слишком занят, играя на нем, чтобы отвлекаться на Рольфа.

— Джим! — воскликнула Дженни и двинулась к Хардести, не обращая внимания на оружие. — Вы что, не понимаете, что папа не знает, что отвечать? Я тоже была здесь, когда умер первый марсианин, но я не знаю, что убило его. Мы не может рассказать вам того, что сами не знаем.

— Он просто задерживает меня, — сказал Хардести.

— Когда сам боится? — покачала головой Дженни. — Нет, Джим, он говорит правду.

Глаза Хардести еще раз оценивающе взглянули на Рольфа.

— Он дрожит, — сказал Хардести.

— Дженни права, мистер Хардести, — заговорил Рольф. — Я... я впервые здесь, в этом храме. И я многого здесь не понимаю...

— Зато я понимаю, — в глазах Хардести опять вспыхнул гнев. — Может быть, они убили его, чтобы попытаться испугать меня!

— Но это же... — Рольф успел заставить себя замолчать. Прежде чем закончил начатую фразу.

Он собирался сказать, что все это параноидальное заблуждение Хардести, и схлопотал бы за это пулю.

— Они не запугают меня! — заорал Хардести. — Скажите им, что они не запугают меня. А если попробуют...

Пистолет в его правой руке внезапно повернулся к старому марсианину, сидящему в первом ряду. Его морщинистое лицо стало землисто-серым, глаза закрылись, и он перебирал бусинки абака наощупь.

Когда пистолет Хардести нацелился на него, музыка взвилась в протесте. Пистолет выстрелил.

Старый марсианин схватился за грудь, с шумом глотнул воздух, изо рта у него хлынула кровь, он открыл глаза, чтобы бросить последний, наполненный ужасом взгляд на свой исчезающий мир, и упал ничком на свой замерший абак.

Цель убийства была ясна — показать марсианам, что они не смеют ни пугать, ни мешать своему завоевателю.

На мгновение в амфитеатре храма наступила мертвая тишина. Напряжение возросло до невероятного уровня. Рольф видел, что тело мертвого марсианина лежит на абаке, но не понимал, какое это может иметь значение. Когда Таллен бросился к нему с верхнего ряда, Рольф увидел, что тело мертвеца загорелось мерцающим пламенем. Распростертое на абаке, оно вызвало короткое замыкание. Таллен не мог дотронуться до него и побежал к возвышению. Джалнар уже поднял свой посох. Таллен схватил его и спихнул тело с абака. Взвилась двухфутовая стрела электроразряда, но не достала Таллена. Убрав тело, Таллен вернул посох Джалнару и побежал на свое место в верхнем ряду.

Музыка зазвучала снова. Она ревела и грохотала, она вспыхивала молниями, складывалась в гармонию и тут же теряла ее, пока пальцы марсиан отчаянно метались по бусинкам на своих абаках. Еще один марсианин, сидевший в среднем ряду, взял неверную ноту и тут же умер, тело его охватило пламя, хотя он не упал на абак. Джон Рольф затаил дыхание в страхе, что энергия, пытающаяся освободиться, уже не сможет быть уравновешена. Пальцы Джалнара, сидящего на возвышении в центре амфитеатра, двигались слишком быстро, чтобы глаз мог уследить за ними. У Рольфа сложилось впечатление, что вся гора раскачивается на своем фундаменте, а также что вес его внезапно увеличился.

Но постепенно, нота за нотой, музыка обрела гармонию и больше ее не теряла. Гора стала постепенно успокаиваться. Энергия вновь потекла полноводной рекой, а не узкими потоком, хлынувшим через брешь в дамбе.

— Что... что происходит? — выдохнул Хардести.

— Не знаю, — ответил Рольф.

— Вы видели электоразряд?

— Видел, — коротко сказал Рольф.

— Они что, опять пытаются меня испугать? — дико выкрикнул Хардести. — Я их всех перестреляю, если попробуют. Переведите им, что я сказал.

— Я уверен, что они уже поняли вас, — сказал Рольф.

— Переведите для уверенности, что они осознали мои слова.

Рольф пошел к возвышению, наклонился и повторил Джалнару слова Хардести.

Джалнар, сидящий у большого абака, кивнул. Его пальцы все еще молниеносно двигали бусинки. Энергия была уже утихомирена, река вернулась в свои берега. Музыка текла гладко и ровно. Но может ли она опять вырваться из границ? Рольф подозревал, что это зависит от суперразума слепого нищего. Все зависело от его умения работать на абаке, от скорости его пальцев и мыслей, от точности, с которой он оценивал быстро меняющуюся ситуацию.

— Но он просто кивнул, — сказал Хардести.

— Этим он показал, что все понял,— ответил Рольф.

— Но кто он?

— В некотором роде вождь марсиан.

— Угу, — удовлетворенно хмыкнул Хардести. Он нашел самого главного, как и хотел. — Приведите его сюда. Я хочу поговорить с ним.

— Я... Не думаю, что будет разумно тревожить его сейчас, — неуверенно сказал Рольф.

— Это еще почему?

— Потому что у него власть над всей горой, — сказал Рольф.

— Что? — не понял Хардести.

— Так мне сказали, — кивнул Рольф.

— Так вам сказали, — передразнил его Хардести. — Что, черт побери, произошло с вашими мозгами?

— Марсиане поклоняются ему. Он — король их мира.

На лице Хардести появилось удивление, затем он рассмеялся.

— Притащите сюда этого короля, чтобы я мог поговорить с ним.

— Я пытаюсь объяснить вам, чему верят марсиане, — продолжал Рольф. — Если вы потревожите их короля, то весь Марс поднимется против вас.

— А пока он будет у меня заложником, — опять рассмеялся Хардести, — все чучмеки станут ходить передо мной на цирлах и делать все, что я велю? Мне это подходит. Прикажите ему подойти сюда.

Прежде чем Рольф успел еще что-нибудь сказать, музыка смолкла. Все марсиане в амфитеатре замерли у своих абаков. У всех присутствующих возникло ощущение, что на них все сильнее давит что-то тяжелое.

Джалнар на возвышении нашаривал свой посох. Найдя, он с его помощтью стал медленно спускаться. Достигнув пола, он уверенно подошел и остановился перед Хардести. Казалось, вес всей горы сосредоточился в этом помещении. Хардести внимательно посмотрел в лицо Джалнара и отступил на шаг.

— Черт, Рольф, он же слепой! — выкрикнул он. — Одна сторона его лица парализована. Он пускает слюни. Он едва может стоять на ногах, опираясь на свою палку!

— Я... — попытался сказать Рольф.

Хардести повернулся к нему, глаза его пылали гневом.

— Это вы пытаетесь остановить меня! — закричал он Рольфу. — Вы хотите, чтобы я поверил, будто этот слепой калека — король горы!

Рольф еще раз попытался объяснить Хардести, что в это верят марсиане, но понял, что сам в это не верит. Хардести не стал бы его слушать. Продукт Компании, он был глубоко убежден, что все люди пытаются его как-нибудь обмануть. И когда он увидел стоящего перед ним слепого марсианина, он был совершенно уверен, что Рольф, который когда-то был президентом Компании, пытается его обдурить.

— Какую игру вы затеяли, Рольф? — спросил Хардести. — Быстро отвечайте, иначе замолчите навсегда.

В глазах его сверкал гнев. Пистолеты были нацелены прямо в сердце Рольфа.

В храме стояла полная тишина. Ощущение давления все росло. И вдруг где-то вдалеке, снаружи, закричали люди. Но Рольф не обратил на это внимания. Смерть глядела ему в лицо, и он понимал это. Билл Хокер громко засопел, но именно Дженни шагнула вперед и заслонила собой отца.

— Ты отправишься за своим стариком, — рявкнул Хардести. — У меня может быть любая секретарша, какую я выберу, так что ты мне не нужна.

— Без сомнения, Джим...

Дженни вдруг замолчала и взглянула на Джалнара. Как будто забыв о происходящем вокруг, слепой марсианин медленно опустился на пол и, встав на колени, поцеловал ногу Хардести.

Хардести уставился на Джалнара. Он ожидал чего угодно, только не этого. Этого он не понимал и взглянул на Рольфа, ожидая объяснений.

Рольф знал, что Джалнар спас ему жизнь. Или отсрочил его смерть на несколько минут. И в глубине души ему стало нехорошо. Погибла мечта, такая же яркая, как горевшая в небе звезда. Он уже поверил в Джалнара, решил, что тот владеет какой-то тайной, какую разум Рольфа не мог постичь, что слепой нищий действительно является тайным королем Марса, неким суперразумом.

Но мог ли король целовать ногу завоевателя? Может ли суперразум унизить себя перед человеком, который почти ничем не отличатся от дикого зверя? Неужели у смирения не существует пределов?

— Спокойно, человек, — прошептал в голове Рольфа голос Джалнара. — Я король этой горы.

— Но вы поступаете не как король, — так же мысленно ответил Рольф.

— А ты знаешь, как должен поступать король Сузусилмара? — спросил в свою очередь Джалнар.

Этот вопрос потряс Джона Рольфа. Знает ли он, как должен поступать король? Что он знает о мотивах суперразума, какие факторы тот учитывает, в каком равновесии стремится сохранять свои поступки? Возможно, он видел цель, а может, не просто видел? Но другие присутствующие не видели этой цели. Одним из них был Билл Хокер. Он видел, что Дженни стоит на линии стрельбы пистолетов Хардести. Он терпел это, сколько мог. Хокер не обращал внимания на Джалнара. Он только знал, что Дженни в опасности, и, когда больше не смог этого выносить, рванулся вперед.

Рольф краешком глаза увидел кулак Хокера, метнувшийся к челюсти Хардести. Но кулак не достиг своей цели. Резко, злобно в тишине храма рявкнул пистолет в руке Беллера.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Выстрел еще не смолк в ушах Рольфа, и ему показалось, что все в храме вдруг стало двигаться с замедленной скоростью. Он знал обо всем, что происходит и как, и не имело значения, было ли это важным или лишь казалось таковым.

Он видел изумленное лицо Хардести, когда тот дернулся при выстреле Беллера. Он видел, как рука Джалнара метнулась к лежащему на полу посоху. Он видел, как Джалнар начал подниматься на ноги. Видел, как Беллер с дымящимся пистолетом в руке облизывает красным языком свои тонкие губы, словно ему доставляет физическое наслаждение чувство власти, которое дало ему убийство.

Он видел застывшее в ужасе лицо Дженни, и видел, как Билл Хокер схватил ее за руку.

Он видел ошеломленное лицо Хокера, когда тот осознал, что в него стреляли. В куртке Хокера появилась дыра, и Хокер впился в нее ногтями, словно испытывая сильный зуд. Пуля прошла сквозь его тело прямо под сердцем. Рольф не знал, какие внутренние органы она задела, но она пробила тело насквозь, и кровь текла из переднего и заднего отверстия. Рольф также видел, как Хокер стал падать.

Но Рольф не просто видел все это, он был так же глубоко связан со всем происходящим, был частью событий. Он чувствовал в некоторой степени боль Хокера, испытывал частицу наслаждения Беллера, ужас Дженни и удивление Хардести. Но он также знал и кое-что большее, происходящее в храме, чем человеческие надежды и страхи, о том, что управляло скованной и прирученной здесь энергией. А когда он стал этим большим, то понял, что за вес все сильнее давит на всех присутствующих. И разум его потрясло осознание этого.

Пока Дженни пыталась поддержать Хокера, колени его подкосились, и он стал падать спиной на пол. Камни пола окрасились алым. Хокер задыхался. На его губах выступила пена. Он дернулся, словно хотел что-то увидеть. Его стекленеющие глаза остановились на лице Дженни. Ее он и хотел увидеть перед тем, как умрет.

Рольф видел, что Джалнар стоит на ногах, держа посох, точно готовое к броску копье. Внезапно Джалнар стал похож на пророка из библейского Ветхого Завета. Казалось, когда он выпрямился, у него прибавилось несколько дюймов росту.

Неужели время для смирения подошло к концу? Подняв посох, Джалнар указал его концом на стоящий на возвышении абак. В комнате прозвучала единственная нота. Это был властный звук, в котором чувствовалась сила. И все

марсиане потянулись к своим абакам, вторили этой ноте, и чувство силы многократно увеличилось.

В заднем ряду поднялся Унардо. Взяв абак со скамеечки перед собой, он стал спускаться вниз по ступеням. Стоящий позади него человек поднял было автомат, но тут же опустил его ствол и вопросительно посмотрел на Хардести, ожидая приказа. Но Хардести не глядел на него.

Унардо опустился на колени возле Билла Хокера, поставил на пол перед собой абак и присел на корточки. Он быстро взглянул на Билла Хокера, словно оценивая причиненный ему ущерб, затем глаза его устремились внутрь себя.

Единственная мощная нота все еще звучала в храме, становясь все громче и громче, пока в унисон с ней не задрожал пол. Рольф почувствовал, как этот звук проходит через его тело. Нота начала звучать в определенном ритме, словно гигантский гонг, в который бьет какой-то великан.

Унардо потянулся к абаку и коснулся бусинок. Раздались тихие серебряные звуки, мягкие и нежные, они словно спрашивали шепотом у жизни и смерти, кто сильнее.

Рольф затаил дыхание.

Дженни опустилась на колени возле Хокера, взяла его голову, затем села и положила голову себе на колени. Она взглянула на Хардести взглядом, наполненным яростью.

Джон Рольф видел все это в замедленном темпе. Джиму Хардести казалось, что все произошло слишком быстро. Он вопросительно поглядел на Беллера.

— Он хотел напасть на вас, — ответил Беллер и снова облизнул красным языком тонкие губы.

Если у него и были какие-то чувства, то они прятались глубоко внутри. Если он и чувствовал вину, то это никак не отразилось у него на лице.

— Ага, — понимающе хмыкнул Хардести. — Ладно.

Вопрос был вроде улажен. Он и платил Беллеру за убийства. Но в то же время у Хардести появилось ощущение, будто он утратил контроль над ситуацией. Он не разрешал Джалнару вставать. Он не приказывал марсианину спуститься с верхнего ряда, сесть на пол и начать играть на своей штуковине.

— Что, черт побери, он делает? — спросил Хардести, махнув пистолетом в сторону Унардо.

— Пытается спасти Хокеру жизнь, — ответил Рольф.

— Хм-м... — этим мычанием Хардести высказал свое мнение об усилии спасти жизнь человека, которого пробила насквозь пуля.

Даже лучшие врачи на Земле в лучших клиниках вряд ли сумели бы что-нибудь сделать.

Здесь же не было никаких клиник. Был лишь марсианин, перебирающий бусинки абака в храме, где ритмично звучал гигантский гонг.

И тут на секунду в голове Хардести мелькнула еще одна мысль. А вдруг действительно можно спасти Хокеру жизнь таким способом? В конце концов, это же Марс. А вдруг тут умеют делать то, что считается невозможным на Земле? И от этой мысли на лице у Хардести появилось выражение озадаченного удивления. Но удивление длилось лишь миг, а затем Хардести решил, что Рольф снова дурачит его. Лицо его стало жестким, он махнул пистолетом в сторону Унардо.

— Скажите, чтобы он убирался ко всем чертям на свое место, — велел он Рольфу.

— Но под угрозой жизнь человека, — воспротивился Рольф.

— Который попытался напасть на босса, — вставил Беллер.

— Пожалуйста...

— Босс велел, чтобы этот чучмек убирался на свое место, — сказал Беллер. — Вы переведете ему слова босса?

— Переведу, — кивнул Рольф и поспешно сказал по-марсиански то, что велел Хардести.

Унардо даже не ответил. По его лицу было видно, что он даже не слышал Рольфа.

Боль свела судорогой лицо Хокера. Дженни пыталась ослабить эту боль, но безуспешно.

Откуда-то снизу, из другого мира, доносились тревожные крики людей.

— Он что, не слышал, что вы сказали? — потребовал Беллер, в голосе его слышалось рассерженное жужжание осы.

— Я... Мне кажется, он слушается Джалнара, — ответил Рольф.

Его разум так тесно был связан в групповом сознании, что он уже и не знал, была ли эта мысль его собственной или пришла от Джалнара.

В результате Хардести и Беллер повернулись к слепому марсианину. Но теперь Джалнар мало напоминал прежнего нищего. Он стоял, выпрямившись, держа обеими руками посох, и во всем его виде было что-то королевское. Глаза его были по-прежнему слепыми, но это не имело никакого значения. Он выглядел как король, уж Рольф-то разбирался в этом. Единственная глубокая нота все еще звучала в храме, словно удар громадного гонга. И продолжало увеличиваться давление, словно на плечи людям ложился все более тяжелый вес.

— Вы правы, Унардо слушается только меня. Передайте им это, — сказал Джалнар Рольфу невнятно по-марсиански.

— Сейчас не время играть в игры, — ответил Рольф. — Они убьют вас.

— О чем вы болтаете друг с другом? — вмешался Хардести.

Рольф и Джалнар говорили на марсианском, которого Хардести не знал. А в нем постоянно жил страх, заставляющий его подозревать, что все плетут заговоры против него.

— Он сказал... — начал было Рольф.

— Не пытайтесь нам лгать! — рявкнул Беллер, направив на Рольфа свой пистолет.

Рольф попытался отыскать нужные слова, но язык не слушался его. Эти слова не отыскивались. Далекие крики становились все громче. Теперь в них явно звучала тревога. На полу лежал Билл Хокер, его голова покоилась на коленях Дженни. А перед ним со скрещенными ногами сидел марсианский врач, сосредоточившись так, что не видел, что происходит вокруг и насколько он сам близок к смерти. Единственные звук, как удары медного гонга, становились все громче и громче. И все сильнее что-то давило на храм, словно рушилась сама гора.

— Что он сказал? — повторил Беллер.

— Он сказал, что я прав. Унардо слушается только его, — ответил Рольф.

В глазах Хардести вскипела ярость, лицо его превратилось в застывшую маску. Он не мог вынести, что здесь кто-то еще раздает приказы.

— Он не знает, о чем говорит, — в отчаянии продолжал Рольф. — Он не разбирается в оружии и...

— Сейчас ему все станет ясно! — воскликнул Хардести и нажал курок пистолета в правой руке.

Рольф видел, как напряглись его мышцы, видел движение указательного пальца, слышал щелчок спущенного курка.

Но пистолет не выстрелил. Что-то возникло между ударником и капсюлем патрона.

Хардести опустил глаза на пистолет, на его лице появилось удивление. Но тут же он сделал очевидный вывод.

— Разряжен! — сказал он.

Он уже неоднократно стрелял и забыл сменить магазин, когда закончились патроны.

— Зато мой не разряжен! — рявкнул Беллер и нажал курок своего пистолета. Щелкнул ударник, но выстрела не последовало.

Что-то опять возникло между ударником и капсюлем.

Беллер посмотрел на пистолет, затем на Хардести. В одном пистолете могли кончиться патроны, но не в обоих же сразу. Это было бы уж слишком невероятным совпадением.

Джалнар стоял прямо, как стояли некогда короли. Он ничего не сказал. Лицо его ничего не выражало.

Снаружи кричали все громче.

А внутри, сквозь удары гонга, наполняющие храм, пробивались негромкие, мелодичные звуки абака Унардо.

Дыхание лежащего на полу Билла Хокера становилось все тяжелее.

Джон Рольф почувствовал, как громадная энергия течет через его тело и утекает в пол под ногами, наполняя, возможно, всю гору. У него также осталось впечатление, что эта энергия находится под строгим контролем, словно полноводная река, текущая быстро и мощно, но в пределах направляющего ее канала.

Джалнар, казалось, становился все выше.

Раздались щелчки, когда Беллер принялся судорожно жать на спусковой крючок пистолета. Он не спускал с него глаз, в которых появилась тревога. Потом он нажал кнопку, доставая магазин. В нем виднелся яркий патрон. Беллер выщелкнул его, патрон вылетел, доказывая, что пистолет был заряжен.

— Должно быть, это просто осечка, босс, — сказал Беллер, поворачиваясь к Хардести. — Просто осечка!

Беллер всегда считал, что знает, как устроена Вселенная, и на этом основывалась его вера, что патрон в патроннике был бракованным, потому и не выстрелил.

Он сунул магазин в пистолет, передернул затвор, прицелился в Джалнара и нажал курок.

Ударник был спущен, но пистолет не выстрелил.

— Две осечки подряд не могут быть совпадением! — крикнул Хардести, но его голос сорвался, словно у человека, который понял, что опора, на которую он привык полагаться, вовсе не незыблема.

Хардести с Беллером уставились на Джалнара.

— Скажите им, что порох не воспламенится, — сказал Джалнар Рольфу по-марсиански. — Скажите, что он не взорвется, потому что я контролирую энергию в этом помещении вплоть до субатомных связей. Скажите, что атомы повинуются мне, вплоть до атомов пороха в их оружии.

Губы Рольфа внезапно снова обрели способность шевелиться. И тут же сами собой возникли английские слова, в точности переводящие марсианские фразы. Хардести с Беллером перевели взгляды на Рольфа. Слова им были понятны, но смысл ускользал.

— Я был не прав, — сказал под конец Рольф. — Джалнар разбирается в оружии гораздо лучше, чем мы.

Хардести повернулся и закричал людям на верхней площадке храма, приказывая стрелять в слепого марсианина, который неподвижно стоял, прямой и высокий. Они повиновались Хардести и прицелились в Джалнара. Нотки абака Унардо заглушили щелчки автоматных затворов. Сухие, бесполезные щелчки!

Люди посмотрели на свое ставшим бесполезным оружие, затем друг на друга, пытаясь найти объяснение. Но никакого понятного им объяснения не было и быть не могло.

Беллер перебросил пистолет в левую руку, а правую сунул под куртку и выхватил нож. Нож не пистолет. Ему не нужны патроны и порох. Тут все зависит от силы и умения пользоваться им. И то и другое у Беллера было. Он сделал резкий выпад, как фехтовальщик, направив острие ножа прямо в живот Джалнара.

Джалнар шевельнул посохом, направив его конец на нож. На конце посоха на мгновение возникла вспышка света.

Нож исчез. А вместе с ним исчезла и рука по самое запястье.

Замерев, Беллер уставился на свою руку. Словно не в силах поверить тому, что видят его глаза, он покачал головой и поднес руку к лицу. Очевидно, сила, которая мгновенно уничтожила нож и руку, прижгла рану, остановив кровь и запечатав обрубок, на который уставился Беллер.

В храме по-прежнему гудел гонг. Пена исчезла с губ лежащего на полу Хокера. Унардо не отрывал глаз от своего абака.

Джалнар стоял, высокий и могучий как дуб. Хардести тоже уставился на обрубок руки Беллера. Левой рукой Беллер пытался нащупать исчезнувшие пальцы, словно думал, что это какой-то обман зрения, и они стали просто невидимыми. Но он ничего не мог нащупать. Хардести перевел взгляд на Джалнара. Он увидел, что из уголка рта слепого марсианина по-прежнему текут слюни. Эта фигура, которая вызвала совсем недавно у Хардести презрение, внушала ему страх. Теперь он видел в слепом, пускающем слюни марсианине саму смерть. Лицо Хардести начало быстро сереть под коркой грязи и засохшей крови. Глаза вылезли из орбит. Он пошатнулся и уронил пистолет.

— Вы победили! — прошептал он.

Джалнар шевельнул посохом. Хардести и Белер вздрогнули, ожидая немедленно смерти от этой страшной фигуры.

Но Джалнар не направил на них посох, а просто поставил его на пол и оперся на него, как и прежде.

— Вы хотели подняться на Сузусилмар? — спросил Джалнар, немного согнувшись.

Никто не ответил. Они не могли выговорить ни слова. Джалнар выпрямился и опять показался высоким, как старый дуб. Он взглянул на парочку перед собой сверкающими глазами. Рольф уже понимал, что Джалнару не требовалось зрение, как и Унардо. Оба они могли увидеть невидимое людям неким внутренним взором.

— Ваше желание будет исполнено, — сказал Джалнар.

Оба, казалось, поняли его. Возможно, он говорил с ними мысленно, возможно, что все присутствующие в храме были связаны между собой воедино, независимо от их желания.

Оба молчали, но никакого облегчения не появилось у них на лицах. Казалось, они поняли, что значение слов Джалнара совсем иное.

— Вы не можете просто отпустить их, — внезапно вмешался Джон Рольф. — Они вернутся на Землю, организуют новую экспедицию и опять прилетят сюда с теми же целями.

— Как же они доберутся до Земли? — спросил Джалнар.

Вопрос казался бессмысленным.

— Корабль... — начал было Рольф, но тут же умолк.

Раскрытая дверь храма, в которую врывался поток солнечного света, стала внезапно темной. Что-то заслонило солнце?

В дверь вбежал человек и, махнув рукой назад, прокричал всего лишь одно слово:

— Корабль!

— Уходите, — сказал Джалнар. — Все уходите!

Хардести и Беллер повернулись и стали подниматься по ступенькам к выходу. Движения их были механическими и неестественными, словно они всходили на эшафот.

В дверном проеме стало еще темнее.

Хардести и Беллер дошли до двери и отшатнулись. На лицах их был написан страх. И тут Рольф увидел источник их страха, который и отбрасывал тень.

Это был корабль, корабль, заслонивший солнце.

Корабль, который должен был стоять далеко внизу в пустыне, парил в воздухе напротив Седьмого Уровня Сузусилмара.

Теперь Рольф понял, что вес, который он физически чувствовал, был весом этого многотонного корабля.

Люки были закрыты. В иллюминаторах виднелись испуганные лица охранников и секретарш.

Двигатели не работали, а в таком случае он не должен был летать. Значит, корабль поддерживался в воздухе энергией, гораздо большей, чем могло произвести его оборудование.

Хардести, Беллер и все их люди, что были в храме, теперь столпились на улице, глядя на корабль. Все знали, что этот корабль — их единственная возможность вернуться на Землю.

Корабль не висел неподвижно, он летел. Медленно, фут за футом, но все же он продолжал подниматься, и движение его все ускорялось. Он уменьшался, поднимаясь все выше и выше в разреженном воздухе древнего Марса. Он летел к Солнцу, а значит, к Земле. Он стал уже точкой. А вскоре и точка исчезла из виду.

Хардести с Беллером обернулись к Рольфу.

— Вы исполните свое желание подняться на Сузусилмар, — сказал Рольф. — Но те, кто хочет подняться на эту гору, должны начать с самого низу и заслужить путь наверх. — Он махнул рукой в сторону лестницы. — Идите, — сказал он. — Идите же.

И они пошли. Сперва неуклюжей походкой зомби, затем бегом, спотыкаясь и чуть не падая. За ними последовали все остальные. Добежав до большой лестницы, они ринулись по ней вниз и скрылись из виду.

Рольф медленно двинулся к выходу. Огромная волна захватчиков, нахлынувшая на Сузусилмар, теперь отступала в виде отдельных людей, спасавшихся бегством. Наблюдая за полетом корабля, обитатели пустыни внезапно осознали, где они находятся, и в мозгах у них возникло воспоминание о том, что называлось Законом. И они тоже побежали, так что спуск по лестницам стал паническим бегством.

Рольф смотрел, как люди и марсиане спотыкаются, теряют равновесие на больших ступенях и кувырком летят вниз, ломая при этом руки и ноги, разбивая головы. На Четвертом Уровне кое-кто из них попытался остановиться и сплотиться в единый отряд, но живущие там марсиане стали стрелять в бегущих, заставляя их бежать быстрее.

Корабль растворился в прозрачном воздухе Марса, вся его многотонная масса улетела, точно призрак, в направлении Солнца. И Рольф услышал, как в храме вновь удары гонга сменились музыкой, симфонией, которая становилась все медленнее и медленнее. Бурная река возвращалась в свои берега. Рольф видел, как медленно гаснет свечение шпиля, копьем устремленного в бесконечный космос. Музыка завершилась торжественным аккордом, и, когда она смолкла, шпиль окончательно погас. В дверях храма появился высокий марсианин, поискал взглядом Рольфа, улыбнулся и двинулся к нему. За ним шли два человека. Рольф посмотрел на них, помотал головой, не веря своим глазам, затем бросился к ним с протянутыми руками и застывшим на губах радостным вскриком.

Дженни подбежала к нему, была обнята и расцелована. Стоявший за ней Билл Хокер неуверенно улыбался, точно щенок, побывавший в мире монстров и внезапно вернувшийся к друзьям.

— Билл... — Рольф поперхнулся. — Что...

— Я не знаю, что и как сделал этот марсианский доктор, — ответил Хокер. — Я... Меня же насквозь прошила пуля. Я умирал. Я... — Лицо его стало ошеломленным. — У меня было такое чувство, словно миллионы крохотных рук возились во мне, залатывая пробоины и восстанавливая поврежденное... А потом у меня появились откуда-то силы. Я ощутил себя здоровым и... — Он резко распахнул куртку и стал расстегивать рубашку.

На куртке и рубашке виднелись кровавые пятна, и кровь еще даже не высохла. Хокер нашел, что искал, то место, куда вошла пуля, и показал его Рольфу.

Там, где было пулевое отверстие, теперь на коричневой коже осталось лишь белое пятнышко. Хокер осмотрел его, пощупал. Когда он вновь посмотрел на Рольфа, в глазах его стоял страх.

— Энергия, которую направляет разум, может помешать пороху воспламениться, а может и восстановить живую ткань, — сказал Таллен. На лице марсианина Пятого Уровня играла легкая улыбка. — Если ее направляет Джалнар, то эта энергия может исправить повреждения, сделанные пулей — или поднимет гигантский корабль с пустыни и пошлет его... — Таллен поднял голову и взглянул в далекое небо.

— Корабль? — сказал Рольф. — Куда его послали?

— Домой, — ответил Таллен.

Он явно не хотел больше ничего говорить, а у Рольфа и стоящей с ним парочки были другие, более насущные вопросы.

— Джалнар! Значит, он здесь...

— Он здесь король, — кивнул Таллен.

— Но он же слепой, руки его скрючены, он походит на нищего, — сказал Рольф.

Таллен снова кивнул. Казалось, он старался подыскать нужные слова и, наконец, нашел их.

— Вы видели, как марсиане умирали в храме, если брали неправильную ноту.

— Да, — сказал Рольф.

— Джалнар обладает суперразумом, энергия в храме, которую он концентрирует и направляет, является громадным потоком. Он управляет им силой мысли. Но он делал ошибки, даже суперразум может допускать ошибки. И каждый раз, когда Джалнар делал ошибку, энергия била по нему, почти совсем

его ослепила, скрючила его пальцы, как когти. — В утреннем воздухе Марса голос Таллена упал до шепота. — Когда-нибудь он совершит слишком большую ошибку, и это убьет его. Но он охотно идет на этот риск ради всех нас. Когда он умрет, один из нас займет его место. У нас будет новый король. — Шепот стих, затем возобновился: — Вы пытались изобрести устройство для чтения мыслей, думая, что оно изменит жизнь людей к лучшему. Ваша мечта была хороша. Поэтому вам разрешили жить здесь и работать. Но вы не знали, что все жители Пятого Уровня учатся читать мысли. А Джалнар делает это лучше всех нас. Это одна из причин того, что он — король. И вы не знали, хотя столкнулись с этим прошлой ночью, что одной из опасностей чтения мыслей является то, что можно легко попасть в водоворот чужих эмоций и раствориться в нем. Когда Джалнар встает на возвышение, он сталкивается с этим водоворотом, но возвышается над ним и сплачивает всех нас воедино. Только его сила разума способна на такое.

— Но почему его не принимают со всеми почестями, какие положены в его положении? — спросил Рольф.

— Принимают те, кто знает, кто он такой. Здесь, на Пятом Уровне, мы знаем, кто он, и очень уважаем его. А на более низких уровнях... — Таллен покачал головой. — На трех первых уровнях царят суеверия. Поэтому он идет туда в образе нищего. Если бы там знали, кем он является, то осаждали бы его просьбами в стремлении получить личную выгоду. На Четвертом Уровне начинают подозревать, что за суевериями кроется что-то еще. Но там не знают, что именно, и не уверены в этом. Познание этого и дает им право подняться на Пятый Уровень. Теперь вы понимаете, как это работает, друг мой?

— Теперь понимаю, — ответил Рольф. — Никакой человек или марсианин не смогут различить величия Джалнара или кого другого, пока сами не обретут подобную власть.

— Да, — прошептал Таллен. — А когда вы умеете различать власть, то видите стоящую вместе с ней и ответственность.

Они замолчали, стоя на Седьмом Уровне, вместе с Дженни и Хокером, цепляющимися друг за друга, точно испуганные детишки. Таллен всматривался в глубины неба, где недавно исчез корабль, а Джон Рольф пытался разобраться в своих чувствах.

Он переживал крушение мечты, которая горела в нем все последние годы. Но ее место заняла теперь одна-единственная яркая звезда. Он услышал позади шелест шагов, обернулся и увидел, что марсиане покидают храм. Каждый нес абак, с ними был и Унардо. Они прошли мимо и начали спускаться по длинным лестницам Сузусилмара. Потом раздался еще один звук, тихое постукивание посоха по камням. Из храма вышел Джалнар, остановился, чтобы закрыть дверь, и пошел следом за остальными, осторожно нащупывая дорогу кончиком посоха.

Рольф, Дженни и Билл Хокер готовы были ринуться к нему, возможно, для того чтобы пасть перед ним ниц, но Таллен жестом остановил их. Так что, когда Джалнар проходил мимо, они только поклонились ему.

Очень серьезно он поклонился в ответ.

Затем при помощи посоха стал спускаться по лестнице.

— Куда... зачем? — шепнул Рольф.

— Много поломанных костей, пробитых голов, многие там пострадали, — ответил Таллен. — Под руководством Джалнара марсиане спускаются по Сузусилмару, чтобы исправить ущерб, нанесенный нынче ночью.

Это показалось Рольфу справедливым. Марсиане должны помогать марсианам. Но тут ему в голову пришла еще одна мысль.

— А они... Они что, станут помогать и людям, которые и вызвали все это?

— Конечно, — улыбнулся Таллен.

Впервые Рольф ясно увидел то, что прежде лишь смутно ощущал, — величие, царившее на Сузусилмаре, святой горе Марса. Величие, которое включало в себя и науку, но шло дальше науки, в ту сферу жизни, где не существовало врагов, а были только друзья.

Глядя, как спускаются с горы марсиане высших уровней, ведомые хромающим позади всех Джалнаром, Рольф впервые осознал все величие и всю власть суперразума этого слепого нищего, который был вынужден опираться на палочку при ходьбе, но имел такую мощь, которая могла бы перевернуть даже эту великую гору, и достаточно великодушный, чтобы спускаться вниз и перевязывать раны своим врагам.

В эту секунду землянин впервые ясно увидел величие

марсианина. Возможно, с этой секунды две планеты, Земля и Марс, стали потихоньку сближаться. И в этом землянине, Джоне Рольфе, изумление и память, заключенная в горящую звезду, смешались, чтобы стать в глубине его души пылающим светом истины.

ЭПИЛОГ

Среди историй, которые космонавты любят рассказывать друг другу, — и эти рассказы часто являются замечательными произведениями искусства, — есть одна, совершенно необъяснимая. Это история о том, как громадный космический корабль, который улетел по делам Компании на Марс, был найден на Земле посреди пустыни Сахара лишь с несколькими перепуганными охранниками и секретаршами на борту. Все они могли лишь сказать, что спокойно сели на Марс, и вдруг словно громадная рука подняла корабль в небо, швырнула через пространство и мягко опустила на Землю.

Компании и лично старику Х. Б., эта история совсем не понравилась. Нельзя так относиться к собственности Компании! Не могли просто так исчезнуть перспективные молодые администраторы Компании! Громогласно требуя от правительства Земли правосудия, Компания начала собственное расследование. После следственных действий, проведенных на Марсе ,и допросов тех, кто был на корабле, Компания свернула расследование и больше не требовала правосудия, решив, что в данной ситуации это слишком опасное слово. И если в результате своих расследований Компания не изменила политику — никто и не ожидал от нее этого, — то, по крайней мере, улучшила свои методы.

Космонавты также рассказывают историю о группе людей, живущих среди диких обитателей пустыни, окружающей гору под названием Сузусилмар. Эти люди не горят желанием возвращаться на Землю, зная, как в Компании относятся к проигравшим, особенно потому что эти люди могли рассказать о Компании немало дурного. Сузусилмар окружен сотнями миль пустыни, которые нельзя преодолеть

без транспорта и экипировки. Лидером этих людей, судя по рассказам, является Джим Хардести.

Рассказывали, что эти люди хотели подняться на Сузусилмар, и что теперь у них есть шанс исполнить свои намерения. Но если они хотят подняться на великую гору, то сначала они должны научиться ходить так осторожно, словно ступают по яйцам с очень тонкой скорлупой. И тогда их пустят наверх!

Рассказывают также историю о высоком человеке с белыми волосами, который живет со всеми удобствами на Четвертом Уровне Сузусилмара вместе с дочерью и ее мужем, и все они стали гражданами Марса. Говорят, что у этих трех есть много свободного времени, чтобы открыть тончайшие нюансы для тех, кто хочет научиться ходить по тонким скорлупкам. И, возможно, их дети — это вполне реально — сумеют сделать еще несколько шагов к более высоким Уровням горы, а может, и дальше, на уровне бесконечного неба, где в свете единственной звезды скрыта память обо всей бескрайней Галактике.

Рассказывают также истории о слепом нищем, который бродит себе по всем Уровням Сузусилмара. И если, когда он рискует спускаться на самое дно пустыни, кто-то плюет в него, нищий ничуть не возражает. Но, начиная с Пятого Уровня, ему почтительно кланяются и считают его самым близким из всех обитателей Марса к бесконечному небу.

Сам Сузусилмар походит на Великую Мечту, корни которой кроются в ядре Марса, а металлический шпиль на вершине устремлен в глубины пространства. Но чья это Великая Мечта? И кто вырезал террасы-Уровни на великой горе?

Никто — ни земляне, ни марсиане — кроме, возможно, слепого нищего, известного очень немногим как Король Красной планеты, — не могут ответить на этот вопрос.

БЕГСТВО ИЗ ПРОШЛОГО

«Flight From Yesterday»,
Ace book. 1963

Глава I

Киз Ард был пилотом-испытателем и так долго сидел без работы, что уже начал тревожиться о том, на что станет жить завтра. Объявление привлекло его. Оно было любопытным. Достав его из кармана пиджака. он прочитал еще раз:

НУЖНА ПОМОЩЬ!

Требуется молодой человек для опасной работы. Должен пройти строгое физические и психологическое испытания. Обращаться лично. Рекомендации не нужны.

Сидя в автомобиле на стоянке, Киз Ард снова перечитал объявление. «Рекомендации не нужны» — предупреждающе звякнуло у него в голове. Работодатели, которые не нуждались в рекомендациях, редко заботились о благополучии своих сотрудников. Но объявление заинтересовало его. Киз не возражал против опасности. В каком-то смысле, опасность сопровождала его всю жизнь. К тому же деньги заканчивались...

Он взглянул вдоль Бэкон-стрит. Улочка была так себе, и не было на ней ни души. Это был старый Лос-Анджелес, который возник еще до того, как Космическая эра стала реальностью не только в головах писателей-фантастов. Космическая эра рывком унесла человечество с Земли и оставила за собой неуклюжие, ненужные строения и ненужные жизни. А в этом городе было много мест, где никто не заботился ни о зданиях, ни о людях. Старые магазинчики чередовались с двух и трехэтажными жилыми домами, завешанными объявлениями «Сдается в аренду». На углу улицы на гараже висела табличка: «Замена модулей на ядерной энергии». В аптеке напротив красовался плакат: «Сон Будды». Будда был новейшим транквилизатором, продающимся без всяких рецептов.

Из аптеки вышла молодая женщина с рыжими волосами, одетая в зеленой платье. Она шла раскованной походкой,

способной привлечь к себе внимание любого мужчины. Как, например, внимание Киза. Но прежде всего Киз взглянул ей в лицо.

А на ее лице застыло очень знакомое выражение. Он видел такое же выражение на собственном лице совсем недавно, когда глядел на себя в зеркало. Это был ужас, который познали лишь те, кто бежал от прошлого; ужас, известный тем, кого преследовали какие-то утраченные воспоминания, которые нельзя ни вспомнить, ни забыть окончательно, которые постоянно грызли сознание, как язва, поселяя в глубинах подсознания-отчаяние. Память о том, что некогда было утрачено, память о боли, об ужасе, которая была отгорожена от реальности, но все равно оставалась где-то в глубинах разума.

Киз Ард испытал все это. Последние четыре месяца, после того как его уволили с должности пилота-испытателя в частной компании, он потратил большую часть времени и денег, ища нечто, скрытое в глубинах собственного разума. Он обращался за помощью к психиатру, хорошему, опытному специалисту. Но не психогенные наркотики, ни гипноз не нашли потерянное прошлое, преследующее его.

Поиски все еще продолжались.

— В конечном счете, мы найдем его, Киз, — настаивал психиатр доктор Рикер. — Никакие воспоминания прошлого не смогут ускользнуть от нас.

Может, молодая женщина в зеленом платье тоже искала свои воспоминания? Если так, то у Киза Арда промелькнуло сочувствие к ней. Он вышел из машины и пошел за ней по улице. У него не было намерения заговорить с ней или следить за ней. Он просто шел в том же направлении.

Она вошла в сувенирный магазинчик.

Киз остановился перед магазинчиком. И еще раз перечитал объявление. Адрес в нем был адресом сувенирного магазинчика: 1313 Бэкон-стрит! Все было правильно. Две экрана-витрины по обе стороны двери были задрапированы так, что нельзя было увидеть, что делается внутри. За стеклянной дверью висела бамбуковая занавеска. Над дверью была вывеска:

Дж. Эллер
СУВЕНИРЫ

На экране справа от двери были изображения туземных поделок со всего мира. Главной их темой был секс как выражение мужской сущности. Глядя на небольшие похабные статуэтки, Киз подумал, не имелось ли в виду в объявлении, по которому он пришел, продажа порнографии. Имея в виду законы, запрещающие ее, продажа порнографии вполне могла быть классифицирована как опасная работа. Эта идея развлекла его, на мгновение он даже забыл о грызущих его мыслях об утраченных воспоминаниях. Обратив внимание на окно слева, он увидел, что здесь статуэтки были женскими. Поскольку Киз был мужчиной, то они показались ему более интересными, хотя и не менее порнографическими.

Мимо Киза прошел кто-то. Киз еще раньше заметил движение краешком глаза, но не стал рассматривать незнакомца. А вот теперь, пораженный, он повернулся. По тротуару к двери сувенирного магазинчика шел странный человек. У него была гладко выбритая голова, аккуратно подстриженная бородка, а носил он синюю тогу, Ккрай которой был перекинут через левую руку. Обнаженные бицепсы были опутаны проводами. Кожа его была цвета старой слоновой кости. Протягивая к двери магазина правую руку, он, казалось, не сознавал, что происходит вокруг.

Киз немедленно назвал его Синей Тогой.

Синяя Тога походил на человека, который только что вывалился из мира грез в реальный мир и хотел бы понять, в каком странном месте он очутился. Это поразило Киза Арда. Он тоже мечтал иногда проснуться. К тому же Синяя Тога выглядел так, словно жил в грезах и лишь изредка просыпался, чтобы оказаться в реальном мире. Его походка напоминала походку человека, находящегося под действием каких-то наркотиков; или человека, который слишком много пьет; или того, кто шагнул сюда из иного измерения и не мог понять, что с ним происходит. Он взглянул на Киза так, словно не видел его, затем посмотрел снова, как будто ему что-то померещилось в первый раз и он решил проверить, а затем посмотрел на него в третий раз с таким выражением, словно не верил своим глазам.

Потом Синяя Тога заговорил. Киз ясно видел, как губы его зашевелились. Но не раздалось ни звука.

— Простите, я не расслышал, что вы сказали, — обратился к нему Киз.

Синяя Тога покачал головой. Он уставился прямо в лицо Киза, затем перевел взгляд вниз, на его тело. На его лице появилось такое выражение, словно он увидел привидение.

— Чем я могу вам помочь? — спросил Киз.

У него появилась мысль, что, наверное, этот человек пьян, нужно посадить его в такси и отправить домой.

Синяя Тога уставился на Киза. И исчез! Улетучился, как дымок на ветру, бесследно исчез с глаз долой, сбежал из странного мира реальности обратно в мир грез!

Киз Ард застыл на месте. Волна холода промчалась по его позвоночнику до самого мозга, тут же застывшего, как ледышка. Он был пилотом-испытателем ракет. И всякий раз, занимая кресло пилота на новом корабле, он глядел смерти в лицо. Он привык относиться к смерти, как к вечному компаньону, почти что как к другу. И до того момента, когда он увидел, как Синяя Тога исчезает перед сувенирным магазинчиком, Киз считал, что не боится сверхъестественного. Теперь же он обнаружил, что это не так. Как и все люди, он боялся того, чего не понимал. В голове у него промелькнула мысль о том, что доктор Рикер заинтересуется Синей Тогой или причинами, по которым Киз считает, будто видел, как человек в синей тоге исчез буквально у него на глазах. Вероятно, доктор Рикер назвал бы это галлюцинацией и сказал бы, что это результат перегруженного работой воображения.

Кизу не понравилась эта мысль. Именно проблемы с перегруженным работой воображением и заставили его впервые обратиться к доктору Рикеру. И ему не хотелось бы думать, что ни психиатр, ни он сам не могут быть уверены, где кончается воображение и начинается действительность. У мира была грань, которая становилась то реальной, то воображаемой. Человек, живущий на этой границе, никогда не может быть уверенным, где он находится. По крайней мере, так объяснил ему доктор Рикер. Но сам доктор Рикер не знал об этом наверняка.

— У меня видения, — произнес Киз.

Иногда, управляя ракетой в верхних слоях атмосферы, он видел какие-то огни, которые казались ему странными

кораблями. Но он никогда не видел, чтобы человек в синей тоге исчезал прямо перед ним.

Закуривая сигарету, Киз несколько раз повторил себе, что его видение возникло из его воображения. Он сам не поверил этому, но снова и снова повторял, что так оно и есть. Затем переключил свое внимание на витрину. В конце концов, он поверил, что человек в синей тоге не существовал на самом деле, и успокоился. Неважно, сколько человек видит призраков, он все равно должен есть, и, желательно, каждый день. А чтобы есть, человек должен ходить по объявлениям, пока не найдет работу. Думая так, Киз вошел в сувенирный магазин.

Внутри с обеих сторон тянулись застекленные прилавки, полускрытые тенями. Тут сильно пахло ладаном и все было завалено барахлом. Книги, картины, статуэтки различных размеров, футуристические светильники из меди, бронзы и алюминия глядели на него со всех сторон. Проход, ведущий вглубь магазина, был так забит, что по нему было трудно пройти. Полки до самого верха были заставлены предметами искусства. А на стоящем слева на прилавке древнем кассовом аппарате висела табличка:

Не продается

Насколько Киз мог видеть, поблизости никого не было. Рыжеволосая женщина в зеленом платье куда-то исчезла. Возможно, она была призраком, как и Синяя Тога, или просто прошла по проходу вглубь магазина, чтобы скрыться за дальней дверью?

Послышались шаги. Они начались в дальней части магазина — кто-то явно направлялся в его сторону. Киз ясно слышал шорох шагов, но не видел их владельца. Кто-то невидимый прошел вдоль прилавка с левой стороны, добрался до середины магазина и остановился. И тут Киз увидел этого человека. Он шел вдоль прилавка, но был не настолько высок, чтобы его можно было разглядеть издали. За кассовым аппаратом было свободное от вещей пространство примерно в фут шириной. И Киз вдруг понял, что лицо, которое он видит там, и есть лицо человека, шаги которого раздавались в магазине.

Человек этот был карликом. Роста его хватало ровно настолько, чтобы он мог наблюдать из-за прилавка за своими клиентами. Киз бросил один мимолетный взгляд на его лицо. Вид Синей Тоги озадачил его меньше, чем лицо этого карлика.

Голова карлика была большой и деформированной. Возможно, из-за родовой травмы череп его был перекручен и так и не распрямился. Наклонный лоб пересекал большой шрам, точно от сабельного удара. Правый глаз был больше левого. Оба глаза оценивающе глядели на Киза Арда. В правом глазу застыло холодное недоверие. Правому глазу Киз Ард не нравился.

Левый глаз выглядел более дружелюбным. И поскольку он был дружелюбным, то, казалось, пытался предупредить Киза о чем-то, чего тот не знал. Правый глаз не стал бы его предупреждать. Правый глаз хотел, чтобы Киз Ард ушел.

Это выглядело так, словно у карлика было два разума. Один разум пользовался одним глазом, другой — вторым. Оба разума ни в чем не соглашались друг с другом, как не соглашались и глаза.

— Вы чего-то хотите? — спросил карлик.

Голос у него был тонкий, как у ребенка, и низкий, угрожающий, словно у человека, приревновавшего к кому-то свою подружку.

— Вы дали объявление в сегодняшней газете, — начал Киз.

— Да, — ответил карлик, явно считая, что такой ответ был исчерпывающим.

— Я пришел по объявлению, — продолжал Киз.

— О-о... — протянул карлик, не становясь более дружелюбным.

— И что теперь? — спросил Киз.

— Вам придется подождать, — сказал карлик. — Он сейчас занят.

— Ага, — хмыкнул Киз. — А кто это он?

— А, да, — вздохнул карлик. — Мистер Эллер. Это он дал объявление.

— Вы можете рассказать мне о характере работы? — спросил Киз.

— Нет.

Тон карлика указывал, что разговор окончен.

— Передо мной сюда вошла молодая женщина, — сказал Киз.

— О? — вопросительным тоном протянул карлик.

— Рыжеволосая, в зеленом платье, — не унимался Киз.

— Я ее не видел, — отрезал карлик.

— Послушайте... — начал было Киз.

Он собирался твердо поговорить с этим карликом за прилавком, но, прежде чем решил, что именно хочет ему сказать, из двери к конце зала появились два человека. Один был толстый, с такими короткими ногами, что шел, ковыляя, как утка. Другой был высокий и тощий, как жердь. Толстяк прятал руки в карманах пальто. Тощий брел словно во сне.

Киз уставился на них. В голове у него промелькнула мысль, а реальны ли они? Или они сейчас исчезнут так же, как человек в синей тоге? Толстяк шел первым. Казалось, они оба не видели Киза. Ему пришлось прижаться к прилавку, чтобы позволить им пройти.

— Вы... Вам разрешили уйти? — спросил карлик, когда они проходили мимо него.

— Идите вы к черту, Занду! — ответил толстяк, не поворачивая головы.

Оба вышли из магазина. Прежде чем выйти, толстяк открыл дверь. Тощий закрыл эту дверь за собой. Они ушли совершенно нормально, как мог уйти любой человек. Никто из них и не думал исчезать.

— Ваши друзья? — спросил Киз у карлика.

— Нет! Ненавижу их! Надеюсь, они оба попадут под луч тегнара и будут превращены в пепел!

— В какой луч? — переспросил Киз.

— Ни в какой, — ответил карлик. — Идите к черту!

— Куда? — не понял Киз.

— Ко всем чертям! — ответил карлик.

—Вы ведете себя грубо, — вздохнул Киз и даже не шевельнулся, чтобы пойти по указанному адресу.

Вместо этого он достал пачку сигарет из кармана пиджака. Тщательно выбрал одну из них и задумчиво покатал в губах, прежде чем закурить. Карлик с негодованием уставился на него.

— Мне кажется, вы хотите, чтобы я упал замертво вместе с вашими друзьями, которые только что ушли, — закурив, сказал Киз.

— Я этого не говорил, — ответил карлик.

— Я пришел сюда по объявлению и собираюсь остаться здесь, пока не поговорю с кем-то о характере предложенной вами работы...

— Ну, а теперь оно занято. Так что можете убираться ко всем чертям, — ответил карлик.

— У меня много времени, так что я подожду, — покачал головой Киз.

Теперь оба глаза карлика стали одинаковыми. Они объединились в общей ненависти к Кизу. В них появилось такое выражение, что если бы взглядом можно было убить человека, то Киз Ард был бы уже мертв.

В глубине магазина послышались торопливые шаги. Они звучали так, словно кто-то быстро перебирал высокими каблуками. Глянув туда, Киз увидел, что эти звуки воспроизводит рыжеволосая молодая женщина в зеленом платье. Она шла по загроможденному проходу к передней двери магазина.

— Этан Тю! — раздался позади нее крик.

И Киз увидел, как из задней двери выскочил человек с ястребиным носом. Он явно бежал за ней. Но с одного взгляда было ясно, что он вряд ли поймает ее. И тогда он закричал что-то карлику.

Бросившись в проход между прилавками, карлик попытался обхватить молодую женщину за талию. Увернувшись от него, она побежала к двери. Чтобы освободить ей путь, Киз прижался к прилавку, но было поздно. Врезавшись в него, она отшатнулась и начала падать. Киз поспешно поймал ее за плечо.

Он всего лишь хотел удержать ее от падения, но она ударила его по лицу большой сумочкой.

— Будьте вы прокляты! Отпустите меня!

— Леди, я только хотел вам помочь...

Она ударила его в глаз свободной рукой.

— Черт побери, леди!.. — взревел Киз.

Краем глаза он заметил, что карлик опять подскочил к ней. Точно регбист, он бросился на незнакомку и обхватил за талию.

Киз резко поднял колено и попал карлику в подбородок. Карлик рухнул на спину с глазами вразбежку.

Поняв, наконец, что этот человек пытается ей помочь, молодая женщина одарила Киза благодарной улыбкой.

— Этан нашу Тю! — раздался крик позади.

Обернувшись, Киз увидел, что Ястребиный Нос мчится к ним по проходу. Глаза его дико сверкали.

— Она воровка! — завопил Ястребиный Нос. — Остановите эту женщину!

Киз встал у него на пути.

Карлик валялся в проходе впереди, почти блокируя его.

— Ради всех чертей ада, прекратите дурачиться! — заорал Ястребиный Нос и пнул карлика в лицо.

— Давайте убираться отсюда, — пробормотала рыжая за спиной Киза.

— Вы правы, леди, — ответил Киз. — Идите. Я задержу их!

Услышав стук каблучков по полу, Киз увидел, что Ястребиный Нос перебрался через карлика и пошел на него, расставив длинные руки.

Киз ударил его в подбородок. Удар оказался точным. Голова противника дернулась назад. Но левый крюк был легким, предназначенным всего лишь отвлечь внимание. А все силы Киз вложил в удар правой, нацеленный в живот.

Кулак воткнулся в мягкий живот. Ястребиный Нос сказал: «Уфф!» и, схватившись обеими руками за живот, стал опускаться на пол, сложившись пополам, точно перочинный нож.

Киз был удивлен. Этот человек не знал совершенно ничего о защите. Он что, никогда не смотрел бокс по телевизору?

— Бегите! — завопила рыжая у двери.

Киз выскочил их сувенирного магазинчика. Ястребиный Нос и карлик валялись на полу.

Захлопнув дверь, Киз повернул за рыжей налево, поскольку она уже бежала по тротуару.

Подол зеленого платья сзади дымился.

Первой мыслью ошеломленного Киза было то, что это просто оптическая иллюзия. Был вечер. Солнце уже скрылось за горизонтом. Оно не могло поджечь ее платье. Этого просто не могло быть.

Пока он смотрел, то увидел, как на зеленой ткани платья появились язычки пламени. Словно что-то почувствовав, молодая женщина повернула голову и попыталась похлопать себя по спине, словно ее жалили какие-то невидимые насекомые.

Заметив Киза, она улыбнулась, но тут ее взгляд прошел ему за спину, и на ее лице появился ужас. В то же время ее кожа начала краснеть.

Упав на тротуар, она покатилась в сточную канаву.

Пораженный, Киз обернулся. На углу улицы стоял коричневый грузовой автофургон и распахнутой задней дверцей. В грузовике стоял тощий человек, которого Киз видел в сувенирном магазинчике. В руках у него было что-то похожее на миниатюрную радарную антенну.

Это все, что успел заметить Киз, обернувшись через плечо. Одновременно он почувствовал, что пиджак его дымится, а спине стало неприятно жарко. И тут словно взрыв ударил ему в лицо. Полыхнуло пламя.

Недолго думая, Киз Ард бросился в канаву рядом с рыжей.

И когда он сделал это, по Бэкон-стрит с ревом пронесся ветер, точно торнадо.

Глава II

На углу улицы тощий человек в коричневом автофургоне пытался нацелиться антенной на беглецов. Между грузовиком и лежащими в канаве не было ни единой машины, за которой можно было бы укрыться, лишь рядом на асфальте лежала тяжелая крышка канализационного люка. Одной рукой Кизу удалось подтащить ее к себе и поставил на ребро. Она походила на древний щит, щит, чтобы защитить его... от чего?

Киз не знал, от чего. В глубине его памяти таились какие-то тусклые воспоминания, которые он считал дикими кошмарами. В них не было никакой конкретики, но Киз и не жаждал ее.

Рыжая подползла к нему и тоже спряталась за крышкой.

— Что это? — закричала она.

Киз покачал головой.

— Тот, что в грузовике, был в задней комнате магазина, — продолжала рыжая.

— Знаю. Я видел его и толстяка.

Кизу пришлось кричать со всей мочи, чтобы его услышали, поскольку торнадо, несущийся по улице, ставился все сильнее. Он уносил вверх бумагу и мелкий мусор, задирал проходящим женщинам юбки и заставлял автомобили поспешно парковаться у обочин улицы. И еще эта пыль!

Удерживая крышку вертикально, Киз Ард чувствовал, что пыль душит его. Но еще хуже был сам воздух. Похоже, что воздух, который нес торнадо, был сильно наэлектризован, он даже потрескивал, как потрескивает статическое электричество.

Сквозь несущуюся по улице пыль Киз увидел красный спортивный автомобиль, несущийся прямо на заграждение тротуара. Ослепленный пылью, а возможно, и обожженный этим странным электрическим ветром, водитель явно потерял управление.

Киз задрожал и попытался поглубже зарыться в канаву.

Издалека донесся скрежет металла, когда столкнулись две другие машины. Визг резины, красный спортивный автомобиль врезался в ограждение совсем рядом с крышкой люка. Киз мысленно поблагодарил его. Спортивная машина встала дополнительным щитом перед ними.

А ветер все усиливался.

Внезапно Киз почувствовал, что у него закружилась голова. Улица, казалось, рассыпалась на куски. За крышкой от люка и автомобилем она крутилась, корчилась, извивалась. Киз твердо сказал себе, что это лишь марево, вызванное слишком нагретым воздухом.

Но он понимал, что лжет самому себе.

Что-то творилось в глубине его души, где скрывались старые воспоминания?

Внезапно исчезли красная спортивная машина, крышка люка и сама улица Бэкон-стрит. Исчезли, даже не шелохнувшись, словно убрали одну картинку на слайде и тут же ее место заняла другая.

Остались лишь вой ветра, жара, наэлектризованный воздух.

Но ветер выл уже по улицам другого города, невероятного города с низкими домами под плоскими крышами, города, состоявшего сплошь из узких кривых переулков, по которым животные, напоминавшие исхудавших волов, лениво тащили двухколесные повозки. Этот город был полон людей. Они ходили по улочкам или их носили в портшезах рабы, люди продавали и покупали все, что угодно, в маленьких магазинчиках. Уворачиваясь от медлительных волов, по улицам носились дети или, если у них были богатые родители, играли в садах за высокими стенами.

Город, который видел Киз Ард, вовсе не походил на мираж. Это был его город, он здесь жил, он здесь родился. Он был молодым, атлетически сложенным человеком из хорошей семьи и собирался жениться на девушке, которая большую часть жизни провела в саду за высокой стеной. У жителей этого города была кожа цвета старой слоновой кости, и носили они разноцветные одеяния, очень похожие на тоги.

За высокими стенами на краю города вздымалась в небо башня. Широкая у основания, она становилась все тоньше кверху, а завершалась какой-то круглой, вращающейся структурой. Жители города боялись этой башни. Они очень боялись человека, который построил ее, и боялись его людей.

Но странный у них был страх. Не страх смерти — окончание жизни не вызывало у них ни малейшего беспокойства. Смерть была присуща всему. Уход за некую завесу без возврата и назывался смертью, а мудрые, древние жрецы говорили о том, что там, за завесой, человека ждет иная жизнь. Но боялись жители города воздуха, который горел, как жидкий огонь!..

Кто-то дергал его за руку.

— Очнитесь! Очнитесь! — закричали ему в ухо.

Рывки и крик вырвали его из этого странного города, который был неизвестно где, и вернул на Бэкон-стрит. Оказалось, что дергает его за руку и кричит рыжая незнакомка.

Торнадо перестало завывать. В воздухе было еще полно пыли, он еще был до предела заряжен электричеством, но больше не горел и не жег.

Приподнявшись на локте, Киз глянул поверх крышки люка мимо заднего крыла спортивной машины.

Коричневый автофургон уезжал. Задняя дверца его была закрыта. Пока Киз смотрел, тот с разгону, на двух колесах, свернул за угол.

На улице стояла странная тишина. Ветер совсем затих. Мужчина в горящей одежде пытался руками сбить огонь. Ему помогала женщина в горящем платье. На проезжей части стоял три столкнувшихся автомобиля. Вдалеке завыла сирена. Сюда ехали пожарные или полиция. Или и те и другие.

Вывеска перед сувенирным магазинчиком все еще моталась в воздухе. Краска на ней была опалена. Из двери высунулось испуганное лицо карлика. Оба глаза карлика синхронно утверждали, что человечек напуган до смерти. Над ним виднелось лицо Ястребиного Носа. Он не боялся, но, казалось, весь пузырился от ярости. Взгляд его метался по улице, и гнев становился все сильнее. Внезапно он узнал двоих, лежащих в грязи перед магазинчиком. Глаза его засверкали.

— Давай-ка убираться отсюда ко всем чертям! — сказал Киз.

Рыжую не нужно было уговаривать. Тут же, вскочив на ноги, она побежала по улице. Киз Ард последовал за ней, уставившись на спину в зеленом платье. Ткань обуглилась до того, что распалась на две половинки. Кожа на спине женщины покраснела. Киз не знал, насколько сильно она обожжена, но, чувствуя, как зудит его собственная спина, понял, что не знает, насколько сильно обожжен сам.

— Давайте на автостоянку! — закричал он женщине.

Та свернула туда и с вопросительным видом повернулась к нему. Киз ткнул рукой в свою машину. Женщина без колебаний села на круглое сидение рядом с водителем. Киз сел за руль. Тихонько завыли мощные электродвигатели, установленные на каждом колесе, когда он нажал стартер. Киз задом вырулил с автостоянки и проехал по переулку на соседнюю улицу, где повернул налево.

— Мы едем к врачу, — объявил он.

— Да, — кивнула она. — Вы в этом нуждаетесь.

— Я? — переспросил Киз. — Это вы нуждаетесь в медицинском обслуживании.

— Вы тоже, — фыркнула она. — У вас лицо в ужасных пузырях, а пиджака практически нет на спине.

Тут Киз понял, что рукава пиджака были обернуты вокруг его запястий. Теперь он понял, что только они удерживают на нем пиджак. Повернув голову, он глянул себе на спину. Пиджак там полностью сгорел, рубашка напоминала сожженную тряпку, обрывки которой пристали к покрытой пузырьками спине. Он сильнее нажал на акселератор, двигатели на колесах взвыли. Глядя на рыжую незнакомку, он увидел, как она стиснула зубы от боли в спине.

— А вы... вы знаете хорошего врача? — запинаясь, спросила она.

— Одного из лучших, — ответил Киз. — Это специалист по психосоматике, то есть, он лечит и тело, и разум. Зовут его Рикер. И сейчас мы едем к нему.

— И он будет на работе так поздно?

— Да. У него квартира над кабинетом. Мы станем барабанить в заднюю дверь, пока он не спустится и не откроет нам.

— Вы в самом деле пытались помочь мне в том магазинчике? — спросила молодая женщина.

— Конечно, — ответил Киз. — Как вас зовут?

— Гаэль Дана. И... спасибо.

— Не стоит благодарности, Гаэль, — ответил Киз и представился сам.

— А что... что произошло там, мистер Ард?

— Понятия не имею. Вы можете звать меня Кизом. Потому что я собираюсь звать вас просто Гаэль.

— Хорошо! — что-то похожее на удовольствие промелькнуло на ее сведенном от боли лице. — Я... Я хотела бы поговорить с вами, Киз, о магазинчике и о том, что там произошло.

— Поговорим, как только нас осмотрят. Мы поговорим обо всем. Да и доктор Рикер тоже захочет услышать нашу историю. Я... когда все это случилось... — Киз замолчал, потому что ему на ум пришли мрачные мысли. — Я... Когда ветер превратился в наполненное электричеством торнадо, вам не показалось, что вы перенеслись совершенно в другой город, в другой стране, в другое время?

Он спросил это с тайным страхом, что Гаэль примет его за сумасшедшего. Она тут же повернулась и уставилась на него испуганными глазами.

— Что за город? Опишите его... Расскажите о нем.

Киз рассказал ей свое видение.

— Всю свою жизнь я то и дело вижу мельком этот город! — выдохнула она.

— Вы уверены?

— Конечно, уверена!

— Значит, вы не думаете, что я сумасшедший, потому что увидел его?

— Разумеется, нет!

— Спасибо, — сказал Киз, чувствуя, что ее ответ немного сгладил его напряжение. — Могу я спросить, зачем вы ходили в сувенирный магазин?

— Я пошла туда, чтобы спросить о своем младшем брате, — ответила она. — Он пошел туда позавчера по объявлению.

— И что с ним произошло?

— Это я и пыталась узнать, — сказала Гаэль Дана. — Мы живем в небольшой квартирке. И он просто не вернулся домой.

— Выходит, вы пошли узнать про него?

— Да.

— Хорошая девочка. А почему вы не обратились в полицию?

— В нашей семье привыкли сами решать свои проблемы. В полицию мы обращаемся в последнюю очередь, если вообще обращаемся. Может быть, если бы я ничего не узнала в магазине о Джимми, то пошла бы в полицию.

— А вы что-нибудь узнали?

— И да, и нет.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что ничего не узнала от Эллера. Когда я вошла, он был в задней комнате с двумя мужчинами. А по лестнице поднималась какая-то странная женщина. Он велел мужчинам уходить...

— Я видел, как они уходят, — сказал Киз, но не стал добавлять, что потом видел одного из них в коричневом автофургоне.

— Эллер отрицал, что вообще видел моего брата, что Джимми был в магазине. Но каждое его слово было ложью! — страстно воскликнула она.

— Но почему вы решили, что он лжет? — спросил Киз.

— Потому что у него на столе лежало вот это! — ответила Гаэль.

Открыв сумочку, она достала из нее что-то похожее на гладкий зеленый камешек. Он был тщательно отполирован, но на нем виднелись едва заметные линии, очевидно, там раньше была какая-то гравировка. Камешек был около дюйма длиной и полдюйма шириной.

Сидя за рулем, Киз лишь мельком взглянул на него, а через секунду Гаэль быстро убрала его в сумочку.

— Мы называем его Камнем Артены, — сказала Гаэль. — Он был в нашей семье уже много поколений, — никто не знает точно, сколько, — переходя от отца к сыну в течение, возможно, тысячи лет. Мы всегда называли его камнем удачи, но, кажется, в последние годы он перестал приносить нам удачу. Во всяком случае, Джимми совсем недавно постигла неудача. Но самая худшая неудача случилась, когда он пошел по объявлению. Боюсь, что с ним что-то произошло.

— Камень был с ним, когда он пошел в магазин?

— Да.

— Так может, он продал его там? В конце концов, этот магазинчик наверняка скупает сувениры для перепродажи.

— Нет! — воскликнула Гаэль. — Любой из Данов, скорее, продаст свою душу, чем Камень Артены.

— Он не выглядит таким уж ценным, — заметил Киз.

— Ценность его не в деньгах, — ответила Гаэль. — Для моей семьи его ценность в том, что это связь с прошлым, когда у нас было гораздо больше, чем осталось ныне. От когда-то богатого и влиятельного семейства, Киз, остались только мы с Джимми.

Лицо ее снова скривилось. Но Киз не знал, было ли это из-за боли в обожжённой спине, от тревоги за любимого брата или по каким-то скрытым причинам. Возможно, от всех трех причин сразу.

На эти вопросы мог ответить лишь доктор Рикер.

Киз свернул в переулок возле старого здания. На парадной двери была табличка:

Джозеф Рикер, доктор медицины

Киз поставил машину на место для стоянки позади здания. У задней двери горел свет. На двери не было никакой таблички, но рядом торчал звонок. Киз нажал кнопку.

— Вы уверены, что это правильно? — нервно спросила Гаэль. — Я имею в виду... Нам ведь придется рассказать ему, как мы получили ожоги. Если мы расскажем ему нашу безумную историю, он может отправить нас в психбольницу.

— Только не доктор Рикер, — ответил Киз. — Он ведь занимается тем, что выслушивает невероятные истории. Его профессия — помогать людям, рассказывающим подобные истории. Это, можно сказать, его дар.

— Вы говорите так, будто хорошо знаете его, — заметила Гаэль.

— Он мой врач, — пояснил Киз.

— Голову лечит?

— Да, — прямо ответил Киз.

Девушка отступила на шаг и пристально поглядела на него. Во взгляде ее легко читалось сомнение. Она не знала этого человека. Она встретилась с ним при сомнительных обстоятельствах. Он только что признался, что является пациентом доктора, вероятнее всего, психиатра.

— Если хотите, то я отвезу вас к вашему врачу, — спокойно сказал Киз. — Я не настаиваю, чтобы вы непременно шли сюда со мной. Просто я знаю доктора Рикера. Он компетентный врач и заслуживает доверия. Если же вы беспокоитесь за меня...

Внезапно она улыбнулась.

— Я беспокоилась, задавшись вопросом, насколько могу доверять вам. Но после того, что вы мне только что сказали, я пойду с вами.

Киз почувствовал тепло в ее голосе. В глубине души ему было приятно, что ему доверяет женщина, такая привлекательная, как эта рыженькая в зеленом платье, сгоревшем на спине.

— Спасибо, — только и сумел вымолвить Киз.

— Мне нравятся честные люди и честные отношения, — сказала в ответ Гаэль.

— Да? — послышалось из динамика на двери.

— Доктор Рикер, это Киз Ард и женщина, — громко объявил Киз. — Нам нужно немедленно увидеть вас. Мы попали в чрезвычайную ситуацию.

— Секундочку, Киз, — ответил голос из динамика.

Щелкнул замок, и дверь открылась. Гаэль Дане показалось, что лицо, появившееся из двери, были лицом старого, мудрого, пожилого гнома из затерянной сказочной страны. Гном заморгал слабыми глазами. Казалось, он не только увидел состояние их одежды, но и испытал потрясение, осознав существование реальности обоих гостей.

— Входите же, дети мои, — сказал им доктор Рикер. — Входите и расскажите, что вы такого натворили, чтобы привести себя в столь ужасное состояние.

Глава III

Доктор Рикер уложил их на смотровых столах, разделенных матерчатым экраном в самом большом кабинете в его офисе и осторожно убрал клочки материи с их спин.

— Откуда это, Киз? — спросил он.

— Меня что-то ударило в спину, что-то, похожее на горячий ветер, донельзя насыщенный электричеством, — попытался объяснить Киз.

— Что бы там ни случилось, первым делом мне нужно обезопасить вас от инфекции, — заявил доктор Рикер. — Я использую сейчас антибиотический спрей.

Киз почувствовал, как что-то прохладное брызнуло ему на спину. Затем доктор Рикер прошел за экран и обработал спреем спину Гаэль.

— А сейчас я воспользуюсь еще одним спреем, — услышал Киз, доктор обращался к Гаэль. — Он закроет пленкой ожоги и защитит их от дальнейшей инфекции. А под пленкой вырастет новая ткань. Сама пленка достаточно прочна, так что завтра вы можете быть бодры и дееспособны, хотя вам обоим не рекомендуется бегать наперегонки или играть в любые подвижные игры. Вы поняли меня, дамочка?

— Да, доктор Рикер, — услышал Киз ответ Гаэль.

Затем доктор вернулся на половину Киза и опрыскал ему спину тем же образующим пленку гелем.

— А сейчас я сделаю вам уколы, — продолжал доктор Рикер. — Это легкое успокоительное, которое позволит вести себя спокойно и не носится по буеракам.

Киз почувствовал укус иглы в бедро.

— Насколько серьезны эти ожоги? — спросил он.

— Не очень хорошие, — твердо ответил врач.

Он обошел экран, и Киз услышал легкий вскрик Гаэль, тоже получившей укол в определенную часть тела.

— Ваши ожоги тоже не слишком хороши, молодая леди, — услышал он слова врача. — А теперь оберните этой простынкой. Ваша нижняя юбка в порядке, наденьте и ее.

— Но это же только нижняя юбка, доктор Рикер, — услышал Киз возмущенные слова Гаэль. — Она не доходит мне даже до колен. А выше пояса у меня вообще ничего не будет.

— У вас будет простынка. Этого вполне достаточно. То же самое, что и у Киза, плюс его брюки. А теперь я хочу, чтобы мы прошли в мой кабинет. Вы расскажете мне, как получили эти ожоги.

Кабинет оказался большим помещением позади смотровой. Он был залит приглушенным светом, с цветами пастельных цветов на стенах. Это было место, где человек мог расслабиться и забыть о превратностях внешнего мира, с которыми он сталкивался ежедневно. Придерживая простынку на плечах, Гаэль села в предложенное кресло. Киз последовал ее примеру, откинулся на спинку, но тут же поспешно выпрямился.

— Большая часть боли в спине завтра уже исчезнет, — пояснил доктор Рикер. — А теперь успокойтесь, через минуту будет готов кофе.

За кофе они поведали ему свои истории, сначала Киз, затем Гаэль. Доктор Рикер заставил каждого много раз повторить одно и то же, пока не убедился, что услышал все существенные детали, включая странную галлюцинацию, которую увидел Киз, пока прикрывался крышкой люка от электрического ветра. После наступила долгая пауза.

— Вы не возражаете, если Гаэль узнает, что вы мой пациент? — просил он Киза.

— Она уже знает, — ответил Киз.

— Прекрасно. Наверное, ей нужно знать, почему вы обратились именно ко мне?

— Да, — кивнул Киз.

— Прекрасно. Постараюсь быть как можно более кратким. Примерно восемь месяцев назад вы потеряли работу. До этого вы были испытателем новых ракет. У вас появилась навязчивая мысль, что в итоге вы сгорите заживо во время испытания одного из кораблей. Это стало такой навязчивой идеей, что врачи компании решили, что вы не можете больше исполнять обязанности пилота-испытателя. Одновременно вас начал преследовать образ потерянного города, который вы не можете вспомнить.

— Все верно, — согласился Киз.

— Сегодня вечером вы получили ожоги, и я не могу притвориться, что понимаю, как именно это случилось. И вы снова увидели этот город.

— Да.

— Молодая женщина, которая пришла с вами, сказала мне, что мельком увидела тот же город, и ей кажется, что это город, в котором она прожила всю свою жизнь. Эта так, дорогая моя? — повернулся он к Гаэль.

— Да, — ответила та.

Врач отхлебнул кофе, затем пригладил рукой остатки своих волос.

— Человеческий разум — загадка, завернутая в загадку, которая спрятана в китайской головоломке. И кто-то потерял эту головоломку, утопив ее посреди океана. А теперь мы, как предполагается, должны найти головоломку, решить ее и разгадать загадку. Причем мы, как предполагается, должны представить научные доказательства всем своим утверждениям. — Он сова пригладил ладонью волосы. — Иногда я жалею, что я не простой терапевт. Сидел бы себе сейчас, вправлял сломанные кости, делал прививки от гриппа и выписывал таблетки. Насколько это было бы проще.

— Всю жизнь я видела в мечтах этот город. Я жила в нем, когда маленькой девочкой играла в самом прекрасном саду в мире. Он был за высокой стеной и полон цветов. И в этом саду жили колибри и бабочки из джунглей. Я также бывала в этом саду девушкой, ожидая там человека, которого полюбила в своих грезах...

Слушая ее мягкой, ровный голос, Киз Ард чувствовал, как в нем возникают странные эмоции. Он был рад слышать, что в какой-то мере другой человек разделил мир его грез. А когда мир грез делится с кем-то еще, исчезает чувство страха.

Доктор Рикер взволнованно провел рукой по своим редким волосам.

— Иногда я жалею, что вообще стал врачом, — заявил он. — Я жалею, что не стал механиком в гараже или продавцом в магазине, или кем-то подобным. Как просто и легко мне было бы тогда. А еще больше мне жаль, что я не черепаха, зарывшаяся в ил. Ну зачем мне выглядывать из этого ила и задаваться вопросом, почему мир такой, как он есть, а не иной? Почему?..

Он вскочил с кресла и зашагал по кабинету. Глядя в пол, Киз видел вытоптанные в мягком ковре возле кресл углубления от ног доктора Рикера, который искал и находил решение проблем, приносимых к нему пациентами. А его пациенты редко приносили ему несложные проблемы!

— Ну почему я не могу быть счастливым и позволить своим пациентам пойти и повеситься? Почему я, как проклятый, должен волноваться о том, живы мои пациенты или уже умерли? Почему я не могу просто подписывать им свидетельства о смерти, и пусть гробовщики их хоронят, а денежки капают на мой счет? Когда они были алкоголиками или наркоманами, почему я не мог оставить их в покое и продолжать наслаждаться жизнью?

Гаэль вопросительно посмотрела на Киза, который улыбнулся и сказал:

— Это доктор Рикер борется со своей совестью. Не волнуйтесь, он часто так делает.

— Я не просто борюсь со своей совестью, молодой человек, — сказал доктор Рикер. — Тут важно наше понимание устройства Вселенной, истинной сущности пространства и времени. А также возникает проблема, кто мы такие, настоящие мы, которые внутри нас. И если кажется, что я борюсь с этой проблемой, то прошу меня извинить. Лучшие ученые умы рода человеческого пока что не нашли ответа на эти вопросы. — Врач вытер с лица пот. — Не

знаю, почему это должно было произойти со мной. Сначала я хотел стать врачом, чтобы помогать больным людям. Я не хотел исследовать строение Вселенной. Я не хотел разбираться в сущности пространства-времени. Я не хотел так глубоко погружаться с философию, что у меня уже не нашлось бы времени, чтобы высунуть из офиса нос и вдохнуть свежего воздуха. Все это пришло само собой. Я вынужден был пытаться понять все это, если хотел помочь своим пациентам, которые приходят ко мне с проблемами, лежащими за пределами возможного.

В его голосе звучали ворчливые нотки. Он походил на старого гнома, который был переполнен страданием. Казалось, он чувствовал, что потерпел неудачу как психиатр.

Придерживая простынку на плечах, Гаэль встала и поцеловала его.

Он улыбнулся ей в ответ.

— Мне кажется, вы — прекрасный врач, — объявила Гаэль. — Я рада, что Киз привез меня к вам.

— Спасибо, моя дорогая, — сказал старый гном, просияв.

— Но вы не должны пытаться удержать тяжесть всего мира на своих плечах, — продолжала она. — Даже Гераклу это было не под силу.

— Еще раз спасибо, дорогая моя, — прочувственно сказал доктор Рикер. — Когда со мной время от времени случается подобное, я чувствую, что мою работу стоит делать. Но я хочу по-настоящему помогать своим пациентам, а помочь им часто бывает так трудно!

— Понимаю, — согласилась Гаэль. — Люди развиваются. Они улучшают свои таланты постоянной практикой. Ею же мы улучшаем свой разум.

— Но, улучшая таким образом свой разум, мы также убиваем друг друга, — сказал доктор Рикер. — И когда вы уже почти мертвы, физически и эмоционально, вы приходите ко мне, чтобы вас моментально исправили, и вы могли бы опять ринуться в бой. И сейчас вы оба хотите помчаться обратно к тому магазинчику, разобрать его полка за полкой, а заодно разобраться с Дж. Эллером.

— Вы умеете читать мысли? — изумленно выдохнула Гаэль.

— Иногда мне кажется, что он умеет, — согласился Киз.

— Ни один из вас не пойдет к сувенирному магазину, пока у вас не вырастет новая кожа, — уверенно объявил доктор Рикер.

ТРРР! Этот звук походил на звук рвущегося шелка, на треск электрического разряда, на атомы, разрывающие свои оковы, чтобы рвануться на просторы Вселенной. Этот звук, казалось, возник по другую сторону пустоты и, начавшись на другом краю Ничто, полетел туда, где было что-то. Было похоже, что по ту сторону Ничто жил Страх, а здесь, на этой стороне, было, в некотором роде, безопасно, и этот треск рвался туда, где была безопасность.

У Киза Арда от этого треска появилось впечатление внезапного движения на невероятной скорости. Он не знал, что именно двигается, но у него промелькнула мысль, что скорость света напоминала медленное движение улитки по сравнению с этой скоростью.

И тут откуда ни возьмись появился Синяя Тога. Поскольку треск продолжал звучать, стало похоже, что Тога прилетел сюда на невероятной скорости именно при помощи этого треска. Секунду назад здесь не было ничего. Затем раздался треск — и вот теперь тут стоит, озираясь, Синяя Тога.

Синяя Тога существовал — и не существовал. Его ноги были на несколько дюймов над полом. Казалось, на него не действовала сила тяжести. Он висел в воздухе, словно призрак. Но, в отличие от призрака, Синяя Тога был живой. Он шевелился. Глядел на троих, находившихся в комнате, он, казалось, смутно, все же видел их.

Синяя Тога походил на человека, увидевшего кошмарный сон, какую-то ужасно искаженную реальность. Его внешность, казалось, заставила застыть троих человек в этой кошмарно искаженной действительности.

Синяя Тога посмотрел поочередно на всех троих. Он посмотрел на доктора Рикера и, казалось, не поверил своим глазам, потому что провел по ним рукой, пытаясь прогнать ужасное видение. Он взглянул на Киза и, казалось, увидел в нем что-то смутно знакомое. Потом его пристальный взгляд уперся в Гаэль.

И тут на его лице появилась улыбка. Похоже, в девушке он увидел кого-то, кого он знает или когда-то знал, но он не

был в этом уверен. Улыбка исчезла с его лица, затем появилась снова, слабая, вопросительная. Губы его зашевелились, словно он поздоровался. Но не раздалось ни единого звука.

Он попробовал еще раз. Как человек, пытающийся заговорить во сне, он счел это неожиданно трудным.

ТРРР!

Снова раздался звук стремительно рвущегося шелка, и возникло ощущение движения на невероятной скорости.

Синяя Тога явно услышал этот звук. Он резко повернулся.

В кабинете появился Ястребиный Нос. Он возник так же, как и Синяя Тога, внезапно, откуда ни возьмись, перенесясь из Ничто в Нечто с такой скоростью, что человеческий глаз не мог уследить за этим движением.

Лицо Ястребиного Носа было искажено гневом. Синяя Тога испуганно поднял руку, словно защищаясь от возможного удара. Ястребиный Нос указал на него пальцем.

Синяя Тога исчез. Исчез, растворился в воздухе, перенесся обратно из Нечто в Ничто.

Ястребиный Нос остался в кабинете. Казалось, он только сейчас увидел, где находится. Он посмотрел на Киза, и взгляд его стал твердым, взглянул на Гаэль, застывшую в кресле, словно хлестнул ее взглядом, затем увидел доктора Рикера и отступил на шаг.

Словно увидев во враче что-то, что напугало его, он повернулся и тоже исчез.

Снова прозвучал треск электроразряда. Но теперь этот звук шел из Нечто в Ничто. В первый раз, казалось, треск возвестил о том, что открылась дверь. Во второй он обозначил, как эта дверь закрылась.

Единственными звуками в кабинете осталось лишь дыхание троих перепуганных человек.

Доктор Рикер поднял палец и указал на место, где только что находился Ястребиный Нос.

— Вы видели там человека... Нет, двух человек? — прошептал он.

— Да, — ответил Киз.

— Д-да, — запинаясь, шепнула Гаэль.

Глава IV

— Погодите! Только не говорите мне, что вы видели. Ничего не говорите. Я хочу, чтобы вы оба написали прямо сейчас, что именно вы видели, пока оно еще свежо у вас в памяти. Я сделаю то же самое. Затем мы сравним наши записи, — объявил доктор Рикер и взял со стола ручки и листки бумаги. — Пишите же, вы оба, — сказал он. — Даже если мы навыдумывали тут от испуга, то будем хоть сейчас научно точными, насколько это возможно!

— Вы тоже испуганы? — спросила Гаэль.

— Да, черт возьми, моя дорогая, — ответил врач. — Пишите.

Теперь в кабинете раздавался лишь шорох ручек по бумаге. Одним глазом Киз глядел на то, что пишет. Другой же не сводил с того места, где появилась эта парочка. Взглянув на Гаэль, он заметил, что она пишет, вообще не глядя на бумагу. Едва они успели закончить, как доктор Рикер забрал у них листки. Поспешно проглядел их.

— Мы все трое видели одно и то же! — прошептал он. — Значит, это не галлюцинация. Это было... — он беспомощно переводил взгляд с Киза на Гаэль и обратно. — Ну, и что это было? — рявкнул он.

— Вы ждете от нас ответа? — спросил Киз. — Но доктор здесь вы. А мы просто пациенты.

— Да знаю я, знаю, знаю! — завопил доктор Рикер. — Но бывают случаи, когда даже главный врач приходит в замешательство, хотя он, обычно, не показывает это своим пациентам. Надеюсь, вы простите меня за то, что я тут кричу. Но я никогда раньше не видел призраков. Сейчас же я только что увидел сразу двоих прямо у себя в кабинете! Это достаточно, чтобы встряхнуть нервы даже главного врача, потому что он тоже живой человек! — Ион опять зашагал по кабинету. — То, что мы только что видели, противоречит законам природы. Когда пациенты рассказывали мне о подобном, я считал, что у них были галлюцинации. Теперь что, галлюцинации у меня? Откуда появились те двое? Как они очутились здесь? Кем был человек, завернутый в синюю ткань, и что он пытался нам сказать? Почему он, казалось, узнал Гаэль? Почему? Что?

Где? Чего хотел тот, второй, с ястребиным носом? Куда он делся? — Доктор Рикер сокрушенно покачал головой, глядя на Гаэль.

— Я уже видела этого человека, — сказала она. — Я видела его сегодня вечером.

— Что? — встрепенулся доктор Рикер.

— Это тот человек, с которым я говорила в сувенирном магазинчике, — продолжала Гаэль.

— Но, моя дорогая...

— Она права, — поддержал девушку Киз, повышая от волнения голос, — или почти права. Я не успел как следует разглядеть человека в магазине и плохо разглядел того, кто был здесь, но это или тот же самый человек, или они очень похожи.

— И это не единственное место, где я видела его, — продолжала Гаэль. — С самого детства он был частью моих кошмаров.

— Что? — спросил доктор Рикер.

— С детства я убегала от него в моих снах, — продолжала она. — Там его звали Кутху. Он хотел убить меня, уж не знаю, почему.

— Но это же были всего лишь сны, — возразил доктор Рикер.

— А вы во сне увидели этих двоих мужчин здесь, в вашем собственном кабинете? — спросила Гаэль.

— Туше![1] — вздохнул доктор Рикер. — Но почему же, о Господи! Почему я не остался спрятавшейся в иле черепахой? Почему я вечно задаюсь вопросом, а есть ли что-то лучше, чем ил? Почему я вообще должен считать это чем-то лучшим? Для черепахи самое лучшее — это ил. Она может быть счастлива, когда вокруг много ила, черт побери! — Внезапно его лицо приняло решительное выражение. — Знаю, что я сейчас сделаю. Я сейчас приму один из собственных транквилизаторов, пока мой мозг не взорвался на миллион частей и не разлетелся по комнате, запачкав обои!

И с этими словами он выскочил из кабинета. Вернувшись, он зачмокал губами.

— Завтра я снова буду нормальным. И останусь нормальным до тех пор, пока опять не увижу эту парочку! — Он

[1] Туше — на фехтовальном жаргоне означает «укол».

ткнул пальцем в листочки, на которых они написали о своих впечатлениях от двух мужчин, появлявшихся в кабинете. — Почему бы мне просто не порвать их и не забыть, что это вообще происходило? — Но он тут же покачал головой. — Это во мне говорит черепаха, втянувшая голову в панцирь и притворившаяся, что нет никакого внешнего мира. Однако никто уже не сможет снова стать черепахой, спрятавшейся в ил, если он побывал человеком.

— Вы опробовали транквилизаторы, о которых говорили? — спросил Киз. — Честно говоря, я бы тоже от них не отказался.

— У вас они уже были в инъекции, которую я вам сделал, — ответил врач.

— Что? — удивился Киз.

— А как вы думаете, почему вы сидите тут так спокойно?

— Я и не думал об этом.

— Потому что вы оба получили хорошую дозу транквилизаторов. Я хорошо умею защищать здравомыслие других людей. Вот с собственным здравомыслием у меня проблемы. Минут через двадцать вы оба будете крепко спать. Вы, Киз, останетесь здесь, а вы, молодая леди, отправитесь наверх, в мою спальню...

— Что-о? — взвилась Гаэль.

— Я буду спать на кушетке в приемной, — успокоил ее врач.

— Но...

— Конечно, есть и другой вариант, — продолжал доктор Рикер. — Вы можете пойти домой, прикрытая простынкой.

— Я останусь здесь, — поспешно сказала Гаэль. — В конце концов, если бы я отправилась домой, то там во сне могла бы встретиться с Кутху. Нет уж, спасибо.

— Тогда я провожу вас наверх и покажу мою квартиру, — продолжил доктор Рикер. — Если это вас успокоит, в двери моей спальни есть замок.

— Успокоит, — сказала Гаэль. — И если у вас есть замок для двери моих снов...

— Я уже дал вам его вместе с транквилизатором, — объявил доктор, провожая ее до двери кабинета. — Могу гарантировать, что он будет держать дверь ваших снов запертой до завтрашнего утра. Но если вы немедленно не ляжете в

постель, то уснете на ходу. Это касается и вас, молодой человек, — бросил он через плечо Кизу, когда выходил из кабинета вместе с Гаэль. — Нет, нет. Молодая леди, никаких больше вопросов, никаких разговоров и никакого беспокойства. Для этого будет еще время завтра.

На следующее утро в газете на странице 18 было напечатано о происшествии на улице. Лоуэлла, секретарша доктора Рикера, принесла эту газету. И пока они пили черный кофе и какую-то таинственную микстуру, которую дал им врач, Киз и Гаэль прочитали газету в кабинете доктора Рикера. Они осторожно сидели на краешках кресел, познав на опыте, что ожоги на спине воспалились и к ним было больно притронуться.

ТРОЕ ПОГИБЛИ В ОГНЕ!
Много человек получили легкие ожоги

Так гласили заголовки.

В статье был коротко описан пожар на Бэкон-стрит. Приведены имена погибших. Начальник отдела пожарной охраны пояснил, что пожар вызвало короткое замыкание в электропроводке. С таким объяснением согласился и репортер, написавший эту заметку.

Никто не приложил никаких усилий, чтобы расследовать эту загадку.

Никто даже и не подумал, что вообще существовала какая-то загадка.

— Они могли сжечь весь город дотла в том взрыве наэлектризованного воздуха, и никто бы не узнал, почему это произошло! — с горечью вздохнул Киз. — Что же это за заговор, который скрывает тайну, отрицая само ее существование?

— Множество людей задавали тот же вопрос, — ответил доктор Рикер. — Нет никакого такого заговора. Просто большинство людей, включая начальников пожарных отделов и репортеров, предпочитают простые, понятные объяснения. И, найдя такие объяснения, они счастливы. Они могут еще немного посидеть черепахами в иле.

— Если не спрашивать ни о чем, то можно избежать больших проблем, — вторила ему Гаэль.

— Да, — решительно сказал доктор Рикер. — Пока не настанет момент, когда вы услышите щелчок у себя в голове и не увидите человека в синей тоге, уставившегося на вас. Тогда вы в беде. Я обнаружил, что лучше подумать о проблемах заранее. Тогда, когда они начинаются, вы оказываетесь немного лучше подготовленными к ним. — Он вздохнул и покачал головой. — Хотя ни одно из моих рассуждений не подготовило меня к зрелищу человека в синей тоге. Откуда он пришел? Как попал сюда? Чего он хотел? Он выглядел так, словно у него было вполне материальное тело, но на него не действовала сила тяжести. Какое же у него тело, если на него не влияет тяготение? А может, более важно... — Он вопросительно взглянул на Гаэль.

— Я понимаю, — согласилась девушка. — Второй человек, Кутху. Как так случилось, что я с детства видела его в кошмарных снах? Кто он? Что...

Она замолчала, потому что вошла секретарша. Лоуэлла принесла два больших пакета с одеждой. Она купила ее по распоряжению доктора Рикера.

— Это для дамы, — сказала она, вручая пакет Гаэль. — А это для джентльмена.

На лице у нее было написано, что она не уверена, будто Киз вообще джентльмен, и она имела сомнения, что и Гаэль является дамой, но она всегда хотела быть хорошей секретаршей.

— Налейте себе кофе, Лоуэлла, и перестаньте сверлить взглядом моих пациентов, — велел доктор Рикер. — А еще лучше, возьмите кофе с собой в приемную и говорите всем, кто зайдет или позвонит по телефону, что меня срочно вызвали из города, и я не вернусь до завтра... а возможно, и еще задержусь.

— Да, доктор Рикер, — сказала секретарша.

Взяв свой пакет с одеждой, Гаэль исчезла наверху. Киз осмотрел содержимое своего пакета.

— К счастью, лицо у вас не обожжено так, как спина, — сказал ему доктор Рикер. — Но примерно с неделю вы не сможете бриться.

В хлопчатобумажном платье размера на два больше нужного, Гаэль спустилась по лестнице из спальни.

— Лоуэлла не сумела выбрать правильный размер, — неуверенно сказала она. — Зато платье не будет прилегать к спине. Сколько я вам должна?

— Это будет включено в ваш счет, моя дорогая, — сказал ей доктор Рикер. — Разумеется, если я проживу достаточно долго, чтобы успеть выписать счет.

— Вы шутите, — фыркнула Гаэль.

— К сожалению, не совсем, — ответил врач. — Да, Лоуэлла? — обратился он к возникшей в дверях секретарше.

— Там пришел человек, который настаивает на встрече с вами...

— Но я же сказал вам...

— Я передала ему ваши слова, — сказала секретарша. — Но он настаивал. Он сказал, что знает, что вы здесь, и что он должен немедленно вас увидеть.

— Вот как?

— Он сказал, что его зовут Эллер и что ему принадлежит магазин сувениров на Бэкон-стрит. Это о чем-нибудь говорит вам? Я уверена, что он не из постоянных пациентов.

— Бэкон-стрит? Эллер?

Пристальный взгляд врача устремился на Киза и Гаэль. Кабинет вдруг наполнил шум грузовика, необычно громко проезжавшего по переулку. Киз заметил, что на лице Гаэль снова появилось затравленное выражение. У него самого сердце заколотилось, а доктор Рикер выглядел так, словно перестал дышать.

— Гм-м... — хмыкнул врач, невыразительный звук, который не означал ничего — или все.

— Вы хотите принять его? — спросил Киз.

— Да, — ответил доктор Рикер. — Я хочу послушать, что он мне скажет. Кроме того, с разрешения Гаэль, я хочу показать ему то, что она называет Камнем Артены, и посмотреть, как он отреагирует.

— Вы хотите показать ему Камень? — воскликнула Гаэль.

— Только с вашего разрешения.

— Но он заявит, что я украла его.

— Его заявление ни к чему не приведет, — сказал врач. — А его реакция поможет мне лучше оценить его самого.

— Но он опасен, — не уступала Гаэль.

— И что с того? — пожал плечами врач. — Я беседовал с профессиональными убийцами, убийцами жен, потенциальными самоубийцами. Беседовать с опасными людьми — это часть моей профессии. Так я могу показать ему Камень Артены?

— Ну, да. Но... где он?

— В столе в моей смотровой, — ответил доктор Рикер, встал и взглянул на секретаршу. — Проводите посетителя в мою смотровую, — велел он.

— Да, сэр.

Врач повернулся к Кизу и Гаэль.

— Я хочу, чтобы вы оба оставались в кабинете и слушали мой разговор с этим человеком. Я оставлю дверь приоткрытой, так что вы услышите все, сказанное там. Я хочу узнать ваше впечатление от этого гостя.

Кивнув, доктор Рикер вышел из кабинета. При этом он попытался улыбнуться, но на его лице было выражение человека, который мысленно готовится перейти из камеры смертников в газовую камеру.

Глава V

Стоя у окна, Гаэль приоткрыла штору, замерла, затем поспешно позвала Киза. Он подошел к ней.

Его машина по-прежнему была на месте для парковки, где он оставил ее прошлой ночью. А за ней в переулке стоял коричневый фургон с открытой задней дверцей. Киз внимательно поглядел на него, боясь ошибиться. Это был тот же самый грузовик, что стоял на улице перед сувенирным магазином.

Киз увидел, как из открытой дверцы высунулось лицо знакомого, уже худого, и тут же поспешно скрылось.

— Что... Что нам делать? — прошептала Гаэль.

Из смотровой раздался мужской голос, свидетельствующий, что владелец сувенирного магазинчика уже в смотровой.

Киз плотно закрыл штору.

— Послушаем, что он скажет, — объявил он.

— Но... — Гаэль указала на окно.

— Что бы ни было в том грузовике, они не посмеют использовать это, пока Эллер находится в здании, — сказал Киз.

На лице Гаэль появилось облегчение, но тут же исчезло.

— Я... Я боюсь, — прошептала она. — Я... Я не хочу сгореть. Тот ужасный шквал ветра, наэлектризованный воздух...

На ее лице было ясно написаны воспоминания об ужасе прошлого вечера.

Киз обнял ее за плечи. Она прижалась к нему, словно только этого и ждала, уткнувшись носом ему под подбородком. Киз чувствовал, как дрожит ее тело.

— Держитесь, Гаэль, — тихо пробормотал он.

Голос из смотровой стал громче.

— Доктор, мне нужна ваша помощь. Не знаю, что со мной случилось, но я болен, болен психически, мне нужна помощь, вы должны помочь мне!

В голосе звучали боль, страх, замешательство. В нем была растерянность и отчаяние, и еще что-то, более глубокое, чем отчаяние. Этот человек говорил так, словно время его заканчивалось — и он знал об этом.

— Слушайте, — прошептал Киз.

— Он просит о помощи, между тем как в переулке у него стоит коричневый грузовик с генератором электрического ветра, — прошептала Гаэль и пристально взглянула Кизу в лицо. — Киз, да он просто лжет!

— Или лжет, или он безумен, — кивнул Киз.

Гаэль ничего не ответила, но при этих словах прижалась плотнее к нему.

— Расскажите мне о ваших проблемах, — послышался голос доктора Рикера.

Если врач и был напряжен, то это никак не проявилось в его голосе. Он походил на любого врача, спокойно обсуждающего проблемы пациента.

Снова раздался громкий мужской голос.

— Доктор Рикер, я — честный торговец, занимающийся честным бизнесом. Я скупаю всякие безделушки и сувениры, потом продаю их и пытаюсь получить какую-нибудь прибыль. Это не способ разбогатеть, но так можно зарабатывать на жизнь, если вы готовы жить в квартире над

магазинчиком, сами готовить себе еду и вести домашнее хозяйство. Я не делаю ничего плохого, ну, разве что торгую определенного рода альбомчиками. Полицию я не интересую. Пару раз они предупреждали меня, но на самом деле у них на меня ничего нет. Вы бы видели, чем торгуют некоторые коллекционеры. Да у вас волосы встали бы дыбом!

— Понимаю, — голос доктора Рикера был мягок и терпелив. — Но расскажите, что с вами случилось? Почему вы вдруг решили, что вы больны?

— Именно это я и пытаюсь вам рассказать, — заявил Эллер. — Я просто мелкий торговец подержанными безделушками. И вдруг на меня накатило.

— Накатило? — переспросил доктор Рикер.

— Так выразились впоследствии мои друзья, когда рассказали мне об этом. Я сидел в задней комнате магазина и играл с друзьями в карты, и внезапно оказалось, что уже наступил следующий день. — В его голосе прозвучала тревога.

— Что же случилось в этот период, между тем как вы играли с друзьями и очнулись на следующий день? — спросил доктор Рикер.

— Понятия не имею. Все это чистая правда, черт ее побери! Я не помню. Мне показалось, что я просто потерял сознание. Позже друзья рассказали, что я вел себя так, словно стал совершенно другим человеком. Это произошло прямо посреди карточной партии. Внезапно я заговорил на языке, который никто из друзей не понял, выскочил из-за стола, бросился к черному входу и запер его, затем побежал к передней двери и ее тоже запер, вернулся в заднюю комнату и достал пистолет, который прятал за книгами на тот случай, если ко мне ворвутся грабители...

— Понятно, — кивнул доктор Рикер. — Вам приходилось стрелять в кого-нибудь из пистолета?

— Нет. Я взял его, но, казалось, не знал, как им пользоваться. Я повертел его в руках и даже попытался заглянуть в дуло, отчего мои друзья решили, что я внезапно свихнулся и хочу застрелиться. Но я всего лишь пытался понять, как действует это оружие. Когда я понял это, то выбросил пистолет, потому что, казалось, я подумал, что он настолько отсырел, что не послужит никакой защитой.

— Ага, — оживился доктор Рикер. — И как вы поняли, что пистолет отсырел?

— Как-то так... Это был хороший пистолет, почти новый, я купил его по дешевке у человека, нуждающегося в нескольких долларах. Не знаю уж, почему я внезапно подумал, что пистолет отсырел и не будет полезным.

— Что же сделали ваши друзья?

— Они сказали, что попытались поговорить со мной. Они сказали, что я говорил им что-то на странном языке, который они не понимали. Они сказали, будто я глядел на них так, словно они были грязью под ногами, и заставил их остаться со мной на всю ночь, чтобы защитить меня, хотя ни они, ни я понятия не имели, от чего меня нужно защищать.

— И что ваши друзья сделали потом?

— Больше они не заходили. — Голос посетителя стал печальным. — Не могу винить их за это. Мои старые друзья больше не заезжают на Бэкон-стрит. Но с тех пор у меня появились новые друзья, — и в голосе Эллера печаль сменилась гневом.

— Угу, — хмыкнул доктор Рикер.

— Хотел бы я никогда не видеть этих друзей! — воскликнул Эллер.

— А что с ними не так?

— Все с ними не так! — завопил Эллер. — Один — карлик, похоже, сбежавший из какого-то цирка. У него разные глаза, но оба глаза ненавидят меня. Только он боится меня больше, чем ненавидит, так что исполняет все, что я говорю. Другой — тощий, длинный, и в одном рукаве у него всегда нож. То в одном рукаве, то в другом, так что никогда не угадаешь, в каком именно. Я зову его Слим. Так вот, этот Слим — торчок!

— Наркоман? — уточнил доктор Рикер.

— Да. Ширяется прямо в вену.

— Это плохо, — покачал головой доктор Рикер.

— И не говорите! — выкрикнул Эллер. — А еще один из новых друзей — человек по имени Кэл, такой толстый, что ковыляет, как утка. Кэл не употребляет наркотики, но всегда держит при себе оружие. И это не все. Есть еще две женщины!

— Вот как? — поднял брови доктор Рикер.

— Одна зовет себя Ширлой. Глаза у нее черные, как дым. Другую зовут Джарла. Клянусь вам, доктор, у нее зеленые глаза.

— И откуда приходят эти женщины?

— Я чуть позже вам расскажу, откуда они приходят. А сейчас я хочу рассказать вам о них кое-что. Они утверждают, что принадлежат мне душой и телом. Утверждают, что они — мои служанки и любовницы.

— Любовницы?

— Так они говорят, — ответил Эллер. — То одна пытается забраться ко мне в постель, то другая. И все это время проклятый карлик настаивает, что должен спать у моей кровати, поскольку он — мой евнух! — В голосе говорившего нарастала растерянность и тревога. — Доктор, я не хочу жить с проститутками, пусть даже они называют себя моими любовницами, и не хочу, чтобы у моей кровати спал карлик!

— Я прекрасно вас понимаю, — успокаивающе сказал доктор Рикер. — Ну а теперь расскажите, откуда появились все эти люди?

— Когда я не являюсь собой... Ну, когда я не похож на себя настоящего, то я шарюсь по городу, слушаю их и привожу к себе домой, — ответил Эллер. — Не думаю, что кто-то из них может сам прийти ко мне. Их преследуют так же, как и меня. И они тоже не могут себе помочь.

— Гм-м... — В голосе доктора Рикера послушалось удивление, словно он не ожидал такого поворота. — Я... ну... Как же вы покрываете расходы на то, чтобы кормить их, одевать?..

— Они совершенно разорили меня в первый месяц. Но потом решили проблемы с деньгами, хотя, боюсь, при этом впутали меня в плохую историю. Я имею в виду, действительно в плохую!

— Да, да, — покивал доктор Рикер.

— Теперь, когда у нас кончаются деньги, — а нам нужно много денег, чтобы покупать дорогие детали машины, которую мы строим, — тощий Слим идет и грабит какой-нибудь винный магазинчик, или жирдяй Кэл играет на бирже, или Ширла с Джарлой идут и проворачивают какое-нибудь мошенничество. Я уже сказал вам, что эти

женщины — профессиональные проститутки, и они всегда приносят мне деньги! — В его голосе зазвучали нотки оскорбленной невинности. — Док, я не скупщик краденного и не сутенер, и не желаю, чтобы эта банда воров приносила добычу в мой дом! Но что, черт побери, я могу поделать? Когда я не являюсь собой... то есть, не таким собой, как сейчас, я приказываю им делать все это. И они повинуются так, словно они мои рабы!

— Боже! — протянул доктор Рикер. — Да у вас действительно есть проблемы!

От этой крохи понимания и сочувствия Эллер разразился рыданиями.

Киз и Гаэль в кабинете озадаченно переглянулись. Они не знали, что и сказать. Киз подошел к окну и осторожно выглянул из-за шторы. Коричневый грузовик по-прежнему стоял в переулке.

— Вы упомянули о какой-то машине, которую строите, — услышали они голос доктора Рикера.

— Совершенно верно, — ответил Эллер. — Мы установили ее в фургоне коричневого грузовика. Когда я такой, как сейчас, то понятия не имею, что это за штука, но когда я — это не я, то я не просто разбираюсь в ней, именно я говорю Кэлу и Слиму, как ее строить. Док, может ли человек быть одновременно глупым торговцем сувениров и электронным гением? Эта машина — создание гения, если я вообще что-то понимаю в ней!

— Такое возможно, но происходит редко, — ответил доктор Рикер. — Был один случай, когда швея в Шотландии, которая понятия не имела о музыке и не обладала никаким голосом, под гипнозом пела как великая оперная певица.

— Так меня гипнотизируют, доктор? Что со мной происходит? Кто-то гипнотизирует меня и велит забывать об этом?

В голосе Эллера зазвучала надежда. Это было что-то новенькое. До сих пор в нем были отчаяние, страх и гнев — но вот надежды не было и следа.

— В вашем случае я не думаю, что это просто гипноз — хотя я не знаю, что такое гипноз, — сказал доктор Рикер. — Но я сомневаюсь, можно ли объяснить ваши проблемы одним лишь гипнозом. Я думаю, ответ кроется в такой очень сложной области, известной как раздвоение личности.

Доктор Рикер был клиническим врачом, причем очень хорошим, и если пока еще он был не совсем уверен в своем предположении, то становился все увереннее, пока нащупывал возможные ответы.

— Что такое раздвоение личности, док? — спросил Эллер.

— Давайте не углубляться в это прямо сейчас, — остановил его доктор Рикер. — Это общепризнанный диагноз. У меня... гм-м... есть к вам еще несколько вопросов. Как случилось, что вы обратились за помощью именно ко мне?

— Ваше имя и адрес были у меня в голове нынче утром, когда я проснулся. А раз я помнил ваше имя, то оставалось лишь поискать его в телефонной книге, чтобы убедиться, существуете ли вы на самом деле. И там я нашел ваш адрес.

— А где этим утром были ваши... гм-м... новые друзья?

— Работали в магазине, — ответил Эллер. — Когда я проснулся утром, то я был самим собой. Но они-то этого не знали. Видите ли, нельзя определить, просто глядя на меня, я это или не я. Я не стал им говорить, что я — это опять я, а просто пнул Ширлу... ну, ту, с черными глазами... я имею в виду, прогнал ее на кухню. Потом пнул карлика в задницу, так что у него глаза собрались в кучу, и сказал Кэлу со Слимом, что иду прогуляться, а они пусть остаются и заботятся о магазине... И вот я здесь.

— Угу, — хмыкнул доктор Рикер. — А как ваши друзья называют вас, когда вы — это не вы?

— Кутху, — ответил Эллер. — Или как-то похоже не это.

— Ага, — сказал доктор Рикер. — Я так понимаю, что вы, Эллер, который сейчас настоящий вы, начинаете запоминать кое-что из того, что делаете, когда не являетесь вами. Например, это ваше второе имя — Кутху?

— Да, кое-что. Воспоминания, что я делал, когда был Кутху, похоже на память о сне.

— Понятно, — вздохнул доктор Рикер.

— Так вы можете помочь мне или нет, доктор Рикер? — в голосе Эллера снова появилась жалобная мольба. — Я только хочу все время быть собой, владельцем магазинчика сувениров, который, возможно, получает пару дополнительных долларов время от времени, торгуя с черного хода порнографией, но не делает ничего плохого. Я не знаю, что может натворить этот Кутху. — Тревога в его голосе усилилась. — У меня такое

впечатление, что Кутху мог бы убить человека, совершенно не задумавшись. — Теперь уже тревога переросла в отчаяние.

— Ага, — протянул доктор Рикер.

— Вы же поможете мне, не так ли?

В смотровой наступила тишина.

— Я приложу все усилия, — сказал доктор Рикер.

— Боже, как я благодарен вам за это! Я боялся, что у меня нет надежды, вообще никакой надежды! Не могу вам сказать, что значит для меня ваша помощь, доктор Рикер! — В его голосе теперь слышалось страстное желание выразить свою громадную благодарность.

Стукнул выдвижной ящик стола.

— Вы когда-нибудь видели это прежде? — спросил доктор Рикер.

— Он показывает ему Камень Артены! — прошептала Гаэль.

Наступило молчание. Затем голос, в котором лишь секунду назад звучала благодарность, гневно прокричал:

— Ах вы, подлый обманщик! Откуда вы взяли Камень Артены? Он мой, говорю вам! Он принадлежит мне!

Послышались звуки борьбы.

Киз Ард бросился в смотровую. Эллер держал доктора Рикера за горло и тряс врача, как собака трясет крысу.

Кулак Киза ударил Эллера прямо в челюсть. Горбоносый отлетел назад и ударился об дверь смотровой. В это момент секретарша распахнула дверь и со вскриком отпрыгнула от Эллера. Тот взглянул на Киза Арда и выбежал в приемную.

Громко хлопнула парадная дверь.

— Пусть уходит, — хрипло проговорил доктор Рикер. — Он не получил Камень Артены!

— Вы в порядке? — спросил Киз.

— Да.

В смотровой появилась Гаэль и позвала Киза. Он прошел за ней в кабинет. Один взгляд в щелочку между шторами, и Киз увидел, как Эллер бежит по переулку к грузовику.

Задняя дверца грузовика была раскрыта, и в ней торчал Слим, подгоняя его взмахами рук.

— Быстро все наружу! — закричал Киз. — Вон из здания через парадную дверь! Никаких вопросов! Двигайтесь же!

Ни секретарша, ни врач не стали ничего спрашивать.

Лоуэлла бежала впереди всех. Очутившись на тротуаре, она остановилась.

— Налево! — крикнул Киз. — Быстрее!

Пробежав полквартала, они остановились перед продуктовым магазинчиком и оглянулись. Ничего не происходило со зданием, которое занимал доктор Рикер. Все было в порядке.

— Киз, вы уверены... — начал было доктор Рикер.

— Нет, не уверен. Просто я не привык рисковать... Ого!

Раздавшийся звук был похож на рев ветра. И доносился он из-за двухэтажного кирпичного здания, которое занимал доктор Рикер, причем быстро усиливался, словно приближалось нечто ужасное.

Затем рев ветра превратился в словно в разряд молнии. Казалось, от него рушится здание и ломаются кирпичи. Парадная дверь пролетела через улицу, стекла на обоих этажах вылетели наружу. Кирпичи полетели вниз потоком, словно вода в водопаде, засыпая тротуар.

Завизжали тормоза, когда автомобили попытались уклониться от этого потока кирпичей, внезапно перегородившего проезжую часть.

Затем раздался взрыв. Он походил на очень яркую вспышку, такую яркую, что она осветила утреннее небо, словно взошло второе солнце.

Снова раздался рев. На этот раз он походил на гром во время грозы, хотя на небе не было ни облачка.

Затем вспыхнуло пламя, а потом повалил дым.

— Вот теперь я уверен, — сказал Киз Ард.

Глава VI

Запрыгнув в автофургон, стоящий в переулке, человек, который называл себя Эллером, захлопнул дверцу и разъяренно уставился на Слима, склонившегося над прицелом устройства под названием тегнар.

— Ты идиот! Ты полный дурак! Кто велел тебе использовать луч тегнара на том здании?

Высокий наркоман попытался отступить от впившегося в него яростного взгляда горящих глаз.

— Мы просто хотели дать вам шанс убежать, господин! — взвыл он.

— Вы же разрушили все здание!

— Но вас-то в нем уже не было. Мы просто напали на ваших врагов, чтобы не дать им последовать за вами.

— В том здании был Камень Артены! Возможно, вы уничтожили его!

— Ну... Я же не знал, — запинаясь, пробормотал Слим. — Я всего лишь пытался помочь.

Оказываясь в затруднительном положении, Слим всегда начинал нервничать. А то, что он видел в глазах горбоносого, заставляло его нервничать еще сильнее.

— Мы должны заполучить этот камень! А ты, возможно, уничтожил его!

Тегнар перестал бить лучом горячего воздуха с грузовика. Теперь из разрушающегося здания фонтаном била вверх пыль и облаком расползалась во все стороны. Кое-где сквозь пыль начали уже проглядывать красные языки огня.

Вдалеке завопила сирена. Горбоносый прислушался, затем повернулся к сжавшемуся за рулем грузовика карлику.

— Занду, мотаем отсюда, и побыстрее!

Карлик кивнул, не смея обернуться. Сидевший рядом с ним на переднем сидении толстяк Кэл надвинул шляпу на лоб. Взвыли двигатели на всех четырех колесах. Грузовик рванулся вперед. Горбоносый в фургоне занялся тем, что пытался сохранить равновесие, и даже перестал кричать на Слима.

В конце переулка карлик повернул направо. По улице мчались автомобили. Взрыв, разрушивший здание, заставил нервничать всех водителей поблизости. Грузовик вывернул на улицу на двух колесах, но движение там было такое плотное, что карлику пришлось снова повернуть направо.

В результате двух таких поворотов грузовик помчался вокруг квартала. На следующем перекрестке красный свет светофора и пробка поймали грузовик в ловушку. Сзади вопила пожарная машина. Карлик мгновение колебался, затем вжал педаль акселератора в пол, врубив полную мощность.

Грузовик пошел на красный свет и едва избежал столкновения. Кэл натянул шляпу еще глубже на лоб.

Горбоносый оглянулся. На противоположной стороне улицы, которую они только что пересекли, он мельком увидел здание, в которое ударил луч тегнара. Клубы пыли взлетали вверх. Улица была завалена кирпичами.

В конце квартала он заметил четырех беглецов: рыжеволосую женщину, напоминающего гнома доктора Рикера, стройного, хорошо сложенного мужчину и секретаршу доктора.

Горбоносый закричал, чтобы карлик притормозил. Карлик повиновался, и пожарная машина тут же обогнала их, закрыв собой обзор.

Тощий Слим застыл в фургоне. Он тоже узнал двоих из этой четверки, которые побывали вчера в сувенирном магазинчике на Бэкон-стрит.

— Наверное, они выскочили через парадную дверь, — пробормотал Слим.

— Разумеется! — язвительно рявкнул горбоносый.

— Я хотел сказать...

— Да кому это интересно?

— Но если они успели спастись, то, возможно, прихватили с собой и камень, — настойчиво продолжал Слим.

— Вот идиот! Я давно уже пришел к этому выводу! — ответил горбоносый.

На самом деле это была ложь, но у горбоносого не было намерения признавать, что тот, кого он считал грязью под своими ногами, может соображать быстрее него. Он снова закричал Занду, чтобы тот остановил грузовик.

Несмотря на мощные тормоза, карлику удалось остановить машину лишь в конце квартала. Выскочив из задней дверцы, горбоносый снова стал единым целым.

Теперь в нем доминировала личность Кутху. Личность, желания, надежды и страхи Дж. Эллера были загнаны в самый дальний угол сознания. Владелец сувенирного магазинчика стал призраком, тщетно пытающимся вновь овладеть своим разумом и телом.

Кутху хотел догнать доктора Рикера и тех, кто был с ними, чтобы узнать, спасли ли они Камень Артены из разрушенного здания.

На перекрестке, где он их видел, движение было уже перекрыто. Пожарная машина остановилась там, и суетящиеся пожарные тянули длинные шланги от красных гидрантов к горящему дому. Посреди перекрестка полицейский остановил движение во всех направлениях. Сирены вопили все громче, так как со всех сторон подъезжали пожарные и полицейские машины.

Кутху перешел улицу. Стоявший посреди перекрестка полицейский с квадратной челюстью велел ему возвращаться. Кутху попытался было сказать ему, кто он такой, но полицейского это не интересовало.

— Да будь вы хоть самим Магометом! Парни тут борются с огнем, и им не нужна помощь ни от каких добровольцев. Возвращайтесь ко всем чертям на тротуар, иначе я арестую вас!

В свое время Кутху выпускал кишки тем, кто противился его власти. Ему очень хотелось сделать то же самое с этим полицейским, но, когда полицейский двинулся к нему, Кутху поспешно отступил на тротуар.

На другой стороне улицы он уже не видел ни доктора Рикера, ни рыжеволосую, ни секретаршу. Он смутно вспомнил имя, которое рыжая назвала ему в задней комнате сувенирного магазина. Гаэль Дана. Интересно, есть ли это имя в телефонной книге?

Когда он вернулся к грузовику, Слим недостаточно быстро открыл ему заднюю дверцу, и, чтобы отвести душу, Кутху пнул тощего наркомана по голени. Когда Слим вскрикнул от боли, горбоносому сразу стало лучше...

Когда такси отъехало от перекрестка, Гаэль Дана спросила в который раз:

— Доктор Рикер, у вас с собой Камень Артены?

— А? Что? — Врач был так потрясен, что едва соображал, где находится. — Камень? А-а... Что же я с ним сделал?

Он пошарил в карманах пиджака. В одном нашел свою визитку, пачку незаполненных рецептов и ручку. В другом пузырек с транквилизатором. Поспешно сделав из него глоток, он передал бутылочку Кизу, Гаэль и Лоуэлле. Гаэль снова напомнила ему о камне.

— А, да... — Он сунул руку в карман брюк и достал маленький зеленый камешек.

При виде его Гаэль вздохнула от громадного облегчения.

— Не знаю, почему я считаю его таким важным. Я просто знаю, что он очень важен — и все.

— Важен? О, да, да! Но также важно и то, где мы будем теперь жить. У меня больше нет ни офиса, ни квартиры. У меня нет крыши над головой. У меня нет даже кровати. Все, что у меня осталось, это бланки рецептов и секретарша. — Он посмотрел на Лоуэллу, сидящую на переднем сидении такси. — Но у меня нет для нее приемной, — добавил он.

— Я могу взять отпуск, — сказала Лоуэлла, все еще бледная и явно потрясенная. — Фактически, я хочу в отпуск прямо с этого момента!

— Но, моя дорогая, я не смогу сейчас без вас, — поспешно сказал доктор Рикер.

— У вас нет офиса, — напомнила ему Лоуэлла.

— Мы можем временно снять...

— А потом вокруг меня опять начнут рушиться дома...

— Но это явно не повторится. Этот тип наверняка решит, что мы погибли в здании. И даже если он заподозрит, что мы могли уцелеть, то все равно не сможет разыскать нас.

— У меня есть квартира, — неуверенно сказал Киз.

— Если вы думаете, что я стану жить в одной квартире с двумя мужчинами... — Тут же взвилась Гаэль. — Девушка, которая постирает и развесит сушиться в ванной белье, не захочет, чтобы двое мужчин пялились на него!

— Я вас понимаю, моя дорогая, — поспешно пробормотал доктор Рикер. — Думаю, что нам троим лучше пока что не разделяться. В общем-то, это необходимо для нашей защиты.

— Если нам нужна защита, то мы должны обратиться в полицию, — заявила Лоуэлла.

— С такой-то историей? — тут же возразил доктор Рикер.

— Вы — уважаемый врач, — сказала Лоуэлла. — Полиция выслушает вас.

— Если я расскажу подобную историю, полиция отправит меня на экспертизу, — сказал доктор Рикер. — Когда я начну утверждать, что видел настоящего призрака, который вселился в моего пациента, тут же соберется консилиум врачей, чтобы исследовать меня! А уж как они захотят признать меня больным! Они будут решать, настолько ли я

безопасен, чтобы оставлять меня на свободе. Я так часто боролся с ними, что они не могут не воспользоваться таким шансом. Нет! Мы не пойдем в полицию до тех пор, пока это не останется единственной возможностью спасти свои жизни. Нет!

— А почему бы не моя квартира, — внезапно сказала Гаэль. — У нас там две спальни, потому что Джимми жил со мной. И два дня назад я заметила, что соседняя квартира сдается в аренду. Между этими квартирами существует смежная дверь. Конечно, она сейчас заперта, но управляющий всегда откроет ее по просьбе...

— Смежная дверь? — перебил ее Киз.

— Вы только поймите меня правильно, — резко ответила Гаэль. — Я и раньше подозревала, что дом, в котором я живу, был изначально спроектирован и построен так, чтобы использоваться для создания любовных гнездышек. У всех соседних квартир есть смежная дверь. Мужчина может арендовать квартиру для себя, а соседнюю — для любовницы. Они могли ходить друг к другу через смежную дверь, и никто посторонний ничего не заподозрит. — Она замолчала, внезапно покраснев.

— Раньше это был очень приличный жилой дом с высокой арендной платой, — сказала Гаэль. — Но в наше время уже мало кто может позволить себе жить в таком постоянно.

— Могу себе представить, какие налоги платил бы такой человек, — сказал доктор Рикер и посмотрел на Киза и Лоуэллу. — Мы воспользуемся предложением Гаэль и арендует соседнюю квартиру для меня и Киза. — И тут он взволнованно взглянул на секретаршу. — Мой банковский счет выдержит такую нагрузку, не так ли, Лоуэлла?

— Надеюсь, что да, — ответила секретарша. — Но ваша чековая книжка осталась в разрушенном здании.

— Тогда вы пойдете в банк и возьмете для меня новую чековую книжку. А заодно проверите мой счет. Затем вы можете связаться с моей страховой компанией и отправить на место катастрофы их агентов и следователей.

— Но это же работа на весь день, — возразила Лоуэлла. — А вы согласились отправить меня в отпуск.

— Ну, не сегодня же. Пойдете в отпуск с завтрашнего утра. Кстати, еще вам придется заехать в телефонную

компанию и заключить с ними договор, чтобы все мои звонки перевели на новый номер в квартире, которую мы еще не сняли.

— А разве Эллер не сможет выследить вас по новому номеру? — спросил Киз.

— Возможно, и сумеет, но это риск, на который придется пойти, — вздохнул доктор Рикер. — В конце концов, я — врач. От меня зависит здоровье многих людей. Я не могу бросить их. Я хочу, чтобы Лоуэлла отвечала на телефонные звонки в моей новой квартире, когда я сниму ее, и объясняла пациентам, что временно я остался без офиса, поэтому передаю своих пациентов своим коллегам для медицинской и психологической помощи, — на мгновение, после того как доктор дал распоряжения, налаживая свою жизнь, с его лица исчезло хмурое выражение. — Таксист увезет вас в вашу квартиру, Лоуэлла. Ложитесь пораньше спать и отдохните. Я вызову вас, как только смогу. Если кто-нибудь станет расспрашивать, как начался пожар, говорите, что понятия не имеете.

— Да, доктор Рикер, — ответила Лоуэлла. — Но если вы не возражаете, просто высадите меня здесь, и я возьму другое такси.

— Как хотите, моя дорогая.

Дом Гаэль сохранился с прежних времен Лос-Анджелеса. Четыре этажа, высокие потолки, белый фронтон и внутренний дворик с бассейном. Такси остановилось. Доктор Рикер заплатил по счетчику и щедро добавил на чай, осчастливив водителя.

Квартира Гаэль была в середине здания и выходила окнами на обе стороны. Большие окна открывали вид на внутренний дворик и бассейн, а позади была крошечная кухня, окна которой выходили на гараж и переулок за домом. Удобная, просторная гостиная со стенами розовых оттенков, выглядела весьма уютной. Гаэль показала своим спутникам две спальни и смежную дверь в соседнюю квартиру, затем позвонила по внутреннему телефону управляющему.

— Управляющий сказал, что соседнюю квартиру еще не сдали, — сказал она, вешая трубку. — Сейчас он будет с ключами.

— Как будем платить? — спросил Киз.

Доктор вынул из бумажника два чека, которые держал там на всякий случай. Управляющий был счастлив принять чек за

арендную плату на месяц вперед. С трудом отрывая взгляд от Гаэль, он принес ключи от внешней и смежной двери.

— Эти господа — мои друзья, а не возлюбленные, — пояснила Гаэль. — Не стоит делать неверные заключения.

— Я прекрасно все понимаю, мисс Дана, — не переставая ухмыляться, сказал управляющий.

И он ушел с чеком в кармане. Выражение его лица красноречиво вещало, что он думает о мисс Дана. Гаэль с негодованием глядела, как за ним закрылась дверь.

— Ну, пока что мы в безопасности, — вздыхая, сказал доктор Рикер. — Со вчерашнего вечера я неоднократно думал, что следующий мой вздох будет последним.

— И я тоже, — вторил ему Киз Ард. — Фактически, со вчерашнего дня я пришел к заключению, что пилот-испытатель новых ракет — самый легкая и самая безопасная работа, которая была у меня.

— Можете добавить и мое имя к списку людей, которые считали, что вот-вот испустят дух, — вздохнула Гаэль. Несколько секунд она молчала, затем добавила: — Теперь, когда я вернулась домой, то могу думать только о Джимми.

— О вашем брате, который занимал вторую спальню? — спросил доктор Рикер.

— Мы всегда были очень близки, — кивнула она. — И я всегда чувствовала, когда он попадал в переплет.

На глазах у нее появились слезы.

— Вы думаете, с ним что-то случилось? — очень тихо спросил доктор Рикер.

— Я думаю, он мертв, — ответила Гаэль. — Думаю, что Эллер или Кутху, или неважно, кто он там, убил его.

— Мне очень жаль, моя дорогая, — сказал врач. — Но как вы думаете, почему он убил вашего брата?

— Чтобы завладеть Камнем Артены, — не задумываясь ответила Гаэль. — Я думаю, он и нас убьет, если мы дадим ему хоть малейший шанс добраться до Камня.

Доктор Рикер медленно покачал головой.

— Надеюсь, вы ошибаетесь насчет своего брата, но я слишком часто встречался с женской интуицией, чтобы совсем уж не доверять ей. Также я должен признать: когда личность Кутху овладела Эллером, он произвел на меня

впечатление человека, способного на любое злодейство. В нормальном состоянии Эллер относительно безопасен. Но когда правит Кутху, лучше принимать все меры предосторожности.

— Вы думаете, к вам на консультацию приходил Эллер? — спросил Киз.

— Да, я так думаю.

— А из-за чего он изменился?

— Он увидел Камень Артены, — ответил врач. — Это немедленно вывело личность Кутху из убежища и сделало ее доминирующей. Как только он увидел Камень, то тут же изменился. Боюсь, что Кутху — убийца.

— Я согласна с вами, — кивнула Гаэль, встала и ушла в спальню, которая принадлежала ее брату.

Через минуту она вернулась с автоматическим пистолетом.

— Он принадлежал Джимми, — сказала она.

— Гм... — промычал доктор Рикер. — Ну что ж, сейчас он может быть нам полезен. Лучше носите его с собой в сумочке. Вот только как бы полиция не нашла его у вас.

— Я хочу отдать его кому-нибудь из вас, — сказала Гаэль.

— Что? — спросил доктор.

— Мне он не нужен.

Передав пистолет Кизу, она прошла в свою спальню и вернулась с другим, точно таким же.

— Джимми купил два пистолета и один дал мне.

— Понятно, — сказал доктор Рикер. — Ну, при обычных обстоятельствах я не рекомендовал бы никому носить оружие или даже хранить его у себя дома. Однако сейчас обстоятельства необычные. Фактически, я... Ну, мне даже жаль, что у меня самого нет такого оружия.

Киз протянул ему первый пистолет. Врач взял его и повертел в руках.

— Я... Ну, теперь я вынужден признать, что не умею им пользоваться. Наверное, я слишком долго спасал человеческие жизни, чтобы браться за оружие, которое отнимает их.

— Но вы сами сказали, что хотели бы его, — сказал Киз.

— Ну, да, знаю, сказал. Но это говорил во мне инстинкт самосохранения. Я надеялся, что оружие дасть ощущение

безопасности. Но, боюсь, это было всего лишь заблуждение. С оружием я чувствую себя еще хуже...

И он беспомощно посмотрел на Киза Арда. Тот взял из его рук пистолет и сунул его в карман пиджака, сначала проверив, заряжен ли он и взведен ли затвор.

Доктор Рикер вздохнул с облегчением.

— Да, ощущение оружия в руке просто ужасает меня. Наверное, я слишком много имел дела с потенциальными и настоящими убийцами, пытаясь помочь им, обычно с небольшой надеждой на улучшение, чтобы полюбить оружие.

— Я с вами согласен, — сказал ему Киз. — Но иногда оружие необходимо для самозащиты. Когда дело доходит до выбора — убить самому или быть убитым...

— Почему бы тогда не перейти к мирному решению этой проблемы? — удивился врач. — Кажется, такую возможность еще никто не рассматривал. Но я предполагаю, что род человеческий еще не развился до того, чтобы владеть этой возможностью... — Он покачал головой и вздохнул.

Киз и Гаэль хотели обсудить то, что произошло, но доктор Рикер запретил это делать. Вместо этого он предписал всем отдых. Он дам им таблетки и сам принял одну. Гаэль ушла в спальню и заперла дверь. Киз и доктор Рикер прошли в квартиру, которую только что арендовал врач. Там они устроились, и, под влиянием успокоительного, Киз тут же уплыл в мир тихого сна.

Когда он проснулся, был ранний вечер. Гаэль позвонила в смежную дверь и сообщила, что у нее есть суп, салат, гамбургеры и растворимый кофе. Когда они закончили есть, то были готовы к разговору. Доктор Рикер достал Камень Артены.

ТРРР! В комнате появился Синяя Тога. Опять на его лице было странное выражение, словно у человека, который спит и знает, что спит, но не знает, как проснуться. Но теперь он казался человеком, который немного научился ориентироваться во сне, который уже немного научился ходить, но все еще не считает свою опору совершенно безопасной. Он еще напоминал вчерашнего призрака, но теперь, казалось, узнал троих человек в этой комнате, а может, разглядел их получше или просто начал считать друзьями.

Вопреки силе тяжести, он по-прежнему висел в воздухе, но казался трехмерным и материальным. И он пытался им что-то сказать.

Ни звука не проникало через преграду, отделяющую мир сна от того мира, где люди живут в трехмерном пространстве и называют это реальным миром. Только шевелились его губы. Он глядел на них, словно надеялся получить ответ.

— Он пытается нам что-то сказать, — прошептала Гаэль. — Я... я почти могу читать у него по губам!..

Она неподвижно сидела в своей гостиной. Рядом были Киз и доктор Рикер, так что Гаэль почти не боялась своего невероятного гостя. Второе посещение было почти полным повторением прежнего, следовательно пугало немного меньше, потому что стерло границу между неизвестным и известным.

— Постарайтесь понять, что он говорит, моя дорогая, — попросил Гаэль доктор Рикер.

Гаэль не отрывала глаз от человека в синей тоге.

— Он говорит... Я... Кажется, я вот-вот пойму его... Это так, словно он... словно он говорит на языке, который я знала когда-то, но забыла, и теперь должна вспомнить его, читая по губам!

В своем сне Синяя Тога, казалось, осознавал, что его не понимают в том мире сна, который он видел перед собой. На его лице появилась досада. Он хотел, чтобы его поняли. Но как это сделать, как установить связь?..

Внезапно он щелкнул пальцами. На его лице появилось выражение, словно он нашел решение трудной проблемы. И он вытянул указательный палец.

Проследив, куда указывает палец, Киз Ард увидел, что Синяя Тога указывает на Камень Артены.

Глава VII

Человек, неподвластный силе тяжести, сделал короткий шаг к Камню Артены, лежащему на журнальном столике.

Киз быстро шагнул туда же, чтобы убедиться, что маленький зеленый камешек не унесут в мир сновидений, из

которого появился этот странный человек. Но Синяя Тога даже не коснулся его. Казалось, он просто не может коснуться Камня или чего-либо еще в этой комнате. Когда он шагнул к Камню Артены, его рука коснулась журнального столика.

И исчезла.

Столик остался таким же, как прежде, но рука до запястья исчезла в его полированной крышке. Синяя Тога, казалось, даже не понял, что у него исчезла рука. Он сделал еще шаг, и рука вышла из столика, такая же, какой и была.

Теперь Киз узнал ответ на вопрос, чем тело Синей Тоги отличается от тела человека из обычного трехмерного мира. И по той же причине Синяя Тога с трудом видел их, а они не слышали ни звука, когда он говорил. Его голосовые связки не могли управлять воздухом!

Киз понял, что даже если бы Синяя Тога попытался взять Камень Артены — или что-либо еще, — то его пальцы просто прошли бы сквозь него, как будто этого предмета не существовало. Киз также понял, что в воздухе, вопреки тяготению, висело вовсе не физическое тело. Возможно, в каком-то мире, который обычным людям показался бы страной снов, это тело и было физическим, вещественным и реальным. Но здесь, в мире двадцатого века, в Лос-Анджелесе, в эту безумную космическую эпоху, оно было лишь видением, а не материально осязаемым. Оно явно получало энергию не из кислорода, солнечного света и почвы. Но все равно, оно было живым. Возможно, жизнь могла принимать и иные формы, а не только существовать в виде растений и животных, как у нас, на Земле.

Синяя Тога снова указал на Камень Артены, затем на Гаэль и опять на камень. Потом улыбнулся и кивнул.

— Он хочет, чтобы я взяла Камень, — объявила Гаэль, тонким от волнения голосом.

Подойдя к журнальному столику, она взяла камень и показала его Синей Тоге.

Синяя Тога улыбнулся и кивнул. Его сияющее лицо было цвета старой слоновой кости. В нем было какое-то неуловимое сходство с древнеегипетскими статуями, хотя он явно не был египтянином. Скорее, в нем было то, что древние скульпторы пытались запечатлеть в камне.

Глядя на него, Киз понял, что в лице этого человека была

явно выражена добродетель. Синяя Тога был добр, дружелюбен и пытался помочь. Еще по его лицу промелькивало множество иных выражений, например, страдание, которое он долго терпел и теперь, наконец, преодолел. Что-то от святого было в его лице.

Он жестом показал на Гаэль Дана.

— Он хочет, чтобы я легла на кушетку и положила Камень Артены себе на лоб, — сказала Гаэль.

Она вопросительно взглянула на доктора Рикера, словно спрашивала его профессиональное мнение относительно того, должна ли делать это, но, не дожидаясь его разрешения, тут же сама приняла решение.

— Я сделаю то, что он хочет, — сказала Гаэль.

Она подошла к кушетке, легла на спину и аккуратно положила зеленый камешек точно посреди лба.

— В эзотерических книгах написано, что в этом месте как раз расположен третий глаз человека, — с обеспокоенным видом прошептал доктор Рикер.

— Какой третий глаз? — удивился Киз.

— Никто не знает, какой. Во время операций его никто не находил. Древние легенды гласят, что это — центр восприятия ясновидения.

Словно два взволнованных отца, один из мира снов, а другой из Лос-Анджелеса двадцатого века, Синяя Тога и доктор Рикер подошли к лежащей Гаэль.

Она сонно моргала глазами.

— Я... Я такая сонная, — прошептала она.

— Моя дорогая! — резко сказал доктор Рикер.

— Я вижу красивые огни, водовороты разноцветных огней, индиго. Фиолетовый, красный... — Она прикрыла глаза. — Так я по-прежнему вижу их! — голос ее упал до едва различимого шепота.

— С закрытыми глазами? — спросил доктор Рикер.

— Д-да...

Вытянутые по бокам руки напряглись. Затем напряглись ее ноги. Затем по всему телу пробежало какое-то конвульсивное движение.

Доктор Рикер резко убрал с ее лба Камень Артены.

ТРРР!

Раздался звук рвущегося шелка. На этот раз он означал уход, и Киз Ард понял, чего следует ожидать. Комната была пуста. Синяя Тога исчез. Киз повернулся и увидел, что доктор Рикер осматривает лежащую на кушетке молодую женщину. Он поднял ее руку, затем отпустил, но рука не упала, а осталась висеть в воздухе, словно тоже решила бросить вызов тяготению.

Доктор Рикер обратил испуганные глаза на Киза Арда.

— Это состояние называется восковой каталепсией. По крайней мере я надеюсь на это. Оно означает, что Гаэль вошла в глубокий транс, и ее телу можно придать любое положение. Оно не шелохнется, пока кто-то не изменит его положение. Смотрите.

Он поднял ее руку, и рука осталась в вертикальном положении. Затем он положил ее руку на кушетку. Гаэль лежала, словно жизнь покинула ее тело.

Врач попытался нащупать пульс, затем приложил ухо к ее груди.

— Я не могу нащупать пульса и не слышу ударов сердца.

— Значит, она мертва! — прошептал Киз.

Для него отсутствие пульса и биения сердца означало смерть. Он оцепенел от неожиданного горя. Еще двадцать четыре часа назад он даже не знал о существовании этой женщины. Затем она прошла мимо него по Бэкон-стрит, Киз увидел ее лицо и по каким-то признакам понял, что она так же, как и он, не может вспомнить что-то из своего прошлого...

— Нет! — лицо доктора Рикера внезапно прорезали глубокие морщины. — Это не смерть, а глубокий транс. По крайней мере я надеюсь на это.

— Вы можете привести ее в чувства?

— Она не мертва! — прокричал доктор Рикер.

— Тогда приведите ее в себя.

— Я не смею, — покачал головой врач.

— Но почему?

— По двум причинам. Во-первых, если я приведу ее в сознание, ее может убить шок. Во -вторых, шок может нанести вред ее нервной системе и мозгу, и всю оставшуюся жизнь она будет душевнобольной. Киз, мы просто должны ждать. Если она сама придет в себя, я постараюсь помочь ей.

Пот катился по лицу пожилого гнома, пока он пытался решить, что лучше для пациента. Джозеф Рикер был одним из тех редких врачей, которые ставили благополучие пациентов превыше любых других соображений.

Он вытер с лица пот и снова заговорил:

— Простите, Киз, но я не могу обещать того, чего сделать не в силах. Даже самые лучшие врачи на Земле так мало знают о той сложной штуке, которая называется человеком. Происшедшее с ней выходит за грани моего понимания. Я могу отправиться в аптеку и взять средства, которые приведут ее в сознание, но это — риск, на который я пойти не могу.

— А как насчет того, чтобы вызвать «скорую» и отвезти ее в больницу?

— Вы были когда-нибудь в приемном покое? — Врач покачал головой, вспоминая горькие жалобы своих пациентов на эту процедуру. — Нет! Здесь она получит лучший уход. Я думаю, она сама придет в себя. И вот тогда я смогу работать с ней. Вероятно, мне придется интенсивно работать с ней много часов, а может, и много дней, чтобы гарантировать ее выздоровление.

Горькие мысли пронеслись в голове Киза Арда. Пока он смотрел, как Гаэль лежит на кушетке, он начал осознавать, что она значит для него. И большая часть его негодования была направлена на Синюю Тогу.

— Он казался таким доброжелательным! — снова и снова повторял Киз. — Она доверилась ему. Зачем он сделал все это?

— Я не знаю его побуждений или возможностей, — сказал доктор Рикер. — Я согласен, что он выглядел доброжелательным. Я бы тоже доверился ему. Но, может быть, где-то в другом месте происходит или собирается произойти нечто такое, что требует, чтобы здесь Гаэль лежала в трансе.

Киз уставился на врача.

— Вселенная очень сложна, Киз, — продолжал доктор Рикер. — Мысли разных людей соединяются в ней, в подобие телепатии. Это называется групповыми сознаниями. Эти люди сотрудничают ментально, помогают друг другу. Возможно, Гаэль и Синяя Тога принадлежат к одной группе... Как-то так... — Он протянул руки в жесте беспомощности. — Кто знает истину

о нашей Вселенной? Никто еще не нашел ответ на вопрос Пилата: «Что есть истина?» А кроме того, пожалуйста, вспомните, что с тех пор, как вы привели Гаэль в мой офис, у меня вряд ли было время как следует поразмышлять.

— Простите. Я и не думал критиковать вас.

Киз отвернулся. В душе у него нарастала горечь, являвшаяся смесью страха и гнева — страха, потому что он не знал, что с Гаэль, и гнева, потому что он ясно ощущал собственную беспомощность в данной ситуации. Минуты превращались в часы. Гаэль на кушетке не шевелилась. В ее спальне зазвонил телефон, но оба проигнорировали звонок.

Шли часы. Отчаяние Киза Арда становилось все сильнее. И тут ему в голову пришла одна мысль. Он взял Камень Артены с журнального столика, куда его положил доктор Рикер.

— На самом ли деле возможно, что она — ее личность, а не физическое тело — перенеслась в мир Синей Тоги? — спросил он.

— Это возможно, — ответил доктор Рикер. — Не знаю, произошло ли это, я вообще не понимаю, что происходит, но, возможно, так оно и было.

— Тогда я отправлюсь в тот же мир, — заявил Киз.

— Что? — воскликнул врач. — Как...

— Использую этот камень так же, как использовала она, — объявил Киз. — Если он сработал с ней, то, надо полагать, сработает и со мной.

— Но ей велели это сделать, — воспротивился врач. — Вам же никто ничего не говорил.

— Никто не говорил мне становиться пилотом-испытателем ракет, — возразил Киз. — Это было мое собственное решение. И сейчас я тоже принимаю собственное решение.

Он лег на пол. Пистолет в кармане пиджака давил ему в спину, но Киз не обратил на это внимание.

— Вы сошли с ума? — закричал врач, бросаясь к нему.

— Наверное. Руки прочь!

Доктор Рикер отступил, продолжая возражать, что Киз сам не знает, что может произойти.

— Я никогда не знал, что произойдет, когда садился в очередную новую ракету, — ответил Киз. — Гаэль рискнула. И я собираюсь воспользоваться той же возможностью.

— Но...

— Можете не носить цветы мне на могилу, — усмехнулся Киз.

Положив Камень Артены себе на лоб, он закрыл глаза.

Смутно и далеко, словно в каком-то волшебном мире, он увидел искорку света. Увидел он свет не глазами, а каким-то другим, неизвестным органом. Мозг интерпретировал это явление как видение. Искорка света была просто точкой, единственным светлячком, танцующим на самом краю космоса, атомом, вращающимся на границе молекулы. Но она, эта искорка, не исчезала, она танцевала, искрилась, становилась то ярче, то тускнея, словно мерцание звезды тихой летней ночью. Она была слишком маленькая, совсем незначительная для Вселенной, но красивая, восхитительная и чарующая, словно знак какого-то незаданного вопроса.

Киз не знал, как и чем видит ее. В данный момент его не интересовала физическая сторона этого вопроса. Он только знал, что глаза у него закрыты, и он не может видеть ими этот танец света. А это доказывало, что существует и другой способ видения, о котором не подозревает большинство людей. Возможно, одаренные ясновидением больше знали об этом способе. Но Киз знал, что видит эту искорку. И он подумал, уж не вызывает ли это видение какая-нибудь радиация, исходящая от Камня Артены. Возможно, в состав зеленого камешка входят какие-нибудь радиоактивные элементы. Возможно, именно они и образуют танец искорки. Возможно...

Вспыхнул свет. Он вспыхнул, как радуга, возникнув на периферии его зрения и быстро перемещаясь в центр, — радуга пурпурных и фиолетовых цветов и оттенков, неустанно смешивающихся и двигающихся. И в этом была такая красота, но Киз сперва оказался поражен, а затем успокоился и просто радовался. Киз и не подозревал, что во Вселенной существует такая красота. Внезапно он вспомнил, что уже видел ее прежде. С появлением этой радуги, казалось, из самой глубины сознания всплыли какие-то старые, давно потерянные воспоминания об этой красоте.

Затем возникла глубокая синева и еще больше закрутили пурпурные волны. И все это переливалось, пылало какой-то вну-

тренней красоте, все вытекало из какого-то громадного сердца Вселенной. Потом у каждого оттенка обнаружился собственный источник, намекающий на чудеса и диковины, скрытые где-то далеко-далеко, чудеса, которые сознание Киза не могло исследовать в настоящий момент, но само существование которых несказанно взволновало его. Его разум был очарован, и это напоминало очарование зарождающейся юной любви.

А за этим буйством оттенков угадывались следы золотистого и намеки на белоснежный свет.

Разноцветные волны все ширились и постепенно становились прозрачными. И Киз Ард увидел за ними город, увидел ясно и отчетливо.

Он раскинулся посреди тропических джунглей, фактически являвшихся оазисом на краю большой пустыни. Это был город низких домов с плоскими крышами, на которых жители могли наслаждаться прохладным вечерним воздухом, город с узкими, извилистыми улочками, город с зелеными садами, в которых были многочисленные пруды и клумбы с яркими тропическими цветами.

Сперва Киз увидел город сверху, словно спускался к нему на космическом корабле. Только вот никакого корабля не было. Казалось, он просто парил над городом сам по себе, постепенно снижаясь.

Киз сразу узнал этот город. Это была его родина, его дом во всех эмоциональных смыслах этого слова, дом, где было безопасно, дом, где была любовь. Дом, которого у него никогда не было. Дом, по которому истосковалась его душа.

Увидев город, он почувствовал тоску по давно утраченному и только теперь найденному вновь дому. Но вместе с этим Киз увидел кое-что еще — башню, возвышающуюся над стенами на самом краю города. А возле башни стояло здание, достаточно просторное, чтобы можно было назвать его дворцом.

Киз понял, что это был город, который он видел в кошмарных сновидениях, город горящего ветра и электрического воздуха, город боли и страха. Город Кутху!

Точка, с которой Киз рассматривал город, стала быстро снижаться, спускаясь к какой-то невидимой пока что цели...

В Лос-Анджелесе 1980 года, в некогда роскошной квартире, созданной, чтобы служить людям любовным гнездышком,

богатым людям, которые могли позволить себе подобную роскошь, доктор Джозеф Рикер сорвал зеленый камешек со лба физического тела Киза Арда. Швырнул его через комнату, он даже не заметил, что камешек улетел под кушетку, на которой лежала Гаэль. Доктор Рикер надеялся, что, устранив камень, вернет Киза в сознание, но боялся, что этого не произойдет. Он понимал, что камень уже сыграл свою роль, запустил цепную реакцию, которая, вероятно, управляла глубинными уровнями человеческой души.

Когда камня не стало, Киз даже не пошевелился. Доктор Рикер нащупал его пульс. Тот становился все медленнее и медленнее, по мере того как останавливался механизм тела. Врач приподнял ему веко. Глаза Киза закатились, как бывает во сне или во время транса. Он послушал сердце. Услышал лишь слабые, медленные удары, которые, пока он слушал, постепенно замерли.

Поднявшись, врач перешел к кушетке и снова осмотрел Гаэль. Она была в том же состоянии, что и Киз. Телефон звонил. Снова и снова. Доктор Рикер не слышал его и не стал бы отвечать, даже если бы и услышал. Его ум, сердце и, возможно, душа были с двумя пациентами. Он отчаянно пытался придумать какой-нибудь способ помочь им, целиком зависящим от него. Ему и в голову не приходило, что, возможно, пора было придумать, как помочь самому себе. Если бы пациенты умерли, ему было бы трудно объяснить полиции или жюри присяжных при коронере, почему он не вызвал «скорую» и не отвез пациентов в больницу. Окружной прокурор мог бы даже обвинить его в убийстве. Но и без этого у него были бы одно неприятности с местной медицинской ассоциацией.

Однако все это не имело значения для доктора Рикера. Все это было бы ничто по сравнению со страданиями, которые он испытал бы, если бы подвел своих пациентов.

Глава VIII

Гаэль Дана вошла в разноцветные волны света, в водоворот движущихся форм и оттенков. Но страха не было. Это

напоминало полет, о котором она смутно помнила и интуитивно чувствовала, что это происходило с ней и раньше.

За этими волнами она увидела город и, вместе с замешательством, испытала радость и счастье. Она поняла, что летит домой. И это было просто и естественно, как дыхание. В этот момент Гаэль Дане все показалось таким простым...

Она осталась сама собой, когда нырнула в волны света. И оставалась собой, вынырнув из них по другую сторону.

Но это были разные «сама собой». Из Гаэль Даны она превратилась в кого-то иного, с другим именем, другим телом и другой личностью, превратилась в человека, говорившего на ином языке и жившем в иное время в ином мире. Все неуловимо изменилось неописуемым образом, над которым все психологи Земли сломали бы себе головы. Неизменным осталось лишь сердце, ее любящее сердце.

Она стала молодой женщиной, стоящей на садовой тропинке за высокой каменной стеной, неподалеку от громадного, длинного каменного дома. Ее звали не Гаэль Дана. Звали ее теперь Г'жхил, причем в сочетании «жхил» содержалась информация о том, что она дочь богатого и влиятельного человека в этом городе.

Сгущались сумерки. Где-то неподалеку шумел небольшой водопад. Для народа, жившего на краю пустыни и познавшего ужас жажды в песках, шепот проточной воды был самым сладостным звуком, которое могло услышать человеческое ухо. От водопада вода поступала по специальным каналам к тропическим растениям с толстыми стволами и густыми кронами. Воздух был полон ароматами экзотических цветов. В сумрачном воздухе шелестели крылышки колибри. Перед лицом девушки повисла серая бабочка с шестидюймовыми крыльями. Она не прогнала ее. Бабочка была старым другом.

Г'жхил было семнадцать, и она ждала любимого, который приезжал к ней душными ночами. Поскольку девушка была влюблена, она заодно любила и весь окружающий мир, и все, что в нем находилось. В этот момент она любила даже Кутху. Одновременно она боялась его, но сейчас, пока ждала любимого, страх куда-то на время исчез. Любовь ей шептала, что есть некий способ обойти Кутху. По крайней мере, она надеялась на это. В доме ее отец,

которого звали Х'жхил, разговаривал со старым жрецом, которого они оба любили и уважали.

Вдалеке раздался крик. Г'жхил поняла, что люди Кутху настигли кого-то, кто выступил против них, и, вероятно, пронзили беднягу копьем.

На мгновение это потрясло и испугало ее, но страх тут же исчез, потому что она знала, что даже Кухту не посмеет своевольничать с Х'жхилом или его дочерью. Слишком много людей любили их. Страх исчез, но ненависть в горбоносому Кутху осталась. Девушка знала, что подобные чувства обуревали и многих других, екто ненавидели Кутху, захватившего власть с помощью непонятного волшебства, нарушившего древние мирные обычаи народа, бежавшего сюда, на юг, к громадной пустыни, от могущественных врагов.

Жители города были беженцами уже столько столетий, что даже самые старые и мудрые жрецы, у которых был доступ к историческим записям, не могли подсчитать, сколько уже длится это бегство. И Г'жхил задалась вопросом, не настало ли время снова бежать, на сей раз от собственного правителя-узурпатора.

В сумерках сада Г'жхил охватило еще одно не совсем понятное чувство. Ей казалось, что она является двумя людьми сразу — Г'жхил и кем-то еще, кто жил в каком-то другом месте и в другое время. Наступил момент дежа вю. У девушки возникло ощущение, будто это уже происходило с ней когда-то. На какую-то долю секунды она вспомнила Гаэль Дану, вспомнила очень смутно, и это поразило ее.

Мельком увидев Гаэль Дану в каком-то отдаленном времени и в далеком месте, она интуитивно осознала, что это она сама станет этой женщиной с рыжими волосами в странном городе странного будущего. Лица Гаэль Даны и Г'жхил не были совсем уж различными. Фактически это было лицо одной и той же женщины, только в разном возрасте и с различным опытом жизни на третьей планете от Солнца.

В отличие от Кутху, который захватил контроль над телом человека по имени Эллер, которым Кутху никогда не был, Гаэль Дана и Г'жхил были одним и тем же человеком, одной личностью, только в разных местах, в разных временах и в

разных телах. И не было между ними никакого внутреннего конфликта. Они скользнули друг в друга, как рука входит в перчатку, легко и гладко, за исключением того, что у Г'жхил была вспышка предвидения, проблеск осознания, подсказавший ей, что этой женщиной она станет в каком-то мире будущего. Предвидение тут же исчезло, и она осталась в сумраке, постепенно переходившем в ночь. И тут снова раздался крик, на этот раз ближе.

Раскрылась дверь в сад. Думая, что это Кизн, человек, которого она ждала, она рванулась туда. Но тут в темноте послышался голос. Она тут же поняла, что это не Кизн, а Ди-ур, старый, мудрый жрец, которого она знала всю жизнь. Она любила Ди-ура. Он всегда был добр к ней, всегда понимал ееи научил ее основам древней магии — тем знаниям, которые оставались у людей с незапамятных времен, то, что она могла понять и использовать. Но чтобы использовать магию в полную силу, нужны годы учебы и дисциплины.

Кутху изучал это древнее искусство, но пользовался им в личных целях, чтобы заманивать людей в свою паутину. Ди-ур настаивал, что нельзя использовать магию для страдания других людей и что их страдания рано или поздно вернутся к магу.

Ди-ур много раз повторял, что причина и следствие столь же актуальны в области морали, как и в физическом мире. Зло, творимое людьми, всегда возвращается к породившим его.

В сумраке Г'жхил увидела Ди-ура. Она не смогла бы разобрать цвета его одежды, но знала, что он всегда ходил в синем. Он обнял ее отеческим объятием, и Г'жхил почувствовала прикосновение металлических браслетов на его предплечьях.

— Мое дорогое дитя! У тебя все в порядке? — спросил Ди-ур.

— Конечно. Конечно. Но у меня было странное чувство...

И она рассказала ему, как на один миг стала молодой женщиной из какого-то далекого будущего. Он внимательно выслушал ее, затем вздохнул.

— Я рад, что переход тебе не повредил. — сказал Ди-ур, когда она замолчала. — Я... Я волновался.

— Вы имеете к этому какое-то отношение? — спросила Г'жхил.

— Косвенное. Им управляли из моего братства. Но я был заинтересован в успехе. Работая с такими тонкими и одновременно могучими силами, никогда нельзя быть уверенным в результате. Но когда находится в опасности будущее на много тысяч лет вперед... — и он замолчал.

— В опасности такая прорва времени? — воскликнула Г'жхил.

— Да, моя дорогая. Нынешней ночью положено на чашу весов для большинства жителей этого города будущее на тысячи лет вперед.

Ди-ур явно был в мрачном настроении.

— Расскажите мне об этом, — прошептала Г'жхил, чувствуя, как в ее сердце вновь зарождается страх.

— Нужно очень многое рассказать, а у нас так мало времени, — ответил Ди-ур. — Сначала разразится катастрофа.

— Что вы имеете в виду? — спросила Г'жхил.

— Я думаю, она придет в виде ужасного землетрясения, разрушившего все и вся.

— Землетрясения?

— Я подозреваю, что оно разрушит весь город, — пояснил жрец.

Г'жхил задохнулась при мысли о страданиях, которые грозят ее народу.

— Вы уверены в этом?

— Почти что наверняка. Уже много месяцев наши приборы показывают все учащающиеся сотрясения земной коры. Источник их лежит в глубинах под западным морем. Я думаю, острова в том море исчезнут, а нас этот катаклизм лишь слегка заденет своим крылом.

Голос его утратил обычное спокойствие и стал резким. Впервые Г'жхил слышала, как голос жреца выдавал истинные его чувства. Но теперь в нем звучала боль и страдания за людей, для которых не было спасения.

— Кутху знает о приближающейся катастрофе, — продолжал Ди-ур. — Уже много месяцев он строит различные планы спасения и тут же отказывается от них. Для него главная трудность состоит в том, что он не может взять с собой

своих приближенных, своих рабов, своих женщин и свои богатства. И все это важно для него. Без приближенных он чувствует себя одиноким и потерянным. Без женщин, удовлетворяющих животную составляющую его натуры, он заболевает странной лихорадкой. Без рабов он беспомощен. А без богатства не сможет купить власть над людьми.

Снова раздался крик, еще ближе. Ди-ур замолчал, прислушиваясь.

— Они бегут по моему следу, точно собаки, — вздохнул он.

— На вас охотятся? — воскликнула Г'жхил. — Они не посмеют!

— Кутху посмеет, если решит, что я перешел ему дорогу. Он боится меня из-за того, что считает магией, но я-то знаю, что это всего лишь знания законов природы. Однако его страх перед катастрофой становится больше страха передо мной, и если он решит, что я могу как-то помочь ему убежать, то он будет охотиться за мной.

— Как же он намеревается убежать?

Ди-ур помолчал, обдумывая то, что хотел сказать. Он знал суть проблемы, но было трудно объяснить все это. Мысли человеческие так легко запутать, когда разговор касается времени.

— Лучший его план состоит в том, чтобы сбежать в будущее, — наконец объявил он.

— В будущее? В то время, которое еще будет? Но как это возможно? — удивилась Г'жхил.

— Это возможно, нужно только знать, как. Это можно проделать, если вы чисты сердцем, чтобы без страха встретиться с будущим. Нельзя перейти в послезавтрашний день, но можно перепрыгнуть через то, что называется петлей времени примерно в тысячу лет.

— В физическом теле?

— Нет, дорогая. Физические тело останется здесь. Но у всех нас есть и второе тело. Я уже рассказывал тебе об этом...

— Я помню, — шепнула девушка и замолчала.

Она всегда удивлялась Вселенной, в которой жила. Вселенная была одновременно изумительная в своей странности, и простая, и удобная, как пара разношенной обуви. Но как одно и то же может быть странным и знакомым? Г'жхил для себя решила, что тут все зависит от точки зрения.

— Именно это второе тело и может совершить переход через время. В этом втором теле содержится память, и у него также есть свои органы чувств... Но хватит натурфилософии. Я рассказываю тебе это по одной причине. Твой отец решил уехать сегодня вечером. Разумеется, он возьмет с собой тебя и доверенных слуг.

— Уехать в отпуск? — резко спросила Г'жхил. — Покинуть дом? Я... я не могу оставить Кизна. Я... Я люблю его.

— Я понимаю тебя, моя дорогая. Твой отец хочет, чтобы Кизн отправился с вами.

Г'жхил почувствовала в душе облегчение. Она хотела быть там, где был Кизн.

— И вы тоже отправитесь с нами?

Мгновение Ди-ур молчал, затем покачал головой.

— Я нужен здесь. Как я могу сбежать и бросить тех, кого любил и кто доверял мне, страдать в одиночестве, когда я готов жизнь за них отдать! — В его голосе зазвучала боль. — Кроме того, я не знаю, позволит ли мне убежать Куитху.

— Но ведь уходят и те, кто вас любил и кто вам доверял, — быстро сказала Г'жхил. — Они тоже будут нуждаться в вас!

Ди-ур погладил ее по руке.

— Знаю. Но здесь я буду нужен больше. — Он замолчал и прислушался к ночным звукам, затем легонько поцеловал ее в лоб. — Мне нужно идти. Твой отец пошел убедиться, что лошади готовы. Он хочет, чтобы люди уезжали по двое, по трое, вроде как на предрассветную охоту в пустыне. Он поедет первым и хочет, чтобы ты с Кизном были следующими.

— Я... Конечно.

— До свидания, моя дорогая.

Она слышала, как его шаги замирают по направлении к двери в стене сада. Мгновение она в нерешительности постояла в темноте, сердце ее рвалось в двух направлениях сразу, затем прошла в дом. Слуги упаковывали ее личные вещи. Они сказали, что отец велел ей одеться в дорожные одежды и быть готовой выехать с рассветом на охоту.

В Г'жхил росло беспокойство. Почувствовав это, к ней подошла старая нянька. Она была с ней с рождения, поскольку мать ее умерла, и Г'жхил бросилась в объятия старухи, которая приласкала и успокоила ее.

— Как только переоденешься в дорожное платье, выходи в сад и жди там Кизна, — сказала нянька. — Мы сделаем все, что нужно... Что это? — воскликнула она, когда грохот заглушил ее слова.

Пол вздрогнул — маленькое землетрясение.

— Это первое предупреждение, — предупредила нянька и подтолкнула Г'жхил к черному входу. — Иди, дорогая, в сад. Жди Кизна.

Со страхом, сжимавшим ей сердце, Г'жхил прошла в сад и оказалась там в тот момент, когда в темноте открылась калитка. Г'жхил бросилась к ней, но тут же остановилась, услышав чье-то тяжелое дыхание.

— Кизн? — тихонько позвала она.

— Это Ди-ур, — ответил ей мужской голос.

— Ди-ур? Вы... Вас ранили? — воскликнула Г'жхил, бросаясь к нему.

— Просто запыхался, — ответил старый жрец. — Пришлось мне немного пробежаться. — он сделал паузу, чтобы отдышаться. — Меня ищут, — сказал он затем.

— Но зачем? — резко спросила Г'жхил.

— У них на это есть причины. Моя дорогая, я хочу, чтобы ты сделала для меня кое-что...

— Конечно! Все что угодно!

— Вот. Возьми.

Г'жхил почувствовала, как что-то кладут ей в руку. Маленькое и теплое на ощупь. Г'жхил сразу решила, что это драгоценный камень.

— Это не настоящий драгоценный камень, — сказал Ди-ур, словно прочитав ее мысли. — Это жизненно важный элемент для управления машиной, работающей на энергии, о существовании которой почти никто не знает в наше время. Я... Я украл его!

Мысль о том, что жрец способен что-то украсть, поразила Г'жхил.

— Да, украл из секретной мастерской Кутху, находящейся в основании той проклятой башни на территории его дворца. Но в душе я знаю, что никто не станет меня винить за это воровство. Без этой штучки власть Кутху станет много меньше. Его люди преследуют меня, чтобы вернуть ее...

Снова раздался крик, теперь уже совсем рядом, прямо за стеной.

— Они не знают, что я здесь. Сейчас я уйду, скроюсь в темноте, — продолжал Ди-ур. — Храни этот зеленый камешек всю свою жизнь. Потом передай его своему старшему сыну. Скажи, пусть он передаст его своему первенцу. Скажи, что это принесет ему удачу.

Жрец снова поцеловал ее в лоб. Скрипнула дверь, и он растворился в ночи. Камешек в руке Г'жхил пульсировал и, казалось, жил собственной жизнью. Затем возле дома послышался голос. Голос Кизна, и в нем тоже звучали тревожные нотки.

Глава IX

На руках доктора Рикера в квартире Гаэль оказалось два безжизненных тела. Ночь была прохладной для Лос-Анджелеса. Кроме того, работал кондиционер, и по комнате проносился тихий, прохладный ветерок. И несмотря на это, лицо и все тело врача заливал холодный пот.

Как врач, Рикер видел смерть в разных формах и обличии. Он осматривал людей, умерших от огнестрельных и колотых ран, осматривал наркоманов, вколовших слишком большую дозу или умерших от отсутствия наркотиков. Он также осматривал тела самоубийц, бросивших жизни последний жалкий вызов. Так что смерть была для него не в новинку. И при этом она не была для него врагом. Доктор Рикер считал, что если человек прожил жизнь, хорошо исполнял свой долг и до конца прошел выделенную ему дорогу, то смерть станет для него желанным другом.

Но этот парень и молодая женщина не прошли свой путь до конца, и доктор Рикер не хотел, чтобы они умерли. Он хотел как-то спасти их. Но как?

Он прошел по квартире и подошел к окнам, выходящим на внутренний дворик и гараж для жителей дома. Там, в переулке, одинокий фонарь ярко бросал вызов окружающей темноте.

В бассейне дворика кто-то развлекался. Хихикали девушки, смеялись мужчины, ведя древнюю, как род человеческий, игру. Время от времени кто-то с громким всплеском нырял в бассейн.

Но врач не слышал всего этого. Мысли его были заняты тем, как помочь Кизу и Гаэль.

Отворачиваясь от окна, он мельком увидел, как под фонарем проехал коричневый грузовик и остановился, развернувшись задом к дому. Глаза его зафиксировали этот грузовик, но мысли не задержались на нем — доктор решил, что какой-нибудь водопроводчик приехал по срочному вызову.

Но тут же врач вспомнил, где раньше видел этот коричневый грузовик. Нужно было действовать. Причем немедленно. Он бросился в спальню Гаэль, чтобы вызвать по телефону полицию.

Он уже набирал номер, когда понял, что в трубке не слышно гудка. Он постучал по рычажку, но не было никаких щелчков.

Доктор было подумал, что неисправен аппарат, пробежал через смежную дверь в соседнюю квартиру, которую арендовал сам, и схватил телефонную трубку.

Она тоже была мертва. Тогда он понял, что повреждена линия. Он не знал, что в таких старых домах телефонные провода ведут в распределительную коробку, находящуюся обычно в подвале. Там сходились провода со всех квартир. И, чтобы отключить телефоны, нужно было всего лишь отсоединить нужные провода.

Один неисправный телефон мог быть случайностью. Но ведь не оба сразу! Доктор Рикер стоял в тишине квартиры с бесполезной трубкой в руке. Он был так занят проблемами пациентов, что его разум не мог сразу переключиться на проблемы с телефонами.

И тут он уловил тихий щелчок в квартире Гаэль Даны. Он не знал, что это за щелчок, но тут же прошел в ее квартиру, чтобы установить его источник.

Щелчок же произвела отмычка, отпирающая внешнюю дверь. И вслед за ним в квартиру вошли четверо. При виде их доктор Рикер попытался отступить, но оказался слишком медлителен. Его заметил толстяк, ковыляющий, словно утка.

Доктор Рикер никогда не видел, чтобы так быстро выхватывали пистолет. Он появился в руке толстяка словно по волшебству.

— Стоять, — приказал толстяк.

Доктор Рикер застыл, парализованный видом пистолета и еще больше тем, что прочел в глазах толстяка. Что-то в этих глазах подсказало ему, что человек, выглядящий таким веселым и дружелюбным, на самом деле является садистом и убийцей.

В квартиру вошли двое мужчин и две женщины. Второго мужчину доктор сразу узнал. Именно он приходил к нему в офис под видом господина Эллера просить психологическую помощь.

Тело по-прежнему принадлежало господину Эллеру. Но горящие глаза были глазами Кутху. Личность Эллера совершенно исчезла. Доминирующей стала личность Кутху.

— Великий врач, да? — поинтересовался Кутху. — В мое время ты бы сидел в пыли возле дворца, выпрашивая медные монетки на подаяние.

— В мое же время, где мы сейчас и находимся, вас рано или поздно упрячут в сумасшедший дом! — ответил ему доктор Рикер.

В глазах Кутху вспыхнул гнев оскорбленного высокомерия. Однако к гневу примешался легкий страх, разбуженный словами врача. И этот страх сделал Кутху осторожным. Он поглядел на Кэла, словно подумывал спустить с цепи этого убийцу-садиста. Толстяк Кэл нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Но Кутху передумал и кивнул на Гаэль, лежащую на кушетке, и Киза Арда — на полу.

— Что с ними?

— Точно не знаю, — ответил доктор Рикер. — Откровенно говоря, понятия не имею.

— Кончайте, вы же доктор. Вы должны знать.

— Доктора тоже знают не все.

— Они что, мертвы? Это-то вы можете определить?

— Думаю, любой врач в городе мог бы заявить, что они мертвы, — ответил доктор Рикер.

— Вы их убили?

— Ничего подобного! Я — врач. Моя обязанность состоит в том, чтобы спасать жизни, а не отнимать их.

Кутху взглянул на Кэла.

— Обыщи здесь все, — приказал он. — Обе квартиры.

Несмотря на то, что он ковылял, как утка, при ходьбе, двигался Кэл с удивительной быстротой. Он прошел мимо доктора Рикера во вторую квартиру, хлопнула смежная дверь. Затем он вернулся в квартиру Гаэль и обыскал обе спальни, затем сообщил Кутху, что все закончено.

— Почему у нее две спальни, доктор? — спросил Кутху.

— Потому что она жила с братом, — ответил врач.

— С братом? А, да! — Что-то щелкнуло в памяти Кутху. — С братом! — повторил он, и выбросил из головы вопрос о брате, словно тот был решенной проблемой. — Вы втроем живете в этих двух квартирах, верно? — спросил он Рикера.

— Да.

— И вы ушли из вашего офиса?

— Да.

— С вами был еще один человек, женщина. Где она?

— Это моя секретарша. Наверное, она дома, — ответил доктор Рикер.

Его ответы, казалось, удовлетворили Кутху. Но что-то еще было у него на уме, что-то, что привело его сюда.

— Где зеленый камешек, который вы показали мне в своем офисе? — спросил он.

Доктор Рикер тут же понял, что цель вторжения —отобрать Камень Артены. Также он понял, что камень является нитью, на которой висит жизнь его самого и двух его пациентов. Камень Артены был единственной вещью, с помощью которой можно было поторговаться.

— Что? — спросил он, словно вопрос смутил его. Пожатие плечами было ни нарочитым, ни слишком небрежным, а именно таким, каким следовало. — У нас не было времени думать об этой ерунде, когда мы выбегали из здания. Наверное, камень погиб в огне или его смыло пожарными брандспойтами.

Он снова пожал плечами, показывая, что у него на уме более важные вещи.

Кутху посмотрел на него загадочным, оценивающим взглядом. В нем не осталось ни следа нерешительной личности Эллера, управляющего сувенирным магазинчиком. Даже если где-то и сохранились ее осколки, то их не было видно.

— Что это за камень? — спросил врач тоном человека, задающего незначительный вопрос. — Почему вы так изменились, когда увидели его?

— А зачем вы показали его мне? — ответил Кутху вопросом на вопрос.

— Да мелькнула одна идея.

— Откуда вы его взяли?

— Его принес один из моих пациентов.

— Кто именно?

— А это важно?

— Важно, если я правильно мыслю, — ответил Кутху и указал на лежащую на кушетке Гаэль. — Она этот пациент?

— В общем-то, да. Но я не понимаю, какое это имеет значение. Она хотела узнать, что это за камень.

— Она знает это. Она украла его у меня! — объявил Кутху.

— Значит, она знает больше, чем рассказала мне, — ответил врач. — Что же касается собственности... Можете забрать камень, если сумеете найти его в развалинах моего дома.

Кутху секунду смотрел на доктора Рикера, затем перевел взгляд на женщин, стоящих рядом с ним. Врач тоже впервые обратил на них внимание. У одной было черные глаза, у другой — зеленые. Обе были хорошо одеты. Обе глядели на него так пристально, словно пытались проникнуть в самую глубину его сознания. Доктор сразу понял примитивную природу этих двух женщин. Как будто они вышли из тех времен, когда жизнь была проще и примитивнее во всех аспектах. Глядя на них, доктор Рикер заподозрил, что они обе опаснее, чем мужчины. Ему показалось, что в душе у них гремучие змеи и скорпионы.

Пока они глядели на него, доктор Рикер слышал треск змеиных хвостов и видел, как глаза скорпиона наблюдают за ним.

— Он лжет! — сказала женщина с зелеными глазами, и слова ее прозвучали, как фырканье рассерженной кошки.

— Так я и думал, — вздохнул Катху и повернулся к врачу. — Где камень?

Затем Кутху кивнул в сторону зеленоглазой Джарлы.

— Это моя ведьма, док. У нее превосходное чутье. Если она говорит, что вы лжете, значит, вы лжете.

Доктор Рикер с внезапным профессиональным интересом поглядел на зеленоглазую Джарлу. Если она действительно

могла то, о чем говорил Кутху, то как бы он хотел исследовать ее психику! Настоящая ведьма! Но он тут же с сожалением вспомнил, что у него больше нет помещения, где можно проводить психические исследования, и нет инструментов, а даже если бы и были, маловероятно, что он получил бы шанс ими воспользоваться.

— Мне нужен этот зеленый камень, — объявил Кутху. — И не надо спорить.

— Но я же сказал...

— Вы солгали! — рявкнул Кутху и глянул на Кэла.

Толстяк действовал очень быстро. Он завернул руки доктора Рикера за спину и вздернул их вверх. Боль пробежала от плеч по всему телу врача. Рикер вздрогнул и открыл рот, чтобы закричать, в слабой надежде, что кто-то услышит и вызовет полицию.

Но черноглазая Ширла ударила его ребром ладони, разбив губы. Он ощутил во рту вкус крови. А кроме того, удар не дал ему закричать.

Ширла была готова нанести второй удар, на этот раз сжав кулаки. Увидев ее позу, доктор Рикер понял, с чем он имеет дело. Это испугало его еще больше, чем Кутху или Кэл. По крайней мере побуждения этих двоих были ему понятны. Но Ширла готова была разорвать в клочья любого по любому поводу или вообще без него.

— Этот камень где-то в этой квартире, док, — продолжал Кутху, указав на Гаэль на кушетке и Киза на полу. — Вот что происходит с людьми, которые не знают, как им пользоваться. Вы использовали на них Камень Артены?

— Я этого не делал, — заявил доктор Рикер.

Кутху поглядел на него, и теперь на лице его было написано удивление.

— Кто вы, док? — спросил он. — Просто скажите мне, кто вы?

— Я доктор Джозеф Рикер, — ответил врач.

— Это я знаю, — отмахнулся Кутху. — Я хочу знать, где вы были в древние времена?

Рикер понял, что он имеет в виду. Человек по имени Эллер был в настоящий момент Кутху. И Кутху заподозрил, что Рикер тоже одержим. Он только хотел узнать, кем.

— Если я и являюсь кем-то еще, то не знаю об этом, — ответил врач. — Но мне кажется, что я — тот же самый, что и всегда.

Это был логичный ответ, и доктор сам верил в свои слова. Но Кутху показал головой.

— Этому я тоже не верю. Я не уверен на все сто, но думаю, что вы — кто-то другой.

В голосе Кутху появились странные жалобные нотки, словно личность господина Эллера пыталась проявить себя.

— Я понимаю, о чем вы говорите, — быстро заговорил доктор Рикер, пытаясь сыграть на внезапном изменении в Кутху. — Но я не знаю, зачем вам этот зеленый камешек.

— Он нужен мне, — продолжал Кутху. Жалобные нотки в голосе стали сильнее. — Вы когда-нибудь пытались жить на доходы владельца сувенирной лавчонки, торгующего порнографией с заднего хода?

— Нет, но я понимаю, что это должно быть трудно. Но если вы сумели разработать способ переноса во времени, то почему выбрали владельца сувенирного магазина именно в наше время, а не кого-то другого в иные эпохи?

— Не выбирал я этого продавца, это получилось совершенно случайно. Почему же я выбрал ваше время? Я могу перелетать лишь через промежутки в тысячу лет, но не между ними. Почему я не отправился дальше? — Кутху покачал головой. — Тысячу лет назад люди еще ничего не знали. Они даже еще не открыли электричество, называли его волшебством и не умели с ним обращаться. Они там все были просто тупицами.

— Так почему не дальше в будущее?

— Я исследовал его. В будущем знают слишком много. Я не могу понять их магию. Кроме того, у них есть энергия, еще более мощная, чем электричество, о которой я даже не слышал. А еще психологи будущего знают слишком много. То, что вы здесь просто подозреваете, но не можете доказать, они знают! Если они обнаружат меня в будущем, но не станут деликатничать, как вы.

— Понятно, — вздохнул доктор Рикер. — У вас действительно проблема, бедняга! Однако зачем вам нужны все эти хлопоты? Только ради маленького зеленого камешка?

— Владелец сувенирного магазина — человек бедный. И я ничего не могу сделать, чтобы он разбогател. У него просто нет инстинкта делать деньги. А мне нужны деньги. Мне нужно дорогое оборудование. В прошлом, в моем времени, у меня были деньги. Мне нужен Камень Артены, потому что он ключ, который даст мне возможность перебросить из моего времени достаточно драгоценностей, чтобы я стал богатым в этом времени. Теперь понимаете, док?

— Понимаю, — ответил доктор Рикер.

Наконец-то он понял стремления и планы человека, с которым его столкнула река времени.

Вот только он еще не понял, как самому остаться в живых.

— Теперь вы знаете, зачем мне этот зеленый камешек, — прервал его мысли Кутху. — Я сам еще не могу понять, как он уцелел до настоящего времени. Я думал, что он вернулся в прошлое.

Страх промелькнул по его лицу, страх почувствовался в быстром пожатии плечами.

— Но раз он здесь, он мне нужен. Если вы станете сотрудничать со мной, для вас все кончится хорошо. Я не забываю людей, которые помогают мне. — Хвастовство пополам с мольбой звучало в голосе Кутху. — Но если вы не станете мне помогать...

Он кивнул Кэлу. В ответ толстяк вздернул еще выше руки доктора Рикера. Врач почувствовал ужасную боль в плечах.

Глава X

Г'жхил повесила зеленый камешек себе на грудь и почувствовала, как от него исходят какие-то потоки. Казалось, они стекались в некий центр возле ее сердца, а оттуда распространялись во всей нервной системе.

В этот момент она была так обеспокоена ожиданием Кизна и другими заботами, что и не думала про излучение этого камешка, которое меняло нервную структуру ее тела. Однако изменения эти были весьма незначительными, но могли, в конечном итоге, привести к громадным результатам. В ее

эпоху не знали даже такого слова «радиоактивность», а радиоактивные вещества были известны лишь немногим ученым, но даже те плохо понимали, что это такое.

Слова такого не было, но сама радиоактивность существовала.

На извилистых дорожках сада появился Кизн, спешащий к ней. Г'жхил бросилась ему навстречу. Он сжал ее в объятиях и поцеловал, причем вовсе не в лоб.

— Милая, сейчас меняется вся наша жизнь... — начал он.

— Я знаю. Ди-ур рассказал мне все, — ответила Г'жхил.

— Ты должна немедленно отправиться со мной. Мы выскользнем из города и присоединимся к твоему отцу...

Его прервал стук в калитку с задней стороны сада, треск ломающегося дерева. Через сломанную дверь ворвались люди с факелами и, как гончие собаки, бросились по дорожкам.

При их появлении Г'жхил схватила зеленый камешек и спрятала его под каменной плиткой дорожки.

Люди с факелами и обнаженными лучами бросились к ним. Кизн отодвинул Г'жхил себе за спину и ринулся к незваным гостям. У него был с собой охотничий лук и стрелы, но Г'жхил видела, что он даже не попытался натянуть его.

— Ну, и что все это значит? — резким, как острие ножа, и таким же твердым голосом спросил Кизн у командира нападавших.

Тот отступил на шаг и поднял факел повыше, чтобы видеть, с кем разговаривает.

— По приказу Кутху мы ищем жреца-изменника, — ответил он.

— С каких это пор Кутху отдает подобные приказы? — спросил Кизн. — Разве он вправе решать, какой жрец является отступником?

Командир пробормотал в ответ что-то неразборчивое.

— У нас есть законы, охраняющие жизнь и собственность наших граждан, — продолжал Кизн. — Что же касается жрецов, то лишь совет может определять степень их вины.

— Я знаю это, — ответил командир. — Но у меня приказ привести его на совет, чтобы ему могли предъявить обвинения.

Командир дал явно разумный ответ, к тому же дающий ему право продолжать поиски.

— Кто выдвинул обвинение против этого жреца? — продолжал Кизн. — И кто этот жрец?

— Жрица зовут Ди-ур. А обвинения выдвинул господин Кутху.

— Ди-ур?! Я хорошо знаю его! Святой человек, помогающий людям.

— Я только исполняю приказ, — повторил командир. — Владыка Кутху лично велел мне привести этого жреца на совет. Я — капитан его охраны.

— Капитан охраны! — взорвался Кизн. — Какое превосходное прикрытие для грабителей и убийц, которые прячутся за вашей спиной! Я лично буду защищать Ди-ура перед советом и также стану просить провести расследование по вопросу ложных обвинений Кутху. А пока что у вас нет законных оснований врываться в этот сад. Я хочу, чтобы вы немедленно ушли отсюда. Вы меня поняли?

Кизн шагнул к капитану, который поспешно отступил. Он не хотел спорить с молодым дворянином, который мог доставить ему неприятности в управляющем совете. Но у него были приказы Кутху. А он слишком хорошо знал характер Кутху, чтобы рискнуть не повиноваться ему. К счастью, через сломанную калитку вбежал один из его людей и закричал, что жреца заметили на одной из улиц. Это дало капитану нужное оправдание, и, по его команде, все отступили.

— Что он хотел от Ди-ура? — спросил Кизн у Г'жхил.

Приподняв плитку, она достала зеленый камешек. Теперь он был прохладным на ощупь, но Г'жхил по-прежнему чувствовала покалывание в пальцах. Она передала его Кизну. Тот повертел его в темноте перед глазами и вернул Г'жхил.

— Что это? Откуда он у тебя?

— Мне дал его Ди-ур. Он сказал, чтобы я всегда хранила его при себе и когда-нибудь передала своему старшему сыну.

— Долгосрочные планы у твоего жреца. Твоему старшему сыну! Да мы даже не знаем, будем ли завтра живы.

— Будем надеяться на это. Точнее никто не сможет сказать.

Они прошли в дом. Г'жхил сняла со стены охотничий лук и стрелы. Слуги все еще собирали дорогую утварь. Смешанные

эмоции бурлили в Г'жхил. Она покидала единственный дом, который когда-либо знала, и уходила в новую жизнь, и впереди, быть может, ее ждет смерть. Когда начнется землетрясение, этот старый дом превратится в кучу щебня.

И был еще странный разговор с Ди-уром о будущем через тысячу лет, которое зависело от нынешней ночи, и еще более странное замечание о природе пространства-времени. Что ей до этой природы? Она просто хотела выйти замуж на Кизна, создать семью и быть счастливой. Что же касается молодой женщины с рыжими волосами, которую она мельком увидела во сне, то у нее не было объяснения для этого видения.

Г'жхил и Кизн украдкой вышли через боковую дверь, точно дети, бегущие ночью от странной опасности, которой они не понимали. В самом ночном воздухе чувствовалась какая-то угроза. Мир был полон далеких, приглушенных звуков и, казалось, дрожал от напряженности. На улицах было много людей, собиравшихся группами. Беглецы ощутили подземные точки и почувствовали опасность. В воздухе витали слухи о катаклизме. Большинство людей, цеплявшихся за свой образ жизни, пытались игнорировать эти слухи, наивно говоря друг другу, что с ними ничего не произойдет. Если землетрясение и в самом деле случиться, то эпицентр его будет далеко, и городские здания получат лишь незначительные повреждения. На улице безопаснее, говорили они друг другу, и каждый лелеял в себе ложные надежды.

На конюшнях Кизн и Г'жхил нашли лишь несколько встревоженных, взмыленных лошадей. Слуги жениха и отца Г'жхил увели большинство животных в горы, пытаясь найти безопасное место в пустыне. Оставшиеся в стойлах лошади чуяли надвигающуюся гибель. Даже Кизну, с детства умевшему обращаться с лошадьми, стоило больших трудов оседлать своего скакуна, а Г'жхил и вовсе не смогла этого сделать, так как ее кобыла совсем обезумела. Но Кизн, наконец, оседлал и её.

— Из города поведем их на поводу, — сказал он.

Они вышли из конюшен через черный ход в большой переулок, где телеги с зерном и сеном вырисовывались в темноте, как странные заблудившиеся чудовища, обосновавшиеся здесь на ночь. В этой части города было много лошадей, повсюду витал их запах. По дороге они разговаривали со

своими скакунами, пытаясь их успокоить. На перекрестке путь им перегородили люди с факелами. Они шли строем, ведя с собой пленника со связанными за спиной руками.

— Это Ди-ур! — шепнула Г'жхил. — Они схватили его!

Жрец шел, хромая. Лицо его было окровавлено. Его синее одеяние было порвано. Но, несмотря на это, в его фигуре чувствовалось нечто гордое. Вся его осанка и поднятая голова, казалось, бросали вызов пленителям. Г'жхил шагнула вперед, но Кизн поймал ее за плечо.

— Садись в седло, — приказал он.

Прежде чем Г'жхил поняла, что происходит, она уже сидела на своей кобыле.

— Если судьба будет благосклонна, мы с Ди-уром догоним тебя в пустыне, — сказал ей Кизн.

— Но...

Он сильно шлепнул кобылу по крупу. Та рванулась вперед, и Г'жхил пришлось приложить все свои силы, чтобы удержаться в седле. Она разозлилась на Кизна за то, что он отослал ее. Она понимала, что хочет, помочь Ди-уру. Кизн никогда не отвернулся бы от друга, попавшего в беду. Г'жхил понимала, что спорить с ним сейчас бесполезно. Она злилась, но одновременно и чувствовала к нему уважение. Она попыталась повернуть кобылу обратно, но испуганное животное не слушалось поводьев.

По улицам двигались всадники и группки пеших людей, несущих свои пожитки, некоторые толкали перед собой ручные тележки. Все они расступались перед несущейся лошадью.

Покидая город, Г'жхил проскакала мимо поместья с высокими стенами — частного владения Кутху. Она мельком увидела квадратный дворец с плоской крышей, примыкающий к стене, и башню, высившуюся в ночной темноте.

Башня была темной, но Г'жхил не сомневалась, что охранники там не спят. Охранники были людьми Кутху, возможно, его рабами, но все же людьми. Этой ночью в городе даже слугам Кутху было не по себе, и даже они задавались вопросом, доживут ли они до рассвета или башня рухнет им на головы.

Глава XI

Быстро вернувшись в конюшни, Кизн передал лошадь конюхам, а сам побежал к перекрестку, где видел Ди-ура. Процессия с факелами уже находилась в дальнем конце улицы. Люди с тележками торопливо уступали ей дорогу. Они хорошо знали капитана охраны, а еще лучше — его хозяина. Кизн последовал за ними. Никакого плана у него не было, да и не могло так быстро появиться, но он надеялся, что ему поможет неожиданность. Кизн не знал, что вынуждает его действовать подобным образом. Вместе с желанием помочь жрецу на него нахлынули какие-то чувства и как будто утраченные воспоминания. Он чувствовал, что все будущее находится сейчас в критическом положении. Сама История направляла Кизна, пытаясь вести, пытаясь подсказать, что нужно сделать.

Но как еще несформированное будущее может влиять на настоящее? Это будущее только его самого или кого-то еще? Какие силы формируют это будущее? У него не было ответов на эти вопросы. Кизн много раз слышал рассказы Ди-ура о сплетении судеб людей и событий в единый громадный гобелен, который ткали для них высшие силы, заинтересованные и, в некоторой степени, управляющие судьбами людей. Ди-ур был мистиком. У него было сердце и душа поэта. Его язык был языком поэзии, говорящим от имени человека, который взглянул на то, что большинство людей пропускает мимо глаз, увидел хозяина марионеток, который, вероятно, отвечает за весь спектакль, вовлекающий в себя и людей, и мышей, и иные миры.

Хотел ли этот хозяин марионеток, чтобы люди, в конце концов, освободились от своих ниточек? Хотел ли он, чтобы они стали достаточно мудрыми, чтобы в них появилось достаточно любви, и они бы «устроили собственное представление» где-то на другом конце необъятной Вселенной?

Кизн смотрел, как Ди-ур идет по-прежнему с высоко поднятой головой. Если существовал невидимый хозяин марионеток, отвечавший за этого жреца, то, наверное, он дал своей марионетке возможность без страха взглянуть смерти в лицо. А может, если Ди-ур умрет здесь, то его образ соткут в другом

кукольном спектакле в другое время и в отдаленных местах? Будут ли спасены душа и сердце жреца, чтобы хозяин марионеток использовал их в другом спектакле? Возможно, даже сам хозяин марионеток не знает ответы на эти вопросы, пока не решит их. Кто из марионеток спасется завтра, а кто будет слишком испорчен, чтобы им пользоваться в дальнейшем? Может, в мире, где магия стала наукой, знают больше об этих странных вещах?..

Кизн увидел большие ворота в высокой стене, окружавшей дворец Кутху. Ворота раскрылись, пропуская внутрь капитана охраны, его людей, а также жреца в синем одеянии, который шел так, словно не боялся ни смерти, ни пыток.

Кизн тоже попытался войти, словно был отставшим охранником, но стражники закричали на него, и он повернул назад, иначе получил бы удар копья в живот.

Он пошел вдоль высокой стены, сделанной из закаленного кирпича и обработанных каменных брусков. Задние ворота наверняка не охранялись так же хорошо, особенно этой ночью, когда земля угрожала перевернуться вверх дном, а небо собиралось обрушиться на землю.

Дворец был громадным строением, раскинувшимся на несколько акров. Его задняя стена являлась одновременно частью стены, окружавшей поместье. Тяжелые двери в этой стене использовались для того, чтобы ввозить во дворец продукты и другие припасы, и одна из них была открыта. Кизн вошел, и никто не остановил его. Проход с правой стороны вел на кухню. С левой — в сад перед дворцом. По этому проходу обычно ходили служанки с блюдами, когда Кутху желал обедать в саду. Сейчас проход был пустым, и Кизн пошел по нему.

Слева вдоль стены тянулись бараки охранников, хижины для женщин и рабов, а также конюшни, справа был сад. Кизн заглянул туда. Владыка явно прилагал большие усилия, чтобы превратить сад в райское местечко, но эти усилия потерпели неудачу. Садовники Кутху жаловались, что это место проклято. Здесь не росли экзотические цветы, вода быстро становилась застойной, опасных змей и ядовитых насекомых здесь было гораздо больше, чем в других местах. По крайней мере об этом ходили слухи. Этого места боялись

даже те, кто служил Кутху. Кизн вошел в сад и бесшумно пошел по дорожке между кустов, вдыхая воняющий гнилью воздух. В саду никого не было, но из-за ограды доносились встревоженные голоса солдат охраны и перебранка женщин.

И солдаты, и женщины сильно нервничали. Они чувствовали приближение беды, нутром чуяли, ее приближение звучало в каждом легком сотрясении почвы. Солдатам хотелось вскочить на коней и ускакать за ворота, подальше в пустыню. Если начнется землетрясение, пустыня будет самым безопасным местом. Но если землетрясения не случится, то на следующий день придется иметь дело с разозлившимся Кутху.

Проходя по саду, Кизн старался держаться в тени. Он наблюдал за тем, что происходило у главных дверей дворца. Там всем заправлял толстый евнух, одетый в роскошные шелка. Вместе с двумя охранниками евнух проверял всех, кто ходил по двору и хотел выйти. Над ними с обеих сторон дверных проемов чадили факелы, пуская в ночное небо шлейфы дыма. Кизн подошел к дверям.

— Важное сообщение для Кутху, — сказал он евнуху.

Весь взмыленный, евнух едва обратил внимание на человека, которого принял за охотника из пустыни. Вероятно, он приехал сообщить Кутху о новом стаде антилоп. Но разве он не понимает, что Кутху слишком занят, чтобы терять сейчас время на охоту?

— К нему нельзя, он занят, уходите, подождите до завтра, — на едином дыхании выпалил евнух.

— Завтра может и не быть, — ответил Кизн.

Евнух пожал плечами. «Завтра» для него значило не больше, чем «вчера», то есть вообще ничего.

— Если задержишь меня, то владыка Кутху сдерет кожу с твоего жирного тела, — сказал ему Кизн.

— Сильно сказано, — ответил евнух, плюнув ему под ноги и взглянул на двух охранников, бездельничавших у дверей.

— Такие уж времена, — в тон ему заявил Кизн. — Мое сообщение касается жреца в синей одежде, которого привели во дворец.

— Его сразу провели к владыке Кутху, — сказал евнух.

— Тогда проведите и меня к владыке Кутху, — распорядился Кизн.

— С луком за плечами и кинжалом за поясом? — оскорбленно возопил евнух. — Откуда вы взялись, если не знаете, что никакому вооруженному человеку не дозволено входить в покои Кутху? Если я пропущу вас к нему, с нас обоих сдерут кожу.

— Но у тебя же нож в рукаве, — заметил Кизн.

— Я... Откуда вы узнали? — пораженно спросил евнух; он-то думал, что нож хорошо спрятан. — И что из того? Я управляющий дворцом. А вы — безымянный пришелец из ночи.

Люди сновали через главные двери в обе стороны. Разговаривая с Кизном, евнух отчаянно пытался проверять остальных, он запыхался и, похоже, начал терять терпение.

— Убирайтесь, пока я не велел проткнуть вас копьем! — завопил он наконец.

По сигналу евнуха, один из бездельничавших охранников шагнул вперед и взял наизготовку копье. Выражение его лица показывало, что он с наслаждением проткнет кишки злоумышленнику. Извивающийся на копье человек добавил бы еще ужаса к прочим кошмарам этой ночи, и так уже перенасытившейся ими. Но охране все было мало.

Кизн отступил, оставив разочарованными охранников. Евнух занялся проверкой громадной корзины, которую несла толстая женщина, пытавшаяся покинуть дворец. Кизн воспользовался этим и нырнул в сад.

Пройдя вдоль здания, он обнаружил, что находится у женского крыла, где Кутху держал своих любовниц, которых сторожили многочисленные евнухи. Кизн знал, что лучше не стоит и пробовать пройти во дворец с этой стороны. Любого злоумышленника-мужчину сперва проткнули бы копьями, затем, если он все еще был быжив, кастрировали, и только потом, возможно, спросили бы, что ему нужно.

Кизн вернулся к тропинке, по которой пришел к дворцу, а затем прошел на кухню. Сюда приводили и резали волов. Здесь он увидел ряд окровавленных крюков, все здесь пахло кровью, грязью и страхом. Миновав живодерню, Кизн прошел в громадное помещение, где пахло жареным мясом. Худощавый повар следил за двумя рабами, прикованными цепями к механическому устройству, вращавшему вертел, где целиком жарился громадный бык. Широкие спины рабов были испещрены

кровавыми полосами. Если рабы трудились слишком медленно, повар тут же использовал кнут, если они вращали вертел слишком быстро, то опять-таки получали удары кнута. На их спинах была написана полная покорность. До рабов тоже дошли слухи. Если начнется землетрясение и рухнет дворец, то их похоронит в кучах щебня. Только таким образом они будут свободны от однообразного механического труда — вращения вертела.

Худощавый повар не обратил внимания на Кизна. Вероятно, этот охотник пришел, чтобы заключить договор с шеф-поваром о поставке оленины. В любом случае через ворота его пропустили охранники, так что поварам не было дела до его присутствия во дворце.

Кизн поднялся по задней винтовой лестнице, которая привела его на крышу. Здесь Кутху частенько отдыхал прохладными вечерами, развлекаясь с женщинами. Повсюду были разбросаны коврики и мягкие подушки.

Но сегодня вечером здесь никого не было. Сейчас на уме у Кутху были не женщины, а нечто совсем иное.

Посреди крыши было большое круглое отверстие, служившее двойной цели: освещать помещение внизу и вентилировать там воздух. Кизн подошел к краю отверстия, но тут же отпрянул назад, пока его не заметили.

Внизу, в тронном зале, находился сам Кутху. Там были также Ди-ур, капитан охраны и четверо его людей. Ди-ура держали двое, а Кутху ходил взад-вперед перед жрецом и говорил голосом, таким же горячим, как луч тегнара.

— Или ты скажешь мне, где спрятал Камень Артены, или здесь же, немедленно, прямо на моих глазах, с тебя живого сдерут кожу!

Кизну, глядящему вниз, было трудно оценить реакцию Ди-ура в ответ на эту угрозу, но ему показалось, что жрец еще сильнее выпрямился и еще выше задрал подбородок.

— И что потом, Кутху? — спросил Ди-ур.

— А потом, если останешься в живых, тебе зальют в уши расплавленный свинец! — объявил Кутху.

— А потом? — продолжал Ди-ур.

— Потом тебе вырвут язык!

— А потом? — снова спросил Ди-ур.

— Потом ты будешь мертв! — закричал Кутху.

— А потом? — тем же спокойным голосом задал очередной вопрос Ди-ур.

Горбоносый замолчал. Должно быть, до него дошло некое смутное значение этого повторяющегося вопроса.

— А потом, будучи по другую сторону смерти, я стану преследовать тебя, куда бы ты ни пытался сбежать по течению времени, — спокойно сказал Ди-ур. — Я обращу в ничто и тебя, и твое дело.

Кутху отступил на шаг.

— Как ты узнал, что я делаю? — спросил он.

— Я знаю многое. Я член великого братства. Наша обязанность — знать о таких делах. Я также знаю, что ты не можешь перелететь через пропасть времени без зеленого камня, который хочешь получить от меня. Этот камень — ключ к тому, что ты считаешь своей тайной магией, — ответил Ди-ур.

— Этими словами ты подписал свою смерть, — рявкнул Кутху.

— Если мне вырвут язык, то я не смогут сообщить тебе, где спрятал зеленый камень, — пожал плечами Ди-ур.

— Еще задолго до смерти ты прокричишь, где спрятал его, — прошипел Кутху.

На крыше Кизн сорвал со спины охотничий лук. Он стремительно наложил стрелу и натянул тетиву. Стрела в горло Кутху! Это было единственной его мыслью.

Но, натянув тетиву, он почувствовал, как что-то жжет спину. В долю секунды он вспомнил о том, о чем просто не думал, — о башне, ввинчивавшейся в ночное небо. Кто-то с башни увидел его на крыше. И использовал тегнар.

Луч тегнара был настроен на слабую мощность, чтобы не разнести весь дворец. Почувствовав боль в спине, Кизн невольно выпустил стрелу и даже не посмотрел, куда она попала. Из тронного зала донесся крик, говоривший о том, что через несколько секунд на крыше появится охрана.

Кизн понял, что если немедленно что-нибудь не предпримет, то охрана увидит горящего заживо человека.

Боль в спине нарастала, увеличиваясь с каждым ударом сердца. Кизн рванулся вперед, пытаясь уйти из-под прямого луча. На крыше начался ветер. Коврики и подушки взлетели в воздух. По лестнице, ведущей на крышу, с криками бежали

охранники. Кизн побежал к дальнему краю. Если он спрыгнет с крыши, то окажется вне поля действия луча. Высота была около сорока футов. Он бросился на живот, сполз с крыши на стену, затем разжал захват и полетел вниз.

Острая кирпичная кладка стены порезала ему лицо и тело, порвала одежду. Упал он с резким, глухим стуком. Лодыжка подвернулась, острая, как удар ножа, боль прошла по ноге. Кизн встал, но поврежденная нога не выдержала, и он снова упал. Пальцы нащупали лук, который он уронил при падении. Опираясь на него, Кизну удалось встать. Вверху пропела тетива, и в землю у его ног вонзилась стрела.

Используя лук, как костыль, Кизн ринулся прочь от дворца. На крыше закричали люди. Стрелы втыкались в землю тут и там. Стрелки не видели беглеца, стреляли наугад в темноту, возможно, слышали его шаги или тяжелое дыхание. Сопровождаемый стрелами Кизн пересек свободное пространство и побежал по улицам между соломенными хижинами, где жили рабы, которым достаточно доверяли, чтобы выпускать из дворца. Земля была здесь скользкой от нечистот и мерзко воняла. В хижинах зашевелились разбуженные рабы, точно встревоженные в своих норах животные. Из одной хижины раздался крик.

Кизн бежал как можно быстрее, помогая себе костылем-луком. Боль в ноге становилась все более невыносимой. Она пробегала по всему телу и раскаленным прутом вонзалась в грудь, затрудняя дыхание.

Потом Кизн упал и понял, что подняться не сможет. Тогда он пополз. Он не знал, сколько все это длилось. Позади, в хижинах, кричали встревоженные рабы. Но вот он нашел какую-то узкую канаву и сполз в нее. Боль от ноги буравила позвоночник, пока не достигла головы. И там она взорвалась шаром света. Кизн подумал, что надо остановиться и немного отдохнуть. Он даже не заметил, как потерял сознание.

Очнувшись, он услышал, как кто-то отчаянно шептал в ухо его имя. Это был голос той, кого он знал и любил. Голос звал его назад, в мир людей. Он не хотел возвращаться туда. Ему хотелось остаться там, где он был, и он попытался сказать это зовущему голосу. Но голос не замолкал, а продолжал звать, умоляя немедленно проснуться. Что-то потянуло его

за руки, и по ноге пробежала боль. Тогда он очнулся окончательно, то увидел, что на небе разгорается рассвет.

Куда же девалась ночь?

— Дорогой, любимый...

Голос Г'жхил звал его, она тянула его за руки, пытаясь куда-то утащить. Над ним склонился конюх, а позади него взволнованно переступали с ноги на ногу лошади.

Кизн уставился в лицо Г'жхил, почти невидимое в слабом рассветном полумраке. Он даже не был уверен, что это действительно Г'жхил. Ее не должно быть здесь. Она должна быть в пустыне, в безопасности...

— Я... Я же отправил тебя в пустыню, — пробормотал он.

— А я не уехала. Мы вернулись, чтобы найти тебя. Я чувствовала, что что-то случилось. Мы... мы искали тебя много часов. Любимый, ты сможешь сидеть на лошади? Мы не можем здесь оставаться. Весь город уже пробудился.

Кизн подумал, что просто чудо, что она вернулась искать его. И еще большее чудо, что она его нашла. Или ее направлял закулисный хозяин марионеток? Или ее вела золотая нить любви? Ответа он не знал, просто ему было хорошо, оттого что она нашла его, так хорошо, что он был уверен в своей способности подняться на ноги и сесть на лошадь.

Он поднялся на ноги. Даже если Кизн и чувствовал себя хорошо, то нога не разделяла его чувств. Она тут же подкосилась, и он упал. Он услышал, как Г'жхил резко велела конюху помочь. Вдвоем они поставили Кизна на ноги.

— Любимый, если ты не сможешь поехать на лошади, мы спрячемся здесь, — объявила Г'жхил.

— Смогу, — пробормотал Кизн.

— Мы привели из конюшен твою лошадь, — продолжала Г'жхил.

Они подвели его к лошади. Холодный пот покрыл его тело, прежде чем он уселся в седло. Потом он вцепился обеими руками в поводья, глядя, как вокруг него вращается рассветный мир. Нога страшно болела, но Кизн не обращал на нее внимания. Усилием воли он заставил мир остановиться и дернул уздечку. Лошадь пошла вперед, словно поняла, что от нее требуется. Краем глаза Кизн увидел, как Г'жхил и конюх садятся в седла. Его лошадь поскакала, и тут же от тряски боль в ноге

усилилась. Затем лошадь перешла на легкий галоп. Весь в поту, Кизн вцепился в седло.

Рассветное небо продолжало светлеть, но горизонт, затянутый низко висящими облаками, оставался темным. Этой ночью большинство людей в городе не спало. Они высыпали на улицы и замерли в ожидании. Многие ушли в пустыню. Воздух был горячим, гнетущим и слабо покалывал кожу.

И земля, и небо, казалось, ждали... ждали чего-то, какого-то сигнала или знамения.

Беглецы добрались до пустыни, преодолели длинный, пологий подъем, затем оглянулись. За ними лежал темный город.

— Мы в безопасности, дорогой, — с облегчением в голосе сказала Г'жхил.

По ее грязным щекам протянулись полоски от слез, но в глазах светилось счастье.

Над городом высилась башня Кутху, словно маяк ненависти. При виде ее Кизн почувствовал, как покалывает кожу. И тут он заметил, как в их направлении бежит что-то, похожее на крутящийся маленький смерч пыли.

— Луч тегнара! — прошептал он. — Нас заметили из башни!

Луч создал пылевой смерч. Он ударил по беглецам. Лошади рванулись вперед, убегая от обжигающего ада. Кизн вылетел из седла. Увидев, что он упал, Г'жхил тоже соскочила с лошади.

Кизн не мог шевельнуться. Г'жхил потащила его под защиту торчащего из песка большого камня. Они залегли за ним. Здесь луч тегнара не мог их достать. Над их головами взревел ветер. Пыль ослепила их, и они вцепились друг в друга.

И тут раздался пульсирующий вой, словно громадное животное ревело от боли. Земля задрожала, словно охваченная ужасом, но неспособная убежать. Звук стал похож на приливную волну, но волна эта бежала по земле.

Кизн почувствовал, как земля ударила его снизу, и он подлетел в воздух.

Луч тегнара словно стал тем самым сигналом, которого ждала Природа. Землетрясение началось!

Земля с ревом дрожала и вздымалась, как бешеный жеребец. Рев устремился в небо, которое не могло выдержать

этого ужаса и вернуло его обратно на землю. К реву землетрясения добавился грохот рушавшихся домов и крики погибавших людей.

Как будто сама земля хотела избавиться от паразитов, расплодившихся на ней, и пыталась стряхнуть их, как собака стряхивает с себя блох.

Кизн и Г'жхил цеплялись друг за друга, словно дети, охваченные ужасом, от которого не могли убежать.

Пустыня вокруг них вздымалась вверх и тут же падала вниз, словно разбушевавшийся океан.

Глава XII

Боль в плечах усилилась, и доктор Рикер едва смог удержаться от криков.

— Вы собираетесь говорить мне, где спрятали Камень Артены? — спросил Кутху.

— Я не собираюсь... ничего вам говорить... — с трудом ответил врач.

Он был физически слабым человеком, а эмоционально и психически очень восприимчивым. Он и должен быть таким, имея дело с психикой различных людей — своих пациентах. И эта чувствительность усиливала боль от пытки. Словно миниатюрная атомная бомба взорвалась в солнечном сплетении, и живот скрутила судорога. Потом заработали надпочечники и вбросили в кровь дополнительные гормоны.

Кэл еще выше вздернул руки врача. Боль стала еще сильнее.

Сердце колотилось все сильнее, в голове все громче ревела кровь. Потом все вокруг потемнело, и голова доктора поникла. Кэл отпустил его руки, и врач рухнул на пол лицом вниз.

— Ты слишком быстро убил его, черт побери! — закричал Кутху.

— Он просто упал в обморок, — возразил Кэл. — Иногда это случается.

Толстяк стоял с безразличным видом. Возможно, он чувствовал себя немного обманутым, потому что не мог наслаждаться страданиями жертвы, когда та была без сознания.

— Тогда приведи его в себя, — велел Кутху.

Кэл заковылял на кухню и вернулся со стаканом воды, который вылил на голову врачу, и пошел за следующей порцией. Вернувшись, он перекатил доктора Рикера на спину и вылил второй стакан ему на лицо.

Кутху сел, зажег сигарету и поглядел на лежащую на кушетке молодую женщину и мужчину на полу. Доктор Рикер зашевелился и издал какой-то звук.

— Он упрям, — сказал Кэл. — Я видал, как такие упрямцы умирают, так ничего и не сказав.

— Приведи его в себя, — повторил Кутху. — У меня есть другая идея.

В большом здании все еще стояла тишина. В какой-то квартире пробили часы. Кутху насчитал четыре удара. Ночь кончалась. Давление времени, и так достаточно тяжелое, становилось все тяжелее. И, вдобавок к этому давлению, из памяти выплывали ненужные воспоминания. Кутху уронил сигарету и тут же зажег другую, не потрудившись поднять оброненную.

Кутху не нравились возникающие в его уме воспоминания. Личность владельца сувенирного магазина господина Эллера была где-то далеко, и он хотел ее упрятать как можно дальше. Но она все равно маячила где-то на заднем плане, точно призрак, пытавшийся предъявить права на собственный дом.

В сознании Кутху были и другие воспоминания плюс много вопросительных знаков. Очень давно что-то произошло. Он не мог вспомнить точно, что это было, но это походило на еще одного призрака в его голове, но не похожего на Эллера. Этот второй призрак не пытался получить доступ к телу, а, напротив, всеми силами избегал этого.

Кутху догадывался, что это память, которая никогда не была его собственной. С ним что-то произошло. Он не помнил об этом, потому что во время этих событий он не был в своем сознании. Но происшедшее имело какое-то отношение к человеку в синей тоге, бросившему ему вызов.

Лежавший на полу доктор Рикер что-то пробормотал и провел дрожащей рукой по лицу. Взгляд его прошелся по комнате, но глаза его еще были не в фокусе, и он не видел ясно. А когда зрение очистилось, он узнал Кутху. Словно

человек, пытающийся рассеять привидевшийся кошмар, врач провел рукой по лицу. Но Кутху не испарился, а остался на своем месте.

— Вы готовы говорить? — спросил Кутху.

— Говорить? О чем? Что случилось? Я что-то запутался, — пробормотал доктор Рикер.

Он говорило правду. Его чувствительный разум получил потрясение и был как бы не в фокусе. Он чувствовал себя, как лунатик, проснувшийся на крыше высокого здания и не знающий, как попал туда, но понимающий, что следующий шаг может привести его к смерти.

— Молчание вам не поможет, — объявил Кутху.

— Я не молчу, — прошептал доктор Рикер.

— Где Камень Артены? Это ваш последний шанс, — предупредил Кутху.

— Я... Я не знаю — ответил доктор Рикер.

При этом он говорил чистую правду. Беспорядок в голове мешал ему вспомнить, куда дел этот проклятый камень.

Кутху взглянул на зеленоглазую Джарлу, затем кивнул на Гаэль, лежащую без сознания на кушетке.

— Действуй, Джарла! — приказал он.

Когда зеленоглазая двинулась к Гаэль, доктор Рикер тут же понял ее намерения. Он поднялся на трясущихся ноги и резко крикнул, приказав Джарле остановиться.

— У Джарлы на пальцах не ногти, а настоящие когти, — любезно сообщил Кутху. — Она выцарапает этой женщине глаза.

— Нет! — воскликнул доктор Рикер.

— Тогда говорите!

Джарла замерла в ожидании приказа.

Врач взглянул на Гаэль и то, что он увидел, заставило его забыть о Кутху, о Джарле и всем остальном. Грудь Гаэль вздымалась и опадала... вздымалась и опадала...

— Она дышит, — прошептал доктор.

— И что с того? — спросил Кутху.

— Она приходит в сознание! Значит, она не мертва!

Эти слова врач произнес с пылкостью горячей молитвы. У него было много других забот, связанных с угрозами Кутху, с необъяснимой тайной камня, но в первую очередь его терзало беспокойство о пациентах. Он был хорошим врачом и хотел,

чтобы люди жили полной, счастливой жизнью. Когда его пациенты страдали, он страдал вместе с ними. Он очень волновался за Гаэль и Киза. В каком-то смысле, они были его детьми. Он принял их таковыми, когда они появились у него в офисе, точно обожженные и напуганные детишки.

Оттолкнув Джарлу, доктор упал на колени возле Гаэль, наблюдая на движениями ее груди. Он взял ее запястье и почувствовал, как под его пальцами пульс ускоряется и становится сильнее.

Джарла оглянулась на Кутху, ожидая приказа, но тот помотал головой.

— Минутку подождем, — сказал он.

Стоя возле Гаэль на коленях, доктор Рикер увидел, как открылись глаза. Для него это был счастливый момент. Она жива, значит, все в порядке. Но тут же у него перехватило дыхание. Она была жива, но все было не так уж хорошо.

Ее глаза горели безумием. Она уставилась на доктора Рикера и не узнала его. Сев на кушетке, она закричала от ужаса и стала звать кого-то по имени Кизн.

— Горит, весь воздух горит! — выкрикивала она. — Землетрясение! Как трясется земля! Пыль! Мне нечем дышать! Кизн, где ты?

Кэл зажал ей рукой рот, но тут же взвизгнул от боли, потому что она его укусила. Он уже собирался ударить ее, но доктор Рикер перехватил его руку.

Глаза Гаэль уставились на горборносого.

— Кутху! — закричала она. — Кизн, где же ты?!

Прежде чем Кэл освободился от доктора Рикера, Гаэль вскочила с кушетки.

— Взять ее! — приказал Кутху.

Кэл, Джарла и Ширла шагнули вперед, повинуясь своему предводителю. Поймав Гаэль, Кэл завернул ей руку за спину. Ширла закрыла ее лицо подушкой, заглушая крики. Гаэль задергалась, пытаясь освободиться.

— Задушите ее, если не замолчит, — велел Кутху.

Он не хотел, чтобы в соседних квартирах услышали крики и вызвали полицию.

— Нет! — закричал доктор Рикер.

— То же самое ждет и вас, док, если завопите еще раз, — заметил Кутху.

Доктор Рикер понизил голос, но эмоции по-прежнему переполняли его.

— Пожалуйста! Вы просто не понимаете, что происходит. Она в панике. Если мы не будем обращаться с ней чрезвычайно бережно, пока паника не пройдет, она еще долго будет буйствовать.

— Она не стоит и моего плевка, — заявил Кутху.

В этот момент доктор Рикер готов был убить горбоносого голыми руками.

— Но ее жизнь, писхика, все ее будущее в опасности!

— Она ваша пациентка, а не моя, — отрезал Кутху.

— Тогда пусть ваши люди оставят ее в покое!

Кухту на секунду задумался, затем пожал плечами.

— Ладно, если она больше не станет кричать. Если закричит — ей конец.

— Она не будет кричать, — пообещал Рикер.

Он оттолкнул Кэла и обеих женщин и, склонившись над Гаэль, осторожно снял подушку с ее лица. Она взглянула на него полными ужаса глазами.

— Пожалуйста, выслушайте меня, моя дорогая! — быстро сказал врач.

Гаэль не отрываясь, смотрела на него.

— Вы меня помните. Я ваш друг, — продолжал доктор Рикер.

В ее глазах по-прежнему плескался ужас.

— Я — ваш доктор, — продолжал врач. — Я пытаюсь вам помочь.

— Землетрясение, — прошептала она.

— Сейчас нет никакого землетрясения.

— Сейчас? А когда это — сейчас? — спросила она.

Этот вопрос частенько озадачивал доктора Рикера, но в этот раз у него не было намерения пускаться в рассуждения.

— Вы чувствуете кушетку под собой? — спросил он. — Она не качается, как было бы во время землетрясения. Осмотрите комнату. Это ваша квартира. На стенах висят картины, штукатурка не потрескалась, все расставлено по местам. Не было никакого землетрясения.

Повинуясь ему, она осмотрела комнату.

— Но землетрясение было, — прошептала она. — Там, в пустыне. Я... Я была там. По нам ударил луч тегнара... и потом началось землетрясение. Кизн, кажется, сломал себе ногу...

Доктор Рикер не имел ни малейшего представления, о чем она говорит. Он заподозрил, что она описывает то, что видела, пока находилась в странном каталептическом состоянии. Он не знал, происходило ли это на самом деле, но важным на данный момент было лишь то, что она думала, будто они произошли. Они были для нее реальными.

Он также знал, что она находится в полной растерянности, пытаясь разобраться, что реальное, а что — нет. Он подозревал, что за господство над ее телом сейчас борются две разные личности, каждая со своими воспоминаниями, знаниями и системой ценностей. Если девушка сумеет соединить их, слить в единую личность, она станет нормальной. Если же нет, то этот конфликт будет продолжаться, лишь пугая её.

Сумасшедшие дома и так уже переполнены. Им не нужен лишний пациент!

— С Кизном все будет в порядке, моя дорогая, — продолжал доктор Рикер голосом тихим и мягким, точно рассветный ветерок.

Он успокаивал испуганного ребенка, стараясь внушить ему чувство безопасности. Пальцы, не отпускающие ее запястье, подсказывали, что удары сердца несчастной все еще нерегулярны, то сильнее, то слабее. Доктор не знал, что могло произойти с ней физически в результате эмоциональной внутренней бури, но собственное состояние подсказывало, что судороги сердечной артерии могли стать причиной сильной тошноты. Доктор и сам испытывал нечто подобное.

— Но где Кизн? — спросила она. — Я люблю его. Я собираюсь выйти за него замуж. И где Ди-ур? Что произошло с ним? Он погиб при землетрясении?

— Моя дорогая...

— А где мой отец? Он уехал раньше нас. Он так нужен мне сейчас. — На ее глазах показались слезы. — Я люблю отца. Где он? Только не говорите мне, что он... что он... — У нее перехватило горло.

— Я пока что ничего не знаю о нем, — пробормотал доктор Рикер.

Он уже стал понемногу разбираться в ее фантазии, понял, что она принимала текущее время за свое собственное, а точнее, создала некую смесь прошлого с настоящим, и считала реальностью то, что хотела, а не то, что происходило вокруг на самом деле. Доктор знал лишь единственный способ помочь ей. Нельзя было отрицать реальность ее внутреннего опыта, так как это запутало бы ее еще больше. Но если он примет ее реальность, это поможет перенести ее из прошлого в настоящее.

Только доктор Рикер знал, насколько тонкими должны быть подобные эмоциональные операции, которые он собирался проводить. Он чувствовал себя, как человек, идущий по скользким бревнам посреди реки самой темной ночью. Одна оплошность — и Гаэль Дана провалится в пучину психического водоворота, где может провести весь остаток своей жизни.

Совершенно игнорируя Кутху, Кэла и обеих женщин, доктор Рикер продолжал работать. Жизнь и психическое здоровье пациента были важнее всего. Возможно, то, что он ставил чужие интересы выше своих, объясняло, почему пациенты доверяли ему и даже любили его.

Гаэль взглянула на него в упор.

— Кто я? — спросила она.

— Моя дорогая, а как вы сами считаете, кто вы? — спросил в ответ врач.

Он знал, что подобный вопрос вполне закономерен. Огромное количество людей рано или поздно задаются вопросом, а кто они есть на самом деле. Он сам иногда задавал себе этот вопрос. Кем он был? И был ли он кем-то? Кем-то больше, чем просто имя, которое он носил с рождения до смерти, комбинация букв, фонетических звуков, как и каждая мысль? Доктор Рикер знал, что человек — это не просто семантика, хотя многие люди отождествляли себя только с именем и не считали чем-то большим.

— Я... иногда мне кажется, что я — девчонка-подросток в тропическом саду, — ответила Гаэль. — Иногда, что я — Гаэль Дана. Но сама я не знаю, кто я на самом деле.

— Вы Гаэль Дана, — твердо, но добросердечно сказал доктор Рикер. — Вы живете в этой квартире. Это — ваш дом.

Во взгляде ее промелькнуло облегчение.

— Я так рада, что вы сказали это. Это как-то помогает мне успокоиться.

— Понимаю, моя дорогая, — вздохнул доктор Рикер.

Его голос стал еще более нежным. Он начал надеяться, что с ней все обойдется.

— Я хочу, чтобы вы оба сделали кое-что для меня, — неожиданно вмешался Кутху. — Я хочу, чтобы вы сообщили мне, где спрятали Камень Артены?

— Пожалуйста подождите! — взорвался врач.

— Заткнись, док, — ответил горбоносый. — Мне надоело дурачиться с вами. Если хотите, чтобы эта женщина осталась нормальной, то все, что от вас требуется, сказать мне, где Камень Артены. В противном случае, она проведет остаток жизни в сумасшедшем доме.

Кутху прекрасно понимал, в чем его преимущество. Пытки не разговорили бы упрямого врача, а вот угроза его пациенту — другое дело!

— Но... — начал было доктор Рикер.

— Я сказал, заткнитесь, — оборвал его Кутху.

В комнате стало очень тихо. Толстяк ждал приказаний. Две женщины тоже нетерпеливо ждали. Доктор Рикер лихорадочно размышлял.

Лежащая на кушетке Гаэль Дана не отрывала испуганного, полного недоумения взгляда от Кутху. Она ничего не могла понять. Едва только она начала было понимать, кто она и где находится, как ее только обретенной безопасности стало угрожать что-то другое. Пока она разговаривала с доктором Рикером, она не помнила о Кутху.

Теперь же вспомнила его. Вспомнила не только то, как встретилась с ним в настоящем, но и фрагменты забытого прошлого, высокую башню, из которой вылетела волна горячего, наэлектризованного воздуха.

В душе ее поднялся ужас, немедленно отразившийся на лице.

И тут в тишине, воцарившейся в комнате, раздался щелчок, и хриплый голос произнес:

— Я пущу пулю в любого, кто тронет ее!

Глава XIII

Киз Ард сидел на полу. В потных, дрожащих руках у него был короткоствольный автоматический пистолет. Щелчок раздался, когда он спустил предохранитель.

— Вы забыли перевернуть меня, — сказал Киз. — Пистолет все это время был подо мной.

Толстяк Кэл потянулся было к карману пиджака, но заметив во взгляде Киза, тут же направившего на него пистолет, смертный приговор, поспешно поднял руки выше головы.

— Не стреляйте! — прошептал он голосом, внезапно ставшим писклявым, как у перепуганной крысы.

Сидевший в мягком кресле Кутху был совершенно неподвижен. Обе его женщины тоже боялись шевельнуться.

— Киз! — прошептал доктор Рикер.

— Я в порядке, сэр, — ответил Киз Ард. — По крайней мере, я думаю, что я — это я!

Все тело его было покрыто потом, сознание словно окутывало зловещее черное облако. Нога сильно болела. Боль была такая, словно нога сломана, но, мельком взглянув на нее, Киз не увидел ни опухоли, ни других признаков перелома. Может быть, это просто воспоминание о боли?

Киз очень быстро вернулся из мира прошлого. Поэтому он частично избежал путаницы и сомнений, угрожавших здравомыслию Гаэль. Частично, но не полностью. Переход совершился так быстро, что сердце не успело начать биться с нормальной частотой.

Сердце было физическим органом, кровь, вены и артерии — тоже. Они оказались подвластны инерции. Сначала они заработали медленно, вяло. Затем включились надпочечники, и сердце бешено заколотилось в груди. Киз почувствовал боль в груди и понял, что это физическая реакция организма на происшедшее, и либо она пройдет через пару минут, либо убьет его. Тело покрылось потом, голова закружилась. Вся комната, казалось, принялась вращаться перед глазами.

Но он знал, кто он такой, где находится, и в руках у него было оружие, которым он мог воспользоваться, если хотел остаться в живых. Пилот-испытатель не может быть легкомыс-

ленным, к тому же эта профессия натренировала его организм, научила его противостоять головокружению. И он был рад, что в свое время прошел жесткую тренировочную программу.

Киз кивнул на Кэла и сказал доктору Рикеру:

— Возьмите оружие у толстяка. Также обыщите остальных, включая сумочки женщин.

Он пытался совладать с болью в сердце. Боль в ноге тоже уменьшалась. Нога словно начала забывать о боли, которую перенесла в каком-то забытом прошлом. Зато вернулась боль от ожогов на спине.

Воспоминания о таившемся в прошлом ужасе пытались ворваться в его сознание, колотили в дверь, словно испуганные призраки, пытающиеся вернуться в квартиру, которая уже сдана новым арендаторам. Но Киз не пускал этих призраков.

У Кэла оказался пистолет в наплечной кобуре, и еще один в правом кармане. Доктор Киз забрал оба. В сумочках женщин оказалось по маленькому пистолету. Кутху был не вооружен. Доктор Рикер с тревогой уставился на конфискованное оружие.

— Дайте их мне, — приказал Киз, — и вернитесь к Гаэль. Вы нужны ей.

Киз рассовал пистолеты по карманам, не пытаясь встать на ноги, и не отрывал взгляда от Кутху, Кэла и обеих женщин.

— Я убью первого, кто шевельнется, — объявил он, и по его голосу чувствовалось, что он сделает это без колебаний.

Хорошо зная Киза, доктор Рикер оглянулся на него.

— Занимайтесь Гаэль, — приказал Киз. — Со мной все в порядке.

Охваченный отчаянием врач понимал, что у него два пациента, но помочь он может лишь одному. И он повернулся к Гаэль. Она сидела, глядя испуганными, непонимающими глазами на комнату и людей, находящихся в ней. Снова и снова ее взгляд обращался к Кизу Арду. В сознании у нее царили сомнения и путаница.

— Это Кизн, — пробормотала она, глядя на Киза, но не была уверена в этом.

Но, глядя на него, она казалась счастливой.

Слишком счастливой. Голос ее звучал, как у ребенка.

И, услышав этот голос, доктор Рикер понял, что это значит. Гаэль не вернулась мысленно в прошлое, но в прошлое своего детства, когда все казалось простым, мир был огромным, прекрасным и полным любви, а страх и ненависть пока что еще не вторглись в ее жизнь. Детство ее было счастливым.

Но потом оно закончилось. Теперь Гаэль давно уже не ребенок. И если ее сознание зафиксируется на том возрасте, то она навсегда останется ребенком и будет жить в нереальном мире несуществующего детства.

— Дорогая моя... — начал было доктор Рикер.

Гаэль поглядела него. Глаза ее были безучастными.

— Кто вы? — спросила она. — Я вас не знаю.

Ее взгляд снова вернулся к Кизу.

— Тут Кизн. Я хочу пойти поиграть с Кизном.

Детские нотки в ее голосе стали сильнее. Гаэль попыталась встать с кушетки. Она была, как ребенок, который хотел бежать играть со своим приятелем.

— Пожалуйста, дорогая моя, не пытайтесь встать, — быстро сказал доктор Рикер.

— А почему? — спросила она.

С ней говорил взрослый. А слова взрослых частенько бессмысленны для детей.

— Вы... ну-у... вам нехорошо.

— Нехорошо? Да я чувствую себя просто замечательно! — воскликнула она и снова попыталась встать с кушетки.

Доктор Рикер поймал ее за руку и мягко удержал.

Она легла, но ее поведение было поведением раздраженного ребенка, которого не пускают бежать поиграть.

Сидя на полу, Киз Ард держал пистолет обеими руками и пытался совладать с болью в сердце. Оно, казалось, колотилось все быстрее и быстрее. Он не спускал глаз с Кутху, Кэла и обеих женщин. Их нужно было передать полиции. Он пододвинулся по полу поближе к стене. Если бы только он смог встать на ноги, пойти в спальню Гаэль и воспользоваться телефоном, чтобы вызвать полицию.

— Вспомните, вы — Гаэль Дана. И вы уже взрослая. Вы выросли, — услышал он голос доктора Рикера.

— Кто такая Гаэль Дана? — спросила Гаэль. — Я... Я не знаю ее. Она кто-то из тех, с кем я обычно играю?

— Она — подруга, — сказал доктор Рикер, божественное терпение и бесконечная нежность звучали в его голосе.

И Гаэль сердцем ощутила эту нежность. Она улыбнулась ему. При виде этой улыбке, в душе доктора Рикера зажглась надежда. Это была не улыбка ребенка. Это была почти что улыбка взрослой женщины.

— Вам понравится Гаэль Дана, — сказал врач.

Лоб Гаэль нахмурился, когда она задумалась.

— Мне почему-то кажется, что Гаэль — это я, — сказала она.

Доктор Рикер чуть слышно вздохнул.

Киз Ард поднялся, опираясь на стену и, держась за нее, прошел в спальню Гаэль. Телефон лежал на полу у двери. Киз нагнулся и поднял его, поднес трубку к уху, прислушался. Не услышав длинных гудков, он нахмурился.

— Телефон не работает, — тихонько сказал Кутху.

— А почему? — спросил Киз.

— Потому что я вырвал провод, — ответил негодяй.

Киз сел, положил пистолет на колени и задумался. Боль в груди стала меньше. Артерии и вены выдержали избыточное давление и не разорвались. Дышать становилось все легче. Нога совсем перестала болеть, а жжение в спине постепенно уменьшалась. Киз вспомнил, что его спина была обожжена, причем как в прошлом, так и в настоящем. Воспоминания о прошлой боли постепенно стирались, но боль в настоящем оставалась.

Он попытался понять, что делать дальше. Нужно было время, чтобы доктор Рикер поработал с Гаэль. Киз знал из своего опыта, что врач выполнит свою работу, если только дать ему время и возможность.

Но времени как раз и не было. Оставалась проблема с Кутху, Кэлом и женщинами. Если отвлечься от них хотя бы на секунду, они схватят его.

Киз подумал было, что можно их просто перестрелять, но тут же выбросил из головы эту мысль. Он станет стрелять, если только его вынудят. Но без нужды он не хотел пачкать руки их кровью.

Когда-то в давно ушедшие времена один человек учил его, что нельзя убивать. Он не мог вспомнить имя этого человека, но в голову почему-то приходил синий цвет, когда он думал об этом давно забытом учителе.

— Я вспомнила, кто я, — раздался голос Гаэль. — Я — Гаэль Дана. На мгновение я почему-то посчитала себя маленькой девочкой.

Ее голос был спокойным и теплым. Она взглянула на врача.

— И вас я вспомнила! Вы — доктор, к которому меня привел Киз после того, как мы получили ожоги, и Киз...

Она взглянула на Киза Арда, сидевшего у противоположной стены. Руки он держал на коленях, по-прежнему нацелив пистолет на Кутху.

— Что случилось с Кизом? Почему у него пистолет?

В голосе ее послышалось беспокойство, но это был голос настоящей Гаэль, которая волновалась о своем друге. Из него совершенно исчезли детские интонации.

— Не волнуйся обо мне, любимая, — сказал Киз. — Со мной все в порядке. И не думай о пистолете. Я не стану стрелять, если только меня не вынудят.

— Он назвал меня любимой! — воскликнула Гаэль.

— Он любит вас, — тихо ответил врач.

— Что?!

Ее лицо мгновенно прояснилось, глаза заискрились. Любовь одна из немногих вещей, которая поддерживает женщину в тонусе, вдыхает жизнь во все ее существо. Это доктор Рикер отлично знал.

— Я очень люблю тебя, — продолжал Киз, голос его был твердым, уверенным, многозначным, он мог убедить кого угодно.

На лице Гаэль исчез ужас. Полет из прошлого завершился. Она стала взрослой, причем счастливой женщиной.

Доктор Рикер вытер пот с лица. Большая часть работы была сделана. Теперь оставалось лишь закрепить Гаэль в ее взрослом эмоциональном состоянии. Нужно было время, чтобы это состояние стало стабильным, возможно, несколько месяцев, но врач знал, что если любовь будет по-прежнему на его стороне, то с этой задачей он справится.

— У меня два человека в коричневом грузовике снаружи, — внезапно заговорил Кутху. — А в фургоне этого грузовика — тегнар...

При этом слове Киза Арда обуял ужас. Он вскочил на ноги, держа пистолет наготове. Он резкого движения у него снова закружилась голова, но он справился с этим и подошел к окну.

Коричневый фургон стоял в переулке. Одна дверца сзади была раскрыта. В фургоне никого не было видно, но Киз не сомневался, что Слим или Занду сидят там наготове и ждут приказа.

— Достаточно мне приказать, и вы не уйдете отсюда живыми, — сказал Кутху.

Киз повернулся к нему лицом.

— Не думаю, что вы отдадите такой приказ, — ответил он. — Или вы считаете, что луч тегнара сожжет нас и оставит вас нетронутым?

— Я так не думаю, — кивнул Кутху и задумчиво посмотрел на Киза. — Но тогда мы в тупике. Вы можете пристрелить меня, — спокойно продолжал горбоносый, — а я могу уничтожить вас. Убив меня, вы тем самым убьете и себя.

В тишине комнаты Киз услышал далекий гудок автомобиля, напоминающий, что начинается рассвет.

Прошла большая часть ночи! Кизу казалось, что прошло много ночей с тех пор, как он лег на пол и положил себе на лоб зеленый камешек. У него было впечатление, что с тех пор он прожил куски многих жизней.

— Мне нужен Камень Артены, — тем временем продожал Кутху. — Отдайте его, и я уйду. Даю вам честное слово.

— Ваше слово! — фыркнул Киз.

Гнев засверкал в глазах горбоносого.

— Мое слово твердо, — объявил Кутху.

— Ваше слово твердо, пока я держу вас на мушке, — ответил Киз. — Ваше слово твердо, пока вы в тупике. Но как только что-то изменится, ваше слово не будет ничего стоить!

Доктор Рикер попытался вмешаться, но Киз жестом велел ему замолчать.

— Если мы выпустим вас отсюда с Камнем Артены, то вы дадите сигнал своим людям в грузовике, и весь этот жилой дом отправится следом за офисом доктора Рикера. Смерть сотни-другой человек не имеет для вас никакого значения! Если мы умрем, никто никогда не сможет объяснить взрыв, уничтоживший этот дом и убивший его жильцов.

Враждебность и ярость полыхали во взгляде Кутху.

— Я думаю, он сдержит свое слово, — все же вмешался доктор Рикер. — Я действительно так думаю. Он собирается исполнить то, что обещает.

— И сколько времени будет длится его обещание? — спросил Киз.

— Этого не знает никто, — ответил врач. — Может быть, он нарушит свое обещание и уничтожит нас всех. Но я не вижу никакого другого выхода, кроме как пойти на этот риск. В конце концов... — и он кивнул на Гаэль.

Она сидела выпрямившись на кушетке.

— Мне нужно время, чтобы стабилизировать ее состояние, — прямо сказал врач. — И я этим займусь. — Он посмотрел на Киза. — Кстати, вы тоже нуждаетесь в некоторой помощи.

— Знаю, — задыхаясь, ответил Киз.

— Жизнь Гаэль, ее психика все еще под угрозой, — продолжал врач. — А может, и ваша психика, Киз. Вы где-то вблизи от точки невозврата, или, иными словами, сомнительно возвращение...

В комнате наступила тишина.

— Мы не можем рисковать жизнью и здоровьем людей, — заявил врач и в упор поглядел на Кутху. — Вы сдержите свое слово?

Это был вопрос, но одновременно и мольба.

— Конечно, — тут же ответил Кутху.

— Тогда я отдам вам Камень Артены, — сказал доктор Рикер.

Он подошел к кушетке, на которой сидела Гаэль и, нагнувшись, достал из-под нее маленький зеленый камешек.

Кутху зачарованно уставился на него. Киз Ард затаил дыхание, а врач подошел к горбоносому и вложил камень в его открытую ладонь.

Как только пальцы сомкнулись на камне, Кутху вскочил на ноги. Его лицо выражало полный триумф. Он получил то, что хотел! Его глаза и складки у рта говорили, что у него нет намерения сдержать свое слово. Что ему жизнь и здоровье какой-то там женщины? Как только он выберется из здания, Слим и Занду в коричневом грузовике примутся за работу.

Поняв намерение Кутху, Киз Ард поднял пистолет, готовый стрелять, но краем глаза увидел Гаэль на кушетке. Выстрелить означало бы снова повергнуть ее в шок, нанести вред ее психике. Ее эмоциональная стабильность еще очень слаба. Гаэль

была для Киза дороже жизни. Он не мог причинить ей вред. В отчаянии он понял, что не сумеет помешать Кутху покинуть квартиру. Возможно, они успеют убежать, прежде чем Слим включит тегнар, как успели сбежать из офиса доктора Рикера!

Киз опустил пистолет. Толстяк мгновенно шагнул вперед и ударил Киза точно в челюсть.

Перед глазами Киза закружились звезды. Выпустив пистолет, он упал на пол без сознания.

Глава XIV

Киз Ард почти сразу же пришел в себя. Удар, сбивший его с ног, был не такой сильный, чем то, что повергло его вчера в кому. Удар был нанесен лишь его физическому телу. А вчера он получил удар гораздо более тяжелый, удар, нанесенный по глубинным уровням его психики.

Он услышал торжествующий возглас Кутху:

— Хорошая работа, Кэл! Теперь у нас есть и камень, и единственные живые свидетели. Мы заберем всех с собой.

— Он без сознания, — сказал Кэл, имея в виду Киза.

— Тогда мы понесем его. Если кто спросит, то скажем, что это наш пьяный друг, который уснул. Пусть женщины вытрут все, до чего мы дотрагивались. Не нужно оставлять отпечатков пальцев.

Раздались поспешные шаги.

— Но вы же обещали... — протестующе закричал доктор Рикер.

— И я сдержу свое обещание, — ответил Кутху. — Держи!

Его кулак метнулся к подбородку врача. Доктор Рикер отлетел, ударился спиной о стенку и сполз по ней, оказавшись в сидячем положении. В выражении его лица смешались две разных боли: физическая боль от удара и эмоциональная боль от знания, что его предали, что он все поставил на карту и все потерял. Но хуже любой боли была мысль, что он проиграл важное сражение за психическое здоровье Гаэль и Киза Арда.

Гаэль на кушетке смотрела безумными глазами на то, что творилось вокруг.

Киз попытался встать на ноги.

Кэл пнул его в лицо.

— Уходим, — повторил Кутху. — Ты вернул свое оружие, Кэл?

— Да. И женщины тоже.

— Прекрасно. Понесешь его. Я понесу доктора, а женщины пусть несут женщину. Если начнет отбиваться, задушите ее. И помните: если кто станет задавать вопросы мы просто помогаем пьяным друзьям вернуться домой.

Эта идея, казалось, рассмешила Кутху. Он рассмеялся, потом стал осматривать зажатый в руке Камень Артены.

ТРРР!

Лежащему на полу Кизу Арду показалось, что этот звук прибыл из какого-то далека, несясь сюда с невероятной скоростью. Смутно и неопределенно, в полубессознательном состоянии, он все же вспомнил, что уже слышал этот треск, похожий на звук рвущегося тонкого шелка, и нечто уже летело сюда с громадной скоростью. Киз попытался вспомнить, где и когда слышал это и что это значит. Но сознание мутилось, и вспомнить он не мог.

Внезапно в комнате наступила полная тишина. Осекся громкий голос Кутху. Перестал что-то бубнить Кэл. Замерли торопливые шаги обеих женщин.

И в этой тишине раздался возглас Гаэль. Но не ужас, не боль и не тон обиженного ребенка прозвучали в нем. В нем явно слышалась радость! Кизу наконец-то удалось открыть глаза.

Бросая вызов закону тяготения, посреди комнаты висел Синяя Тога. А позади нее были смутно видны другие фигуры в синих одеяниях. Киз не понимал, откуда они пришли и с какой целью направлялись сюда.

Если у них вообще была какая-нибудь цель. Но он не мог оторвать глаз от Синей Тоги.

Что-то было в руках у жреца. Киз узнал длинный посох с крюком на конце, каким пользовались пастухи много столетий назад, охраняя свои стада по ночам в горах и на холмах.

Синяя Тога держал посох так, что Кутху не мог не видеть его. Горбоносый отступил на шаг, взглянул на Кэла и хрипло прошептал:

— Стреляй!

Кэл нажал на курок. Пистолет выплюнул свинец в висящую в воздухе синюю фигур. Пуля ударилась в противоположную стену.

Синяя Тога смотрел на Кэла. Просто смотрел. Пуля явно не причинила вреда нематериальной фигуре в воздухе. Это потрясло Кэла. Толстяк выронил пистолет. На его лице внезапно выступили крупные капли пота.

Кэл выглядел так, словно увидел призрак прошлого. Сидя у стены и не в силах встать, доктор Рикер с восхищением смотрел на призрака в синем. Губы Синей Тоги шевельнулись. Но не раздалось ни единого звука. Он снова поднял посох, словно подавал им какой-то сигнал.

И Гаэль, казалось, поняла, что хотел сказать Синяя Тога.

— Он спрашивает, узнаете ли вы этот посох? — сказала она Кутху.

— Я... — прошептал Кутху.

Голос его стал хриплым и прозвучал так, словно горло внезапно наполнилось острым гравием.

— Он хочет сказать вам, что это пастуший посох. Когда хорошие овцы отбиваются от стада, пастух использует этот крюк, чтобы затащить их в безопасное место, — продолжала Гаэль, На мгновение она замолчала, но тут же продолжила: — Однако есть паршивые овцы, которые не желают слушаться, и тогда пастырь использует крюк... — Голос ее прервался, Гаэль замолчала, поняв то, что нужно сейчас сказать. — ...чтобы задушить их, — все же закончила она и дико обвела взглядом комнату. — Не уверена, что «задушить» именно то слово, которое хочет сказать Ди-ур. Он никогда никого бы не задушил. Возможно, он имеет в виду, что если овца продолжает упираться, то душит сама себя.

— Ди-ур? — прошептал Киз Ард.

Гаэль указала на одетую в синее фигуру.

— Это Ди-ур. Разве ты не помнишь его, Кизн? В прошлом он был нашим лучшим другом.

— Я... помню очень смутно, — ответил Киз.

Кутху уставился на фигуру в синей тоге. По его лицу можно было понять, что он узнал этого человека и что он боится его.

Губы Синей Тоги снова зашевелились. Гаэль опять стала переводить.

— Теперь у тела, которым ты завладел, есть Камень Артены, — сказала Гаэль.

Горбоносый кивнул.

Синяя Тога улыбнулся и подал какой-то жест стоящим позади него фигурам.

— Мы ждали этого момента, Кутху, — перевела Гаэль.

— Что он имеет в виду? — прошептал Кутху.

Синяя Тога уставился на Гаэль и заговорил непосредственно с ней.

— Он говорит, — сказала Гаэль, — что в тот момент, когда вы дотронулись до Камня Артены, то отдали себя в его власть.

Лицо горбоносого исказилось от страха.

— Когда мы использовали его, то камень отослал нас в прошлое, — объяснила Гаэль. — Возможно... — Она не договорила.

— Но я не понимаю... — прохрипел Кутху.

Снова заговорил Синяя Тога.

— Он говорит, что знает, как вы умерли в том давно ушедшем рассвете, — сказала Гаэль. — Не знаю точно, что он имеет в виду. Он что-то говорит о землетрясении. Мне кажется, он хочет сказать, что вы умерли или должны умереть во время того землетрясения.

— Глупости какие! Я же сбежал из того времени! — воскликнул Кутху.

— Он говорит, что пока ещё вы никуда не сбежали, — сказала Гаэль. — Он говорит, что дата вашей смерти осталась все той же.

— Я... — Кутху резко замолчал.

Казалось, он что-то услышал.

— Кажется, я слышу грохот начинающегося землетрясения, — сказала Гаэль. — Я вижу, как пустыня вздымается, точно морские волны...

Киз Ард не слышал грохота землетрясения. Он только слышал обычный сигнал автомобиля, нетерпеливо гудящего перед гаражом, чтобы ему открыли и заменили аккумулятор. Эти звуки принадлежали не прошлому, а настоящему.

Но тут Киз увидел, что пальцы Кутху начали разжиматься, и понял, что горбоносый пытается выронить Камень Артены. Киз крикнул об этом Гаэль, которая явно могла общаться с Синей Тогой без слов.

Посох с крюком на конце в руке Синей Тоги метнулся вперед. Казалось, он становится все длиннее и длиннее, бесконечно длинны, поскольку тянулся через пространство-время. И этот бесконечно длинный посох зацепил крюком шею Кутху.

Синяя Тога рванул, точно пастух, возвращающий на путь истинный отбившуюся овцу. Лежа на полу, Киз Ард изумленно глядел на то, что происходит. Он видел, как Кутху распадается на двух людей. Одного из них, горбоносого с надменным лицом, тащил пастуший посох через громадный провал пространства-времени.

Другой Кухту повел безумными глазами — и рухнул на пол, что-то невнятно бормоча, стеная и плача. И Киз увидел, чем были заняты люди в синих одеяниях, толпившиеся позади Синей Тоги. У них тоже были посохи с крюками, которые они протянули через пропасть времени, безошибочно нашаривая свои цели.

Киз видел, как один крюк поймал за шею толстяка Кэла, и услышал, как Кэл закричал, разделяясь надвое — один толстяк полетел через пропасть времени, а другой ринулся вглубь квартиры, потом с воплями упал на пол. Киз увидел, как еще два крюка поймали за шеи двух женщин, и как те с воплями разделились.

Где-то в бездне позади Синей Тоги началось волнение самого пространства, изменения и судороги, на которые было больно смотреть. Киз успел увидеть, как горбоносый извивался, исчезая в той пропасти, как две женщины летели за ним, ставшие вдруг покорными и неподвижными, как толстяка согнуло буквально пополам, когда он сделал безуспешную попытку сорваться с крюка.

Внезапно все прекратилось. Люди позади Синей Тоги исчезли в невероятной дали вместе со своими пленниками. Кизу показалось, что пленников было не четыре, а больше, но не успел рассмотреть получше. Синяя Тога по-прежнему висел посреди комнаты. Он указал на Гаэль, губы его зашевелились. Гаэль вскочила на ноги, пересекла комнату и подняла с пола маленький зеленый камень.

Синяя Тога улыбнулся ей, как отец улыбается своей любимой дочери, и снова заговорил. Гаэль выслушала, затем повернулась к Кизу, который тем временем сумел встать на ноги.

— Он говорил, что я должна хранить Камень Артены и передать его своему первенцу... Он назвал меня Г'жхил... — На ее лице была смесь неуверенности и смущения, неуверенности оттого, что она не могла вспомнить, кто такая была — или будет — Г'жхил. — Он говорит, что я должна передать его своему первенцу, — повторила она. — А это значит, что я выйду замуж и у меня будут дети!..

Ее лицо покраснело еще сильнее.

Синяя Тога улыбнулся и снова заговорил.

— Он говорит, что камень снова будет приносить удачу мне и... моим близким... — От смущения ее лицо стало прекрасным.

Доктор Рикер с трудом встал на ноги и подошел к Синей Тоге. Человек из прошлого повернулся к нему.

Дальше последовало самое странное, что когда-либо видел Киз Ард. Они попытались обменяться рукопожатием. Их руки прошли сквозь друг друга, ничего не ощутив. Но все равно это было рукопожатие, пусть и символическое. Теперь, когда они стояли рядом, они показались Кизу похожими. Они не были полными двойниками, но походили друг на друга, как походят разные люди, которых объединяют общие надежды и общие мечты о лучшем будущем, несмотря на то, что их разделяет бездонная пропасть времени. Эту общую цель и сердечную тоску жреца из давно ушедшего прошлого и врача из нынешнего 1980 года соединила в единый импульс любовь и стремление помочь людям, даже если при этом сидящим в них черепахам приходится высовывать головы из панциря, вылезать из грязи и рисковать изучать мир за границами их разума.

На лице доктора Рикера больше не было боли. Лицо его выглядело еще измученным, то и дело морщилось, но оно снова стало лицом пожилого гнома, который помог судьбе скроить счастливый конец данной истории, и он был очень доволен этим.

Затем из окна, выходившего на задний двор, послышался крик. Киз Ард схватил пистолет, выроненный Кэлом, и бросился к окну, высматривая коричневый грузовик, припаркованный в переулке, и надеясь застрелить Слима и Занду, прежде чем они включат тегнар и разрушат его лучом все здание.

Он увидел тощего наркомана и карлика. Но они были не в грузовике. Они неслись со всех ног по переулку, как и все остальные двойники явившихся из прошлого. Киз опустил пистолет. Теперь он понял, почему ему показалось, что пленников было не четверо, а больше. Крюки стоявших позади Синей Тоги мужчин дотянулись и до грузовика, поймав сидящих в нем, чтобы унести их назад в давно минувшее время, когда они должны были умереть.

Киз вернулся в комнату, но, увидев на полу Кутху, снова взял пистолет наизготовку. Доктор Рикер и Синяя Тога закончили рукопожатие.

— Это не Кутху, — поспешно сказал доктор Рикер. — Кутху, завладевшего этим телом, больше нет, его убрали отсюда туда, где ему и надлежит быть. А теперь перед нами господин Эллер. Не стреляйте. Он — жертва, и сам не мог ничего поделать.

Сидя на полу, господин Эллер оглядывался, и взгляд у него был диким.

— Я всего лишь бедный владелец сувенирного магазина, — то и дело повторял он. — Я выживаю, как могу. Может, я немножко и торгую порнографией с черного входа, но я не делал ничего плохого... я не делал ничего плохого...

Толстяк Кэл рыдал на полу. Крупные слезы катились у него по щекам.

— И как меня угораздило вляпаться во все это? Я вышибала в баре. Ну, время от времени могу пропустить стаканчик, но в меру... только в меру...

Взгляд Киза перешел на двух женщин.

— Я — официантка в ночном заведении, — всхлипывала зеленоглазая Джарла. — Ну, поработала парочку раз проституткой, и что с того? Знаете, как девушке трудно прожить честно?

Черноглазая Ширла ревела. Доктор Рикер мрачно оглядел их. Синяя Тога опять заговорил. Гаэль переводила.

— Он говорит, что вы должны исправить их, помочь встать на праведный путь, — сказала она. — Пусть в них соединиться в единое целое разумная и эмоциональная сферы.

Пожилой гном погрустнел, глядя на перспективу дополнительной тяжелой работы. К тому же еще и без офиса.

— Ди-ур сказал, что он станет работать с вами. Он вам поможет, — добавила Гаэль.

Лицо доктора Рикера прояснилось. Призрак из прошлого предлагает помощь психиатру из 1980 года! Эта мысль поначалу показалась ему отвратительной. Что сказали бы его коллеги? Затем он махнул на все рукой. Черт с ним, что они бы подумали! В такой сложной профессии надо пользоваться даже помощью призрака. Особенно такого призрака, как Ди-ур! И он улыбнулся человеку в синей тоге.

Синяя Тога улыбнулся с ответ. Потом послал воздушный поцелуй Гаэль, а на Киза поглядел так нежно, как отец смотрит на любимого сына. Доктору Рикеру он поклонился, как один профессионал кланяется другому при встрече, пусть даже они встретились через века.

ТРРР!

Синяя Тога исчез. Единственными звуками в комнате остались лишь всхлипывания Кэла, плач двух женщин и бормотания господина Эллера, неустанно повторявшего, что он лишь владелец сувенирного магазина, который никогда не делал никому ничего плохого.

Гаэль подошла к Кизу.

— Я думаю, что мы спаслись от землетрясения, — сказала она. — Я думаю, что мы пересели пустыню, возможно, переплыли море и завели семью. И это передавалось в нашей семье в течение многих поколений...

Она раскрыла ладонь, на которой лежал маленький зеленый камешек, чуть вибрировавший со странной теплотой.

Гаэль улыбнулась Кизу. Оба знали, что спустя столько столетий судьба соткала для них странную паутину. Они встретились, разделились, встретились снова в каком-то другом времени и в другом месте, снова расстались, чтобы опять встретиться здесь. И в этот момент им показалось, что каждая такая встреча лишь делала их любовь сильнее...

Через несколько недель, прошедших после этой ночи, доктору Рикеру удалось собрать воедино личности всех замешанных в этом деле. Господин Эллер вернулся в свой сувенирный магазинчик. Ширла и Джарла снова устроились на работу официантками.

Кэл вернулся к прежнему занятию боте вышибалой. Но никто из них уже не был прежним. Побывав в прошлом, она увидели мельком необозримую пропасть пространства-времени, а

также гигантскую, тонко сплетенную паутину судеб. Это видение смягчило и очистило их, придало глубину и значение их жизни, а также поселило немного любви там, где были лишь страх и ненависть.

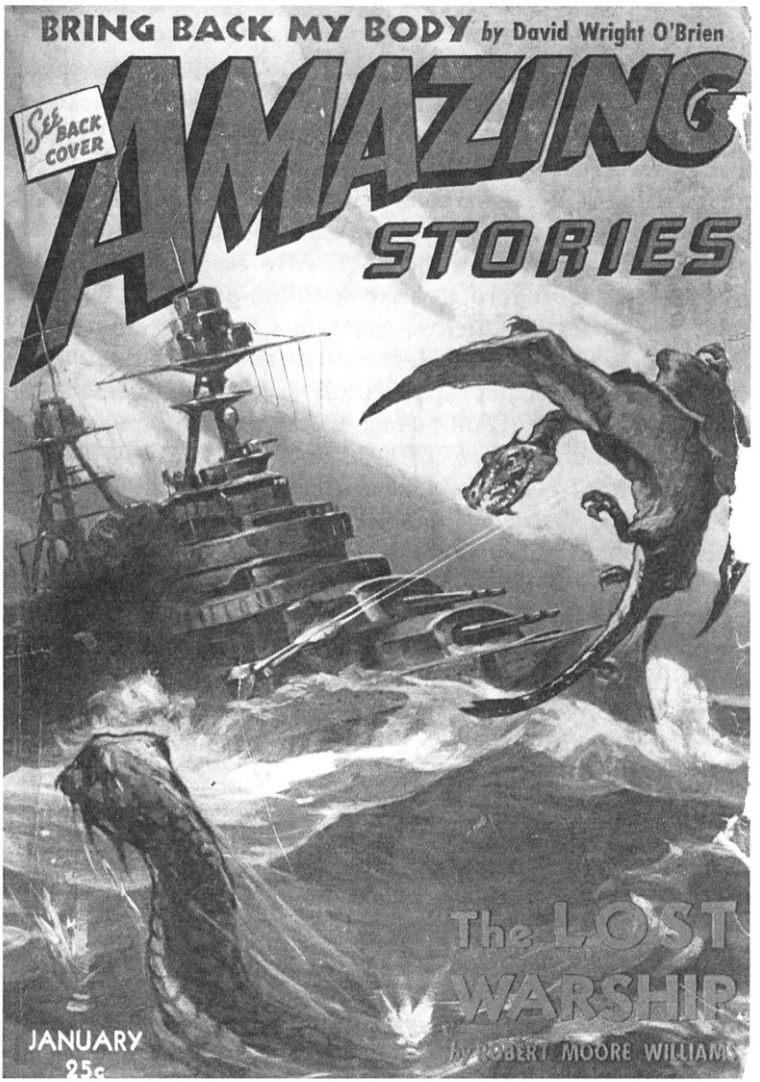
Слим и Занду исчезли. По-видимому, они сами попытались восстановить свои личности и обрести душевное здоровье.

Машину в фургоне коричневого грузовика забрали эксперты из Министерства обороны, которые многократно разбирали и вновь собирали ее, пытаясь понять, как она действует, если вообще когда-то действовала, и гадали, почему они не могут заставить ее работать снова. Доказательством того, что это машина работала, служила гора щебня на том месте, где стоял особняк, принадлежавший известному и уважаемому врачу. Не будь этого щебня, эксперты постарались бы забыть обо всем этом, как о дурном сне. И они очень быстро возненавидели эту проклятую машину!

Киз Ард и Гаэль Дана поженились.

У доктора Джозефа Рикера появился странный консультант, которого никто, кроме него, не видел. Какое-то время, встревоженный вопросом Кутху, кто такой сам доктор Рикер, психолог думал, что в стародавние времена именно он и был Ди-уром. Но после длительных размышлений доктор был вынужден отказаться от этой гипотезы. Нет, он не был Ди-уром. Но, возможно, он и Ди-ур принадлежали когда-то к одному и тому же братству. Братство это с веками распалось, но у всех его членов осталось стремление помогать всем нуждающимся.

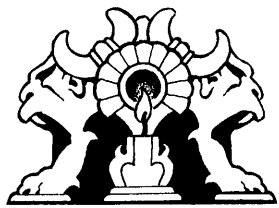
Этим объяснением доктор Рикер остался доволен.

BRING BACK MY BODY by David Wright O'Brien
See BACK COVER
AMAZING STORIES
The LOST WARSHIP
by ROBERT MOORE WILLIAMS
JANUARY
25c

ПРОПАВШИЙ ЛИНКОР

«The Lost Warship»

Журнал «Amazing Stories», №1, 1943

ГЛАВА I. Посреди океана

Солнце взошло над блестевшим, как зеркало, неподвижным морем. В спасательной шлюпке Крэйг сделал навес из куска паруса, чтобы защитить людей от солнца. Он поднял его на вершину импровизированной мачты так, чтобы парус бросал тень на шлюпку. Ветра не было. Его не было уже три дня.

Крэйг поднялся на ноги и обвел взглядом море. Горизонт был чист. Когда он сел, то увидел, что девушка, Марджи Шарп, спавшая у его в ногах, проснулась.

— Что-нибудь увидел? — прошептала она.

Крэйг покачал головой.

Ее осунувшееся лицо побледнело. Она села. Глаза ее невольно уставились на бочонок с водой, стоявший возле Крэйга. Она облизнула пересохшие, растрескавшиеся губы.

— Дашь мне воды? — спросила она.

— Четверть чашки — все, что у нас есть на сегодня, — ответил Крэйг. — Хотите забрать свою долю сейчас или позже?

— Я ужасно хочу пить, — объявила девушка и быстро оглянулась на остальных, находившихся в шлюпке.

Все еще спали.

— Как насчет того, чтобы случайно налить мне полную чашку? — спросила она, уставившись дерзкими голубыми глазами на Крэйга.

Крэйг отвернулся и стал глядеть в море.

— Все спят, — быстро продолжила девушка. — Никто ничего не узнает.

Крэйг промолчал.

— Пожалуйста, — умоляющим голосом протянула она.

Крэйг сидел молча. Он был крупным мужчиной с копной волос цвета темной соломы и твердым взглядом серых глаз. На нем были рваные парусиновые штаны, из которых торчали босые ноги. Рубашка не было. На поясе в кобуре висел тяжелый пистолет.

— Послушай, парень, — продолжала упрашивать девушка. — Мы с тобой могли бы отлично поладить.

— Почему вы так решили? — удивился Крэйг.

Это явно было не тем ответом, которого она ждала. Казалось, она была поражена. Несколько мгновений она сверлила его взглядом.

— Вы искали что-то, чего ужасно хотели, — сказала она. — И не нашли. А поскольку не нашли, то сделались жестоким.

От ее слов Крэйгу стало не по себе. Они были слишком близки к правде. Он пошевелился и изменил позу.

— И что? — спросил он.

— Ничего, — ответила девушка. — Не считая того, что мы — два сапога пара.

— И потому что мы — два сапога пара, мы можем поладить? — с сомнением спросил Крэйг.

— Ну да, — ответила девушка, не скрывая тоски в глазах. — Послушайте, Крэйг, мы с вами... мы сильные. А они, — она презрительно махнула рукой на лежащих в лодке остальных, — они — нет.

— Вот как?

— Да! — и она заговорила быстрее, словно решила высказать все, что хочет, и черт с ними, с последствиями. — Они все равно умрут. Нет, не качайте головой. Вы ни на секунду не одурачили меня притворяясь, что сюда идет корабль, который нас подберет. Не будет никакого корабля. Единственная надежда в том, что мы можем доплыть до какого-нибудь острова. Но пока мы найдем этот остров, пройдет много дней. А у нас мало воды, которой не хватит надолго на всех. Таким образом...

Она не смогла закончить то, что хотела сказать. Крэйг смотрел на нее холодными, безразличными глазами до тех пор, пока она не отвела взгляд.

— Значит, я должен поделиться водой с вами, а остальных оставить умирать от жажды, потому что мы сильные, а они — нет? Вы это имели в виду? — спросил он.

— Нет... — она заколебалась. — Н-нет... — Потом на ее лице появился какой-то вызов. — Да! — бросила она. — Я это имела в виду! Почему мы должны заботиться о них? Мы ничего им не должны. Почему мы должны умереть вместе с ними? Что они —

или кто-то другой, — когда-либо сделали для нас? Я отвечу вам: ничего! Ничего! Ничего!

— И мы позволим им умереть, потому что они ничего не сделали для нас, и еще потому что мы сильные? Вы это имеете в виду?

— Д-да...

Секунду Крэйг сидел молча. Темные мысли бродили у него в голове, но никак не отражались на лице.

— У меня есть пистолет, — сказал он, — единственный пистолет в шлюпке. Это делает меня главным. Почему же я не присвоил себе всю воду и не оставил вас подыхать от жажды?

— Вы бы не сделали этого! — ее лицо стало испуганным.

— Почему? — настаивал Крэйг.

— Потому что... потому что...

— Что вы можете предложить мне такого, что будет стоить чашки воды? — спросил он.

— Я могу предложить вам все, что пожелаете, — ответила она, жадно уставившись на Крэйга.

— Все, что я хочу? Черт побери, девушка...

Крэйг почувствовал себя неловко, и, чтобы избежать ее взгляда, вновь стал глядеть на морскую гладь.

— Что, пора просыпаться? — подал голос один из пассажиров шлюпки.

Это была миссис Миллер, которая лежала в центре шлюпки. Она поднялась на колени и тоже уставилась на море.

— Мне показалось... — прошептала она. — На мгновение мне показалось, что я уже дома. Наверное, это был просто сон, — она закрыла руками лицо, чтобы не видеть моря.

— Пора попить? — спросила она немного погодя, глядя на Крэйга.

— Нет, — отрезал он.

— Но мы всегда пили утром, — воскликнула миссис Миллер.

— Только не сегодня утром, — ответил Крэйг.

— Могу я спросить, почему? Мы... У нас что, кончилась вода?

— Нет, у нас еще есть вода, — без всякого выражения сказал Крэйг.

— Тогда почему я не могу получить ее? Я... Ну, мне кажется, что не стоит нам объяснять, почему мне нужна вода.

Причина этого была известна всем. Миссис Миллер вода была нужна больше, чем всем остальным в шлюпке.

— Извините, — покачал головой Крэйг.

— Но почему?

— Если хотите знать, мы с Марджи решили оставить всю воду себе, — неловко признался Крэйг.

— Будьте вы прокляты, Крэйг! — выкрикнула Марджи Шарп.

— Вы оба решили... оставить себе... воду? — раздельно произнесла миссис Миллер, словно пыталась понять значение этих слов. — А как же... что будет с нами?

— Вас ничего хорошего не ждет, — ответил ей Крэйг.

Он чувствовал, как Марджи Шарп глядит на него с отчаянием, но не стал обращать на это внимание. Взяв оловянную чашку, он подставил ее под кран на боку бочонка и пустил воду тонкой струйкой. Наполнив чашку до половины, он протянул ее Марджи.

— Пейте, — велел он. — Нам с вами двойная порция.

Девушка взяла чашку. Она посмотрела на Крэйга и тут же перевела взгляд на миссис Миллер. Ее пересохшие губы шевельнулись, но не издали ни звука. Потом она уставилась на воду, и Крэйг видел движение ее горла, когда она попыталась сглотнуть.

Миссис Миллер ничего не говорила. Она глядела на Крэйга и девушку так, словно не понимала, что происходит.

— Будьте вы прокляты, Крэйг! — повторила Марджи.

— Буду, а вы пейте, — подтвердил Крэйг. — Вы же этого хотели, не так ли?

— Д-да...

— Тогда пейте!

— Вы, чертов... — на глаза девушки навернулись слезы.

Пока Крэйг глядел на нее безразличным взглядом, она отвернулась и подползла туда, где сидела миссис Миллер.

— Крэйг дразнит нас, — тихо сказала она. — Он постоянно всех дразнит. Он налил эту воду для вас. Возьмите, миссис Миллер.

— Спасибо, дорогая, огромное вам спасибо.

Миссис Миллер медленно, небольшими глотками пила воду. Марджи Шарп наблюдала за ней. Крэйг видел, что девушка вся

дрожит. Когда миссис Миллер выпила воду, Марджи взяла у нее чашку, повернулась и... швырнула чашку Крэйгу в лицо.

— Я убью вас! — выкрикнула она.

— Я дал вам то, чего вы хотели.

Голос его был безразличным, но глаза внимательно следили за ней. Зарыдав, Марджи Шарп упала на днище лодки и закрыла руками лицо.

— Держите, — продолжал Крэйг.

Марджи повернулась. Он протягивал ей чашку воды.

— Но я... я же отдала свою порцию миссис Миллер, — прошептала она.

— Знаю, — кивнул Крэйг. — Только это была моя порция.

— Но...

— От воды меня пучит, — сообщил он. — Держите.

Девушка выпила воду и посмотрела на Крэйга. Глаза ее сияли.

Крэйг протянул руку и потрепал девушку по плечу.

— Вы выдержите, Марджи, — заверил он. — Вы выдержите.

Шлюпка скользила по морской глади, точнее, по Тихому океану, бесцельно дрейфуя к какому-то неизвестному берегу, постоянно подпрыгивая вверх и вниз, что создавало иллюзию, словно она плывет вперед. Но пустая консервная банка, выброшенная из шлюпки три дня назад, по-прежнему плавала рядом. Из воды выскочила стайка летучих рыб, спасающихся от какого-то невидимого под водой преследователя с ненасытной утробой, и понеслась над волнами.

Кроме Крэйга, Марджи Шарп и миссис Миллер, в шлюпке было еще трое мужчин. Молодой блондин Инглиш, Михаэльсон, в облике которого проскальзывало что-то птичье и который, казалось, не понимал, что происходит вокруг, а может, ему было все равно, и Воронов, отличительной чертой которого был вороватый взгляд. Инглиш был ранен. Он сидел, прислонившись к борту шлюпки, а потом внезапно закричал, тыча рукой куда-то вперед:

— Глядите! Глядите! Там дракон! Летающий дракон!

— Спокойно, старик, — мягко сказал Крэйг.

Инглиш был не в себе уже пару дней. Рана его воспалилась от какой-то инфекции, с которой не могли справиться простые лекарства, входящие в аптечку спасательной шлюпки.

— Дракон! — кричал молодой человек. — Он может напасть на нас!

Он уставился на что-то в небе.

Крэйг достал пистолет.

— Если дракон прилетит, я застрелю его, — заверил он, взмахнув пистолетом. — Видишь, это оружие!

— Пистолетом не остановить такого дракона, — пробормотал Инглиш. — О-о!..

Глаза его расширились от страха, словно он увидел что-то в небе. И он бросился на дно шлюпки, как люди, попавшие под бомбардировку в открытом поле, бросаются на землю и ждут, пока на них упадет бомба. Через пару минут Инглиш снова сел. На лице его появилось облегчение.

— Улетел, — пробормотал он. — Пролетел мимо и не заметил нас.

— Не было никакой опасности, — по-прежнему мягко сказал Крэйг. — Он бы нам не повредил. Это был ручной дракон.

— Ручных драконов не бывает! — презрительно ответил молодой человек и внезапно уставился на море. — Там змея! — завопил он. — Громадная змея! Там, в воде, ее голова!..

— Бедный мальчик, — прошептала Марджи Шарп. — Неужели мы ничего не можем сделать для него?

— Боюсь, что нет, — вздохнул Крэйг. — Можете дать ему немного воды.

Он плеснул в чашку щедрую порцию и смотрел, как девушка передает ее молодому человеку, который жадно выпил воду.

Поднялись Михаэльсон и Воронов, разбуженные криками молодого человека. Михаэльсон равнодушно посмотрел вокруг, словно птица, которая очутилась в странном лесу и думает, как выбраться из него. Затем он достал из кармана маленький черный блокнот и принялся изучать его. С тех пор, как он очутился в спасательной шлюпке, он все время изучал этот блокнот, игнорируя все остальное.

— Ну и зачем тратить на него воду? — сухо спросил Воронов, кивнув на Инглиша, пока Марджи Шарп держала у его губ чашку.

— Что? — с удивлением переспросил Крэйг.

— С ним все покончено, — твердо сказал Воронов.

Казалось, он счел это заявление достаточным и не собирался больше ничего объяснять.

В глазах Крэйга появился холодный блеск.

— Значит, нам не нужно зря тратить на него воду? — переспросил он. — Вы это имеете в виду.

— Именно это я и имею в виду, — ответил Воронов. — Зачем зря тратить воду на покойника. У нас ведь нет лишней воды.

— Идите к черту! — презрительно бросил Крэйг.

— Вы можете так говорить, потому что у вас пистолет, — заметил Воронов.

Лицо Крэйга побледнело от гнева, но он сдержался.

— Если вы считаете, что можете насмешками заставить меня отдать оружие, то ошибаетесь, — вздохнул он. — А пока что я распределяю воду и думаю, что вы с Михаэльсоном хотите получить свои порции. Так что идите на корму и получите свою порцию.

— Вода? — рассеянно пробормотал Михаэльсон. На спор он не обратил внимания, но, услышав свое имя, завертел головой и заулыбался. — Вода? Да, наверное, мне бы хотелось получить ее.

Он прошел на корму, и Крэйг подставил под кран оловянную чашку. Вода потекла тонкой струйкой. Крэйг недоуменно уставился на нее. Струйка тут же иссякла. Вода перестала бежать. Ужас сжал его сердце. Крэйг схватил бочонок потряс его, затем поставил на место.

Михаэльсон уставился на несколько капель воды в чашке.

— В чем дело? — спросил он. — Это все?

— Бочонок пуст, — объявил Крэйг.

— Пуст? — изумленно спросил Михаэльсон. — Но вчера вы сказали, что в нем еще четверть.

— Это было вчера, — сказал Крэйг. — А сегодня в нем оказалось меньше двух чашек воды.

После его слов в шлюпке наступила тишина. Он чувствовал, как четыре пары глаз, не отрываясь, глядят на него. Он поднял бочонок и осмотрел его, чтобы понять, не протекает ли он. Бочонок не протекал. Когда Крэйг поставил его на место, все продолжали глядеть на него. И теперь в их глазах читалось обвинение.

— Вы сами назначили себя раздатчиком воды, — заявил Воронов.

Крэйг ничего не ответил.

— Вчера вечером, когда мы уснули, вы выпили всю воду? — предположил Воронов.

— Я такого не сделал! — с жаром воскликнул Крэйг. — Да черт вас побери...

Воронов замолчал. Крэйг оглядел всех сидящих в шлюпке.

— Не знаю, что произошло с водой, — протянул он. — Но я ее точно не пил...

— Тогда куда она девалась? — спросил Михаэльсон.

Он высказал то, о чем подумали все. Если Крэйг не взял воду, то куда она девалась? Вода закончилась, бочонок не протекал, и его охранял Крэйг.

— А мне показалось, что вы хороший парень, — сказала Марджи Шарп, направляясь на корму.

— Честное слово, я не пил этой воды, — сказал Крэйг.

— Честное слово? — передразнила она. — Неудивительно, что вы были так щедры, отдав мне утром свою порцию. Вы уже напились до отвала.

Голос ее звучал твердо, в нем слышалась горечь.

— Можете думать, что хотите, я не могу вам это запретить, — фыркнул Крэйг.

— Надеюсь, вам будет приятно глядеть, как мы умираем от жажды, — сказала девушка.

— Замолчите!

— Не замолчу. Я буду говорить все, что хочу. И вы не заткнете мне рот. Слышите? Не заткнете!

Она была на грани истерики, и Крэйг позволил ей кричать. Он никак не мог остановить ее без применения силы. Поэтому он остался сидеть, безмолвный и безразличный. Вот только глаза у него горели, а в голове билась единственная мысль: что же случилось с водой?

Шлюпка дрейфовала. Михаэльсон бросил попытки выяснить, что же произошло, поскольку потерпел в этом неудачу, и вернулся к чтению своего блокнота. Воронов украдкой следил за Крэйгом. Инглиш потерял сознание. Миссис Миллер стояла в центре шлюпки, всматриваясь в горизонт, ища на нем парус, следы дыма или признаки суши. Марджи Шарп

лежала на дне у ног Крэйга. Она не двигалась, лишь время от времени вздрагивали ее плечи, когда рыдания сотрясали тело.

«Ну ладно, — думал Крэйг. — Наверное, это все. Наверное — это конец. Последняя остановка, где все должны выходить. Но интересно, что же происходит с нами после смерти?»

Потом он пожал плечами. Никогда раньше его не интересовало, что произойдет после того, как он умрет, и было слишком поздно интересоваться этим теперь.

Он был так погружен в свои мысли, что не услышал самолета, пока тот не начал снижаться прямо к ним. Рев двигателей заставил его поднять голову вверх. По маркировкам на крыльях Крэйг увидел, что это американский военно-морской самолет.

Все на шлюпке вскочили на ноги и начали хрипло кричать. Пилот покачал крыльями и полетел назад. А на далеком горизонте были видны очертания военного корабля, плывущего в их сторону. Крэйг приставил к носу растопыренные пальцы и пошевелил ими.

— Мы победили тебя, — сказал он морю.

Он знал, что на самом деле они не победили море. Просто им улыбнулась удача. А у удачи есть свойство то улыбаться людям, то оставлять их на произвол судьбы.

ГЛАВА II. Когда взошло солнце

— Капитан хочет вас видеть, — объявил моряк.

Крэйг небрежно загасил сигарету и встал. Он ел и пил экономно, очень маленькими порциями. Его попытались положить в корабельный лазарет вместе с остальными, но он грубо отказался. С ним все в порядке, будет нужна лишь еда и вода.

Он пошел за моряком к капитанской каюте. Попутно он машинально осматривал судно. Это был линкор «Айдахо», одно из новых судов. Крэйг предположил, что линкор из флотилии, ведущей разведку в южной части Тихого океана. Крэйг видел, что линкор хорошо укомплектован, все люди на местах занимались повседневной работой.

Капитан линкора оказался рослым, подтянутым человеком. Когда Крэйг вошел к нему в каюту, он встал, улыбнулся и протянул руку.

— Я капитан Хиггинс, — сообщил он.

Крэйг взглянул на него, кашлянул, затем усмехнулся и пожал протянутую руку.

— Привет, Вонючка, — сказал он. — Рад видеть тебя.

— Вонючка! — воскликнул Хиггинс. — Послушайте...

— Не будь занудой, — засмеялся Крэйг.

Хиггинс уставился на него, и на его лице появилась неуверенная улыбка.

— Крэйг! — прошептал он. — Уинстон Крэйг! Мне надо выпить.

— Да, мне тоже, — отозвался Крэйг.

Капитан Хиггинс достал виски. Они выпили его неразбавленным.

— В каких же краях ты был? — спросил Хиггинс.

— Золото, — ответил Крэйг. — Борнео. — Его лицо потемнело. — А потом с севера появились наши смуглые братишки.

— Я знаю, — помрачнел Хиггинс. — Они напали и на Пирл-Харбор. Они заставили вас бежать с Борнео?

— Я ушел, — поправил Крэйг.

— Но ты был в спасательной шлюпке. Что же случилось?

— Случились японские бомбардировщики. Они напали на корабль, на котором я плыл. К счастью, нам удалось спустить на воду несколько шлюпок...

— Понятно. А где остальные шлюпки?

— Расстреляны из пулеметов, — вздохнул Крэйг. — Потом начался дождь, так что они потеряли шлюпку, в которой был я. — Он пожал плечами. — Мы десять дней провели в этой лодке. Я уже считал камешки в Жемчужных Вратах Рая, когда появился ваш самолет. Но хватит обо мне. А как дела у тебя?

Хиггинс пожал плечами.

— Да как дела? Сам можешь видеть.

Крэйг кивнул. Он сам уже много увидел. Парень, известный когда-то в Аннаполисе под кличкой «Вонючка», стал капитаном боевого корабля.

— Я слышал, ты комиссовался через год после окончания академии, — сказал Хиггинс.

— Да, — сухо подтвердил Крэйг.

— Ничего, если я спрошу, почему?

— Да нисколько. Мне просто нужно было кое что сделать. и не хотелось, чтобы это выглядело так, будто я выступаю от имени флота. Так что...

Все было не совсем так, как сказал Крэйг. Кое-что важное он оставил невысказанным. Он был выпускником Военно-морской академии в Аннаполисе. Они с Вонючкой Хиггинсом учились в одном классе. Но Хиггинс остался во флоте. А Крэйг не мог вынести монотонности армейской службы. Он с детства мечтал о перемене мест и всегда хотел увидеть то, что находится за пределами далекого горизонта.

— Значит, ты искал золото? — спросил капитан Хиггинс.

— Да.

— И могу я спросить, что ты собираешься делать теперь?

— Конечно, — ответил Крэйг. — Поеду в Штаты и вернусь на флот, если меня, конечно, возьмут.

— Если тебя возьмут? — усмехнулся Хиггинс. — Да тебя с руками там оторвут. Они взяли бы хоть миллион таких, как ты.

— Спасибо.

В дверь постучали.

— Что вам? — спросил Хиггинс вошедшему помощнику.

— Один из тех, что мы подобрали в спасательной шлюпке, хочет вас видеть, сэр.

— По какому вопросу?

— Он не сказал этого, сэр. Он настаивает, что это очень важно. Его зовут Михаэльсон, сэр. Могу я его привести?

— Да. Я немедленно приму его.

Помощник отдал честь и ушел.

— Кто такой этот Михаэльсон? — спросил Хиггинс у Крэйга.

— Не знаю, — пожал плечами Крэйг. — Просто пассажир в спасательной шлюпке. Мы не спрашивали друг у друга родословных. Я только могу сказать, что он очень странный. — ИКрэйг рассказал, что Михаэльсон постоянно изучает записи в своем блокноте.

Капитан нахмурился.

— Есть всемирно известный ученый Михаэльсон, — заметил он. — Но не думаю, что это он.

— А может быть, и он, — возразил Крэйг. — Это ведь южные моря. Здесь может быть все, что угодно... — Он резко замолчал, потому что по кораблю прокатился громкий звук.

Прошло много лет с тех пор, как он слышал этот звук, но немедленно узнал его. Это был сигнал боевой тревоги! И значил он лишь одно — «Айдахо» начинает бой. При этой мысли по жилам Крэйга промчался огонь. Он вопросительно взглянул на капитана, но тот уже разговаривал по телефону.

— Приближаются японские бомбардировщики, — объяснил Хиггинс, вешая трубку на крючок. — Пойдем.

Наверное, это было впервые в военно-морской истории, когда босой, с неприкрытой головой человек, единственным предметом одежды которого были лишь грязные парусиновые штаны, стоял на капитанском мостике рядом с командиром линкора. Капитану Хиггинсу было наплевать, во что одет Крэйг, а его офицеры, если им и было не наплевать, были слишком вежливы, чтобы показывать это. А скорее всего, их это действительно не заботило. У них были совсем иные проблемы.

Крэйг увидел эти проблемы: далеко в небе ряд крошечных черных точек. Пока что они походили на комаров. Японские бомбардировщики. Крупные машины с четырьмя двигателями.

По-прежнему звучал сигнал тревоги, и «Айдахо» оживал от этого звука. Тридцать пять тысяч тонн стали готовились к бою. Крэйг почувствовал пульсацию под ногами, когда двигатели быстрее закрутили винты. Судно двинулось вперед. Полторы тысячи человек разбежались по своим местам. Орудия в больших башнях стали двигаться, надеясь найти для себя цели на горизонте. «Айдахо» был современным кораблем, оснащенным зенитками, черные морды которых начали шарить по небу.

Один из офицеров глядел в бинокль.

— Семнадцать, сэр, — сказал он. — Я еще не уверен, но думаю, что за первой эскадрильей летит вторая.

«Айдахо» входил в экспедиционный корпус, включавший в себя авианосец, крейсеры и несколько эсминцев. Авианосец Крэйг видел вдалеке. Он уже разворачивался, по его

палубе бежали и прыгали в небо черные мошки — самолеты-истребители. Крейсеры и эсминцы занимали положенные места вокруг авианосца и «Айдахо», чтобы присоединить свое зенитное заграждение к орудиям, находящимся на больших кораблях.

— Три минуты, — раздался чей-то спокойный голос. — Они уже начали разгон.

Заговорили зенитки. Крэйг оглох и зажал руками уши. Из флота он ушел еще до того, как зенитки стали устанавливать на кораблях. Он слышал рев больших башенных орудий, но впервые отрывистый лай зениток, обстреливающих самолеты. Если бы сотня яростных бурь сосредоточилась в одном месте, то и тогда рев торнадо не был бы таким оглушительным. Грохот выстрелов эхом отдавался в голове, от него лязгали зубы. Крэйг чувствовал, как палуба трясется под ногами.

Высоко над головами черные точки расцветали в небе, как смертоносные цветы.

Бомбардировщики продолжали приближаться.

Разрывы зениток встали у них на пути. Смерть была в небе, пытаясь ущипнуть черных стервятников, мчавшихся со скоростью ветра, стремясь добраться до цели. Из одного самолета вдруг брызнули во все стороны фонтаны дыма.

Крэйг понял, что, очевидно, прямое попадание подорвало бомбы, лежавшие в бомбовом отсеке. Обломки самолета повисли в небе, медленно планируя вниз.

А над заградительным огнем зениток пронеслись блестящие в солнечных лучах мошки истребителей. И бросились вниз.

Один бомбардировщик вышел из строя. У него оторвалось крыло, и он начал бешено вращаться. За другим потянулся шлейф черного дыма, и он начал быстро терять высоту.

Но другие так и не сменили свой курс.

Внезапно на мостике появился Михаэльсон.

Крэйг не знал, как он там очутился, но оказался вдруг среди них, подпрыгивая и размахивая своим блокнотом.

— Опасность!.. — закричал он во весь голос. — Нужно убираться отсюда!..

Громоподобный рев зениток заглушил его дальнейшие слова. Никто не обращал внимания на Михаэльсона. Все глядели в небо.

Самолеты сбросили бомбы.

По каким-то причинам они не рвались к своей обычной цели — авианосцу. Возможно, это должен был сделать второй эшелон. А первый начал бомбить линкор.

Их целью был «Айдахо».

Крэйг ощутил, как задрожал корабль, пытаясь лавировать, чтобы уклонится от бомб. Эсминец мог бы начать кружить, но 35 000 тонн линкора не так-то легко развернуть.

Бомбы падали. Крэйг видел их в воздухе — маленькие черные точки, растущие буквально на глазах. Истребители пробили прорехи в боевых порядках бомбардировщиков. Мало кто из японских самолетов вернется на базу. Но они уже сделали свое дело.

Бомбы упали... И начали рваться вокруг корабля. Четыре или пять рванули очень близко, но прямого попадания не было ни одного. Из моря вдруг вылетели струи воды, а горизонт, казалось, окружила стена пламени. Это было странное, пляшущее, ослепительно-синее пламя, похожее на гигантскую дугу электросварки.

Даже сквозь рев разрывов Крэйг услышал оглушительный треск, напоминающий звук рвущейся ткани. Только этот треск был такой громкий, что человек, рвущий громадное полотнище ткани должен былбыть немыслимым гигантом.

Синий свет становился все ярче, и вдруг вспыхнул совсем уж ослепительно. В то же время солнце сорвалось с места и скакнуло вверх по небу!

«Я схожу с ума! — мелькнуло в голове Крэйга. — Может, в корабль попала бомба, — подумал он. — Может, это просто предсмертный кошмар? Я умираю, и мой угасающий разум заставляет видеть, как солнце запрыгнуло на небо?»

Ведь солнце так себя не ведет.

Но оно продолжало висеть высоко, почти в самой верхней точке, показывая, что сейчас должно быть два часа дня.

Тонны воды хлынули на нос корабля. По палубе прокатились волны. «Айдахо», казалось, погрузился на несколько футов в воду и теперь, благодаря плавучести, пытался подняться из моря, таща за собой гигантские массы воды.

Дул ветер. Только что никакого ветра не было, и вдруг чуть ли не ураган завыл в надстройках корабля.

На море было сильное волнение. Только что оно было гладким, как зеркало, но теперь вдруг покрылось большими белыми барашками.

Итак, взорвались бомбы, вспыхнул ослепительный синий свет, раздался треск, словно какой-то гигант рвал небо, налетел шквал, и море покрылось волнами с белыми барашками, а солнце стремглав забралось высоко в небо.

Крэйг посмотрел вверх, ища второй эшелон бомбардировщиков. По небу неслись облака, но в поле зрения не было никаких бомбардировщиков.

Зенитные батареи, внезапно потеряв цель, прекратили стрельбу. На корабле стало тихо, не считая завываний ветра в надстройках. Тишина больно давила на уши. Офицеры на мостике застыли, как статуи. Они казались парализованными.

Корабль плыл сам по себе.

— Ч-что с-случ-чилось с яп-пошками? — услышал Крейг ошеломленный голос одного из офицеров.

— Да, куда девались бомбардировщики?

— И откуда этот ветер?

— Минуту назад не было никакого ветра.

— Глядите, все море покрыто белыми бурунами!

— Что-то произошло с солнцем. Я... Я почти уверен, что видел, как оно вдруг переместилось.

Послышались ошеломленные, изумленные голоса.

— А где, черт побери, авианосец? — раздался голос капитана Хиггинса. — И где остальная эскадра, крейсеры и эсминцы? Что с ними случилось?

Крэйг посмотрел туда, где он последний раз видел авианосец, с которого взлетали самолеты.

И не поверил своим глазам.

Авианосец исчез.

И крейсеры с эсминцами, которые нарезали пенные круги вокруг его и линкора, тоже исчезли.

«Айдахо» шел вперед по странному морю. Вокруг не было ничего — от горизонта до горизонта. Эскадра, в которую входил корабль, исчезла, как и нападавшие японские самолеты. Офицеры были ошеломлены. Но постепенно брала свое долгая выучка, и моряки справились с паникой. Капитан Хиггинс велел сбавить скорость. Теперь корабль едва-едва

плелся на случай мелководий или рифов. Главный вопрос донимал всех: что произошло? Капитан Хиггинс велел нарушить радиомолчание. На корабле была мощная радиостанция, достаточно сильная, чтобы связаться с американским материком.

Но на радиосигналы не было никакого ответа. Радисты сообщили, что сумели поймать лишь статические разряды. В эфире не было ни рекламы, никаких радиопередач. Такое было невозможно.

Чувствуя растущее замешательство, капитан Хиггинс велел катапультировать в воздух самолет, чтобы осмотреть близлежащие воды. Тем временем полученные изо всех отсеков корабля отчеты показали, что «Айдахо» не получил от бомбардировки никаких повреждений. Он был в полном порядке. Но команда оказалась ошеломлена. Моряки могли бы понять, если бы потерпели поражение в сражении. Они не дрогнули бы, если бы корабль стал тонуть. Они, если бы потребовалось, стали бы бесстрашно бороться со смертью.

Крэйг был все еще на мостике вместе с капитаном Хиггинсом и остальными офицерами. Он тоже испугался, хотя и старался не показывать страха. Он наблюдал, как самолет-разведчик взлетает вверх, выброшенный катапультой, и тут мрачная мысль пришла ему в голову, что вот так же когда-то Ной, оказавшись в подобном положении, посылал из ковчега голубя. Как и Ной, капитан Хиггинс посылал своего голубя, чтобы обследовать окружающее море.

Кроме Крэйга, на мостике было еще одно гражданское лицо, Михаэльсон. Никто не обращал на него внимания. Обычно, если бы он вторгся без разрешения в это священное место, его бы выкинули отсюда быстрее, чем он успел бы моргнуть. Но сейчас у офицеров было о чем подумать, помимо неизвестного гражданского лица, которое что-то бормотало. Михаэльсон, тщетно пытаясь обратить на себя внимание то одного, то другого офицера, обратился, наконец, к Крэйгу, размахивая своим блокнотом.

— Эти люди не уделяют мне никакого внимания, — пожаловался он, кивая на офицеров.

— У них свои проблемы, — ответил Крэйг. — Они столкнулись с чем-то, что сводит их с ума.

— Но я мог бы помочь им решить эти проблемы! — раздраженно заявил Михаэльсон.

— Решить? О чем вы говорите? — рявкнул Крэйг.

— Я могу рассказать, что произошло, если только меня станут слушать. Я пытался предупредить вас до того, как это случилось, но не смог вовремя добраться до мостика.

— Вы... Вы знаете, что произошло? — сдавленно спросил Крэйг.

— Конечно! — решительно ответил Михаэльсон.

Крэйг уставился на этого человечка. Михаэльсон не был похож на знаменитого ученого, но разговаривал на превосходном английском, и даже если казался странным, то явно не был глуп. Крэйг вспомнил, что Михаэльсон действительно рвался на мостик как раз перед тем, как бомбардировщики нанесли удар, и что он даже пытался поговорить с капитаном, но времени на разговор не хватило. Тогда Крэйг подошел к офицерам.

— Капитан Хиггинс... — начал он.

— Не мешай мне сейчас, Крэйг, — рявкнул капитан.

— Тут человек, который хочет поговорить с вами, — продолжал Крэйг.

— У меня нет времени... — И тут капитан впервые обратил внимание на Михаэльсона. — Кто вы, черт побери? — рявкнул он. — И что делаете на мостике?

— Именно он и хочет с вами поговорить, — объяснил Крэйг. — Его зовут Михаэльсон.

Михаэльсон застенчиво улыбнулся.

— Возможно, вы слышали обо мне, — начал он.

— Вы тот самый ученый Михаэльсон, которого называют вторым Эйнштейном? — спросил Хиггинс.

Михаэльсон покраснел.

— Я ученый, — сказал он. — Что же касается второго Эйнштейна, то нет. Есть только один Эйнштейн. И второго быть не может. Но так уж вышло, что я могу помочь вам с вашей проблемой.

Крэйг видел, как изменилось выражение лиц офицеров. Они явно слышали о Михаэльсоне. И когда они узнали, что именно он стоит на мостике, то начали почтительно глядеть на него.

— Если вы можете помочь нам — валяйте, — резко объявил Хиггинс.

— Я попытаюсь, — ответил ученый и сморщил губы, став вдруг задумчивым. — Если вы знакомы с геологией, то, бесспорно, знаете кое-что о разломах. Разломы — это такие трещины в базальтовом слое, на котором лежит вся земная поверхность. Например, разломом является Большой Каньон Сан-Андреа в Калифорнии.

— Извините, мистер Михаэльсон, — прервал его Хиггинс. — Если вам есть что нам сказать, говорите. Но не надо сейчас читать лекции по геологии.

— Чтобы объяснить неизвестное, надо начинать с чего-то знакомого, — ответил ученый. — Разломы земной коры общеизвестны, и когда я буду говорить о них, вы поймете меня. Однако есть и другой вид разломов, которые пока еще неизвестны. О них знают некоторые ученые, вернее, скорее предполагают об их существовании. — Он сделал паузу. — Я говорю о пространственно-временных разломах.

На лицах офицеров ничего не отразилось. Крэйг нахмурился, но слушал с повышенным интересом. Пространственно-временные разломы? Что имел в виду Михаэльсон?

— Вы не прочитаете о пространственно-временных разломах ни в одной научной работе, — продолжал Михаэльсон. — По этому предмету пока еще нет никакой литературы. Некоторые неустойчивые явления, из которых самым важным явилось замедление скорости света в определенных областях Земли, заставили ученых начать думать о существовании некоего странного состояния пространства-времени, которое является причиной такого явления. Скорость света считается постоянной, однако в определенных местах, без всяких причин, свет, кажется, перемещается медленнее, чем в других. Но каковы причины этого странного замедления? Изучение этого явления открыло существование того, что я назвал пространственно-временным разломом.

— Пожалуйста, мистер Михаэльсон, — повторил капитан Хиггинс. — Мы не ученые. Со всем уважением к вашим способностям, я вынужден просить вас быть ближе к теме.

— Хорошо, — сказал ученый. — Мы попали в пространственно-временной разлом. Я проводил определенные исследования поблизости, пытаясь определить границы того, что будет, как я надеюсь, впоследствии названо Разломом

Михаэльсона. При обычных обстоятельствах корабль, вероятно, прошел бы через разлом, ничего не заметив, хотя я подозреваю, если брать во внимание исчезнувшие суда, что не все корабли благополучно минуют разломы. В нашем случае было достаточно взрыва бомб, чтобы вызвать мгновенное смещение пространственно-временного баланса в этой области, так что в итоге, нас закинуло в этот разлом.

Он замолчал и с надеждой посмотрел на свою аудиторию. Он явно считал, что исчерпывающе объяснил то, что произошло, и ожидал, что офицеры тут же поймут его. Но они не поняли.

В наступившей тишине Крэйг внезапно осознал, о чем говорит ученый, и почувствовал холодок, пробежавший у него по спине. Если он правильно понял Михаэльсона...

— Нас закинуло в разлом? — спросил один лейтенант. — Я не понимаю. Что вы имеете в виду?

— Что я имею в виду? — переспросил Михаэльсон. — Я имею в виду, что мы прошли через разлом.

— Но что это значит?

— То, что мы прошли сквозь время!

Крэйг почувствовал растущее напряжение, когда услышал эти слова. Значит, он правильно понял Михаэльсона! Как раз этого он и боялся. Он видел по лицам офицеров, что они или не поняли того, о чем говорит ученый, или не хотят этому поверить.

— Прошли сквозь время! — воскликнул кто-то. — Но это просто смешно.

— Это ваше дело, — пожал плечами Михаэльсон. — Вы просто хотите, чтобы это было не так. Вы надеетесь, что мы не проходили сквозь время, поэтому заявляете, что это неправда.

— Но если мы прошли сквозь время, то насколько далеко и в каком направлении? — поинтересовался капитан Хигинс.

— Я не могу сказать, насколько далеко, — ответил Михаэльсон. — А вот насчет направления нет сомнений — только в прошлое. Пространственно-временные разломы могут вести лишь в прошлое. Что касается расстояния, пройденного нами в пространстве, — это могут быть несколько футов. А вот во времени расстояние может составлять сто тысяч лет, миллион или даже десять миллионов. — Он достал свой

блокнот. — У меня здесь записаны кое-какие данные, но их недостаточно, чтобы определить, на сколько именно мы провалились в прошлое.

Крэйг похолодел, как еще не бывало в его жизни. Они прошли сквозь время! Ему отчаянно не хотелось верить в то, что ученый знает, о чем говорит. Он пробежал взглядом по линкору. Конечно, такая масса стали не могла пройти через время! Но... солнце рывком поменяло место на небо, неизвестно откуда налетел ураганный ветер — он все еще свистел в оснастке корабля. Спокойное море мгновенно превратилось в штормовое. А радио молчало.

Прав ли на самом деле Михаэльсон? Или он просто псих ненормальный? Крэйг не мог принять доводы ученого. Пространственно-временной разлом казался ему невозможным. Но ведь он не сомневался в существовании разломов земной коры. Крэйг своими глазами видел несколько мест, где в горах разверзлись провалы. А если существовали разломы земной коры, то почему бы не быть и разломам пространства-времени?

На лицах офицеров было написано сомнение. Крэйг видел, как они неловко отворачиваются друг от друга, чтобы окинуть взглядом линкор. Корабль был их маленьким мирком, и вид его успокаивал.

Внезапно краешком глаза Крэйг увидел, как что-то летит над морем. И одновременно закричал наблюдатель на форпике.

— Боюсь, теперь уже нет сомнений, что мистер Михаэльсон прав. Глядите, — сказал Крэйг, показывая куда-то вверх.

В небе на ветру парила гигантская птица-ящерица. Разинув зубастый клюв, она молотила по воздуху кожистыми крыльями. Это было существо из далекого прошлого.

И одно его существование доказывало, что Михаэльсон прав.

«Айдахо» вместе со всей командой действительно прошел через пространственно-временной разлом и попал в доисторический мир!

ГЛАВА III. Возвращение голубя

Вокруг корабля летало уже с десяток больших ящериц. Может, они принимали корабль за врага и поэтому атаковали его, или они считали, что здесь найдется им пища. Но так или иначе, они должны были напасть на него. И напали. Они кружили в воздухе, взмывая все выше, а затем вдруг пикировали сверху, раскрыв зубастые пасти и пронзительно крича.

Зенитки легко сбили несколько тварей.

Группа офицеров на мостике напряженно наблюдала за этой бойней. Они знали, что оружие, которое было на «Айдахо», может противостоять любому обитателю земли, неба или воды в этом мире. Они не боялись животных из странного времени, в котором вдруг очутились.

Самолет-разведчик, отправленный на поиски суши, все еще не возвращался.

Все офицеры «Айдахо» думали об одном и том же, и капитан Хиггинс озвучил их мысли.

— Мистер Михаэльсон, — медленно проговорил он, — я не могу с вами спорить. Я вынужден считать, что мы совершили путешествие во времени. Однако я отвечаю за этот корабль. «Айдахо» нужен там, откуда мы пришли. И я хочу вернуть его обратно. Как мы можем это сделать?

Ученый заколебался. Ему явно не хотелось говорить то, что он должен был сказать. Наконец он покачал головой.

— Я очень сомневаюсь, что мы сможем вернуться обратно, — сказал он.

— Но мы должны вернуться! — настаивал Хиггинс.

— Знаю, — сочувственно вздохнул Михаэльсон. — Проблема в том — как?!

— Вы хотите сказать, что нет никакого способа для возвращения?

— Если и есть, я не знаю его, — пожал плечами ученый.

— Но разве у вас нет каких-либо предположений? В конце концов, это же ваша область. Вы ученый!

— Это моя область, но даже я почти ничего не знаю о подобных явлениях. Об истинном характере пространственно-временного континуума почти ничего не известно. Ученые

лишь недавно догадались о существовании пространственно-временных разломов. Мы попали в этот разлом случайно, в результате неудачного стечения обстоятельств. Я просто не знаю, сумеем ли мы воссоздать эти обстоятельства и вернут ли они нас в наше время. И никто не знает.

Офицеры «Айдахо» восприняли эту информацию без всякого удовольствия. Крэйг почувствовал жалость... В конце концов, у некоторых моряков были жены, и почти у всех — друзья в Соединенных Штатах. В тех Соединенных Штатах, которых еще не существовало. Трудно было осознать, что Колумб не отправился в плавание на запад, и не отправится еще... столько сотен тысяч лет?

Должна пройти вся история человечества прежде чем появится Америка. И если верна теория о дрейфе континентов, то не было еще даже Американского континента, он еще был соединен с Европой. В мире еще не существовало таких городов, как Вавилон и Ниневия, Карнак и Фивы, Рим и Лондон....

Люди на корабле оказались, вероятно, единственными людьми на всей Земле. Здешние люди еще не стали людьми, их, вероятно, вообще еще не существовало. Неандертальцы, кроманьонцы, питекантропы и пильтдаунский человек еще не появились на планете!

— Насколько я понял, мы как раз проплывали через пространственно-временной разлом, когда взрыв бомб закинул нас в прошлое, — протянул один офицер. — Это так?

— Это так, — сказал Михаэльсон.

— Тогда почему бы не определить местонахождение этого разлома и не произвести подобные взрывы? — спросил офицер. — Есть ли шанс на то, что это путь для возвращения «домой»?

— Не знаю, — откровенно ответил ученый. — Может, это сработает, а может, и нет. Конечно, мы можем попробовать, и если ничего не получится, мы ничего не потеряем. Тем временем я просмотрю свои данные и подумаю, сумею ли вычислить то, чего мы хотим.

Михаэльсон повернулся и ушел с мостика. Моряки постепенно приходили в себя. Еще один офицер взволнованно спросил:

— Как же мы отыщем этот разлом? Мы же его не видим. И не чувствуем. Как мы поймем, что добрались до нужного места?

— Обшарим весь квадрат, — сказал Хиггинс. — Мы отплыли недалеко, и место разлома найти будет нетрудно. А может, мы все еще находимся в нем.

Офицеры начали четко отдавать приказы. План состоял в том, чтобы вернуть корабль в то место, где он был, когда взорвались бомбы, а затем использовать шлюпки, чтобы расположить в воде заряды, которые можно было бы потом взорвать по сигналу с корабля. Капитан Хиггинс подошел к Крэйгу, снял фуражку и вытер со лба пот.

— Ну и что ты об этом думаешь? — поинтересовался он.

— Я — пас, — пожал плечами Крэйг.

— Еще несколько минут назад мы были частью боевой эскадры, и на нас нападали японские бомбардировщики. А потом вдруг, сразу... — Хиггинс беспомощно развел руками. — Черт побери, Крэйг! — взорвался он. — Такого просто не может быть!

— Не может, — мрачно согласился Крэйг. — Однако мы сами видим, что это произошло.

— Но... — Хиггинс запнулся. — Но мы ведь должны были знать о пространственно-временных разломах. В них попадали бы и другие корабли...

— Возможно, другие корабли попадали в них, — сказал Крэйг. — Во время последней войны бесследно исчез «Циклоп». Были десятки других исчезнувших кораблей. А что подумает командующий эскадрой, увидев, что «Айдахо» исчез?

— Не знаю, — пробормотал Хиггинс.

— Ему придется сообщить о потере линкора. И что он скажет?

— А что он может сказать?

— Он обыщет то место, где был линкор, в поисках оставшихся в живых и обломков крушения, — продолжал Крэйг. — А когда он ничего не найдет, то подумает, что «Айдахо» мгновенно затонул вместе со всем экипажем. Вспомните, что нас в тот момент бомбардировали японцы. Вы помните синюю вспышку, которая озарила весь горизонт? Люди на других кораблях могут решить, что эта вспышка походила на взрыв складов боеприпасов «Айдахо». Адмирал, командующий эскадрой, может

сообщить, что бомба, по-видимому, взорвала пороховые склады линкора.

Крэйг замолчал и с растущим недоумением стал следить за действиями Хиггинса.

Капитан энергично пинал стальную стену мостика, пинал с такой силой, словно пытался пробить ее ногой. Его лицо кривилось от боли. Пару секунд Крэйг следил за ним, затем криво усмехнулся.

— Больно? — спросил он.

— Да!

— Значит, все происходит на самом деле, — сделал заключение Крэйг.

Хиггинс перестал пинать стену. Крэйг знал, почему он пинал ее — чтобы убедиться, что стена действительно существует.

Хиггинс чувствовал себя, словно в кошмаре, но вместо того чтобы щипать себя, чтобы убедиться, что он не спит, он пинал стену.

— Черт побери! — пробормотал капитан. — Ну, почему это должно произойти именно с нами?

— Судьба, — задумчиво протянул Крэйг. — Судьба. Почему разбомбили пароход, на котором я плыл? Как случилось, что я оказался в единственной спасательной шлюпке, которую не расстреляли? Почему вы подобрали нас? Единственный ответ на все — судьба.

— Будь проклят такой ответ, — фыркнул Хиггинс.

— Это единственный ответ, — заверил Крэйг. — Кстати, ваш голубь возвращается.

— Что? Что за дурацкие шуточки? — пораженно воскликнул капитан.

Крэйг указал на море. На горизонте была еле видимая, крошечная точка.

— А, самолет, — протянул капитан, глядя на точку, которая стремительно неслась к ним.

Нахмурившись, Крэйг взглянул на него.

— Я думал, вы послали только один самолет, — сказал он.

— Ну да, только один.

— Ладно, — медленно проговорил Крэйг. — Но если глаза мне не лгут, то возвращаются три самолета.

— Что? Этого не может быть! — Хиггинс схватил бинокль и направил его на самолет. Он все еще казался точкой, а за ним следовали две меньшие точки.

— Может, его преследуют эти летающие ящерицы? — предположил Крэйг.

— Ерунда! — огрызнулся капитан. — Он бы справился с ними. К тому же ящерицы не отстают. В них что-то есть...

Хиггинс не отрывал глаз от бинокля, напряженно вглядываясь в приближающиеся точки.

— Если это самолеты, то Михаэльсон со своими рассуждениями о пространственно-временных разломах просто чокнутый старикашка, — пробормотал он.

Хиггинс имел в виду, что если эти точки были самолетами, то все, что произошло с «Айдахо», было только иллюзией. Самолеты могли существовать лишь в современном мире. Это было новейшее изобретение человечества.

Теперь можно было различить самолет-разведчик с короткими крыльями. На полной скорости он несся к «Айдахо». Крэйг смотрел на него с нехорошим предчувствием.

— Пилот от чего-то убегает, — сказал он.

— Чушь собачья! — рявкнул Хиггинс.

Самолет был все ближе, летя низко над водой. Две точки следовали за ним по пятам и настигали его. Причем они уже не были точками...

— Самолеты! — заорал Хиггинс.

Крэйг хранил молчание. Он уже понял, что это самолеты, и вдруг увидел, как из одного что-то вылетело. Разведчик тут же метнулся вверх, но это «что-то» коснулось его, и он стал терять высоту. Он по-прежнему летел к «Айдахо», но двигался под уклон.

— На него напали! — с болью в голосе закричал Хиггинс.

По «Айдахо» раскатились сигналы боевой тревоги. По кораблю вновь побежали люди, готовясь к бою.

Разведчик летел все ниже и ниже. Вот он коснулся воды. Один из преследователей тут же метнулся за ним. Но тут заговорили зенитные батареи. Второй раз «Айдахо» пришлось защищаться, и гром прокатился над водой. Нападавший был уже в радиусе прямого выстрела. Грибы черных разрывов взметнулись вокруг него, а потом он получил прямое попадание.

Прозвучал мощный взрыв.

На месте самолета возник и начал расти шар черного дыма. Обломки полетели во все стороны и попадали в море. Никто так и не успел идентифицировать самолет.

Второй самолет взмыл круто вверх. Впервые Крэйг обратил на него внимание. Уже с первого взгляда он предположил, что самолет не похож на японский. А теперь, когда беглец стал набирать высоту, Крэйг ясно его разглядел. Это был точно не японский самолет. Ни на крыльях, ни на фюзеляже не было никаких опознавательных знаков.

Затем Крэйг понял, что это вообще не самолет. У него были короткие, скошенные назад крылья, годившиеся, скорее, для стабилизации, чем для опоры на воздух. Он походил на летающий клин.

Крэйг не понимал, как он движется. Если у него и был пропеллер, то Крэйг его не видел.

Он летел быстро, быстрее, чем смазанная жиром молния.

Очевидно, пилот не замечал линкор, пока зенитный огонь не уничтожил первый самолет. И только тогда он узнал о существовании «Айдахо». Теперь самолет рвался вверх, словно птица, пораженная внезапным появлением ястреба. Снаряды рвались вокруг него. Но он поднимался так быстро, что вскоре разрывы остались далеко позади. Подъем был почти вертикальным. Набрав высоту около двадцати тысяч футов, он перешел на горизонтальный полет и дважды облетел линкор, не обращая внимание на выстрелы зениток, которые явно не могли его достать.

Затем он повернулся туда, откуда прилетел, и через несколько секунд исчез из поля зрения.

На мостике «Айдахо» воцарилась тишина.

— Святая блевотина! — услышал Крэйг бормотание одного из офицеров. — Это какое-то безумие. У нас нет самолетов, способных так летать, и я уверен, черт побери, что их не было сто тысяч лет назад!

Может, Михаэльсон ошибся? Может, он высказывал лишь свое предположение, когда заявил, что «Айдахо» пролетел через разлом времени в далекое прошлое? Он сказал, что они могли оказаться на сто тысяч лет назад или даже на миллион, — он не знал, на сколько именно. Появление летающих

ящериц, напоминавших мифологических драконов, вроде бы доказывало, что ученый был прав. Но два таинственных самолета странных очертаний и способных летать с немыслимой скоростью утверждали, что он ошибался.

«Возможно ли то, — промелькнула в голове у Крэйга ошеломляющая мысль, — что они попали не в прошлое, а в будущее?»

Крылатые драконы относились к прошлому. Самолеты, по крайней мере, теоретически, принадлежали будущему.

— Это какое-то безумие! — сказал капитан Хиггинс. — Найдите ученого, — велел он одному из помощников. — Я хочу поговорить с ним.

Михаэльсон поднялся на мостик и спокойно выслушал, что рассказал ему Хиггинс. На его лице не появилось никаких эмоций, но взгляд был мрачен.

— Я могу определенно сказать вам лишь две вещи, — промолвил он, наконец. — Во-первых, мы явно не находимся в том, что можно назвать будущим.

— Но эти два самолета гораздо лучше всего, что изобрели мы! — возразил капитан Хиггинс. — Самолетов не существовало до 1907 года. Так что это должно быть будущим.

— Люди изобрели самолеты в 1907 году, — сказал Михаэльсон, подчеркнув слово «люди».

Хиггинс уставился на него. Постепенно он понял значение того, что сказал ученый, и лицо его стало меняться.

— Что вы имеете в виду? — прошептал он.

Михаэльсон беспомощной вскинул вверх руки.

— Братья Райт изобрели летательный аппарат тяжелее воздуха в начале двадцатого века, — начал ученый. — Они стали первыми людьми, взлетевшими на самолете. Первыми людьми нашей расы. Но откуда мы можем знать, что происходило на Земле миллион лет назад? А я точно могу вам сказать, что мы находимся по меньшей мере на миллион лет назад в прошлом. Нам известно лишь последние пять тысяч лет истории. Но откуда мы знаем, что происходило или не происходило на Земле миллионы лет назад? — Ученый говорил тихо, почти шептал: — До того времени, когда изобрели самолеты, — тысячелетия. Но мы все же видим самолеты. И что, по-вашему, это может означать?

— Я... — Хиггинс заколебался, весь содрогаясь при мысли о такой пропасти времени, но заставил себя продолжать: — Это означает, что здесь живут люди, — хрипло сказал он. — Люди или кто-то, кто умеет строить самолеты.

— Таково и мое заключение, — кивнул Михаэльсон.

— Но это же невозможно! — взорвался Хиггинс. — Если бы в прошлом на Земле существовали цивилизации, то мы бы знали о них! Я имею в виду, даже если бы люди исчезли, мы нашли бы их города, разрушенные постройки...

— Нашли бы? — недоверчиво переспросил Михаэльсон.

— Конечно. Разве вы не согласны со мной?

— Не обязательно, — покачал головой ученый. — Вы забываете один важный фактор — миллион лет. Кто-нибудь через миллион лет сможет найти Нью-Йорк? Чикаго? Лондон? Сталелитейные заводы Питсбурга? Думаю, нет. За такое время дожди, холод и жара полностью уничтожат все признаки того, что такое вообще существовало. Кроме того, неизвестные нам континенты могут погрузиться в пучины океана, а на смену им появиться новые. Как мы сможем найти развалины Питсбурга, если он будет покоиться на дне морском? Возможно, миллион лет назад на Земле были огромные города. Человек — наверняка не первая раса, появлявшаяся на нашей планете.

Крэйг слушал и соглашался с логикой того, что говорил Михаэльсон. Возможно, на Земле действительно были другие расы! Тщеславие ослепляло людей, когда они размышляли об этом. Люди хотели быть самыми главными, они считали, что Земля создана только для них. А у природы могли быть совсем другие планы.

Михаэльсон предложил логичное объяснение самолетам и летающим драконам, существующим в одном и том же мире. Крэйг заметил, что офицеры с тревогой глядят туда, откуда прилетели самолеты. Где-то там, за горизонтом, было что-то. И это пугало их. «Айдахо» был всемогущ против любых животных из этого времени. Но может ли он устоять против того, что скрывается за горизонтом? Успеет ли корабль вернуться назад через разлом времени, прежде чем угроза станет явной?

Были спущены шлюпки, расставившие вокруг корабля взрывчатку. Одна из шлюпок поплыла к подбитому самолету, чтобы спасти пилота.

— Нужно проверить, сумеем ли мы убраться отсюда, — сказал Хиггинс. — Взорвем заряды и увидим, не выкинет ли нас обратно через разлом времени.

Нужно было бежать из этого мира. Здесь таилась опасность. Самолеты, летающие с такой немыслимой скоростью, представляли собой угрозу.

Хиггинс торопил с установкой зарядов.

— Я говорил, что могу определенно сказать вам две вещи, — снова заговорил Михаэльсон. — Во-первых, то, что мы находимся на миллионы лет в прошлом... — Говорил он медленно, глядя на плавающие вокруг корабля шлюпки. — А вас интересует вторая вещь, о которой я мог бы вам сказать?

— Да, — кивнул Хиггинс. — Конечно.

Ученый вздохнул.

— Так уж получается, что мы никогда не сумеем вернуться в наше время.

— Что? Но... мы же устанавливаем мины. Если взрыв японских бомб швырнул нас через разлом во времени, то другой взрыв должен отправить назад.

Михаэльсон покачал головой.

— Я произвел расчеты, — сказал он. — Это невозможно. Можете связаться со шлюпками, чтобы они собирали свою взрывчатку. Говорю вам, что мы остались в этом времени навсегда!

Брошенные в этом времени навсегда! Эти слова прозвучали погребальным колокольным звоном. Остались здесь навсегда. И никаких шансов на спасение. Никакой надежды.

— Вы уверены в этом? — спросил Хиггинс.

— Абсолютно, — ответил Михаэльсон.

Крэйг посмотрел на море, затем зажег сигарету, отмечая, что она последняя в пачке. Он глубоко затянулся.

Брошенные в прошлом навсегда!

ГЛАВА IV. Серебро в море

Несколько часов назад наступила ночь. Крэйг стоял на палубе, глядя на море и звездное небо. Созвездия в

небе изменили свои очертания. Больше не было знакомых ему звездных групп. Погасив все огни, «Айдахо» медленно скользил в темноте. Скорость его была почти нулевой, потому что карты были бесполезны. Карты были созданы в том далеком будущем, которое они покинули, а об окружающем море они не знали ничего. По килем могла быть глубина в милю, или они могли вот-вот сесть на мель. Навигаторы сходили с ума. Капитан Хиггинс сходил с ума, волнуясь не только о том, какая глубина под килем, но и о том, что случится, когда вернутся таинственные самолеты. Пилот разведчика был вытащен из воды, но вскоре умер, так ничего и не рассказав.

Крэйг заметил появившуюся возле него тень, но подумал, что это кто-то из команды, пока не вспыхнула спичка. Это была Марджи Шарп, решившая покурить.

Крэйг велел ей немедленно погасить спичку.

— Но почему? — спросила она. — Почему я не могу покурить?

— Затемнение, — ответил Крэйг.

— А, это вы, — сказала девушка.

— Где вы были? — спросил Крэйг. — Я искал вас, но не мог найти.

— В лазарете, — ответила она. — Помогала местному доктору.

— Как там Инглиш? — спросил Крэйг.

— Инглиш умер несколько часов назад, — ответила она. — Я была с миссис Миллер.

— А-а! И как она?

— Прекрасно. Но доктор буквально сходит с ума. Он сказал, что впервые в военно-морской истории на линкоре родился ребенок. Кажется, он считает, что это нарушит традиции или что-то такое. Родилась девочка, — продолжала она, чуть затаив дыхание. Словно разговоры о младенцах волновали ее. — Миссис Миллер сказала, что хочет назвать ее Маргарет в честь меня. Но ведь это неправильно? Она сказала, что муж наверняка волнуется до смерти и что нужно послать ему радиограмму. Как вы думаете, это возможно?

— Послушайте... — воскликнул Крэйг, но у него перехватило голос. — Послушайте, да вы вообще знаете, что произошло?

Его тон встревожил девушку.

— Нет, — быстро сказала она. — Не знаю. А что произошло?

Она была слишком занята в лазарете, чтобы думать о том, что происходит наверху. Крэйгу пришлось рассказать ей все. Она слушала с недоверчивым изумлением. Ему пришлось повторить свой рассказ, прежде чем она стала что-то понимать. Но она ему не поверила.

— Вы разыгрываете меня, — ответила она.

— Прошу прощения, — сказал Крэйг. — Какой уж тут розыгрыш.

— Вы имеете в виду... Вы хотите сказать, что мы оказались где-то в прошлом?

— Так точно.

— Но... Но что мы будет делать?

Крэйг пожал плечами.

— Подождем и поглядим, что произойдет. Это все, что мы можем сделать. Только ждать и смотреть. — В его голосе звучало волнение.

— Кажется, вы рады этому, — бросила она.

— Я вовсе не рад, — возразил Крэйг. — Мне очень жаль миссис Миллер, Маргарет, вас, капитана Хиггинса и всю команду «Айдахо». Но сам я ни о чем не жалею. Это великолепное приключение. Перед нами новый мир, здесь можно столько исследовать, столько увидеть... Я знаю сотни людей, которые отдали бы руку, только чтобы попасть сюда. Я встречал таких в каждом горнодобывающем лагере, где побывал, в каждой фактории за пределами цивилизованного мира, во всех уголках Земли. Большинство из них были нонконформистами[2].

Я сам нонконформист, вернее, был им в наше время. Вечно я ни с чем не соглашался, никуда не вписывался. Я никогда не смог бы быть адвокатом, клерком или элитным рабочим. Но я чувствую, что здесь мне будет хорошо. Здесь, в этом мире, как раз есть местечко для меня. — Он помолчал, потом коротко добавил: — Не знаю, зачем я сказал вам все это.

Марджи слушала его спокойно и даже сочувственно.

---

[2] Нонконформизм— стремление индивида придерживаться и отстаивать установки, мнения, результаты восприятия, поведение и так далее, прямо противоречащие тем, которые господствуют в данном обществе или группе.

— Мне вы можете говорить все, что хотите, — вздохнула она. — Помните, там, в спасательной шлюпке, я сказала, что мы два сапога пара? Там, дома, я тоже никуда не вписывалась. А здесь мне тоже может найтись местечко.

Она в темноте пододвинулась к нему поближе. Он ощущал ее рядом с собой, чувствовал ее женское тепло и хотел было обнять ее...

— Ну-ну, — раздался позади чей-то голос.

Крэйг обернулся. Там стоял Воронов.

— Что вы хотите? — спросил Крэйг.

— От вас — ничего не хочу, — ответил Воронов. — По крайней мере, я не забыл о воде.

— О воде? — озадаченно спросил Крэйг. — О какой еще воде?

— О воде, исчезнувшей из бочонка в спасательной шлюпке, — ответил Воронов. — О той воде, которую вы выпили ночью, пока все мы спали.

— Да черт вас побери... — начал было Крэйг, но Воронов ушел.

Крэйг и не подумал пойти за ним. Он совсем забыл о воде. С усилием он взял себя в руки и повернулся к девушке.

Девушка отвернулась и смотрела на море. Когда Крэйг заговорил, она не ответила. Секунду назад между ними возникло нечто волшебное, но после слов Воронова оно напрочь исчезло...

Всю ночь на «Айдахо» соблюдался режим затемнения. Наблюдатели сообщали, что над ними в темноте пролетают самолеты, бесшумные самолеты. Их иногда даже видели на фоне луны.

То, что самолеты летали бесшумно, как призраки, тревожило наблюдателей, и их тревога передалась всей команде. Никто не обрадовался бы обычным самолетам, создававшим много шума, но призрачные самолеты, которых вообще не слышно, были еще страшнее. Бесшумные самолеты разведали местоположение корабля, а затем, казалось, исчезли. По крайней мере больше их не было в поле зрения, но никто не знал, не летают ли они где-то высоко в небе. Во всяком случае, они не предпринимали попыток бомбить корабль или нападать на него, и это казалось зловещим.

На «Айдахо» было четыре своих самолета. Один вчера потеряли. На рассвете капитан Хиггинс приказал катапультировать в небо второй самолет, чтобы разведать окрестности. Самолет улетел и не подвергся нападению. По рации пилот сообщил, что совсем рядом суша — материк или большой остров. Навигаторы, проверив карты, установили, что этой суши нет ни на одной из них.

Прошел рассвет, самые опасные часы, когда логичным было бы ждать нападения. Все были на боевых постах, ожидая его, но нападения не произошло.

Поднялось солнце. Но никто так и не напал на линкор. Двигаясь очень медленно, корабль оказался в каком-то месте, где поверхность моря блестела, как серебро. Оказалось, что этот эффект вызван каким-то маслянистым веществом, плавающим в воде, — явление, совершенно незнакомое морякам. На горизонте смутно виднелась суша, представлявшая собой покрытые лесом холмы, за которыми на заднем плане высились горы, окаймлявшие громадный древний континент. Позже, миллионы лет спустя, от этих гор над поверхностью воды останутся лишь вершины, образующие тысячи островов Тихого океана.

Крэйг завтракал внизу, когда поднялась тревога, и выскочил на палубу вместе с остальными. Команда бросилась по своим местам. Крэйг увидел причину тревоги.

В небе, на высоте тридцати-тридцати пяти тысяч футов, летел самолет. Тень его упала на корабль. Он не делал попыток напасть. Крэйг прошел на мостик. Капитан Хиггинс пробыл на мостике всю ночь и по-прежнему находился там. Он вяло поздоровался с Крэйгом.

— За нами наблюдают, — сказал Хиггинс. — Не нравится мне это.

— Мы можем с этим что-нибудь сделать?

Хиггинс поглядел вверх в бинокль.

— Слишком высоко для зенитного огня. Нет, мы не можем с этим поделать ничего. И я не уверен, что нам надо что-нибудь делать.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы не ведем войны в этом времени, — ответил капитан. — Мы вообще не хотим воевать, если можно избежать

этого.

— С этим могут быть проблемы, — сказал Крэйг. — Вспомни, что они подбили самолет-разведчик.

— Я помню, — мрачно согласился Хиггинс.

— Конечно, мы можем сдаться, — предложил Крэйг.

— Не пошел бы ты к черту? — сказал Хиггинс.

— Я только предложил, — усмехнулся Крэйг. — Но мне не нравится эта ситуация. Мы не знаем, с чем имеем дело, какие у них силы и с каким оружием они нападут, если вообще нападут.

— Мне тоже это не нравится, — ответил Хиггинс. — Но от меня это не зависит. Черт побери, если они собираются напасть, то я хотел бы, чтобы это случилось побыстрее!

Крошечный самолет кружил над кораблем. Все на «Айдахо» понимали, что ситуация складывается не в их пользу. За ними наблюдали. А они ничего не могли с этим поделать. Самолет летал выше зоны досягаемости зениток. Военный корабль никуда не мог спрятаться. Не было возможности даже установить дымовую завесу, чтобы скрыть их от глаз наблюдателя. А тем временем где-то поблизости враг мог накапливать силы, чтобы напасть на них.

— Ты пытался связаться с ними? — спросил Крэйг.

— Я пытался переговорить с ними по радио еще вчера вечером, — ответил Хиггинс. — Никакого ответа. Радисты говорят, что в эфире вообще нет никаких радиосигналов. Этот факт плюс то, что они не пытаются ответить на наши сигналы, приводит меня к заключению, что здесь еще не открыли радио. Конечно, они могут использовать частоты, недоступные нашим приемникам... Что это?

Где-то поблизости раздался крик. Наклонившись над поручнями мостика, Крэйг увидел на нижней палубе моряка. Тот тоже наклонился к морю. Потом снова закричал и побежал к мостику. Лицо его было белым от ужаса.

— В чем дело? — спросил капитан Хиггинс.

— Это... это серебряное вещество на воде, сэр, — ответил моряк. — Оно... оно разъедает корабль, сэр! Оно разъедает корабль!

«Айдахо» все еще плыл по области, где на поверхности моря плавало блестящее вещество. Капитан Хиггинс помчал-

ся с мостика вниз, на главную палубу. Крэйг последовал за ним. В том месте, где стоял моряк, уже собрались несколько офицеров. Все глядели на воду.

Схватившись за поручни, Крэйг перегнулся через них и посмотрел вниз. Ужас железной рукой сжал его сердце.

У ватерлинии в стальном корпусе «Айдахо» было проедено глубокое отверстие. Пластины бортов корабля были сделаны из лучшей хромированной стали, подвергнутой термической обработке и закаленной. Они были рассчитаны на попадание шестнадцатидюймовых снарядов. Эта сталь была самой прочной из тех, что выпускались в Питсбурге. И там, где ее касалось блестящее маслянистое вещество, она была разъедена.

— Кислота! — услышал Крэйг вскрик офицера. — Вот что это за серебряное вещество. Кислота! Они разлили в море кислоту!

— Они определили наш курс и подготовили нам ловушку, — сказал кто-то.

— Это не может быть кислотой! — тут же возразили ему. — Невозможно поддерживать на поверхности моря кислоту в достаточно сильной концентрации, чтобы она проедала отверстия в стали.

— Может, и невозможно, но это происходит!

Каждая малейшая волна бросала на корпус «Айдахо» маслянистую жидкость. Раздавалось шипение, и жидкость начинала свою смертоносную работу. С палубы не было видно, что происходит ниже ватерлинии. Вероятно, там не было никакого ущерба, потому что кислота плавала на поверхности и не касалась пластин ниже линии воды. Но достаточно было и ущерба, наносимого ею выше! На стальных боках корабля уже появились язвы глубиною в два дюйма.

— Полный вперед! — приказал капитан Хиггинс.

Единственная их надежда была в том, чтобы как можно быстрее уйти из области, покрытой кислотой. Но серебряная вода простиралась на много миль вокруг, и не было никакого способа точно определить, какой ущерб уже нанесен кораблю. Возможно, коррозия уже так ослабила корпус, что корабль вот-вот затонет. Капитан Хиггинс выбрал единственно возможный курс. Он приказал, чтобы корабль шел к суше...

Спустя два часа «Айдахо» стоял в естественной гавани

между низкими холмами, где река впадала в море. Капитан Хиггинс, казалось, постарел на много лет, пока вводил корабль в эту гавань. У него не было карт здешних мест, и он не знал, не прячутся ли в воде рифы, готовые распороть днище корабля. Он вел корабль вслепую, и это было самое трудное дело, с каким сталкивался капитан корабля.

Словно раненый лев, «Айдахо» искал место, где мог бы отлежаться и определить, насколько серьезны нанесенные ему раны. Гавань могла оказаться смертельной ловушкой, но если бы корабль остался снаружи, то ослабленный корпус мог бы лопнуть, и тогда корабль затонул бы со всем экипажем.

Хиггинс послал на лодках инженеров определить, какой причинен корпусу ущерб. Вместе со всеми офицерами он ждал от них доклада на мостике. В гавани кислоты не оказалось.

Затем Крэйг услышал доклад главного инженера.

— Корпус так слаб, что корабль может в любой момент затонуть, сэр. Пластины бортов крошатся от малейшего нажима. В них много дыр по шесть-восемь дюймов глубины, сэр.

Руки капитана с такой силой вцепились в поручни мостика, что побелели суставы.

— Очень хорошо, — сказал он. — Корабль на берег.

— На берег, сэр?

— Да. Если мы останемся в воде, то здесь опять может появится кислота, и тогда корабль затонет.

Команда начала готовиться к выполнению приказа. Наконец, приготовления были завершены.

Высоко в небе над ними по-прежнему кружил самолет.

Хиггинс погрозил ему кулаком.

— Будь ты проклят! — пробормотал он. — Будь ты проклят...

«Айдахо» осторожно двинулся в устье реки, пока не достиг отмели. К счастью, на дне отмели был песок и ил. Корабль вздохнул и улегся на отмель, точно усталое морское чудовище, вышедшее из океана, чтобы умереть. Все на борту понимали, что это место будет могилой корабля. Его стальные кости останутся здесь, пока напрочь не проржавеют. Пока киль корабля скрежетал, вонзаясь в дно, капитан Хиггинс напоминал человека, который слышит свой смертный приговор, но держался он прямо, а подбородок его был высоко поднят.

ГЛАВА V. Огрумы

— Исследуйте оба берега, — приказал капитан Хиггинс.

— С вашего разрешения я бы хотел пойти с одной из групп, — сказал Крэйг.

— Конечно, — ответил капитан. — Я и сам хотел назначить вас командиром группы.

— Спасибо, сэр! — Крэйг говорил ровным, без всяких эмоций голосом, но сердце его подпрыгнуло от радости. Он возглавит команду матросов, высаживающуюся на берег!

Когда он собрал свою группу, прибежал ужасно взволнованный Михаэльсон.

— Как я понял, вы собираетесь на берег? — задыхаясь, спросил он.

— Совершенно верно, — ответил Крэйг.

— Я хочу с вами.

— Хотите с нами?

Крэйг глянул на соседний берег. Над болотом, окаймляющим реку, парила летающая ящерица. В клюве она несла

что-то, напоминающее обезьянку. Со стороны болота раздавались какие-то отрывистые звуки, указывающие, что там скрываются неизвестные животные.

— Вы хотите пойти туда? — переспросил Крэйг.

— Конечно, — энергично ответил ученый. — Такой случай выпадает раз в жизни. У нас будет прекрасная возможность наблюдать флору и фауну этого времени. Мы увидим их живыми. Еще ни у одного ученого не было такой возможности.

— Вы имеете в виду, что у вас будет возможность оказаться проглоченным, — мрачно заметил Крэйг, кивнув на берег. — Там же настоящие джунгли.

— Но вы же берете туда людей, — возразил Михаэльсон.

— Они вызвались добровольно, — парировал Крэйг.

— Так и я вызываюсь добровольцем! — воскликнул Михаэльсон.

— Ладно, — согласился Крэйг, усмехнувшись от такого напора, который проявил ученый, чтобы броситься навстречу опасностям. — Берите оружие и присоединяйтесь...

Он замолчал, уставившись на второго человека, подошедшего к нему.

Это была Марджи Шарп.

— А как насчет меня? — спросила она. — Я тоже вызываюсь добровольцем.

— Ну будь я проклят! — фыркнул Крэйг.

— Это значит, что я могу идти с вами?

— Ничего это не значит! — решительно сказал Крэйг. — Это значит, что я удивлен таким внезапным вашим порывом.

— Но почему я не могу пойти? — вызывающе спросила она.

— Потому что вы девушка, — ответил Крэйг. — И потому-не пойдете ни сегодня, ни в следующие разы, пока это зависит от меня. Вы останетесь здесь.

— Проклятые мужчины, как всегда, присваивают себе все веселье, — с горечью объявила Марджи, поворачиваясь на пятках.

Крэйг смотрел, как она направилась к капитану Хиггинсу с той же самой просьбой, и видел удивление военно-морского офицера. Но, несмотря на удивление, капитан тоже сказал: «Нет».

Потом Крэйг увидел ее, когда она перегнулась через поручни, наблюдая за их маленькой лодкой, направляющейся к берегу. Она помахал ей рукой. В ответ Марджи показала ему «нос».

Когда они подошли к берегу, Крэйг еще раз оглянулся и увидел, что она все еще стоит у поручней. Затем он услышал громкое «бум!» катапульты и увидел ринувшийся в небо самолет. Капитан Хиггинс послал самолет, чтобы разведать окрестности. Крэйг знал, что капитан волнуется по поводу того места, откуда прилетали проклятые бесшумные самолеты.

Высоко в небе можно было видеть один из них, неотступно круживший над «Айдахо».

— Пересечем болото и доберемся до холмов, — объявил Крэйг...

Они услышали вдалеке выстрелы, пока форсировали на лодке омуты со стоячей водой. Стреляла, очевидно, вторая группа разведчиков по летающим ящерицам или другим существам. Одна летающая ящерица напала было и на их лодку, но в последний момент передумала и куда-то улетела. А когда лодка продиралась через заросли тростника на чистую воду, рядом фыркнуло какое-то чудище. В заболоченных зарослях раздавались и другие звуки.

— Похоже, оно большое, как слон, — воскликнул Крэйг. — Держите ружья наготове.

Он видел, как закачался тростник, когда животное двинулось к ним. Маленькие деревца раздвинулись, когда на расстоянии не дальше пятидесяти футов из зарослей высунулась огромная морда.

— Это динозавр! — страшно разволновавшись, закричал Михаэльсон. — Это живой динозавр!

— Он будет мертвым, если подойдет ближе, — мрачно заметил Крэйг.

— Нет-нет, не стреляйте, — попросил ученый. — Это травоядный динозавр. Он не станет нападать.

Моряки в лодке, нервно стискивая в руках автоматы Томпсона, уставились на полускрытую джунглями гору живого мяса. Динозавр, в свою очередь, уставился на них. Он был куда больше, чем любой слон, и Крэйг, оценив размеры животного, задался вопросом, остановят ли его автоматы, если оно все же решит напасть.

— Если придется стрелять, цельтесь в голову, — прошептал он.

По сравнению с телом, голова была маленькой. Она представляла трудную мишень, но попадание в голову могло остановить его, а попадание в туловище, вероятно, пройдет вообще незамеченным. Динозавр глядел на них. Секунды превращались в минуты. Динозавр мотал головой, нюхая воздух. Михаэльсон хотел было вылезти из лодки и подплыть поближе к животному.

— Вы останетесь в лодке, — резко сказал Крэйг. — У вас еще будут шансы исследовать любых динозавров, каких захотите.

Бормоча что-то под нос, ученый подчинился.

Медленно, словно увидел все, что он хотел, динозавр повернулся и скрылся в зарослях, только кусты тряслись там, где он проходил. Крэйг вздохнул с облегчением.

— Я же сказал вам, что он не опасен, — с горечью произнес Михаэльсон. — Вы должны были позволить мне осмотреть его.

— Это неважно, — успокаивающе ответил Крэйг. — После того, как мы здесь обживемся, у вас, быть может, будут динозавры даже в качестве домашних животных. Давайте вперед, — сказал он команде. — Я хочу подняться на те холмы и осмотреться.

Вскоре лодка становилась — не могла плыть дальше. Исследователи оставили двух людей охранять ее и отправились дальше пешком. Болото сменила каменистая земля, из которой кое-где торчали громадные деревья, напоминавшие папоротники. Вверху что-то засвистело. Крэйг вскинул голову и увидел, что это летающая ящерица нападает на кого-то в прогалине между деревьями. Раздался крик, когда дракон ринулся вниз. Кричал явно человек.

— Эта птичка напала на кого-то! — закричал Крэйг. — Вперед!

Если бы он не знал, что подобное невозможно, он мог бы поклясться, что кричала женщина. Но в этом безумном мире не могло быть никаких женщин. Пробежав вперед, Крэйг вскочил на большой камень и, глянув вниз, увидел невероятное зрелище.

Он стоял на выступе глубокого ущелья. На другой стороне ущелья была неглубокая пещера в скале. Там, загораживая что-то своим телом, застыла женщина.

А перед пещерой стоял мужчина. Вряд ли он мог бы украсить собой страницы журнала мод, но, несмотря на выпуклые мышцы и густые, растрепанные волосы, в боевой позе его было что-то привлекательное.

И было еще кое-что более привлекательное.

То, как он сражался с драконом.

Летающая ящерица, используя когти, зубастый клюв и кожистые крылья, пыталась сбить его с ног. Человек отчаянно отбивался от нее. Его единственным оружием была тяжелая дубина. Он нанес удар и отпрыгнул назад. Ящерица рванулась вперед и получила дубиной по голове. Оказавшись на земле, она снова сделала выпад, пронзительно крича. Человек отбил выпад мощным ударом, но ящерица продолжала нападать.

Но, независимо от того, насколько отважен был защитник, конец мог быть лишь один. Дракон был слишком большим, слишком кровожадным и бесстрашным, чтобы его мог остановить человек с дубиной. Человек прыгнул вперед, но поскользнулся и упал. Торжествующе шипя, махая кожистыми крыльями, ящерица прыгнула к нему.

Тра-та-та-та — запел автомат Крэйга.

Тра-та-та-та — присоединились к нему автоматы его спутников, посылая через ущелье смертоносные очереди. Летающая ящерица была не меньше лошади. Она была безжалостным хищником и не оставила бы жертву, пока не упала бы замертво. Одна пуля не остановила бы ее. Но автоматные очереди разнесли ее на кровавые ошметки. И даже умирая, она все равно пыталась добраться до человека с дубиной.

Стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась. Крэйг закинул дымящийся автомат на плечо. Дракон последний раз конвульсивно дернулся и остался лежать неподвижно.

Мужчина вскочил на ноги. Внезапные яростные выстрелы, должно быть, потрясли его. Он уже приготовился к смерти, когда нападавшая на него тварь вдруг сама умерла. Он стоял неподвижно. Даже женщина в пещере перестала рыдать.

Человек быстро взглянул по сторонам, ища, откуда пришло неожиданное избавление. Потом медленно повернул голову и увидел моряков на выступе по другую сторону ущелья.

Его лицо скривилось от ужаса. Он бесстрашно бился с драконом, а при виде спасителей вдруг испугался. Женщина позади него тоже увидела людей и замерла, прислонившись к стене пещеры. Крэйг не раз видел, как дикие животные, испуганные внезапным появлением хищника, ведут себя так же. Кролик, увидев несущегося на него ястреба, замирает неподвижно. Ягненок, зная, что волк рядом, приседает, дрожа, и ждет последнего прыжка.

— Они боятся нас, — прошептал Крэйг. — Не делайте резких движений.

Мужчина смотрел на них.

— Огрумы! — прошептал он. — Огрумы...

Очень медленно он положил дубину на землю рядом с собой и опустился на колени, с почтением, более древним, чем род человеческий. Так подчиненные расы приветствовали завоевателей, рабы становились перед хозяевами на колени и опускали глаза — в те времена, когда еще люди делились на хозяев и рабов.

— Наверное, он думает, что мы — боги, — прошептал Крэйг.

Но это логичное объяснение действий мужчины все же не вполне удовлетворяло его.

— Он принял нас за кого-то, — объявил Михаэльсон. — Он ведет себя, как человек, увидевший сильного врага. Он за кого-то нас принимает. Пойдемте. Мне нужно туда.

И ученый осторожно направился вниз по склону ущелья. Крэйг последовал за ним, признав, что Михаэльсон прав. Мужчина сказал: «Огрумы!», а затем встал на колени. Могло быть лишь одно объяснение: он принял их за кого-то. И еще один вопрос крутился в голове Крэйга: что могло вселить такой ужас в этого человека? Какой ужас таился в этих джунглях, которого человек боялся больше, чем дракона?

Поднимаясь по крутому откосу, он оглянулся на свою команду.

— Будьте начеку, — велел он.

— Есть, сэр, — послышалось в ответ.

Моряки вряд ли нуждались в подобном приказе. Они и так были бы начеку.

Михаэльсон так спешил к человеку, что несся бегом. Когда Крэйг догнал его, он уже склонился над стоявшим на коленях дикарем. Ученый был дико взволнован.

— Это — человек, — пробормотал Михаэльсон. — Можете сами проверить, если не верите мне. Видите, у него все признаки настоящего человека.

Ученый вел себя так, словно ожидал, что Крэйг тут же начнет с ним спорить. Но Крэйг и не думал делать это.

— Разумеется, он человек, — сказал Крэйг. — И что в этом странного?

— Вы не понимаете, — воскликнул Михаэльсон. — Это же потерянное звено. Он принадлежит к первой расе настоящих людей, появившихся на Земле. Мы нашли первых людей. Это имеет громадное научное значение. Смотрите! — Ученый указал на дубину. — Он уже использует инструменты, но еще не научился обрабатывать кремни. Сейчас начало каменного века, определенно, начало каменного века, но он уже настоящий человек и умеет пользоваться дубиной. Собственно, он уже сделал свое первое открытие — дубину! Он еще не совершил второго открытия — не научился добывать огонь, или третьего — не узнал, как обрабатывать камни. Я даже не могу вам сказать, как это важно!..

Ученый был в таком волнении, что Крэйг усмехнулся. В науке есть свои острые ощущения, похлеще даже, чем в приключениях. Очевидно, Михаэльсон как раз получал адреналин от науки.

Ученый начал устанавливать контакт со спасенным. Но для этого ему нужно было завоевать доверие, поэтому он заговорил мягким, спокойным голосом. Человек сел на землю и с ошеломленным удивлением уставился на него. Женщина в пещере все так же прижималась к стене. Теперь Крэйг увидел, что она защищает ребенка. Выходит, они спасли от дракона целую семью. Со страхом в глазах женщина наблюдала, как с ее мужем и повелителем разговаривают незнакомцы.

— Его зовут Гуру, — сказал Михаэльсон, указывая на мужчину. — Я уже немного понимаю то, что он говорит. Его язык еще не приобрел сложные грамматические формы, так

что я без особого труда могу улавливать смысл слов. Он говорит, что живет здесь всю жизнь, и что поблизости живет еще много людей. Он говорит, что они живут семьями. Вы понимаете, что это значит? — взволнованно выкрикнул ученый Крэйгу.

Крэйг понял, что не сможет оторвать Михаэльсона от первобытного человека, поэтому оставил с ним двух человек, а с остальными решил разведать окрестности. Потом повернулся к ученому.

— Нет, я не знаю, что это значит, — сказал Крэйг.

— Это значит, что Гуру и его народ еще не достигли племенной стадии существования! — торжественно заявил ученый. — Они все еще находятся на семейной стадии развития, еще не научились жить племенем.

Михаэльсон говорил так, словно считал, что это открытие имеет очень важное значение. Вероятно, оно и было важным с научной точки зрения, но Крэйг думал сейчас совсем о другом.

— Спросите его о тех, за кого он нас принял вначале, — сказал Крэйг. — Спросите, почему он так испугался нас. Спросите его, кто такие Огрумы?

Разговаривая с ученым, Крэйг краешком глаза наблюдал за Гуру. При слове Огрумы первобытный человек явственно вздрогнул. В его глазах появился испуг. Михаэльсон заговорил с ним, посматривая на записи в своем блокноте, куда уже успел занести слова, которые понял, и внимательно выслушал ответ. Потом повернулся к Крэйгу.

— Гуру говорит, что Огрумы очень плохие, — сказал он. — Он говорит, что они еще более жестоки, чем «летающая смерть» — он имеет в виду ящерицу, напавшую на него. Он также говорит, что Огрумы походят на нас, но не совсем. Он говорит, что, когда увидел нас, то подумал, что мы Огрумы. Он говорит, что Огрумы выслеживают людей, ловят их и увозят в город, где кормят ими живущее там чудовище, которое вечно ест.

— Чудовище, которое вечно ест! — повторил Крэйг и задумчиво присвистнул. — Что, черт побери, это значит?

Михаэльсон повторил вопрос Крэйга Гуру и получил запинающийся, неуверенный ответ, затем повернулся к Крэйгу.

— Я не уверен, что он имеет в виду. Может, животное,

которое вечно голодно. Но я не знаю, что это за животное, а Гуру не может объяснить мне. Он никогда не видел его и говорит, что только слышал о нем. Он очень боится Огрумов.

— В этом я его не виню, — сказал Крэйг. — Но кто какие эти Огрумы?

Гуру оказался неспособным понять этот вопрос. И вообще он показывал явное нежелание продолжать разговор на эту тему. Он так боялся Огрумов, что не хотел даже говорить о них. Но Крэйг видел, что Гуру вовсе не трус. На его глазах Гуру бесстрашно сражался с драконом, «летающей смертью». Что же такого делали Огрумы, что Гуру так боится их?

И тут Гуру вдруг встревожился. Он окинул взглядом ущелье, словно почувствовал приближающуюся опасность, и, казалось, увидел ее. С его губ сорвалось единственное слово.

— Огрумы! — прошептал он. — Огрумы!

Крэйг взглянул вверх. Там, в вышине, летел самолет в форме клина. Первой мыслью Крэйга было то, что самолет летит к ним. Но он тут же увидел, что самолет направляется к какой-то другой цели. За ним следовал второй, за вторым третий, и так далее. В небе летела целая шеренга самолетов.

Как только Крэйг увидел самолеты, то вопрос, кто такие Огрумы, отпал сам собой. Это Огрумы управляли бесшумными самолетами, это Огрумы напали на «Айдахо», распылив над морем странную кислоту, повредившую корабль. И теперь Огрумы явно собирались опять напасть на линкор.

— Всем спрятаться! — закричал Крэйг.

Моряки поспешно залегли между камнями. Крэйг последовал за ними. Гуру отпрыгнул ко входу в пещеру.

— Кто же эти дьяволы, и что им здесь надо? — спросил Михаэльсон.

Секунду спустя он уже получил ответ на вторую половину своего вопроса.

Со стороны болота раздался гул зениток «Айдахо».

Огрумы летели, чтобы напасть на линкор, нанести последний удар по боевому кораблю. Как стервятники, парящие над умирающим животным, летали они вокруг «Айдахо».

— Подъем! — крикнул Крэйг. — Не знаю, чем мы можем там помочь, но мы возвращаемся.

Покидая ущелье, он видел, как Гуру поспешно помогает своей жене нести ребенка — они перебрались в более глубокую и безопасную пещеру. Гуру старался спрятаться. Древний человек мог сражаться с летающим драконом, но Огрумы были ему не по зубам. Крэйг не мог винить его в том, что он убегает, и повел свою группу обратно к лодке.

Не успели они добраться до места, где оставили лодку, как позади раздался крик. Повернувшись, они вскинули автоматы. В этих джунглях на них в любую минуту мог кто-нибудь напасть. Но когда они увидели, кто бежит за ними, то опустили оружие.

Это был Гуру. Размахивая дубиной, он бежал, чтобы присоединиться к ним. При этом он что-то взволнованно выкрикивал.

— Он говорит, что увел жену с ребенком в безопасное место, — перевел его слова Михаэльсон. — Он хочет знать, собираемся ли мы сражаться с Огрумами.

— Скажите ему, что да, — ответил Крэйг.

— Он говорит, что тогда хочет идти с нами, — перевел ученый.

Крэйг уставился на первобытного человека. Гуру боялся. Его испуг был очевиден. Даже разговоры об Огрумах пугали его. Но если его новоприобретенные друзья собираются бороться с этими дьяволами, то он пойдет с ними!

— Там идет бой, — сказал Крэйг. — Идем с нами, первобытный человек. Мы принимаем тебя.

С помощью Гуру, показывавшего кратчайший путь через болото, они быстро добрались до лодки. Самолетов было не видно, но по небу раскатывались залпы орудий.

— Зенитки собьют эти самолеты, — сказал один из моряков.

— Извините, но я так не думаю, — ответил Крэйг.

— Но почему? — вмешался Михаэльсон.

— Огрумы уже знают, что у нас есть зенитки, — встревоженно ответил Крэйг. — Мы подбили один из их самолетов, когда они напали на нашего разведчика. Так что им известно, что мы способны защищаться. И раз они все равно напали на нас, значит, либо они сумасшедшие, либо считают, что могут победить, несмотря на зенитки. Кто знает, может, они и сумасшедшие, но я бы поставил на второе... Тс-с! — Крэйг прислушался.

Зенитный огонь стихали. Пушки еще стреляли, но не так интенсивно, как вначале. На лицах моряков появилась тревога.

— Что-то пошло не так, — пробормотал один из них.

— Поехали! — рявкнул Крэйг.

Он слишком хорошо знал, что что-то должно пойти не так. Пока они плыли на лодке через болото, огонь становился все реже, пока, наконец, не стих вовсе, после чего лишь изредка раздавались отдельные выстрелы.

Затем смолкли и они.

— Возможно, мы прогнали их, — предположил Михаэльсон.

— А может, и нет! — горько ответил Крэйг. — Поглядим.

Когда они добрались до реки и через прогалины в зарослях стала видна гавань, они увидели «Айдахо». Самолеты Огрумов по-прежнему кружились над ним.

Огрумов не прогнали. Они одержали победу!

ГЛАВА VI. Город Огрумов

Спрятавшись на берегу, Крэйг и его люди наблюдали, как грабят «Айдахо». Наверху все еще летали самолеты Огрумов. Десятками они садились на воду вокруг обреченного корабля, и Огрумы поднимались на борт. Крэйг понял, как был захвачен корабль. Газ! Вокруг корабля все еще плавали отдельные лоскуты бледного, белого тумана. Наверное, самолеты, пикируя, распылили его над кораблем. Очевидно. это был какой-то газ, неизвестный в двадцатом веке, но ужасно эффективный. Гуру подтвердил, что Огрумы используют газ.

— Гуру говорит, что белое облако делает сон, — перевел Михаэльсон.

Но прежде чем люди уснули, пушки «Айдахо» нанесли урон нападавшим, о чем свидетельствовали плавающие в воде разбитые самолеты. Крэйг видел, как пилот одного из них сигналил другому Огруму, прося о помощи. Очевидно, летчик не умел плавать. Но Огрумы не обратили внимания на его вопли. Самолет быстро затонул, и пилот Огрум, после тщетных попыток пуститься вплавь, ушел ко дну вслед за ним. Его могли спасти

ближайшие самолеты, его видели некоторые Огрумы, но никто не сделал ни малейшей попытки прийти к нему на помочь.

— Дьяволы! — хрипло сказал Крэйг. — Они настоящие дьяволы. Их не волнуют даже собственные раненые товарищи.

— А если они так относятся к своим, то что же они сделают с пленниками? — спросил Михаэльсон.

Крэйг в ужасе уставился на него.

— Спросите его, — он ткнул пальцем в сторону Гуру, — убивает ли людей этот газ.

Ученый перевел вопрос. Гуру опустился на корточки и медленно заговорил.

— Он сказал, что они только спят, а через некоторое время проснутся, — сказал Михаэльсон.

— Боже! — простонал Крэйг. — Этого я и боялся. Спросите его, что Огрумы сделают с пленниками?

Ученый снова заговорил с первобытным человеком.

— Он говорит, что Огрумы заберут их в свой город, где скормят светящемуся зверю, который всегда голоден.

Крэйг ничего не сказал, повернулся и стал смотреть на «Айдахо». Кожа натянулась на его скулах, челюсти крепко сжались. Он смотрел, как Огрумы прыгают по палубам. Они выглядели как люди, не считая того, что у них была искаженная пропорция тел. Одни были высокими и очень тощими. Другие — приземистыми и толстыми. У третьих одна рука была очень длинная, а одна нога — короткая. Еще у кого-то было длинное тело и очень короткие ноги. Даже просто разглядев их, Крэйг уже их возненавидел.

— Будьте вы прокляты... — шептал он. — Будьте вы прокляты...

Что-то прикоснулось к его руке. Крэйг повернулся и увидел, что рядом стоит Гуру. Сочувственно глядя ему в лицо, первобытный человек попытался похлопать его по плечу.

— Гуру хочет сказать, что ему очень жаль, — перевел Михаэльсон.

— Спасибо, — тяжело дыша, ответил Крэйг. — Мы... Мы еще не разбиты.

Но в глубине души он знал, что сказал неправду, чтобы поддержать свой боевой настрой, когда заявил, что они

еще не разбиты. Если Огрумы сумели захватить «Айдахо», то что могла сделать горстка моряков? Правда, на берег высадилось несколько групп, но всех их было меньше пятидесяти человек.

Какие же шансы были у пятидесяти человек против всех сил Огрумов? У пятидесяти человек, вооруженных автоматами, в то время как на «Айдахо» было больше тысячи человек с зенитными пушками!

Спрятавшись на берегу, Крэйг и его товарищи наблюдали, как Огрумы грабят корабль. Странно, что их не интересовали никакие вещи на корабле. Им были нужны только люди! Они уносили людей к большим грузовым самолетам, пришвартованным возле корабля, и бросали их прямо в открытые люки. Крэйгу показалось, что в один из самолетов бросили Марджи Шарп. Он сидел, стиснув кулаки и ругаясь шепотом. Несколько раз Огрумы промахивались, и находившийся без сознания человек летел вместо люка прямо в воду. Огрумы даже не пытались достать его, и он плыл по течению, создаваемому впадающей в бухту рекой. А по воде к беспомощным людям уже направлялись треугольные плавники.

— То что роняют Огрумы, подбирают акулы! — в отчаянии сказал Крэйг.

Кровь текла у него по подбородку из прокушенной губы. У всех людей были белые лица и мрачные взгляды. Михаэльсон, несколько минут поглядев на эту сцену, резко повернулся и на несколько шагов отошел от берега. Люди услышали, как его выворачивает наизнанку.

Один за другим взлетали воздушные суда, нагруженные беспомощными людьми. Потом за ними взлетели истребители. «Айдахо» остался пустынным и безмолвным. Огрумы или не знали, что люди высадились на берег, или в настоящий момент не интересовались ими.

Солнце уже склонилось на запад, когда Крэйг осмелился рискнуть вернуться к «Айдахо». К этому времени на берегу собрались все посланные утром группы. Лодки тихо поплыли к месту сражения.

Газ давно улетучился из корабля. До заката Крэйг обшарил весь корабль. На корабле осталось живыми примерно двести человек, запершихся в нижних помещениях за гер-

метичными дверями. Они постепенно приходили в себя, но большинство еще слишком слабо осознавали окружающее. Миссис Миллер с ребенком нашли в отсеке лазарета.

Капитана Хиггинса найти не смогли.

Марджи Шарп тоже.

Одного человека, до сих пор трясущегося, отыскали в дальнем углу трюма. Это был Воронов.

Крэйг провел на главной палубе быстрое совещание с Михаэльсоном и Гуру. Выслушивая ответы на заданные вопросы Крэйг все больше мрачнел. Затем он собрал всех моряков.

— Я разговаривал с Гуру, — сказал он. — Гуру сообщил, что город Огрумов неподалеку. По его словам, до него можно дойти к утру, если пойдем по суше, а если воспользуемся плавучими бревнами — так он называет наши лодки, — то будем там еще до полуночи.

Крэйг помолчал и с надеждой поглядел на моряков. По собравшимся пробежало движение. Они сразу же поняли, к чему он клонит.

— Кроме того, — продолжал Крэйг, — Гуру сказал, что в город легко проникнуть, поскольку Огрумы никогда не ставят часовых.

Он оглядел толпу. На лицах людей было написано жесткое, мрачное негодование. Они видели, как увозили неизвестно куда их товарищей, словно поленницу дров. Они жаждали спасти своих друзей или, если это не удастся, хотя бы отомстить за них.

— Я пойду в город Огрумов, — закончил Крэйг. — Кто хочет пойти со мной, сделайте шаг вперед.

Громкие крики сказали все, что Крэйг хотел знать. Моряки были с ним. Вперед не шагнул лишь один человек. Это был Воронов. Крэйг взглянул на него.

— А что же вы, Воронов? — поинтересовался он.

— Не будьте чертовым дураком! — выкрикнул Воронов. — У нас нет ни малейшего шанса.

— Вот как?

— Да! У Огрумов есть самолеты, газ и черт знает что еще. Если мы нападем на них, они сметут нас в мгновение ока.

— А что бы выпорекомендовали нам делать? — спросил Крэйг.

Голос его был мягок, а лицо взволнованно. Он походил на человека, столкнувшегося с трудной проблемой и взвешивающего все возможности прежде, чем принять решение.

— Мы можем сделать только одно, — выкрикнул Воронов. — Убраться отсюда ко всем чертям как можно быстрее. Спрятаться в джунглях. Возможно, Огрумы не знают, что кто-то еще остался в живых. А если мы нападем на них, они поймут, что мы выжили, и уничтожат нас.

— Гм-м... — глубокомысленно сказал Крэйг. — Вероятно, вы где-то правы. Но как быть с людьми, которых захватили Огрумы?

Воронов безразлично пожал плечами.

— Будь что будет, — вздохнул он. — Мы ничем не можем помочь им.

Пока Воронов говорил, толпа моряков начала потихоньку ворчать.

— Наверное, мы в самом деле не сможем помочь им, — протянул Крэйг. — Но я и все собравшиеся здесь попытаемся. Нам пригодится каждый трудоспособный человек. В том числе и вы, Воронов. Так вы идете с нами или нет?

Крэйг говорил по-прежнему тихим, спокойным голосом, и Воронов попался на это.

— Можете меня вычеркнуть! — рявкнул он. — Я никуда не пойду.

— Нет?

— Нет! Вы не можете заставить меня вызваться добровольцем против моей воли.

— Но вы нужны нам, Воронов, — чуть ли не умоляюще заявил Крэйг. — Нам нужны все, кого мы сможем собрать.

— Можете идти ко всем чертям! — отрезал Воронов.

— Так вы не идете с нами?

— Не иду!

Крэйг взглянул за борт. Уже наступили сумерки, но все еще было видно, как по воде скользят треугольные плавники. Крэйг кивнул на воду.

— Или вы идете с нами, Воронов, — спокойно сказал он, — или я лично выкинул вас за борт.

Воронов стал похож на человека, не верящего своим ушам. Все собравшиеся одобрительно зарычали. Они вспомнили, что

этого человека нашли в самом далеком углу трюма. Он прятался, пока его товарищи сражались с врагами.

— Вы... Вы не сделаете этого, — прошептал Воронов.

— Я всегда делаю, что обещаю, — ответил Крэйг. — Мы не можем терпеть здесь бездельников. Или вы идете с нами, или летите за борт и вплавь добираетесь до берега.

Голос его был твердым, без малейших ноток сочувствия. И значение слов было предельно ясно. Воронов побледнел. Он быстро огляделся, словно выискивая, в каком направлении броситься бежать.

— Вы больше не найдете дыры, куда сможете забиться, — сказал Крэйг. — Какой ваш ответ?

Воронов поперхнулся и откашлялся.

— Я... Я пойду с вами, — пробормотал он.

— Отлично, — бросил Крэйг и стал отдавать приказы своей команде.

Все бросились их выполнять. Крэйг почувствовал, как Михаэльсон дергает его за рукав.

— Разве нужно было с ним так? — спросил ученый.

— Может, и нет, — ответил Крэйг. — Но он мне не нравится. Есть в нем что-то нехорошее. Он чем-то напоминает мне крысу. А кроме того, нам действительно жизненно необходим каждый человек.

— Я знаю это, — медленно проговорил Михаэльсон. — Но вы бы действительно бросили его за борт, если бы он отказался идти?

Крэйг пожал плечами.

— Не спрашивайте меня об этом. Не знаю. Возможно, да,а может, и нет.

— Понятно, — улыбнулся ученый. — Вы суровый человек, Крэйг. А в нынешней ситуации мы нуждаемся в суровых людях, так что я рад, что нас поведете именно вы.

— Спасибо, — ответил Крэйг.

Через несколько часов Крэйг стоял на склоне горы, глядя на расстилающуюся внизу невероятную картину. Гуру привел их сюда тайными тропинками, известными лишь первобытному человеку. Внизу расстилался город Огрумов.

Город располагался на берегу огромного круглого залива, бывшего, очевидно, в далеком прошлом кратером огром-

ного вулкана. На востоке, где стена вулкана разрушилась, раскинулась обширная долина — настоящее пастбище динозавров. Даже отсюда были слышны крики сотен животных, питающихся и плюхающих в грязи. Но Крэйга больше интересовал сам город. Он видел самолеты Огрумов, видел, как они использовали газ; и то и другое означало развитую цивилизацию с мощными технологиями. Поэтому он ожидал найти ярко освещенный город, населенный сотнями тысяч жителей, с крупными заводами, широкими улицами и посадочными площадками для самолетов.

Но ничего подобного не было видно. Город Огрумов был не освещен. В поле зрения не было ни широких улиц, ни дымящих заводов. В городе было лишь одно большое здание, а те строения, что служили Огрумам домами, были немногим лучше примитивных хижин. На небе сияла полная луна, хорошо освещая лежащий внизу город.

— Невозможно! — прошептал Крэйг Михаэльсону. — Это не может быть город Огрумов. Гуру привел нас не туда.

Ученый спросил о чем-то Гуру. Крэйг слышал ответ первобытного человека.

— Гуру говорит, что это то самое место, — сказал, наконец, Михаэльсон. — Он говорит, что это город Огрумов, и никакого другого города нет.

— Не считая храма в центре, все это — просто свалка, — заявил Крэйг. — Я видел папуасских охотников за головами, так вот, у них поселения куда лучше этого. У Огрумов есть самолеты. Но невозможно строить самолеты без сложной индустрии...

— Конечно, все это странно, — задумчиво сказал ученый. — Но Гуру настаивает, что это то место, и я склонен верить ему. Можете также отметить, что в городе нет широких улиц, и не заметно никакого уличного освещения.

— Возможно, у них тоже затемнение, — предположил Крэйг.

Михаэльсон переговорил с Гуру и сказал, что город Огрумов ночью всегда темный. Гуру не сразу понял, что такое уличное освещение, но когда уловил идею, то стал настаивать, что Огрумы никогда не использовали освещение.

— Сплошные тайны, черт побери! — проворчал Крэйг. — Я пойду туда и все узнаю. Гуру, идем со мной.

Пока они несколько часов плыли в лодках к городу, Крэйг старался хоть немного выучить язык первобытного человека. Он еще не мог беседовать с Гуру так же хорошо, как Михаэльсон, но все же понимал достаточно для простейшего общения.

— Вы пойдете туда вдвоем? — спросил Михаэльсон.

— Да. Так больше возможностей пробраться незамеченными. Мы проведем разведку и будем знать, с чем встретимся, когда нападем на них. Вероятно, мы не станем атаковать до следующей ночи.

Велев людям устраиваться, отдыхать и набираться сил, Крэйг с Гуру начали спускаться к городу Огрумов. Михаэльсон хотел было пойти с ними, но Крэйг запретил.

— Вы останетесь здесь, — сказал он ученому. — Вы не так молоды, как я. Вам нужен отдых.

В небе висела огромная тропическая луна. Не было ни ветерка. Из большого болота раздался одинокий крик динозавра, нарушивший ночную тишину, в которой лежал странный город Огрумов.

Чем дальше они с Гуру спускались со склона горы, тем сильнее Крэйг чувствовал странность происходящего. Что за существа эти Огрумы? Какая тайна кроется в самом их существовании? Они не оставили ни малейшего следа в истории, иначе бы Крэйг слышал о них. Но, насколько он знал историю, ничего подобного Огрумам не существовало. И все же... Внезапная мысль потрясла Крэйга. В английской языке было слово, близко подходящее к описанию этих существ, — людоед. Огр и Огрум было очень сходно по звучанию. Может, они и были настоящими людоедами, мифологическими чудовищами, пожиравшими людей? Первобытные люди знали об Огрумах и боялись их, так почему бы им не сложить о них легенды, как о людоедах?

От этой мысли по хребту Крэйга пробежала дрожь. Он шел в город чудовищ? Вонючка Хиггинс, Марджи Шарп и сотни других с «Айдахо» находятся там в плену у людоедов? Какие ужасные тайны скрываются в этом безмолвном городе?

Они достигли городских окраин. И те оказались еще хуже, чем думал Крэйг. Сотни, может быть, тысячи примитивных хижин, стоящих прямо в джунглях. От них тянуло зловонием. Очевидно, там не было даже канализации. Крэйг с отвращением сморщил нос.

— Грязь! — пробормотал он. — Весь этот город нужно спалить до тла. Где Огрумы, Гуру? — спросил он, обращаясь к первобытному человеку.

— Спят Огрумы, — ответил Гуру. — В маленьких пещерах, — добавил он, кивая на хижины. — Спят Огрумы.

— А где пленники?

Крэйгу пришлось несколько раз перефразировать этот вопрос, прежде чем первобытный человек понял его.

— В большой пещере, — сказал наконец Гуру.

— В какой большой пещере? — не понял Крэйг.

— Большая пещера в скале, — ответил Гуру, показывая на большой каменный храм, стоящий в центре города.

— Значит, идем туда, — сказал Крэйг. — Вперед.

Но Гуру отступил. Крэйг понял, что он боится.

— В чем дело? — спросил он.

— В большой пещере чудовище, которое вечно голодно, — пробормотал Гуру.

— Ага, — сказал Крэйг.

Вечно голодное чудовище. Светящаяся тварь, которая постоянно жрет. Он содрогнулся, вспомнив, как Гуру описывал того, кто жил в пещере.

— И что за чудовище? — с сомнением спросил он.

Но Гуру не понимал его или не умел объяснить, и вопрос Крэйга остался без ответа. Однако американец мог предположить, что Огрумы относятся к твари в храме, как к богу, и приносят ему жертвы. Это же подтвердил Гуру.

— Завтра, когда придет солнце, — сказал Гуру, — Огрумы скормят одного человека светящемуся животному, которое всегда голодно. На следующий день, когда придет солнце, животное получит еще одного человека. И так будет до последнего. Потом Огрумы снова пойдут охотиться на людей.

Крэйг понял, что жертва приносилась, для того чтобы гарантировать возвращение солнца. По-видимому, Огрумы понятия не имели об устройстве космоса. Каждую ночь, когда солнце садилось, они не были уверены, что оно взойдет снова. И чтобы удостовериться, что яркий свет вернется на небо, они предлагали ему жертву.

— И что же они сделают, когда закончатся пленники? — спросил он.

— Снова станут ловить Огрумов и кормить животное ими, — ответил первобытный человек.

Когда кончались пленники, Огрумы приносили в жертву своих соплеменников!

— Ладно, нам нужно узнать, что находится в храме и где держат наших людей, — мрачно объявил Крэйг. — Если Гуру боится, Гуру может остаться здесь. Я пойду один.

Гуру боялся. В этом не было никаких сомнений. И Крэйг не винил первобытного человека за этот страх. Скорее всего, страх был доказательством здравого смысла. Но, невзирая на страх, Гуру пошел с американцем. Скользя, как пара призраков, по узким проходам, служившим улицами, они вошли в безмолвный город. Гуру был бесшумен, как тень. Крэйг тоже умел передвигаться, как индеец. При этом он зорко поглядывал по сторонам, потому что в любой момент из хижин могли появиться Огрумы...

Они добрались до храма незамеченными.

Здание оказалось гораздо больше, чем виделось с горы. В отличие от хижин, оно было выстроено из камня. Оно было круглое, и по внешнему краю его окружал ряд колонн. Архитектура была довольно-таки примитивной. Огрумы еще не изобрели арки или просто не хотели использовать их. В стенах были многочисленные отверстия, достаточно большие, чтобы человек мог пройти в них, не сгибаясь. Отверстия были без дверей, которые Огрумы, очевидно, тоже еще не изобрели, и Крэйг опять поразился странно деформированным развитием этой расы, которая умела строить самолеты и использовать ядовитый газ, но не знала, что такое арки.

В отличие от города, храм охранялся. Часовые с бритыми головами, в желтых одеждах, бродили по зданию, которое изнутри поддерживал лес колонн.

— Друзья светящегося животного, которое всегда голодно, — объяснил Гуру.

Крэйг решил, что это священники, охраняющие храм. Он видел, что они были вооружены копьями и мечами, а кроме того, у каждого на поясе висел мешочек с маленькими круглыми предметами, похожими на гранаты.

— Эти штуки — гранаты? — спросил Крэйг, но Гуру не понял его, а Крэйг не знал, как объяснить.

В отверстиях, служивших входами в храм, то и дело мелькали вспышки света. Свет был тусклый, как отсветы от почти прогоревшего походного костра.

— Что это? — спросил Крэйг.

Но Гуру либо не знал, либо не хотел говорить по каким-то суеверным причинам.

— Я пойду в храм, — решил Крэйг. — Оставайся здесь и жди меня.

На этот раз Гуру не стал настаивать на том, чтобы идти вместе с ним, и Крэйг понял, что первобытный человек отчаянно боится чего-то, находящегося в храме. Дождавшись, пока прошел один из часовых, Крэйг забежал в ближайшее отверстие.

Входя в здание, он понимал, сколько шансов за то, что он никогда не выйдет из него, но он должен был это сделать. Он должен увидеть, что находится там, чтобы спланировать нападение. Он должен узнать, где держать людей с «Айдахо», как их охраняют и, если возможно, организовать им побег. И, наконец, он должен понять природу светящегося животного, которое вечно голодно. Природу бога Огрумов.

Кем может являться вечно голодный монстр? Раскосым идолом перед алтарем, на котором ежедневно приносится человеческая жертва? Или кем-то еще, настоящим чудовищем, в божественную природу которого верят Огрумы?

Руководствуясь мерцанием света впереди, Крэйг как можно быстрее пробирался по туннелю. Когда же он достиг конца туннеля, то застыл, потрясенный открывшимся зрелищем.

Изнутри храм оказался громадный амфитеатром, гигантской чашей, словно для проведения спортивных состязаний. Вниз спускались по всей его окружности грубые каменные ступени. А внизу, там, где должна быть гигантская арена, покоясь на прочном фундаменте горы, пузырилась раскаленная добела, кипящая лава!

Город Огрумов располагался в кратере, предположительно, потухшего вулкана. Вот только этот вулкан был не потухшим. Он просто бездействовал. Но в сердце его кипел огонь, и раскаленная лава, поддерживаемая каким-то подземным давлением, пузырилась, точно гейзер, который никогда не переполняется и никогда не иссякает.

Эта чаша с лавой и была тем, что Гуру назвал светящимся чудовищем, которое вечно голодно. Это и был бог Огрумов. Крэйг мгновенно понял, почему Огрумы поклонялись ей и зачем приносили ей человеческие жертвы. Лава была светящейся и горячей, как солнце. Поэтому, по законам магии подобия, жертва, предлагаемая лаве, была жертвой, предлагаемой самому солнцу. У Огрумов, существ из древнего мира, несмотря на их самолеты и ядовитый газ, не было реальных научных знаний причин и следствия. Огрумы думали, что могут гарантировать возвращение живительного солнца, принося жертвы пузырящейся лаве!

Но если их рассуждения были ошибочными и ложными, они все равно оставались донельзя отвратительными. Они постепенно принесут в жертву всех людей с «Айдахо», если это немедленно не прекратить.

По другую сторону арены он увидел большую площадку, отгороженную решеткой из деревянных столбов. Мерцающий свет от лавы позволил ему разглядеть, что за решеткой находятся пленники. Он невольно шагнул было к ним, но тут заметил группу одетых в желтое охранников с бритыми головами, стоящими у решетки.

Это были часовые Огрумы! Внимательно осмотревшись, Крэйг так и не придумал, как освободить пленников. У него имелась всего лишь горстка моряков, а Огрумов были тысячи. У них были самолеты, и даже если они не знали огнестрельного оружия, то у них наверняка имелось какое-то другое.

«Внезапность! — подумал Крэйг. — Мы должны захватить их врасплох и удерживать достаточно долго, чтобы освободить пленников. И тогда...» — тут он шепотом выругался.

Предположим, внезапное нападение позволит им освободить заключенных. И что потом?

«Они догонят нас на самолетах, — подумал Крэйг. — Они будут травить нас газом и распылять над нами кислоту, и даже если нам удастся уйти, станут искать нас с воздуха. — Он внезапно прищурился. — А это значит, что мы должны прежде всего взорвать их ангар и уничтожить самолеты. А затем...»

В уме у него начал складываться план. Он выскользнул из храма, осмотрел подходы к нему, дождался, пока поблизости не будет часовых, и присоединился к Гуру.

Первобытный человек был вне себя от волнения.

— Ты видел чудовище? — спросил он.

— Нет никакого чудовища, — мрачно ответил Крэйг. — Гуру, а где пещера, откуда Огрумы вылетают на птицах?

Самолеты для Гуру были просто большими птицами, на которых летали Огрумы. Крэйг спрашивал первобытного человека, где находится ангар. Гуру провел его вокруг храма и показал на пристройку.

— Птицы содержатся там, — сказал он.

Ангар был открыт. Не знающие в своем невежестве дверей, Огрумы не придумали ничего, чтобы запереть здание, где они держали и, без сомнения, строили самолеты. Открытое пространство, тянущееся к краю залива, было явно взлетно-посадочной полосой. В ангаре Крэйг увидел странные воздушные корабли Огрумов. Не считая часовых, окружающих весь храм, ангар вообще не охранялся.

«Двадцать человек забросают гранатами ангар, — подумал Крэйг, — уничтожат самолеты, а затем сделают вид, что отступают. Огрумы погонятся за ними. Тем временем в городе появятся еще двадцать человек и начнут поджигать соломенных хижины Огрумов. Те будут перепуганы,, и, прежде чем успеют организоваться, я с остальной сотней нападу на храм. Ей-богу, это может сработать! Но затем, — продолжал размышлять Крэйг, — мы будем умирать по одиночке во время бегства. Даже лишившись самолетов, Огрумы станут преследовать нас в джунглях. — Он задумался, пытаясь найти решение этой проблемы. Было бессмысленно освобождать пленников лишь затем, чтобы все погибли от постоянных нападений Огрумов. — Единственный способ не дать Огрумам преследовать нас состоит в том, чтобы уничтожить их как можно больше», — мрачно подумал Крэйг.

Он бы не остановился перед полным уничтожением Огрумов. Вот только как это сделать? У него было мало людей и сил, чтобы встретиться с противником в открытом бою. Но Огрумы должны быть уничтожены.

— Возвращаемся к остальным, — сказал он Гуру.

Первобытный человек хитрым путем провел его на другую сторону города Огрумов. Здесь они наткнулись на большую каменную стену, похожую на плотину.

— Зачем здесь стена, Гуру? — спросил Крэйг.

— Чтобы не пускать трясущих землю в место сидения Огрумов, — ответил первобытный человек.

«Трясущие землю» — так Гуру называл динозавров. А «местом сидения» он называл город. За стеной было обширное болото. Огрумы поставили стену, чтобы не допускать динозавров в город.

— Да будь я проклят, — задумчиво пробормотал Крэйг. — Интересно... Пойдем, Гуру. Нам надо вернуться до восхода.

Первобытный человек быстрой рысцой побежал в гору.

— Вот что мы должны сделать, — сказал Крэйг взволнованному Михаэльсону.

Моряки сидели на корточках вокруг Крэйга. Близился рассвет. Небо на востоке уже светлело. Крэйг быстро обрисовал в общих чертах план нападения.

— Я не военный стратег, — медленно проговорил Михаэльсон. — Я не могу критиковать ваше предложение.

— Зато я могу, — раздался из темноты голос. — Я изучал военную стратегию. У вашего плана нет ни единого шанса из тысячи, чтобы преуспеть. Нас всех убьют ни за что.

Это был Воронов.

— Может быть, и так, — кивнул Крэйг. — Если у вас есть лучший план, я готов его выслушать.

— Я уже сказал, что единственное, что мы можем сделать, это бежать отсюда как можно быстрее.

— А вот это мы делать не собираемся, — отрезал Крэйг. — Если вам нечего предложить конструктивного, то закройте рот.

Воронов замолчал и отодвинулся в тень. Крэйг отобрал группу для нападения на ангар, где держали самолеты, вторую группу — для диверсий в городе, и третью — чтобы напасть на храм и освободить пленников. Нападение должно было начаться сразу после того, как настанет следующая ночь. Именно с наступлением темноты, по словам Гуру, все Огрумы соберутся в храме наблюдать за жертвоприношением.

— А потом? — медленно проговорил Михаэльсон. — Что потом?

— Ага, — сказал Крэйг, — это самая суть. Что будет потом, определится, останется ли кто из нас в живых. И именно тогда, — он прямо взглянул на ученого, — ваш выход.

— Мой? Что я должен сделать?

— Вы с Гуру возьмете десяток человек и столько соплеменников Гуру, сколько сумеете собрать. А вот что должны сделать после этого.

Крэйг подробно описал, какую роль должен сыграть ученый в компании первобытного человека в нападении на Огрумов. Из них получилась странная парочка. Михаэльсон физически был слаб, но обладал одним из самых острых умов двадцатого века. Гуру физически был мускулистым гигантом, но мыслил почти как ребенок.

— И вы... Вы думаете, что это сработает? — нерешительно спросил ученый.

— Должно сработать, — прямо ответил Крэйг. — Иначе все мы умрем.

ГЛАВА VII. Нападение

С наступлением сумерек в храме Огрумов начали бить барабаны. Солнце было еще на самом краю горизонта. Оно висело там, словно не решалось сделать последний шаг и исчезнуть из мира. Спрятавшийся на склоне горы над городом существ, которые посмели похитить его сородичей, Крэйг смотрел, как по сигналу барабанов Огрумы заспешили к храму, словно им не терпелось поскорее увидеть адское жертвоприношение.

По другую сторону города расстилалось болото, где жили динозавры. Оттуда доносились их крики и иногда звуки борьбы.

Американцы весь день прятались возле города. К счастью, ни один Огрум не вздумал подняться на гору. Весь день Крэйг провел, заставляя людей повторять свои роли, пока они не выучили назубок, что должны делать. Весь план нападения был рассчитан по секундам. Если все сработает, как надо, если все сделают свое дело вовремя, был шанс, что нападение будет успешным. Но если что-то пойдет не так... Крэйг не хотел даже думать об этом. Он чувствовал, что напряжение в людях росло, по мере того как приближался решающий час.

Словно ведомые ударами барабанов, Огрумы постепенно скрылись в храме. И тут солнце, наконец, решительно нырнуло вниз и исчезло с неба.

Час настал!

Крэйг не видел, но знал, что его люди выскочили из укрытий и бегут к пристройке храма, в которой находился ангар с самолетами. Пальцы его стиснули приклад автомата Томпсона так, что побелели суставы. Сначала нужно было захватить ангар. Самолеты должны быть уничтожены. В течение дня он несколько раз видел, как самолеты вылетали из ангара. Но к ночи они все возвратились.

Стервятники сидели в своем гнезде.

Бум, бум, бум, БУ-УМ!

Крэйг чуть было не закричал от этих звуков. Взрывы гранат! Гранат, которыми нападающая группа забросала ангар. Гранат, рвущихся среди таинственных самолетов Огрумов!

Бум, бум, бум, БУ-УМ!

Гранаты рвались, точно гигантские фейерверки. В темноте Крэйгу даже удалось разглядеть вспышки света от взрывов.

Бум, бум, бум, БУ-УМ!

Разрывы гранат эхом отдались от склона горы. В темноте, где прятались моряки, раздались тихие восклицания. Все понимали, что это за взрывы.

Крэйг сдержал дыхание в ожидании. Нападение продолжалось. Теперь, независимо от результатов, было уже слишком поздно отступать. Убить или быть убитым — так стоял теперь вопрос. Победить — или потерпеть поражение, уничтожить —или быть уничтоженными. Поскольку все знали, что сейчас будет происходить в храме, людей не нужно было ни в чем убеждать. Никакой милости Огрумам. Взорвать их, скосить очередями, убить, уничтожить!

Крэйг ждал. В темноте стучали автоматы. Гремели взрывы гранат. Затем он увидел то, чего ждал. Из ангара вырвались языки пламени.

Гнездо стервятников было в огне!

И огонь все разгорался.

— Уходите! — хрипло выкрикнул Крэйг. — Возвращайтесь. Убирайтесь оттуда!

Он говорил сам с собой, нападавшие на ангар не могли его услышать. Их отступление было следующей фазой нападения. Отступить и выманить Огрумов за собой.

И люди стали отступать. В ангаре гудело пламя. Ангар был построен из камня, и стены его не стали бы гореть, но длинные языки огня вырвались из открытых дверей.

Еще несколько минут после того, как началось нападение, в храме продолжали бить барабаны. На секунду, когда раздался первый взрыв, показалось, что барабаны сбились с ритма, но они тут же поправились, и барабанный бой продолжался. Однако последующие взрывы оказали свой эффект.

Барабаны умолкли. Огрумы стали выбегать из храма. Луна еще не взошла. Горящий ангар был единственным освещением. В его свете Крэйг видел потоки тварей, мчавшихся изо всех выходов.

Несколько минут царило смятение. Происходило что-то, чего не было в их планах. Огрумы не понимали, что за взрывы они слышат и что происходит с ангаром. Но в конечном итоге до них дошло, что это было нападение и враг отступает. Вспышки автоматных очередей показывали те места, где отступали неведомые враги. И Огрумы ринулись за ними.

Одновременно в городе начали появляться вспышки света. Колеблющиеся языки пламени перепрыгивали с одной соломенной хижины на другую, освещая все вокруг себя. На противоположной стороне города небо начало светлеть. Массы Огрумов, изумленных новым зрелищем, остановились в замешательстве. Город был в огне. Огрумы не поняли, в чем дело, и поспешили к очагам пожара.

— Первая и вторая фазы нападения выполнены, — сказал Крэйг своим людям. — Теперь начинается третья фаза. Вперед! Наш выход!

Нападение на ангар, отступление и поджег города были выполнены на отлично. На противоположной стороне города команда факельщиков продолжала поджигать хижины. Но они тоже постепенно отступали, оттягивая на себя часть Огрумов.

«Нападение проходит успешно! — торжествующе подумал Крэйг. — Мы спалили их самолеты и подожгли город. Пока до них дойдет, что происходит, мы освободим пленников. Мы

победили! — горела у него в мозгу единственная мысль. — Мы победили. Вонючка, Марджи и команда «Айдахо» — все будут спасены!»

Крэйг возглавил отряд моряков, двинувшийся прямо к той части храма, где держали пленников. Чтобы спасти их, нужно было пробиться в самое сердце здания.

Выстроившись испытанной римской фалангой, которая когда-то внушала такой страх варварам и выглядела, как построившиеся клином воины, они шли по городу Огрумов. Древние римляне были вооружены копьями, мечами и щитами, а моряки несли автоматы Томпсона и гранаты, но эффект был одинаковый — стремительно продвигающийся вперед отряд людей невозможно было остановить.

Огрумы этого не ожидали. Они пытались погасить бушующие в городе пожары. Не встречая никакого организованного сопротивления и сметая с пути случайно подвернувшихся Огрумов, моряки ворвались в храм и пошли через него. Словно слаженная команда, выполняющая давно разученный маневр, задний ряд остался у входа. Крэйг не хотел оставлять свой тыл неприкрытым, чтобы оставалась возможность для отступления.

На огромной арене горстка одетых в желтое стражников окружала озерцо кипящей лавы. Все остальные Огрумы покинули храм.

— Убить их! — мрачно приказал Крэйг.

Загремели автоматы там, что являлось первым основанным на Земле храмом Солнца. Когда же моряки увидели связанного человека, которого готовились принести в жертву светящемуся, вечно голодному чудовищу, храмовые жрецы потеряли последние шансы уцелеть.

Жертва была уже подготовлена. Моряки успели в последний момент.

Две минуты спустя после того, как отряд вошел в храм, на открытой арене в центре здания не осталось в живых ни одного жреца. Крэйг принялся вышибать запоры клеток, где томились пленники. Капитан Вонючка Хиггинс помогал ему изнутри. Возле капитана стояла Марджи Шарп. Хиггинс бросил странный взгляд на лицо Крэйга.

— Боже мой, Крэйг... — только и сказал он, когда столбы клеток рухнули.

Крэйг почувствовал, как затрещали суставы, когда капитан пожал ему руку.

Лицо девушки было белым, как известь, но она держала себя в руках.

— Доктор Ливингстон, я полагаю? — сумела пошутить она, глядя на Крэйга, а затем потеряла сознание.

— Нет-нет, все в порядке, — сказал Хиггинс в ответ на безумные вопросы Крэйга. — Это просто обморок. Она — и все мы — были тут в аду. Эти проклятые твари ворвались в клетку и схватили одного из нас. Мы смотрели, как его готовятся бросить в кипящую лаву. Крэйг, а как вы оказались здесь? — ошеломленно спросил Хиггинс.

Пленники позади него выходили из громадной клетки.

— Сейчас не время объяснять, — поспешно сказал Крэйг. — Нужно убираться отсюда. Каждый из нас принес лишний автомат и столько гранат, сколько смог унести. У нас будет чем отбиваться по пути к горам...

Моряки уже раздавали запасное оружие своим товарищам, побывавшим в плену. Выражение лиц бывших пленников, когда они нетерпеливо хватали автоматы, не сулило ничего хорошего любому Огруму, который попытался бы их задержать. Тем временем Крэйг и Хиггинс привели в чувства Марджи Шарп. Того, кого Огрумы выбрали жертвой, тоже уже развязали.

— Все! — закричал Крэйг.

Моряки длинной цепочкой побежали через храм к выходу. Вырвавшись наружу, они снова построились бы фалангой и пробились через любое оцепление. Ни малейших звуков не доносилось от выхода, показывая, что Огрумы еще не обнаружили, что их пленники освобождены.

— Мы победили! — хрипло выкрикнул Крэйг. — Мы обманули этих дьяволов!

— Вы совершили чудо, — сказал капитан Хиггинс. — Если мы вернемся домой, вы получите за это медаль Конгресса.

— Спасибо, — усмехнулся Крэйг, но усмешка тут же слетела с его лица. — А это что? — резко сказал он.

От выхода, который был уже рядом, донесся дробный стук автоматных очередей.

— Это охрана у выхода! — крикнул какой-то моряк. — Они в кого-то стреляют!

Крэйг приказал всем остановиться, а они с Хиггинсом бросились к выходу. Из отверстия, служащее в храме дверями, лился мутный свет. Охрана затаилась в самом проходе. А по проходу навстречу Крэйгу бежал энсин[3].

— Это ловушка! — кричал он. — Храм окружен! Там тысячи Огрумов. Они нарочно дали нам войти в храм, чтобы запереть нас внутри.

— Это невозможно, — прошептал Крэйг.

— Поверьте уж, что это правда, — ответил энсин. — Они заманили нас в ловушку. Должно быть, они сразу же поняли, что мы хотим предпринять. Они позволили нам начать. И теперь мы пойманы, как крысы в западне.

Значение его слов было ясно. В прямую энсин не обвинял Крэйг, но его тон намекал, что это именно Крэйг привел всех в ловушку.

Автоматы продолжали стрелять. Словно в ответ им, снаружи раздался нестройный хор голосов — боевые кличи Огрумов. Крэйг бросился к выходу и выглянул наружу.

Храм был полностью окружен. По тому, что он видел, Крэйг не сомневался, что окружено все здание. Огрумы бросили бороться с пожарами. Стало очевидно, что они всего лишь притворялись, что борются с огнем, а сами тем времени поджидали, пока отряд Крэйга войдет в храм.

Это действительно была ловушка.

Но как Огрумы могли додуматься до такого капкана? Или им все время было известно о том, что на горе над городом прячутся люди? Что-то они должны были знать, иначе не смогли бы придумать такую ловушку. Но как они узнали о нападении? Как они узнали точный способ, каким будет совершено нападение?

— Ну и что? — раздался снаружи визгливый голос. — Как тебе понравится это, болван?

Голос Воронова! Там был Воронов! Первым делом ошеломленному Крэйгу пришла в голову мысль, что невозможно, чтобы Воронов был там, снаружи, среди Огрумов. Он попытался вспомнить, когда в последний раз видел этого человека. Он не видел Воронова весь день. Воронова не было в его отряде, и Крэйг подумал, что тот присоединился к какой-ни-

[3] Энсин — прапорщик, младшее офицерское звание.

будь другой группе!

Но Воронов и не думал ни к кому присоединяться. Он тайно пробрался к Огрумам. Именно Воронов рассказал Огрумам о планах нападения на город. Воронов был предателем!

— Вы не поверили мне, когда я сказал, что вас просто всех поубивают! — ликующе кричал Воронов. — Я не собирался ждать, пока из-за вас, дураков, убьют меня. Я рассказал Огрумам, что вы планируете. И они согласились сделать меня своим вождем.

Теперь Крэйг понял, почему первая и вторая фаза нападения прошли так гладко. Огрумы не мешали уничтожению ангара. Выходит, им не нужны были самолеты? Или они могли легко построить другие? Тогда нечего и говорить об уничтожении травяных хижин, их восстановить было легко. Самолеты и хижины — такова была цена, которую они заплатили за то чтобы заманить в ловушку оставшихся людей с «Айдахо».

Крэйг проклял себя. Он и подумать не мог, что среди людей найдется предатель. Но он должен был подумать об этом. В спасательной шлюпке, пока он спал, кто-то украл всю воду. Воронов был единственный, кто мог украсть ее, именно поэтому он и принялся обвинять Крэйга в преступлении, которое совершил сам.

— Я должен был задушить эту тварь! — гневно прорычал Крэйг. — Нужно было бросить его акулам!

Капитан Хиггинс, оценив ситуацию, шагнул вперед.

— Бесполезно плакать по пролитому молоку, — сказал он Крэйгу. — Я не обвиняю вас в том, что вы не подумали о предательстве, да и никто, думаю, не станет вас в этом винить. Вопрос в том, что нам делать теперь?

— Чего вы хотите? — закричал Крэйг наружу.

— Огрумы требуют безоговорочной капитуляции, — раздалось в ответ. — Если вы сдадитесь, они обещают половину оставить в живых. Ну, а другая половина будет предложена их богам. Кто окажется в какой половине — решит жребий. Если же вы не сдадитесь, то вас все равно возьмут в плен и принесут в жертву всех. У вас есть пять минут, чтобы согласиться на наши требования.

Голос Воронова смолк. Крэйг, держа наготове автомат,

пытался его высмотреть, но Воронов хорошо спрятался. Вряд ли он появится на виду.

— И что вы будете делать? — спросил капитан Хиггинс у Крэйга, проявив немалый такт; поскольку Крэйг сам планировал спасательную миссию, то капитан не спешил проявлять свою власть. — Если я правильно понял, они обещают половину оставить в живых, если мы сдадимся.

— Не думаю, что они сдержат свои обещания, — медленно проговорил Крэйг. — Я считаю, что они попытаются обмануть нас. Однако я могу оказаться не прав. Я готов вынести этот вопрос на голосование. Голосуем, что будем делать: сдаваться или продолжать сражение?

Узкий проход был полон моряков, которые слышали все, что говорилось. Наступило минутное молчание, затем грубый голос прорычал:

— Я за сражение!

Ему тут же вторил целый хор:

— Будем бороться с этими дьяволами!

— Они никого не оставят в живых, если мы сдадимся.

— Пробьемся отсюда с боем!

Капитан Хиггинс выслушал их.

— Они хорошие парни, — сказал он подозрительно дрогнувшим голосом.

— Хорошо, — сказал Крэйг. — Мы будет сражаться. Этот храм — почти что готовая крепость. Мы можем держаться здесь неопределенно долго. У них нет артиллерии, чтобы обстреливать нас, самолеты их уничтожены, так что они не могут нас бомбить. Будем держаться здесь, пока не появится шанс убежать.

В голове у него засела мысль, что у них действительно будет шанс убежать. В конце концов, еще не сказала свое слово четвертая фаза, а она должна начаться в любой момент.

— На крышу! — приказал он.

Когда истекли пять минут отсрочки, все уже были на плоской крыше храма. Как раз поднималась Луна. Ее восход был похож на гигантский пожар на горизонте.

— Время закончилось! — закричал Воронов из какого-то укрытия. — Что вы решили?

— Мы решили, что ты можешь идти ко всем чертям! —

ответил Крэйг. — Если хочешь заполучить нас, то попробуй прийти и взять.

Вокруг храма столпились тысячи Огрумов. Капитан Хиггинс внимательно оглядел их.

— Мы перекрыли все подходы к зданию, — сказал он. — Если они попытаются пойти на штурм, то будет настоящая резня. У нас все еще есть шанс, Крэйг.

— Ты прав, шанс у нас есть, — ответил Крэйг.

— Мы в порядке, — продолжал капитан, — не считая того, что мало боеприпасов, нет воды и еды.

— Если мы не уберемся отсюда к тому времени, когда закончатся боеприпасы, то вообще не убежим, — сказал Крэйг. — Однако через час нас здесь не будет.

— Надеюсь, ты знаешь, о чем говоришь, — только и ответил на это Хиггинс.

Огрумы не предпринимали попыток напасть. Крэйг обошел крышу храма, расставив людей так, чтобы перекрыть огнем все подходы. Ветер, дувший со стороны болот, принес крики динозавров. Окружающее напоминало сцену из какого-то фантастического фильма, с огромной луной, горевшей на горизонте, точно громадный прожектор, кричавшими в ночи невероятными животными и группой находившихся в боевой готовности людей на крыше старого, как мир, храма.

«У нас есть время, — подумал Крэйг. — Они видят, что не могут добраться до нас. Только бы они подождали еще час...»

В воздухе мелькнул маленький круглый предмет и ударился о крышу храма. Раздался хлопок. Не взрыв, а просто хлопок, точно камень шлепнулся в лужу. И в месте его падения вспухло облачко белого дыма.

«Что это, черт возьми? — растерянно подумал Крэйг. — Они бросают в нас гранаты? Хлопок — это взрыв первой гранаты?»

Он бросился к ней. Дым обжег ему ноздри и послал в мозг тревожный звонок.

— Газ! — завопил Крэйг. — Они бросают в нас газовые гранаты. Уходите от этого дыма.

Огрумы напали на «Айдахо» с усыпляющим газом! У охранников храма были мешочки с чем-то, что Крэйг принял за обычные гранаты. Но это были газовые гранаты!

Хлопки стали раздаваться все чаще. Над крышей поплыл густеющий дым.

— Стреляйте по гранатометчикам! — закричал Крэйг, бросился к краю крыши и начал стрелять вниз.

Остальные тоже открыли пальбу. До сих пор все старались беречь боеприпасы, но если сейчас они не перестреляют гранатометчиков, то боеприпасы будут уже не нужны.

Автоматные очереди не смолкали. В городе все еще горели хижины, и воздух постепенно наполнялся дымом. Огрумы, окружившие храм, бросились прятаться. Они не рисковали напасть в открытую, лишь время от времени перебегали от одного укрытия к другому.

Пуф! Пуф! Пуф!..

Все больше гранат падало на крышу. Все чаще раздавались хлопки.

Крэйг услышал, как кто-то рядом с ним задохнулся и судорожно закашлялся. А вскоре кашель даже заглушил звуки автоматных очередей. Крэйг и сам кашлял. Легкие у него горели огнем. Стрельба начала стихать. Задыхающиеся люди стали ронять оружие. Крэйг стрелял вслепую, стараясь поразить гранатометчиков. Хлопки газовых гранат громом гремели у него в ушах.

— Какая жестокая штука — удача, — послышался рядом с ним тоненький голос.

Крэйг обернулся и увидел Марджи Шарп. Девушка прижимала к носу платок и пыталась не дышать. Она едва держалась на ногах.

— Я чувствую, что вот-вот засну, — прошептала она.

Газ действовал на нее и на всех остальных. Многие моряки уже упали. Некоторые пытались подползти к краю крыши, волоча за собой автоматы, держать которые в руках уже не было сил.

— Мы хорошо сражались, — прошептала Марджи Шарп. — Плохо только, что проиграли.

— Мы еще не проиграли, — прохрипел Крэйг.

Он лежал, не в силах уже подняться. Единственной надеждой была четвертая фаза плана нападения. Если она не начнется в течение нескольких минут, они обречены.

«Что там, черт побери, с Михаэльсоном? — думал Крэйг. Ученый потерпел неудачу? Случилось что-то непредвиденное?»

Ночную тишину разорвали вопли Огрумов. Предчувствуя победу, они кричали от радости. Тем временем на крыше храма взрывалось все больше газовых гранат. Ветер немного усилился и развеял часть газа, но, к сожалению, не весь. С каждым глотком газа люди теряли силы. Три глотка — и они погружались в сон.

К ногам Крэйга подполз человек в форме. Это был капитан Хиггинс.

— Я... наверное, это... все... — прошептал он.

— Наверное, — шепнул в ответ Крэйг.

Газ впился в легкие, и он снова закашлял. Медленно, но неотвратимо смертельная усталость одолевала его. Его тянуло упасть на колени, но Крэйг изо всех сил заставил себя встать на подгибавшиеся ноги. Он боролся со сном, потому что проснулся бы он в клетке Огрумов, ожидая, когда станет очередной жертвой солнцу. Все еще стреляли два-три автомата, сдерживая орду Огрумов. Но когда они замолчат...

Ночь озаряли огни горящего города. Воздух был полон дыма. Крики динозавров стали громче, словно те тоже были взволнованы пожаром в городе. Крэйг слышал, что стреляет всего лишь два автомата. Несмотря на все усилия, он все же упал на колени. На крышу продолжали падать гранаты. Вот остался стрелять лишь один автомат. Крэйг увидел, как рядом спокойно лежит Марджи Шарп. Она походила на маленькую девочку, которая устала играть и захотела подремать.

БУМ! БУМ! БУ-БУ-УМ!!!

Пять взрывов слившихся в один разорвали ночь. Они раздались не в храме и не возле него, а донеслись издалека.

Этот звук поднял Крэйга на ноги.

— Михаэльсон! — закричал он, уставившись в том направлении, откуда долетели разрывы. Но дым был слишком плотным, и он ничего не разглядел.

— Михаэльсон... — прошептал Крэйг. — Ради бога, быстрее!

Ответа не было. Крэйг ждал, но взрывов тоже больше не раздавалось. Он снова упал на колени, борясь с непреодолимым желанием уснуть. Смутно он услышал, как замерли вопли Огрумов. Гранаты перестали падать на крышу. Крэйг подумал,

уж не собираются ли Огрумы ворваться в храм и перебить всех, у кого еще были силы сопротивляться. Крэйг заставил себя подняться, шагнул к краю крыши и глянул вниз.

Огрумы уже не пялились на храм. Они повернулись в сторону взрывов, выйдя на открытое пространство. Крэйг увидел, как они сбились группами, нервно глядя в том направлении.

Вдалеке смутно послышались громовые раскаты. Они походили на рев надвигающейся лавины, грохот, ворчание, топот становились все громче. Дым был слишком плотным, чтобы можно было разглядеть, что там происходит.

Раскаты становились все громче, превращаясь в рев торнадо. Огрумы уставились в ту сторону, пытаясь понять, что там такое. Они все больше тревожились, некоторые уже побежали.

Что-то возникло в дыму и превратилось в несущееся громыхающим галопом громадное и страшно напуганное животное. Оно увидело огни впереди и, завопив, попыталось развернуться, но мчащееся за ним стадо понесло его вперед.

В город хлынула масса темных тел. Их были сотни, тысячи. Они были на грани безумия и думали лишь о том, как убежать. Самое маленькое из животных было весом больше двух тонн.

Крэйг, сопротивлявшийся действию газа, зарыдал от облегчения.

— Михаэльсон, — прошептал он. — Вы добрались туда вовремя! Вы сделали это! Вы сделали это!..

В действие вступила четвертая фаза плана нападения. Гуру с ученым обошли болото по краям и подожгли его. Часть болотных растений не хотела загораться, но там было много сухого тростника, вспыхнувшего, как порох.

Динозавры ринулись от огня. Пламя было зажжено так, чтобы громадным монстрам оставался лишь один путь — к городу. А в надлежащий момент была взорвана стена, которая охраняла город Огрумов от нашествия чудовищ.

И динозавры в панике помчались по городу.

Крэйг когда-то читал о паническом бегстве бизонов в первые годы освоения Дикого Запада. Тысячные стада безумно неслись, сметая все на своем пути, и земля тряслась под их копытами.

А тут панически неслись через город Огрумов не бизоны, а динозавры.

Слишком поздно до Огрумов дошло, что происходит. Они попытались бежать, но громадные животные втоптали их в землю. Хижины, оказавшиеся у них на пути, разлетались в щепки. Некоторые животные, ослепленные страхом, ударялись о стены храма. И храм содрогался от каждого такого удара. Очевидно, Воронова тоже раздавили в этом катаклизме. Наверное, он пожалел о том, что слишком рано убежал к Огрумам и не узнал о завершающей части плана. Он или не знал о четвертой фазе, или Огрумы не поверили ему.

Еще много часов Крэйгу чудились вопли Огрумов, раздававшиеся в разных концах города. Но эти крики были заглушены топотом громадных ног. Стадо динозавров пересекло город и унеслось по берегу залива. Когда их не стало, единственным уцелевшим в городе строением был храм. Все остальное было снесено. В развалинах хижин то и дело пробегали тлеющие огоньки.

Когда животных не стало, из темноты появились Михаэльсон со своей группой моряков, и Гуру. Гуру сопровождали несколько десятков его соплеменников, срочно набранных для того, чтобы поджечь края болота. Увидев их, Крэйг закричал:

— Идите сюда и встаньте на стражу! А мне нужно поспать!

ГЛАВА VIII. Конец приключений

Крэйг стоял у поручней корабля.

Солнце спускалось за горизонт, сумрак уже протянул длинные тени. Михаэльсон стоял рядом с Крэйгом. Ученый, как всегда, был взволнован.

— Огрумы представляют собой странный случай деформации развития, — сказал он. — Вы знаете, кто они?

— Дьяволы, — проворчал Крэйг.

Его не очень интересовало то, что говорил ученый.

— Химики! — торжествующе воскликнул Михаэльсон. — По какой-то причуде природы появилась раса людей, которые были великолепными химиками, но имели

слабые или вообще не имели никаких талантов в других областях. Кислота, которую они испробовали на «Айдахо», снотворный газ — все указывает на то, что они гениальные химики. По остаткам в сгоревшем ангаре я понял, что их самолеты сделаны целиком из пластмассы — в них не было ни крупицы металла. Даже самолетные двигатели, похоже, были из пластмассы. Огрумы не знали колеса, арки, не разбирались в архитектуре, но были превосходными химиками. — Ученый, казалось, был очень доволен, что сделал это открытие. — Если вы не станете разрушать их храм, то мы, вероятно, еще много узнаем о них, — обвиняющим тоном закончил он.

На рассвете следующего дня было завершено окончательное разрушение города. В храм были заложены сотни гранат, и он тоже рухнул.

— Это вопрос выживания, — заметил Крэйг. — Нам придется жить в этом мире, и здесь не хватит места для нас и Огрумов. Я разорил их город, но некоторым, вероятно, удалось выжить. И я не хочу оставить в покое крысиное гнездо, где они смогут снова собраться и начать размножаться.

— В этом вы правы, — согласился с ним Михаэльсон. — Мне только хотелось бы побольше узнать о них.

— Ну, я знаю о них столько, что хватит на всю оставшуюся жизнь, — с горечью сказал Крэйг. — О, привет! — Это относилось к девушке, которая поднялась наверх и тоже оперлась о поручни.

— Добрый вечер, — сказала она и больше не проронила ни слова, лишь стояла у поручней и глядела в сгущающиеся сумерки.

Крэйг тоже молчал.

— Мне хотелось бы понять, как работают бесшумные двигатели самолетов Огрумов, — произнес, наконец, Михаэльсон.

— А? Что вы сказали? — встрепенулся Крэйг.

— Да вы не слушали, — укоризненно воскликнул ученый, потом надел очки и посмотрел вдоль поручней, туда, где стояла Марджи Шарп. — Ага, понятно, — заявил он.

— Что вам понятно? — с вызывающей усмешкой спросил Крэйг.

— Понятно, что мое присутствие не только больше не необходимо, но и излишне, — улыбнулся ученый и ушел...

Сгустились сумерки. Крэйг сам не понял, как оказалось, что они с Марджи постепенно приблизились вплотную друг к другу.

— Марджи, — сказал Крэйг, — что касается воды там, в спасательной шлюпке...

— А, — ответила девушка, — если вы волнуетесь по этому поводу, то я разговаривала с миссис Миллер. Она не спала большую часть той ночи, когда исчезла вода. Она сказала, что не уверена, но вроде бы видела, как кто-то прополз к бочонку, пока вы спали.

Крэйг вздохнул с облегчением. Сам-то он знал, что не трогал воды, но ему было важно, чтобы это знала Марджи.

— Смотрите, — сказал Крэйг, махнув рукой на береговую линию. — Там новый мир, новые земли, новые места, ждущие, чтобы их исследовали. Там еще не ступала нога человека. И все это теперь наше...

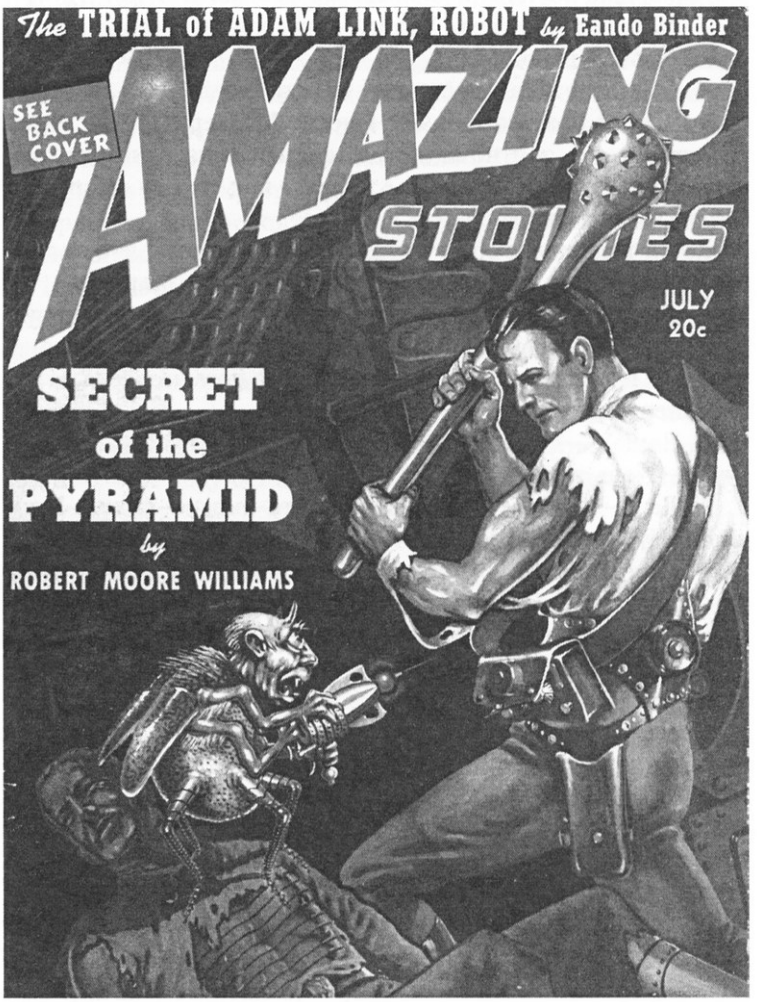
— Наше? — с сомнением переспросила девушка. Голос ее звучал очень тихо.

— Да, — сказал Крэйг. — Я вот что имею в виду... Марджи... Ну, вы как-то сказали. Что мы два сапога пара...

— Мне кажется, — спокойно ответила девушка, — что у капитана Хиггинса есть полномочия сделать нас просто парой, если вы это имеете в виду.

— Да! — вскричал Крэйг. — Именно это я и пытаюсь сказать...

Совсем стемнело. Они стояли, прижавшись друг к другу и, ничего не говоря, смотрели на берег, где пряталась в темноте новая странная земля. Крэйгу почему-то сперва показалось, что их странное приключение в прошлом подошло к концу. Но теперь, когда он подумал о новых землях, он понял, что его сыновьям, и даже внукам останется много чего исследовать. Что их приключение не заканчивается, а, наоборот, только начинается...

The TRIAL of ADAM LINK, ROBOT by Eando Binder
SEE BACK COVER
AMAZING STORIES
JULY
20c
SECRET of the PYRAMID
by
ROBERT MOORE WILLIAMS

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ЧЕЛОВЕК ДВУХ МИРОВ
«Man of two worlds», журнал «Fantastic Adventures», № 3, 1947

БОМБЫ ДЛЯ РОГАТКИ
«Incredible slingshot bombs», журнал «Amazing Stories», №5,1942

СТРАНА ЗОЛОТЫХ ЛЮДЕЙ
«Land of the golden men», журнал «Amazing Stories», №6, 1949

КРАСНАЯ СМЕРТЬ МАРСА
«The Red Dead of Mars», «Astounding Science Fiction», № 7, 1940

ПОД СТРАХОМ СМЕРТИ
«On Pain of Death», «Astounding Science Fiction», № 6, 1942

ЗВУК БОЕВЫХ ТРУБ
«The Sound of Bugles», «Startling Stories», № 3, 1949

КОГДА НАЧИНАЮТСЯ НЕПРИЯТНОСТИ
«When the Spoilers Came», «Planet Stories», №5, 1952

ТАЙНА ПИРАМИДЫ
«Secret of the Pyramid», журнал «Amazing Stories», № 7, 1937

РАКЕТЫ НАД ЕВРОПОЙ
«Rockets over Europe», журнал «Amazing Stories», №2, 1940

ВОЗВРАЩЕНИЕ САТАНЫ
«Return of Satan», «Amazing Stories», № 10, 1939

ЧЕЛОВЕК ДВУХ МИРОВ

I

Пещерный медведь пришел в ярость, поднялся на задние лапы и раскрыл пасть, наполненную желтыми зубами.

— Урррммм! — заклокотало у него в горле.

Колдун, которого пещерные люди называли Мраком, лишь взглянул на чудовищного зверя, и храбрость его улетучилась. Медведь зарычал, и Мрак забыл про заклинания и зелья, которые, как он хвастал, способны одолеть кошмарного зверя. Уронив мешок с магическими предметами, он помчался по склону горы, как перепуганный кролик.

Когда медведь в ярости поднялся перед ним на дыбы, Пещерный Рэнд отпрыгнул под нависающий выступ скалы. Затем он взглянул на Мрака и усмехнулся, глядя, как убегает его спутник.

«Пещерный медведь рычит — колдун удирает», — подумал он и почувствовал удовлетворение. Мрак показал себя

трусом. Теперь у пещерных людей исчезнет страх перед колдовством.

Рэнд достал зазубренную кремневую стрелу и натянул тетиву лука. Толстая дубовая палка заскрипела, когда оперенный конец стрелы медленно подполз к его уху. Тетива, сделанная из тщательно выделанного сухожилия громадного лося, натянулась, как струна. И тогда Рэнд выпустил стрелу.

Оперенное древко мелькнуло в воздухе.

Бум!

Стрела до самого оперения вошла в косматую грудь пещерного медведя-великана.

— Урррммм! — снова взревел медведь.

— Аааа! — завопил Рэнд.

На тетиву легла вторая стрела. Ликование и сила переполняла охотника, когда он натягивал лук. Он был Пещерным Рэндом, Рэндом Могучим Охотником. Никто больше в племени не мог натянуть его лук. Ни у кого не было сил и сноровки, чтобы пускать стрелы с такой точностью и силой, как это делал Пещерный Рэнд. Рэнд ликовал от ощущения своей силы.

БУММ! Вторая стрела попала в цель. Она ударила немного ниже первой, чуть ниже крепких ребер грудной клетки, и глубоко вонзилась в тело зверя.

— Урррммм! — ревел медведь.

Он был могучим хозяином гор, этот медведь. Больше, сильнее и быстрее, чем гризли — настоящий гигант. Все живое боялось его. Когда он шел, все удирали с его пути. Когда он ревел, смолкали все звуки в холмах. Когда он бежал, дрожала земля.

Он был Великим Пещерным Медведем.

Люди пещер никогда не убивали великого пещерного медведя. Как и все животные этого древнего мира, они жили в страхе перед ним. Могучими лапами он мог повалить сразу дюжину человек. Одним движением челюстей перекусить человеку руку. Взмахом могучей лапы мог превратить человека в груду кровавого мяса и переломанных костей.

Как и все животные, пещерные люди уступали ему дорогу. Он шел, и никто не смел остановить его.

А вот Пещерный Рэнд и колдун Мрак сами отправились на поиски пещерного медведя. Рэнд, благодаря своей силе,

не боялся никого, даже пещерного медведя. Мрак пришел, потому что ему не нравился рост влияния Рэнда на племя, и он хотел унизить своего конкурента.

Но Мрак бросил один лишь взгляд на зверя, которого они искали, и убежал.

Рэнд заскочил на выступ и снова натянул лук.

Третья стрела вонзилась в живот — наиболее уязвимое место животного.

— Йя-а-а-а! — насмешливо завопил Рэнд.

Где-то позади среди скал прятались другие охотники племени. Они должны видеть, как он стреляет в зверя, слышать его клич, знать о его храбрости.

Медведь увидел человека на выступе. До этого он не понимал, что его жалило. Стрелы летели так быстро, что медведь просто не замечал их. Он чувствовал, лишь когда они впивались в его тушу. Но теперь он увидел Рэнда и понял, кто источник этой острой боли.

И пошел в атаку на человека.

Опустившись на четыре лапы, медведь одним прыжком выскочил на открытое место, а потом бросился вверх, на выступ.

Четвертая стрела Рэнда прошла по нему скользом, лишь слегка поцарапав.

Рэнд поспешно отпрыгнул на край выступа и глядел, как чудовищными передними лапами зверь выдалбливает выемки, пытаясь взобраться на уступ.

Его мышцы плеч напряглись, задние лапы неистово царапали стену утеса, пока медведь медленно поднимался вверх.

Рэнд поспешно схватил еще одну стрелу.

— Урррммм! — взревел медведь, нащупав точку опоры.

Рэнд пустил стрелу прямо в открытую пасть зверя.

Медведь не удержался на выступе и упал назад.

— Йя-а! — ликующе воскликнул Рэнд.

Он заставил медведя отступить. Он одержал победу.

Подбежав к краю, Рэнд глянул вниз.

Медведь шел вдоль выступа туда, где уступ понижался, и он мог бы легко подняться на него.

— Да он промчится по уступу, как летящий экспресс, — подумал Рэнд.

Рэнд понимал, что странно было для него думать об экспрессах. Пещерный Рэнд никогда не слышал и слышать об экспрессах не мог. Сам вид экспресса напугал бы пещерного человека до судорог. Экспрессы появятся лишь через тысячи лет в будущем. Но Рэнду медведь напоминал экспресс, несущийся на максимальной скорости. То, что он, пещерный человек, мог сравнивать что-то с экспрессами — даже если это понятие было для него смутным и неопределенным, — было тем, о чем он никогда окончательно не забывал, хотя и не помнил ясно.

Одно Рэнд знал наверняка: он не сможет выдержать атаку медведя.

Даже сто человек не могли бы выдержать нападения пещерного медведя. Зверь разметал бы всю сотню, как ураганный ветер упавшие листья.

Рэнд повернулся и побежал от медведя по уступу.

Позади него раздалось рычание.

Повернув голову, Рэнд увидел, что медведь добрался до удобного места и вскочил на уступ.

Он побежал быстрее, но тут же резко остановился.

Уступ резко закончился. Дальше был отвесная скалистая стена.

Он мог бы спрыгнуть вниз на уступ, который тянулся футах в двадцати под ним, и побежать по нему под гору. Но если бы он сделал так, то медведь последовал бы за ним. А под гору этот могучий зверь мог бежать с потрясающей скоростью.

На пятнадцать футов выше Рэнда тянулся еще один уступ. Если забраться на него, то медведь не сумеет последовать за ним.

Но если он не допрыгнет до этого уступа...

Сзади загрохотали камни. Рэнд услышал царапание когтей по камням, уловил тяжелое дыхание зверя.

Он бросил свой лук вверх, и тот упал точно на уступе. Тогда Рэнд полез за ним. Цепкие пальцы нашаривали трещины в камнях. Вот он схватился за край верхнего утеса и начал подтягиваться...

Но тут правая нога Рэнда, опирающаяся на крошечный выступ, сорвалась.

Он повис, вцепившись кончиками пальцев в край уступа. И почувствовал, что пальцы начинают скользить.

Медведь внизу пришел в неописуемую ярость и прыгнул вверх. Пальцы Рэнда продолжали скользить. Он отчаянно искал ногой опору. И никак не мог найти.

«Вот тут мне и конец!» — промелькнуло в голове охотника.

— Рэнд, — послышался сверху задыхающийся голос.

Кто-то обутый в мокасины подбежал к краю выступа. Две сильные руки схватили Рэнда за запястье.

— Рэнд... — повторил голос.

Кто-то помог охотнику подняться на уступ.

Внизу у скалистой стены разочарованно ревел и прыгал пещерный медведь. Рэнд взглянул в глаза женщины, которую пещерные люди звали Пег. Это она помогла Рэнду забраться на уступ...

Она была высокой, гибкой и сильной, эта Пещерная Пег. Короткая юбка из выворотной кожи на талии. Загорелые голые ноги были обуты в мокасины. Выше обнаженной талии была затянутая в кожаный лиф полная грудь. Каштановые волосы завязаны узлом. Ее лук и колчан со стрелами лежали на выступе, там, где она бросила их.

В тот момент она показалась Пещерному Рэнду самым красивым существом, какое он когда-либо видел.

— Спасибо, Пег, — проговорил он, тяжело дыша. — Если бы не ты, мной бы сейчас лакомился медведь.

— Я следила за тобой, Рэнд, — ответила она. — Я смотрела сверху и видела то, чего не видел ты — что выступ закончится обрывом. Я предположила, что ты попытаешься вскарабкаться на следующий выступ, так что побежала помочь тебе, если бы тебе понадобилась помощь.

— Ну, Пег, еще раз спасибо, — протянул Рэнд. — Любому, кто охотится на Большого Медведя, понадобится помощь. Твои зоркие глаза спасли мне жизнь. А теперь мы прикончим медведя.

Он поднял свой большой лук и вынул зазубренную стрелу. Девушка тоже взялась оружие. Стрелы полетели вниз, но громадное животное даже не обратило на них внимания. С такого расстояния стрелы не могли пробить густой мех и лишь застревали в нем.

Только попав в живот, стрелы могли причинить зверю боль, но сверху в живот медведю не попасть.

Рэнд остановился, когда у него осталось лишь три стрелы.

— Нужно более могучее оружие, — пробормотал он.

В голове у него мелькнула мысль о ружье, которое нужно прижимать к плечу, ружье, мечущем огонь и дым и валившем с ног любого зверя, на какого было нацелено. Если бы только у него было такое ружье! Даже пещерный медведь не мог бы противостоять ему.

Но такого оружия у него не было. Такое оружие было лишь в темных глубинах его странного разума. Такого оружия не было в мире пещер. Рэнд огляделся. На уступе лежал громадный валун. Рэнд положил лук.

Валун был так тяжел, что Пег пришлось помогать ему. Вдвоем они подкатили камень к краю уступа. Медведь находился на уступе под ними. Они тщательно прицелились и в нужную секунду сбросили валун. В мире пещер громадный валун мог стать могучим оружием. Он ударил медведя в середину спины. Раздался громкий треск ломающегося позвоночника. Животное конвульсивно содрогнулось и полетело с уступа, ударяясь с глухим стуком о выступающие из скалы камни, пока не затихло внизу, на том самом месте, где Рэнд и Мрак впервые увидели его.

Затихло и больше не шевелилось.

Рэнд и Пег широко раскрытыми глазами посмотрели друг на друга.

У каждого в голове гремело: ПОБЕДА! Они убили пещерного медведя! Они убили зверя, которого люди никогда еще не убивали. Они все больше и больше изумлялись сами себе. Они совершили великий подвиг!

Затем они стали спускаться вниз по уступу к медведю.

II

Они стояли возле медведя. Мертвым, могучий зверь казался меньше, чем был при жизни, словно смерть выкачала из него соки. Рэнд заметил, что он лежит на мешке

Мрака со всякими магическими штучками, который колдун бросил, когда спасался бегством. Рэнд подумал, что Мрак убежал, а он, Пещерный Рэнд, остался, сражался и, с помощью Пег, одолел Большого Медведя.

Теперь он станет могущественнее, чем Мрак. Племя признает его силу. Они станут смеяться на Мраком, когда тот вновь начнет пытаться производить на них впечатление своим колдовством.

— Из шкуры получится прекрасная одежда, — заметил Рэнд. — Мы тщательно выскоблим ее, и следующей зимой она станет беречь нас от мороза.

В пещерном мире бракосочетание было очень простым.

Рэнд заметил, как что-то запульсировало в ее горле, когда он произнес эти слова.

— Рэнд...

— Я именно это имел в виду, — подтвердил Рэнд. — Иначе не стал бы говорить. Следующей зимой одежда сбережет нас от холода. Когда ночью в пещере погаснет костер, нам будет тепло.

Вот и все, что требовалось сказать. Спаривание было здесь очень простым процессом.

— А теперь освежуем медведя, — распорядился охотник, наклонился и достал кремневый нож, подвешенный у него на поясе.

Шкура медведя оказалась очень прочной. Рэнд пилил шкуру, но нож был острым далеко не по всей длине. А в голове у него снова мелькнула мысль о другом ноже, ноже с чрезвычайно острым лезвием, сверкающим, как огонь.

Но где он видел подобный нож?

Рэнд покачал головой. Он не мог вспомнить, где и когда видел его, но мысль о ноже, точно так же, как мысль об экспрессе, засела в его голове.

Пег встала рядом на колени и помогала, туго натягивая шкуру, чтобы кремневому лезвию было легче резать. Они трудились довольно долго, прежде чем Рэнд понял, что слышит голоса.

Он обернулся.

На него и Пег смотрела вниз со склона горы группа охотников. И с ними был Мрак.

— Хо! — крикнул Рэнд. — Спускайтесь! Спускайтесь и посмотрите на Большого Медведя, которого я убил!

Они побежали по склону, в широко открытых глазах плескался страх.

— Большой Медведь убит! — сказал один.

— Медведя убил Рэнд, — добавил второй.

А третий уловил связь между Рэндом и убийством медведя.

— Рэнд — могучий охотник, — заявил он. — Самый могучий охотник племени.

Рэнд вспыхнул при этих словах. Немного похвалы приятно любому, только не стоит слишком явно показывать это. Они могут счесть его самодовольным, если заметят, насколько он рад...

Пег заработала быстрее, чтобы скрыть удовольствие при этих словах охотников. Она заслужила право быть помощницей Пещерного Рэнда, и была взволнована и рада этому.

Только Мрак был не рад. Он медленно обошел вокруг медведя, словно хотел удостовериться, что тот в самом деле мертв. Рэнд не стал ничего говорить о том, как сбежал Мрак, когда они встретились с медведем.

— Это помогло мое колдовство, — внезапно объявил Мрак. — Если бы не мое колдовство, медведь был бы все еще жив.

Пег быстро обернулась. Колдун нравится ей не больше, чем Рэнду, но Рэнд жестом велел ей молчать, когда она хотела что-то сказать.

— Помогло мое колдовство, — повторил Мрак.

Заявление колдуна произвело впечатление на и так уже испуганных охотников. Для них, живущих в доисторические времена, мир был полон колдовства. Когда по небу летели облака, их заставляло двигаться колдовство. Молния была гневным демоном, а гром — его голосом, вопившим в небесах. Солнце — великим богом, управлявшим небом днем, а луна — маленьким богом, правящим им по ночам. Каждый холм и каждая гора были прибежищем духов, в каждом дереве, в каждой рощице жили невидимые создания. У любого животного в лесу, у каждой рыбы в реке, у каждой летящей птицы имелся собственный дух. И если охотник возвращался домой без добычи, значит, он не понравился духам.

В этом мире, где повсюду таилось колдовство, колдун, утверждавший, что владеет им, считался очень могущественным человеком, которого все боялись.

— Это было мое колдовство, — в третий раз повторил Мрак. — Без моего колдовства медведь не умер бы.

Он был полон решимости потребовать часть добычи.

— Тьфу! — сплюнул Рэнд.

Все зашло уже слишком далеко. Если Мрак будет настаивать, что он помог убить медведя, то Рэнду придется рассказать правду. И его поддержит Пег.

— Помогло мое колдовство, — продолжал настаивать Мрак. — Собственно, колдовство не просто помогло. Именно оно и убило медведя.

— Оно убило медведя?! — внезапно взорвался Рэнд. — Это ложь!

— Я могу это доказать, — ответил Мрак.

— Ты не сможешь доказать ложь, — горячо выкрикнул Рэнд.

Он посмотрел на лица охотников. Люди были уже поражены конфликтом между Рэндом и колдуном. И Рэнд собирался усилить их впечатление.

— Когда мы встретились с медведем, — медленно проговорил он, — Мрак убежал. Когда медведь заревел, Мрак выронил все свое магическое барахло и дал деру. Я еще не встречал человека, который бежал бы быстрее, чем Мрак.

Его заявление произвело на охотников хорошее впечатление. Они не уважали тех, кто убегает от опасности.

— А в то время, как Мрак сбежал, Рэнд остался и боролся с медведем, — сказала Пег. — Я видела это. Рэнд пускал в медведя стрелы, а Мрак бежал сломя голову.

Ее слова оказали еще большее впечатление. Некоторые охотники начали с сомнением глядеть на Мрака...

Колдун, в котором сомневаются охотники, колдун, которого племя считает трусом, может пойти и перерезать себе горло. Мрак увидел, что охотники задумались, и понимал последствия этого.

— Я сказал, что мое колдовство убило медведя, — закричал он, — и могу это доказать!

— Ну, попытайся, — усмехнулся Рэнд. — Пег и я видели, как ты бежал.

— Я действительно бежал, — признался Мрак и взглянул на охотников, чтобы увидеть, какой эффект произвели эти слова.

Охотники хмуро глядели на него.

— Он признается, что убежал, — сказал один из них.

— Разумеется, я бежал, — быстро проговорил Мрак. — Я убежал, чтобы заставить медведя последовать за мной. А когда убегал, то оставил слови колдовские вещи в качестве ловушки. Глядите! — ликующе воскликнул он. — Глядите, как отлично сработала моя ловушка. Медведь наступил на мой мешок и упал замертво. Глядите! Вот вам мое доказательство! Медведь лежит на моем мешке!

Он показал на свой мешок, угол которого торчал из-под плеча медведя.

— Как только медведь коснулся моего мешка, он тут же упал мертвым, — повторил Мрак. — Так что медведя убило мое колдовство!

— Ложь! — завопил Рэнд. — Это ложь! — Он вскочил на ноги. — Мы вместе с Пег убили медведя на уступе, мы сбросили на него большой камень, который сломал ему хребет...

Он замолчал, поняв по лицам охотников, что его даже не слушают.

— Они поверили Мраку, — прошептала Пег. — Его волшебный мешок находится под медведем. Они считают, что медведя убило колдовство.

В рассуждениях люди первобытного мира часто путали причину и следствия. Медведь умер на мешке колдуна. Значит, он был убит колдовством. Независимо от того, что Рэнд и Пег сбросили камень, который сломал ему спину, медведь умер от колдовства.

Вот чему верили охотники. Они своими глазами видели этот мешок. Они знали, что он принадлежит Мраку.

— Я требую шкуру! — ликующе крикнул Мрак. — Рэнд может забирать себе мясо, но шкура — моя!

— Ты лживая крыса! — взревел Рэнд.

Он осознал сразу три факта. Во-первых, он разозлился, гнев кипел у него в груди. Мрак обманул его, ловко сманеврировав, и это привело его в ярость.

Во-вторых, в руке у него был нож, и было бы так приятно всадить этот нож в горло Мрака по самую рукоятку.

И в-третьих, он услышал голоса.

Голоса доносились издалека, но становились все громче и тянули его к себе. И по мере того, как они усиливались, склон горы, ликующий Мрак, больша туша медведя, группа охотников возле нее и Пещерная Пег — все начало тускнеть и расплываться.

Смутно, очень смутно Пещерный Рэнд начал понимать, что происходит. То, что все окружающее смазывалось и исчезало, было как-то связано с его способностью. думать об экспрессе, с его способностью думать об оружии, которое нужно прижимать к плечу, и тогда из него вырывается огонь, дым и гром, и это оружие принадлежит к совершенно другому миру.

Рэнд стал постепенно понимать, что происходит. Это происходило уже много раз и всегда раздражало его. Он хотел быть Пещерным Рэндом больше, чем Джоном Рэндом из двадцатого века, но ничего не мог с этим поделать. Когда появлялась непреодолимая тяга, он вынужден был ей повиноваться, и знал это.

Мир пещерных людей уже исчез. Исчезла высокая гора, исчез Великий Пещерный Медведь, исчезла Пег, и исчезли столпившиеся вокруг охотники.

Рэнда захватил бурный поток и понес куда-то.

Он закрыл глаза, будучи Пещерным Рэндом, и снова открыл их уже Джоном Рэндом из двадцатого века.

III

Он открыл глаза как Джон Рэнд из двадцатого века. Где-то на тусклых задворках его сознания была память о Пещерном Рэнде. Неопределенные, смутные, бесформенные воспоминания, которые всегда оставались с ним. Он не был уверен, что может в них разобраться, но никогда не забывал, что он Джон Рэнд из двадцатого века и одновременно Пещерный Рэнд.

Он лежал на кушетке в своем кабинете. Нос и нижнюю часть лица закрывала резиновая маска. Резиновая трубка тянулась от маски к несложному аппаратику, стоявшему на

столике у кушетки, аппаратику, предназначенному контролировать подачу в легкие закиси азота.

Вдохнув точно отмеренную порцию закиси азота, он засыпал и видел сны.

Вернее, один и тот же сон. И в этом сне он был Пещерным Рэндом. Вернее, он сам не считал это сном. Он считал это реальностью. Он думал, что закись азота открывает на время какую-то дверь, и он попадает через эту дверь в прошлое, во времена пещерных людей.

Его жена Дженни считала, что это всего лишь сны. Она считала, что ее муж свихнулся. Точнее, что он псих ненормальный. Но не опасный псих, не такой, чтобы волноваться по этому поводу, а что-то такое, о чем не хотелось бы, чтобы узнали знакомые.

Она и вызвала известного психиатра доктора Пекоффа, чтобы вылечить Рэнда.

Открыв глаза, Рэнд увидел, что в комнату вошли Дженни и доктор Пекофф. Они включили свет и глядели на него.

Это их голоса он услышал в первобытном мире. Эти голоса выдернули его из прошлого. Голоса и включенный свет, давление света на закрытые веки — вот что переместило его обратно в настоящее. Они заметили, что он очнулся.

Доктор Пекофф сделал легкий жест рукой, говорящий: «В этом весь ваш чокнутый муженек. Вон он лежит на кушетке. Мы стараемся его вылечить, а он снова надышался закисью азота. Как только мы уходим, он продолжает свои штучки».

В этом жесте было презрение. Сам по себе, он говорил больше, чем любые слова: «Зачем вам нужен этот человек, Дженни? Он на грани безумия. Я психиатр и разбираюсь в этом. Его нужно поместить в клинику, где лежит много таких. И тогда мы с тобой...»

Дженни вошла в кабинет и притворилась, что не замечает маску и аппарат на столике, дозирующий закись азота.

— Привет, дорогой, — сказала она. — Подремал?

Рэнд сел на кушетке, снял маску и положил ее на столик. У него слегка кружилась голова — остаточное действие газа.

Он сделал вид, что не замечает, что они вновь застукали его за использованием закиси азота.

— Да, — подтвердил он. — Немного подремал. Ну, и как спектакль?

Жена с Пекоффом ходили в театр.

— Доставил большое удовольствие, — ответила Дженни. — Жаль, что ты не пошел с нами. Мне кажется, тебе бы тоже понравилось.

Она продолжала притворяться, что не замечает маску, и этим подчеркивала растущее между ними разногласие. Ему было жаль, что он не мог устранить это разногласие. Ему было жаль, что они не могли снова стать близкими, жаль, что между ними уже не вспыхивала любовь, которая когда-то была, когда-то, пока он не начал экспериментировать с закисью азота.

Трудно было решить, что для него важнее — его эксперименты, вечный поиск истины, спрятанной где-то в тени, или его жена. Он боялся, что то и другое не совместимо.

Мысли его все еще путались с воспоминаниями о Пещерном Рэнде, Мраке и Пег, которая спасла ему жизнь в давно минувшие времена.

Однако те времена не были давно минувшими. Люди думают, что настоящее превращается в прошлое, что время проходит мимо и исчезает навсегда. Но Джон Рэнд считал, что это не так. Он считал, что нет никакого прошлого и нет никакого будущего. Было лишь настоящее. Пещерный Рэнд и Джон Рэнд из двадцатого века существовали одновременно. Они лишь разделены странной завесой между измерениями, пропастью между измерениями, которые человеческое сознание неправильно считает прошлым и будущим, хотя и то и другое является настоящим. Джон Рэнд не мог сформулировать это яснее, но для него оно было вполне понятно.

И закись азота была путем через завесу, мостиком через пропасть между измерениями.

Было ли это на самом деле?

Он полагал, что было. Он считал, что одновременно существовал и Джоном Рэндом из двадцатого века, и Пещерным Рэндом. Он считал, что жил одновременно в обоих мирах, хотя ему больше нравился мир Пещерного Рэнда. Жизнь Пещерного Рэнда была гораздо насыщеннее, чем жизнь Джона Рэнда, богатого, хотя несколько эксцентричного биржевого маклера.

Джон Рэнд унаследовал свое богатство. Ему не пришлось бороться за него. Возможно, именно поэтому деньги его не интересовали.

Пещерный Рэнд должен был бороться за все, что имел. Первобытным людям ничто не давалось легко. Если им нужен был лук, то они должны были вручную срезать деревце и очистить его ствол каменным ножом. Они сами должны были сделать тетиву, сами сделать стрелы, найти для них подходящие кремни, обработать их, поймать птицу и надергать из нее перьев для оперения.

Ничто не давалось легко в том мире. Приходилось самому искать еду, иначе останешься голодным. Нужно было либо убить оленя и выделать его шкуру, чтобы соорудить из нее одежду, либо страдать от холода. Каждый день был борьбой.

В двадцатом веке еду Джону Рэнду готовили опытные повара, подавали вежливые официанты на изящных фарфоровых тарелках, а столики были накрыты белоснежными скатертями. Одежду ему шили первоклассные портные. В офис его отвозил шофер.

В офисе на него трудились нанятые служащие. Все делалось для него. Все. Он посмотрел на Дженни.

Ну, скажем, не совсем все. Например, между ним и Дженни были разногласия, мешавшие им наслаждаться друг другом. И он был сыт этим по горло.

Этой цивилизации он предпочитал сырое красное мясо дикой жизни. Он был охотником. Все мужчины были охотниками.

Они были охотниками, но жили в городах, где не на кого было охотиться.

Они были охотниками, гоняющимися за мышью с оружием на слонов.

Они охотились на кроликов с такими мощными луками, что из них можно было свалить бегущего лося. Но они не хотели гоняться за мышью, им не нравилось охотиться за кроликами. Просто им больше нечего было преследовать, не на кого охотиться.

Эмоционально мужчины оставались пещерными людьми. Вот только жили они в городах. Асфальт был у них под ногами, четыре стены вокруг и паровое отопление в комнатах.

В небе были звезды, но они не видели их из-за неоновых реклам по ночам.

Джон Рэнд был сыт всеми этим по горло...

Дженни притворялась, что не замечает аппарат для подачи закиси азота, но Пекофф не хотел притворяться.

— Мне казалось, я велел вам прекратить все это, — заметил он.

Голос его был резок — голос врача, дающего своему пациенту предписания, врача, ставящего окончательный диагноз.

От этого тона волоски на загривке Джона Рэнда встали дыбом.

— Идите к черту, — ответил Рэнд.

Оба мужчины ощетинились друг на друга, как незнакомые собаки. Пекофф утратил контроль за своими эмоциями. Он был психиатром и знал, что нельзя рычать на пациентов. Дженни понимала, почему он утратил самоконтроль. Почему он начал рычать. Просто он хотел Дженни.

Она усложняла ситуацию.

Двое мужчин и одна женщина.

И она понимала, что усложняет ситуацию.

— Не хотите ли есть? — поспешно спросила она, обращаясь к обоим. — Может быть, вы не откажетесь от бекона и яичницы-болтуньи?

Рэнд посмотрел на часы. Время было за полночь.

— Повар уже ушел, — проворчал он.

Ну да, какая же без повара может быть яичница с беконом?

— Я сама приготовлю, — заявила Дженни.

Рэнд уставился на жену с плохо скрываемым удивлением. Она хочет жарить яичницу с беконом?

Это предложение сбило его с толку. Насколько он знал, Дженни не могла даже кофе приготовить. Она тоже принадлежала к миру двадцатого века, его миру, к миру, где люди делают для вас то, что вы не умеете делать для себя.

Пег, Пещерная Пег могла помочь освежевать медведя и выделать его шкуру, а когда наступит зима, она будет лежать под этой шкурой и согревать вас.

— Я могу сделать яичницу, — повторила Дженни.

Рэнд был так удивлен, что даже не стал возражать, так удивлен, что почти забыл о Пекоффе. В голове у него крутилась

лишь одна мысль — Дженни собирается сама готовить яичницу с беконом.

Оба мужчины пошли за ней на кухню. Там стояла электроплита и холодильник, такой большой, что в него могла войти половина оленя.

Вот только здесь не было половины оленя.

В пещерах, где иногда был олень, холодильник был нужен, ужасно нужен, но его там не водилось. Здесь же был этот замораживающий ящик, но — никакого оленя.

Дженни неплохо приготовила яичницу. Рэнд попробовал кусочек и причмокнул губами.

— Ну и что вы видели во сне на этот раз? — поинтересовался Пекофф.

Рэнд не хотел говорить о своем сне. Пекофф постоянно вынуждал его рассказывать о том, о чем Рэнд предпочел бы молчать.

— То же, что и всегда, — уклончиво ответил он. — Превосходная яичница, Дженни. Я и не знал, что ты умеешь готовить.

Она покраснела от удовольствия.

— О жизни пещерных людей? — продолжал Пекофф.

— Да, — волосы снова встали дыбом на загривке Рэнда. — И я не думаю, что это был сон, — отрезал он.

Дженни сморщилась, словно эти слова причинили ей боль. Конечно, это был сон. Это должен быть сон, игра воображения, причиной которой стало вдыхание закиси азота.

Пекофф с довольным видом откинулся на спинку стула.

— А что это, по-вашему? — спросил он.

— Мне кажется, что я одновременно являюсь двумя людьми, — ответил Рэнд. — Будь я индуистом, я бы сказал, что я — воплощение пещерного человека. Но я не индуист и не думаю, что я — какое-то там воплощение. Я думаю, что практически я — два человека. Один из них — Пещерный Рэнд. Другой Джон Рэнд, которого вы знаете. Я думаю, что закись азота создает мостик через пропасть времен, соединяя во мне две ипостаси.

Он знал, что это звучит глупо, пытаться облечь эти мысли в слова. Он думал, что трудность объяснения заключается не в его понимании, а в словах, которые приходится использовать, чтобы объяснить все это. Идея, возникающая у него в голове, не

укладывалась в слова. Нужные слова еще не изобретены. Пока что нет слов, чтобы описать истинную сущность времени.

Но все же, из всего прочитанного Рэнд знал, что много ученых размышляли о времени. Например, геометр Риман. Или российский математик и мистик Успенский.

Время существовало. Время было плохо осознаваемым пространством. Время было результатом недостаточного понимания трехмерным человеком четвертого измерения.

Ученые думали об этом и пытались понять суть времени.

— И вы считаете, что закись азота создает мостик сквозь время? — спросил Пекофф.

Рэнд кивнул. Пекофф больше ничего не сказал, но они с Дженни обменялись взглядами, означавшими, что у них есть какой-то секрет, не известный Рэнду.

Рэнд поймал эти взгляды.

— Вы оба что-то скрываете? — спросил он.

— Нет, — быстро ответила Дженни. — О, нет, Джон. С чего ты это взял?

Она выглядела испуганной и грустной одновременно.

— Вы удовлетворены? — спросил Пекофф.

Рэнд понял, что психиатр обращается не к нему, а к Дженни.

— Я... я... — запинаясь, пробормотала она.

— Либо да, либо нет, — заявил Пекофф. — Но никак не то и другое сразу. Что скажете?

— Наверное, удовлетворена, — медленно проговорила она.

Пекофф резво встал со стула. Они ели за большим столом на кухне, что было приятно в отличие от жесткого этикета столовой. Пекофф вышел из кухни. Рэнд слышал, как открылась парадная дверь квартиры. Дженни потянулась через стол и конвульсивно схватила Рэнда за руку.

— Пожалуйста, Джон, — прошептала она. — Что бы ни произошло, помни — мы делаем это для тебя...

Он уставился на нее.

— Что делаете для меня? — с сомнением спросил он.

Дженни не ответила. В кухню вернулся Пекофф. За ним следовали двое.

— Вот ваш пациент, — сказал он. — Держите его, прежде чем он сможет кому-либо повредить.

IV

Мужчины направились к Рэнду, который вскочил со стула. Теперь он понял, о чем переглядывались Дженни и Пекофф. Они решили, что он сошел с ума, дали ему возможность доказать, что он безумен, а потом вызвали санитаров, чтобы спеленать его и увезти в соответствующее учреждение.

Дженни просила мужа помнить, что они пытаются помочь ему. Возможно, они и пытались помочь, вот только Рэнд был еще не готов принять их помощь. Прежде чем санитары добрались до него, Рэнд бросился к раковине и выдвинул ящик кухонного стола. Там лежал набор разделочных ножей. Четыре кухонных ножа с лезвиями длиной от шести до двенадцати дюймов. С ножами в обеих руках, Рэнд повернулся к пришедшим лицом. Они увидели ножи и резко остановились. Дженни тяжело дышала. Пораженный Пекофф застыл.

В кухне повисла тишина. Санитары взглянули на ножи, потом повернулись к Пекоффу.

— Возьмите его, — велел Пекофф.

— Но у него ножи, — заметил один из мужчин.

— И что с того? Он не воспользуется ими. Ножи — просто блеф. В любом случае, предполагается, что вы санитары лечебницы и умеете обращаться с психически больными.

Двое мужчин снова повернулись к Рэнду.

— Еще шаг, и кому-то придется зашивать вам кишки, — заметил Рэнд.

Теперь он говорил голосом Пещерного Рэнда. А у того был звучный, сильный голос, которому люди обычно повиновались. Санитары тут же остановились и отступили на пару шагов. Они были обучены обращаться с больными, но им не улыбалось переть на человека, вооруженного двумя ножами и, похоже, готового пустить их в ход. Рэнд бросил пристальный взгляд на Пекоффа.

— Так, значит, я — сумасшедший?

— Да.

— И этих двоих вызвали сюда, чтобы увезти меня в психушку?

— Это частная клиника, — ответил Пекофф. — Там вы будете получать лучшее обслуживание...

— На всю оставшуюся жизнь! — прервал его Рэнд.

Пекофф не ответил.

— Это ничем не лучше похищения, — покачал головой Рэнд.

— Нет, — возразил Пекофф. — Наши действия совершенно законны.

— Ко всем чертям такую законность! Вы хотите сказать, что можете ворваться ко мне в дом и увезти меня без всякого судебного слушания?

— Конечно, — подтвердил Пекофф. — У меня с собой все документы. — Он достал из внутреннего кармана пальто пачку бумаги и полистал ее, слюнявя указательный палец. — Во-первых направление, написанное профессиональным психиатром, в котором я заявляю, что исследовал вас и выявил, что вы страдаете наркотическими галлюцинациями, поэтому я рекомендую поместить вас в психиатрическую лечебницу. А кроме того... — тут он сделал паузу, по его костлявому лицу промелькнула слабая ухмылка. — Кроме того, у меня вот здесь подписанная просьба поместить вас на постоянное лечение.

— Просьба? — переспросил Рэнд. — Кто же может обратиться к вам с такой просьбой?

— Ваша жена, — ответил Пекофф. — Жена психически больного человека имеет законное право просить, чтобы его положили в больницу.

Рэнд взглянул на Дженни.

— Так вот о чем ты говорила!

Слезы проделали на ее щеках блестящие извилистые дорожки.

— Пожалуйста. Мы делаем это только для тебя.

— Я сам буду решать, что делать для меня, — отрезал Рэнд.

— Советую вам не сопротивляться, — протянул Пекофф. — У меня официальные документы...

— А у меня два ножа, — прервал его Рэнд и постучал ножами друг о друга. Отличная сталь лезвий зазвенела, точно колокол.

На какое-то время ножи подарили ему свободу, но Рэнд понимал, что, в конечном итоге, ему не победить. Ножи давали ему лишь временное преимущество. Бумаги, которыми

тряс тут Пекофф, были гораздо сильнее ножей. За этими бумагами стояли силы закона и правопорядка. Полиции будет нетрудно схватить человека с ножами. Они используют для этого слезоточивый газ, ослепят его и схватят. А тот факт, что он кому-то угрожал насилием, будет свидетельствовать против него.

Нет, он не может победить. Его положение еще больше отягощалось тем, что против него выдвигался диагноз — «сумасшествие». Слова «наркотические галлюцинации» красноречиво свидетельствовали против него.

Единственным способом избегнуть заключения в психиатрической больнице — убедить Пекоффа, что он не безумен.

Он должен был убедить психиатра, что закись азота действительно работает. Он должен был немедленно доказать, что Пещерный Рэнд существует на самом деле. Он должен продемонстрировать, что может вступить в контакт с Пещерный Рэндом.

Это было почти невозможно, тем более что Пекофф вовсе не желал, чтобы его убеждали. И тем более невозможно, потому что психиатру помогала Дженни. Когда в сговор вступают жена и психиатр, человек уж точно должен сдаваться. У него нет никаких шансов. Но Рэнд должен рискнуть, хотя шансов и не было. Кроме того, Пекофф, поразмыслив, решил разрулить ситуацию и попробовал привести разумные доводы.

— Вы, кажется, неправильно поняли наши побуждения, Джон, — заговорил он так мягко, что с его языка, казалось, капало масло. — Джон, мы хотим вам помочь.

— Мы пытаемся помочь тебе, — добавила Дженни.

— Вы ведь верите этому? — продолжал Пекофф. — Мы хотим вас вылечить.

— Конечно, — ответил Рэнд. — А к тому времени вы умыкнете мою жену.

Улыбка исчезла в лица Пекоффа. Может, таковы и были его тайные мотивы, но ему не хотелось открыто признаваться в них. При этих словах Рэнда Дженни так и подскочила и пораженно уставилась на Пекоффа.

— Вы, правда, хотите этого? — воскликнула она.

Пекофф сделал руками жест, означающий: «Всего лишь причуды больного разума, дорогая. Вам не стоит обращать

внимания на его слова». Рэнд усмехнулся. Его замечание заставило Дженни засомневаться, и это дало ему точку опоры для нападения.

— Именно это он и пытается сделать, — заявил Рэнд.

— Ничего подобного! — закричал Пекофф. — Наши отношения не выходят за рамки врача и родственника пациента. Я лишь пытаюсь помочь вам, Джон.

— Большое спасибо, — ответил Рэнд. — Ну что ж, я позволю вам помочь мне.

— Что? — удивление на лице Пекоффа тут же сменилось учтивой улыбкой. — Прекрасно. Тогда положите ножи. Поезжайте с нами, и я уверен, скоро вы будете совсем как новенький. Мы увезем вас в уникальный частный санаторий. Там вы отдохнете... Так что не будет никакой огласки.

Жестикуляция его рук показала, что он знает, что делать в подобных случаях.

— Просто положите ножи, — повторил он.

Но Рэнд

— Я поеду в санаторий, Но при одном условии, — заявил он.

— Что?

Лицо Пекоффа показало, что ему не понравились слова про условия. Если и могли быть какие-то условия, то он предпочитал выдвигать их сам.

— Какие еще условия? — медленно проговорил он.

— Мы с вами пройдем в кабинет, и вы позволите мне дать вам подышать закисью азота.

Единственной надеждой Рэнда убедить Пекоффа в том, что закись азота работает, являлось заставить психиатра проверить это на себе. После такой проверки Рэнд либо убедиться, что все происходящее с ним было реальным, либо будет знать, что просто дурачил себя.

— Что? — удивился Пекофф.

Рэнд повторил свое условие.

— Ерунда! — бросил Пекофф.

— Значит, вы поставили диагноз, не увидев всех доказательств? — спросил в ответ Рэнд. — Откуда вы знаете, что этот опыт не реален, если не проверили все на себе?

— Я не должен глотать яд, чтобы понять, что вы больны, — ответил Пекофф.

Рэнд постучал ножами. Тихий звон пролетел по кухне.

— Тогда я не поеду ни в какой санаторий, — заявил он.

Пекоффу не понравился этот ответ. С другой стороны, ему не хотелось вызывать полицию. Вызов полиции для того, чтобы отвести пациента в психушку, не принес бы пользы его репутации.

Дженни задумчиво молчала.

— Не вижу ничего неблагоразумного в условии Джона, — сказала она, наконец.

— Что? — воскликнул пораженный психиатр, получив удар с той стороны, с какой вовсе не ожидал.

— В конце концов, закись азота явно не убьет вас. Джон работает с ней уже много месяцев. Я не понимаю, почему вы должны отказываться, если Джон сказал, что после этого поедет в лечебницу.

Пекофф попался в ловушку, прежде чем понял это.

— Ну, хорошо, хорошо, — пожал он плечами. — Но я никогда не слышало о такой чепухе.

— Можете внести это в свой счет, — злорадно заметил Рэнд.

V

Рэнд надежно связал обоих санитаров и оставил сидеть на полу.

— Я вынужден это сделать, так как не собираюсь рисковать, что вы схватите меня, как только я потеряю сознание, — объяснил он.

Санитарам все это не понравилось, но им пришлось согласиться, хотя и весьма неохотно. Пекофф, Дженни и Рэнд должны были втроем подышать закисью азота.

Дженни сама настояла на том, чтобы подвергнуться этому опыту вместе с обоими мужчинами. Они с Пекоффым сели в мягкие кресла, и Рэнд надел им на лица маски и включил аппарат, подающий в маски отмеренные дозы газа.

— Поехали, — сказал он, открывая клапаны.

Газ начал подаваться в маски. Рэнд видел, как они вдыхают его, как замутняется их сознание.

Он понимал, что ситуация совершенно нереальная. Они считали, что он слетел с катушек и собирались посмеяться над ним. Ну, а что, если они действительно правы? Может, он и в самом деле не в себе?

Черт, он понятия не имел! Даже в глубине души он не был уверен, что просто не чокнулся. В этом-то и была вся проблема. Вы не можете сказать, сошли ли вы с ума, или то, что, как вам кажется, вы пережили, произошло на самом деле. Рэнд знал, что, по меньшей мере, одна выдающаяся личность в американской философии уделяла серьезное внимание опытам с закисью азота. Но вся беда в том, что когда вы начинаете разбираться с теми вещами, которые кажутся вам реальностью — с материей, пространством и временем, — то они постепенно становятся нереальными. Даже такой авторитет, как Иммануил Кант, считал, что мир за пределами нас самих — всего лишь проекция нашего внутреннего сознания.

Рэнд понимал, что наука должна была бы заняться исследованием разума самих ученых. Где-то в глубине человеческого мозга должны находиться атомы — или группы атомов, — которые пытаются познать самих себя.

Безумие ли это? А может, честные усилия разума узнать о себе и о мире, в котором он существует, это и есть безумие?

И если это так, то все настоящие ученые должны пойти по психиатрическим больницам. Там они могут отыскать пациентов, которые скажут им все, что они хотят знать.

Род человеческий мучил своих святых, замучил Спасителя, а также слишком часто запирал своих гениев за высокими стенами и крепкими воротами санаториев особого типа.

Рэнд давно знал об этом. А теперь то же самое пытаются проделать с ним. Они запрут его... Этот эксперимент ничего не докажет. Пекофф, вероятно, не запомнит, что с ним произошло, пока он находился под воздействием закиси азота, или события не совпадут с его предвзятым мнением о том, какими они должны быть, и тогда он не признается, что вообще что-то было. А Дженни... Что испытает она? Пекофф и Дженни спокойно сидели в креслах. Они были без сознания, их разумы видели где-то за пределами нашего мира.

Рэнд уменьшил подачу газа в их маски и отрегулировал клапаны так, чтобы поступление газа было равномерным.

Слишком много газа может разбудить их... Затем он лег на кушетку, сам надел маску и открыл клапан до нужного уровня. Оба связанных санитара глядели на него с подозрением. Он помахал им рукой. Сладковатый газ потек в его легкие. Рэнд уставился в потолок. Окружающее начало расплываться, исчезать... Тихий ночной шум города, далекий гудок такси, визг тормозов — и снова все тихо и спокойно.

Рэнд закрыл глаза. Переход оказался быстрым и легким. Он походил на то, словно два человека соединились и стали одним. Это напоминало кинотрюк, когда два человека сливаются в одного. Он закрыл глаза, будучи Джоном Рэндом из двадцатого века, и открыл их уже Пещерный Рэндом...

Рэнд увидел, что Пег занята. Очень занята. Каменным ножом она удаляла слой жира с внутренней стороны громадной медвежьей шкуры.

«Ха! — подумал Рэнд. — Значит, Мрак вс же не получил шкуру».

Мрак потребовал шкуру. Он настаивал, что громадного пещерного медведя убило его колдовство и что шкуру нужно отдать ему.

Что же произошло? На мгновение Рэнд был смущен путающимися воспоминаниями двух миров, слившихся воедино. Пещерный Рэнд очень смутно помнил Джона Рэнда из двадцатого века. Рэнд из двадцатого века был тусклым видением в уме пещерного человека, чем-то, чего он не мог понять.

Что же произошло? А затем воспоминания обоих слились воедино, и Рэнд все вспомнил.

И он не был уверен, что ему нравится то, что он вспомнил. Мрак не мог так легко сдаться. И он не собирался отказываться от своих требований медвежьей шкуры. Шкура такого свирепого и ужасного зверя автоматически делала своего владельца уважаемым в племени человеком. Человек, которому принадлежала шкура пещерного медведя, становится преемником ужасной силы могучего животного.

По крайней мере, таким образом рассуждали суеверные пещерные люди.

Мрак поощрял бы эти рассуждения, если бы шкура принадлежала ему.

В большой пещере, где жило племя, ярко горели костры. Вырыла эту пещеру подземная река. Пещера могла бы вместить тысячу человек, но племя не составляло и половины этого. Зимой, во время большого снега, они были здесь в тепле и безопасности. Когда начинались жестокие весенние бури, пещера защищала их. Вход в пещеру был узким. Люди подкатили к нему большие валуны, чтобы можно быстро закрыть вход для защиты от волков и больших медведей.

Пещера защищала их и позволяла увеличивать численность племени. В пещере они были в безопасности. Но единственной, самой большой опасностью был голод. Однако пока в лесах водились олени, а в реках — рыба, они могли отражать эту опасность.

Рядом раздались шаги. Рэнд обернулся.

Это подходил Мрак.

Рэнд поднялся на ноги.

— Я пришел за шкурой медведя, — кратко объявил Мрак.

— За шкурой медведя?

— Она моя. Мое колдовство убило медведя. Шкура моя по закону, и я хочу получить ее.

Мрак выглядел очень решительным.

Рэнд рассмеялся.

— На это я тебе ответил еще на горе, — напомнил он.

Мрака скривился от смеха охотника. За всю историю племени не было колдуна, который мог бы позволить смеяться над собой. Власть колдунов всегда держалась на страхе.

— И ты не боишься моего колдовства? — вызывающе крикнул Мрак.

Рэнд молчал. Он был Пещерным Рэндом, но также и Джоном Рэндом из двадцатого века. Мысли о Джоне Рэнде постоянно были у него в голове, как смутные призраки. Переход из одного человека в другого никогда не был полон. И тусклые воспоминания Джона Рэнда подсказали Пещерному Рэнду, что колдовства Мрака не надо бояться.

Рэнд опять засмеялся.

— Колдун, ты угрожаешь мне своим колдовством?

— Конечно, — ответил Мрак. — Я направлю колдовство на тебя. Я наложу на тебя проклятье зимы, так что тебе всегда будет холодно. Я наложу на тебя проклятье лета, так что

кровь твоя закипит. Я наложу на тебя проклятье бездичья, так что когда ты станешь охотиться, то вся добыча станет убегать от тебя.

Пег перестала скоблить шкуру. Мрак угрожал ужасными вещами. Пещерный Рэнд тоже понимал, как это ужасно. Проклятие зимы или лета он бы еще пережил, но проклятие бездичья... Если охотник не сможет найти дичь, он будет голодать. Тусклые воспоминания Джона Рэнда подсказывали, что проклятие бездичья тоже не имеет смысла. Джон Рэнд не был суеверен. Он не боялся темных сил зла. У него было очень нелестное мнение обо всех колдунах.

Рэнд опять рассмеялся. Внутри его что-то дрожало, но что-то смеялось.Он был двумя людьми. Один человек немного боялся колдуна. Другой не боялся вообще ничего.

— Если ты наложишь на меня свои проклятия, то я сломаю тебе шею, — сказал Рэнд. — Хочешь, чтобы тебе сломали шею, колдун?

Вот так нужно было вести себя с колдунами. Рэнд услышал, как Пег тяжело дышит. Мрак выглядел озадаченным, ошарашенным. Может ли быть, что Пещерный Рэнд не верит в колдовство? Как это вообще возможно? Все люди верят в него.

Мрак стал копаться в своем мешке из шкурок выдр, где держал свои волшебные предметы. Он нащупал свое ожерелье из зубов лисы, разноцветную гальку... Сейчас он покажет этому мятежнику, что бывает с теми, кто презирает его колдовство.

— Вон отсюда! — взревел Рэнд, шагнул к Мраку и потянулся к его шее.

Рэнд был шести футов ростом, весил больше двухсот футов, в нем не было ни унции жира, лишь кости и мышцы.

Мрак взглянул на руки, тянущиеся к его шее и внезапно усомнился в силе своего колдовства. «Проклятье — хорошая штука, но у Рэнда такие мускулы!..» Мрак забыл о колдовстве и внезапно ринулся прочь. Рэнд рассмеялся и позволил ему убежать.

— Приятно смотреть, как он бежит, — неопределенно сказала Пег. — Но...

— Ты хочешь сказать, что боишься его колдовства? — прорычал Рэнд.

— Что-то во мне боится его, — медленно произнесла Пег. —

И что-то презирает его. Приятно видеть убегающего Мрака, но я боюсь, что это еще не конец. Убежавший колдун — опасный человек.

— Я переломаю ему все кости, — проворчал Рэнд.

Но уже через час он понял, что должен будет исполнить свою угрозу.

VI

Через час группа охотников во главе со Старейшим, мудрецом пещерных людей, понуждаемая Мраком, подошла к костру Рэнда.

Рэнд встал, когда они подошли, и потрогал рукоятку каменного ножа у себя на поясе.

— Что все это значит? — спросил он.

Мрак держался на заднем плане. В группе было тридцать-сорок человек, все охотники, кроме Старейшего, который был слишком стар, чтобы охотиться.

Старейший вышел вперед. Рэнд знал, что он справедливый человек. Он был слишком стар для охоты и большую часть времени сидел у костра и думал. Племя уважало его. Он не был их вождем. Они еще не развились до такой общины, когда будут необходимы вожди. Так что Старейший не был их руководителем. Он был стариком, которого уважали за мудрость.

— Мрак требует шкуру медведя, — начал Старейший, медленно, нерешительно, тщательно подбирая слова. — Он говорит, что Большой Медведь был убит его колдовством, и что шкура — его.

Этими спокойными словами Старейший точно обозначил свою позицию. Рэнд тоже ответил прямо:

— А я говорю, что он лжет. Колдовство Мрака не имеет никакого отношения к убийству медведя. Медведя убил громадный камень, который мы с Пег скатили с уступа прямо ему на спину. Когда медведь покатился по склону, то остался лежать на брошенном Мраком мешке.

Охотники тревожно зашевелились. Они понимали логику того, что сказал Рэнд. Он был могучим охотником.

Он принес домой больше оленей, чем любой другой охотник. Да, они понимали логику Рэнда. Но они также понимали требование Мрака. В конце концов, медведь умер на волшебном мешке колдуна. Мешок, так или иначе, имел какое-то отношение к смерти медведя. У них еще не было ясной концепции причины и следствия. Закон причины и следствия еще не был ими открыт. Следствие для них часто возникало из неизвестных причин. Значит, следствие часто бывало колдовским.

— Это может быть, — ответил Старейший. — Но...

Он колебался, пытаясь найти слова, которые хотел использовать.

— Что «но»? — спросил Рэнд.

— Мрак сказал, что если ты не отдашь ему шкуру, то он наложит проклятие бездичья...

— На меня? — мрачно рассмеялся Рэнд. — Пуская трудится. Я буду по-прежнему приносить больше оленей, чем любой из охотников.

— Не на тебя, — ответил Старейший.

— Не на меня?

— Нет. На все племя.

— Какого... — ругательство застыло непроизнесенным на губах Рэнда.

Проклятие бездичья на все племя! Ему не надо было видеть взволнованные, испуганные лица охотников, чтобы понять, что это значит. Никто в племени не найдет добычу. А если охотники не смогут найти добычу, то все племя будет голодать.

Вот о чем думало племя. И не имеет значения, произойдет ли это на самом деле. Люди считали, что произойдет. Охотник преследует оленя, олень замечает его и убегает. Просто охотник был небрежен. Олени частенько убегают. Но если на племя наложено проклятье бездичья, то охотник станет думать, что олень убежал из-за него. Охотник считал бы, что олень спасся не из-за его небрежности, а из-за проклятия Мрака.

С присущей ему изворотливостью Мрак нашел оружие, против которого у Рэнда не было защиты. Если бы он наложил проклятие бездичья на Рэнда, то Рэнд доказал бы, что он лжец, просто принеся добычу. Но если он наложит проклятье на племя, тут Рэнд беспомощен.

— Мрак наложит проклятье бездичья на племя, — повторил Старейший, — Если мы не заставим тебя отдать ему шкуру медведя, которая, как он сказал, принадлежит ему по закону.

Мрак использовал других, чтобы те проделали за него его работу. Против силы Рэнда он обратил суеверные страхи.

— Отдай ему шкуру, иначе все мы будем голодать, — сказал один из охотников.

— Отдай шкуру Мраку, иначе наши дети станут просить еды, а мы не сможем накормить их, — сказал второй.

Слова Рэнда застряли у него в горле. Это были его сородичи, его племя. Он не мог драться с ними, даже если бы захотел.

— Ради всех нас отдай шкуру, — продолжал убеждать его Старшейший.

Старейший был справедливым человеком. И из-за этого все было еще хуже. Если бы Старейший был обманщиком, то Рэнд, вероятно, бросил бы ему вызов. Но Старейший был справедливым, и все знали это.

Если Рэнд не послушает его слов, то лишь навредит себе.

Если Рэнд откажется отдать медвежью шкуру, то все племя поднимется на него.

Краем глаза он взглянул на Пег, чтобы понять, что она думает. И она сказала то, что было ясно написано на ее лице.

— Мы можем добыть другую медвежью шкуру, — прошептала она.

Пег знала, что значит идти против веры всего племени. Она просила Рэнда не делать этого. Может, она и не верила в проклятия Мрака, но все остальные верили в них. А им еще жить с этими людьми.

Старейший и охотники ждали ответа. Мрак прятался за их спинами. На его волчьем лице было написано торжество.

Рэнд облизнул губы.

Он понял, что должен сделать.

Он повернулся, наклонился, поднял тяжелую шкуру... И швырнул ее в лицо Мрака.

Шкура весила несколько сотен фунтов. Мрак не ожидал получить ее таким образом.

Шкура сбила его с ног. Среди охотников пробежали смешки, пока Мрак, шипя, точно кошка, вставал на ноги. Смех

не дал колдуну и далее торжествовать. Даже проиграв, Рэнд обманул его. Он отдал желанную шкуру медведя, но сделал это так, что над колдуном начали потешаться.

Рэнд высокомерно повернулся к нему спиной.

Презрение плюс смех, плюс потеря авторитета заставили Мрака действовать.

Выдернув из-за пояса каменный нож, он прыгнул к повернувшемуся спиной Рэнду.

— Смотрите! — закричала Пег.

Рэнд не видел, но почувствовал, что происходит, и повернулся боком. Нож ударил его под левую лопатку, но наткнулся на кость и скользнул вниз, проводя длинный разрез.

Рэнд уже поворачивался к нему лицом, держа в руке нож. Выйдя из себя, Мрак вцепился в него и снова ударил его ножом. На этот раз он целился в шею.

Рэнд выбросил руку, отражая удар. Его собственный нож пошел снизу вверх. В этот удар Рэнд вложил всю силу своей правой руки.

Острие ножа вошло колдуну в мягкий живот как раз под ребрами.

Мрак почти что повис на левом плече Рэнда, пытаясь держаться за него одной рукой, а другая, с ножом, уже не пыталась нанести Рэнду удар в шею, а бессильно повисла. Глаза колдуна широко распахнулись. Он молча цеплялся за плечо Рэнда.

Пораженные страхом охотники уставились на них.

Мрак задрожал. Финальная дрожь сотрясала его тело. Он держался за плечо Рэнда пальцами, стремительно терявшими силу.

Рэнд дернул плечом, освобождаясь. И Мрак упал на землю. Тут же попытался встать. Ноги его судорожно задергались. Лупя по земле руками и ногами, он перевернулся лицом вниз. Дыхание его стало быстрым и неровным. Он закричал.

И умер. В большой пещере, где жило племя, наступила тишина.

Старейший посмотрел на мертвого колдуна и пожал плечами. Охотники тоже посмотрели на него и тоже пожали плечами. Мертвый колдун был всего лишь мертвым колдуном. Мрак умер прежде, чем наложил на племя проклятие

бездичья. Теперь он мертв и не сможет наложить никакого проклятия. Он попытался убить Рэнда, предательски напав на него со спины, и сам был убит. Так что он сам во всем виноват.

Мертвый колдун был просто мертвым колдуном. Просто падалью, которую бросят в ущелье на поживу волкам.

Эхо заключительного крика Мрака звенело в ушах Рэнда. Звенело и звенело. Казалось, оно доносилось откуда-то издалека. И не затихало. Напротив, становилось все громче.

Оно тащило куда-то Рэнда, тянуло, зацепив за что-то в его сознании. Эфирный поток подхватил его. Пещерный Рэнд был сметен им.

Глаза открыл Джон Рэнд из двадцатого века. Он вернулся в свой кабинет. Но не лежал на кушетке. Он стоял посреди комнаты и тяжело дышал.

Маска была сорвана с его лица. Санитары сидели на полу. И один из них кричал.

VII

Рэнд почувствовал ужасную боль в спине. Он увидел, что Дженни, сидевшая в глубоком кресле, начала просыпаться. Пекофф встал с кресла, но тут же упал. Он остался лежать, растянувшись посреди комнаты.

Рэнд взглянул на санитаров. Они смотрели на него в ответ наполненными страхом глазами.

— Что с вами? — ошеломленно спросил Рэнд. — Чего вы так испугались?

Они не ответили. Пот градом катился у них по лицам. У одного начала подергиваться щека.

Сидящая в кресле Дженни простонала и открыла глаза. Сняла маску с лица. Рэнд шагнул было к ней, но на пути у него лежал Пекофф. Что-то в психиатре привлекло внимание Рэнда. Очень уж неподвижно он лежал. И Рэнд понял, почему он так неподвижен. Из-под тела высовывалась рукоятка ножа. Рэнд склонился над ним. Пекофф был мертв.

— Что... что тут произошло? — прошептал он.

— В-вы... вы убили его, — запинаясь, ответил один из санитаров. — Вы его зарезали...

— Я... Что я?

Убийство, подумал Рэнд. Возможно, это и не было убийством, но выглядело совершенно как убийство.

— Мрак, — прошептал Рэнд. — Это не имело никакого значения, когда я убил Мрака. Там была честная схватка.

Он подумал о схватке с Мраком. В первобытном мире честная схватка, заканчивающаяся смертью, вообще не была проблемой. Это был всего лишь грубый способ добиться справедливости. Там не было никакой полиции, никто не стал бы задавать вопросы. Вы убили человека в честной схватке? Ну, так что ж? У него был шанс убить вас.

В двадцатом века все было по-другому. Заранее не известно, что решат суды и посчитают ли это справедливой схваткой. Совершенно не известно, насколько хитрые адвокаты извратят правду. И даже если схватку сочтут справедливой, все равно это будет убийство. Если вы удачливы, то, может, сумеете даже оспорить обвинение, но Рэнд понимал, что удача не на его стороне. Был поставлен под сомнение его здравый рассудок. Пекофф с Дженни склонялись к тому, что он не был здравым. В офисе Пекоффа наверняка остались его записи. И их принесут в суд.

Адвокаты и психиатры могут торжествовать.

Убийство плюс предположение о психическом расстройстве означает только одно: пожизненное заключение в психиатрической больнице. Его не повесят. Его просто будут держать взаперти до конца жизни. По сравнению с этимдаже повешение было бы предпочтительней.

— Джон, — прошептала Дженни.

Казалось, она не поняла, что Пекофф мертв. Казалось, она вообще не понимает, что происходит.

— Джон...

— Да, дорогая?

— Я... Я была Пег...

— Что?!

— Я была Пещерной Пег. Я видела шкуру медведя и большую пещеру с людьми. И я видела твою схватку.

Рэнд едва расслышал ее. То, что она видела тот же сон, было немыслимо, невозможно. Вот оно, доказательство, что сон — это вовсе не сон. Это — действительность. Все это было реальным. Была ли она перевоплощением Пещерной Пег? Или просто Джонни Рэнд и Пег нащупали перекинутый через пропасть времени мостик? Этого Рэнд не знал. На эти вопросы должны ответить философы, ученые и психологи. Но если Дженни была Пег, то что относительно Пекоффа? Он что, тоже был в чьем-то теле? Рэнд осознал, что глядит на нож, торчащий из-под тела Пекоффа. Его привлекла рукоятка ножа. Она была не из кости, как ручки разделочных ножей, которые он держал на кухне. Рукоятка этого ножа была сделала из полосок сыромятной кожи. Рэнд вытащил нож. Это был кремневый нож. Вовсе не кухонный нож. Нож из кремния, с тщательно оббитыми краями, принадлежавший пещерному Рэнду.

Рэнд вертел его в руках, на обращая на капавшую с него кровь. Оба санитара, не отрываясь, глядели на него. Им он казался вампиром, ласкающим орудие убийства.

— Нож Пещерного Рэнда! — выдхонул Рэнд. — Пекофф убит каменным ножом, принадлежавшим Пещерному Рэнду.

Он почувствовал боль в плече. В левом плече. Боль была почти нестерпимой. Рэнд повернул голову и посмотрел на плечо. Рубашка промокла от крови, медленно вытекающей из раны на левом плече.

— Я думаю, — медленно проговорил Рэнд, — я думаю, мы получили доказательства.

— Он что... мертв? — шепнула Дженни, кивнув на тело Пекоффа.

— Да.

— Что произошло?

— Они говорят... — Рэнд кивнул на санитаров. — Они говорят, что его убил я.

— О-о!..

Дженни тоже понимала, что это значит в двадцатом веке. Довольно долго она молчала, но, наконец, заговорила.

— Что же мы будет делать?

Рэнд тоже думал об этом. И нашел решение. Было лишь одно, что он мог сделать. Он не знал, хочет ли этого Дженни, но знал, что сделает это.

Для начала он положил кремневый нож, взял стальные кухонные ножи и шагнул с ними к санитарам. Те побледнели. Они подумали, что он хочет убить и их.

— Я собираюсь отпустить вас, — сказал Рэнд.

Он перерезал веревки. Когда санитары выходили из парадной двери, то были похожи на призраков, удивляющихся тому, что вдруг оказались живыми.

Рэнд посмотрел на Дженни. Где-то на улице санитары уже наверняка рассказывали свою историю полицейским. Через несколько минут завоют сирены. В парадную дверь станут стучать. Потом выбьют ее.

Рэнд взял со столика четыре запасных баллончика с закисью азота. Одного баллончика было достаточно для человека. Он подсоединил резиновые трубки ко всем четырем и взял две маски.

Дженни неотрывно глядела на него.

— Это единственный выход для меня, — сказал Рэнд. — Я попаду в тюрьму или в психушку, если останусь здесь.

Дженни медленно кивнула.

— Ты хочешь пойти со мной? — спросил он.

Наступило молчание. В заплаканных глазах жены Рэнд вдруг заметил робкую улыбку.

— Я согласна, — ответила она.

— Обратной дороги не будет, — предупредил ее Рэнд.

— Я не хочу возвращаться, — сказала Дженни. — Я хочу пойти с тобой.

Он положил маску ей на лицо. К тому времени, когда завопили сирены, они оба уже уплывали куда-то вдаль. Сирены были лишь смутными звуками исчезающего мира. Стук в парадную дверь они уже не услышали. В газетных статьях это было названо убийством и совместным самоубийством. Городские детективы, обследовав каменный нож, найденный рядом с тремя телами, заявили, что это, несомненно, индейский раритет. Детективы долго искали два стальных ножа, о которых заявили санитары из больницы, но так ничего и не нашли.

Для газет это было неплохой сенсацией. Она продержалась несколько дней, затем постепенно была забыта. Если бы с этой историей была связана какая-то тайна, то сенсацию поддерживали бы еще какое-то время. Но никакой тайны не было.

Было лишь простое убийство и двойное самоубийство. Об этом можно было писать пару дней. Но уж никак не дольше. Но это была всего лишь «сенсация на один день»...

...Снаружи пещеры медленно расцветал закат великолепным букетом роз всевозможных оттенков. Розовый и жемчужный закат на светлеющем небе. Пещерный Рэнд понюхал утренний воздух и повернулся к стоящей возле него женщине.

— А какой тут запах, Дженни! — воскликнул он.

— Разумеется, дорогой, — ответила она. — Тут нет ни малейших следов бензинового угара, угольного дыма и прочих прелестей. Только сладкий утренний воздух.

Они стояли у входа в пещеру, любуясь рассветом.

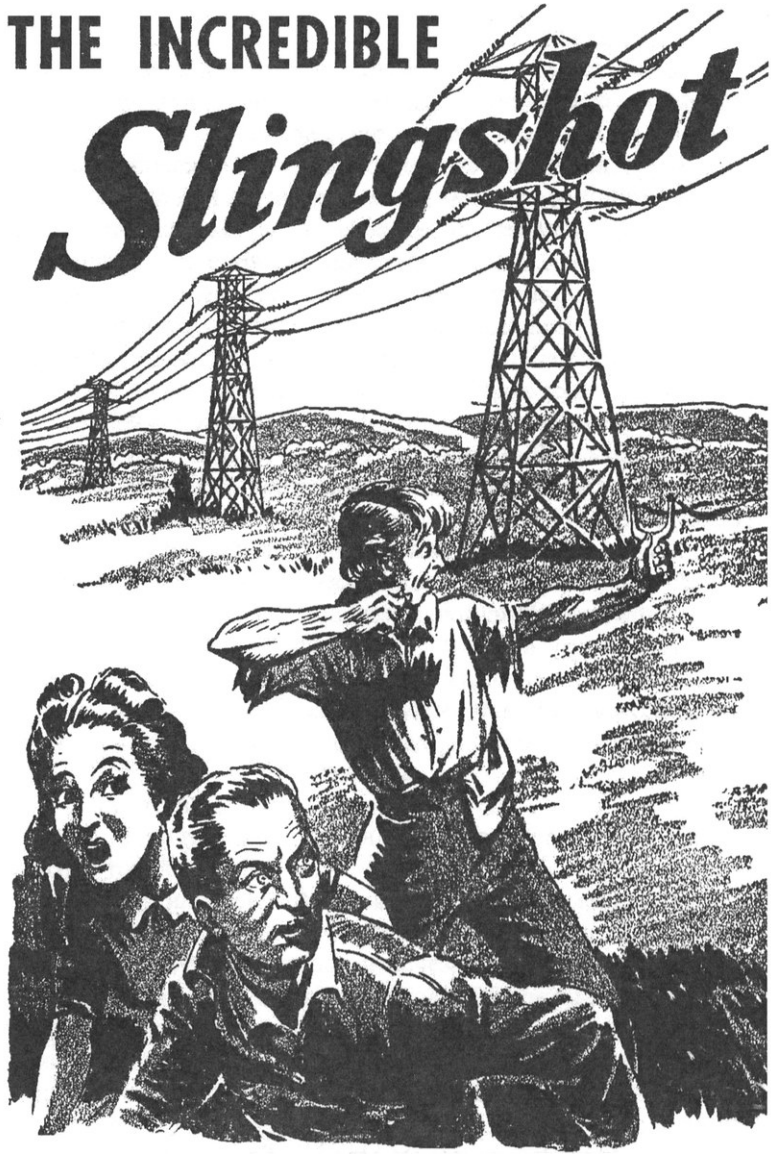
— Я назвал тебя Дженни? — с озадаченным выражением лица спросил Рэнд. — Почему я назвал тебя Дженни? Тебя же зовут Пег.

В голове у него промелькнули призрачные воспоминания.

— Пег или Дженни — какая разница? — поинтересовалась женщина. — Мне почему-то кажется, что я — одновременно и та, и другая.

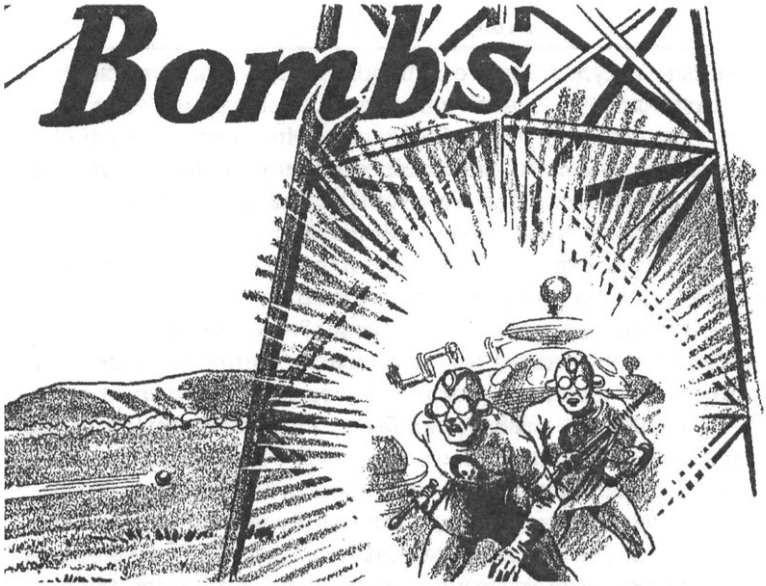
Солнечный свет, брызнувший с неба, засверкал на двух ножах, которые Рэнд держал в руках.

Стальные лезвия засверкали, точно огонь.

БОМБЫ ДЛЯ РОГАТКИ

— Пойдете на второй хребет, — объявил шериф двум своим помощникам. — Если он попытается пройти там, задержите его. Но помните: мы должны взять его живым, если это вообще возможно.

Я расслышал лишь половину того, что говорил шериф. Мое внимание было отвлечено собаками в Десятимильной долине под нами. Я их не видел, но слышал, как они лают в зарослях кедровника. С медлительным, мрачным лаем они искали потерянный след. По середине долины бежал ручей. Вероятно, Томми Сонофагун пересек его и сбил ищеек со следа. Томми был идиотом, но у него хватало звериной хитрости, чтобы сбить со следа свору гнавшихся за ним гончих.

На самом деле его звали не Томми Сонофагун. Звали его Томми Бриттен, но бездельники, вечно ошивающиеся в закусочной Брока, научили его говорить, что его зовут Томми Сонофагун. Им казалось, что это забавно.

Мы с шерифом глядели, как двое помощников топают вниз, в Десятимильную долину, и потеряли их из виду, когда они уже добрались до склона противоположного хребта. Вдоль того хребта тянулись стальные опоры высоковольтной линии электропередачи, а потом спускались вниз и пересекали долину. Эта линия передавала ток от большой плотины, расположенной милях в двадцати на север. Когда началась война, слегка опасались, что вражеские агенты могли повредить эту линию, но шериф большую часть времени проводил на холмах, охраняя ее.

Шериф был крупным, костлявым горцем по имени Тим Хоскинс. Любая одежда сидела на нем мешковато, он был таким

длинным и худым, что с первого взгляда могло сложиться впечатление, что у него едва хватит смекалки не промокнуть под дождем, но не более того. Но со второго взгляда можно был заметить, как осторожно он подбирал слова при разговоре, и движения у него были какие-то замедленные, но чертовски точные, а если взглянуть ему в глаза, которые он никогда не отводил в сторону, то все бы решили, что рады жить в той стране, где есть такие шерифы...

— Что вы сделаете с Томми, шериф? — спросил я.

Рука у него висела на окровавленной повязке, перекинутой через шею, и, прежде чем ответить, он слегка передвинул повязку, чтобы руке было полегче. Затем покачал головой.

— Не знаю, Бен. Просто не знаю...

Меня зовут Бен Хоппер, и последние четыре года я являюсь владельцем и издателем «Саммит Пресс». Одновременно я и редактор этой газетенки, менеджер по рекламе, начальник отдела распространения, управляющий делами, корректор и посыльный. «Пресс», собственно говоря, единственная газета в этих краях, но она печатает новости, ради которых я сейчас оказался «на холмах». Новости были здесь. Даже, возможно, очень важные новости.

Я хотел спросить еще кое-что у шерифа, но меня прервал шум двигателя, я повернулся и увидел, как к нам по гравийной дороге пылит автомобиль. Это был серый «форд», и мне потребовался лишь один взгляд, чтобы увидеть, кто там за рулем. Эллен Бриско. Ее послал сюда Дядя Сэм, чтобы научить фермеров, как не вымереть с голодухи.

Леди Помощница, как называли ее местные. Она вела машину по горной дороге так, словно не знала, что существует такая вещь, как дефицит шин. Когда машина подъехала к нам, из радиатора вырывалась струйка пара. Эллен выскочила из машины, когда та еще не остановилась окончательно.

— Привет, Бен, — бросила она мне.

— Эллен, какие у тебя могут быть здесь дела? — спросил я.

Она проигнорировала вопрос. У нее везде были дела, где она хотела оказаться, а хотела она оказаться всюду, где кто-либо был в беде.

— Что все это значит, шериф? — спросила она.

Хоскинс потыкал носком сапога каменистую почву.

— Я... не знаю точно, мисс Эллен.

— Я услышала об этом в «Саммите», — сказала она, — и тут же примчалась сюда. В «Саммите» мне сказали, что вы собрали отряд и отправились ловить Томми. Шериф, что сделал Томми?

Слова-то ее были достаточно нейтральные, то тон говорил куда больше.

Шериф, наверное, стер всю кожу с носка сапога, прежде чем ответил.

— Сим Брок выписал ордер, — сказал он наконец. — У меня не было другого выбора, кроме как подчиниться ему.

— Сим Брок выписал ордер, — с неимоверным презрением повторила она. — А то вы не знаете, что бездельники в закусочной Брока вечно дразнили Томми?

— Знаю, мисс Эллен, — смущенно сказал шериф.

— Они его дразнили и довели до того, что он напал на них. И из-за этого вы послали за Томми целый отряд?

— Нет, — ответил шериф. — Может, они и дразнили его, прежде чем все произошло, не знаю. Но согласно ордеруТомми обвиняется в том, что взорвал сарай Брока.

— Взорвал сарай?

— Так указано в ордере, который выписал Брок.

— И вы поверили Симу Броку? — требовательно спросила Эллен. — Только не делайте вид, что вам неизвестно, что он лжец и бессовестный негодяй. Разве вы не знаете, что нельзя верить ничему, что говорит Брок?

— Да, — медленно проговорил шериф. — Но сарай-то был взорван. Я сам осматривал его. Я не верю словам Брока, но ордер выписан, и я вынужден действовать согласно ему. Вот я и отправился на поиски Томми...

— И конечно же, с оружием в руках? — резко сказала она.

Шериф посмотрел на нее, и его пристальный взгляд недрогнул.

— Вы и сами это знаете, мисс Эллен.

Эллен вспыхнула. У нее был взрывной характер, но она постаралась его обуздать.

— Извините, — сказала она. — Что же произошло?

— Мне было нетрудно отыскать Томми, — пояснил шериф. — Он как раз шел по полю, когда я заметил его. Я остановил машину и пошел к нему, а он взял и выстрелил в меня.

Я знал, что в этой стране можно жить, как угодно, враждовать с соседями, например, но одного здесь нельзя делать никогда. Нельзя стрелять в шерифа.

— Он выстрелил в вас? — воскликнула Эллен. — Откуда же он взял револьвер?

— У него не было револьвера.

На лице Эллен появилось смятение.

— И из чего же он в вас выстрелил? — спросила она.

— Из рогатки, которую он всегда носил с собой, — ответил шериф.

Любимым оружием Томми, практически единственным его оружием, была обычная резиновая рогатка. И все, что нужно было ему для счастья, это карман, набитый камешками.

— Шериф! — снова воскликнула Эллен. — Но ведь потому, что он выстрелил в вас камешком из рогатки, еще не вытекало, что вы должны были собрать целый отряд и гоняться за ним, как за бешеной собакой?

— Нет, — согласился шериф. — Тем более что он не попал в меня.

— Он не попал в вас! А вы...

— Он попал в мою машину, — сказал шериф.

Глаза Эллен засверкали от гнева.

— И что с того? Пары лишних царапин на вашем драндулете никто и не заметит.

— Нет, мисс Эллен, — сказал шериф. — Его больше нет.

— Кого больше нет? О чем вы вообще тут бормочете?

— Машины больше нет, — вздохнул шериф. — Она взорвалась.

— Взорвалась? — воскликнула девушка.

— Взлетела в небо, — кивнул шериф. — Обломки двигателя разлетелись на четверть мили вокруг. Один раскаленный кусочек задел меня. — Он взглянул на руку, лежащую в окровавленной петле. — Вот как я был ранен.

Я уже видел то, что осталось от его машины — главным образом, воронку в земле. Даже динамит не разнес бы ее на такие кусочки.

— Я хочу поймать Томми по двум причинам, — сказал шериф. — Во-первых, я получил ордер, в котором написано, что я должен арестовать его. Во-вторых, я хочу посмотреть на те камешки, которыми он пуляет из рогатки.

И в этом можно было не сомневаться. Я тоже хотел взглянуть на те камешки. Если маленьким камешком, запущенным из рогатки, можно взорвать автомобиль, то это явно не просто кусочек скалы. А подумайте, что может тогда наделать камешек размером с бейсбольный мячик! А сколько таких бейсбольных мячиков может войти в бомбардировщик!

Чем же Томми Сонофагун стрелял из своей рогатки?

— Я просто не могу в это поверить, — сказала Эллен, немного оправившись от удивления. — Томми не может быть причиной этих взрывов. Наверное, ваша машина просто взорвалась в этот момент, и сделал это вовсе не Томми. Это... это просто невозможно...

Шериф не стал с ней спорить. И я тоже. Мы оба стали глядеть, что происходит внизу, в Десятимильной долине. Собаки, какое-то время искавшие след, внезапно нашли его.

И тут появился Томми. Он мчался через поляну в зарослях кедровника, пригнувшись, словно неуклюжий зверь. Нам он казался всего лишь небольшим черным пятнышком, но я заметил, как он оглянулся через плечо на собак.

Собаки неслись за ним. Я услышал, как они разразились лаем, увидев свою дичь, и побежали еще быстрее, ведомые уже глазами, а не носом.

Томми нырнул в кедровник.

Собаки уже неслись через поляну. Впереди было четыре пса с высунутыми языками...

И внезапно они исчезли во вспышке белого света.

Все произошло слишком быстро для осознания. На поляну вылетели еще четыре собаки, и тоже исчезли в белой вспышке. Третья вспышка, казалось, взметнула на воздух всю поляну. А четвертая...

И только тут до нас долетел звук взрыва! Вверх полетел громадный шар дыма, и кедровник аж лег на землю от ударной волны. В последующей затем тишине было слышно, как ударяются о землю падающие камни. От собак не осталось и следа. Некому было лаять.

Лицо шерифа посерело. Я от всего сердца полагаю, что он не испугался — он не знал, что такое страх, но когда раздался взрыв, его лицо стало серым. Он взглянул на Эллен, словно сказал ей, что решение послать за Томми Сонофагуном отряд было правильным. Я был с ним согласен. Затем он шагнул вперед.

— Куда мы идем? — спросил я ему в спину.

— Туда, — шериф кивнул на поляну, где только что прогремел взрыв. — Думаю, мне лучше поскорее взять Томми, если я вообще смогу это сделать.

Мы с Эллен остались на гребне и глядели вниз. Эллен не произнесла ни слова после взрыва, но по тому, как она стискивала мне руку, я понял, насколько она испугана. Я чувствовал, как она дрожит.

Шериф скрылся внизу в кедровнике, но я знал, что он где-то там преследует Томми Сонофагуна. И еще я знал, что где-то внизу есть его помощники, а вторая группа, вероятно, перекрывает долину сверху. Ловушка захлопнулась.

— Что же все это значит? — прошептала Эллен.

— Это значит, что вы должны ехать домой, — ответил я.

Но она бы не поехала. Она была Леди Помощница, а Томми был тем, кто нуждался в помощи.

День подошел к концу. Мы оставались на хребте, пока не спустилась темнота, и ждали... хоть чего-нибудь. Я вздрагивал всякий раз, когда вспоминал взрыв, убивший собак. Гранаты так не взрываются. И речи теперь не могло идти о совпадении. Собаки бежали за Томми, и он уничтожил их.

— Бен, — сказала внезапно Эллен, — мы должны найти Томми.

— Что? — до меня не сразу дошли ее слова.

— Мы должны найти его раньше отряда. Эти люди боятся его и не станут брать его живым. Даже шериф боится. Если они найдут Томми, и он попытается бежать... или то, что он сделал с собаками... они застрелят его. Бен, мы должны отыскать его, чтобы спасти ему жизнь.

Мне понадобилось какое-то время, чтобы вникнуть в ее слова. И когда я вник, они мне совсем не понравились. Я попытался отмахнуться от них, смеясь.

— Ну да, у нас есть превосходные шансы найти его, когда это не может сделать целый отряд.

— Я могу найти его. Я знаю, где он.

— Что?

— Примерно в миле отсюда у него есть пещера. Каждый раз, когда у Томми появляются проблемы, он бежит и прячется там. Он бежал наверняка туда, когда его нашли собаки. Если мы пойдем к этой пещере, то наверняка отыщем его там.

— И он превратит нас в фарш для пирога, как тех собак! — возразил я.

— Он не... Он ничего не сделает мне. Он знает меня. Мы с ним дружим!

— Глупости, милая! Никуда мы не пойдем.

— Ах, так! — вызывающе воскликнула она. — Тогда я пойду одна.

И она действительно пошла.

— О, боже! — простонал я. — Хорошо, я иду с вами. Но у вас есть преимущество, которого нет у меня.

Пещера была в склоне ущелья, ведущего из Десятимильной долины. К тому времени, как мы добрались до нее, взошла луна, но на дне ущелья все равно было слишком темно. Из кедровника повсюду торчали валуны, казавшиеся темными пятнами, за которыми могло скрываться все, что угодно. Вход в пещеру был тоже лишь темным пятном, только еще чернее.

— Т-томми! — позвала Эллен.

Никакого ответа. Я вглядывался в темноту и чертовски хотел оказаться сейчас в своем офисе, набирающим статью об этих событиях на линотипе. Эллен так цеплялась за меня, словно хотела оторвать мне руку.

Потом мне показалось, что у входа в пещеру мелькнула какая-то тень.

— Томми, — быстро сказала Эллен. — Не бойся. Томми, мы принесли тебе конфетки. Ты ведь хочешь конфетки?

Тишина, лишь ветер шептал в кедровнике, да тихонько стучали мои зубы.

— У нас с собой конфетки, Томми.

Раздался чуть заметный звук. Он шел из пещеры. Я ничуть не сомневался, что Томми Сонофагун сидит там и наблюдает за нами, сжимая в руке рогатку и пытаясь понять, не пришли ли мы, чтобы схватить его. В этот момент моя

память решила напомнить мне, что случилось с собаками. Они тоже бежали за ним. И если он сейчас выстрелит, от нас также ничего не останется.

Холодный пот струился у меня по всему телу.

— Почему бы тебе не выйти и не взять конфетки, которые мы принесли тебе? — спросила Эллен.

— Мне страшно, — унылый, сдавленный голос донесся со стороны пещеры.

Значит, Томми действительно там. Он наблюдает за нами. Он хочет конфетки, но боится.

Но он и неа десятую долю не боялся так, как я! Диллинджер[4] с револьвером был бы не так опасен, как этот получеловек, прячущийся в пещере. С Диллинджером можно было бы вступить в переговоры. Он не стал бы стрелять без причины. С Томми тоже можно было разговаривать, но не было никакой уверенности, что он вас поймет.

— Тебе не нужно бояться, — продолжала Эллен. — Мы не причиним тебе вреда. Ты ведь помнишь конфетки, которые я приносила тебе? А помнишь, как я принесла тебе прошлым месяцем новый комбинезон. Разве он был плохой, Томми?

— Угу. Хороший. Я ношу его и сейчас.

Тон его не казался враждебным.

— Так выходи и возьми конфетки, — сказала Эллен, открывая сумочку.

Пять минут ей понадобилось на то, чтобы выманить его из пещеры. И для меня это были адские пять минут. В голосе Эллен не было ни тревоги, ни страха, вообще ни малейшего беспокойства. Слушая ее, можно было подумать, что у нее нет никаких забот. Вот только сила, с которой она стискивала мою руку, выдавала, насколько она испугана.

— Вот, держи, — сказала она, протягивая Томми шоколадный батончик.

Томми съел его вместе с оберткой и фольгой. На меня он не глядел. Он отлично видел меня, но не доверял мне, поэтому не смотрел в моем направлении.

— Как ты сделал такой сильный шум? — спокойно спросила Эллен.

[4] Диллинджер — знаменитый американский гангстер первой половины двадцатого века.

— А? Сильный шум?

Он снова показался испуганным.

Я набрал полные легкие воздуха и приготовился прыгнуть на него.

— Большой бум, — пояснила Эллен. — Ты знаешь, как фейерверк, только немного погромче. Фейерверки же делают прекрасный бум.

— Вам нравится, да? А хотите услышать бум еще громче? Хотите бум, как в День Независимости?

Мои глаза привыкли к темноте, и я увидел, что он поднял руки, а в них была рогатка.

— Хотите большой бум? — гордо спросил он.

— Не сейчас, Томми, — быстро сказала Эллен слегка изменившимся голосом. — Дай мне посмотреть эту штучку, которая делает большой бум.

— У? — Он опустил руки, но держал рогатку наготове, а его голос снова стал подозрительным.

— Я дам тебе за твой фейерверк еще один шоколадный батончик, — продолжала Эллен.

Она открыла сумочку, и я услышал шуршание вощеной упаковочной бумаги.

— Обмениваю шоколадный батончик на фейерверк. Ты же хочешь еще один шоколадный батончик, Томми? Помнишь, какой был вкусный шоколадный батончик?

Он прекрасно это помнил. Он глаз не сводил с шоколадной конфеты, которую Эллен протягивала ему.

Я с облегчением перевел дыхание.

— Ладно, — внезапно сказал Томми. — Обмен.

Он что-то вынул из рогатки, положил Эллен на ладонь, схватил батончик и сунул его в рот.

— Фонарик, — шепнула мне Эллен, а Томми сказала: — Сейчас мы включим фонарик, чтобы посмотреть на фейерверк. Вкусный шоколадный батончик, а, Томми?

Мои руки так тряслись, что свет фонарика прыгал из стороны в сторону. Эллен держала фейерверк. Я взглянул на него и не поверил своим глазам. Он был размером с крупную горошину. Даже не с виноградину, а с горошину. И походил больше всего на маленький круглый камешек. И эти бомбы так чудовищно взрывались?

— Именно такие штучки делают большой бум? — спросила Эллен.

— Конечно, — подтвердил Томми, когда прожевал батончик настолько, что смог говорить. — Делают большой бум. Хотите еще? У меня их много. — Он полез в карман и достал целую горстку. — Хороший бум, — повторил он.

Я просто не мог в это поверить. Есть какие-то пределы, за которыми разум отказывается функционировать. Нельзя было поверить, что такой крошечный шарик может вызвать такой взрыв. Я взял у Томми рогатку, зарядил ее шариком, натянул резинку и отпустил. Я должен был сделать это сам, должен быть уверен, что сам все увидел. И я чертовски хорошо увидел это! Хотя взрыв произошел на расстоянии семидесяти пяти ярдов, меня сбило с ног. Пламя рванулось в небеса, и они ответили оглушительным громом. Томми возбужденно запрыгал.

— Большой бум! Здорово, здорово! Хотите сделать еще бум?

— Н-н-нет, — заикаясь, ответил я, вставая с земли.

— Бен, вы идиот! — рявкнула Эллен. — Шериф же услышит взрыв! Нет, Томми, сейчас больше не надо бум. Откуда ты взял эти фейерверки, Томми? Где ты их нашел?

Фейерверки, черт побери! Да это самые мощные фугасы такого размера, когда-либо существовавшие на Земле! Они гораздо сильнее динамита. В десятки раз мощнее нитроглицерина. Если шарик, весивший малую долю унции, мог сделать такой взрыв, то какой же взрыв произведет бомба весом в сто футов? Один бомбардировщик мог подкрасться в облаках и снести целый город! Снести одной только бомбой! Где же Томми Сонофагун взял эти круглые камешки, которые обладали такой мощью?

— Конфета? — вопросительно произнес он. — Еще конфета?

— Я дам тебе кило конфет, если ты покажешь нам, где взял эти камешки! — сказал я.

Мне стало плохо. Я вспомнил Пирл-Харбор, «Принца Уэллского» и «Защитника». А может, парочка подобных бомб потопила эта дви громадных корабля?

Но если так, то как оказалось подобное оружие в самом середце Америки? Откуда появились эти камешки? Очевидно, Томми где-то нашел их, но где? И кто их создал?

— Кило конфет! — воскликнул Томми. — Бож-же!..

Схватив с земли рогатку, которую я уронил, он побежал, махнув рукой, чтобы мы следовали за ним. Спотыкаясь, но ни разу не упав, он повел нас прямо к одной из опор высоковольтной линии!

— Там готовился саботаж! — запыхавшись, выкрикнул я на ходу. — Кто-то хотел взорвать высоковольтку, но бомбы не сработали. А Томми нашел их взрывчатку!

Это было разумное предположение. Если бы упала хоть одна опора высоковольтки, то остановились бы все местные оборонные предприятия, которым было нужно электричество.

— Я взял их здесь, — сказал Томми.

Он потащился прямо к ажурной стальной башне, образующей арку над головами. Он держал Эллен за одну руку, а я — за другую. Мы растянулись цепочкой. Я уже слышал тонкое гудение наверху, когда ступил под арку башни. Это был высокий, тонкий звук, напоминавший комариный писк, и он означал, что линия под напряжением. Томми шагнул под арку... и исчез. Эллен шагнула за ним и тоже исчезла! Поскольку я держал ее за руку, то мне не оставалось ничего другого, как сделать шаг вперед. И ажурная башня исчезла.

Еще секунду она была над моей головой, ажурная стальная решетка, вздымающаяся ввысь. А в следующую секунду не стало никакой башни.

Не стало ни неба, ни звезд, ни луны. Не стало склона, высоковольтной линии и даже самой ночи.

Я чуть было не подавился собственным языком.

— Ч-ч-ч-ч-что, черт возьми... — услышал я собственный каркающий голос.

Я находился в чем-то похожем на громадное помещение. С одной стороны стояла какая-то закрытая колпаком машина, которая тихо стучала сама по себе. У меня сложилось мимолетное впечатление, что эта машина работала автоматически, что сырье подавалось откуда-то сверху, а готовый продукт ссыпался в большой бункер. Прямо из стен здания, в которых не было видно никаких окон, струился мягкий синий свет. Эллен стояла прямо передо мной и хлопала глазами. Это было единственное ее движение, а вся она застыла, как жена Лота.

Я сам стоял, точно парализованный. Что, черт побери, с нами произошло? Где мы? Мысли беспорядочно носились у меня в голове. Мне казалось, что я сошел с ума. Но Томми не испугался. Он вроде бы даже не осознал, что произошло. То, что любого человека с нормальной психикой напугало бы до истерики, на него не оказало никакого влияния. Он почти ничего не знал о мире, в котором жил, и поэтому ему все казалось возможным.

Иногда у идиотов есть свое преимущество. И сейчас был как раз такой случай.

Здание, в котором мы очутились, не удивляло Томми, как и то, каким образом мы попали сюда.

Он подошел к бункеру возле машины, сунул в него обе руки и бегом вернулся к нам, держа руки перед собой.

— Фейерверки! — торжествующе заявил он.

В обеих горстях у него были круглые взрывчатые шарики. Их делала машина. Их производили здесь, прямо в этом здании без окон в Десятимильной долине! Вот где Томми нашел невероятные бомбы. Очевидно, он случайно наткнулся на это место.

Томми с надеждой взглянул на меня.

— Дашь мне кило конфет? — с надеждой спросил он.

Язык мой все еще застревал где-то в горле, словно заранее знал, что я собираюсь сказать, и никак не хотел лгать.

— К-конечно, — с трудом пролепетал я. — Я дам тебе к-конфеты, как только мы вернемся в город... Но, Томми... Где мы?

Вот это был вопрос! Где мы?

— А? — спросил Томми, затем пояснил: — Мы здесь!

Черт, так я и думал! Но мне хотелось бы знать, где это «здесь». И я попробовал спросить по-другому:

— Откуда появились это здание и все эти машины?

Томми пожал плечами. Вопрос лежал за пределами его разумения.

— Были здесь, — сказал он и с надеждой поглядел на меня. — Конфеты для Томми Сонофагуна?

В его скудном умишке помещалась зараз только одна мысль. Это здание и машины он воспринимал точно так же, как холмы или дождь. Он нашел их здесь, и это все, что он

знал о них. Они были для него такими же реальными, как весь остальной мир.

— Давайте уйдем отсюда, — сказал я Эллен.

В ее остекленевших глазах застыло ошеломление. Ее разум отказывался принимать то, что видели глаза, и попросту отключился. Я почувствовал панику. Никогда в жизни мне еще не хотелось так настоятельно бежать отсюда. Единственное, что в данный момент меня интересовало, так это как убраться отсюда, и побыстрее! И я уже было повернулся, когда меня остановил чей-то голос.

— Вон опять этот вор, — произнес чей-то голос.

По крайней мере мне показалось, что он сказал именно это. Слова были английскими, но не походили на тот язык, который я знал. Они были произнесены со странным напевным акцентом. Я резко повернулся, чтобы увидеть говорящего.

У двери в дальнем конце помещения стояли двое мужчин. Очевидно, они только что вошли. Они были в блестящей одежде, с суровыми лицами, и не походили на людей, с которыми мне бы хотелось побеседовать. Я схватил Эллен за руку и бросился бежать.

— Стой! — раздалась команда.

Разумеется, я не остановился. Я был не в себе от страха. Единственное, что я хотел, так это найти выход отсюда. Но я не знал, где этот выход, так что просто повернулся и побежал.

Очевидно, я поступил правильно. Потому что через долю секунды помещение исчезло. Я снова оказался у башни высоковольтки, но не под аркой, а рядом. Стояла ночь, над головой светили луна и звезды, а в ушах звенел электрический ток. Я обернулся, но не увидел никакого здания с машинами.

— Ш-ш-ш-што случилось? — невнятно пробормотал рядом Томми.

Он почувствовал мой страх и сам испугался.

Эллен вздохнула и спокойно упала в обморок. Я перебросил ее через плечо.

— Бежим! — крикнул я Томми и помчался вперед.

Томми последовал за мной.

— Стоять! — снова раздалась позади команда.

И тут ночь прорезала в футе над моей головой полоса света. Казалось, она подожгла темноту. Это в нас выстрелили двое мужчин. Теперь даже Томми понял, что за нами гонятся. Он и так был напуган, а когда над нами пролетел луч света, то и вовсе слетел с катушек. Присев и развернувшись, он натянул свою рогатку.

— Не стреляй! — заорал я ему.

Но было поздно. Свистнула отпущенная резинка. Глянув назад, я мельком увидел стрелявших. Это была та же парочка, что появилась в странном помещении. Они стояли у опоры высоковольтки с изумленными лицами и даже не пытались броситься за нами. И тут в них попал шарик. Взрыв едва не отшвырнул меня. Но мне удалось устоять на ногах, и я снова кинулся бежать. Вверх рванулся столб огня, и тут я услышал треск ломающейся стали.

Башня высоковольтной опоры падала. Взрыв уничтожил одну из ее ног, и она стала падать. Где-то надо мной раздался певучий звук лопающейся басовой струны. Я понял, что это значит. Это рвались натянутые падающей башней медные кабели высоковольтки. А в них было шестьдесят тысяч вольт напряжения. С Эллен на плече я нырнул в ущелье, обо что-то запнулся и кубарем покатился по земле, и тут ночь разорвало ослепительное пламя. Яркие, точно молнии, электрические дуги метнулись в небо. Оголенные концы кабеля упали на землю и стали корчиться, точно гигантские змеи, изливая огненные факелы. Где-то кто-то кричал... Томми! Это кричал Томми! И, словно его крик был сигналом, земля содрогнулась и швырнула меня вверх. Теряя сознание, я увидел струи бьющего в звездное небо огня, и мне показалось, что в огне весь небосвод. А затем меня словно что-то ударило по голове и в глазах потемнело...

В сознание я пришел уже в больнице, и надо мной склонилась медсестра. Как только я открыл глаза, она побежала за доктором. Доктор потыкал и пощупал меня и, наконец, заявил, что, по его мнению, я буду жить. Я тут же почувствовал, что это даже больше, чем я ожидал. Больше доктор не сделал ничего, только в дверях поспорил с медсестрой. Та настаивала, что ко мне нельзя пускать посетителей, а доктор отвечал, что вполне даже можно. А затем надо мной склонилась Эллен.

— Бен, вам очень больно? — спросила она.

Я передал ей слова доктора, и появившееся на ее лице облегчение породило во мне романтические чувства. У нее на лице был пластырь, синяки и царапины, но она была уже на ногах.

— Бен, что там случилось? — спросила она. — Какие-то люди, здание, машины...

— И атомные бомбы! — добавил я.

— Что? Атомные бомбы? Ничего не понимаю. Что делали те двое, Бен?

— Занимались диверсией, — твердо ответил я.

— Но, может, это была вовсе не диверсия. Если бы они хотели взорвать высоковольтную линию, то сделали бы это без проблем. А странное здание и опора высоковольтки — они же находились в одном и том же месте. Бен, может, это и не было диверсией. Должно быть какое-то другое объяснение. Я думала, думала, думала, но не вижу ответа.

— Все равно, это была диверсия, — уперся я. — Это я и собираюсь написать в статье.

— И солжете, Бен, — раздался от двери голос.

Я чуть повернул голову. Это был шериф. Он вошел в палату, рука его все еще висела на перевязи, а лицо было более серым, чем когда-либо прежде.

— Как вы попали сюда? — запинаясь, спросил я.

— Это я нашел вас и привез в больницу, — сказал он. — Вас обоих. — Он выдвинул стул и сел в позе, указывающей, что собирается здесь побыть какое-то время. — А теперь расскажите мне правду, вы оба, — продолжал он. — Просто опишите точно, что именно произошло и как это произошло.

— Вы назовете нас лжецами, — возразил я.

— Возможно, — признался он. — Но все равно я хочу вас послушать.

Итак, мы рассказали ему все.

Он сидел и слушал без всякого выражения на лице. По отсутствию эмоций можно было предположить, что он деревянный.

— И какие вы сделали выводы, Бен? — спросил он, когда мы закончили.

— Диверсия, — ответил я.

— Вы действительно так думаете, Бен? — не поверил он.

— Ну, ладно, — медленно произнес я. — Возле этой опоры была легкая утечка тока. Я думаю, что именно эта утечка именно в этом месте и сделала нас первыми в истории Человечества путешественниками во времени.

Эллен пораженно всхлипнула, но шериф и глазом не моргнул.

— Продолжайте, — только и сказал он.

— Думаю, то здание существует в будущем, — объяснил я. — Думаю, что его построят еще очень нескоро, но оно все равно уже существует и его можно увидеть, если перелететь через время. Те двое мужчин говорили на странно искаженным английском. Это указывает на будущее. Они делали атомные бомбы. Сейчас мы не умеем делать атомные бомбы, но, несомненно, научимся в будущем. Думаю, здание, куда мы попали, это арсенал будущего, который будет построен в Десятимильной долине в ближайшие столетия. Вы спросили меня, что я думаю, и я рассказал, — вызывающе закончил я. — Если вам это не нравится, можете придумать собственное объяснение.

Он не сдвинулся с места.

— А Томми? — задал он очередной вопрос.

— Томми случайно прошел под аркой, образованной опорами башни, и увидел машину, производящую крошечные атомные бомбы. Он не знал, что это бомбы. Он думал, что это прекрасные камешки, очень подходящие для его рогатки. Так он их и использовал. А они взорвались при попадании. Возможно, они были созданы, чтобы их выбрасывали с самолета сотнями одновременно. А может, их использовали во время какой-нибудь межпланетной войны. Не знаю, зачем их делали. Я знаю только, что этот недоумок нашел их и решил, что ими удобно стрелять из рогатки. Кстати, а как Томми?

Я и думать забыл о Томми Сонофагуне.

— Мы нашли от него несколько кусочков, — вздохнул шериф. — Когда порванные провода ударили его током, у него был полный карман этих камешков. И они взорвались все сразу.

Бедный Томми Сонофагун. Никогда он не получит свой килограмм конфет.

Шериф решительно поднялся, но у двери остановился и оглянулся.

— Вы правы, Бен, — сказал он. — Это была диверсия.

Так и было написано в официальных документах, так я и написал в своей статье. Общественность была готова поверить в диверсию. Но вот была ли она готова поверить в путешествия во времени?

Только не в ближайшие сто лет!

СТРАНА ЗОЛОТЫХ ЛЮДЕЙ

Томилсон уже почти уснул, когда его разбудил лай напуганного щенка: «Гав-гав-гав!» Сначала ему показалось, что лай доноситься с улицы, но когда он услышал стук коготков по полу, то понял, что щенок находится в его спальне. Это тут же разбудило его. Томилсон зажег свет.

— Эй, щенок, как ты очутился здесь?

Он был уверен, что после того как выпустил кошку, проверил сетки на окнах и запер все двери.

Когда загорелась лампа, щенок присел посредине комнаты, а потом, поскольку человек в постели показался ему дружелюбным, поскуливая, двинулся к нему. У Томилсона волосы на голове встали дыбом, а по телу побежали крупные, как градины, мурашки.

У щенка было восемь лап! У него был еще кожаный ошейник и обрывок свисающей с ошейника цепочки, но Томилсон был слишком поражен восемью лапами, чтобы обратить внимание на доказательства того, что щенок явно домашний. Томилсон буквально вскочил на постели и потянулся к стулу. Матрац подался под его ногами, Томилсон потерял равновесие, попытался схватиться за изголовье кровати, но промахнулся, ударился о ночной столик и смахнул с него лампу. Лампа и сам Томилсон одновременно с шумом брякнулись на пол. Лампа вспыхнула ярче, но тут же погасла. Острая боль пронзила руку Томилсона. Тут уж шум и тряска кровати разбудили его жену.

— Джо! Что там такое?

— Я упал с кровати. Пожалуйста, встань и включи верхний свет. — Кровать заскрипела, когда жена начала вставать. — Только будь осторожна, — добавил Томилсон. — В комнате восьминогий щенок.

Кровать опять заскрипела, когда жена вернулась в нее.

— Восьминогий?.. — Томилсон услышал ее тяжелое дыхание. — Джо Томилсон, ты что, прячешь у себя в мансар-

де бутылку? Значит, вот чем ты там занимаешься, когда притворяешься, что возишься со своим радиобарахлом? Ты просто...

— Это не барахло! — воскликнул оскорбленный Томилсон.

В мансарде у него был один из самых превосходных наборов радиолюбителя, из которого можно было собрать что угодно, и Томилсон хотел, чтобы жена знала это. Он провел в мансарде много приятных часов, составляя новые радиосхемы.

— Но восьминогий...

Щенок тявкнул.

— Джо! Что это?

По полу простучали коготки, и Томилсон почувствовал, как холодный, дружелюбный нос ткнулся ему в голые ноги, и поспешно вскочил с пола. Если уж у щенка восемь ног, то у него могут оказаться и ядовитые клыки. Он включил верхний свет.

— Джо! — завопила жена.

Щенок путался у него под ногами.

— Я же сказал тебе, что у него восемь лап, — сказал он жене. — Потише, парень, — обратился он к щенку. — Мне всегда нравились собаки.

Жена стояла на кровати у изголовья и, тиская в руках ворот ночной рубашки, выпученными глазами уставилась на щенка.

— У него восемь лап! — ужасным голосом прошептала она.

— Ну, а где ты прячешь бутылку? — ядовито спросил ее Томилсон и ощупал левое запястье.

Пока он прикасался к нему, было еще ничего, но легкое движение рукой причинило острую боль.

— Джо, откуда взялся этот щенок? Джо, как он вообще очутился здесь?

— Потише, разбудишь Систи, — сказал Томилсон, но легкие шлепки босых ног в зале подсказали ему, что Систи уже не спит.

Протирая заспанные глаза и сжимая своего драгоценного розового плюшевого медведя, с которым она спала, со взъерошенными вьющимися волосами, Систи вошла в комнату. Ей было четыре года. Мгновение она глядела на родителей, очевидно, готовясь задать им адский концерт за то, что ее

разбудили, но затем увидела снующего по полу щенка. И взорвалась ликующим воплем.

— Щенок! Настоящий живой щенок! Папа, почему ты мне не сказал?

Увидев ее, щенок тут же признал в ней друга. По полу простучали коготки, и щенок прыгнул к Систи на руки. Она схватила его, поцеловала, и он лизнул ее в ответ. Щенок завизжал, она завопила, и эти звуки были пронизаны радостью. Старый дом отозвался этой радости эхом. Теплое счастье разлилось в самом воздухе. Щенок снова лизнул ее стремительным движением красного, раздвоенного язычка.

Томилсон понял, что сейчас произойдет, и приготовился сказать «нет» твердо, как должен говорить отец. Словно

ощутив его намерение, Систи внезапно посмотрела на него. В ее прекрасных глазках бился невысказанный вопрос. И Томилсон почувствовал, что бессилен перед этим взглядом.

— Я могу оставить его, папа? Папа, я могу оставить его? Я могу, папочка...

Томилсон неловко откашлялся.

— Ну, пока не появится владелец и не потребует вернуть его...

— Джо! — Жена обрела достаточно храбрости, чтобы слезть с кровати. — Откуда этот щенок? Как он попал сюда? И как это возможно, что у него восемь лап?

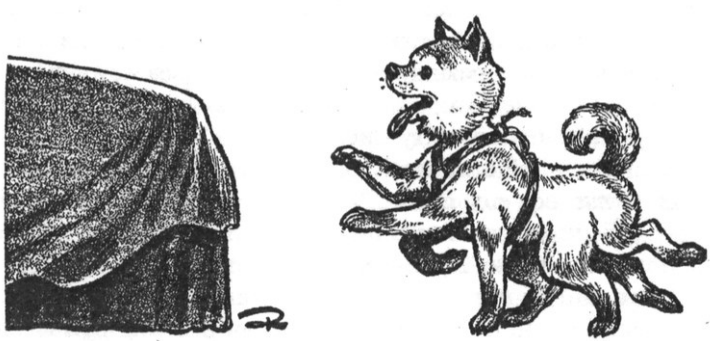
Жену волновали его восемь лапок. Систи они не волновали. Уже много месяцев она просила у них щенка. И теперь, когда щенок появился, ее бы даже не смутило, если бы у него оказалось сорок ног.

— Джо...

— Сейчас я узнаю, как он попал сюда, дорогая.

Томилсон спустился вниз, проверил кухонную дверь, дверь застекленной террасы, парадную дверь и дверь подвальную. Все были закрыты и заперты на ключ. Сетки на окнах опущены. Чувствуя себя неуютно, он повторил свой маршрут и снова проверил каждую дверь. Ничего не изменилось, все двери заперты, сетки от насекомых на окнах опущены. Чувство дискомфорта росло. Как-то этот щенок очутился в доме, но не было никакого способа, которым он мог бы проникнуть сюда. Ни единого...

Большая радиола в гостиной была включена. Он сам собрал ее, включая пять динамиков и систему автонастройки. Это

была не радиола, а мечта, она могла проигрывать и сама менять пластинки, и у нее был даже таймер, автоматически выключающий ее на ночь. Вот только таймер почему-то не сработал, так что радиола осталась включенной. Томилсон выключил ее.

— Джо! — позвала его с верхней площадки жена.

— Черный вход был открыт, — ответил Томилсон.

— А-а!.. — протянула жена, она была удовлетворена этим вопросом, хотя оставались еще и другие. — Но... но откуда мог появиться такой щенок, дорогой?

Томилсон быстро подумал.

— Я... гм-м... видел, как днем по городу проезжали карнавальные грузовики. Возможно, щенок сбежал из них.

Объяснение удовлетворило жену и еще раз доказало, что Томилсон был опытным женатым человеком. Он отнес щенка в подвал и сделал ему кровать из старой коробки и тряпок. Странно, но щенок, казалось, сразу же понял, что это его место для сна. Пока Томилсон с помощью нетерпеливой Систи оборудовал ему подстилку, щенок то и дело облизывал ему левое запястье. Раздвоенный красный язычок охлаждал и успокаивал боль, и Томилсон на время забыл, что была эта тупая, пульсирующая боль. Потом ему пришлось строго приказать Систи пойти спать наверх. При этом, проснувшись утром, Томилсон почти не сомневался, что найдет щенка в ее постели.

Но он ошибся. Щенок был в постели с ним. Прижавшись к Томилсону, он облизывал ему левую руку. Как только Томилсон открыл глаза, щенок встал и потянулся.

Томилсон осторожно спустил его на пол. Восемь лапок мягко простучали по комнате. Глядя за их движениями, Томилсон почувствовал страх, неопределенно зашевелившийся где-то в глубине сознания. Он быстро вылез из кровати и проследовал за щенком, хотя и так знал, куда щенок направляется — прямо в комнату Систи.

Прыгнув к ней в кровать, он свернулся шариком у нее в ногах. Систи все еще спала. Томилсон мгновение посмотрел на нее, убедился, что все в порядке, и, пройдя вниз, повторил ночные поиски. С аналогичным результатом.

Насколько он мог сказать, не было никакого способа, каким щенок проник бы в дом. Томилсон все еще думал над

этим вопросом, пока умывался, брился, одевался и завтракал. Насколько он мог понять, существовал лишь один ответ. И тут была лишь та загвоздка, что Томилсон был уверен, будто такое невозможно. Он даже невольно содрогался, думая об этом...

По дороге в офис он все еще был озабочен этой проблемой, так что чуть было не влетел в грузовик, тормозивший для поворота налево. Томилсон резко дернул руль, чтобы избежать столкновения, и левое запястье пронзила вспышка боли.

До этого момента он и не помнил об этой травме. Но теперь она сама напомнила о себе, и Томилсон поехал к врачу. Он был первым пациентом, и пришлось ждать появления врача.

Врач выслушал его рассказ и сделал рентген. У него был современный аппарат, который тут же проявляет снимки. Врач исследовал еще сырой снимок.

— Кость была сломана...

— Вот дьявол!

— И залечена, — продолжал врач.

— Что?

— Должно быть, вы повредили старый перелом, — предположил врач.

— Но я никогда не ломал эту руку, — возразил Томилсон. — Если она действительно сломана, то я сломал ее вчера вечером, когда упал с кровати.

— Вы не могли сломать ее вчера вечером, — покачал головой врач. — Она практически вылечена. Кости еще не окрепли, но мне даже не нужно накладывать гипс. — Врач понимающе улыбнулся. — Вы просто потревожили старый перелом, Джон. Смотрите, рука даже не опухла.

— Гм-м... — промычал Томилсон. — Спасибо, доктор.

— Просто поберегите эту руку несколько дней, и все будет в порядке, — посоветовал врач на прощание.

Ошеломленный, Томилсон вышел из кабинета. Нужно было кое о чем подумать. Томилсон знал, что никогда не ломал руку. Поэтому, если рука была сломана, это могло произойти лишь вчера вечером. Рентген утверждал, что она была сломана. Но он также утверждал, что она уже почти зажила.

Всю остальную часть дороги до офиса Томилсон думал о тонком, красном, раздвоенном язычке.

— Я дурак, — сказал он себе, но в этих словах не было ни малейшего осуждения.

В офисе его уже ждала секретарша.

— Звонила ваша жена, — сообщила испуганная девушка. — Сказала, чтобы вы немедленно возвращались домой. Систи исчезла.

— Исчезла? — Систи была в десять раз важнее для него, чем сама жизнь. — Что вы имеете в виду?

— Так сказала ваша жена. Чтобы вы сразу же ехали домой.

По пути домой Томилсон не разглядел ни единого знака «Стоп». Богатым он никогда не был, но перед глазами у него стояла Систи, похищенная и ждущая выкупа. Или еще хуже — Систи, похищенная извращенцем. Когда Томилсон выскочил из машины, сердце у него было готово выскочить из груди...

Парадная дверь распахнулась, не успел он еще добежать до нее. На пороге стояла жена, крепко прижимая к себе Систи, на щеках которой были все признаки шоколадного дебоша.

— Мама, мама! Папа вернулся!

— Вижу, дорогая! Что случилось?

Томилсон прислонился к дверному косяку и подождал, пока сердце перестанет стучать, как мотоцикл на высокой скорости. Глядя на Систи, которую держала на руках мать, он почувствовал, что все внутренности у него были оторваны и вновь пришиты неумелым хирургом. Он молча глядел на жену.

— Ты звонила мне в офис? — спросил он, наконец.

— Да, Джо.

Внешне жена была спокойна, но по глазам Томилсон видел, что она едва сдерживается. Однако он знал, что она ничего не скажет ему в присутствии Систи. Тогда он взял у нее дочь, расцеловал ее, не обращая внимания на шоколад, потискал и похлопал по маленькой круглой попке.

— Сбегай-ка, погляди, не осталось ли в доме конфет, — сказал он, спуская ее на землю.

Систи поскакала в дом. Щенок развернулся на своих восьми лапках и последовал за ней. Они подождали, пока девочка скроется за дверью. Затем жена буквально упала к нему в объятия.

— Что случилось? — повторил Томилсон.

— Не знаю, — сказала жена. — Я мыла посуду на кухне, а она оставалась в гостиной, танцуя под музыку — я включила для нее радиолу. Я также слышала лай щенка. А затем... — Глаза ее расширились, когда она вновь пережила ужасный момент. — Я... Внезапно я поняла, что уже несколько минут не слышу их. Я позвала Систи, но она не ответила.

— И ты начала искать ее?

— Конечно. Я перевернула весь дом вверх дном и... — на ее лице был ясно написан страх, — ...не нашла ее. Я выходила на улицу и кричала, но она не отзывалась. Я смотрела и в подвале, и наверху. Затем позвонила тебе.

— Она не отвечала, когда ты звала ее?

— Да.

— И где ты ее нашла?

— Там же, в гостиной. Позвонив тебе в контору, я пошла наверх и внезапно услышала, как внизу тявкает щенок, а затем вскрикнула Систи. Я побежала вниз и увидела, что она идет по гостиной...

— Ладно, — сказал Томилсон. — Держу пари, что она пряталась в туалете. И не отвечала, потому что это была такая игра.

Жена облегченно вздохнула при этих словах.

— Так что, все в порядке, — искренне сказал Томилсон. — Ты же знаешь, что она всегда во что-то играет. Ну, а теперь иди, заканчивай с посудой. А я поговорю с Систи и попытаюсь узнать, где она пряталась, чтобы ты знала, где искать ее в следующий раз.

Он ободряюще похлопал жену по плечу, затем по мягкому месту. Вместе они вошли в дом. Систи сидела за журнальным столиком и приканчивала последние конфеты. Щенок был тоже усажен за столик.

— У нас вечеринка, — сказала Систи родителям.

Томилсон, искоса глядя на жену, видел, как тревога тут же исчезла у нее с лица. Она успокоилась. Усаживаясь на диван, он пожалел, что не может то же самое сказать о себе.

— И ты что-нибудь оставила для меня? — спросил он дочь.

Машинально он заметил, что радиола в дальнем углу комнаты включена. Она доиграла последнюю пластинку, но таймер, настроенный на ночь, не выключил ее.

Систи поглядела на оставшийся маленький кусочек шоколада. Она хотела оставить его папе, но так же хотела съесть сама.

— Съешь его сама, — рассмеялся Томилсон.

Шоколад исчез, словно по волшебству. Глядя на нее, щенок облизнулся красным, раздвоенным язычком и тихонько тявкнул.

— Мама потеряла тебя и скучала, — сказал Томилсон, слушая, как жена на кухне моет посуду. — Где ты была?

Систи поглядела на него с любопытством.

— Нигде.

Томилсон, который знал дочь лучше, чем себя самого, не стал выжимать из нее ответ. Вместо этого он закурил сигарету и поискал взглядом пепельницу. Как обычно, ее нигде не было видно. Тогда он бросил сгоревшую спичку за диван. Щенок вскочил со стула и убежал на кухню. Томилсон поглядел на дочь.

— Ты хорошо позабавилась, пока пряталась? — спросил он.

— Очень, папа! — Она расставила ручки как можно шире, чтобы показать, как она забавлялась. — Но я немного испугалась.

— Расскажи мне, как ты веселилась, — попросил Томилсон.

Щенок выбежал из кухни и подбежал к нему, держа что-то во рту. Томилсон взглянул вниз. Во рту у щенка была пепельница.

— Спасибо, щенок, — сказал он, забрал у него пепельницу и поставил на столик.

Щенок закрутил хвостом от удовольствия. Томилсон глядел на него краешком глаза. Внезапно лицо его посерело, и ему показалось, что сердце перестало биться. Затем оно вновь застучало, точно автомобильный движок, пошедший вразнос.

— Что же ты видела такого забавного? — спросил он Систи.

— Папочка, а что означает рукопожатие? — спросила вдруг Систи.

— А? Да, ничего, просто иногда так делают. Лучше расскажи мне, как ты забавлялась.

— Там были очень забавные маленькие люди, — с энтузиазмом в голосе начала Систи. — Они были все золотые, рыли дырку в земле, а в дырке устроили себе домик. В домике было

много интересных штучек, как у тебя в мансарде, папочка... а на крыше была клетка для птицы, только птицы там не было.

Ей стало грустно, потому что в клетке не было птицы. Интересно, подумал Томилсон, не может ли быть система антенн похожей на птичью клетку, но спрашивать об этом не стал.

— А какой величины были маленькие золотые люди? — улыбнулся он.

— Почти такие же большие, как я, — заявила Систи. — Может, чуть больше. Но только чуть.

Из радиолы вдруг послышался гул и тихие щелчки. Томилсон нахмурился. Радиола была переключена на проигрыватель пластинок, а в таком положении не должна гудеть. Он подумал было, не выключить ли ее, но решил, что не стоит. Привлеченный треском, щенок подошел к ней и обнюхал, зарычал, но тут же вернулся и прыгнул на диван рядом с Томилсоном. Томилсон погладил его по спине. Шерсть у него была тонкой и невесомой, почти как пух. А когда он погладил щенка по спине, от руки брызнули искорки статического электричества.

— Папа, смотри! — воскликнула Систи. — Дж'тон искрится.

— Кто-кто?

— Дж'тон, — Систи наморщила губы, пытаясь выговорить трудное слово. Он искрится.

— Дж'тон, — попробовал произнести Томилсон. — Тебя так зовут, щенок?

— Гав! — пролаял щенок.

Томилсон поперхнулся дымом и уронил сигарету на ковер, но тут же подобрал ее, погасил в пепельнице и немедленно закурил другую. С тоской он подумал о виски на верхней полке кухонного шкафчика. Сейчас ему хотелось выпить, как никогда в жизни. Но бутылка была на кухне, там же была и жена, и она увидела бы, если бы он решил сделать хоть глоток. Не то чтобы он хотел обмануть ее, просто он не хотел ее пугать.

Щенок облизнулся красным, раздвоенным язычком.

— Ты можешь творить чудеса, щенок? — брякнул Томилсон. — Можешь излечивать сломанные кости и все такое?

— Гав! — ответил щенок.

Томилсон вытер пот со лба. Это безумие, сказал он себе. Сумасшествие. Самый короткий путь к ближайшей

психушке. Он постарался взять себя в руки, повернулся к дочери и снова спросил ее о маленьких золотых человечках и домике с птичьей клеткой на крыше. Систи начала охотно рассказывать, дополняя слова жестами, и пока она говорила, у него в голове начала складываться картина. Это была картина чего-то вроде блиндажа, только была там не пушка, а что-то типа излучателя. Может, радарная установка, а может, что-то еще.

— Вокруг были деревья, — продолжала Систи. — Только это были маленькие деревья. А потом через них прошел слон...

— Слон?

— Угу! И все маленькие люди засуетились. Они повернули птичью клетку так, чтобы она указывала на слона. Затем началось что-то ужасное, гром и молнии. Это было ужасно, папочка. Мы с Дж'тоном испугались и убежали.

Вспоминая все это, Систи казалась испуганной, хотя Томилсон мог бы поклясться, что она была испугана гораздо меньше, чем он сам.

— Но когда вы убежали, то как вернулись домой, Систи? — спросил он.

Девочка казалась удивленной этим вопросом.

— Мы просто прошли через дверцу, папочка.

— Где же эта дверца?

— Да вон она, — и Систи указала на радиолу.

От левого конца радиолы было фута три свободного места, где Томилсон намеревался поставить шкафчик для пластинок, а дальше была батарея парового отопления. И это незанятое пространство между радиолой и батареей действительно походило на дверь.

— Я покажу тебе, папочка, — сказала Систи и соскочила с места.

Но щенок оказался быстрее, чем ее отец. Томилсон не понял, как это произошло, но щенок рванулся вперед, прямо ей под ноги, отчего Систи упала и покатилась по ковру. Она не ушиблась, это была игра. Визжа от восторга, она вскочила и снова бросилась к радиоле. К этому времени Томилсон пришел в себя и схватил ее.

— Папочка, ты же сам хотел, чтобы я тебе показала... — удивленно воскликнула Систи.

— Покажешь мне это в другой раз. — Томилсон был поражен, что в его голосе не слышалось страха. — Мне кажется, мама закончила с посудой. Почему бы тебе не попросить, чтобы она пошла с тобой поиграть на задний двор. И возьмите с собой Дж'тона.

Когда Систи убежала, Томилсон глянул на то место, которое она назвала дверцей, и шагнул к нему.

Перед ним мгновенно оказался щенок и зарычал, обнажив острые зубки.

— Не бойся, Дж'тон, — сказал ему Томилсон. — Я не собираюсь совершить самоубийство.

Щенок смотрел на него, и Томилсон мог бы поклясться, что он все понял. Затем, успокоившись и, очевидно, решив, что Томилсон способен сам позаботиться о себе, щенок тявкнул и убежал за Систи.

Томилсон опустился на диван. Он был мокрый, словно на него вылили тазик воды. Пощупав себя, он понял, что одежда совершенно промокла от пота.

Он подождал, пока не услышал, как Систи с матерью играют на заднем дворе. Затем он поднялся наверх в мансарду, чтобы взять там счетчик, измерительную аппаратуру и инструменты...

Мансарда была большой, и Томилсон превратил ее в мастерскую радиолюбителя. По старой привычке, он на секунду остановился на пороге, чтобы любовно взглянуть на собранное здесь оборудование. На стенде стоял радиоприемник, который мог принимать радиопередачи из Австралии. Рядом был передатчик, который мог отвечать на эти передачи, посылая радиоволны через полмира. Сейчас Томилсону показалось странным, что он никогда не считал приемник и передатчик чудом или волшебством. Конечно, он знал законы физики — по крайней мере некоторые из них, — которые управляли радиоволнами, но знал он далеко не все. И никто не знал все. Маркони[5] открыл лишь несколько частот. Тысячи других экспериментаторов проводили опыты с другими частотами, но никто понятия не имел, что происходит, когда передается или

[5] Гульельмо Маркони (1874 — 1937) — маркиз, итальянский радиотехник и предприниматель, один из изобретателей радио; лауреат Нобелевской премии по физике за 1909 год.

принимается радиосигнал. Какие божественные законы управляют пляской ионов между проводниками и пластинами?

И какие законы электроники могли бы объяснить дверь, открывающуюся между железной батареей и радиолой, установленной в трех футах от нее?

Томилсон не был мистиком. Мысленно он уже перебрал все известные законы физики, но сейчас, стоя в своей мастерской, чувствовал легкое беспокойство, словно, спустившись вниз, он станет исследовать скрытые тайны Вселенной.

Снаружи был яркий день, он слышал взрывы смеха и изредка потявкивание щенка.

— Боже мой! — прошептал он.

Это была молитва.

Собрав приборы и инструменты, он спустился вниз, чтобы проверить, действительно ли существует некая дверь.

Через тридцать минут он кое-что узнал. Во-первых, между радиатором и радиолой действительно был какой-то энергетический поток. Там была дверь. Приборы регистрировали ее. Радиатор и радиола были частями общей электронной схемы — мелькнуло у Томилсона в голове, — из-за которой возникает область вибрации, создаваемая так же, как витки проводника на катушке создают сложное электромагнитное поле.

Он также понял, что дверь эта невидима. С какой бы стороны он ни смотрел, как бы ни крутил головой, но не видел ни малейшего проблеска. Никаких пятен в воздухе, никакой дымки — вообще ничего. Но приборы подсказывали, что там есть какое-то энергополе. А Систи и Дж'тон сказали, что там есть дверь, отверстие, один конец которого находится у него в гостиной, а другой — в стране маленьких золотых людей.

Страна восьминогих щенков с раздвоенными язычками; щенков, которые обладают способностью лечить; щенков, которые являются телепатами.

Страна, где маленькие золотые люди строят в земле дома с птичьими клетками на крыше — но без птиц, — из которых вылетают гром и молния, когда появляется слон. Попасть в эту страну было так легко, нужно было лишь шагнуть в дверь между батареей и радиолой.

Думая об этом, Томилсон вытер вспотевшее лицо. Он уже знал, что непременно сделает. Но сначала, поскольку ему нравилось жить и совсем не хотелось умирать, он взял теннисный мячик и бросил его в эту область вибрации.

Мячик прошел через нее, ударился о стену и отлетел назад. Томилсон на секунду прикрыл глаза. А может, здесь и нет никакой двери?

«Была ли здесь вообще какая-то дверь, — подумал он, — или все это просто перевозбужденное воображение? Может, я действительно сломал руку в детстве и забыл об этом?»

А Систи, возможно, играла с ним в очередную игру. Откуда он знал, рассказала ли она то, что было на самом деле, или придумала очередную историю?

На мгновение он почти убедил себя, что последнее было правдой, но тут снова услышал взволнованное тявканье на заднем дворе. Он вздохнул. Дж'тон не был создан воображением Систи или его собственным. А приборы утверждали, что там есть дверь, и появление Дж'тона говорило об этом же.

Он привязал пластиковую отвертку к концу метровой линейки и осторожно толкнул ее в дверь.

Ничего не произошло. Отвертка уперлась в стену и не пожелала никуда исчезать.

— Черт побери! — только и сказал Томилсон.

Он не знал, сердиться или радоваться. Он зашагал взад-вперед по гостиной, пытаясь придумать, что делать дальше. В это время из кухни появился, мяукая, любимый котенок Систи.

— Хороший котик, красивый котик, — бормотал Томилсон, грубыми узлами привязывая котенка к линейке. И когда он толкнул линейку вперед, котенок исчез.

Линейка как была, так и осталась. Была прекрасно видна намотанная вокруг нее веревка, и она даже дергалось, словно что-то невидимое пыталось освободиться, но котенок исчез.

Томилсон дернул к себе линейку. Котенок снова появился. Вся шерсть его стояла дыбом, и он бился, словно обезумел от страха. Пока Толмилсон отвязывал его от линейки, он царапался и кусался. Выпущенный на волю, котенок так понесся из комнаты, словно за ним неслась с разинутой пастью самая большая и страшная собака в мире.

— Что, черт возим, испугало его? — думал Томилсон.

Но он-то не был кошкой. Он мог сам нырнуть в дверь и вернуться назад...

Даже шкатулка Пандоры не была столь привлекательна для Пандоры, как эта дверь для Томилсона. Причем он сам не понимал, почему. Думая над этим, он выкурил сигарету и потом подумал, почему в горле у него так пересохло, а руки трясутся? Черт, неужели он не может нырнуть туда хоть на минутку — и тут же вернуться?

И еще ему было интересно, а где расположена эта страна маленьких золотых людей? В каком-то другом пространстве? Может быть. Но также может быть, в каком-то другом времени. И нельзя было никак понять, где она находится, потому что дверь открывалась туда сразу, игнорируя любые расстояния. Пользуясь тем, что жена играет с Систи на заднем дворе, Томилсон прокрался на кухню и быстро сделал несколько глотков прямо из бутылки. Когда он вернулся в гостиную, то уже знал, что полезет в это отверстие.

Он решил, что в него лучше нырнуть, как пловец ныряет в холодную воду. Затаив дыхание, он бросился прямо между батареей и радиолой... И ударился о стену, как до этого теннисный мячик. Удар, кровь из носа и помутнение в глазах. Томилсон отскочил назад и растянулся на полу, затем сел и уставился на «дверь», которая не пустила его.

Систи она пустила, Дж'тона пустила, котенка пустила, а его вот нет!

Было ли все дело в размерах? Может быть, дверь пропускала маленькие объекты, но отшвыривала большие? Нет, это было плохое объяснение. Теннисный мячик она тоже не пропустила, хотя он гораздо меньше, чем Систи. А может, все было дело в размерах и живой материи?

Да, это казалось правильным ответом. Возможно, дети, щенки и котята могут пройти, а взрослые — нет. Внезапно Томилсон подумал о гномах и эльфах из волшебных сказок, а также о гоблинах. Все это были маленькие существа, и в сказках все они умели исчезать. Может, они приходят на землю через подобные двери, открывающиеся в тайных местах? Да, наверное, это и был ответ. Черт бы побрал этот ответ, из-за которого

он разбил себе нос! Томилсон пошел в туалет на первом этаже за полотенцем. Хлопнула дверь черного входа. Коготки простучали по линолеуму кухни. Затем он услышал, как зашлепали шаги в коридоре между столовой и гостиной.

— Систи! Не входи в гостиную...

— Папа, папочка, смотри!

Он бросился в гостиную. На ковре перед радиолой лежало что-то длинное и пятнистое, что не было ни змеей, ни ящерицей, но казалось похожей на ту и другую одновременно. Свет заиграл на золотистой чешуе, уложенной, как мозаика, по фиолетовому телу, когда существо повернуло к ним глаза-бусинки. Это было самое красивое существо, какое когда-либо видел Томилсон.

— Папочка, какая она симпатичная... — закричала Систи, шагнув к этой твари.

Существо вздернуло вверх голову. Томилсон, у которого сжало горло так, что он не мог крикнуть, что это опасно, бросился, чтобы отдернуть дочь.

Но тут перед ним молнией сверкнул Дж'тон, прыгая на существо у радиолы. Когда он прыгнул, существо сделало головой выпад, совсем как змея. Но челюсти щенка уже сомкнулись на его шее. Дж'тон встряхнул существо, как терьер трясет крысу, затем резким поворотом головы отбросил его далеко в сторону. Потом щенок повернулся и глянул на Томилсона. В глазах его было торжество, словно он встретил и победил какого-то старого врага. Дж'тон сделал три шага вперед и умер.

Томилсон схватил Систи и унес ее на задний двор.

— Пойди поиграй с матерью, — велел он.

Услышав его голос Систи без слов побежала к маме. Томилсон вернулся в гостиную и выключил радиолу.

Немного позже он вынес через черный вход что-то завернутое в газеты, сел в машину и быстро поехал из города. На реке от избавился от тел.

С той поры Систи не раз допрашивала его, что случилось с Дж'тоном, и каждый раз Томилсон отвечал ей, что щенок ушел в «страну золотых людей».

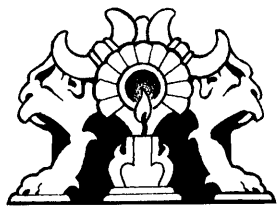
Жене он тайком сообщил, что у щенка начался припадок бешенства.

— Я был вынужден избавиться от него.

Жена могла принять это объяснение.

Ночами, когда семья засыпала, Томилсон пытался снова и снова открыть эту «дверь». Пока что он не добился никаких успехов и начал уже думать, что дверь раскрылась из-за связи между его радиолой и странной антенной-излучателем, какую описала ему Систи. Он решил, что антенну перенесли в другое место, так что связь нарушилась.

Томилсон по-прежнему пытается отыскать новое местонахождение той антенны. И будет пытаться до самой смерти.

КРАСНАЯ СМЕРТЬ МАРСА

I

Спаркс Эвери, неся бессменную вахту возле радиоаппаратуры, увидел, как появились эти трое. Ему не было нужды рассматривать их более пристально, чтобы понять, что что-то случилось. Вскакивая, он нажал кнопку, отпирающую внешний люк. Из носовых отсеков корабля слышалось бряканье горшков и кастрюль, это Коротышка Адамс, суровый повар, готовил им ужин.

Ангус Макллрайт, сын далекой Шотландии, вышел из машинного отделения. Когда он на мгновение раскрыл дверь, послышалось приглушенное шипение атомных двигателей, работающих на уране.

— Что случилось, парень? — спросил Макллрайт.

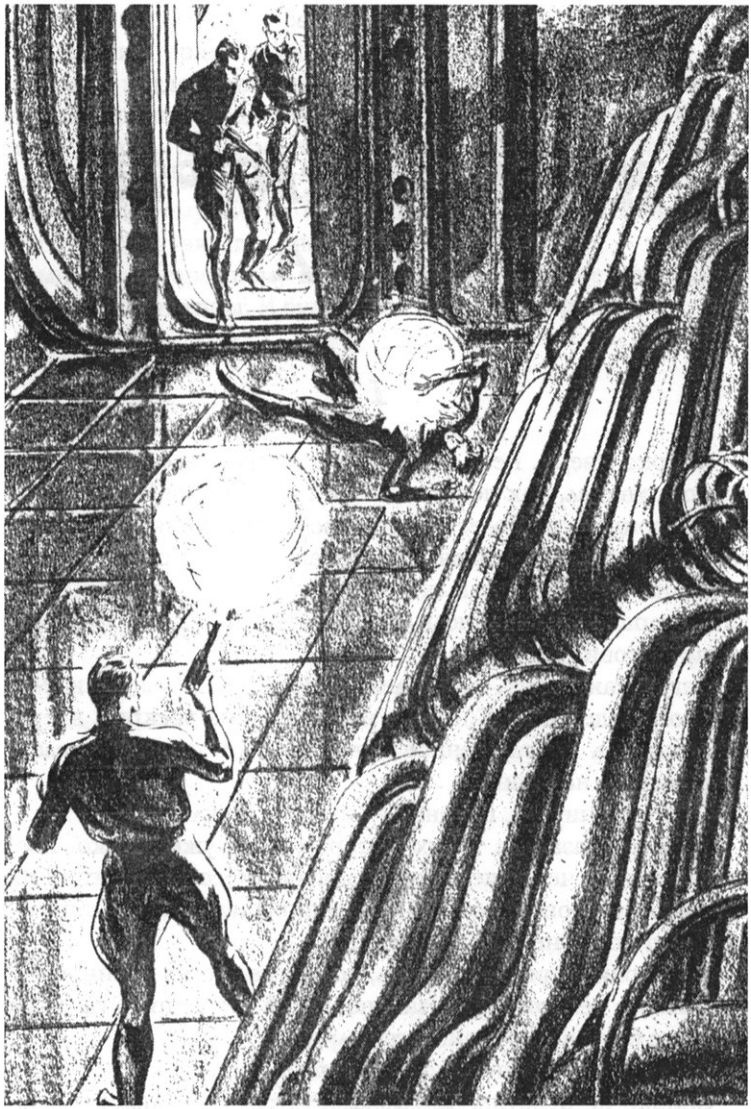
Спаркс указал на троих, которые были уже близко. Когда они пошли через песчаную площадь, песок, поднятый их башмаками, повис позади них завихряющимся облачком, песок, никогда не знавший дождя.

Макллрайт, прищурившись, посмотрел через двойной иллюминатор левого борта, защищавший его старые глаза от тусклого блеска марсианского солнца.

— Не нравятся мне их лица, парень.

Спаркс не ответил. Тяжелые ботинки протопали в люк. Лязгнула внешняя дверь. Тихо зашипел воздух. Затем раскрылась внутренняя дверь.

Первым вошел высокий и худой Мартин Фром. Его серо-голубые глаза на мгновение уставились на радиста, но он

ничего не сказал. За ним шел Джеймс Сьюттер с длинными, болтающимися, точно у обезьяны, руками. И последним был Винсент Орсетти, мигая слабыми глазами за толстыми линзами очков.

— На корабле все в порядке? — спросил Фром.

— Совершенно верно, сэр, — ответил Спаркс.

— Вы наблюдали с иллюминатора левого борта, когда я уходил?

— Да.

— И не заметили ничего необычного, никакого движения?

— Ничего.

Фром повернулся к Макллрайту.

— Двигатели готовы?

— Двигатели всегда готовы, — спокойно ответил Макллрайт.

— Так и держите их, — приказал Фром.

Макллрайт прикоснулся двумя пальцами к козырьку своей кепки.

— Да, капитан.

Фром повернулся к двоим пришедшим с ним.

— Сьюттер, подготовьте для передачи на главную базу короткий археологический отчет о самом городе.

Археолог, уже стащивший тяжелый костюм, неуклюже прошел через комнату к столу.

— Орсетти, — продолжал Фром, — вы меня очень обяжете, если займетесь отчетом об этом. — Он открыл свой ранец, достал из него какой-то предмет и положил на стол.

— Охотно, капитан, — ответил Орсетти. — Вы хотели сказать: «нет»?

В голосе Орсетти чувствовалось немалое удивление. Спаркс наклонился, чтобы получше рассмотреть предмет, который Фром положил на стол. Он сиял изнутри рубиновым светом.

— Что это? — спросил Спаркс.

— Мы не знаем, — ответил Фром. — Они разбросаны по всему городу. В одном месте мы нашли целую кучу их футов в три высотой, словно сваленный из грузовика уголь. Они похожи на драгоценные камни, но не являются ими.

Действительно, этот предмет напоминал драгоценный камень, рубин, размером с кулак. Он был круглый, и его поверхность состояла из множества граней, сверкающих красноватыми лучами отраженного света.

— Но, капитан, — заявил Орсетти, — моя специальность — биохимия. Я также в некотором роде металлург, но эта штуковина не имеет отношения ни к одной из моих специальностей.

— Просто опишите его как можно лучше, — грубо оборвал его Фром. — А я пока пойду готовить отчет о судьбе нашей первой экспедиции в этот трижды проклятый город Тормс.

— Вы нашли их? — быстро спросил Спаркс.

— Мы определили местонахождения их корабля с воздуха еще до того, как приземлились.

— Я это знаю. Но как там люди...

Губы Фрома сжались в тонкую линию.

— Мы нашли людей.

— О-о... — ответил Спаркс.

Целую секунду он глядел в упор на капитана, затем повернулся на пятках, прошел и сел в кресле перед радиопередатчиком. Макллрайт с сожалением посмотрел на него, но ничего не сказал.

Первым был закончен отчет Орсетти. Он вручил радисту единственный листок. Спаркс прочитал:

Похожие на драгоценные камни объекты, которые мы обнаружили в Тормсе, кажутся уникальными. Насколько я знаю, о них никогда не сообщали другие экспедиции на Марс. Мы видели их по всему городу. Очевидно, первая экспедиция тоже нашла их, потому что мы обнаружили несколько таких на корабле, один даже под койкой капитана, и еще несколько рядом с кораблем.

Они лежат отдельно или целыми группами по нескольку сотен штук. В одном месте мы нашли их целую кучу, брошенную, по словам капитана Фрома, «как уголь перед дверью в подвал».

Сомнительно, что они принадлежали жителям этого города. Более вероятно, что они появились здесь после того, как все жители умерли.

Внешне они напоминают гигантские драгоценные камни и, на первый взгляд, кажутся искусственно ограненными. Однако более тщательное изучение показало, что грани естественные и прослеживаются в прозрачной структуре этих странных объектов.

Другая уникальная особенность — их недолговечность. Сьюттер уронил один из них, так тот через минуту распался

на мелкие кусочки, а затем, словно пытаясь заставить нас засомневаться, кристаллы ли это, кусочки превратились в красноватый газ, который струйкой потек по земле.

Пока мы еще не в состоянии дать соответствующее объяснение происхождению этих кристаллов или определить, чем они являются на самом деле.

ВИНСЕНТ ОРСЕТТИ,
биохимик спасательной экспедиции в Тормс

Спаркс защелкал переключателями. Зажужжали трансформаторы. Стали нагреваться радиотрубки. Спаркс заговорил в микрофон:

— Спасательный корабль «Кеплер» вызывает Главную Базу. Спасательный корабль «Кеплер» вызывает Главную Базу.

— Слушаем вас, спасательный корабль, — раздался из динамика ответ.

Когда Спаркс закончил передавать первое сообщение, Сьюттер как раз закончил свой отчет, и Спаркс прочитал его вслух в микрофон:

Бесспорно, это самое важное археологическое открытие с тех пор, как первый корабль приземлился на Марсе одиннадцать лет назад. Я считаю необходимым перечислить исследования, проведенные здесь с тех пор.

Вы наверняка помните рвение, с каким совершались первые исследования, торопливый, безумный поиск разумной жизни на Марсе. Никогда не возникало сомнений, что она здесь существовала. Пыль засыпала каналы, покрыла города, но каналы и города доказывали, что на этой планете разум достиг значительных успехов. Вы наверняка помните, как наше рвение переходило с ходом исследований в изумление. Были найдены города, улицы которых оказались засыпаны песком. Состояние городов показывало, что их жители бежали от какого-то надвигающегося врага. Мы находили разбросанные повсюду инструменты, украшения, странные книги-свитки, написанные сложным иероглифическим письмом. Но мы так и не нашли представителей народа, который создал все это. Мы находили их кости, сухие кости в песке. Но не

нашли их самих. И также мы не нашли врага, от которого они бежали.

Здесь, в городе Тормсе, тоже нет никаких жителей. Но здесь есть нечто, что я считаю очень существенным.

Здесь все находится в прекрасном состоянии. Книги аккуратно стоят на полках, здания не разрушены. Машины и инструменты тех, кто построил этот город, покрыты густой смазкой, чтобы предохранить их от ржавчины.

Все находится в превосходном состоянии, словно хозяева собирались вернуться сюда в будущем.

Здесь скрыта тайна, тайна исчезновения целой расы, некогда населявшей Марс. Этот город гораздо новее других, которые мы обнаружили. Он был покинут последним. И здесь находится ключ к разгадке судьбы жизни на этой планете.

Мне не стоит комментировать, как важно раскрыть эту тайну. Поэтому я рекомендую провести здесь самые осторожные исследования.

ДЖЕЙМС СЬЮТТЕР.

Спаркс глубоко вздохнул.

— Второй отчет закончен, — сказал он в микрофон.

— Все это интересно, — получил он ответ, — но вы нашли хоть намеки на то, что произошло с первой экспедицией?

— Будет готово через минуту, — ответил Спаркс.

— Ладно, не откусите мне голову, — проскрипело в динамике, потом внезапно голос оборвался и потом заговорил уже совсем другим тоном: — Эвери, прости. Я совершенно забыл...

— Ладно, проехали, — грубо сказал радист. — Я не ищу сочувствия... — он обернулся.

Рядом стоял капитан Фром с лицом, словно высеченным из гранита.

— Передайте это, — сказал Фром и положил руку на плеча радиста.

Спаркс словно не почувствовал прикосновения и прочитал сообщение.

— О'кей, — сказал он, — Это все, что я хотел знать.

— Парень, — подозрительно хриплым голосом начал Фром. — мне очень жаль...

— Проехали, — повторил Спаркс.

Фром ушел, и Спаркс начал читать в микрофон сообщение, которое тот ему прислал:

16 октября 2347 года.

Когда оборвалась связь с первой экспедицией в Тормс, нас послали им на помощь. Это отчет о том, что мы нашли.

Корабль мы заметили еще с воздуха. Он стоял на одном из квадратных полей, специфических для марсианских городов. Мы приземлились поближе к нему в соседнем квадрате, и немедленно Орсетти, Сьюттер и я пошли к кораблю, оставив на нашем корабле радиооператора Эвери, инженера Макллрайта и повара Адамса.

С сожалением вынужден сообщить, что всех трех членов первой экспедиции мы нашли мертвыми.

Причину смерти мы определить не смогли. На их телах не было ран, однако выражение лиц указывало на то, что умерли они в муках. Коммандер Ричард Эвери был в своей койке. Положение его рук и ног намекало на то, что он был разбужен и попытался защититься. Однако это просто мое личное впечатление. Никаких доказательств этому нет. Археолог Сэмюэль Фанк был возле радиопередатчика. У меня сложилось впечатление, что он умер, пытаясь позвать на помощь. Радиостанция была мертва из-за отсутствия питания, что было крайне маловероятно, потому что ток, питающий приборы, подавался прямо от атомных двигателей, которые тоже не работали. На моей памяти это первый и единственный случай, когда отказывали атомные двигатели. Я не могу даже предположить причину такого отказа. Однако двигатели неисправны. Мы это проверили.

Джон Ормс, лингвист, который пытался расшифровать марсианский язык, был найден на некотором расстоянии от корабля. Следы на песке указывали, что он бежал от корабля. И на его лице была написана такая же мука.

Пытаясь определить, подверглось ли судно нападению, мы тщательно осмотрели песок вокруг него. Не было найдено никаких следов, кроме тех, которых сделали члены экипажа.

Мы похоронили их в том же песчаном квадрате, на котором стоял корабль.

Позже мы сделаем полный осмотр. Важно понять не только то, что послужило причиной их смерти, но и что остановило двигатели корабля. Также мы должны попытаться разгадать тайну этого города, как настаивает наш археолог Джеймс Сьюттер.

МАРТИН ФРОМ, капитан спасательного корабля «Кеплер».

Ровный голос Спаркса прервался. Он откашлялся и быстро сказал:

— Конец передачи, — и прервал связь.

На корабле стояла тишина. Спаркс смотрел на радиостанцию и молчал. Он поднял голову, только услышав чей-то голос:

— Вы жестокий человек, Мартин Фром.

Это был Ангус Макллрайт. В моменты напряжения он начинал говорить с акцентом, напоминавшим об его далекой родине.

— Вам нет нужды напоминать мне об этом, Ангус, — ответил Фром.

— Оставьте его, Ангус, — резко сказал Спаркс.

— Но ведь это ваш собственный родитель, парень, которого они похоронили. Они должны были, по крайней мере, сказать вам о том, что они нашли, как только вернулись, а не заставлять вас ждать и узнавать обо всем из отчета. — Он повернулся к Фрому. — Повторяю, вы — жестокий человек.

— Это жестокая планета, Ангус, а мы путешествуем по жестокому космосу. Здесь не может быть место никаким слабостям.

— Да, но...

— Я же сказал, оставьте, Ангус, — прервал его Спаркс. — Мой отец тоже был жестоким человеком. Если бы не это, то он не стал бы первым человеком, ступившим на Марс. Я знаю его лучше других. Всякий раз, когда все шло плохо, он повторял любимую поговорку: «Вместе с ядом природа всегда создает противоядие. Но она не вручает его вам на серебряном блюде. Вы должны найти его сами — или умереть». Он ненавидел всякую демонстрацию чувств, любую слабость.

Капитан Фром сообщил мне о смерти отца именно таким способом, каким хотел бы сам отец. Что же касается его смерти, он умер, как всегда мечтал — борясь с неизвестным. И он похоронен так, как хотел бы — в марсианских песках.

Тишина, последовавшая за словами радиооператора, была неловким молчанием, которым мужчины хотят показать свое сочувствие, но не могут подыскать слова.

— Я был в первом полете с ним, — сказал Макллрайт. — Я знал его. Вы — истинный сын.

— Простите, — сказал Спаркс. — Мне не стоило ничего говорить. Ему бы это не понравилось. Он всегда был для меня чем-то вроде бога и... — он стиснул губы, — ...что-то убило его.

Открылась дверь и появился повар.

— Идите на ужин, — сказал он, — или я выкину его.

— Пойдемте, — с горечью в голосе сказал Спаркс. — Надо поесть.

Когда они выходили из помещения, на столе оставался камень, который осматривал Орсетти.

Когда они вернулись, его там не было.

Они обыскали весь корабль, но не нашли пропажу. Они не увидели крошечного отверстия во внутреннем корпусе у самого пола, которое выглядело так, словно выпала заклепка. Отверстие было не больше диаметра карандаша, вероятно, поэтому они и пропустили его. И было еще одно крошечное отверстие во внешней оболочке корабля.

А драгоценный камень исчез.

— Джентльмены, — сказал капитан Фром, — сегодня ночью мы будем посменно дежурить.

II

Но ночью ничего не произошло. Никакой злоумышленник не попытался проникнуть на корабль. Лишь тихонько посвистывал ветер Марса, неся сухую пыль красной планеты. И не было никаких других звуков.

На следующий день произошло то, что заставило их забыть, по крайней мере, на время, о загадочно исчезнувшем камне.

Рано утром Сьюттер и Орсетти пошли продолжать исследование города. Фром остался на корабле, корпя над полным отчетом. Маклрайт, по приказу Фрома, отправился на корабль первой экспедиции, чтобы осмотреть двигатели. Вернулся он, качая головой. Двигатели были неисправны. Он доложил Фрому, что не может понять причину неисправности, и вернулся к себе в машинное отделение, что-то бормоча под нос.

Спаркс, в обязанности которого входило наблюдение за люком, увидел, как к кораблю бежит человек. Это был Сьюттер. И он несся, сломя голову.

— Мы нашли их! — задыхаясь, выкрикнул Сьюттер, ворвавшись во внутреннюю дверь. — Жителей Марса. В пещере под городом. Вы помните дверь, возле которой была свалена куча камней? Мы отгребли их и открыли проход. Там внизу марсиане лежат во льду. Спят, замороженные, — задыхаясь, рассказал он.

— Значит, они живы? — выкрикнул Фром.

— Нет, пока еще. Но думаю, их можно пробудить. Орсетти сказал, что можно, а он разбирается в этом. Он остался там.

Археолог был так взволнован, что не мог говорить связно.

Спаркс знал, что значит эта находка для Сьюттера. Что она значит для всех них. Одна из причин, почему люди так стремились на Марс, крылась в том, что они хотели встретиться с обитателями этой планеты. Фотографии, сделанные еще в 1915 году, окончательно доказали, что каналы Марса являются искусственными сооружениями. Значит, там есть жизнь. Но, добравшись до Марса, они не нашли его обитателей. Только опустошение, пыль и песок. Только смерть. И пустые города.

Если Сьюттер был прав, то настал самый великий момент в исследовании Марса. Даже прибытие первого корабля с Земли было не так важно, как это открытие. Сердце Спаркса подпрыгнуло при этой мысли. Найдены исчезнувшие жители Марса!

Фром стал торопливо натягивать на себя костюм.

— Одевайся, парень, — рявкнул он Спарксу. — И позови Ангуса. Он прилетал сюда с первым кораблем и имеет право присутствовать при пробуждении одного из марсиан.

Спаркс бросился в машинное отделение и уже на ходу осознал, что Фром не привел причин, почему решил взять с собой

его самого. Он сказал, что Ангус имеет право присутствовать. Так оно и было. Старый инженер перенес все лишения первых исследователей этой планеты. Он заработало право присутствовать при историческом моменте, когда разбудят одного из марсиан.

Но Спаркс тут же понял, почему Фром решил взять его. Сам Спаркс такой чести не заслужил. За него это сделал кое-кто другой, кто не может присутствовать.

Спаркс был молодым, ему всего лишь исполнилось двадцать. Он полетел на Марс только благодаря прекрасному знанию радиоаппаратуры. Отец против этого не возражал, но и не помог сыну получить назначение. Он сказал:

— То, что я командую марсианской экспедицией, для тебя ничего не значит. Ты сам должен преодолеть все преграды и испытать все трудности. Ты станешь есть ту же еду, что и другие, спать на таких же койках, пить синтезированную воду и твердо стоять на своих ногах. Ты не будешь получать поблажек, а станешь исполнять приказы, какими бы они ни были.

Ричард Эвери был жестоким человеком. Но он был человеком. Корабль оставили охранять лишь Коротышку Адамса. Фром дал ему строгий приказ вести наблюдение.

Сьюттер рысцой провел их через тихий, пустынный город к низкому зданию, у которого был лишь один вход. У двери были раскиданы рубиновые кристаллы, где он сам или Орсетти разбросали их. Сьюттер нырнул в темный проход, остальные последовали за ним. Спаркс отметил, какой тяжелой была дверь. Она оказалась по меньшей мере в фут толщиной, и поверхность ее покрывала ржавчина.

Орсетти ждал их внизу.

— Они в порядке, — сказал он. — В каждой ячейке по марсианину. Они спят в замороженном состоянии. В этом нет никаких сомнений.

Камера была не очень большая, вырезанная в твердой скале, и в ней было около пятисот похожих на гробы ячеек. Каждая ячейка была закрыта стеклянной крышкой.

— Я ждал вашего разрешения попробовать вскрыть одну из ячеек, капитан Фром, — продолжал Орсетти. — В ожидании вашего прибытия, я взял на себя смелость удалить

пломбы с одной из ячеек. Она готова к открытию. Можно начинать?

Фром заколебался, всматриваясь в стеклянную крышку и пытаясь разглядеть лежащее в ячейке существо.

— Вы уверены, что эти существа действительно подвергнуты гибернации?

— Относительно этого уверен. Посмотрите, какая здесь температура. Идеально подходит для гибернации. Поэтому город оставлен в прекрасном состоянии, механизмы смазаны, здания заперты. Люди собирались вернуться в город, когда проснутся.

— Ладно, — медленно проговорил Фром. — Можете... Что вы делаете, Ангус?

Макллрайт отделился от остальных, взял фонарь и пошел по пещере, тщательно осматривая проходы между ячейками, как осторожный старый пес, ища запахи, говорящие об опасности.

— Мне кажется, у этих существ была причина заморозить себя, — ответил он. — Без причин они бы не забились в эту мрачную пещеру. Не знаю, что это были за причины, но, возможно, они были последними из своего народа, бегущими от какого-то смертельно опасного заклятого врага. И если это так, то нам следует хорошенько подумать, прежде чем начать их будить.

Все беспокойно зашевелились. Орсетти заморгал, как сова. Сьюттер что-то невнятно забормотал.

— Вы что-то заметили, что позволило вам считать этого врага достаточно сильным, чтобы марсиане решили заморозить себя, лишь бы избежать встречи с ним? — спросил Фром.

— Нет, ничего.

— Возможно, у них просто кончилось продовольствие, — предположил Сьюттер. — Воды на планете становилось все меньше. Возможно, долгая засуха не оставила им выбора, кроме как лечь в гибернацию или умереть от голода. Они выбрали ледяной сон, надеясь, что, когда они проснутся, климатические условия на планете станут лучше. Может, у них постоянно были длительные периоды засухи и дождей, и таким образом они просто пережидали засуху.

Старый шотландец покачал головой.

— Может, вы и правы. Может, эти марсиане бежали от засухи. Но, как я помню, мы прилетели сюда, чтобы спасти трех человек. Мы нашли их мертвыми. Один из них бежал от корабля. Мы не знаем, от чего он бежал. Но мы точно знаем, что вся эта раса тоже бежала от чего-то.

Снова все беспокойно зашевелились. Может, старый шотландец чувствовал что-то, что не мог выразить словами?

Сьюттер был археологом. Он провел несколько лет, раскапывая марсианские руины, и теперь он уперся:

— Все это суеверная чепуха!

— Может быть, и так, — ответил Макллрайт. — Но я знаю троих, что погибли здесь. Они уж точно не были суеверными. И мне прекрасно известно, что атомные двигатели вовсе не суеверны. Однако и люди, и двигатели мертвы. И это нельзя объяснить суевериями!

Сьюттер с Орсетти обратились к Фрому и принялись умолять его разрешить вскрыть одну из ячеек.

И Фром принял решение.

— Главная цель наших исследований на этой планете состояла в том, чтобы найти марсиан. И эта цель не будет достигнута, если, найдя, мы не разбудим их. Поэтому можете вскрыть одну ячейку.

Сьюттер и Орсетти не тратили время даром. Фром повернулся к Макллрайту.

— Простите Ангус. Если бы у вас была конкретная причина, то мы бы повременили.

— Да, капитан, — ответил Макллрайт.

Спаркс Эвери молча смотрел на них. Он не принимал участия в беседе. Но несмотря на холодный сухой воздух, на его лбу появились крупные капли пота. Он смахнул их. То и дело его взгляд притягивался к тяжелому пистолету, висевшему на бедре Фрома. Он видел, как Фром расстегнул кобуру.

На полу возле ведущего вниз ската лежал драгоценный камень. Он зло блестел в солнечном свете, начавшем пробиваться в пещеру.

Радиооператору показалось, что прошло лишь несколько минут, прежде чем Орсетти вскрыл ячейку. Они со Сьюттером осторожно вынули из нее марсианина и положили на пол. Все собрались вокруг него. Марсианин был меньше пяти

футов роста, имел огромную грудь и длинные, тонкие руки и ноги. На нем была мягкая кожаная одежда с металлическим поясом вокруг талии, на котором висел мешочек и короткий кинжал.

— Сейчас он очнется, — прошептал Орсетти.

Все молчали. Спаркс чувствовал скрытую напряженность этого момента. Он пробыл на Марсе меньше шести месяцев, но от отца впитал привлекательность красной планеты, полной удивительных тайн. И вот сейчас главная тайна будет разрешена. Марс заговорит с ними. Красные пустыни перестанут казаться таинственными, а опустевшие города поведают, что здесь произошло.

Марсианин пошевелился. Чуть двинулись пальцы, согнулась рука. Грудь стала вздыматься. Давно бездействующие голосовые связки издали тихий вздох, эхом отозвавшийся в пещере.

— Он просыпается, — прошептал Сьюттер. — О боже! Что он скажет? Что сделает? О чем подумает? Как, должно быть, он будет поражен, увидев склонившихся над ним чужаков, пришельцев из другого мира!

Они видели, как движение груди марсианина стало равномерным. Судорожные толчки переросли в мерный ритм, спазматически сжалось его горло.

— Смотрите, — прозвучал напряженный голос археолога. — Он открывает глаза.

Глаза была коричневыми, коричневыми, словно агат. Они были еще мутными и расфокусированными.

— Осторожно, старина, — прошептал Сьюттер. — Я здесь. Я помогу вам сесть.

Он подсунул руку под плечи марсианина.

Марсианин взглянул на Сьюттера и тут же отвел взгляд. Из его глаз исчезла мутная пелена, они стали живыми и сосредоточенными.

Спаркс кашлянул. То, что происходило здесь, было невероятным. Марсианин снова взглянул на Сьюттера, затем его взгляд скользнул по лицам остальных. Но он взглянул на них небрежно, словно они ничего не значили.

Проснувшись после долгого сна, обнаружив себя пленником расы, которая явно была не с Марса, он счел их недостойными второго взгляда?

Что-то было не так. Может, марсианин еще ничего не видел? А может, он вообще был слепым?

Или, насколько бы интересными ни были склонившиеся над ним гиганты, здесь было что-то гораздо важнее?

У марсианина были большие, остроконечные уши, которыми он мог шевелить. Он дернул ими, как кошка, прислушиваясь к звукам позади. При этом абсолютно игнорировал землян. Потом его уши дернулись вперед, к открытому дверному проему, через которое светило солнце. Он прислушался. Не было ни звука. Он пошевелил головой, пытаясь уловить что-то в холодном, сухом воздухе, глаза его тревожно забегали.

Спаркс тоже прислушался, но ничего не услышал. Однако, марсианин, казалось, что-то уловил. Его уши встали торчком, словно у кошки, которая услышала рычание опасной собаки. Но больше он не прислушивался. Он пошарил глазами и что-то увидел. Его карие агатовые глаза с ужасом уставились на предмет возле дверного проема.

По лицу пополз страх, страх и ужас, похожие на безумие. Он рванулся из рук Сьюттера. Археолог попытался его удержать, но он легко вывернулся из его захвата. Его рука метнулась к кинжалу на поясе.

Кинжал взметнулся и... вонзился марсианину в горло. Марсианин взвизгнул. Визг перешел в бульканье. Марсианин рухнул ничком, облако сухой пыли взметнулось из-под его тела.

— Мы испугали его, — в мертвой тишине хрипло проговорил Сьюттер. — Он увидел нас и совершил самоубийство.

— Нет! — выпалил Спаркс. — Он увидел нас, но не мы напугали его. На нас он не обратил внимания. Его напугала эта штука! — Спаркс указал на рубиновый камень, сияющий в солнечном свете. — Вот что он увидел. Вон ту штуку. И она так напугала его, что он покончил с собой.

Спаркс шагнул к камню.

— Оставьте его! — раздался голос Маклрайта. — Даже не прикасайтесь.

Спаркс отпрыгнул назад.

— Правильно, парень, — продолжал Ангус. — Я все видел. Марсианин не обратил на нас внимания. Его заставил так поступить этот камень.

— Но это же нелепо! — воскликнул Сьюттер. — Этот камень совершенно безопасен. Сейчас мы вскроем другую ячейку и разбудим еще одного марсианина.

— Нет, — рявкнул Фром. — Нелепость или нет, но это требует тщательного исследования. Если первый марсианин, которого мы нашли, совершает самоубийство, как только мы разбудили его, то я хочу знать, почему он так поступил, до того как мы разбудим следующего. Вы, Сьюттер, вместе с Орсетти понесете тело. Мы унесем его на корабль, произведем вскрытие и попросим прислать сюда комплексную экспедицию. Ангус, идите впереди. Спаркс, за ним. Я пойду последним.

Он выхватил из кобуры пистолет. Щелчок, когда он дослал патрон в патронник, громко прозвучал в тишине пещеры. Не слушая возражения Сьюттера, он велел им идти. Все повиновались. Шагая последним по наклонному пандусу, Фром поднял на ходу камень и сунул его в ранец. Потом тщательно закрыл дверь в пещеру.

В голове у каждого был единственный вопрос: почему марсианин убил себя? Почему его так напугал сверкающий камень? Может, здесь, в этот городе призраков, была смерть, бесшумная и невидимая? И марсиане бежали от этой смерти? Когда они добрались до корабля, то обнаружили, что смерть опередила их. Они нашли Коротышку Адамса на полу его камбуза возле охладителя воды.

Он был мертв.

III

Нашел его Спаркс и позвал остальных. Фром прибежал первым. Он быстро, но внимательно произвел осмотр тела.

— Он умер почти сразу же после того, как мы покинули корабль. На теле нет никаких ран, никаких признаков, указывающих на причину смерти. Но на лице его те же муки, которые были на лицах троих из первой экспедиции.

Фром начал методично обыскивать камбуз, и вытащил из мусорного ведра еще один драгоценный камень.

Лицо Фрома, казалось, застыло. На нем все еще были толстые перчатки, входившие в стандартный набор для работ на открытом воздухе. Осторожно держа камень, он поднял его, осмотрел и сказал, качая головой:

— Я не могу утверждать, является ли он тем же самым, что мы принесли на корабль вчера вечером.

— Вы думаете, что, пока мы ужинали, Адамс проскользнув в гостиную и украл его? — спросил Сьюттер.

— Это не так, — категорично возразил Макллрайт.

— Откуда вы знаете, что это не так? Как раз так и могло быть.

— Я знал Адамса, — отрезал старый шотландец. — Он не был вором.

— Но как тогда камень покинул корабль или где прятался? Вы считаете, что он может самостоятельно перемещаться? — уперся Сьюттер.

— Хватит, — решительно прервал их Фром. — Что-то убило его. Я не могу утверждать, что этот камень виноват в его смерти. И не могу утверждать, что это не так. Но я приказываю: мы немедленно улетаем на главную базу, где есть хорошая лаборатория, и узнаем, что это за штука, черт побери. Ангус, готовьте двигатели к взлету. Спаркс, включайте радиопередатчик и свяжитесь с главной базой. Сообщите, что мы возвращаемся. За работу!

Спаркс помчался на нос корабля. Когда он садился за радиопередатчик, то краешком глаза видел мертвого марсианина, лежащего там, где его положили Сьюттер и Орсетти, когда вошли на корабль. Кинжал все еще торчал из его горла.

От этого по спине Спаркса пробежал холодок страха. Если ему и нужно было напоминание, что какая-то невероятная форма смерти скрывается поблизости, то торчащий из марсианина кинжал прекрасно служил этой цели.

Спаркс щелкнул переключателями, включая микрофон, не услышал гула трансформатора и защелкал ими вторично. Он все еще возился с радиостанцией, когда в радиорубку вошел Фром.

— С сожалением вынужден сообщить, — сказал Спаркс, — что наш передатчик неисправен. Кажется, нет энергии.

Фром резко остановился. Замер. Словно кто-то направил на него пистолет.

— Что-что?

Когда Спаркс повторил свои слова, в рубку вошли Орсетти и Сьюттер.

— Но энергия для радиопередатчика поступает от основных двигателей, — прошептал Фром, резко повернулся на пятках и бросился мимо Орсетти и Сьюттера к двери.

— Что происходит? — изумленно спросил Орсетти.

— У меня есть одна мысль, — ответил Спаркс и бросился за капитаном.

Когда он добрался до машинного отделения, то с первого взгляда понял, что осуществились самые худшие его страхи.

— Но двигатели не могут быть неисправными, — говорил Фром. — Просто не могут. Для этого должен прекратиться ядерный распад урана.

— Я знаю, что это невозможно, — упрямо повторил старый инженер, — но еще раз говорю вам, что это произошло.

Капитан Фром повернулся к напряженно ожидающим остальным членам команды.

— Джентльмены, — сказал он. — Мне нет нужды напоминать вам, что мы столкнулись с новой, неизвестной формой смерти. Наступает ночь. У нас нет энергии, чтобы улететь или позвать на помощь по радио. До главной базы более сотни миль сухой, смертоносной пустыни, которую мы не можем пересечь пешком. Наших запасов еды и воды хватит на две недели. Бесспорно, что когда главная база не сможет связаться с нами, то они пошлют спасательный корабль, но на это потребуется минимум неделя. Если мы хотим прожить эту неделю, то должны сохранять бдительность. Я выдам вам всем пистолеты. Держите их постоянно наготове. — Он помолчал и взглянул на инженера. — Ангус, вы со Спарксом приложите все усилия, чтобы определить причину отказа двигателей и исправить их. Сьюттер, вы окажете мне большое одолжение, если возьмете на себя заботу о камбузе. А вы, Орсетти, поможете мне.

— Конечно. Что мы будем делать?

— Попытаемся узнать, чем является это на самом деле, — ответил Фром, показывая на два сверкающих камня.

Биохимик побледнел.

Было очевидно, что старый инженер пытался скрыть свои страхи за работой над двигателями. На все вопросы он отвечал одно и то же, качая головой:

— Я не знаю, парень. Все выглядит так, словно уран утратил свойство атомного распада.

— Но его никто не трогал. Печати на месте. Если бы кто-то добрался до него, то не смог бы не оставить следов, — возразил Спаркс.

— Парень, я это помню. Но я также помню, что на телах мертвецов тоже не было никаких следов.

— И что могло сотворить такое?

— Откуда мне знать. Мы лишь должны помнить, что здесь Марс. На этой планете происходят странные вещи, то, что не может предположить ни один человек. Марсианин совершил самоубийство. Это странно. И эти рубиновые камни тоже очень странные.

— Но зачем были остановлены двигатели? Нас что, сознательно задержали здесь?

— Мы не можем даже строить предположения о мотивах, — встревожено ответил Маклрайт. — Здесь не Земля. У существ на этой планете могут быть совсем не такие причины их поступков, чем у нас...

И тут раздался первый выстрел.

Бах!

И сразу за ним второй. Кто-то стрелял, промахнулся первым выстрелом, поэтому выстрелил вторично.

Бах! Бах! Бах! Еще три выстрела последовали вдогонку. Кто бы ни стрелял, но он промахнулся и вторым выстрелом, так что теперь разряжал во врага весь магазин.

— Это в главной рубке, — крикнул Спаркс. — Бежим!

Выхватывая пистолет из кобуры, он ринулся по коридору. Маклрайт бежал за ним. По пути они чуть не сшибли с ног Сьюттера, который выскочил из камбуза с пистолетом в одной руке и кухонным ножом в другой.

Сьюттер побежал за ними. Спаркс распахнул дверь рубки ударом ноги. Орсетти лежал на полу. Спарксу не нужно было смотреть на его искаженное мукой лицо, чтобы понять, что Орсетти мертв.

Но Фром был жив. Он стоял, широко расставив ноги и подняв пистолет. Из дула пистолета вырвалось пламя и в рубке прогремел выстрел.

Фром тут же еще раз нажжал на спусковой крючок, но раздался лишь сухой щелчок. Тогда он швырнул пистолет в то, что нападало на него.

При виде этого радиооператор застыл, точно парализованный. То, что он увидел, было немыслимо! На Фрома нападал двухфутовый шар красноватого газа. Газовый шар, сияющий мрачным красным светом, в котором блестели яркие точки. Когда шар передвигался, то издавал звук, похожий на тонкое завывание стартера машины.

И таких шаров было два. Один бросался на Фрома. Другой висел над полом возле Орсетти и злорадно подвывал, будто вампир, пьющий кровь из своей жертвы.

Все произошло буквально за доли секунды. Газовый шар ринулся на Фрома. Выстрел оглушил Спаркса. Он лишь понял, что Макллрайт выстрелил у него над ухом. Тогда он тоже поднял свой пистолет, и оба они плюнули пулями.

Газовый шар явственно содрогнулся, когда в него попали пули, дрогнул и отступил.

— Ему не нравится, — прокричал Спаркс. — Горячий свинец. — И выстрелил снова.

После третьего выстрела он понял, что оружие бесполезно. Газовый шар вздрагивал, когда пули попадали в него, но они беспрепятственно пролетали насквозь. Шар ударил Фрома в грудь и впился к него, как пиявка. Фром вскинул руки, чтобы оторвать его, но тут его тело словно охватил паралич, а руки бессильно упали. Лицо его исказилось от боли. Глаза широко раскрылись от ужаса. Он закричал и повалился на пол.

Падая, Фром увидел, что в дверях стоит радиооператор.

— Закройте дверь, — прохрипел он. — Забаррикадируйте ее!

Спаркс не шелохнулся.

— Спасайтесь, — услышал он затихающий шепот. — Не думайте о нас. С нами все... — И тут, словно обретя новые силы, Фром выкрикнул свой последний приказ: — Я приказываю это! Выполнять!

Он был капитаном. И приказы его не обсуждались.

— Черта с два! — зарычал Спаркс и прыгнул в рубку. Макллрайт и Сьюттер последовали за ним.

Дальнейшее Спаркс помнил смутно. Он снова увидел себя ребенком, отбивающимся на земном лугу от пчел. От чего-то, похожего на пчел, только пчелы эти были смертельно опасны. Он ударил по газовому шару на груди Фрома и попытался его оторвать. Прикосновение иглами резкой боли пронзило руки, когда они прошли сквозь шар. Шар затрепетал и отлетел в сторону.

Когда борьба закончилась, капитан Фром был по одну сторону двери, а красный газовый шар сердито подвывал по другую.

Спаркс вернулся в рубку, Когда он снова вышел из нее, то нес тело Орсетти. Ему еще хватило сил положить биохимика на пол, но потом ноги подкосились, и Спаркс потерял сознание.

IV

Он пришел в себя, когда старый инженер залил ему в рот глоток виски. Спаркс попытался сесть, но Макллрайт заставил его лежать.

— Лежи, парень, лежи, пока к тебе не вернутся силы.

— А газовые шары?

— Лежи спокойно, и я расскажу тебе, что мы с ними сделали.

— Но где они?

— В рубке, подвывают друг дружке. Капитан Фром думает, что понял, что это такое.

— Капитан Фром? Как он?

— Слабый, точно котенок, но мы считаем, что он будет жить. Он говорит, что в газовые шары превратились драгоценные камни. Когда они с Орсетти работали с этими кристаллами, то те внезапно превратились в газ прямо у них на глазах...

— Но это же невозможно!

Старый шотландец покачал головой.

— Капитан Фром сказал, что газовые шары и кристаллы являются двумя разными формами одного вида. Он считает, что это как кокон и бабочка. Кристалл — стадия кокона. Газовый шар — стадия бабочки. Он думает, что они питаются радиоактивным излучением, поэтому напали на наши двигатели и на нас самих.

— Но... — начал было Спаркс, но тут же прервал себя.

Фром был способным физиком, но у него не было возможности все обдумать. Если бы у него было время, то он приказал бы вскоре улетать на главную базу.

— Что общего между двигателями и нами? — спросил Спаркс.

— Есть кое-что общее, парень. Источник энергии в наших двигателях — радиоактивный распад урана. Источником энергии для работы сердца является калий, элемент, который слабо радиоактивен. Если удалить уран из двигателей, они не смогут производить энергию. Если удалить калий из тела, сердце перестанет биться.

— Но уран никто не удалял, а на телах мертвецов не было никаких повреждений. Как можно удалить калий из тела, не оставив при этом следов?

— Удалялся не сам уран или калий. Капитан Фром сказал, что газовые шары живут за счет радиации, альфа-, бета- и гамма-лучей, они высасывают эти элементы, превращая их в инертные. Так же, как пиявки сосут кровь, эти шары сосут радиацию. Ну что, парень, тебе стало лучше?

Спаркс сел. У него тут же закружилась голова. Но он заставил себя подняться на ноги и пошел туда, где лежал на полу капитан Фром. Глаза Фрома были закрыты, дыхание медленное, неровное.

Над Фромом склонился Сьюттер.

— Сердце едва бьется, — сказал археолог. — Эти проклятые штуковины высосали из него почти всю жизнь.

Спаркс промолчал. Он подошел к ближайшему иллюминатору и посмотрел наружу. На Марс быстро спускались сумерки, густые тени ползли по городу, скапливаясь позади зданий. Ночь наступала на город, где в течение многих столетий красная смерть терпеливо ждала пробуждения последних марсиан.

Марсиане воспользовались гибернацией не для того, чтобы спастись от засухи. Они бежали от более страшного врага. Марсианин покончил с собой, увидев сверкающий в солнечном свете камень у входа в пещеру. Он знал, что это значит, и предпочел умереть от собственной руки, а не более мучительной смертью.

В тени что-то шевельнулось. Спаркс напряг глаза, чтобы убедиться, что ему не померещилось. Но он не ошибся. Это был шар красного газа, летящий примерно в футе над песком. Он вылетел из тени и направился прямо к кораблю.

Еще один кокон порвался, и родилась еще одна мертвая бабочка.

Но люди были в безопасности. Крепкий стальной корпус будет защищать их до прибытия спасательной экспедиции. У них много еды и воды. Даже если тысячи коконов выпустят парящую смерть, она не пройдет сквозь стены корабля.

Кто-то тяжело дышал позади него. Обернувшись, Спаркс увидел, что Ангус глядит через его плечо. Старый инженер глядел на летящий по воздуху газовый шар.

— Еще один? Я так и думал, что будут еще. Запертая в рубке управления парочка завывает так, словно зовет на помощь.

— Вы думаете, они могут сзывать других?

— Откуда я знаю. Простая земная моль способна на это, и я сомневаюсь, что тот красный дьявол прилетел сюда из простого любопытства.

Радиооператор следил за красным шаром, пока он не скрылся из поля зрения. Потом, содрогнувшись, он сказал:

— Ну, здесь-то мы в безопасности.

— Я в этом не уверен, — покачал головой Макллрайт.

И даже не слова, а сам его мрачный тон холодной иглой кольнул сердце радиооператора. Но Ангус не стал отвечать на вопросы. Вместо этого он повел Спаркса к рубке управления. Дверь ее была заблокирована крепкой пластиной из алюминиевого сплава, а трещины закрыты замазкой.

— Пока вы еще были без сознания, — сказал Макллрайт, — эти дьяволы начали постепенно просачиваться через щелки между кромкой двери и косяком. Мы заделали их замазкой, но...

— Что но? — не выдержал Спаркс. — Вы же не думаете, что они могут пройти сквозь дверь?

— Думаю, что не могут. Но я помню, какую дверь сделали марсиане, чтобы запечатать свою пещеру. Она была по меньшей мере в фут толщиной. И наружная ее поверхность была покрыта выемками дюймов в шесть глубиной, словно что-то пыталось разъесть ее и потерпело неудачу. Это была не ржавчина, потому что в этой проклятой сухости металл не станет ржаветь. Что-то другое разъело ту дверь, и, возможно, уже разъедает...

Он замолчал и с ужасом уставился на дверь, перед которой они стояли. Спаркс тут же понял, что происходит.

На серой поверхности появилось крошечное пятнышко, похожее на каплю кислоты. Оно было величиной с десятицентовую монету и увеличивалось в диаметре. И по мере роста начинало краснеть.

— Они проедают дверь! — прошептал Спаркс и попытался постучать по пятнышку, но Макллрайт отбил его руку. Он схватил с пола кусок замазки и накрыл им пятно. Оно перестало расти. Из-за двери послышалось сердитое подвывание.

— Черт побери, — прошептал инженер. — На сей раз я вас остановил.

— Да, но надолго ли? — прошептал Спаркс.

Макллрайт не ответил.

К ним подбежал Сьюттер.

— Мне нужно сказать вам, — задыхаясь, произнес он. — Снаружи много этих тварей. Они что-то делают со стеклами иллюминаторов и...

Они не стали слушать, пока он закончит, а помчались к корме корабля. С одного взгляда стало ясно, что археолог прав. Возле корабля плавали десятки светящихся газовых шаров. Некоторые прижались к иллюминаторам и выделяли какую-то кислоту, от которой стекла начали слоиться.

Никто ничего не сказал, но все поняли, что на них надвигается гибель. Постепенно стекла иллюминаторов будут разъедены. Даже если закрыть иллюминаторы металлическими заслонками, то эти чудовища проедят и металл. На корабле не было безопасного места, за исключением камбуза, который находился в самой середине корабля и был со всех сторон защищен металлическими стенами. Но даже эти стены долго не выдержат.

— Должен же быть какой-то способ убить этих дьяволов, — прохрипел Спаркс.

Сьюттер трясся, словно параличный.

Только старый инженер был спокоен, но и он безнадежно махнул рукой.

— Да, парень, вероятно, такой способ есть. Но оружие нам не помогло...

— Спаркс, — тихо прошептал чей-то голос.

Спаркс обернулся, чтобы понять, кто его зовет, и увидел капитана Фрома.

— Что происходит? — спросил капитан.

Радиооператор рассказал ему о последних событиях.

— Мне жаль, — вздохнул Фром, — что я не могу ничего предложить. Но ничто не приходит на ум. У меня нет сил даже думать. Так что я передаю все вам, Спаркс...

— Мне?!

— Да. Я должен отправить вас под арест за невыполнение приказа... когда я велел вам спасаться самим... Но вместо этого я вручаю вам судьбу... нашей экспедиции. Я делаю это не потому, что вы... проявили инициативу и смелость... когда спасали мне жизнь... Но потому что вы сын старика Эвери. Вы его сын... И вы вытащите нас из этой беды... только вы можете...

Мысли Спаркса смешались. Капитан Фром передал ему командование.

— А как насчет Маклрайта и Сьюттера? Будут ли они...

— Я думаю, будут. Но пусть они скажут сами.

— Плевать мне, кто командир, если мы останемся живы, — нервно закивал Сьюттер.

— Я летал вместе с вашим отцом, парень, — просто сказал Маклрайт. — Вы — истинный его сын. И я без колебаний последую за вами.

Ликование, которое первоначально испытал Спаркс, почти сразу же сменилось тяжелым грузом ответственности. Прежде он подчинялся. Теперь должен отдавать приказы. Он прекрасно понимал, что у Фрома была еще одна причина назначить капитаном именно его. Сьюттер и Маклрайт были слишком стары, чтобы быстро реагировать в чрезвычайной ситуации. Спаркс был молод, его реакция была быстрее. Если они хотели остаться в живых, то у них должен быть лидер, способный мгновенно реагировать на изменение ситуации. Спаркс встал.

— Отнесем капитана Фрома на камбуз. Это самое защищенное место на корабле. Притащим туда все наше аварийное оборудование. Залепим иллюминатор замазкой. И после этого... — Он не закончил предложение, так как понимал, что, рано или поздно, не выдержат и стены камбуза.

Когда они стащили все на камбуз, Спаркс вернулся на корму. Маклрайт последовал за ним.

— Что ты собираешься делать, парень? — спросил он.

— Почему вы решили, что я собираюсь что-то делать? — резко ответил Спаркс.

— В глазах у вас та же свирепая решительность, как и у отца. Когда он планировал что-то опасное, то никому не говорил об этом, а просто шел и делал. Точно, как ты сейчас.

— Да? — хмыкнул Спаркс. — Ну да, я кое-что придумал, и вы не сможете остановить меня. Вы слышали, что сказал Фром. Я теперь главный.

Инженер пристально посмотрел на него.

— Не нужно напоминать мне об этом, парень. Я не хочу останавливать тебя. Но если я буду знать, что ты задумал, то смогу помочь при нужде.

— Вот как! — сказал радиооператор. — Да, кое-что я придумал. Я не стал говорить вам, так как боялся, что вы посчитаете это слишком опасным. Но это, насколько я вижу, единственный способ дать нам шанс выбраться отсюда живыми.

— Что за способ, парень? — спокойно спросил Маклрайт.

— Помните, у моего отца была поговорка? — ответил Спаркс. — Для каждого яда природа придумала противоядие. От каждой болезни есть лекарство... где-нибудь... И должен существовать какой-то способ разрушить газовые шары. У них должно быть какое-то слабое место!

— Я также помню и вторую часть этой поговорки, — сказал Маклрайт. — У природы есть способ все исправить. Но она не преподнесет его нам на серебряном блюде. Мы должны найти его сами! Я не сомневаюсь, что как-то можно разбить эти дьявольские шары. Но, парень, как мы собираемся найти такой способ за несколько часов, что нам осталось? — Лицо старого инженера было хмурым, глаза вопросительно глядели на Спаркса.

— Нужно обратиться к единственному возможному источнику информации, к самим марсианам. Они боролись с этими штуками много столетий. Если кто и знает, как уничтожить их, так это марсиане, — сказал ему Спаркс.

— Они боролись, но проиграли, — не согласился Маклрайт. — И скрылись в пещере. Если бы они поняли, как победить врага, то сделали бы это сами.

Лицо молодого радиооператора помрачнело.

— Я и сам думал об этом, — сокрушенно сказал он. — Но, возможно, у них просто кончились боеприпасы. Факт, что они законсервировали город, говорит о том, что они собирались вернуться, когда исчезнут эти поглотители радиации. В любом случае, они — наша единственная надежда. Мы можем рискнуть, предполагая, что они знают, как победить этот дьявольский ужас, или сидеть здесь в ожидании смерти. Будь я проклят, если буду сидеть и ждать, пока из меня высосут жизнь. Я пойду и разбужу еще одного марсианина. И не позволю ему покончить с собой, — мрачно добавил он, — пока не переговорю с ним.

— Но, парень...

— К черту все! — прорычал Спаркс. — Я иду!

Он решил, что старый инженер хочет остановить его. Потому что снаружи он мгновенно подвергнется нападению уже многочисленных газовых шаров. Но у Макллрайта не было такого намерения. Старый шотландец прекрасно знал, что снаружи ждет смерть, но смерть никогда не останавливала Ричарда Эвери. Не остановит она и его сына. И не остановит также самого Макллрайта. И он спокойно сказал, что идет вместе с ним.

— Нет, черт побери, — рявкнул Спаркс, но тут же голос его смягчился. — Я хочу сказать, Ангус, что вы должны остаться здесь и впустить меня через аварийный люк, когда я вернусь.

— Да, парень, — кивнул Макллрайт. — Я дождусь тебя.

Спаркс подождал, пока снаружи не наступила полная темнота. Затем проскользнул через аварийный люк.

V

Светящийся дьявольским светом шар плавал неподалеку от люка. Спаркс следил за ним, чувствуя всем телом, как его кожа покрывается пупырышками. Что, если этот шар поймает его? Он знал, что тогда будет. Сердце его перестанет биться, остановится так же, как сердце Орсетти.

Он следил за газовым шаром. Тот медленно уплыл к корме. Спаркс пополз по песку вдоль корпуса корабля. Послышалось

тонкое завывание, когда мимо пролетела еще одна тварь. А может, та же самая. Возможно, она почувствовала его и вернулась. Спаркс затаил дыхание. Смерть летала вокруг.

Он не шевелился, пока все не стихло, затем пополз дальше. Ловя ртом сухой, разреженный воздух, Спаркс добрался до первых строений — и увидел, что к нему летит светящаяся смерть.

Он уткнулся головой в песок. Облачком поднялась пыль. Газовый шар пролетел мимо. Спаркс лежал неподвижно, пытаясь успокоить дыхание. В носу щекотала пыль. Наконец, он успокоился и пополз дальше.

Через два часа он вернулся к кораблю, таща на плече связанного, с заткнутым ртом марсианина, бросил один только взгляд на судно, и сердце его упало. Корабль был окружен сотнями светящихся газовых существ. Они ползали по корпусу, прилипли к иллюминаторам, стараясь их разъесть, чтобы добраться до своей пищи. Их были сотни. И шары все еще прибывали.

А может, они уже пробрались внутрь?

Он уложил свой груз поудобнее и пополз через открытое пространство с марсианином на горбу. Марсианин увидел газовые шары и застонал, как перепуганный ребенок.

Как добраться до корабля? И заметят ли его в толчее, которую устроили тут твари? До запасного люка было лишь десять футов. Спаркс мог бы преодолеть их одним мощным рывком. Он вздохнул и приготовился к финальному броску.

Тогда все и произошло. Ближайший к нему газовый шар вдруг перестал завывать и, сделав петлю, завис над Спарксом, словно канюк, рассматривающий падаль. Другие шары, привлеченные действиями первого, тоже ринулись вниз.

Его обнаружили.

Это был конец. У Спаркса не было и одного шанса на миллион. Шары со всех сторон летели к нему. Он вскочил на ноги, пытаясь добежать до люка, хотя уже знал, что не успеет. Бросился вперед, но споткнулся и упал. На него накатила волна непроницаемой черноты. В нос словно ударила кислота. Он ничего не видел и смутно подумал: а может, он уже умирает, может, эта темнота и есть смерть? Никакой боли он не чувствовал.

Внезапно что-то коснулось его. Спаркс закричал и услышал резкий голос:

— Сюда, парень!

У Спаркса перехватило горло от благодарности. Маклрайт! Теперь он понял, что произошло. Старый инженер приготовил у люка излучатель дыма. Волна стремительной черноты и была этим дымом.

Дым! Спаркс услышал, как воют газовые шары, пытаясь наощупь пролететь сквозь дым. Маклрайт повел его к люку. Дверь с лязгом захлопнулась позади них.

В жизни своей Спаркс не был так несчастен, как теперь. Когда он благополучно вернулся на корабль с марсианином, то думал, что теперь у них появится шанс выжить. Вместо этого он узнал, что они обречены. Обречены!

Прошло два часа после его возвращения. Они все столпились в тесном камбузе. Смерть вокруг них проедала стены. Смерть, до которой им оставались считанные минуты.

— Я хотел тебе сказать это, когда ты уходил, парень, — тихо промолвил Маклрайт, — но ты думал, что я собираюсь помешать тебе, и не стал меня слушать.

— Знаю, — хмуро кивнул Спаркс. — Черт, об этом я и не подумал! Я думал только о том, что марсиане могут знать какой-то способ бороться с этими дьявольскими шарами.

— Я это знаю, — чуть улыбнулся Маклрайт. — И не переживай так сильно. Ты поступил очень храбро. Возможно, они действительно знают какой-нибудь способ...

— Да, — уныло ответил Спаркс. — Возможно, они знают.

Он поднял взгляд на марсианина. Тот был живой. Испуганный до полусмерти, но живой. Он сидел на полу, прислонившись спиной к стене, со связанными руками и ногами. Его большие заполненные страхом глаза тревожно метались по помещению. Иногда он что-то говорил высоким, монотонным голосом. Он знал, что находится за стенками корабля, и, может, даже знал, как с этим бороться. Может, он как раз и объяснял им, как уничтожить эти дьявольские шары, высасывающие радиоактивность.

Проблема была в том, что они не понимали, что он говорит.

Земляне и марсиане встретились при отчаянных обстоятельствах, возможно, от них зависело будущее всей планеты,

но они не могли понять друг друга. Они говорили на разных языках. Джон Ормс, специалист по лингвистике, провел одиннадцать лет, пытаясь расшифровать марсианский письменный язык, и потерпел неудачу.

Теперь, когда они нашли живого марсианина, требовалось лишь время, чтобы они смогли понять друг друга. Но как раз времени-то у них и не было.

Секунды уходили в небытие. На стене камбуза появилось красное пятнышко. Макллрайт прихлопнул его куском замазки и проверил, сколько ее еще осталось. Замазки оставалось очень мало.

Сьюттер нервно дрожал. Макллрайт сидел спокойно. Спаркс с негодованием глядел на марсианина. Тот сидел рядом и одновременно был так неимоверно далеко. Это было невыносимо!

Лежащий на полу Фром в который уж раз попробовал сесть и не смог.

— Можно мне немного воды? — прошептал он.

Воды у них было много. Спаркс налил ему чашку из холодильника. Марсианин следил за ними, когда они помогли Фрому сесть. Капитан начал пить.

— Удача, парень? — тихо спросил он.

— Нет, — ответил Спаркс, — но мы еще не закончили. Должен быть какой-то способ уничтожить этих проклятых тварей, я в этом уверен.

Он вскочил на ноги. Он лгал. С ними все было покончено. Когда за ними прилетит спасательная экспедиция, с нею тоже будет покончено. Кости землян останутся лежать вперемешку с костями марсиан в сухой пустыне и в пыли пустых городов. На этом закончится так хорошо начавшееся исследование красной планеты. Сила людей, победивших космос, чтобы добраться до Марса, храбрость пионеров, бросивших вызов здешним пустыням, приведет лишь к их гибели...

Внезапно Сьюттер закричал, издавая пронзительные вопли человека, узревшего наступление смерти, который знает, что ее не остановить.

На стене появилась красная точка размером с острие грифельного карандаша и тут же начала расти.

Археолог медленно опустился на пол, потеряв сознание. Он не мог вынести такого напряжения. Его оставили лежать. Ему будет легче, если он не увидит наступление смерти.

Красная точка все росла. В камбузе стало очень тихо. Люди затаил дыхание.

И вдруг завизжал марсианин, а на стене появилась еще одна красная точка.

— Заткнись, черт тебя побери! — рявкнул Спаркс. — Мы все в одной лодке...

Он замолчал и уставился на марсианина. Внезапная, дикая надежда заставила сердце Спаркса бешено заколотиться.

Марсианин, казалось, обезумел. Он крутился, извивался, пытаясь освободиться из пут. Он то и дело бросал гневные взгляды на людей и в угол камбуза. Он походил на собаку, пытающуюся предупредить человека о появлении гризли. И, как собака, он мог лишь рычать и бросать умоляющие взгляды.

— Он пытается нам что-то сказать, — прошептал Спаркс, вскочил на ноги и перерезал веревки, стягивающие марсианина.

Марсианин тут же поднялся и прыгнул через камбуз к холодильнику. Налив в чашку воды, он плеснул из нее на красные точки, растущие на стене.

Что-то зашипело, точно рассерженная змея. Зашипело и удалилось. Точки перестали расти.

— Вода!.. — у Спаркса перехватило горло. — Единственное, чего не хватало на этой планете. Вода! Эти проклятые газовые шары являются уроженцами пустыни. Они не переносят воды, вода убивает их. Сьюттер был прав. Марсиане подвергли себя гибернизации, потому что у них кончилась вода. И правильный ответ был все время у нас перед глазами. Пыль, мешавшая дышать, должна была подсказать нам, что делать. — Он уже почти что кричал. — Для каждой болезни существует лекарство! Нам нужно только найти это лекарство. И мы нашли его. Нашли, черт всех побери! Вот вам! Вот! — выкрикивал он, плеская воду на стены.

Макллрайт и марсианин стали ему помогать. Замазка начала отваливаться. Через отверстия попытался проникнуть сияющий газ. Но когда вода попадала на него, он шипел, как жир на раскаленной сковороде, и исчезал.

Двое землян и марсианин успешно боролись, используя в качестве оружия единственную вещь, которой на Марсе не хватало в течение многих столетий — воду.

Когда с неба спустился спасательный корабль, удивленный капитан увидел, как четыре уставших, но счастливых человека вышли его встречать. Двое из них поддерживали третьего, в котором он узнал капитана злополучной экспедиции. Но когда он подошел, чтобы отдать честь Фрому, вперед вышел Спаркс. Он очень серьезно отдал честь и сказал:

— Временно исполняющий обязанности капитана спасательного корабля «Кеплер» Эвери, сэр. Должен вам доложить...

Озадаченный капитан отдал честь ему в ответ. Эвери быстро рассказал ему, что произошло.

— Понятно, — сказал капитан спасателей. — Вы проделали прекрасную работу... Но, — прервал он себя и указал рукой на группу существ, выходивших из корабля, — кто это такие?

— Марсиане, — ответил Спаркс. — Марсиане, которых мы нашли.

Они вывели всех марсиан из гибернаторов, и те стояли толпой поодаль от землян.

— Но что они делают? — спросил капитан.

Марсиане махали руками, делали сальто и извивались всем телом.

— Они пытаются показать вам, что счастливы встретить вас, — пояснил Спаркс. — Они еще не выучили наш язык, но считают, что делают правильные жесты, которые нам будут понятны.

ПОД СТРАХОМ СМЕРТИ

I

Кроме девушки, в бутылке из-под молока было пятеро мужчин. Был и шестой, но однажды дверь в бутылке открылась, и человек по имени Ферд, предатель и вор, воспользовался удобным случаем сбежать, а дверь захлопнулась за ним.

И хотя молочная бутылка находилась под землей, в ней было достаточно солнечного света. Свет, проникающий под крышу наземного храма, отражался вниз хитроумной системой зеркал, проходил через стеклянную стенку и разливался по бутылке потоком жары.

— Никогда не думал, что на Марсе может быть так тепло, — сказал человек, представившийся Мерчисоном.

Он лежал плашмя на животе, закрыв глаза и положив голову на руку, а напоминающее куль одеяние, которое ему выдали, набросил сзади, чтобы защитить шею от солнца.

— Мы находимся на теплой стороне, — ответил Джон Уэйд, сидя на полу и натянув на голову капюшон. — Хотя здесь действительно жарко. Похоже, тут микроклимат, как в Долина Смерти на Земле.

— Ах да, Долина Смерти! Очень наглядное название. Предлагаю назвать место, где мы находимся, Бутылкой Смерти, — воскликнул Мерчисон.

— Оно и в самом деле похоже на бутылку, — заметил Уэйд и, откинув капюшон и прищурившись, оглядел вершину ограждения. Стенки их клетки к вершине сужались, образуя горлышко. До него было добрых пятнадцать футов, марсиане не могли бы допрыгнуть туда, но для землян с мышцами, привыкшими к более сильному тяготению, это было вполне возможно. В отличие от Рая, горлышка бутылки можно было

достичь одним прыжком, вот только зацепиться там было не за что. Бутылка была тщательно запечатана гладкий металлической пробкой, за которую не ухватиться.

— А, это все равно, — вздохнул Уэйд. — Я думаю, что мы, как и предполагали, не сможем отсюда выбраться.

— Не сможем, — сказал Мерчисон, — пока в стенке не откроется дверца. Я уверен, что нам позволят сбежать тем же способом, каким ушел Ферд.

— Мы никогда не выберемся отсюда, — заявил вдруг человек, который представился странным именем Соня, должно быть, кличкой. — Мы умрем здесь. Все мы. Умрем. Я вам говорю, что мы все умрем. — Щеки его заросли щетиной, а глаза были дикими.

— Успокойтесь, — бросил Джон Уэйд. — Я бывал в переделках и покруче этой, и выбрался.

— Отсюда не выберетесь, — упрямо заявил Соня.

— Вы не правы, друг мой, — сказал Мерчисон и сел. — Когда откроется дверца...

— Она больше не откроется.

— Она же открылась для... как его звали? А, Ферд... Она же открылась для Ферда.

— Она не открылась сама по себе, — заспорил Соня. — Он взломал замок. Ферд был спец по таким штучкам. Вы сможете взломать замок, как это сделал Ферд?

Он с надеждой оглядел присутствующих. Девушка отвела глаза от его пристального взгляда. Человек, которого звали Галли, не потрудился ответить. Китаец Лао Цинь сидел, невозмутимый, как желтый Будда.

— Боюсь, что не смогу, — ответил Уэйд на вопрос Сони.

— Могу я заметить, — сказал Мерчисон, — что здесь нет никакой двери на замке? Следовательно, Ферд не мог взломать замок. Дверца просто открылась. Или была кем-то открыта. Пока что я не могу сказать точно, кем, хотя у меня есть кое-какие подозрения.

— Вы думаете, за дверцей нас что-то ждет? — с сомнением произнес Уэйд. — Может быть, нечто неприятное?

Мерчисон скривил губы и несколько секунд размышлял, сидя с закрытыми глазами.

— Я не готов сказать прямо сейчас, насколько неприятно

это будет. Но я думаю, без всякого сомнения, что существует инстинкт смерти, достаточно ярко выраженный у некоторых из нас, который вынуждает нас искать смерть. Так что, с такой точки зрения, то, что находится за дверцей, может и не быть неприятным. Но там точно что-то будет. О, да, мы все можем рассчитывать на это. Там определенно что-то будет.

Тишина была ответом на его слова. Каким-то странным образом все признали Мерчисона главным. Он не сделал ни единого намека насчет того, кто он такой или кем он был, но когда он говорил, создавалось впечатление, что он знает, о чем говорит.

Уэйд решил, что ему нравится этот человек.

— Вы, кажется, не очень волнуетесь по поводу этого.

— А к чему беспокоиться? Смерть все равно не минует нас всех. Некоторым из нас она кажется другом. Когда мы становимся достаточно старыми и уставшими от жизни, то без сожаления ждем, пока... да, черный верблюд опустится на колени перед нашими дверями.

Все промолчали. Ослепительные лучи солнца по-прежнему лились в бутылку.

— Вы сами уже достигли точки, где не станете сожалеть о том, что пришла пора сесть на черного верблюда? — с сомнением спросил Уэйд.

— Нет, — рассудительно ответил Мерчисон. — Я прикинул, что у меня есть еще семь часов, прежде чем этот солнечный свет заставит меня волей-неволей уйти в ту дверцу. Да, примерно часов семь. Может быть, его закроет какая-нибудь тень, — рассмеялся он. — Только откуда здесь появиться тени?

— Значит, вы думаете, что яркий свет и жара в бутылке созданы специально для того, чтобы принудить нас уйти через дверцу, когда и если она откроется?

— Конечно, друг мой. Что же еще?

Уэйд пожал плечами. Он говорил лишь затем, чтобы поддержать беседу. Он говорил, чтобы помешать себе и другим остаться наедине со своими мыслями.

— А предположим, мы решим просто остаться сидеть и не воспользоваться прекрасной возможностью, которую нам

предложат, когда дверца откроется?

— Тогда мы будем просто сидеть, — ответил Мерчисон. — Друг мой, когда настанет время, мы будем счастливы пройти в ту дверцу даже ползком, если понадобится. Мы здесь пробыли всего два часа. Два часа — это ерунда. Мы можем выдержать это. Но четыре часа... Мы хорошо прожаримся к тому времени, нас станет мучить жажда, начнется лихорадка от солнечных ожогов. Да мы душу готовы будем продать за глоток воды. Я думаю, нет никаких сомнений, что наши друзья наверху, — он махнул рукой на горлышко бутылки, — весьма изобретательно все спланировали. Мы можем остаться здесь и погибнуть, а можем пройти в дверцу — и столкнуться с чем-то конкретным.

— Они мне не друзья, — процедил Галли. Он был приземистым, с мощными плечами и руками. Во рту не хватало двух передних зубов, а правую сторону лица пересекал длинный шрам. — Хотел бы я добраться до тощей шеи главного хранителя — кажется, они называли его Газликом. Держу пари, у него выскочат глаза из орбит.

И он сжал руки, показывая, что хотел бы с ним сделать.

— Но вы не можете во всем винить Газлика, — заметил Уэйд. — В конце концов, имеет же он право защищать сокровища, которые в течение многих столетий накапливала его раса, от... — он глянул на присутствующих, — от воров.

При этом слове все беспокойно зашевелились.

— Я правильно выразился, мы — воры? — спросил Уэйд.

— Н-ну, — неуверенно протянул Галли, — я не против признать, что надеялся тут найти несколько пригоршней бриллиантов.

— И у Ферда, я полагаю, была подобная идея?

— Вы не смеете обзывать меня и Ферда ворами, — закричал вдруг Соня. — Мы не собирались ничего здесь красть. Мы просто любовались окрестностями, когда эти тощие хранители налетели на нас и бросили в бутылку. Но мы с Фердом не воры.

Он уже был на ногах, истошно вопя. Без сомнения, он был вором, любящим подкрадываться в темноте. Уэйд и Мерчисон пытались его успокоить, но он все больше духарился.

— Сейчас я успокою его, — сказал Галли.

Он поднялся, измерил взглядом расстояние и, внезапно выбросив левую руку, попал Соне снизу в челюсть. Это был классический нокаут. Соня рухнул на спину и больше не шевелился.

Уэйд нагнулся над ним и взял его запястье, нащупывая пульс. Галли стоял с шутливо-озадаченным выражением лица.

— Когда вы кого-то успокаиваете, он навсегда затихает, — сказал Уэйд без улыбки.

— Мертв? — спросил Мерчисон.

— Сломана шея, — ответил Уэйд.

Галли удивленно раскрыл рот.

— Черт, я не хотел его убивать, — вызывающе сказал он, сгибая и разгибая пальцы левой руки, которая нанесли смертельный удар. — Я просто хотел заткнуть его. Его верещание действовало мне на нервы. — Он испытующе посмотрел на остальных, ища понимания и сочувствия, но ничего такого не нашел. — И что теперь? — заявил он с вызовом. — Ну пристукнул я его, и чего? Кто-нибудь хочет, чтобы я повторил?

— Я не хочу, — вздохнул Мерчисон. — В общем, насколько я знаю нашего друга, то полагаю, что Соне повезло гораздо больше, нежели он заслуживал. Может быть, — продолжал он, глядя на Галли, — что в ближайшем будущем я тоже сорвусь и начну кричать. Если так, то могу я быть уверен, что вы успокоите меня так же эффективно, как успокоили Соню?

— Ч-что?

— Бывают случаи, когда легкая смерть может стать очень желанной.

— Эй! — сказал Уэйд.

— Здесь жарко. Я уже весь горю. Мне нужен глоток воды...

Шлеп!

Пальцы Уэйда оставили красную отметину на щеке Мерчисона. В глазах последнего вспыхнули сердитые огоньки, он начал было подниматься, сжимая кулаки.

— Послушайте, вы... — сказал он, но тут же прервал себя и рассмеялся: — Спасибо. Боюсь, я дал волю эмоциям.

— Собаки не перестанут грызться, пока последняя собака не подожмет хвост, — бодро сказал Уэйд.

Он хотел было продолжить, но его прервала девушка. Она не проронила ни слова с тех пор, как ее вместе с остальными засунули в бутылку, а сидела на корочках у стены, как робкое испуганное животное, сжавшись в комок, чтобы скудная одежда, выданная ей надзирателями, закрыла ее гибкое тело. Ее глаза, в которых ужас сменялся испугом, граничившим с паникой, метались от одного члена группы к другому. Она казалась ошеломленной.

— Мне нужно выбраться отсюда, — прошептала она. — Я хочу домой. Мама станет волноваться. Меня уже не было так долго.

Уэйд тут же вскочил на ноги и осторожно взял руки девушки.

— Ну-ну, мисс, спокойно. Между прочим, как вас зовут? — спросил он, пытаясь сменить тему.

— Росс. Джин Росс. Мне нужно домой.

— Не волнуйся, Джин. Скоро мы все пойдем домой. Но сначала скажите, как вы попали сюда? Вы же знаете, что это запретный для людей город. Даже марсианам нужно специальное разрешение, чтобы попасть сюда.

— Я хотела раскрыть секрет красоты, — безжизненным голосом ответила девушка и смахнула с влажного лба непослушный локон.

Уэйд внимательно поглядел на нее.

— Я бы сказал, что вам не нужно было искать так далеко. Мне кажется, Бог уже наградил вас ею.

— Я дерматолог, специалист по красоте. И мне нужна тайна марсианской красоты...

— Марсианская красота! — фыркнул Галли. — Какая же женщина клюнет на обтянутое кожей чучело?

Джин покачала головой.

— Шрамы. У марсиан никогда не бывает шрамов. А те, которые возникают в результате несчастных случаев, некоторое время спустя исчезают. Они как-то устраняют их. И я хочу знать, как. Тогда я смогу лечить не только тела, но и психику...

Уэйд поглядел на нее, склонив голову сперва на один бок, затем на другой.

— Гм-м... — внезапно протянул Мерчисон. — Это имеет смысл. У женщины со шрамом на лице может поехать крыша из-за ее уродства, даже если никто его не замечает.

— Я стала бы знаменита, — закончила Джин.

Три вора приехали сюда в поисках богатства, а эта девушка — в поисках лечения шрамов и связанной с этим известности.

— Конечно, вы будете богаты и знамениты, — успокаивающе сказал Уэйд. — Скоро мы выйдем отсюда, и вы раскроете свою тайну.

— Вы в самом деле так думаете?

В ее глазах таился страх. Она была молода, не старше двадцати двух лет, с дерзким живым лицом.

— Я в этом уверен, — решительно сказал Уэйд. — Теперь же садитесь, как хорошая девочка, и...

— Но... — Она рассмеялась. — Я могу показаться глупой, но мне действительно нужен глоток воды. И мама!.. Она станет волноваться.

— А где ваша мать? — быстро спросил Уэйд.

— Осталась на Земле, конечно же. В Коннектикуте. Она не одобряла мое путешествие. У вас есть вода? Я очень хочу пить!

Уэйд взглянул на Мерчисона. Тот медленно покачал головой.

— Боюсь, что все бесполезно, друг мой. Но вы могли бы попытаться дать ей пощечину. Со мной это сработало.

— Я... Нет, — ответил Уэйд.

Но когда девушка снова начала просить воду, он понял, что у него нет выбора. Он ударил ее по щеке. Девушка вздохнула, пошатнулась и вдруг упала на пол в обмороке. На мгновение Уэйд почувствовал ярость. Затем наклонился, чтобы привести ее в чувства, но остановился, когда Мерчисон заметил, что ей гораздо лучше побыть без сознания. Солнечный свет заливал помещение, ослепительный, обжигающий. Он был такой яркий, что Уэйду показалось, будто он слышит потрескивание.

— Специалист по красоте, — пробурчал себе под нос Мерчисон. — Ладно. Мы, конечно, весьма разношерстная группа. А почему вы приехали сюда, Лао Цинь?

— Я приехал не за бриллиантами, — ответил китаец на удивительно хорошем английском, — и не за славой. Эти безделушки привлекают молодых, а я стар.

Он действительно был старым. Его кожа походила на пергамент и так сморщилась, что на желтых щеках, казалось, не осталось больше места для самой малюсенькой морщинки. Только глаза его были острыми и живыми, и в них, как в реактивных двигателях, горело буйное пламя.

— И что здесь ищет такой старик? — продолжал Мерчисон.

— Способа избежать судьбы Сони и, вероятно, Ферда, — ответил Лао Цинь. — Все стареют, — пробормотал он более невнятно. — Это нехорошо...

— Ну, да, — сказал Мерчисон. — Я слышал, что хранители живут очень долго, хотя считаю легенду об их бессмертии чистой ерундой.

Настала тишина. Солнце заливало бутылку. Девушка тихонько застонала. Уэйд потянулся и погладил ее по руке.

— Вы, правда, полагаете, что хранители открыли тайну вечной жизни? — с сомнением спросил Мерчисон.

— Я в этом не сомневаюсь. Они мало говорили, но явно намекнули, что знают, как продлить жизнь. Насчет подлинного бессмертия не уверен, речь шла только о продлении жизни.

— Черт побери! Значит, вы пробрались сюда, чтобы поговорить с ними?

— Я приехал сюда открыто и открыто обратился с просьбой. И Газлик открыто признал, что они знают, как продлить обычную продолжительность жизни.

— Вот дьявол! — раздраженно выругался Мерчисон. — И почему я не сделал так? Но вы, очевидно, — быстро добавил он, — вышли за пределы открытых действий.

— Ничего такого я не делал, — ответил китаец. — Но из беседы с хранителями я сделал вывод, что не имеет никакого значения, приехал я сюда открыто или пробрался тайком — меня все равно бросят сюда.

— Не понимаю.

— Я тоже. Но, кажется, что все, кто сюда приезжает, неважно как и неважно зачем, попадают сюда. Они отсюда выйдут — или будут выведены, в зависимости от их характера, — через единственный выход, который непременно появится. И если они перенесут то, что лежит за пределами камеры, то просьба их будет удовлетворена.

Уэйд, довольный, что Мерчисон поддерживает беседу, молча слушал, стараясь вникать в смысл сказанного. Это было нелегко, потому что приходилось отстраняться от начавшегося во всем теле смятения: боли в нервных окончаниях на коже, так как она уже покраснела на солнце, спазмов в желудке, требующем воды, боли и сухости во рту.

— Гм-м... — задумчиво протянул Мерчисон. — И опять мы вернулись к дверце и тому, что находится за ней.

Эти слова не требовали комментария, и Лао Цинь промолчал, снова став неподвижным. Тянулись минуты. Молчание стало нестерпимым, и тогда заговорил Уэйд.

— Остались вы, друг мой, — сказал он Мерчисону.

— Что?

— Вы не рассказали нам, зачем вы приехали сюда.

— Я... А, ладно, это уже неважно. Вы когда-нибудь слышали о докторе Флеминге Мерчисоне?

Уэйд прищурился. Этот человек упомянул великое имя, известное и на Земле, и на Марсе.

— Знаменитый хирург и специалист по раку? Кто же не слышал о нем? Это, случайно, не вы?

— Он самый, — кивнул Мерчисон. — Я обнаружил разновидность рака, от которого не могло спасти все мое мастерство. А давно известно, что марсиане никогда не болеют раком. В их легендах говорится, что древние мудрецы сумели совершенно обезопасить от него всю расу. А так как этот запретный, святой город — самое большое хранилище научных знаний, я и приехал сюда...

— В поисках лекарства от рака, — закончил Уэйд.

— Да.

Уэйд усмехнулся.

— Доктор, я хотел бы сказать, если вы не против, что это самый благородный поступок, с каким я встречался. Вы рискнули жизнью, чтобы найти лекарство от ужасной болезни. Это настоящий подвиг.

Ему с самого начала понравился врач.

— Вряд ли это подвиг, — сухо возразил Мерчисон, — Поскольку рак, который я стремлюсь излечить, гнездится здесь. — Он постучал себя по груди. — Инстинкт самосохранения. Я пытаюсь спасти свою жизнь. Если у меня получится,

то и другие жизни будут спасены, но ничего героического в этом нет. Я просто человек, стремящийся выжить.

Он замолчал.

— Боже ты мой! — выдохнул Уэйд. — Разумеется, вы должны выжить!

— А вы? — спросил Мерчисон. — А все остальные? Мне осталось не больше года жизни. Я поставил этот год против неприятной внезапной смерти в надежде выиграть лет тридцать. Тридцать к одному. Это хорошая ставка.

Уэйд подумал, что его расчеты неверны, но не стал говорить этого вслух. Эти люди приехали сюда в надежде чего-то достичь. Богатство, славу, жизнь. Самое невероятное было в том, что все это имелось здесь, и даже в избытке. Этот запретный город был такой громадной сокровищницей, размеры которой человек не мог даже вообразить.

Драгоценности, золото, серебро, различные металлы. Много столетий марсиане несли сюда подарки из благодарности или

суеверий. Сокровища накапливались, пока не стали больше любой королевской казны.

Но здесь было много чего и помимо сокровищ. Даже невозмутимый китаец охотился в этой запретной земле за призрачной мечтой и доверился легендам. Хранители жили если и не вечно, то уж по меньшей мере сотни лет. Это хорошо объяснялось и тем, что искал здесь Мерчисон. На Марсе не было рака. Вернее, рак был, как гласили легенды, но мудрецы нашли радикальное лечение. Здесь хранилась вся мудрость Марса, все то, что красная планета копила бесчисленные столетия. Это была марсианская Мекка. Что бы вы ни искали, вы находили это здесь. Но если вы находили что-то еще помимо искомого, то ведь марсиане не давали обетов облегчать жизнь незваным гостям.

— Теперь мы знаем обо всех, кроме вас, — сказал Мерчисон.

Уэйд был так погружен в свои мысли, что сначала не понял.

— Что... что вы сказали?

— Я сказал, что теперь мы знаем, зачем каждый из нас приехал сюда. Обо всех, кроме вас.

— О-о...

Уэйду было трудно высказаться, не потому что была какая-то конкретная причина, а из-за чего-то глубоко личного, которое всегда мешало ему легко и просто рассказывать о себе.

— Я... А, черт!.. Я приехал сюда... Мое имя Уэйд. Джон Уэйд.

До сих пор он не представился и теперь произнес свое имя застенчиво, чувствуя себя полной задницей, потому что невольно ожидал, что его тут же узнают. Трудно было представить, что этот рослый, гибкий мужчина, который мог — было и такое — устоять перед разъяренным слоном, боялся назвать свое имя. Большинство страхов казались Уэйду бессмысленными. Но для него был реален страх показаться хвастливым. Запинаясь, он произнес свое имя.

Все в бутылке невольно шевельнулись. Лао Цинь утратил свою невозмутимость. Желтая маска словно слетела с его лица, и на нем появился живой интерес. Рот Галли широко раскрылся, в глазах его сверкнул вызов. Девушка очнулась и, привстав, уставилась на Уэйда. Только один

человек в бутылке никак не отреагировал. Мертвый Соня. Даже у Мерчисона перехватило дыхание.

— Джон Уэйд! Не тот ли Джон Уэйд, который привел первый космической корабль на Марс!

Уэйд кивнул, не в силах что-либо сказать. Тот первый космической корабль — он спроектировал его сам, создав двигатель нового типа. Это было двадцать лет назад. Тогда ему только-только стукнуло семнадцать. Но даже тогда рискнуть его заставила та самая внутренняя застенчивость.

— Вы — Уэйд, который нокаутировал самого сильного игрока Махони, причем побил его голыми руками, что не считается запрещенным? — воскликнул Галли.

— Он просто поскользнулся, — пробормотал Уэйд.

Это произошло на Луне в импровизированном куполе, установленном вскоре после того, как первые корабли сделали возможным полеты на Луну.

— Вы Джон Уэйд, — прошептала девушка. — Тот, кто... кто написал «Марсианские приключения»? — Голос ее задрожал, как будто она раскрыла какую-то тайну. Фактически Уэйд был героем ее девичества, бронзовым авантюристом, который всегда шел вперед и побеждал. — Я... Я никогда даже не надеялась встретиться с вами.

— Вы, — спросил китаец, — случайно не сын Джона Уэйда, который повел мой несчастный народ в последний бой за свободу, где они одержали победу?

На это Уэйд вообще не смог ответить. В памяти его возник облик высокого, улыбающегося отца. Лао Цинь прочитал по его лицу ответ, который не смогли произнести губы, затем встал и поклонился.

— Мой недостойный народ остался должен вашему прославленному родителю, поэтому моя жизнь принадлежит вам. Можете ей распоряжаться.

Простые слова, прозвучавшие в горячей, душной тишине, были красноречивее долгих речей.

— Пожалуйста, сядьте, — попросил Уэйд. — Я не могу... О черт...

Лао Цинь сел. Если бы ему приказали умереть, он, без сомнения повиновался бы. Здесь, в этой бутылке, он услышал великое имя.

— Хорошо, — сказал Мерчисон и повторил: — Хорошо. Черт побери, сэр, зачем же вы приехали сюда?

Уэйд замялся. Его мучил не только страх, что его сотоварищи узнают, кто он такой, но и страх, что они узнают, зачем он приехал сюда. На самом деле, он не знал, зачем отправился в этот город. Он никогда не знал, почему делает то или иное. Какой-то позыв, вечно сидевший внутри, гнал его сначала по всей Земле, потом на Луну и на Марс. Он должен был отправляться туда, где никто никогда не бывал. Это была неистребимая страсть к перемене обстановки, нетерпение, начинающее сжигать его изнутри, когда он задерживался на одном месте.

Но когда было нужно объяснять, почему он делал это, у Уэйда никогда не находилось слов. Он должен был куда-нибудь ехать. И ехал. Где-то лежало нечто, что он искал. Но он не знал, что это такое и где он его найдет. Могло случиться так, что он найдет его здесь, и это положит конец его странствиям. Все зависело от того, что ждало его за дверцей бутылки.

И дверца внезапно открылась, со щелчком и скрежетом.

Узкий лючок скользнул вверх и исчез.

Выход открылся. Но был ли это капкан, поставленный на следующую жертву, или Врата, ведущие в Рай?

У всех засверкали глаза. Но место за дверцей было достаточным лишь для одного человека. И оно уже было занято. Там стоял человек. Ферд. Предатель и вор, который сбежал.

Ферд был маленьким человечком с затравленным взглядом. С согнутыми плечами и опущенной головой, он постоянно оглядывался, словно боялся какой-то ужасной Немезиды, следующей за ним по пятам. У него были острые, как у крысы, черты лица, и сходство с этим грызуном усиливалось двумя выдающимися вперед передними зубами. Человек по имени Ферд. Напарник Сони. Предатель и вор.

Он стоял за дверцей.

Голова его была высоко поднята, и во всем его облике больше не чувствовалось ни страха, ни стыда. Он выпятил грудь, распрямил плечи, а спина его стала похожа на стальной стержень.

Но пристальный взгляд Уэйда приковали его глаза. Его глаза, глаза...

В глазах Ферда прежде было какое-то предчувствие, вечный затаенный страх, который никогда не проходил.

Но теперь его не стало. Ни предчувствия, ни страха. Они исчезли. Испарились. Вместо них там был экстаз.

Что бы ни случилось за этой дверцей, но Ферд там впал в экстаз. Что-то успокоило его, убрало из глаз страх, расправило ему плечи, выпятило грудь. Что-то сделало из него человека, причем такого человека, который мог бы без страха и сомнений идти навстречу опасности.

— Что вы там видели, Ферд? — робко спросил Галли, головорез Галли.

Никакого ответа. Ферд не тронулся с места.

— Что с вами произошло? — спросил Мерчисон.

Тело вора пробрала короткая дрожь. Экстаз в его глазах ослабел. Пристальный взгляд потупился. Только сейчас он заметил в бутылке людей.

— Замечательно, — прошептал он.

— Что замечательно? — резко спросил Мерчисон. — Что с вами сделали?

— Ничего со мной не делали. — Он пристально взглянул на неподвижное тело Сони. — Я просто пошел туда. Черт возьми, там Рай! Я никогда такого не видел. Еда? Никогда раньше я не пробовал такой вкусной еды. А когда я наелся до отвала, мне сунули в зубы сигару. И пиво. Любое пиво по вашему выбору. А также хорошая одежда. Красивая и теплая. Говорю вам, это Рай.

Все молчали. Уэйд слышал хриплое дыхание каждого из присутствующих.

— Он что-то нашел! — выкрикнул Галли. — Пойдемте. Пойдем туда. Отойди от двери, ты, крыса!

Он протянул мускулистую руку и рванул человека из дверного проема. Это оказалось легко. И как только Ферд очутился внутри, он внезапно стал прежним. Плечи его сжались, спина вновь согнулась.

Галли держал Ферда за руку, но увидев, что с ним произошло, поспешно отпрыгнул назад. Ферд упал. Как будто в ту секунду, когда его коснулись, начался какой-то ужасный распад, мгновенно прокатившийся по его телу. Маленький вор упал, и как только он коснулся земли, все его тело превратилось в пыль.

В желтоватую пыль. Пыль осела горкой на полу, текучая, словно песок из мешка.

Осталась лишь пыль.

Ни живой плоти, ни даже костей.

Не осталось даже малейших признаков, что в его теле вообще были кости.

Пыль. Одна лишь пыль.

Мужчины громко сопели в наступившей тишине, а затем разом смолкли, когда попытались осознать увиденное. И тогда девушка закричала.

II

— Я так и думал, что там что-то случится, — бескровными губами пробормотал Мерчисон, не отрывая глаз от кучи пыли на полу. — Ну вот и случилось.

Уэйд пытался успокоить девушку, которая уцепилась за него, впившись пальцами ему в плечи. Краем уха он слышал, как знаменитый хирург продолжал бормотать:

— Этот человек был мертв еще до того, как его втащили через дверь. Процесс распада, превративший его в пыль, зашел уже далеко. Когда ловушка открылась, у него оставались лишь минуты, секунды жизни... — Мерчисон помолчал, казалось, он беседовал сам с собой. — Но как же его сумели превратить в пыль? Да! На Земле так не умеют. Что же могли ввести в его тело, какой препарат или химикалий, который начал бы такой распад? — Врач покачал головой. — Мне неизвестен препарат, который может привести к таким результатам. Это был не препарат. Должно быть, это была... н-ну... энергия, подобная энергии атомного распада, которая превратила в пыль даже жидкости в его теле.

Мерчисон был ученым. Даже в такой страшный момент его острый ум пытался понять, что могло вызвать такой эффект. Размышления ограждали его от эмоций, вызванных смертью вора. Человек мертв. Это факт, и его никак не изменить. Но интересна причина его смерти, над нею стоит поломать голову.

Только не слишком долго!

— Неважно, как это было сделано, — сказал Мерчисон. — Важно то, что дверь остается открытой. Могу предположить, что я — следующий, кто войдет в нее... если только никто больше не считает, что он достоин такой чести.

Он вопросительно посмотрел на остальных.

Голос его был уверенный, твердый, спокойный. Можно было подумать, что он собирается пойти на прогулку, если никто не возражает. Вежливо, очень вежливо, он попросил привилегии пойти туда, где скрывалась такая ужасная смерть.

Тишина. Жалкий, ослепительный солнечный свет. И тишина. Даже испуганные всхлипы девушки стихли. Трое мужчин смотрели на Мерчисона. Знаменитый хирург поднялся на ноги.

— Я иду, если нет никаких возражений, — сказал он.

— Пойду я, — бесстрастно возразил Уэйд.

— Но...

— Идти должен я, — продолжал Уэйд. — Я моложе вас. Кроме того, у меня, вероятно, больше опыта, чем у вас. Я знаю, как вести себя в опасных ситуациях. Поэтому пойду я. Если мне удастся пройти, то, возможно, больше никто не подвергнется опасности, лежащей за дверью, и...

Лицо его было мрачно. Если только он сможет пройти. Если...

— Я прошу привилегию пойти первым, — сказал Мерчисон. — В этой бутылке не слишком приятно, и я боюсь, что переоценил свою выносливость. Я... я больше не могу выносить эту жару и...

Только тут Уэйд заметил, что силы хирурга на исходе. На его висках пульсировали вены, кожа стала влажной и красной. Недалеко и до теплового удара.

Другие тоже были не в лучшем положении. Галли перестал потеть, что было опасным признаком. Лао Цинь, со всей своей бесстрастностью, с каждой минутой все больше походил на желтую мумию. Джин Росс явно скисла, она уже с трудом что-либо соображала. Долго ли она продержится в этой жаре?

Уэйд тоже чувствовал воздействие высокой температуры. Кожа его была обожжена и отчаянно чесалась, жажда

давно уже мучила его, просто он умел ее терпеть. Уэйд не смог бы долго продержаться в бутылке и знал об этом.

Открытый выход манил его.

— Мы пойдем все вместе, — сказал Уэйд.

Это было единственным верным решением. Лишь с одним возражением — дверца в стенке их клетки была ровно такой величины, чтобы через нее мог пройти лишь один человек.

— Как? — спросил Мерчисон.

— Эта дверь походит на воздушный шлюз. Когда она закрывается, на противоположной стороне должен открыться выход. Существует механизм, управляющий этими дверями. Если я попаду на другую сторону, то попытаюсь найти этот механизм и открыть обе двери. Не уверен, что я сумею это сделать, но, если никто не возражает, то я попробую. Это единственная наша надежда быстро покинуть проклятую бутылку.

Мерчисон принялся было что-то возражать, но Уэйд не стал его слушать.

Все смотрели, как он идет к выходу, но Уэйд видел только глаза девушки. Она уже пришла в себя, и в глазах у нее не было ни паники, ни страха. Она глядела на него с тоской, которую даже не пыталась скрыть.

Он шагнул в открытый проем. Очевидно, под его весом включился какой-то механизм. С мягким щелчком металлическая панель опустилась позади, отрезая его от остальных четырех пленников в бутылке.

Что бы ни ждало его в подземных хранилищах запретного города Марса, Уэйд был готов встретить это.

Щелк. Дверца захлопнулась позади него. Щелк. Перед ним открылась другая дверца.Это произошло очень быстро. Дверца закрылась. Дверца открылась.

Жизнь или смерть ждали его за ней. Уэйд не шелохнулся, осторожно нюхая воздух. В нем мог быть какой-нибудь газ. Если так, то обоняние предупредило бы его.

Воздух был прохладным и ароматным. Свежесть его действовала, подобно вину. В бутылке он был затхлый и горячий. Здесь же весьма холодный. Если в воздухе и был газ, то Уэйд не чуял его.

Его глаза, долго находившиеся в ярком свете, постепенно привыкали к темноте. Сначала ему показалось, что перед ним открылся проход в темную пещеру, пещеру, простиравшуюся далеко-далеко в темноту, в вечную тьму. Но потом глаза его стали привыкать, и Уэйд увидел, что тьма впереди была на самом деле полутьмой, приятной для человека, который долго просидел взаперти при режущем глаза освещении.

Приятный и спокойный полумрак. Доброжелательный полумрак, в котором не было ярких огней и резких теней.

Ферд сказал, что здесь Рай. Рай мог быть освещен так, как эта пещера, где не было заметно никаких источников света, а царило в ней подобие сумрака и рассветная свежесть. Освещение успокаивало, а ароматный воздух бодрил.

По мере того как глаза привыкали все больше, Уэйд увидел, что пещера простирается дальше и дальше. Вдалеке открывались все новые перспективы, казавшиеся еще прекраснее прежних. Чудесные. Очаровательно захватывающие дух. Там была лесная поляна с маленьким серебряным ручейком, журчавшим между замшелых валунов. Кусты, подрезанные в форме геометрических фигур, поднимались из ковра зеленой марсианской травы, которую редко теперь можно найти на поверхности засушливой планеты. Только вдоль каналов, соединяющих древние моря. Трава теперь плохо росла на Марсе.

Марсиане все спроектировали здесь кропотливо и точно, воссоздали с любовью. Они сохранили здесь то, чего больше не могло быть на поверхности планеты. Лесные поляны, покрытые травой, с журчащими ручейками. Воздух, густой и ароматный, как на Земле, а не разреженный и полный пыли, как на поверхности Марса. Прохладное, спокойное место, где странник, преодолевший невозможные трудности, мог бы спокойно отдохнуть. Или это было спокойствие смерти?

Марсиане, мечтая о Рае, создали это место своих неисполненных желаний. Как на Земле арабы, живущие в пустыне, представляли себе Рай большим оазисом, так и здесь, на планете, почти целиком покрытой пустыней, Рай был создан в виде огромного, прекрасного оазиса.

Приятный ветерок дул в этом Рае под землей. Где-то звенели крошечные колокольчики, такие колокольчики вешали на сбрую дотара, марсианского верблюда. Звук

этих колокольчиков был приятен для марсианских ушей. Естественно, они должны были звучать в этом оазисе зеленых полян и серебряных ручейков, в этой подземной пещере, которая тянулась во все стороны, насколько хватало взгляда.

Пробыв много часов в бутылке и на считанные секунды переместившись из света и жары геенны огненной в это очаровательное место, любого можно простить за то, что он ринулся и сунул голову в серебряный поток, стекающий со скал.

Но Джон Уэйд не шелохнулся. Он остался на месте, глядя на раскинувшуюся перед собой сцену. Ферд был здесь. И Ферд превратился в пыль на полу бутылки. Что бы с Фердом ни случилось, но произошло это здесь, в этом Раю.

Значит, это был не Рай. Это были не Небеса. Это было любимое место смерти. Самый короткий путь к превращению в пыль.

Уэйд изучал то, что расстилалось перед ним. Он давно привык играть в игры со смертью. Один шаг отделял его от ковра зеленой травы. Два шага — и он оказался бы у ближайшего крошечного водоема. Но он не сделал этих шагов.

Вместо этого он повернулся и заколотил по металлической двери, выкрикивая одно только слово:

— Мерчисон!

Потом стал ждать ответа. И ответ был получен. Уэйд услышал, как заглушенный металлической панелью голос врача выкрикивает его имя.

— Я попытаюсь открыть дверь, — закричал Уэйд. — Если у меня получится, медленно выходите по одному.

Механизм был смехотворно прост. Две двери соединялись так, что когда одна была открыта, то другая — закрыта. Но прежде чем выйти из тамбура, Уэйд пожалел, что у него нет палки или чего-то подобного, чтобы проверить расстилавшуюся впереди траву. Вполне возможно, что это место, похожее на Рай, но Раем не являющееся, было просто приманкой, ловушкой, только и ждущей, что кто-то ступит в нее. Прежде чем сделать первый шаг, Уэйд проверил землю ногой, потом осторожно переместил на нее вес. Земля казалась твердой. Но все же он вышел из тамбура на четвереньках.

Позади была твердая стена с открытой дверью. Уэйд закрыл дверь. Секунду спустя она снова открылась, и к нему вышел Мерчисон. Через пару минут все были в сборе и непонимающими глазами смотрели вокруг.

— Вода! — хрипло вскрикнул Галли и направился к бегущему со скал потоку.

Уэйд схватил его за плечо.

— Отпусти, — рявкнул головорез и попытался вырваться. — Я готов убить за глоток воды.

— Не глупите! Здесь все не то, чем кажется. Откуда вы знаете, что вода не отравлена?

Уэйд и сам хотел пить, ужасно хотел. Вид чистой бегущей воды доводил его почти что до бешенства. Каждый атом в его теле вопил, требуя воды. Но он помнил бутылку, жару и жажду, которую вызывала эта жара. Бутылка что, специально была придумана так, чтобы ее пленники ужасно захотели пить и, пройдя через дверь, первым делом ринулись к воде?

Значит, вода — это первая ловушка для неосторожных!

Галли уже приготовился было к удару, но замер.

— О-отравлена? Я н-н-не подумал об этом, — заикаясь, пробормотал головорез. — Но видит Бог, приятель, я должен напиться!

— Откуда вы знаете, что вода отравлена? — спросил Мерчисон.

— Я не знаю, — ответил Уэйд. — Я просто подозреваю, что с ней что-то не так. Это место может походить на Рай, но оно создано демонами. Слишком уж идеально здесь течет вода, чтобы я ей доверял.

Врач молчал, обдумывая его слова. Откашлявшись, Галли уставился на сверкающую воду. Девушка тоже смотрела на нее, но не сделала ни шагу вперед. Лао Цинь наблюдал за Уэйдом.

— Отравлена вода или нет, но факт в том, что мы должны пить, — сказал, наконец, Мерчисон. — В таком случае...

— В таком случае, воду проверит не этот достойный человек, — спокойно сказал Лао Цинь. — Если вода нормальная, смогут пить все. Если же нет, то поплатится только один человек.

И китаец пошел к потоку.

— Но... — начал было Уэйд.

— Нет, сын мой, — покачал головой Лао Цинь. — Я проведу проверку. Существует долг, до сих пор оставшийся неоплаченным. Мне выпала честь заплатить часть этого долга.

Никто не стал с ним спорить. Это был человек, требующий в качестве привилегии смерти. Он проехал сюда в поисках бессмертия. Но нашел здесь неоплаченный долг, а долг для китайцев — священен, и оплата его более драгоценна, чем даже надежда на вечную жизнь.

Лао Цинь опустился на колени у ручья, набрал воду в сложенные чашечкой руки и осторожно попробовал ее кончиком языка. Все смотрели на него. Лао Цинь кивнул.

— Вода кажется сладкой и свежей, — кивнул он.

Секунду спустя Галли уже сунул в ручей голову. Мерчисон пошел вперед, девушка за ним. Но Уэйд не шелохнулся.

— Разве вы не доверяете мне? — тихо спросил китаец.

— Я доверяю вашей искренности, Лао Цинь, — ответил Уэйд. — Если бы вам показалось, что вода не в порядке, вы, конечно же, сказали бы нам. Но я не доверяю вашим знаниям в этом вопросе.

Джин Росс и Мерчисон уже начали было пить, но тут же остановились, глядя на Уэйда.

— Я кое-что знаю о ядах, — сказал врач. — Вы доверитесь моим знаниям? — он с серьезным видом попробовал воду. — У нее есть какой-то привкус, — сказал он, вытирая губы, — но для Марса это хорошая вода. Теперь вы удовлетворены?

Уэйд упрямо покачал головой.

— Вы знаете, что с ней не так?

— Нет.

— Уэйд, — сказал врач, — мне нужно напиться. Жажда просто убивает меня. Я так хочу пить, что не могу больше стоять и глазеть на эту воду. Мне не хватает на это силы воли.

— Вы хотите пить не больше, чем я, — ответил Уэйд. — Может, вода и хорошая. Я просто не доверяю этой ситуации. Можете пить, если хотите.

Мерчисон стал пить. Галли буквально купался в ручье. Лао Цинь пил медленно, маленькими глотками. Джин Росс

оглянулась на Уэйда, потом посмотрела на воду и опять на него. Горло у нее задергалось, дыхание прервалось, она едва сдерживала рыдания.

— Разве вы не собираетесь пить? — спросила она.

— Нет.

На лице у нее появились тоска и отчаяние.

— Я... Мне просто нужно напиться!

— Пожалуйста. Я не буду вас останавливать.

— Но сами вы не пьете.

— Я хочу подождать часок.

Она боролась с собой, чтобы принять какое-нибудь решение. Она хотела воды, хотела так, как никогда в жизни, во всей своей спокойной, благополучной жизни. Но здесь был человек, который не стал пить.

— Тогда я тоже не буду, — сказала она, наконец. — Я подожду.

Уэйд понимал, что долго ждать она не сможет.

Он пошарил в траве и нашел два обкатанных камешка. Один сунул себе под язык, другой протянул девушке.

— Это поможет, — сказал он.

Три человека пили. Глядя на них, Уэйд подумал, сколько же марсиан, проведя несколько часов в бутылке, пили из этого серебряного ручейка. А сколько землян? Землян было мало. На Марсе пока что побывало лишь несколько сотен человек. Космические полеты были опасны. Марсиане сильны. Они правили своей планетой, а люди прилетали в красный мир лишь как гости. Очень мало людей побывало в запретном городе, и очень мало, должно быть, пило здесь воду. Никто не знал, сколько именно. Разумеется, отсюда никто не вернулся. В этом Раю царила смерть.

Трое напились до отвала. Не было ни малейших признаков того, что они отравлены. Они утверждали, что с водой все в порядке.

— Самая вкусная вода, какую я когда-либо пил, — сказал Галли. — Вкуснее пива. Вот сами попробуйте.

Это было самое трудное решение, какое когда-либо приходилось принимать Джону Уэйду. Легче было бороться с жаждой, чем убедить себя, что у него нет веских причин относиться к воде с подозрением. Лишь интуиция велела ему

остерегаться. И он отказался пить. Глядя на него, девушка тоже отказалась от воды.

Час спустя он стал ругать себя дураком. Разумеется, не вслух. С теми, кто пил, ничего не случилось. Вода удивительно подняла им настроение. Они снова и снова возвращались к ручью. Уэйд и девушка наблюдали за ними затравленными глазами.

— Я так хочу пить, — прошептала она ему.

— Но вы хотите и жить? — жестко ответил Уэйд.

Она промолчала. Жить она хотела, поэтому и последовала примеру Уэйда.

Уэйд уже начал искать выход из этого рая, который тянулся на много миль во все стороны. Даже не проверяя, Уэйд знал, что любой выход будет хорошо замаскирован. А помня о Ферде, он также знал, что прежде чем они выберутся отсюда, смерть протянет к ним свои холодные руки. Он не знал и даже предположить не мог, где тут скрывалась смерть. Она могла быть в воздухе, которым они дышали, могла быть в воде, в траве, земле или кустах. Она могла быть даже в звуке колокольчиков, которые непрерывно звучали в этом марсианском раю.

«Если вы выберетесь отсюда, — сказал Лао Цинью Газлик, глава здешних хранителей, — то получите то, за чем приехали в запретный город».

Они осмотрелись. Кровля пещеры была сделана под ночное небо с яркими звездами и двумя марсианскими лунами. В ровном свете казалось, что кровли вообще не существовало, но там, где она спускалась к полу по окружности пещеры, она была твердой, как камень. Рай оказался мили две в окружности. Они обошли его по периметру и вернулись в первоначальное место — с водоемчиком, ручьем и дверью, ведущей в бутылку.

Ничего не происходило. Они никого не встретили. Они были единственными посетителями в этом Раю. И нигде, казалось, не было никакой опасности.

— Что ж, мы вернулись в отправную точку, — бодро сказал Мерчисон.

Поведение его претерпело громадные изменения. В бутылке он был храбр, но мрачноват. Сейчас же не был ни мрачным, ни храбрым. Казалось, он совершенно забыл, зачем приехал в

запретный город, по крайней мере в нем совершенно не чувствовалось страха.

Изменился также и Галли. Убийца был в прекрасном настроении, смеялся и балагурил. Отпускал всякие шуточки.

Грязные шуточки. Уэйду очень хотелось придушить его. Еще Уэйд хотел пить и был более напряженным, чем раньше. При каждом шаге какой-то инстинкт напоминал, что кругом таится опасность. Он искал ее, но не мог отыскать, она была хорошо спрятана.

Лао Цинь, казалось, тоже не чувствовал опасности. Его поведение изменилось, как у Мерчисона и Галли. Он больше не держался с достоинством, переходящим в высокомерность, поодаль. Он смеялся вместе с Галли, забыв, что прилетел сюда через необозримые космические пространства в поисках если не бессмертия, то, по крайней мере, его замены, которую марсиане, по слухам, давно уже открыли.

— Насколько я понимаю, мне здесь нравится, — сказал Галли. — Вы можете делать все, что хотите, но я бы остался здесь навсегда. Если бы мне позволили.

— Действительно, здесь очень красиво, — согласился с ним Лао Цинь, вдохнул полную грудь ароматного воздуха и счастливо рассмеялся. — Если бы я не знал, что здесь не растут такие растения, то был бы уверен, что в воздухе витает аромат лотоса. Ах, драгоценный цветок лотоса. Аминь.

Уэйд уставился на китайца с изумлением, смешанным с ужасом. От Лао Циня действительно ветерок принес запах цветов лотоса.

А затем произошло нечто неожиданное. Или, возможно, оно произошло еще раньше, но только сейчас стало очевидным. Лао Цинь увидел своих предков.

— Отец! — воскликнул он.

Китайцы с огромным почтением относятся к предкам. Лао Циню было лет восемьдесят, но, увидев отца, он почтительно и покорно поклонился ему.

— Он сошел с ума, — прошептал Уэйду Мерчисон.

Это была невероятная сцена. Китаец совершенно забыл о присутствии остальных. Радостно улыбаясь, он начал разговаривать с созданиями собственного воображения.

Уэйд почувствовал, как по спине у него бежал холодок. Вернувшийся Ферд бормотал о Рае, невероятно вкусной еде и сигарах. Здесь было нечто похожее на Рай, но ни еды, ни сигар Уэйд пока что не видел. Однако Ферд их нашел. И китаец тоже кое-что нашел.

— Лао Цинь! — резко сказал Уэйд.

Китайец быстро оглянулся на него.

— Потише, пожалуйста, — сказал он.

— А вы придите в себя.

— Но со мной все в порядке. — Он отвернулся. — Отец, я хотел бы представить вам Джона Уэйда, — сказал он своему невидимому предку.

— Перестаньте, — сказал Уэйд. — Здесь же никого нет. — Он взял китайца за руку, но Лао Цинь выдернул ее.

— Чужеземный дьявол! — зашипел он. — Я пойду поговорить с моими уважаемыми предками наедине.

Он пошел прочь. Уэйд последовал за ним, но Лао Цинь тут же заметил, что его преследуют. Он побежал с невероятной для такого старика скоростью. Уэйд погнался за ним и, к удивлению своему, обнаружил, что Лао Цинь бежит быстрее, чем он. Он ринулся через кусты, перепрыгнул ручеек, и Уэйд потерял его из виду.

Уэйд понимал, что если китайцу в его нынешнем состоянии позволить одному бродить по здешним местам, то с ним может что-нибудь произойти. Конечно же, здесь были смертоносные ловушки. Лао Цинь мог попасть в одну из них. Но Лао Цинь исчез.

Несколько минут спустя Уэйду все же удалось найти его. Он стоял посреди небольшой поляны и разговаривал сам с собой. Он даже не шевельнулся, когда подошел Уэйд.

Уэйд осторожно взял его за руку, чтобы привести обратно к остальным. При его прикосновении Лао Цинь рассыпался в пыль. Смерть, скрывающаяся здесь, нашла себе очередную жертву. Но что именно случилось с Лао Цинем?

Уэйд кинулся назад, к остальным, и издал облегченный вздох, когда увидел их. Они все были в безопасности. И Джин была в безопасности.

Но почему Уэйда словно обдало жаром, когда он увидел, что с Джин все в порядке? Женщины не играли никакой

роли в его жизни. Но он возблагодарил небеса, увидев Джин целой и невредимой.

К нему подошел Галли.

— Эй, Уэйд! — закричал он. — Смотрите, что я здесь нашел! Вы только взгляните на них, а? Только взгляните!

Он был ужасно взволнован, протягивая руку Уэйду. На его ладони лежали два простых камешка.

— Алмазы! — прокричал Галли. — Алмазы! Они здесь повсюду!

Говоря, он шарил свободной рукой по траве и выбирал из нее камешки.

Лао Цинь увидел своих предков. Галли увидел алмазы.

В этот момент Уэйд понял подлинный ужас этих мест. Здесь было нечто, заставляющее жертв этого Рая видеть галлюцинации. Ферду, который, вероятно, никогда в жизни не наедался досыта, казалось, что он нашел здесь еду. Еду, которая составляла главную цель в его жизни. Лао Цинь поклонялся предкам. И они пришли к нему. Галли был бандитом, и простая галька стала для Галли алмазами.

Ужас, как нож, врезался в грудь Уэйда.

— Собери и себе немного алмазов, приятель, — пригласил его Галли, на секунду отвлекаясь от поисков. — Они здесь повсюду!

Через сколько времени после начала галлюцинаций начинается распад? Пот побежал по телу Уэйда, испаринапокрыла его кожу, руки стали липкими. Он отвел взгляд от Галли. Мерчисон и Джин Росс наблюдали за ним. Девушка была в ужасе.

— Ч-что с ним т-такое? — заикаясь, прошептала она.

— С вами все в порядке? — спросил Уэйд.

— Д-да. По крайней мере мне так кажется. Но что происходит с ним? И что с Лао Цинем? Вам не удалось найти его?

Уэйд повернулся к Мерчисону.

— А вы хорошо себя чувствуете?

— Да, — ответил врач, глаза его сверкали.

Уэйд вздохнул. Эти двое были в безопасности. Пока что в безопасности.

— Впервые за последние годы я чувствую себя хорошо, — продолжал хирург с сияющими глазами. — Знаете, мой

мальчик, произошло настоящее чудо. Я не могу этому поверить. Я приехал сюда, думая, что у меня рак. И знаете, я был неправ. У меня нет никакого рака. И никогда не было. Мое опасение, что у меня рак, было просто иллюзией.

— О боже! — выдохнул Уэйд. — У вас тоже!

— Я вас не понимаю, — продолжал знаменитый хирург. — Как раз у меня его и нет. Это я и пытаюсь вам объяснить. Я думал, что у меня рак. Но я ошибался. Я не могу передать вам, какое я чувствую счастье, сделав это открытие. Представьте, вы собираетесь умирать и вдруг узнаете, что будете жить! Это, мой мальчик, настоящий экстаз!

Все напряжение, сковывавшее Мерчисона, куда-то делось. Исчезли его страхи, его тревоги, его раздражение. Он обрел мир с самим собой и со всем окружающим.

— Я буду жить, — шептал он. — Я буду жить...

Голос его уносился по ветру, едва слышимый шепот: «Я буду жить... Я буду жить...» Постепенно он замер, как эхо. Джон Уэйд и Джин Росс стояли, словно вросшие в землю. Ароматный ветерок, дующий из какого-то невидимого источника, овевал их лица. А где-то на заднем плане звенели колокольчики дотара.

Это был Рай. Здесь вы обретали то, что искали.

Внезапно тишину прорезал крик. Это был Галли. Он перестал собирать гальку и выпрямился, истошно крича. Потом крик перешел в бульканье. Галли застыл, точно статуя, и несколько секунд стоял неподвижно. В нем ощущалось ужасное напряжение, как будто он пытался кричать, но не мог.

А затем, после порыва ветерка, он стал оседать. Статуя, которая только что была Галли, превращалась в пыль. Ветерок развевал ее, словно желтый туман. Потом, под действием силы тяжести, статуя стала оседать, тоненькими желтыми ручейками потекла на землю и стала кучками охры в зеленой траве.

— Боже ты мой! — выдохнул Мерчисон, и, услышав его голос, Уэйд повернулся к хирургу.

Казалось, тот, хотя бы на минутку, утратил свои иллюзии. Вид Галли, превращающегося в пыль, вернул его к действительности.

— Это все вода, — выпалил Мерчисон. — У нее был странный привкус. Вы были правы, Уэйд. Вода стала первым шагом к разрушению. Это первое звено в цепи, превратившей Галли в пыль. Я спорил тогда, но теперь признаю это. Не пейте воду, Уэйд. Не пейте воду! — закричал он уже во весь голос.

Внезапно почувствовав смерть, Мерчисон пытался предупредить двух своих оставшихся сотоварищей. И так же внезапно, как начал кричать, он замолк. В нем снова произошли изменения. В глазах опять вспыхнул экстаз.

— Что я говорю? Это просто смешно! Вода — это жизнь и лекарство от всех болезней. Она вылечила меня. Она вылечила...

Ветерок снова поднял пыль. Пыль осела желтыми конусами на зеленом ковре травы. Сухая и желтая, она могла взлететь при самом слабом ветерке. Желтая пыль, которая совсем недавно была человеком.

— Пока мы не прикасаемся к воде, мы в безопасности, — хрипло сказал Уэйд. — Это дает нам время. Время, чтобы мы нашли выход отсюда. Всякую головоломку, даже построенную марсианами, можно разгадать. К ним всегда есть ключи. Мы найдем этот ключ, выберемся отсюда, и я с превеликим удовольствием сверну шею любому марсианину, который станет у нас на пути. И как бы нам не хотелось пить, мы ни станем пить эту воду.

Он замолчал, увидев, что девушка уставилась на него. И в глазах у нее был страх, еще сильнее, чем прежде.

— Но... — она с трудом выдавливала из себя слова. — Вы не... понимаете. Я уже... сделала глоток...

— Что?!

— Как раз перед тем, как Лао Цинь начал бредить... я просто не могла больше сопротивляться. Я так хотела пить, а те, кто напился, остались живы и здоровы. Я просто умирала от жажды.

Она выпила запрещенной воды Рая. И какой-то вирус уже гулял по ее венам. Уэйд шагнул к ней, но она отпрянула.

— Нет. Не трогайте меня. Может, будет заразно даже прикосновение. Не подходите ко мне.

Возможно, прикосновение к ней заразит его. Но его остановила другая мысль. Распад Ферда ускорило прикосновение

Галли. Когда Уэйд тронул Лао Циня, китаец обратился в пыль. По-видимому, этот эффект ускоряло прикосновение к человеку, в венах которого уже текла смерть. Уэйд не стал трогать девушку, и она убежала. По-видимому, вода в этом адском месте придавала пораженным дополнительную силу. Так Лао Цинь сумел убежать от него, и таким же образом поступила Джин Росс.

Уэйл позвал её, но она не ответила. Она спряталась, боясь, что может заразить его. Было бессмысленно пытаться ее отыскать. В этом слабо освещенном месте, в зарослях кустарника, она могла бы прятаться вечность.

«У меня остался час, — мрачно подумал Уэйд, — чтобы найти выход. Самое большее, через час мне будет необходима вода. И если я не смогу вовремя понять, как отсюда выбраться...»

Если! Но он был Джоном Уэйдом и не привык сдаваться без боя.

III

Уэйд не следил за временем, но ему потребовалось ровно пятьдесят минут, чтобы найти выход. Ветерок, едва заметный ветерок привел его туда. Ветерок послужил подсказкой. Он должен был откуда-то дуть. И когда Уэйд понял это, то нашел хитро спрятанный вентилятор, создающий ветерок, этот прохладный бриз, который, предположительно, и был подсказкой. Это было придумано для того, чтобы дать жертве шанс выбраться на свободу? Или когда-то давным-давно это место было создано совершенно для иных целей? Интересно, кто-то когда-то сбегал из этой пародии на Рай?

И еще одна мысль появилась у него, когда Уэйд нашел вентилятор: а что, если этот выход был придуман для людей, достаточно умных, чтобы не превратиться в пыль, и впереди его ждут другие ловушки? Вряд ли хранители хотят дать своим непрошеным гостям что-либо, кроме смерти.

Но если впереди и были ловушки, то ему придется справиться с ними. Другого выхода все равно не было. Время

стремительно утекало, работая против него. Он должен сбежать и каким-нибудь способом заставить хранителей освободить девушку и дать ей противоядие от смертоносного вируса, текущего в ее венах. Если оно вообще существовало, это противоядие!

Это была трудная задача.

Уэйд полз по шахте вентилятора, точно змея. Труба была ровно таких размеров, чтобы он едва-едва поместился в нее. В ней было совершенно темно. Дул теплый ароматный ветерок.

Что-то коснулось его пальцев, что-то живое, похожее на веревку. Оно зашипело. От этого звука мышцы Уэйда свело страхом. Змея! В этой теплой трубе в темноте перед ним была змея.

Затем он со вздохом расслабился. Он прилетел с Земли, а на Земле змеиное шипение означало опасность. Там змеи были чрезвычайно опасными. Но на Марсе они оказались иными. Здесь не было ядовитых рептилий. Фактически марсиане выращивали их как домашних животных.

— Уходи! — сказал он вслух. — Убирайся с дороги!

Змея снова зашипела, уже в отдалении. Уэйд пополз за ней. Потом шипение смолкло, и он предположил, что змея свернула куда-то в сторону.

Труба была соединена с другой, затем со следующей, каждый раз становясь все больше. Наконец, Уэйд добрался до источника теплого ароматного ветерка.

Возможно, при других условиях ему было бы интересно разобраться в системе кондиционирования, разработанной марсианами. Но теперь его интересовал лишь вентиль, который должен быть в этой трубе. Кто-то же должен время от времени проникать в трубу и чистить ее. И Уэйд обнаружил, что одна секция стенки может скользить в сторону. Открыв ее, он увидел небольшое помещение. Там была лишь стеклянная дверь, за которой была комната побольше, с полом, как шахматная доска. И в той комнате сидел за столом Газлик, главный хранитель, и читал какую-то рукопись. Он был один.

Уэйд выскользнул из трубы и вдоль стены пробрался к стеклянной двери. Толкнул ее одним пальцем. Дверь была не заперта.

И тут его привлекло движение на полу возле стола Газлика. Пол состоял из черных и белых квадратных плиток,

точно огромная шахматная доска, квадраты были трех футов величиной. Маленькая змея лежала на черном квадрате у стола Газлика. Еще одна змея. Конечно, она была просто домашним животным. Но это было неважно. Главное, что именно ее движение привлекло внимание Уэйда.

Уэйд напрягся, готовясь ворваться в комнату.

Змейка сползла с черного квадрата на белый. Откуда-то вырвался длинный язык пламени и лизнул ее. Змейка скорчилась и умерла.

Уэйд в изнеможении прижался к стене. Комната была не тем, чем казалась. Это была ловушка, ужасная ловушка, где еще более страшная смерть, чем отравленная вода, ждала тех, кто незваными придет в здешний Рай. Ловушка! И он чуть было не угодил в нее. Уэйд почувствовал, как тело его стало мокрым от пота.

— Входите, — раздался голос.

Голос говорил по-марсиански, но Уэйд знал этот язык достаточно, чтобы понять. Голос прозвучал совсем рядом. Уэйд резко повернулся. Из хитро скрытой двери в другой стороне помещения вышли три хранителя. Они встали перед ним, и у каждого был марсианской пистолет-огнемет. Все пистолеты были направлены на него.

— Войдите и встретьтесь с Газликом, вы, тот, кто сбежал из Рая, — сказал один из хранителей.

— Войдите, и вас рассудят.

— Войдите в комнату, где ждет Газлик, вы, тот, кто не стал пить отравленную воду и понял подсказку ветра.

Значит, ветер, шахта вентилятора, которая привела его сюда, и Газлик, спокойно ждущий за стеклянной дверью, — все это было очередной ловушкой. И он попал в нее. В комнате, куда ему приказывали идти, ждала смерть. Смерть более быстрая и более ужасная, чем превращение в пыль.

Пистолеты-огнеметы были нацелены на него.

— Войдите или умрете здесь.

Они действовали наверняка. Они уничтожили бы его на месте, если бы он отказался повиноваться. Уэйд понял, что у него нет ни малейшего шанса.

Но затем он вспомнил змею, как она умерла, и сердце его заколотилось сильнее. А может, у него все же был шанс?

Он пихнул в сторону дверь и секунду постоял на пороге, осматривая комнату. Газлик бросил читать рукопись и стал наблюдать за Уэйдом с видом кошки, ждущей, пока мышь будет в пределах досягаемости ее когтей. Главный хранитель молчал. Молчали и трое его подчиненных.

Ступая только на черные квадраты, Уэйд прошел в комнату и остановился перед столом Газлика, пристально глядя ему в лицо.

Мгновение Газлик сидел, не шелохнувшись, как древний идол, затем улыбнулся.

— Отлично сделано, сын мой, — сказал он, нажав какую-то кнопку на столе, и встал. — Можете теперь расслабиться. Испытание завершено. Что бы вы ни хотели найти здесь, вы получите это — если мы вообще сможем вам это дать.

Уэйд с беспомощным испугом глядел на главного хранителя. Газлик улыбался. Три хранителя подошли к нему. Они убрали оружие и тоже улыбались. Газлик пожал Уэйду руку, а хранители похлопали его по спине. Уэйд ничего не понимал.

— Я думал... Я... — Он закашлялся.

— Вы думали, что пол был под напряжением, — сказал Газлик. — Так оно и было. Белые квадраты были соединены с отрицательным полюсом, а черные — с положительным. Вы умерли бы мгновенно, если бы шагнули с черного квадрата на белый. Но вы заметили подсказку, которую мы оставили, чтобы наблюдательный человек мог спастись. Вы увидели, что стало со змеей, и ступали лишь на черные квадраты.

Уэйд уже понял этот принцип — пол, как шахматная доска, белые квадраты заряжены отрицательно, а черные — положительно. Невнимательный человек умер бы через пару шагов. Но этот механизм не наносил удар исподтишка, а...

— Вы упомянули змею... Вы хотите сказать, что я должен был заметить ее?

— Конечно, — кивнул Газлик. — Мы знали, где вы находитесь в любой момент. Змею положили на черный квадрат как раз в ту секунду, когда вы вылезли из вентилятора. Да, мы сделали так, чтобы вы могли увидеть ее.

— Но... зачем?

— А как мы можем приговорить кого-то к смерти, не дав ему шанса спастись? Невнимательный человек не обратил

бы внимания на змею. Не рассуждающий человек не увидел бы в ее смерти своего шанса на спасение. Нет, сын мой. Здесь священный город Марса. У всех, кто приходит сюда, есть шанс выиграть то, что они ищут. Но выиграть это они должны собственными силами. Своим умом, своими способностями и талантами.

Уэйд был ошеломлен. Огромное давление, которое оказывалось на него, ужасные опасности, с какими он столкнулся, завертели его мысли водоворотом.

— Вы хотите сказать... Вы всем даете такой шанс?

— Конечно.

— Но Лао Цинь, Галли, Мерчисон, Джин... Как же с ними?

— Разве мы должны дать богатство вору? — последовал ошеломляющий ответ. — Три вора прокрались сюда. Мы должны были дать им богатство, которое они искали?

В этом была какая-то логика. Галли, Ферд и Соня были ворами. Ферд и Соня были слабыми, подхалимами. Галли был сильным. Он был бандитом, силой отнимающим то, что хотел, но все равно он считался вором.

— Но Мерчисон и Лао Цинь... Они же не были ворами. Я не встречал более достойных людей. И все равно они... — Он замолчал, вспомнив горки желтой пыли, разносимой по Раю ветерком.

— Закон: выживают сильнейшие. Не мы установили этот Закон. Это Закон самой природы, и у нас нет иного выбора, кроме как жить по нему. У человека по имени Лао Цинь и человека по имени Мерчисон было много замечательных качеств. Они были достаточно умны, а ум — это сила, чтобы понять, что жара в бутылке создана искусственно, чтобы усилить их жажду, и что воду им предоставили для утоления этой жажды. Они подозревали в этом подвох, но не смогли сопротивляться жажде. Разве мы могли допустить, чтобы слабаки вошли в братство хранителей? Нет, сын мой. Мы трудимся днем и ночью в течение многих сроков обычных человеческих жизней, ища скрытую в природе истину. Это тяжелая работа, слишком тяжелая для всех, кроме самых сильных умов в сильных телах. Все мы, хранители, включая и тех трех, что стоят рядом с вами, прошли через Рай, столкнулись с теми же опасностями, с которыми столкнулись вы.

И так же, как и вы, добились успеха. Это место не для слабых. Мы хотим, чтобы здесь жили лишь сильные. Все эти испытания были разработаны для устранения всех, кроме сильнейшего. Вы преодолели все. И можете стать одним из нас. Или можете получить то, что искали здесь. Богатство, долголетие, знания, которые у нас есть, или бессмертие — все это мы можем вам даровать.

Уэйд не знал, что сказать. Он все еще был ошеломлен, поэтому промолчал. Он признал правосудие хранителей. Жестокое правосудие, но не более жестокое, чем сама природа, и, как природа, это правосудие было создано, чтобы устранять негодных и оставлять жизнь лишь сильнейшему. Мерчисон и Лао Цинь были недостаточно сильны, чтобы победить самих себя. Нелегко было признать, что у осторожного китайца и знаменитого хирурга были свои слабости. Но они были.

Словно читая мысли Уэйда, Газлик тихо сказал:

— Я тоже сожалею о них. Мы бы с удовольствием приветствовали их здесь. Но не стоит горевать об их кончине. Они мало здесь пожили, после чего умерли. Да, их смерть наступила слишком быстро. Но они умерли, не зная, что происходит, а перед смертью иллюзии подарили им самое большое счастье из тех, что они испытывали за всю жизнь. Не в нашей власти подарить им большее благо.

Голос хранителя смолк. Спокойно, почти что с нежностью, он глядел на Уэйда, и когда заговорил снова, то задал решающий вопрос:

— Вы победили, сын мой. Так что же вы искали здесь? Если в нашей власти дать вам это, стоит лишь попросить. Это богатство, знания или бессмертие?

— Всю жизнь я что-то искал, — медленно ответил Уэйд. — И не знал, что ищу, пока не приехал сюда. Но теперь я знаю. Мне нужна девушка.

Газлик кивнул.

— Еще когда вы не выпили воды, мы уже поняли, что вы победите. И мы догадывались, что вы потребуете, если благополучно доберетесь до меня. Когда вы пролезли в вентиляционную шахту, мы нашли девушку и нейтрализовали действие воды, предваряя ваши желания. И еще по двум причинам. Она

не стала пить, пока не решила, что вода безопасна. И хранители нашли ее по следу из пыли и листьев, когда она уже была у другого выхода из Рая.

— Другой выход?..

— Воздух нагоняется сюда вентилятором, — улыбнулся Газлик, — но он должен где-нибудь выходить. Она встретила хранителей в выходном вентиле.

Газлик махнул рукой. Открылась потайная дверь, и в комнату вошли два хранителя, а между ними шла Джин Росс.

Далее произошла бурная встреча. Уэйд обнимал ее, а она крепко обнимала его, дрожа всем телом и прижимаясь к нему. Хранители сочувственно смотрели на них.

— Значит, вы выбираете наше бессмертие? — услышал Уэйд слова Газлика.

И услышал в ответ собственный голос:

— Что?

— Единственное бессмертие, которое нам известно, — пояснил Газлик, — в наших детях. Это бессмертие рода, а не отдельного человека. Мы умеем продлевать жизнь. Эту проблему решают специальные диеты. Но вам обоим мы даем единственное бессмертие, которое, как нам известно, существует в природе.

Уэйд все понял. Инстинктивно он почувствовал, что Газлик говорит правду. Он не стало уточнять, так ли это, но услышал последний вопрос Газлика:

— Вы остаетесь с нами, станете одним из нас или уйдете?

Уэйд слишком устал, чтобы думать об этом. На этот вопрос он ответит после того, как выспится и отдохнет. В голове у него промелькнуло, что он, вероятно, останется здесь. Здесь сосредоточены громадные запасы знаний, и здесь есть возможность вести собственные исследования, здесь человек может жить и работать в несколько раз больше, чем на Земле. Вероятно, он мог бы разработать иное тестирование для будущих хранителей, менее смертоносное, но не менее строгое, чем отравленная вода Рая. Должны быть какие-то другие способы. Но он подумает об этом завтра, когда отдохнет. Возможно, через какое-то время он может сделать из этого места Научный Центр Солнечной Системы, запретный для всех, кроме тех, кто поедет сюда за новыми знаниями.

Но, независимо от того, что он выберет в будущем, все будет хорошо. Ему больше не придется странствовать. Он нашел то, что искал, и был доволен.

Девушка пошевелилась в его объятиях. Уэйд взглянул на нее. Она была усталой и сонной. Как и он сам. Отдыхать. Отдыхать...

ЗВУКИ БОЕВЫХ ТРУБ

Корабль с Земли появился после обеда. Кеннеди вместе с двумя помощниками трудился до упаду, устанавливая вокруг громадного прямоугольника из белого песка регистрирующую аппаратуру, когда заметил появление корабля. Сначала он испугался, что корабль сядет прямо в прямоугольник, где марсиане на этот момент не дали бы пролететь даже мухе, но пилот чуть изменил траекторию и посадил корабль полумилей дальше.

Кеннеди с облегчением вздохнул. Ему потребовался длинный разговор, состоявший, с учетом языковых трудностей, из махания руками и вычерчивания схематических рисунков, чтобы ему дали разрешение установить записывающую аппаратуру возле самого прямоугольника.

Марсианину не понравилась идея с записывающей аппаратурой, и Кеннеди заподозрил, что если Трайор поймет их настоящую цель, которая состояла в том, чтобы выявить силовые линии, идущие от механизмов, скрытых где-то в городе, и таким образом определить местоположение этих самых механизмов, то это понравилось бы ему еще меньше. Интересно, подумал Кеннеди, что сказал бы и сделал марсианин, если бы какой-то растяпа посадил космический корабль на этом участке?

Кстати, а почему вообще здесь приземлился корабль? Траксия небольшой, слишком незначительный город для того, чтобы привлечь внимание туристов, достаточно богатых и одновременно достаточно здоровых, чтобы выдержать полет на Марс. Краем глаза Кеннеди увидел, как люк корабля распахнулся, и из него вышли трое мужчин.

Несколько минут они осматривались, глядя на городок, похожий на маленький драгоценный камень в чаше пустыни, на песок, солнце и гряду низких холмов, уходящих на юг, и одновременно привыкали к меньшей тяжести Красной планеты, а затем увидели Кеннеди и его помощников. Все

они одновременно стали тыкать руками вперед. Кеннеди выругался. Разумеется, прибывшие тут же направились к попавшим в их поле зрения людям, благо что это были единственные люди в городке Траксия.

— Наверное, хотят попросить у нас дорожную карту! — проворчал Кеннеди.

У него не было времени отвечать на вопросы. Он вообще не хотел на них отвечать. Но трое мужчин целеустремленно направлялись к нему.

Они подошли, три рослых человека в одинаковой форме.

— Прошу прощения, — сказал один из них. — Мы ищем мистера Джона Кеннеди. Не могли бы вы сказать нам, где его можно найти?

Кеннеди уставился на них. Он никогда не видел их прежде, но видел подобных им, устраивающих драки в нью-йоркском Космопорте, вечно пьяных и буйных, и в Порту Марса, и в Лунном Порту, где напоминающий стакан город тянулся в замороженное небо. Эту породу можно было встретить где угодно.

— Ну, я Джон Кеннеди, — нехотя сказал он. — Что вам угодно?

— Поприветствовать вас от имени мистера Доука, сэр. Он хочет встретиться с вами в своей каюте. Немедленно, — сказал главный из этой троицы.

— Мистер Доук? И кто он? Ваш капитан?

Все оттенки удивления поочередно появились на лицах этой троицы.

— Вы не знаете мистера Доука? Он... Он владелец... — Говоривший был явно изумлен, услышав, что кто-то, живущий в Солнечной системе, не знает Доука.

— Я не знаю его, — подтвердил Кеннеди. — Не знаю и знать не хочу.

Он услышал, как позади с недовольным видом пошевелился Блунт, один из двух его помощников.

— Я слышал о нем, — сказал Блунт. — Он финансист или что-то такое. Это он дал деньги на исследования трелкелдового ультрадвигателя для ООН.

— Я тоже что-то слышал, — подал голос Андерс, второй помощник. — Да, он дал денег на финансирование этого проекта.

— Гмм... — задумчиво протянул Кеннеди.

Он был полевым исследователем для Научного Совета ООН, подчинялся только Совету и никому больше. Совет платил ему и давал деньги для работы. Это они должны были искать для него деньги, и такое разделение труда вполне удовлетворяло Кеннеди. Но если Доук внес часть денег, то Кеннеди чувствовал, что должен поговорить с ним хотя бы ради Совета.

— Я сейчас занят, — сказал он, краем глаза глядя на прямоугольник песка, где марсианская стража стояла локоть к локтю. — Передайте мистеру Доуку, что я встречусь с ним завтра.

И он повернулся к своим приборам.

Там был магнитный датчик, разработанный, чтобы обнаруживать и отслеживать магнитные линии, которые были — или скоро появятся — в этой области. И, задумавшись, Кеннеди не сразу понял, что его собеседник опять что-то говорит.

— ...мистер Доук сказал — немедленно.

— Сейчас я занят, — терпеливо объяснил Кеннеди. — Ему придется подождать.

— Мистер Доук не привык ждать.

— Значит, ему пора начать привыкать.

— Но это важно, — настаивал космонавт.

— Важно вот это! — отрезал Кеннеди, кивнув на белый прямоугольник.

Блунт откашлялся.

— Не хочу ни в чем убеждать вас, но мы с Андерсом и сами сможем здесь справиться.

— И ты, Брут, — сказал Кеннеди.

Он был озадачен и возмущен. Самое важное было, чтобы он оставался на месте, но также было важно не делать ничего такого, что уменьшило бы фонды Совета. Кеннеди взглянул на часы. Оставалось тридцать три минуты до срока, который назначил Трайор.

— Ладно, — нетерпеливо сказал он. — Но через двадцать минут я должен вернуться сюда.

Ругаясь шепотом, он пошел по песку к ожидавшему его кораблю. Трое мужчин последовали за ним. Шеренги марсиан,

охранявших прямоугольник, смотрели им вслед без всякого любопытства. Что им было за дело до этой сварливой расы, им, унаследовавшим тысячелетние мудрые традиции? И было в них что-то еще, что они не открыли ни единому человеку.

Доук оказался крупным мужчиной с тяжелыми плечами и толстой шеей, на которой раздраженной горгульей сидела его заостренная кверху голова, напоминавшая пулю. Его лицо походило на лягушачью морду, которая раздражалась и надувалась, раздражалась и пыхтела, и становилась все больше и больше. Они обменялись рукопожатием. Доук, казалось, считал это необходимым.

Каюта была богато обставлена, с большим столом, по которому протянулись ряды кнопок, и вращающимся креслом. Вся мебель была прикреплена к полу. Видеоэкран был включен, и на нем виднелись город Траксия, прямоугольник песка и марсианские стражи, а также Блунт с Андерсом.

— Вы хотели меня видеть? — спросил Кеннеди.

Он был бы вежлив, даже если бы его убили за это.

— Да-да. Я прочел копию вашего отчета.

— Вы прочитали мой отчет? — переспросил Кеннеди шепотом, чтобы удостовериться, что правильно все расслышал.

— Да, ваш отчет исполнительному комитету Совета о ваших предварительных изысканиях на Марсе. — Доук жестом указал на экран. — Это было очень интересно. Фактическииз-за этого я и прилетел сюда.

— Рад, что вы сочли отчет интересным, — сказал Кеннеди. — На нем также стояла пометка «высшая секретность». Или я ошибаюсь, что он был так помечен?

— Он был так помечен, — согласился Доук.

— Вы член исполнительного комитета? Любой отчет с пометкой ВС адресован комитету, и его могут читать только его члены.

Доук не выказал никакого смущения.

— Совершенно верно. Однако есть люди, которые... — он заколебался.

— VIP, — подсказал Кеннеди. — Очень Важные Персоны. Я в курсе. — Тон его стал резким, и он с явным отвращением посмотрел на человека, сидящего по другую сторону стола.

Где-то на заднем плане его ума возникло облачко внезапного страха. Из своего кресла для посетителей Кеннеди видел на экране прямоугольник песка и город Траксию.

Город-сад, место ярких хрустальных куполов розового, аметистового, кораллового и лазурного цветов, город воздушных дорожек и переходов, образовывающих вокруг

куполов радующую глаз ажурную сеть. Город-сад, полный цветочных клумб, за которыми тщательно ухаживали и на которых росли все экзотические цветы, что могли выжить в разреженном воздухе этой древней планеты.

Вдоль дорожек текли ручейки светлой, чистой воды, орошающей цветы и добавляющей свежести и красоты этому месту, столь красивому, что любой художник сошел бы с ума, пытаясь передать все сочетания цветов и здешних оттенков. За городом был главный канал, уходящий к низким холмам, которые когда-то образовывали водохранилище, откуда город пополнял запасы воды.

Водохранилище все еще было там, и холмы тоже были, все также тянущиеся к небу, с которого уже сто столетий не проливалось дождя. И даже вода была в водохранилище, хотя ее запасы уже не пополнялись с неба.

Кеннеди видел холмы, водохранилище и каналы. Он исследовал все, и результаты его исследования вызывали лишь изумленное недоумение. Моисей, где твое искусство, в который уже раз подумал Кеннеди. Моисей, где ты, способный ударом посоха выбить из камней воду?

И квадрат белоснежного песка тоже был там, словно кадр из незапущенного фильма, словно глина, ждущая прикосновения пальцев гончара, словно мрамор, ждущий резца скульптора... Кеннеди покачал головой.

Трайор разрешил ему изучать все — все детали, все повороты дорожек, все клумбы и все закругленные купола жемчужных или коралловых оттенков. Да, сказал Трайор, население города растет. Очень медленно, чтобы это было легко заметить, но все же растет. И нужные новые жилые помещения...

Голос Доука прервал его мысли.

— Меня заинтересовал ваш отчет о том, что едят марсиане. Вы писали, что едят они, по существу, те же основные продукты, что и мы, может, с некоторой разницей в составе витаминов.

— Правильно, — сказал Кеннеди.

— Но также добавили, что не смогли обнаружить источник поставок марсианского продовольствия.

Пару секунд Кеннеди колебался. Конечно, это было сутью отчета. Но это также являлось тайной Траксии и любого другого города на Красной планете. Он медленно кивнул.

— И при этом я не смог обнаружить источник воды, — добавил он.

— Но, помилуйте, они же едят, не так ли?

Кеннеди кивнул.

— И пьют воду?

— Да.

— И все это откуда-то должно поступать, верно?

— Должно поступать, — согласился Кеннеди.

По выражению лица Доука было видно, что ему не понравились ни ответы, ни тон его собеседника.

— А как насчет ферм? — спросил он. — Разве они не выращивают зерно на фермах?

— Я не видел на Марсе ни единой фермы, — ответил Кеннеди.

— Выходит, гидропоника?

— Когда-то они пользовались такой системой, — кивнул Кеннеди. Он задавал Трайору тот же самый вопрос по меньшей мере раз пятьдесят, пока, наконец, марсианин не понял и не ответил: — Но не последние пять тысяч лет.

Кеннеди снова взглянул на часы. Он мог уделить Доуку еще пять минут.

— Но они же готовят свою еду из зерна, разве не так?

— Конечно же, так, — сказал Кеннеди. Он пытался изучить это так же, как и водоснабжение, и ровно с тем же результатом. — У них в каждом городе есть хранилища, где они хранят зерно, в основном, хлебные злаки, напоминающие пшеницу. Потом они мелют его точно так же, как и мы на Земле, и получают хорошие сорта муки. Затем мука распределяется по домам, и там пекут твердый хлеб, который они называют юзза.

— Но откуда зерно поступает в хранилища? — настаивал Доук.

— Именно это я и не смог обнаружить, — сказал Кеннеди и встал. — Приятно было познакомиться с вами, мистер Доук. Надеюсь, мы еще увидимся до вашего отлета.

Он протянул руку.

Доук не поднялся, чтобы попрощаться с гостем. Казалось, он даже не заметил протянутой руки. Его глаза уставились прямо в лицо Кеннеди холодным, пристальным взглядом.

— Сядьте, — сказал он.

Кеннеди приподнял бровь на одну восьмую дюйма. Он всегда считал себя на четверть ученым, на четверть мистиком и на четверть авантюристом. Оставшаяся же его четверть была чистейшей воды головорезом. Он представлял собой такую комбинацию качеств и черт характера, что у любого психиатра, который попытался бы проследить за всеми их кривыми и завихрениями, мигом развилось бы косоглазие.

Как полевому исследователю Совета ООН, ему требовались все черты своего характера. Доук, очевидно, лишь читал его отчет и не удосужился проверить человека, который написал его, автоматически представляя себе ученого как существо с хилой грудью, плоскостопием, в очках и со смелостью кролика, мать которого была напугана ядерным взрывом.

Фактически Кеннеди не обладал ни единой из этих черт. Он был шести футов ростом, широк в плечах, с внимательными серыми глазами и никогда не носил очков. Вот только Доук этого не знал.

— Сесть, — рявкнул он.

— Садитесь сами. Знаете, на что? — вежливо спросил Кеннеди.

Доук оторопело заморгал.

— Да я...

— Это от меня лично, — добавил Кеннеди. — Совершенно неофициально.

Доук начал было подниматься с кресла. Кеннеди, который всегда контролировал головореза у себя внутри, понимал, что не должен этого делать, но очень уж хотелось. Потянувшись через стол, он схватил Доука за плечо и пихнул его вниз.

Когда он убрал руку, Доук сидел в кресле, пригнувшись, и напоминал удивленную лягушку, которая попыталась поспешно нырнуть под воду, но забыла держать язык за зубами и прикусила его. Кеннеди сладко улыбнулся ему.

— Это тоже неофициально, но мне просто интересно, а вы умеете плавать под водой?

Доук попытался отпихнуть кресло, забыв, что оно прикреплено к полу. Кресло ударило его под коленки, и он раскорячился над столом. Кеннеди, уже ассоциируя его с лягушкой, без труда представил себе лягушку, изрыгающую изо рта воду.

— Да вы знаете, кто я? — взревел Доук.

— Понятия не имею, черт побери, — ответил Кеннеди. — Успокойся, большая шишка! Если вдруг обнаружишь источник марсианского зерна, воды, их домов и всего, что у них есть, то сообщи мне, ладно? Мне это самому интересно. — И он повернулся к двери.

Доук выдвинул ящик стола и достал пистолет, автоматический, плоский и тонкий, но, без сомнения, эффективный. И, глядя на оружие в руке Доука, Кеннеди понял, что допустил ошибку. Или, возможно, это была не ошибка. Но в любом случае сейчас у него была проблема, потому что он оказался перед дулом пистолета.

— А вы знаете, кто я? — спросил Кеннеди.

— Знаю, — ответил Доук. — И мне тоже плевать на это. Сядьте, Кеннеди. Мне нужно поговорить с вами.

— Я полевой исследователь... — начал было Кеннеди и замолчал.

Он намеревался было сказать, что, как полевой исследователь ООН, он сам является важной персоной, но, глядя на оружие, понял, что единственное, что он мог сделать, так это написать докладную с протестом, которая будет прочитала кем-то на Земле и, может быть, после этого ей дадут ход.

Все это заняло бы по меньшей мере год. С условием, во-первых, что он сможет написать докладную. Во-вторых, что у него будет возможность отослать ее на Землю. И в третьих, что это как-нибудь окажет воздействие на Доука, что было сомнительно, учитывая, что он мог запросто копаться в секретных отчетах.

Кеннеди снова посмотрел на пистолет. Стоило учесть, что Земля далеко. А пистолет прямо у него под носом. И Кеннеди сел.

— Я с большим интересом прочитал ваш отчет, — усмехнулся Доук. — В нем вы намекнули, что марсианская еда и вода могут являться чудесным образом.

— Я не намекал на такое. Чудом называется нарушение законов природы. Значит, я не мог говорить о чуде. Но я действительно намекнул, что марсиане, похоже, владеют секретом самопроизвольного получения материи из ничего.

Он сказал это сердитым тоном, словно пытался понять, потерпел неудачу и сердился на свою неспособность решить эту загадку.

Но он знал, что нельзя назвать решением, если вы потянетесь и схватите что-то, как голодный человек тянется к гамбургеру.

— Что-то из ничего? — спросил Доук.

Кеннеди покачал головой.

— Лучше сказать, что-то материальное для наших чувств добывают из чего-то неосязаемого для наших чувств. Так будет побольше смысла. Хотя и ненамного больше. — Он снова покачал головой.

— Я этого не понимаю, — сказал Доук.

— Я тоже.

— Но я хочу понять.

— И я хочу, — ответил Кеннеди, специально говоря легкомысленным тоном.

Глаза Доука вспыхнули, он поиграл пистолетом.

— Вы — компетентный ученый, иначе не стали бы полевым исследователем ООН. Вы здесь почти два года тратите мои деньги, изучая это явление, и не имеете никаких результатов? Как вы можете это объяснить?

— Никак. У меня есть подозрение, что я легко могу потратить здесь оставшуюся часть своей жизни без всяких результатов.

— Я думаю, вы лжете, — сказал Доук. — Я думаю, вы сделали важное открытие и пытаетесь скрыть его. — На его лице появилось оскорбленное выражение.

— Приятно услышать ваше мнение, — сказал Кеннеди, поглядел на часы, затем на экран. — Через несколько минут вы будете знать ровно столько, что и я. Смотрите.

Доук машинально повернулся к экрану, но тут же мгновенно развернулся в кресле обратно, поднимая пистолет. Но Кеннеди и не трогался с места, только рассмеялся.

— Вы решили, что я пытаюсь вас обмануть? Ничего подобного. Смотрите на тот прямоугольник.

Лицо Доука стало подозрительным.

— Но там нет ничего, кроме стражников вокруг участка песка.

— Смотрите, — повторил Кеннеди.

В солнечном свете песок был гладким и ровным. Его приглаживали и выравнивали в течение последних недель подготовки к сегодняшнему дню, пока у Кеннеди не создалось впечатление, что была сосчитана каждая песчинка. И эта мысль внушала ему неопределенную тревогу. Машина, которая учитывает каждую песчинку... Что же это за машина?

Поодаль от охранников собрались все жители Траксии и спокойно стояли, наблюдая. Кеннеди видел Блунта и Андерса, занятых регистрирующей аппаратурой, созданной для того, чтобы выследить эту таинственную машину. Где она может быть? Под городом? Или в каком-то другом месте на планете? Блунт часто оглядывался на корабль, ожидая возвращения Кеннеди.

А потом появился синий туман.

Он появился из ниоткуда. Появился внезапно, без всяких предварительных признаков. Он был похож на дымку на отдаленных холмах и точно соответствовал прямоугольнику белого песка.

Кеннеди вскочил на ноги. Доук мгновенно направил на него пистолет, но Кеннеди шагнул к экрану, даже не заметив этого. Доук взглянул на экран, и пистолет выпал у него из руки.

Синий туман все густел. Послышался далекий прозрачный звон, словно стеклянные колокола, звонящие на легком ветерке. Интересно, подумал Кеннеди, как этот хрупкий звук проник внутрь изолированного стального корпуса корабля? Но как-то он все-таки просочился внутрь. А в пространстве, ограниченном синим туманом, начал перемещаться песок. Ничто его не двигало. Он перемещался сам собой.

Блунт и Андерс работали с лихорадочной быстротой. Их приборы были более чуткими, нежели человеческие чувства. Но достаточно ли они чувствительны, подумал Кеннеди, чтобы определить, что перемешивает песок. Он почувствовал холодный озноб.

В синем тумане возникли какие-то тени. Они росли, как грибы, становились определеннее, тверже.

— Купола! — прошептал Кеннеди.

Звон колоколов усилился, стали формироваться дорожки.

— Откуда все это появляется? — выдохнул Доук.

— Замолчите, — едва слышно проворчал Кеннеди.

А вдоль дорожек уже возникли трубопроводы и соединились с трубопроводами из города. По ним потекла вода. А вокруг, откуда ни возьмись, появились кусты, клумбы, цветы. Кеннеди затаил дыхание.

Хрустальный звон достиг пика — и смолк. Исчез синий туман. Теперь перед глазами Кеннеди вместо прямоугольника белого песка раскинулся новый городской квартал.

Там были купола примерно для дюжины семей. Их окружали сады и клумбы. Где только что был песок, теперь появились вода и почва. И расцвели цветы.

Охранники сошли со своих мест. Все время, пока висел синий туман, марсиане не сдвинулись ни на дюйм. А теперь они пошли обследовать созданную часть города, проверяя,

все ли в порядке. А может, они просто восхищались красотой нового квартала? Этого Кеннеди не знал. Блунт отчаянно посмотрел в сторону корабля.

— Как они это сделали? — прохрипел Доук.

— Вы сами видели, — подал плечами Кеннеди. — Вы знаете столько же, сколько и я. Но именно этим способом они получают зерно и воду. Склады и водохранилища просто заполняются сами по себе.

— Но что-нибудь вы должны знать об этом процессе, — с отчаянием сказал Доук. — Вы здесь уже два года. Вы компетентный ученый и...

— Послушайте, черт побери, я пытаюсь это понять.

Доук заколебался, не сводя глаз с Кеннеди. На его лягушачьей морде появились проблески мысли. Язык прищелкнул и облизнул пересохшие губы.

— Сколько бы вы хотели получать по моей личной платежной ведомости? — спросил Доук.

— Что? — не понял Кеннеди.

— Скажем, сто тысяч в год.

— Сто тысяч долларов?!

— И премию в полмиллиона долларов, если откроете эту тайну, — добавил Доук.

Кеннеди рассмеялся. У него не было слов, оставалось только смеяться. Это предложение было настолько глупым, что просто смех.

— Ладно, увеличим премию до миллиона, — сказал Доук.

Кеннеди махнул рукой на экран.

— Вы идиот! Если я открою эту тайну, что будет значить для меня миллион долларов? Или десять миллионов?

Лицо Доука застыло.

— Я боялся, что вы так подумаете, — сказал он и быстро передвинулся так, чтобы между ним и Кеннеди оказался стол. — Так что я подготовил другой стимул. Кажется, на Земле, в частной школе мисс Гутри, у вас учится двенадцатилетняя дочь?

— Что?! — Из горла Кеннеди вырвался такой рев, что чуть было не порвались голосовые связки.

Держа пистолет наготове, Доук взял со стола газетную вырезку и толкнул ее Кеннеди.

ИЗ ЧАСТНОЙ ШКОЛЫ ИСЧЕЗ РЕБЕНОК!

Вчера объявили пропавшей без вести двенадцатилетнюю дочь сотрудника ООН Джоан Кеннеди. Девочка, мать которой умерла, а отец, как сообщают, проводит исследования на Марсе, жила с тетей. Следов ее пока что не обнаружено.

Жилы на шее Кеннеди натянулись, как веревки, на лбу вспухли вены. Лицо сделалось тускло-серым.

— Вы просто крыса! Вам так нужна эта тайна?

— Да, — сказал Доук.

— Но зачем?

Глаза Доука вспыхнули.

— Если они могут создавать зерно и воду — и целые городские кварталы, — то смогут создавать и другие вещи.

— Какие?

— Это уж мое дело. Ваше дело — узнать, как это происходит. Только и всего. Мое предложение о зарплате и премии остается в силе. А кроме того, — пистолет был направлен прямо в живот Кеннеди, — вам вернут ребенка целым и невредимым.

Кеннеди шепотом выругался, вытер с лица пот и пожалел, что не существует способа стереть пот с человеческой души.

— Мы и так работаем над этим, — сказал он. — Эти двое — мои помощники. Оборудование, которое они установили, разработано для того, чтобы выследить машину, создающую новые дома.

Глаза Доука ожили.

— Существует такая машина?

— Должна быть.

— Но она где-то спрятана?

— И спрятана хорошо.

— Вы думаете, вашим людям удалось определить ее местонахождение?

— Не знаю, — ответил Кеннеди. — Но даже если они засекли след, нам, возможно, понадобится время, чтобы определить местонахождение этого укрытия.

— Сколько времени?

— Откуда я знаю? Неделя, месяц, шесть месяцев...

— Пойдите спросите, что они обнаружили. Отчитаетесь передо мной здесь завтра в полдень. Да, и еще одно... — Глаза на

лягушачьей морде походили на блестевшие на солнце бусинки. — Ничего не вздумайте предпринять, Кеннеди. Корабль вооружен, а мои люди верны мне. — Он кивнул на газетную вырезку, лежащую на столе. — Даже если вам удастся убить меня, вы знаете, что за этим последует.

В напряженной тишине Кеннеди услышал собственное дыхание.

— Предположим то, что мы видели, было чудом?

— Чудеса, это всего лишь действие неизвестных нам законов. Просто сделайте их известными, Кеннеди.

— А что, если я не смогу?

Доук немного подумал.

— Марсиане знают, где находится машина и как она работает, — сказал он, наконец. — Я могу получить информацию от них, если вы потерпите неудачу.

Он нажал кнопку на своем столе. Позади Кеннеди открылась дверь.

— Проводите этого джентльмена, — велел Доук появившейся охране.

Выйдя из корабля, Кеннеди пошел к Блунту и Андерсу, возившимся с приборами. Они выглядели рассерженными и смущенными. Когда он спросил, что они обнаружили, они проигнорировали его. Кеннеди повторил вопрос, Блунт повернулся и протянул к нему пустые руки.

— Ничего, — сказал Блунт. — Мы не обнаружили ничего.

Голос его был сердит, но Кеннеди видел, что он испуган.

— Что? — спросил Кеннеди.

Блунт махнул рукой.

— О, мы получили кучу материала до и после процесса, сделали частичный анализ синего дыма, но не выявили ни единой силовой линии, ведущей к источнику.

— Но это же невозможно! — все накопившееся напряжение Кеннеди вылилось в этот крик. — Мы видели управляемый процесс. В нем были задействованы колоссальные силы. Величина энергии в этой области во время создания куполов должна быть такой, чтобы исказить само пространство. Управляющие силы могут быть не такими мощными, но наши приборы должны их засечь. Вы просто ошиблись.

Блунт пожал плечами. Ему причинили боль слова и тон руководителя. Но еще больше он боялся. Пальцы его дрожали, и левая щека подергивалась в тике.

— Мы должны найти эту машину, — продолжал Кеннеди. — Добраться до нее! Я так рассчитывал на то, что к ней нас приведет возникший электромагнитный поток.

— Знаю, — ответил Блунт. — Но у нас ничего не вышло. Или их защита сумела нейтрализовать наши датчики, или наше оборудование недостаточно чувствительно, чтобы зарегистрировать силовые линии.

Кеннеди отвернулся. Если Блунт сказал, что в записях ничего нет, стало быть, бесполезно было снова просматривать их.

В безоблачном небе солнце садилось на западе. Длинные тени дотянулись до Траксии. Новый квартал был уже в тени.

Население увеличилось, сказал Трайор. Значит, нужно новое жилье. Это было так просто. И одновременно так сложно. На Земле строительство нового городского квартала тоже было сложным процессом, хотя сложности там были совершено иного порядка. Нужен был капитал и рабочая сила, квалифицированные работники, соответствие строительным нормам и правилам, и многое другое.

Рубили деревья и стволы распиливали на доски. Рыли глину и превращали ее в кирпичи. Доски и кирпичи укладывали в надлежащие места. Добывали медь для электропроводки и железо для гвоздей. Гравий и цемент для бетона. Если использовался пластик, то производственные процессы были несколько иными, но конечным продуктом был тот же дом — место, где живут люди.

На Земле вы могли контролировать каждый шаг этого процесса. Вы могли наблюдать, как рубят деревья и роют кирпичную глину. Вы могли своими глазами видеть сырье, трогать его, ощущать его запах. Вы могли наблюдать за людьми, строящими дом, слышать, как забивают гвозди и пилят доски. А здесь, на Марсе, вы просто видели, как в синем тумане возникают неясные тени, и слышали колокольный звон отдельных атомов. А когда туман рассеивался, вашим глазам открывался конечный продукт. И вы что-то ошеломленно бормотали о чудесах.

На космическом корабле, прилетевшем с Земли, был человек, который хотел раскрыть тайну этого чуда. Кеннеди не сомневался, что знает причину, зачем Доуку нужна была эта тайна. Не ради богатства. У Доука уже было богатство. Ради власти. Тот же процесс, который использовался для создания городского квартала, мог использоваться для создания флота космических кораблей. Проекты наверняка можно было менять. Можно было создавать что угодно. И у человека, владеющего этим секретом, была власть над всеми людьми.

Мысленно Кеннеди хотел с радостью перерезать Доуку горло от уха до уха и плюнуть ему в лицо, когда он будет истекать кровью. Когда он думал о двенадцатилетнем ребенке, похищенном на Земле, он с удовольствием разорвал бы Доуку ногтями яремную вену. Ногти были просто остатками древних когтей, и людям они будут нужны до тех пор, пока во Вселенной существуют Доуки...

Шаги на песке прервали мысли Кеннеди. К нему подошел Блунт.

— Что случилось? — спросил Блунт. — Я знаю, что-то случилось...

Рядом с Блунтом стоял Трайор, и большие уши марсианина, предназначенные улавливать малейшие звуки в разреженной атмосфере, были вопросительно повернуты к Кеннеди. Фигура марсианина была почти человеческой, за исключением больших, подвижных ушей и почти таких же больших глаз с дополнительной мембраной, чтобы защищать их от яркого блеска песка на солнце.

Природа продублировала человеческое тело здесь, на Марсе, лишь с небольшими изменениями. И никто не знал, продублировала ли она человеческий разум. Кеннеди подозревал, что нет. С тех пор, как он прилетел сюда, он чувствовал, что марсианский ум отличается от человеческого, но понятия не имел, в чем заключаются эти отличия.

Кеннеди глядел на марсианина, и в голове его медленно возникла одна мысль. Трайор знал, где спрятана машина. Если бы он мог достучаться до разума марсианина, убедить Трайора в том, что это отчаянно необходимо ему! Кеннеди

взглянул на корабль, казавшийся унылым в наступающих сумерках, и ненависть ожила в его глазах.

Уши Трайора встали торчком.

— Помощь, — прошептал марсианин. — Вы хотите... вы нуждаетесь... — Он пытался совладать с незнакомыми словами и непривычными звуками. — Вам нужна помощь? — спросил он.

— Да, — выдохнул Кеннеди и рассказал им, что произошло.

— Это же немыслимо! — тут же выпалил разъярившийся Блунт. — Ему не может сойти это с рук! Похищение и вымогательство — это уголовные преступления. Плевать мне, что такой Доук — он должен сидеть в тюрьме весь остаток своей жизни!

— Должен, но будет ли так? — спросил в ответ Кеннеди. — Суды и тюрьмы остались на Земле. А Доук — здесь. Трайор...

Внимательно слушавший их марсианин понял не больше одного слова из десяти. Его уши поникли, и он, казалось, погрузился в размышления. Кеннеди ждал. У него возникали дикие предположения о том, как обрабатывается информация в марсианском сознании. Безнадежные предположения. Не было ни малейшей надежды, что марсианин поймет все правильно.

Кеннеди уже пытался поговорить об источниках зерна и воды с Трайором. В результате обе стороны встали в тупик. Трайор пытался объяснять. Очень старательно и очень долго. Кеннеди зашел в тупик, потому что, как он предполагал, у него мозгов не хватало понять объяснения марсианина.

А Трайор зашел в тупик, как подозревал Кеннеди, из нежелания указать Кеннеди на это. Марсиане были самыми вежливыми людьми, каких только знал Кеннеди, слишком вежливыми, чтобы смутить гостя, сказав или лишь намекнув, что тот — полный идиот.

— Снова? — прошептал марсианин.

Кеннеди рассказал ему все еще раз. Он рассказал даже то, что его оборудование было установлено тут с единственной целью определить местонахождение таинственной машины. Трайор, казалось, вообще не возражал против этого, и Кеннеди почувствовал облегчение. Хотя в его действиях

и был элемент обмана, но Кеннеди утешал себя, что единственным его мотивом была жажда знаний и ничто иное. Трайор, казалось, понимал и одобрял это.

Но вот теперь...

— Монрф нотал те? — сказал марсианин на своем языке, что означало: «Вы можете нарисовать мне картинку?»

Кеннеди вздохнул. Марсиане всегда хотели, чтобы им рисовали картинки.

— Пойдемте ко мне домой, — сказал марсианин. — Там нарисуете картинку.

— Вы останетесь здесь, — сказал Кеннеди Блунту. — А я пойду, попробую нарисовать картинку к слову «помощь».

— Для меня вам не пришлось бы рисовать картинки, — горячо возразил Блунт.

— Я знаю. Но вы же не умеете творить чудеса.

Кеннеди взглянуло на корабль, и снова в его глазах ожила ненависть. Ты допустил ошибку, Доук, подумал он.

Кеннеди и марсианин пошли к городу. Они прошли через новый квартал, где в новых домах жители уже готовили ужин.

На травяном пригорке ребенок играл с мячом. Он начал махать странному незнакомцу, шагающему по извилистой дорожке. Кеннеди помахал ему в ответ. Сладкий воздух был полон аромата цветов, цветов, растущих там, где еще час назад была лишь песчаная пустыня. Где-то звучала тихая музыка.

— Это просто Рай, — прошептал Кеннеди.

— Рай? — Трайор поискал в памяти значение этого слова. — Картинка? — с надеждой спросил он.

— Невозможно нарисовать Рай. Это всего лишь мечта о стране без голода и холода, без страха, где у всех людей есть то, что им нужно. Вы создали его здесь, в этом городе. Или он был у вас всегда. — Кеннеди оглянулся на опоры корабля, увязшие в песке. — А теперь у ваших врат змей... в космическом корабле.

— Змей? — тут же спросил Трайор.

Кеннеди издал возглас отчаяния и глубоко вздохнул.

Трайор жил в прелестном куполе. У двери цвели красные цветы. Кеннеди остановился на дорожке.

— Этот дом? — он показал на купол рукой. — Он был сделан, как и те купола, что я только что видел?

— Да, — ответил Трайор. — Конечно. А как же еще?

Вопрос, казалось, удивил его. И то, что он понял вопрос, в свою очередь удивило Кеннеди и одновременно вселило в него надежду. Еще очень слабенькую, но все же надежду. Они вошли в купол. Когда они переступили порог, зажглось мягкое освещение. Кеннеди не уставал поражаться чувству комфорта, возникающему в этом месте с простой мебелью. И еще сильнее, чем комфорт, здесь возникало чувство гармонии и сплоченности с древностью.

Кеннеди знал, что Трайор проводит здесь много времени, лежа на низкой кушетке у стены, и вроде бы спит. Но это был не сон. Лучшим названием для этого были бы грезы. Грезы казались самым главным занятием всех марсиан.

Марсиане, которые жили на земле, где манна падала с небес, а жилищные проблемы решались при помощи чуда, могли позволить себе грезить. Но люди себе этого позволить не могли. Люди все еще должны были создавать вещи тяжелым трудом. Они вечно должны были жить в борьбе и трудах, не зная ни безопасности, ни душевного успокоения. И вечно звучали боевые трубы, зовущие на бой и на труд!

А здесь, на Марсе, они перестали звучать. Или вообще никогда не звучали. Но Кеннеди знал, что это неправильный ответ. Самой главной проблемой последних столетий было постепенное исчезновение воды. И марсиане решили ее. А наряду с этим решили все остальные проблемы.

И где-то должна быть машина!

Много раз Кеннеди воображал себе природу этой машины. Это было не механическое сочетание рычагов и клапанов. Это было бы слишком грубо. Ни вращающихся генераторов, ни ворчания атомных гигантов — это все равно было бы грубо. Это была машина, в которой единственными движущимися частями были молекулы или атомы, или даже элементарные частицы. Возможно, ей не было нужно электричество, а она использовала иную форму энергии, еще неизвестную людям. Из нее вытекали силовые линии, которые преобразовывали песок, а может, и саму пространственную ткань, в нужные формы.

— Картинка? — с надеждой сказал Трайор.

Кеннеди попытался нарисовать картинку к слову «помощь». Трайор использовал это слово, но не мог понять его значения. У него лишь сложилось впечатление о том, что у Кеннеди есть какая-то потребность. И задачей Кеннеди было перевести это впечатление в конкретное содержание. Как только Трайор поймет это, необходимо будет объяснить, кто такой Доук и что ему нужно от Кеннеди. И что Кеннеди нужно от Доука.

Кеннеди нарисовал двух людей, одного тонущего в бассейне, а другого стоящего на берегу. Человек в бассейне отчаянно тянул руки к человеку, стоящему на берегу.

Трайор внимательно изучил картинку и радостно взглянул на Кеннеди. Он понял идею.

— Вода, — сказал он. — Вам нужна вода?

— Нет, — ответил Кеннеди.

— Ванна? — спросил Трайор.

— Нет, — помотал головой Кеннеди.

Он нарисовал другую картинку, на этот раз женщину и ребенка, худого и заморенного. И рядом с ними сидел за переполненным столом толстяк и жрал пищу. Они протянули к едоку руки, прося хотя бы крошку, прося помощи...

Трайор изучил картинку и покачал головой.

— Ждите, — сказал он и вышел из дома.

Когда он вернулся, с ним было еще шесть марсиан. Один за другим они изучали картинки, в то время как Кеннеди пытался всеми известными ему способами объяснить им, что нужно ему и что нужно им самим. Потому что они все окажутся в опасности, если у него ничего не выйдет. Когда Доук займется ими, они тоже будут нуждаться в помощи.

Но никто ничего не понял. Внезапно лицо Трайора прояснилось, и он вышел из комнаты. Вернулся он с ребенком, который играл с мячом. При виде мальчишки марсиане закивали друг другу.

Мальчик осмотрел картинки, пожал плечами, постучал мячом об пол и заговорил на марсианском языке быстро и столь высоким тоном, что человеческое ухо было почти что не в состоянии воспринять его речь. Марсиане внимательно слушали. Потом повернулись к Кеннеди. Он увидел, что в их глазах возникло понимание.

— Ребенок понял мою идею, а взрослые ее не поняли, — пробормотал он, ощущая какую-то неловкость.

— Помощь... — выговорил Трайор.

Теперь он понял эту идею и был потрясен ею. На лице его была написана боль.

Кеннеди понимал, что марсианин от основной идеи уже добрался до ее утонченных второстепенных значений. Если вам нужна помощь, значит, вы в опасности. А если вы в опасности, значит, что-то угрожает вам. Но что угрожает Кеннеди?

Кеннеди нарисовал Доука и космический корабль, пририсовал в руке Доука нож, а потом нарисовал рядом себя самого. Мальчик выглядел испуганным, но перевел и этот рисунок. И марсиане по крайней мере поняли, что Доук угрожает и Кеннеди, и им самим.

Они пошептались друг с другом, затем Трайор протянул руки.

— Что делать?

Кеннеди стал рисовать, надеясь, что это его последний рисунок, появление нового городского квартала. Затем протянул от него силовые линии к источнику этого чуда строительства.

— Машины, — прошептал он. — Машины, которые могут создать квартал, могут создать и оружие, достаточно мощное, чтобы разнести на атомы Доука и его космический корабль. Где эти машины?

Он планировал использовать колоссальную энергию чуда, которое произошло у него на глазах, чтобы уничтожить врага.

— Машины? — переспросил Трайор. — Какие машины? Нет никаких машин.

— Нет машин?

У Кеннеди перехватило дыхание. В глубине души он знал, что Трайор наверняка лжет. Должны быть машины. Возможно, Тайор не понял, насколько жизненно важной была в них нужда. Тогда Кеннеди нарисовал еще один рисунок — Доука с ножом в руке. Но теперь его нож был приставлен к горлу ребенка.

Рисунок был сделан наспех и мелодраматичен, но в нем была сама жизнь. Он давал пояснения на самом простом уровне, чтобы предотвратить неправильное понимание его значения. Здесь были показаны фундаментальные понятия — нож

и смерть. Голос марсианского мальчишки, объяснявшего этот рисунок, звучал, как у перепуганной птицы, проснувшийся ночью и кричавшей от страха в темноту. Мальчишка слишком хорошо понял значение этой картинки. Его всхлипывания заполнили комнату.

Трайор немедленно опустился возле него на колени, стал ему что-то шептать и гладить, уверяя, что все будет в порядке. Остальные марсиане столпились вокруг них. О Кеннеди все забыли. Марсиане гладили ребенка, но он не успокаивался. Наконец его в отчаянии взяли за руки и вывели из комнаты.

Трайор поднялся с колен, сверкая глазами. Никогда прежде Кеннеди не видел рассерженного марсианина. А вот теперь увидел.

— Вы напугали ребенка! — прошипел Трайор. — Из-за вас ребенок останется травмированным на всю жизнь. Ребенок ведь ничего не забудет.

Это походило на заслуженную обвинительную речь.

— Простите, — несчастным голосом сказал Кеннеди. — Я лишь пытался пояснить вам, какое на меня оказывают давление. — Он ткнул рукой в последний рисунок. — Это мой ребенок, — добавил он.

Трайор понял значение его слов. Очевидно, он прежде не понимал, что за ребенок изображен на последней картинке, а теперь все понял. Гнев постепенно исчез с его лица, и его сменило теплое сочувствие. Трайор все понял!

Кеннеди вытер пот с лица. Он выиграл этот бой. Он установил, наконец, линию связи понимания и сопереживания.

Снаружи, в ночной тишине, послышался звук бегущих ног, и голос, хрипло выкрикивающий:

— Кеннеди!

Это был голос Блунта.

Кеннеди открыл дверь купола.

— Восемь человек с корабля! — задыхаясь, выкрикнул Блунт. — Напали на нас. Думаю, они убили Андерса. Я убежал...

По щеке Блунта бежала кровь из пореза.

В темноте послышались еще человеческие голоса и шаги. Блунт резко повернулся в их сторону.

— Они идут за мной, — прошептал он.

— Заходи в купол, — сказал Кеннеди. — Быстро!

Блунт пошел было к куполу, но его опередили. В темноте вспыхнул мощный фонарь.

— Стоять! Не двигаться! — рявкнул чей-то голос.

— У них оружие, — прошептал Блунт.

— Я в этом не сомневаюсь, — ответил Кеннеди и повернул голову к куполу. — Трайор!

Ответа не было. По дорожке подбежали почти невидимые в темноте люди.

— Руки вверх! — скомандовали они, ткнув в обоих стволами пистолетов.

Кеннеди с Блунтом подняли руки. Их тут же быстро обыскали.

— Они чисты, — раздался голос.

— Трайор! — снова позвал Кеннеди.

— Заткнись! — И команду подкрепил удар кулака по губам. — Мистер Доук? Они здесь, сэр!

— Кеннеди у вас? — послышался из темноты голос Доука.

— Мы поймали его!

Кеннеди развернулся к тому, кто ударил его, и вложил в ответный удар весь сдерживаемый до сих пор гнев. Человек улетел в темноту.

— Трайор! — снова крикнул Кеннеди.

Опять никакого ответа. Лучи фонарей скрестились на нем и Блунте. Послышались щелчки пистолетных предохранителей.

— Стоять! Иначе мы пристрелим вас обоих!

Кеннеди замер. Блунт тоже не шевелился. Из темноты появился Доук.

— Я чуть было не совершил ошибку, — сказал Доук.

— Вот как? — ответил Кеннеди. — Значит, вы, наконец-то, подумали об этом?

— Я подумал об этом, — в тон ему продолжал Доук и повернулся к своим людям. — Проверьте, что там в доме.

В его голосе звучало подозрение. И страх. Кеннеди знал, о чем подумал Доук и что он понял. Машины, которые могут создать городской квартал, могут также создавать и оружие. И Доук страшно испугался этих машин. Но Трайор сказал, что никаких машин нет. И Трайор не ответил, когда Кеннеди звал его.

Человек вышел из купола.

— Там нет ничего, только кучка марсианских болванов, сидящих на корточках в углу, — сказал он высокомерным тоном, но тут же добавил: — Здесь происходит что-то непонятное. Посмотрите на это сами, мистер Доук.

Доук пошел в купол. Кеннеди последовал за ним. Доук вошел в помещение, а Кеннеди остался в дверном проеме.

Трайор и шесть марсиан сидели на корточках в углу. Они должны были слышать шум снаружи, звуки шагов Доука, но даже не повернулись. Посреди комнаты, словно шар, висела сфера синего тумана. Пока Кеннеди глядел на нее, туман стал сгущаться и темнеть прямо на глазах. Кеннеди почувствовал, как участился его пульс. Синий туман был такой же, как тот, на песке! И не было видно, откуда он появлялся. Казалось, он возникал прямо из пустоты. Что-то из ничего, подумал Кеннеди и понял, что сейчас он видит материальное воплощение собственных слов. «Нечто материальное появляется из недоступного нашим чувствах». Это и происходило прямо здесь и сейчас.

Синий туман уплотнился и стал шаром диаметров в фут.

— Что это за штука? — спросил Доук.

Марсиане не ответили. Их пристальные взгляды были сосредоточены на шаре и, казалось, ничто не способно отвлечь их. Шар поднялся еще на фут в воздух и был уже над головами сидящих на корточках марсиан.

Доук судорожно выхватил из кармана автоматический пистолет и трижды выстрелил в шар. В синем тумане вспыхнули три крошечные точки яркого света.

Доук посмотрел на шар, затем вокруг, пытаясь увидеть то место, где пули должны были войти в стену.

— Они вошли в шар, — медленно проговорил он. — Но не вышли наружу.

Казалось, он пытался понять, что происходит, но никак не мог уловить смысл увиденного. Медленно, почти незаметно шар начал перемещаться по направлению к нему.

— Держите эту штуку подальше от меня! — истерично закричал Доук.

Сидящие на корочках марсиане, казалось, не услышали его. Шар продолжал плыть в воздухе. Пистолет в руке Доука направился на Трайора.

— Я пристрелю тебя! — завопил Доук.

Шар метнулся к нему. Доук нажал на курок. Выстрелы в тихой комнате прозвучали, как гром. Пули попали в шар. Доук развернулся к двери.

Как разъяренный бык, он бросился из купола. Кеннеди едва успел убраться у него с дороги. Синий шар полетел вслед за Доуком и явно нагонял его. Доук успел сделать от купола лишь пару шагов, когда синий шар его настиг.

Доук закричал. Рев боли и страха вырвался из его горла, когда синий шар коснулся его, а затем Доук исчез.

Исчез так быстро, что человеческий глаз не мог уловить, куда он девался, исчез отсюда, возможно, перейдя в иное пространство, а может, просто превратившись из материального объекта в нечто, неуловимое человеком.

Кеннеди показалось, что он заметил, как по всему телу Доука вспыхнули сверкающие точки. Это было все равно как тонущая лягушка, отчаянно высовывая голову из воды, сделала последний глоток воздуха и навечно погрузилась под воду. Лягушки не стало. И Доук исчез. Больше перед дверями купола Трайора не было ничего, кроме шара синего тумана.

— Ах! — выдохнул один из людей Доука.

Затем они помчались, как сумасшедшие, и все время оглядывались на бегу, чтобы посмотреть, не гонится ли за ними шар. Но шар остался висеть перед дверным проемом. Шаги бегущих растворились в тиши марсианской ночи.

— Заходи, — шепнул Трайор Кеннеди. — Входи, друг.

Кеннеди вошел в купол. Шар плыл в воздухе перед ним и снова занял позицию чуть выше круга сидящих на корточках марсиан.

— Трайор? — хрипло проговорил Кеннеди.

— Ничего не говори, — ответил Трайор. — Просто слушай.

Лица марсиан стали сосредоточенными, семь пар глаз уставились на шар. В комнате настала тишина, которая становилась все глубже и глубже. И вдруг в этой тишине раздался щелчок отпирающейся двери.

— Что это? — прошептал Кеннеди.

Где-то заплакал ребенок. Его пытался успокоить мужчина, сквозь рыдания слышались его слова:

— Где этот человек?

— Был здесь минуту назад, — ответил детский голос. — А вы полицейский?

— Я — полицейский, — сказал мужчина.

Из горла Кеннеди вырвался дикий вопль:

— Джоан... Джоанни... Я здесь, Джоан! Джоан, с тобой все в порядке?

— Папа! — раздался радостный голос девочки. — Все нормально, папа! Где ты? Я слышу тебя, но не могу увидеть!

И снова раздался мужской голос:

— Ну-ну, девочка. Твоего папы здесь нет. Он на Марсе. Но я здесь, и все будет в порядке. Ни о чем не волнуйся. Я позабочусь о тебе.

Это был грубый, но успокаивающий голос, доброжелательный, хотя и изумленный.

— Но папа здесь, — запротестовала девочка. — Я же слышала его. Папа!

— Иди с полицейским, Джоанни, — как можно мягче сказал Кеннеди. — Иди с полицейским. Я прилечу с ближайшим кораблем. А сейчас просто иди с ним.

— Что это, черт побери? — изумленно выкрикнул полицейский. — Кто вы? Где вы находитесь?

Синий шар исчез. Канул в небытие, уплыл в никуда. И голос полицейского смолк. Сидящие на корточках марсиане расслабились. Их лица перестали быть сосредоточенными. Тайор улыбнулся.

— Это была моя девочка, — прошептал Кеннеди. — Я слышал ее.

Трайор махнул рукой туда, где только что был синий туман.

— Через это мы можем дотянуться до любой точки пространства, — сказал он.

— Я так и знал, что у вас где-то есть машины, — вздохнул Кеннеди.

Он понятия не имел, как эта севшая на корточки группа марсиан связалась с теми, кто управлял машинами, или как они перевели свои желания в конкретные действия напрямую через пространство. Но теперь это было не так уж важно. Потом он сможет научиться этому сам.

Трайор покачал головой.

— Нет никаких машин, — улыбаясь, сказал он. — Это здесь. — Он дотронулся до лба и попытался подобрать нужные слова. — То, чего у вас еще нет... Фрагмент ткани... лепесток... — Его слова неуверенно падали в тишину. — И вот через этот лепесток мы дотягиваемся до предметов... и изменяем их, как надо... Как это сказать?.. Как объяснить?..

Наступила полная тишина.

— Такая досада, — прошептал Кеннеди.

Какая-то мозговая ткань, какой-то отдел мозга — лепесток, как назвал его Трайор, — и был их универсальной машиной. Не было ни вращающихся генераторов, ни рычащих атомных механизмов. Ни колес, ни винтиков, ни рычагов. Только прямое управление движениями атомов для решения проблем. Силой мысли...

— Но как вы развили эту способность? — спросил Кеннеди.

Трайор знал на это ответ. Он попытался объяснить. Давным-давно перестали образовываться облака и наполнять водохранилища дождевой водой, и зеленеющие поля превратились в безжизненную пустыню, а марсиане оказались под угрозой смерти и полного вымирания, вот тогда появился мутант с дополнительным отделом-лепестком мозга.

— Мы — его сыновья, — улыбаясь, сказал Трайор.

Снаружи была яркозвездная марсианская ночь. Кеннеди глядел в небо и пытался обдумать то, что узнал. С помощью дополнительного отдела мозга марсиане открыли тайну Рая.

Эту тайну род человеческий едва ли когда-нибудь сумеет изучить, и уж тем более почти наверняка не сможет повторить. Уродство, насмешка природы, мутация. И вероятность, что природа когда-нибудь продублирует эту мутацию, была как единица к десяти в десятимиллионной степени.

На мгновение Кеннеди стало грустно, но тут же печаль его прошла.

Он распрямил плечи. У каждой расы своя судьба. И то, что марсиане получили как дар богов, люди должны будут создать своими мозолистыми руками.

Это ему, как и всему Человечеству, неустанно звучали боевые трубы, призывая на ратные, а главное, трудовые подвиги.

КОГДА НАЧИНАЮТСЯ НЕПРИЯТНОСТИ

I

Чтобы прожить на Марсе целых пять лет и остаться в живых, у вас должно быть чутье на неприятности. Вам необходимо уметь улавливать их запах до того, как они произойдут, чуять его отголоски в сухом ветре, вечно дующем в красных пустынях, замечать в шевелящихся закатных тенях. Иначе вам не выжить на Марсе даже пяти месяцев, неговоря уж о пяти годах. Или пяти дней, если вы окажетесь в неправильном месте.

Бойд Ларкин прожил на Марсе целых семь лет, в самом неправильном из всех неправильных мест на красной планете, в городе Судэл. Никакой другой земной торговец не рискнул бы даже появиться здесь. Учитывая особенности марсианской таможни, немногие из торговцев вообще прилетали на Марс.

Город Судэл был известен по нескольким причинам. В каком-то смысле это был священный город Марса. Здесь было найдено несколько последних давнишних научных открытий, которые когда-то сделала эта раса и о которых забыла за последние века тяжелой борьбы за жизнь. Здесь был также правитель но имени Мэловер, который, с точки зрения марсианских законов и обычаев, являлся ужасным деспотом. Одной лишь репутации этого Мэловера было достаточно, чтобы большинство торговцев держались подальше от Судэла.

Одного этого было достаточно, чтобы привести сюда Бойда Ларкина.

Он стоял у задней двери своего магазинчика — когда-то это было крыло храма — на закате дня, ощущая в себе какое-то

смутное беспокойство, предчувствие неприятностей. Взгляд его пробежался по городу в поисках того, что пробудило в нем это беспокойство. Остроконечные крыши зданий мирно сияли в лучах заходящего солнца. Ларкину всегда казалось странным, что в этом мире без дождей строили остроконечные крыши, но он понимал, что эти крыши — реликвии давно ушедших столетий, когда на Марсе в изобилии лили дожди.

За городом тянулась пустыня с сетью каналов и скудными зелеными участками, вызывающими жалость, потому что теперь, насколько мог видеть глаз, обрабатывалось лишь несколько крохотных участков.

Пустыня распространялась не в результате отсутствия воды или истощения почвы. Почва по-прежнему была способна выращивать пышную растительность. Но само зерно, хотя и прорастало, но было уже неспособным давать урожай, а в самых лучших почвах Марса были практически исчерпаны полезные ископаемые.

Без полезных же ископаемых зерно не могло созревать.

Ветерок, дующий из красной пустыни, был тихим и мирным, без малейших признаков опасности. В пустыне не завывали дьявольские собаки и не скрежетали крылья орды саранчи, летящей, чтобы сожрать и без того скудный урожай.

Но тогда где был источник опасности?

Мэловер начал в нем сомневаться? Он раздумывал, какую бы проверку устроить в следующий раз? При мысли об этом торговец вздрогнул, словно ветерок из пустыни внезапно принес пронзительный холод. Нет, едва ли это могло быть источником неприятностей, приближение которых он ощущал. Ларкин не был телепатом, он не мог ни читать мысли марсиан, ни передавать им свои.

Но что же послужило источником неприятностей? В чем они заключаются?

Из магазинчика раздался тихий голос, позвавший его:

— Мотан Ларкин, я пришел.

В дверях появился марсианин. Он был высок и строен, с большой грудной клеткой и кожей цвета старой меди. У него было тонко вычерченное лицо, лицо мечтателя и эстета. В одной руке он держал драгоценный камень,

один из неотшлифованных марсианских опалов. Ларкин сразу оценил, что на земле этот опал будет стоить примерно семьдесят долларов.

В другой руке марсианин держал список товаров, неуверенно вертя его длинными, нервными пальцами.

— Да, Сикин? — спросил Ларкин.

Марсианин улыбнулся и положил список на прилавок.

— Мне лично они не нужны, но моя земля подготовлена и вспахана, и если у меня будут эти полезные ископаемые, то я смогу вырастить больше, чем нужно мне для еды. И тогда я смогу отдать излишки, чтобы получить взамен то, чего мне не хватает.

Голос его был такой же мягкий, как бриз, в нем не прозвучало ни малейшей требовательной нотки, но в глазах стояла мольба.

Ларкин взял список. Быстро переведя его с марсианского, он понял, что Сикину нужно примерно по пять граммов порошка кобальта, меди, бора, марганца и чуточку железа, цинка и калия. Фосфор тоже был в списке, и даже совсем чуток микроэлементов.

Торговец быстро пошел в свои закрома и начал выполнять заказ, бросая в специальный смеситель указанные в списке вещества. Потом упаковал смесь в мешочек. Опытный глаз подсказал ему, что стоимость этих веществ здесь, на Марсе, была приблизительно двести долларов.

Глаза марсианина уставились на мешочек, когда Ларкин положил его на прилавок. В его глазах была страсть, почти такая же, как страсть к самой жизни. Но также была и неуверенность. Он стал крутить в руках опал.

— Это все, что мы имеем, — пробормотал он.

— Все должно быть уравновешено, не так ли? — усмехнулся Ларкин. — Этот камень стоит ровно столько же, сколько заказанные товары.

Лицо марсианина вспыхнуло.

— Так вы берете его?

— Конечно.

— Но...

— Берите товар и дайте мне опал. Это справедливый обмен.

Лицо Сикина засияло, словно восходящее солнце. Он прижал мешочек к своей груди.

— Спасибо, друг мой. Я это запомню.

На его языке «спасибо» было рядовым словом, но сияющее лицо показывало, что марсианин испытывает гораздо большую благодарность, а это для Ларкина было куда важнее.

Ларкин почувствовал, что свет, засиявший на лице марсианина, проник в его душу. Полезными ископаемыми, которые он отдал практически даром, будет удобрен небольшой орошаемый участок, в течение столетий обрабатываемый с заботой и тщанием. Полученное зерно съест Сикин с семьей, и в них по-новому забурлит жизнь, когда голодные ткани организмов используют земные элементы вплоть до последней молекулы. И часть урожая Сикин отдаст другим. Это особенно понравилось Ларкину.

Чувствуя в душе теплый свет, Ларкин снова пошел к задней двери магазинчика. Там он набил трубку и довольно долго курил, высокий, угловатый землянин, улетевший с родной планеты по причинам, которые он считал достаточно вескими. Не считая двух статей, написанных для научных журналов, в которых шла речь о проблемах поставки полезных ископаемых на Марс и громадном спросе этих минеральных удобрениях, он уже семь лет не имел контактов с Землей. И при этом совсем не ждал, что когда-нибудь снова увидит Землю или встретится с землянами, кроме как, возможно, с редкими бродячими торговцами, такими, как он сам. И в душе Бойда Ларкина вновь воцарилось спокойствие.

Но в воздухе витали неприятности.

Его уши уловили далекий гул ракетных двигателей.

Ларкин почувствовал, как участился его пульс. Корабль шел на посадку.

И теперь он понял, где кроется источник надвигающихся неприятностей. Очевидно, он услышал гул ракетных двигателей задолго до этого, на подсознательном уровне. От этих звуков у него и возникло тревожное ощущение.

Прилетел корабль, а на нем люди, земляне.

А везде, куда прилетали люди, случались неприятности.

II

Глупцы, подумал он. Что им здесь надо?

Он смотрел, как судно на струях огня опускается неподалеку от города, но не отправился к нему. У него не было желания встречаться с землянами. Все равно они приедут к нему утром, потому что он был единственным человеком в марсианском городе. Но Ларкин не собирался их ждать. Поутру он направится в какое-нибудь отдаленное поселение, где всегда есть потребность в полезных ископаемых. И несколько дней будет торговать там.

Он сидел на стуле возле магазинчика, решая, в какую именно из марсианских деревень направится утром, когда увидел, как в сумерках к нему идут три человека. Удивленный, он встал. Они не стали дожидаться утра, а пошли к нему на ночь глядя.

Три космонавта, три крупных мужика, головорезы и насильники, направлялись к нему. Никакой марсианин не вел их, они, казалось, сами знали, куда идти. И шли они именно к нему. Когда они подошли, Ларкин заметил у них пистолеты «келли», опасное оружие, выпускающее струю разрывных пуль, как воду из шланга. Вид пистолетов поразил его. Он уж забыл, что существует такое оружие и что люди используют его.

Когда мужчины приблизились, Ларкин услышал их голоса. Резкие, злые голоса, язык, состоящий почти из одних согласных. Ларкин также забыл, как звучит земной язык. Язык, на котором говорили марсиане, был с мягкими гласными звуками, нежные слова были такими легкими, что, казалось, порхали в воздухе.

— Вот он, — увидели Ларкина пришедшие и двинулись прямиком к нему.

Ларкин поднялся им навстречу. Он поздоровался с ними вежливо, как и полагается джентльмену, даже если они пришли его убивать.

— Вы... Это вы Ларкин?

— Да, — сказал он, протягивая им руку. — Господа, для меня большая честь встретить вас здесь. Почему бы вам не войти? — И он показал рукой на крыло храма, служившее магазинчиком.

— Нет, — получил он резкий ответ без малейших намеков на вежливость. — Мы прилетели за вами. Идемте с нами.

— Прилетели за мной?

— Да, вас хочет увидеть босс. Мистер Докер.

— Я не уверен, что знаю мистера Докера. Что ему нужно?

— Увидеть вас. Пошли.

Ларкин пошел впереди своих сопровождающих к кораблю, стоявшему на городской окраине. Ни один марсианин даже не подумал вмешаться. Ни один марсианин вообще не показывался на улице. Но Ларкин не сомневался, что марсиане наблюдают за ним из окон зданий, мимо которых они проходили, но никто не приложил ни малейших усилий, чтобы спросить, что происходит.

Да и что они могли бы сделать, даже если бы захотели помочь? Насколько он знал, из оружия у них были только ножи.

А что могут ножи против пистолетов «келли»? И почему марсиане должны помогать ему, чужаку?

Докер оказался крупным человеком с красным лицом, которое то и дело заливала багровая краска гнева. У него были толстые губы, энергичные губы жадного человека. И неважно, вкус чего ощущали эти губы, они все равно хотели еще больше. И глаза его были под стать губам. Это был человек, который хотел обнести всю планету железной оградой. А еще лучше, всю Солнечную систему, и повесить на ограде таблички: «ДЕРЖИТЕСЬ ПОДАЛЬШЕ. ЭТО ВСЕ МОЕ». Он поднял взгляд, когда Ларкин вошел в каюту, и вопросительно посмотрел на сопровождавших его людей.

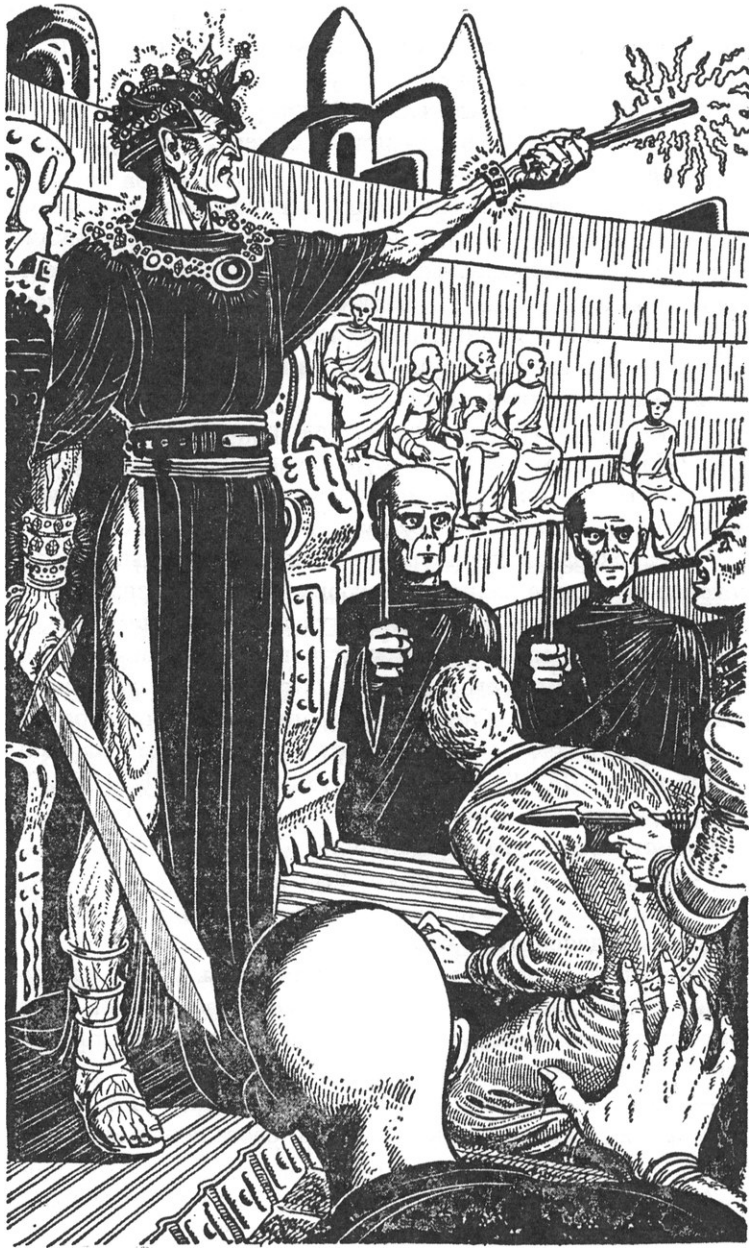
— Он чист, — сказал один из космонавтов.

— Хорошо, можете идти. Садитесь, Ларкин, — сказал Докер, возвращаясь к бумагам на столе.

Ларкин сел. Больше ничего не оставалось делать. Он понимал, насколько сомнительно здесь его положение. Докер закончил с бумагами и выпрямился. Взгляд у него стал уверенным и высокомерным.

— Ларкин, мы занимаемся распределением всех минеральных ресурсов, используемых для обогащения марсианской почвы.

Ларкин был шокирован, но постарался оставаться спокойным, хотя кулаки его сжались сами собой.

— По какому праву? — мрачно спросил он.

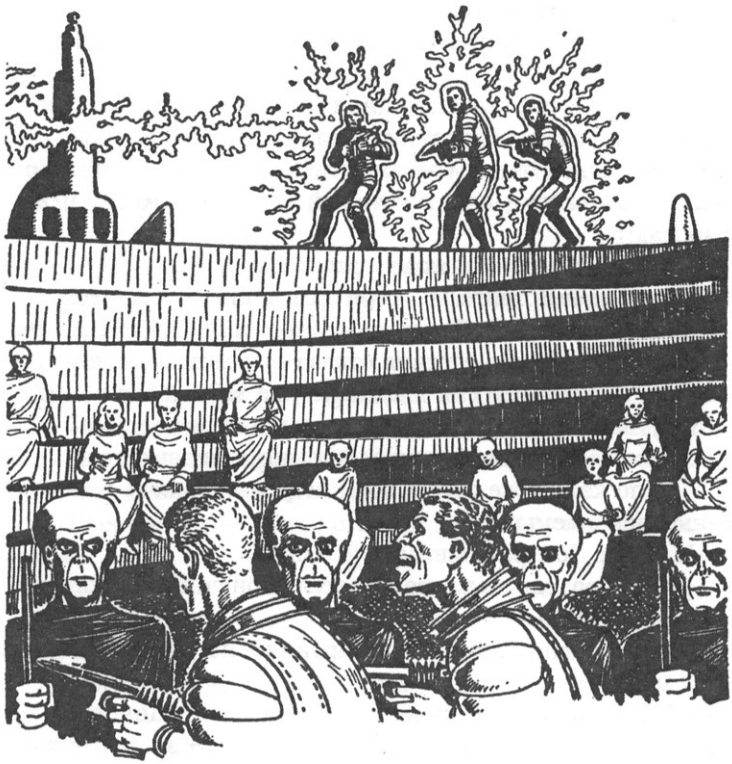
— Праву? — Докер на мгновение даже растерялся. — Ну, Рой говорил... — Он тут же оборвал себя, его удивление превратилось в гнев, красными пятнами проявившийся на лице. — По нашему праву! — Он треснул кулаком по столу.

— Значит, у вас нет санкции марсианского правительства?

— Какое может быть правительство на Марсе? — рявкнул Докер. — Планета раздроблена на сотни разных племен, которые не знают даже значения слова «правительство».

— Мне это известно, — кивнул Ларкин.

Докер говорил правду, хотя бы частично. На красной планете действительно не было никакого правительства. Но все же была в некотором роде центральная власть. Она сосредоточилась здесь, в городе Судэл, в образе человека по

имени Мэловер. Ларкин не притворялся, будто понимает эту систему, но он знал, что разбросанные по пустыням племена до известной степени подчиняются приказам Мэловера. Приказам Мэловера и марсианским законам и обычаям.

— А как быть с правительством Земли? — спросил Ларкин.

— Земное правительство может отправляться ко всем чертям, — ответил Докер. — Оно вообще не контролирует Марс. Зачем вы задаете такие вопросы? Я же сказал вам, что мы занимаемся распределением минеральных удобрений на этой планете. Это достаточно для вас или любого другого. — И он опять стукнул кулаком по столу.

Ларкин посмотрел на его кулак и промолчал. Кулак не произвел на него никакого впечатления, в отличие от ситуации в целом. Ему хотелось задать еще один вопрос, но Ларкин боялся, что уже знает ответ. Он даже начал произносить его, но резко сменил тему.

— Откуда вы знаете, что марсиане станут покупать у вас что-нибудь?

— У вас же они покупают, не так ли? Они торгуют с вами в течение семи лет. Будут торговать и с нами.

Он выглядел очень уверенным, как человек, у которого уже разработаны планы и который убежден, что эти планы сработают.

— Угу, — буркнул Ларкин и заткнулся.

Марсиане действительно торговали с ним, но платили так, как не понравилось бы Докеру и его людям. Ларкин попытался представить себе последствия отказа от условий марсиан, но воображение подвело его. Марсиане уже забыли очень многое из того, чего люди еще не знали. Ларкин снова подумал о вопросе, который крутился у него на языке, и вновь отложил его.

— И по каким же ценам вы намерены сбывать ваши полезные ископаемые?

На улице Докера появилась усмешка.

— По справедливым, разумеется. Конечно, мы ожидаем получать прибыль.

— Но предположим, что марсиане не смогут платить вашу цену?

— Тогда пошли они к чертям! — фыркнул Докер. — Мы собираемся везти ископаемые на Марс не за тем, чтобы

раздавать их даром. Они нам заплатят. Заплатят, иначе им нечего будет жрать.

И Докер поджал губы. Ситуация, когда люди будут платить его цену или не будут есть, ему явно понравилась.

Ларкин помолчал. По-прежнему оставался вопрос, который ему не хотелось задавать.

— Кажется, вы решили все до мельчайших подробностей? — спросил он.

— Это точно, — кивнул Докер. — Рой гений в таких делах.

И Докер опять оборвал себя, словно это имя выскочило у него нечаянно. Рой? Одна мысль завертелась у Ларкина, но он выкинул ее из головы. Это было невозможно. Внутри у него все сжалось. Он оказался перед необходимостью все же задать вопрос, с которым так долго тянул.

— Почему вы обратились ко мне?

На лице Докера появилась гадкая улыбочка.

— Потому что вы единственный торговец, который сумел завоевать полное доверие марсиан.

— Понятно, — вздохнул Ларкин.

— Вот мы и решили вас использовать, — продолжал Докер. — Вы расскажете нам, как завоевали доверие марсиашек, и мы заключим с вами сделку. Мы даже заплатим вам. Любую разумную цену.

— Ага, — опять хмыкнул Ларкин и помолчал. — Но мне казалось, вы уже заявляли, что у марсиан не будет другого выбора, кроме как торговать с вами. Почему же вы все-таки нуждаетесь во мне?

Улыбочка Докера не потускнела ни на йоту.

— Мы предпочитаем идти наиболее легким путем и не причинять никому вреда. Вы знаете здешнюю жизнь, так что имеет смысл сотрудничать с вами.

— Выходит, я — именно такой легкий путь? — спросил Ларкин.

— Ну...

— Идите вы к черту, — Ларкин вскочил на ноги и направился к выходу.

Удивительно, но никто не стал его останавливать.

— Увидимся с вами утром, — сказал ему вдогонку Докер.

— Это не принесет вам пользы, — огрызнулся Ларкин.

Он вышел из корабля. Никто его не остановил, и Ларкин пошел по пустыне к городу.

Ему совершенно не нравилась данная ситуация, и меньше всего ему нравилось то, что Докер слишком уж много знал о нем.

Как это могло быть?

Никто на Земле не помнил его. Печальные мысли пришли ему на ум, вытесняя тлеющий гнев. Хорошо было бы иметь кого-то рядом с собой, кого-то, кто сражался бы с ним плечом к плечу. Он снова вспомнил имя Рой, но снова отринул его. Пусть мертвецы остаются мертвыми. Но Докер дважды произнес это имя. Что он имел в виду? Ларкин закряхтел и махнул рукой. Было нетрудно сообразить, что нужно делать. Если бы он принял предложение Докера и попытался выкачивать деньги из марсиан, то не было сомнений, что сделал бы старый Мэловер. Характер марсианского правителя — вождя, первосвященника (у Мэловера были все эти титулы) — был известен всем. Мэловер терпеть не мог, когда его народ обманывали.

Конечно, Мэловер не знал о предложении Докера, и Ларкин был этому рад. Ему не хотелось, чтобы Мэловер начал подозревать, что задумали прилетевшие на корабле люди.

Войдя в магазин, Ларкин замер в удивлении. В его мягком кресле сидел Мэловер.

Марсианский правитель был стар. Лишь боги Марса знали, какого возраста был Мэловер. Кожа его была морщинистой, а лицо застыло холодной маской, которая выглядела так, будто на ней никогда не появлялось улыбки. Марсианский правитель не носил никаких знаков своего положения, не считая металлического посоха, лежащего у него на коленях. Одет он был в простую тунику, похожую на тогу древних римлян, курил тонкую тростниковую трубку, единственную роскошь, которую позволял себе, и в комнате висел ароматный запах марсианского табака. Рядом с ним стоял один служитель, старейшина племени.

— Какая честь для меня, сир, — поклонился Ларкин.

Не было ничего необычного в том, что Мэловер решил его навестить. Правитель мог посетить любого, от самых богатых особняков до самых скромных лачуг.

— Проходите и садитесь, друг мой.

Голос марсианина был тих и ласков, как дуновение нежнейшего ветерка, но Ларкин знал, что этот ветерок может мгновенно превратиться с торнадо. Он сел. Мэловер молча протянул ему раскрытый мешочек с табаком. Ларкин молча принял его.

— Друг мой, сегодня возле города опустился корабль, — сказал Мэловер.

— Да, — кивнул Ларкин.

— Вы наверняка уже поговорили со своими соотечественниками.

Это было простое утверждение. У Ларкина внутри все сжалось, но он не сделал попытки возразить.

— Откуда вы узнали?

— У меня свои источники. Скажите мне, кто они: ученые, исследователи или торговцы? Или какие-то другие представители этих странных существ — людей?

— Они...

Ларкин заколебался. Сколько он осмелится открыть ему? У сидящего перед ним марсианина были пронзительные, проницательные глаза, существу с таким взглядом трудно солгать.

— Они хотят торговать.

— Ага, — хмыкнул Мэловер и долго молчал. — Друг мой, вы живете здесь, и я знаю вас уже семь лет. И все это время я рад был называть вас своим другом.

— Это великая честь для меня, — отозвался Ларкин. — Это были приятные семь лет.

Но почему его вдруг пробил пот? В комнате было прохладно, почти холодно, поскольку ночь уже наступила.

— Вы помогли многим из нас. Сегодня днем у вас был Сикин...

— Ничего особенного, — смущенно пробормотал Ларкин.

— Много раз вы делали то, что называете ничем особенным, — продолжал Мэловер. — Я просто хочу сообщить вам, что мне известно про такие случаи.

— Как мило с вашей стороны, что вы упомянули про них, — сказал Ларкин.

Ему не нравился этот разговор. Напоминающий спарринг, который, казалось, был ни о чем.

— И я хочу, чтобы вы знали, что в следующий раз эти дела не будут засчитаны вам, — сказал Мэловер.

Пот струился по спине Бойда Ларкина.

— Им дадут должную оценку, но они не поколеблют весы в вашу пользу против других возможных поступков.

Громадным усилием Ларкин подавил дрожь.

— Сир...

Мэлор поднялся пошел к выходу, но у двери обернулся.

— Я хочу продолжать считать вас своим другом, единственного из всех людей, которых я знал, я готов называть так. И я буду очень сожалеть, если потеряю своего друга-землянина.

— Сир...

— Но мое сожаление не остановит мою руку во время испытания!

Со следующим за ним по пятам старейшиной Мэловер растворился в марсианской ночи.

III

Мэловер ушел, оставив его чрезвычайно встревоженным. Ларкин знал, что Мэловер сказал именно то, что имел в виду. Его рука не дрогнет во время испытания. В любой момент храмовые колокола могли зазвонить, созывая народ к почти разрушенному амфитеатру, где проходили испытания. И снова холодок пробежал по спине Ларкина. Он уже много раз проходил испытания, но никогда у него не было никаких сомнений, что он выдержит их. Но теперь сомнения были.

Ларкин видел, что было с теми, кто потерпел неудачу. Бегущий по спине холодок перерос в дрожь. У этих марсиан были дьявольские обычаи.

И при таком выборе существовал единственный ответ.

Докер и его команда головорезов могли катиться ко всем чертям. Лучше бросить вызов Докеру, чем Мэловеру. Да и как люди могли что-то потребовать от него? Или могли? Насколько Ларкин знал, в городе не было оружия, достаточно мощного,

чтобы можно было оказать сопротивление команде единственного корабля, опустившегося рядом с городом. Марсиане повиновались Мэловеру в силу обычаев, а не потому, что Мэловер мог подкрепить свои приказы силой. Ларкин не видел, каким образом Мэловер мог бы заставить Докера пройти испытания. Одного торговца заставить можно. Но корабль, полный людей, вооруженных пистолетами «келли»...

Большую часть ночи Ларкин провел, обдумывая, что он скажет людям Докера, которые появятся утром.

Они появились рано утром. Та же троица, что и вчера и... Стоя в дверях магазина, Ларкин с растущим в груди ужасом уставился на четвертого человека. Его вид поразил Ларкина сильнее, чем мрачное предупреждение Мэловера насчет испытания.

Этот четвертый шел к нему впереди остальных. И в эту секунду Бойд Ларкин почувствовал себя очень старым. Что-то, что он оставил на Земле, оставил, потому что не мог ни управлять им, ни столкнуться с ним лицом к лицу, непрошенным явилось за ним сюда, на Марс. В эту секунду Ларкин дико пожалел, что не сбежал несколько часов назад, под прикрытием темноты, в какую-нибудь отдаленную деревню.

Но теперь бежать было слишком поздно. Теперь ему придется столкнуться с последствиями своих поступков.

Ларкин заставил себя шагнуть вперед и протянуть руку. На подсознательном уровне он почувствовал даже своего рода ликование, но сдержал его. Сейчас было не время для донкихотствующих устремлений.

— Рой!

Этот человек был его сыном.

Рой Ларкин с безразличным видом взял протянутую руку отца.

— Привет, — сказал он и отпустил руку.

С ужасной смесью воспоминаний Бойд Ларкин уставился на сына. Он помнил его в детском манеже, малыша с вьющимися волосами, отчаянно требующего игрушек. Он помнил его в средней школе, ребенка, который захотел стать лучшим в школе атлетом, и никак иначе. И в ответ на с трудом выговоренное «я-не-понимаю-черт-побери-что-с-тобой-происходит» получил усмешку, понятную ему даже тогда.

Между ними возникли отношения, с которыми не смогли бы управиться даже лучшие спецы по эмоциям. Рой Ларкин, казалось, стал змеем, с мрачными намерениями захватывать все, что захочет, посылая всех к чертям собачьим. И когда его отцу все же пришлось вмешаться, зная, к чему это приведет, результаты были катастрофическими.

Уши Ларкина все еще горели при воспоминании о том, как его обозвали. «Проклятый дурак! Некомпетентный осел! Идиот, который не может даже догадаться уйти из-под ливня!» Там было еще много других слов. И в конце этого монолога молодой человек ударил отца. Это произошло, когда ему исполнилось двадцать лет.

Бойд Ларкин улетел тогда на Марс, мрачный, озлобленный, разочарованный и расстроенный человек, убегающий от своих воспоминаний. И он надеялся, что больше не услышит о сыне.

Но сын добрался до него и на Марсе.

— Сразу хочу заявить, — сказал Рой Ларкин. — То, что ты мой старик, ничем тебе не поможет.

— Ты хочешь заявить? Я думал, что Докер...

— Докер работает на меня.

— Что?

— Ты же слышал. — Голос был сухим, просто излагающим факты. — Я слушал твой с ним разговор вчера вечером. Я хотел сперва оценить ситуацию. Конечно, мы позаботимся о тебе. Мы поставим тебя руководить здешним торговым пунктом.

— Но...

— Нет никаких «но». Я изучил потребности Марса в сельскохозяйственных минеральных добавках. Если все устроить, как надо, денег будет больше, чем с сорока печатных станков. И я прослежу, чтобы все было устроено, как надо. Ты еще наживешь здесь состояние, если будет руководствоваться здравым смыслом.

В голосе проскользнули обличительные нотки, словно отказ от состояния когда-то имел место и был тем, чего Рой Ларкин не мог ни понять, ни простить.

Бойд Ларкин почувствовал в груди жжение, которое сменило радость, вспыхнувшую в нем при виде этого человека. Он ничуть не изменился. Да и не мог измениться.

— Кажется, ты знаешь довольно много о Марсе.

— Я старался, — усмехнулся Рой Ларкин. — Я изучил этот вопрос. Несколько статеек, которые ты написал, подсказали мне идею, что умный человек может сорвать здесь куш. Разумеется, я и не думал, что ты такой человек...

— Могут возникнуть трудности, — сказал отец.

— Мы к ним подготовились. Видишь? — Рой Ларкин махнул рукой в сторону своих людей, намекая на пистолеты «келли», висевшие у них на поясах и в наплечных кобурах. — Если и это не поможет, у нас на корабле есть кое-что помощнее.

— Понятно, — ответил Бойд Ларкин.

К нему постепенно вернулось самообладание, но ситуация не становилась от этого лучше.

— Мы не ищем проблем, но подготовились к ним. Я думал, что ты окажешься достаточно большим дураком, чтобы послать нас ко всем чертям, если у тебя будет на это шанс. Так вот, я даю тебе этот шанс. Или ты присоединяешься к нам, или мы устраняем тебя... — Все его поведение говорило о том, что он готов в любой момент подтвердить свои слова действиями.

Ларкин молчал. Они действительно могли убить его или просто выгнать с этого места. Он не мог сопротивляться четырем вооруженным мужчинам.

— А что, если марсиане откажутся торговать с вами, когда вы начнете свое предприятие? — спокойно спросил он.

— Как же они могут отказаться? Им нужны минеральные добавки. Без них они останутся без жратвы.

— Они могут и поголодать, — сказал Бойд Ларкин.

— Что? — прищурился молодой человек. — Это глупо. Да это просто безумно. Ты не знаешь, о чем говоришь, черт побери. Ты просто тянешь время.

— Они странные люди, — сказал Бойд Ларкин, игнорируя слова сына. — Иногда они совершают безумства, хотя я подозреваю, что за этими так называемыми безумствами кроется такой здравый смысл, который может озадачить и нас, землян.

— Они торговали с тобой, — чуть-чуть неуверенно сказал Рой Ларкин. — Значит, станут торговать и с нами.

— Совсем не обязательно. Ты просто не знаешь, что у них существуют определенные испытания, и я прошел их.

— Испытания? Ну и что? Если ты смог их пройти, то сможем и мы. У тебя нет ничего, чего не было бы у нас.

При этих словах Бойд Ларкин невольно вздрогнул.

— Возможно. Но эти испытания не из легких.

И тут его ушей достиг новый звук, наполнивший город Судэл, звон храмовых колоколов. И вновь Бойда Ларкина пробрала сильная дрожь.

Сын уставился на него.

— Чего, черт побери, ты трясешься?

— Храмовые колокола...

— И что?

— Это вызов на испытания. Экстренный вызов. Вызывают нас.

Он заметил беспокойство, промелькнувшее по лицу его сына, но тот тут же пожал плечами.

— Если мы должны пройти какие-то испытания, чтобы наладить деловые отношения с этими идиотиками, то и прекрасно. Мы их пройдем.

— Надеюсь, — прошептал Бойд Ларкин.

К ним уже направлялись старейшины. Они несли длинные металлические посохи, такие же, как у Мэловера, которые были знаками их положения.

— Они идут, чтобы отвести нас к месту испытания, — сказал Бойд Ларкин.

Он расправил плечи. Старейшины вежливо поклонились и жестом велели следовать за ними.

Ни сыну, ни его людям не понравилась эта идея. Они не знали, что произойдет, и предпочли бы никуда не ходить. Но Ларкин пошел, а они не могли позволить ему увидеть их слабость. Кроме того, у них были пистолеты. Да и что может быть за опасность, с которой они не сумели бы справиться?

IV

Испытания проходили на громадном стадионе, который был древним уже тогда, когда человеческий род все еще жил в пещерах. Он был рассчитан на десятки тысяч зрителей,

когда-то их столько и было, но теперь все население Судэла и его окрестностей едва заполнило нижние ряды. Глядя на пустыню, где местами торчали клочки растительности, было понятно, почему стадион не мог быть заполнен больше.

Марсиане уже заполняли передние ряды, когда на верхнем краю гигантской чаши появились люди.

— Что, черт побери, здесь происходит? — требовательно спросил Рой Ларкин. — Мне это не нравится.

— У тебя же есть пистолет «келли», так чего ты боишься? — спросил в ответ Бойд Ларкин.

— Я не боюсь, — сердито отрезал молодой человек. — К тому же, они не вооружены, не считая грязных металлических палок. Черт, мы их не боимся. Просто я не знаю, что тут будет.

— Узнаешь, — ответил Бойд Ларкин.

В центре амфитеатра был высокий каменный алтарь. В сухой атмосфере Марса красные пятна с него никогда не смывались. Сразу за алтарем было кресло. И в кресле уже сидел Мэловер. Вокруг алтаря стояла двойная шеренга старейшин. Другие старейшины, точно живые статуи, окружали правителя.

Чуть неуверенным шагом Бойд Ларкин начал спускаться по ступеням громадного стадиона. По дороге он подумал о том, сколько марсиан прошли этим путем за минувшие столетия. Должно быть, бесчисленные миллионы. Он лично видел, что большинство жителей Судэла проходили этой дорогой. И сам он прошел здесь по прибытии на Марс. Он до сих пор не совсем осознал, что могло произойти тогда, ему причинили боль, пронзившую душу до самых глубин, и ему было неважно, что происходит вокруг. Он прошел испытание, и тогда, и позже. Но вот теперь...

Ночное предупреждение Мэловера все еще звучало в его ушах.

— Мое сожаление не остановит мою руку во время испытания.

— Куда мы, черт побери, идем? — спросил Рой Ларкин, когда они дошли до конца лестницы. — Все это походит на римский цирк.

— Следуйте за мной, — ответил торговец.

Шаги его были тверды, когда он проходил между рядами старейшин. Он знал их всех, он продавал минеральные

добавки большинству из них. Теперь же их лица были как каменные. Казалось, они вообще не видели его. В этот момент он был среди них незнакомцем, чужаком, которого они вовсе не знали. Он подошел к алтарю и встал перед Мэловером.

Лицо сидящего на троне позади алтаря марсианского правителя было еще более жестокой маской, нежели лица старейшин. Сейчас он надел все свои регалии — украшенную драгоценными камнями корону и висящую на шее диадему, тоже из драгоценных камней. Корона или диадема стоили бы на Земле целое состояние. Ларкин услышал, как идущие за ним люди тяжело задышали при виде этих драгоценностей. Он знал, что они подумали: одна бы очередь из пистолета «келли» — и это состояние стало бы их собственностью.

Глаза Мэловера остановились на Бойде Ларкине.

— Вы готовы к испытанию?

— Готов, сир. Но почему я должен пройти испытание сейчас?

— Любой человек может быть вызван на испытание в любое время, если от такового испытания, по моему мнению, зависит благополучие народа.

— И на чем основано ваше решение?

— Опять-таки на благосостоянии народа, — ответил Мэловер.

— Я имею в виду — какие мои поступки будут оценивать здесь?

Лицо Мэловера стало еще холоднее, чем прежде.

— Может быть, не те, что вы уже сделали, а те, которые еще можете совершить.

— Но вы не можете испытывать меня для чего-то, что я еще не совершил. Вы же не можете видеть будущее! — заспорил Ларкин.

— Возможно, испытывая вас, я могу создавать будущее, — ответил Мэловер. — Но хватит болтовни. На колени!

Ларкин знал, что у него нет выбора. Он опустился на колени перед алтарем. Краешком глаза он видел, как один из старейшин взял у Мэловера его посох, а вместо этого вручил ему меч. Ларкин знал, что клинок меча острее бритвы. Даже если им провести, не надавливая, он легко бы прорезал плоть и кости.

Ларкин закрыл глаза. Он почувствовал, что его берут за плечо, обернулся и встретился с полными ярости и испуга глазами сына.

— Что здесь происходит, черт побери?!

— Испытание, — объяснил Ларкин. — Вы должны пройти это испытание, прежде чем сможете торговать с населением Судэла.

— Но что он собирается делать? — спросил младший Ларкин, обернувшись к вставшему в полный рост Мэловеру.

— Не знаю. То, что он выберет.

— Но все вы ведете себя так, будто он может снести вам голову!

— Снесет, если он выберет это.

— Но это безумие! — взорвался Рой Ларкин.

— Для нас — да. Для марсиан — нет. Это способ, которым они испытывают преданность людей обществу. Во время ежегодного испытания все жители города проходят один за другим перед Мэловером.

— И он отрезает головы тем, кто ему не понравится! — в голосе Роя Ларкина звучал неприкрытый ужас.

— Не думаю, что здесь играют роль какие-либо его симпатии или антипатии, — пояснил торговец. — Он действует во благо всего народа, а не на свою личную пользу. И он рубит головы, которые выбирает. Я сам видел, что как-то раз он отрубил в течение часа дюжину голов.

Пот выступил на лбу у Ларкина, когда он вспомнил этот случай.

— А, дьявол, не можем же мы довести это испытание до конца! Мы же не марсиане.

— Мы собираемся вступить с ними в деловые отношения. Таким способом они проверяют, могут ли иметь с нами дела. Таковы здешние правила.

— Но мы не должны подчиняться им! — прорычал его сын.

— О чем вы беседуете? — спросил Мэловер по-марсиански.

— Я объясняю сыну, что здесь происходит, — ответил Ларкин.

— Вашему сыну? — что-то похожее на удивление появилось на холодном, морщинистом лице. — Этот человек — ваш сын?

— Да, — сказал Ларкин.

В его голосе не звучало ни извинений, ни попытки объясниться. Только констатация факта, что если Ларкин проклял сына, то проклял навсегда. И этот подтекст он попытался донести до марсианского правителя.

Мэловер, казалось, легко понял его подтекст. На секунду глаза марсианина встретились с глазами младшего Ларкина, словно взвешивали и проверяли его. Лицо Мэловера снова стало холодным, даже холоднее прежнего, словно он проник вглубь души человека и не нашел даже в самых ее глубинах ничего симпатичного. Затем его взгляд вернулся к торговцу.

— Продолжим испытание, — сказал он.

— Я готов, — ответил Ларкин, подойдя к алтарю.

— Эй, минутку! — воскликнул сын, хватая его за руку.

Ларкин резко выдернул руку.

— Ты идиот! — яростно воскликнул он. — Ты что, не знал, с чем столкнешься здесь? Или ты пройдешь испытание, или никогда не станешь заниматься бизнесом на Марсе!

— Ладно, старый дурак! — в голосе сына тоже прозвучала ярость. — Иди, и пусть тебе отрубят твою глупую голову. А о своей я сам позабочусь!

— Я и не предполагал, что ты станешь заботиться о моей, — ответил Ларкин и опустил голову на алтарь.

Мэловер поднял длинный меч.

Собравшиеся на большом стадионе марсиане замерли и, казалось, прекратили дышать.

Тишина наступила, тяжелая, точно покров седого тумана.

И в этот безмолвный миг Бойду Ларкину показалось, будто остановилось само время.Что будет делать Мэловер?

Ларкин не знал и не понимал, на чем основывается правитель, когда решает, наносить удар или нет.

Но какое значение имело его знание или незнание сейчас, в тот момент, когда могла закончиться его жизнь?

Тишину вдруг прорезал один резкий крик. Ларкин открыл глаза и увидел, что Мэловер остановил движение меча.

Тогда он осторожно повернул голову в ту сторону, откуда донесся крик.

Между рядами старейшин бежал марсианин.

Сикин!

Добежав до алтаря, Сикин склонился перед Мэловером. Он даже не взглянул на человека. Он смотрел на Мэловера.

— Я требую привилегию занять его место, сир, — сказал Сикин. — Согласно древнему закону об испытании я занимаю его место.

Ларкин пораженно заморгал, чувствуя, как по всему телу прошла волна жара. Он никогда такого не видел и даже не знал, что подобное возможно, и поэтому был несказанно поражен.

Поражен был, казалось, и Мэловер. Тишина на большом стадионе стала такой тяжелой, словно тысячи марсиан затаили дыхание от удивления и страха.

Но после первой вспышки удивления лицо Мэловера вновь стало холодным.

— Вы принимаете судьбу этого человека, как свою собственную, независимо от того, каким может быть мое решение? — спросил марсианский правитель.

По коричневому лицу Сикина поползли белые пятна. Он знал, что может случиться, отлично знал это. Но поклон его был решителен и неустрашим.

— Вчера он отдал мне ценный товар в обмен на бесполезный камень. Таким образом, он подарил жизнь мне и моей семье. Он дал мне больше, чем было нужно, чтобы я смог вырастить урожай для кого-то еще. Таким образом, он последовал самому высшему принципу нашего закона. Сир, — Сикин низко поклонился, — независимо ни от чего, я принимаю его судьбу.

Слова были простые. Мягкие слитные звуки едва поколебали тихий воздух. Но какая же в них была значимость!

По толпе прокатился вздох, словно марсиане только что узрели чудо. Впервые с тех пор как он прилетел на Марс, Бойд Ларкин увидел, как на холодном, жестоком лице Мэловера появилась настоящая улыбка. Улыбка эта была почти что благословением.

Но это благословение было разрушено сухим треском.

Бррр-р-р, бррр-р, бррр-р!

Звук выстрелов пистолетов «келли».

V

Старейшина, стоявший возле Мэловера, схватился за горло и тут же упал, а из отверстие в его шее струей забила кровь. Ларкин изумленно огляделся.

По лестнице стадиона спускалась группа людей с корабля. Их возглавлял Докер, и они стреляли без разбора из пистолетов в толпу марсиан.

Стоял непрерывный треск, а потом взорвались ракеты, наполнив арену яростным ревом.

— Нет! — закричал Ларкин.

Это было резней беспомощных существ. Марсиане были безоружными, неспособными защищаться. И они ни в чем не были виноваты.

— Остановитесь! — голос Мэловера громом прокатился по арене.

Он говорил по-марсиански, но всем все стало понятно. Бросив меч, он схватил металлический посох, знак своего отличия, и поднял его вертикально вверх. В этот момент он походил на местного бога, призывающего гром и молнии.

Сверху пришел ответ в виде пули, просвистевшей в нескольких дюймах от головы Мэловера и взорвавшейся где-то позади.

— В последний раз велю: остановитесь!

Еще одна пуля просвистела в воздухе.

Тогда Мэловер стал действовать.

Ларкин так и не понял, что произошло, просто из наконечника посоха, который держал Мэловер, ударила ослепительная стрела молнии. Наверное, это была не молния, не электроразряд и вообще не одна из знакомых земным ученым энергий.

Увидев вспышку, Ларкин ожидал, что сейчас молния пролетит через толпу, сжигая всех и оставляя за собой куски обугленной, корчащейся плоти, которые лишь секунду назад были живыми людьми.

Но ничего такого не произошло. Ослепительная молния пролетела мимо людей, образовав вокруг каждого нечто вроде пленки. За долю секунды каждый из нападающих был заключен словно в прозрачный кокон, похожий на лед, который сделал их беспомощными. В руках у них

осталось оружие, но и пистолеты тоже были покрыты этой пленкой.

Стрельба прекратилось. Или оружие не могло стрелять из-за коконов, или люди, держащие пистолеты, не могли шевельнуть указательным пальцем, чтобы нажать спусковой крючок. Они стояли, как застывшие в движении статуи, наверху стадиона, на самом последнем и самом высоком ряду над ареной.

Ларкин услышал гневные вопли, которые тут же смолкли.

Обернувшись, он увидел, что сын и его люди заключены в такие же коконы. Он увидел, что глаза сына были выпучены от ужаса, а горло напряглось в попытке закричать. Но ни малейшего звука не вырывалось из него.

Такая пытка, должно быть, была самой ужасной для Роя Ларкина. Стать беспомощным, несмотря на свою силу, неспособным даже кричать, а вынужденным просто стоять и ждать последствий собственных действий, которые не замедлят обрушиться на его голову.

Мэловер и старейшины не были беззащитны. Металлические посохи были созданы той наукой, о которой давно уже позабыли, наукой древнего Марса, которой они редко пользовались, потому что в этом почти не было нужды.

Мэловер с лицом бога грома держал посох вертикально и управлял тем, что происходило дальше.

Стадион был заполнен криками раненых и умирающих марсиан. Их друзья бежали помочь раненым, и ропот голосов становился все громче. Старейшины принялись действовать. Некоторые направились помогать раненым. Другие побежали к Докеру и его людям на верхнем ряду громадного стадиона и на руках унесли их вниз, потому что сами они, окутанные коконами, не могли шевельнуться.

Их принесли и поставили перед Мэловером.

Лицо марсианина казалось лицом бога, объятого гневом. Он указал рукой на Докера. Марсиане схватили его и бросили на алтарь лицом вниз. Мэловер передал посох ближайшему старейшине и взял меч.

Намерения марсианина были ясны. Он поднял меч и с силой опустил его. В эту секунду старейшина чуть шевельнул посохом, и прозрачная пленка исчезла.

Докеру еще хватило времени закричать, но крик тут же прервался. Его голова покатилась по камням, струей ударила кровь.

По толпе прокатился стон.

Ларкин потрясенно глядел на все это. Он уже видел, как здесь катились головы марсиан, но теперь все было иначе. Здесь вершилось марсианское правосудие, быстрое, уверенное, неотвратимое.

Мэловер взмахнул рукой. Старейшины схватили одного из людей Докера и понесли к алтарю. Ларкин видел, как напрягаются мышцы этого человека, но ничего не могут сделать с окутывающим его коконом.

Солнечный свет блеснул на кровавом лезвии меча.

И опять по толпе пробежал стон.

Мэловер указал мечом на Роя Ларкина. Старейшины схватили его, подняли и понесли к алтарю.

Вознесся вверх меч.

— НЕТ! — невольно вырвался у торговца крик, и он прыгнул вперед. — НЕТ!

Мэловер посмотрел на него, не опуская меч, и выглядел слегка грустным.

— Я знаю, что это твой сын, друг мой, но он приехал сюда обманывать и грабить. А люди по его приказу начали убивать.

— Но...

— Законы моего народа просты и понятны, — продолжал Мэловер. — Во время испытания рука моя не дрогнет даже ради дружбы.

— Но... — все еще пытался возразить Ларкин, хотя уже понял, что Мэловер связан долгом, который превыше дружбы.

— Мне очень жаль, — тихо сказал Мэловер.

По тону его голоса и выражению лица было видно, что ему действительно жаль. Но так же по ним было понятно, что он без колебаний нанесет смертельный удар.

Бойд Ларкин шагнул вперед. Он не знал, почему делает это, и уж совершенно не был уверен в результате, но, стоя перед взметнувшимся вверх мечом, он снял своего сына с алтаря.

— По вашим законам, — сказал он, — я требую привилегии занять его место.

И он лег на алтарь.

Толпа затихла. Ларкин не видел, но чувствовал, что Мэловер поднял меч.

И вдруг рядом послышались шаги и прозвучал тихий голос:

— Я тоже требую правосудия. Я уже выкупил его жизнь в этот день. Вы не можете отрубить ему голову.

Это был голос Сикина, тихий и мягкий, но очень уверенный. Сикин стоял перед алтарем, подняв вверх руку. Он говорил с Мэловером, но глаза его смотрели на Ларкина.

— Вы свободны, друг мой. Наши законы защищают вас и будут защищать до следующего испытания.

Мэловер опустил меч.

— Наши законы нерушимы, — сказал он. — Я не могу отказать вам в праве заменить жертву. И не могу отказать Сикину. И при этом я не могу подвернуть испытанию его... — Взгляд Мэловера остановился на Рое Ларкине, и голос стал ужасным, когда он выговорил последнее слово: — ...сейчас.

Он сделал жест старейшине, державшему металлический посох. Старейшина тронул посох в определенном месте. Кокон вокруг Роя Ларкина исчез.

Рой вскочил на ноги, стискивая пистолет «келли», в глазах у него застыл ужас. При виде его у Бойда Ларкина перехватило дыхание. В этом человеке был такой дикий страх, какого он никогда не видел прежде, и этот страх мог нажать курок пистолета, посылая непрерывную очередь. Ларкин видел, что палец сына уже непроизвольно напрягся на курке. Мэловер, должно быть, тоже заметил это движение, как и все старейшины. Все они видели его. Все они понимали его значение, понимали, что находятся под угрозой смерти. Но ни один марсианин даже не шевельнулся.

Рой Ларкин, очевидно, ждал, что они съежатся, упадут на колени, начнут его умолять. И когда они не сделали этого, он был сбит с толку. Он уставился на них, потом перевел взгляд на лицо своего отца. В нем нарастало смятение. Он опустил взгляд на пистолет. Никто не знал, что в нем происходило в эти секунды. А когда он, казалось, осознал, что держит оружие, на его лице появился ужас. Он уронил пистолет, и тот загремел по камням — единственный звук в полнейшей тишине. Затем раздался еще один звук, похожий на детский всхлип, когда ребенок,

рыдая, произносит слово «Папа». Рой Ларкин твердил это слово, медленно шагая к отцу.

— Я был так неправ, — шептал он. — Столько лет я был не прав. Я хотел сказать тебе об этом, но не мог, не мог до сих пор...

Бойд Ларкин заключил сына в объятия. Исчез непреклонный, жестокий лидер, которого он видел лишь нынче утром. Теперь в его объятиях, уткнувшись ему лицом в грудь, стоял маленький мальчик, потерянный, испуганный, одинокий, осознавший вдруг, что он больше не одинок.

Ларкин гладил плечи этого мужчины-мальчика. Глаза его были влажными, в горле першило. Здесь было то, чего он жаждал все минувшие годы, и теперь добился этого. Теперь у Ларкина был он. Его сын! И в нем появилось даже не торжество, а чувство громадного успеха. Он посмотрел через плечо сына на Мэловера. Лицо марсианина сияло, словно он тоже чувствовал этот успех. В этот момент Мэловер не был похож на древнего бога, требующего жертв. Он бьл просто нежным и доброжелательным старым марсианином.

— Мои глаза сегодня узрели чудо, — сказал Мэловер. — Мне кажется, в следующий раз вы оба благополучно пройдете испытание.

— Это правда? — прошептал Ларкин.

— Конечно. Я никогда не делаю ложных заявлений. — Он махнул рукой старейшине, державшему металлический посох.

Ларкин, не оглядываясь, видел, что коконы исчезают, освобождая людей. Застучали по камням выброшенные пистолеты, потому что люди решили больше не стрелять.

По толпе марсиан пронесся вздох, вздох, какой вырывается из губ людей, увидевших чудо выше всякого понимания.

Они остановились на верхней площадке стадиона и поглядели вниз, туда, где за тоненькой каемкой каналов простираются, уходя вдаль, красные пески.

Рой Ларкин изменился. В нем больше не было жестокости и страха. А в голосе его явно слышался энтузиазм.

— Мы все равно можем доставлять сюда минеральные добавки, но станем действовать не так, как я планировал. Мы будем продавать их по цене, которая покроет издержки доставки плюс...

— То, что сможет заплатить покупатель, — тихо добавил Бойд Ларкин.

— Верно, — сказал его сын.

Позади них стояли Мэловер и Сикин.

— Благодаря таким людям, как вы, — сказал Мэловер, — Марс получит все необходимое, а вместе с этим в старый, умирающий мир придет новая жизнь.

Мэловер посмотрел на красную пустыню, простиравшуюся за городом. Казалось, он видел пышную растительность, прорезанную ниточками каналов, которая покроет землю, где сейчас протянулась пустыня. Лицо его светилось каким-то внутренним светом.

— Вы тоже одержали здесь победу, — заметил Бойд Ларкин.

— Да, — согласился Мэловер. — Я смешал законы нашего народа с энергией землян, сделал так, чтобы марсиане и земляне начали понимать друг друга, стали относиться друг к другу с уважением и оказывать друг другу поддержку. И в недалеком будущем все мы одержим победу.

Он махнул рукой на пустыню, где в его воображении возрождался Старый Мир. Лицо его засияло еще сильнее, потому что он видел, как осуществляются утраченная было надежда и старые мечты.

У Бойда Ларкина возникло мимолетное впечатление, что этот старый марсианский правитель каким-то образом все спланировал и управлял тем, что произошло сегодня на арене, смешал марсиан и землян и двигал их, словно марионеток. Эта мысль поразила торговца, но он снова взглянул на лицо Мэловера, увидел его сияние и понял, что даже если правитель и управлял ими, будто марионетками, то цель его манипуляций была ясна. Новая жизнь на старой планете, новая жизнь для обоих народов — людей и марсиан.

С этой целью Бойд Ларкин был совершенно согласен.

Все четверо, они стали спускаться с вершины громадного стадиона к остроконечным крышам Судэла.

И им казалось, что в красной пустыне уже появляются первые зеленые ростки новой жизни.

ТАЙНА ПИРАМИДЫ

Глава 1. Что сокрыто под плато Гиза?

Помрачнев, Дик Уэйд выбил первый колышек шатра из твердого песка. Потом он вытащил его и швырнул в сторону груды оборудования, сваленного в одну кучу в ожидании отправки, только вот взыгравший горячий нрав сделал так, что колышек полетел неведомо куда, так далеко, как только Уэйд смог его послать. Вот и вышло так, что, ударившись в каменную глыбу, лежавшую в основании пирамиды, колышек отскочил и упал назад на песок.

— Не принимай это так близко к сердцу, — хмыкнул Сим Бим. — Это не наша вина. Нам приказали остановиться, как только мы что-то обнаружили.

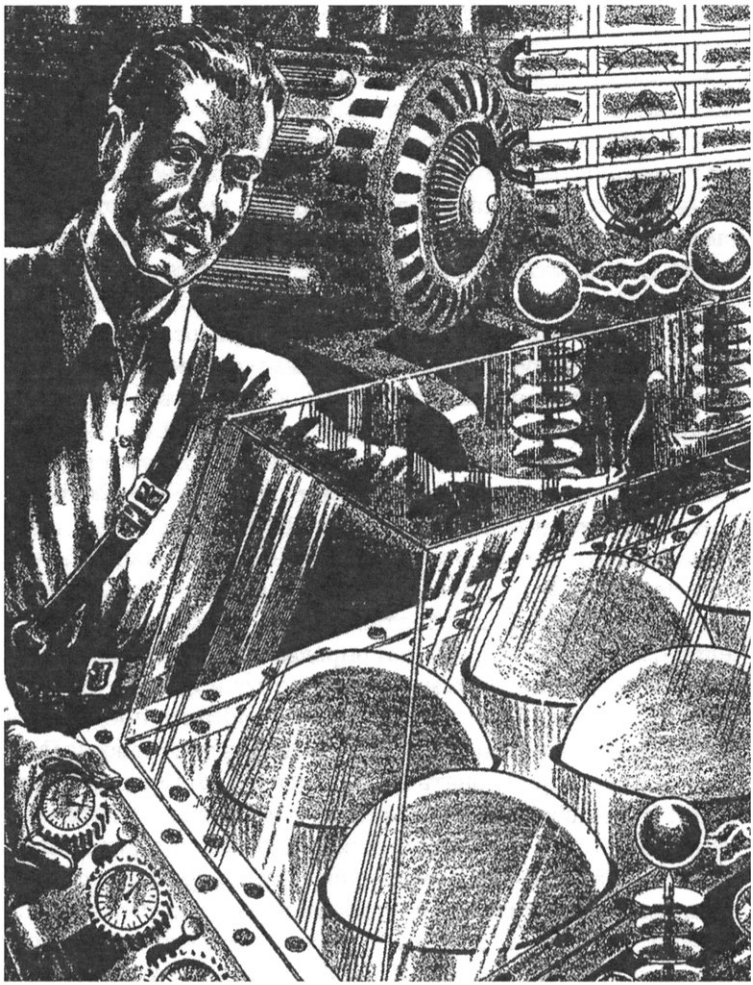
Уэйд повернулся к своему молодому спутнику и помощнику — относительно молодому, потому что все археологи, как правило, люди пожилые. Потом Уэйд натянул на голову солнцезащитный шлем. Однако его рыжие непокорные волосы так и остались торчать бахромой из-под него.

— Да, черт побери! Это не наша вина! — неожиданно взорвался он. — Только это никакого значения не имеет! Даже если бы вся эта проклятая пирамида обрушилась на нас, это было бы не так эффективно. Только попадись мне эти придурки чиновники из администрации Соединенных Штатов...

— Для ученого червя вы слишком хорошо владеете ненормативной лексикой, — заметил Бим.

— Да. И в настоящее время я склонен использовать исключительно ее, — и с этими словами он раз в десятый вытащил из кармана желтый клочок бумаги.

— «Американской Археологической Экспедиции в лагере возле Великих пирамид Гизы, Египет, — прочитал он. — Приказываетм прекратить раскопки. Средства фонда, под-

держивающего раскопки, исчерпаны. Коллинз сомневается в том, что дальнейшие работы целесообразны. Немедленно сворачивайте лагерь и возвращайтесь. С уважением...»

С яростью археолог бросил бумагу с печатью в песок, придавив его ногой. Бим молча наблюдал за происходящим. Когда телеграмма, растертая по песку, развалилась на дюжину клочков, он с сочувствием поинтересовался:

— Теперь чувствуете себя лучше?

Уэйд взглянул на него, потом рухнул на упаковочную коробку, сорвал с головы шлем и стал им обмахиваться. Лицо у него было красное то ли от ярости, то ли от стыда за свою мальчишескую выходку.

— К сожалению, веду себя как дурак... Но вы же знаете, что значили для меня эти раскопки. Сколько я испортил себе крови, пробивая финансирование! А они ведь не хотели посылать меня! Говорили, что я слишком молод! Только после долгой войны — длилась она несколько месяцев — я получил сдержанное согласие кураторов. А теперь, как только мы доказали, что этот туннель идет много дальше, чем считали раньше, что он просто забит обломками, скопившимися там за много веков, они отзывают нас. Еще десять ярдов, может быть — футов и мы совершили бы величайшее открытие из всех, сделанных в Египте, отыскали бы сокровищницу в сравнении с которыми могила Тутанхамона — магазин, где продаются десятицентовые побрякушки.

— Ну, я-то отлично это понимаю, — согласился Бим. — И мне очень жаль!

— Пусть будут прокляты эти дураки! — простонал Уэйд. — Ведь под Большой пирамидой определенно что-то есть. Что-то, что ожидает нас уже многие века. Эту пирамиду построили не египтяне. Они нашли ее здесь, и Хеопс примерно в 2100 году до нашей эры обнаружил вход в верхнюю палату, где и приказал нарисовать на стенах свое имя красной краской... Черт побери, если бы он и в самом деле построил бы эту пирамиду, то стал бы он довольствоваться простой мазней на стенах? Неужели он стал бы разукрашивать их своей подписью? Нет! Он бы, как строитель, вырезал свое имя на граните, как запись, которая будет существовать еще тысячи лет. Вот как он поступил бы. Нет, Хеопс никак не мог построить эту пирамиду. Он обнаружил ее здесь, использовал как гробницу, и последующие цари Египта последовали его примеру. Позже они и сами пытались построить пирамиды. Но эта пирамида — Великая пирамида Гизы — в самом деле первая пирамида, возведенная в этих краях, была построена другими людьми, теми, кто ныне исчез и о ком мы не имеем ни малейшего представления, точно так же, как об их науке. Подумайте об этом...

Тут Уэйд снова вскочил на ноги. Он вновь заговорил, теперь указывая на огромное нагромождение камней.

— Подумайте об этом! Какие секреты, какие откровения, разрушающие научные стереотипы, сокрыты под этой пирамидой! Не в ней, а под ней! Эта пирамида была возведена здесь, в земле египетской, как монумент, отмечающий место самого гигантского хранилища, построенного людьми в таком далеком прошлом, что даже легенды о нем оказались забыты. Возможно, эти люди пришли из Атланты — Атлантиды — мифического острова, который затонул в Атлантике. А может, с континента Му, из Тихого океана, где в древности существовала великая цивилизация. Быть может, единственное, что от нее осталось, и есть эта гигантская пирамида — последний памятник забытой и давно исчезнувшей цивилизации...

Начал он говорить, пылая от возмущения, но постепенно огонь в его душе потух. В конце речи голос его упал до шепота.

— ...И мы могли бы открыть эту тайну... Только мы не можем заплатить нашим рабочим за продолжение работ.

Его лицо скривилось, словно от боли. Молча, с сочувствием посмотрел Бим на своего товарища. А потом странный звук отвлек его — гудение мотора. Уэйд тоже повернулся взглянуть, что происходит.

По пустыне, где столетиями бродили только верблюды, ехал автомобиль.

— Опять туристы, — с горечью пробормотал Уэйд. — «Нет, госпожа, — произнес он, передразнивая. — Там безопасно. Камни не упадут. Они простояли тут сорок... шестьдесят... возможно, сто веков. Сегодня утром они точно не упадут. Вам не нужно ничего бояться, госпожа. Подойдите поближе. Можете забраться на камни, если сумеете. Потом сможете рассказать в саду клуба в Пеории о вашей совершенно удивительной прогулке. Расскажете о том, что увидели пирамиды, и обо всем остальном».

Машина подъехала поближе — черный французский седан. Он проехал по песку прямо к археологам.

— Это не туристы, — прикрыв глаза от солнца и вглядываясь, проговорил Бим. — Это доктор Зорлок.

Уэйд хмыкнул.

— Опять этот стервятник. Явился сюда дней на десять, после того как мы начали работать, и с тех пор каждое утра ходит тут кругами — ежедневный осмотр. Я хотел бы знать, что за пчела жужжит под его капотом.

— Любопытно, — протянул Бим. — Он говорил, что в прошлом был деловым человеком, путешествующим для восстановления своего здоровья. Не могу винить его за то, что он интересуется пирамидами. Эта пирамида привлекает туристов сорок веков. Если бы он не заинтересовался пирамидой — вот это было бы странно.

— Он болтается здесь уже пару месяцев, — возразил Уэйд. — Нужно больше, чем любопытство, чтобы объяснить такую настойчивость.

Автомобиль подъехал к палатке, остановился, подняв облако песка. Шофер выскочил, распахнув дверь.

Медленно, тяжело доктор Зорлок поставил ногу на подножку. Убедившись, что подножка — твердая опора, он поставил вторую ногу на землю, выпрямился. Ростом доктор был около шести футов, крепкого телосложения. Вместо привычной тропической одежды он носил длинный черный плащ, черную фетровую шляпу и темные очки.

— Хотел бы я увидеть его без этой маскировки, — пробормотал Уэйд.

— Так вы думаете, эти очки, эта одежда — маскировка? — спросил Бим.

— Точно. Не знаю, заметили вы или нет, но каждый раз, когда он приходил и шнырял здесь, я не спускал глаз с него, особенно когда он хотел забраться в открытый нами туннель.

Медленно, тяжело ступая, Зорлок подошел к археологам — темная тень на фоне белого песка. В его движениях было что-то механическое. Даже его улыбка, когда он подошел поближе, чтобы поговорить, мимика его лица казались механическими, причем кожа его сложилась в глубокие морщины.

— Доброе утро, мои юные друзья. Как работа продвигается? Стоите на пороге новых открытий?

Да и голос у доктора был механическим, странным.

— Никакого прогресса, — ответил Уэйд. — Да и вряд ли нам удастся сделать открытие хоть в это утро, хоть завтра.

— Нет? — казалось, Зорлок сильно удивился. — Я думал, у вас есть сведения о сказочных богатствах, скрытых где-то в недрах земли под этой пирамидой.

Уэйд в трех словах объяснил, что случилось.

— Финансирование прекратилось, — закончил он. — У нас нет средств продолжать раскопки.

— Средств? — казалось, это слово ничего не значит для доктора Зорлока.

— Верно. Понимаете ли... У нас нет денег для продолжения раскопок.

— Деньги?.. Да, да... Деньги. Я отлично все понял. Минуточку, я... ах, забыл... — а потом совершенно неожиданно он спросил: — То есть вы хотите сказать, что без денег продолжать не сможете?

Уэйд уставился на профессора. Неужели этот Зорлок полный дурак? Забыл, зачем нужны деньги? Или, наоборот, он был сказочно богат, и деньги для него никакого значения не имели?

— Точно, — вставил Бим. — Естественно, местные без денег не работают. Но их за это винить нельзя. Если они не получат зарплаты, им нечего будет кушать.

— Нелепо, — возразил Зорлок. — Разве вы не можете просто заставить их выполнить ваши желания? В моей... стране... — Тут рот его вытянулся в мрачную, странную улыбку. — Я имел в виду то, что вы должны продолжать. Я тоже определенным образом заинтересован в открытиизагадок Древнего Египта. Я сильно заинтересован в завершении ваших исследований. Вы же, несомненно, заметили, что я каждое утро приезжаю сюда. Конечно, раскопки не должны останавливаться. Ваша работа должна продолжаться. Она ведь, без сомнения, имеет огромное научное значение.

— Можете не рассказывать нам, насколько она важна, — заверил доктора Уэйд. — Мы уверены, что под этой пирамидой что-то есть. Но без средств нам не раскопать туннель, — тут он пожал плечами.

Зорлок хотел было что-то сказать, потом заколебался, перевел взгляд с Уэйда на Бима, а потом на огромную каменную груду — Великую пирамиду Гизы, а потом вновь посмотрел на археолога.

— Если я дам средства, вы продолжите работы? — поинтересовался он.

На мгновение наступила многозначительная тишина. В самый последний момент, когда исчезла последняя надежда, появился человек и предложил им необходимую поддержку. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Нелепо, немыслимо, но это случилось.

В ответ Уэйд закричал, да так что голос его эхом отразился от поверхности пирамиды.

— Будем работать? Будем! Дайте финансирование — и увидите, чего мы сможем достичь!

Уэйд схватил Зорлока за правую руку и принялся изо всех сил трясти ее. Бим, глаза которого теперь азартно засверкали, хлопнул доктора по плечу. Зорлок же, быстро отдернув руку, отступил подальше от Бима.

— Такие проявления энтузиазма я расцениваю как проявление инфантилизма. Ваша задача продолжать раскопки, руководить рабочими. Я разберусь с финансированием. А вот вам следует немедленно возобновить работы, — сухо поклонившись ошеломленному Уэйду и столь же сильно ошеломленному Биму, он тяжело повернулся на каблуках и механически зашагал в сторону машины. Уэйд побежал за ним следом.

— Но, доктор Зорлок... Мы просто хотели поблагодарить вас.

— Благодарности не нужны. Лучше заставьте аборигенов работать. Вы понимаете? Работать прямо сейчас! Я же пока поеду, решу все финансовые вопросы и постараюсь как можно скорее вернуться. Я присоединюсь к вам и буду постоянно наблюдать за тем, как идут дела.

Неспешно поставив ногу на подножку машины, он вначале испытал ее надежность и только тогда перенес на нее вес тела. И потом залез в машину.

Археолог в недоумении уставился на машину доктора.

— Ну, — протянул Уэйд. — Он уверен, что поставил меня на место, когда я попытался поблагодарить его.

Бим, нахмурившись, наблюдал, как отъезжает машина. Потом он присвистнул:

— Тут происходит что-то странное, и мне это не нравиться. Но я не знаю, в чем тут дело. Что-то механиче-

ское, бесчеловечное, бессердечное в этом Зорлоке, в том, как он ходит, говорит... Не нравится мне он.

— Черт побери! — воскликнул Уэйд. — Пока он оплачивает счета, я буду мириться с его странностями. Он для большинства людей выглядит, как стервятник, а для меня — словно ангел в маскировке... А теперь давай-ка, Бим, поднимай этих бездельников, пусть возвращаются к работе. Пусть Американская Археологическая экспедиция идет к черту. Так или иначе мы найдем то, что похоронено под пирамидой.

Глава 2. Под пирамидой

Вновь темнокожие рабочие стали копать в туннеле. Они работали кирками и лопатами в страшной тесноте, и дело шло очень медленно. Однако использовать тут технику было невозможно. Даже раздробленный камень и песок приходилось вытаскивать из туннеля в корзинах. Но природа удаленного материала говорила, что они и в самом деле двигаются по древнему туннелю, который завалило много веков назад. Уэйд и Бим были вне себя от нетерпения.

Зорлок был верен своему слову. Он открыл неиссякаемый источник финансирования. Доктор не объяснил, откуда у него такие деньги, а Уэйд не спрашивал. Работа шла своим ходом. Только это имело значение для Уэйда.

Похоже, для Зорлока тоже имело значение только это. Уэйд ожидал, что загадочный иностранец станет непереносимой помехой. Он считал, что доктор попытается самолично руководить работами. Однако вместо этого Зорлок всего лишь установил свою палатку рядом с пирамидой. Весь день он проводил в палатке и выходил из нее только ночью. Видимо, он сам готовил себе, потому что он никогда не появлялся в продовольственной палатке и грубо отклонил сердечное предложение археологов обедать вместе. Каждый вечер Уэйд докладывал странному спонсору о ходе работ. Зорлок — темная тень в глубине палатки — всякий раз говорил одно и то же:

— Продолжайте со всей возможной скоростью, — и произносил он эти слова неприятным голосом, напоминающим

гудение, он которого уши Уэйда начинали болеть. — Но помните, как только вы сделаете важное открытие, сразу сообщите мне. Вы понимаете? Сразу!

— Конечно, доктор Зорлок, — заверил его Уэйд.

Бин с удовольствием курил трубку с ароматным табаком и слушал Уэйда. А тот говорил медленно, стараясь не злиться.

— Помню, доктор говорил, что он бизнесмен, отошедший от дел, путешествующий для восстановления здоровья. Тем не менее он сказал, что его зовут доктор Зорлок. Но, если он бизнесмен в отставке, почему он называет себя доктором?

— Это всего лишь одна из второстепенных загадок, — ответил Уэйд. — Интересно, из какой страны он выходец? По-английски он говорит достаточно хорошо, хотя голос у него очень странный. И эта манера замолкать в самый неподходящий момент, задумываться на несколько минут, словно вспоминает подходящее слово. Лицо у него темное, не как у истинного англосакса. И почему он целыми днями сидит в палатке? Он боится выйти на яркий свет? Что он там ест?

Бин выбил пепел из трубки.

— Забыл рассказать вам. Прошлой ночью я проходил мимо раскопа нашего туннеля и видел, как из него вылез доктор Зорлок. Вот так-то.

— Что? — воскликнул Уэйд. — Черт побери! Что он-то там делал?

— Он сказал, что хотел проверить, насколько мы продвинулись. Он не стал задерживаться, чтобы поговорить со мной. Направился к своей палатке, и я его проводил.

— Он нас проверял? — проворчал Уэйд. — А что он мог еще делать? Может, он знает, что спрятано под пирамидой? Может, он хочет первым обнаружить то, что там спрятано? Может, он пробирается туда каждую ночь, в надежде, что от цели его отделяет всего пара ударов киркой... Только вот что это за цель?

Уэйд вскочил на ноги и принялся шагать туда-сюда перед палаткой археологов. К востоку над ними огромной грудой камней возвышалась Великая пирамида Гизы — удивительное сооружение, возведенное неведомой расой. В безоблачном небе мерцали звезды Египта — Великий Сириус и пылающие звезды Скорпиона. Но Уэйд уставился на пирамиду.

— Ее тайна более грандиозная, чем мы подозреваем, — продолжал он. — Эта тайна древнее, чем сама История. И Зорлок, кем бы он там ни был на самом деле, знает о ней больше, чем говорит.

Бим, слушая своего товарища, в какой-то момент почувствовал, как мурашки поползли вдоль позвоночника. В его понимании тайна, окружающая Великую пирамиду, приобрела зловещий ореол...

На следующий день в десять утра было сделано первое важное открытие. Раскопки добрались до конца туннеля. Уэйд засунул фонарик в раскоп и, посветив, заметил:

— Тут туннель заканчивается, дальше какое-то помещение, — пробормотал он через плечо, обращаясь к Биму. Мы можем попробовать протиснуться туда, а потом отправиться дальше.. оставив рабочих у входа. Сходи к Зорлоку. Мы обещали сразу сообщать ему, если сделаем какое-нибудь важное открытие. И то, что коридор закончился, кажется мне очень важным.

Бим побежал выполнять распоряжение, ноги его скользили по песку.

— Доктор Зорлок! — закричал он. — Мы добрались до конца туннеля!

В палатке доктора что-то зашевелилось, а потом Зорлок высунул голову.

— Что? Вы наконец добрались до конца туннеля?

— Только что, — задохнулся Бим. — Мы доказали, что под пирамидой существуют пустоты. Вы будете с нами, когда мы отправимся дальше, пытаясь открыть тайну пирамиды?

Зорлок не ответил. Он, казалось, не слышал Бима. Отшвырнув в сторону полог палатки, он побежал к темному зеву раскопок, ведущему под пирамиду. Бим последовал за ним. Зорлок же в спешке забыл надеть шляпу, и Бим впервые увидел доктора без нее. У Зорлока оказался круглый и блестящий череп. Вместо того чтобы быть розовато-белым, цвета паштета, как у большинства лысых мужчин, череп Зорлока был буро-корчневым, цвета старой кожи или старой резины.

Оказавшись в туннеле, Зорлок промчался мимо трех местных рабочих. Те же, завидев доктора. бросились прочь из раскопа, но Бим остановил их.

— Что случилось? — спросил он. — Что-то не так?

Рабочие разом затараторили, качая головами. Однако археолог сразу заметил, что их бригадира и переводчика Мухаммеда Ишила с ними нет. Бин понял, что без бригадира он их не поймет., и направился следом за Зорлоком, который был где-то далеко впереди, один без света, хотя тот доктору вроде был вовсе и не нужен.

Возле узкого отверстия, ведущего неведомо куда, стоял Мохаммед с факелом в руках. Но Зорлок, игнорируя его, подошел к отверстию и сунул в него голову.

— Где Уэйд? — спросил Бим у бригадира. — Что случилось? Я встретил твоих людей у выхода из раскопа.

— Уэйд там, — ответил египтянин, махнув в сторону темного отверстия. — А рабочие... Им не понравилось это место. Они испугались и убежали.

— Там! Проклятый глупец, ну почему он не мог подождать? — взвыл Бим.

А потом из темной дыры послышался взволнованный голос.

— Со мной все в порядке! — отвечал Уэйд из темноты. — Я очень хотел увидеть, куда вел этот туннель и полез вперед.

Луч фонаря ударил в лица маленькой группе, а потом Уэйд снова заговорил:

— Это вы, доктор Зорлок? Пролезайте через это отверстие, и пойдем дальше. Бин, давай следом. И Мохаммед пусть идет. Его факел будет гореть несколько часов, а этот шахтерский фонарь скоро потухнет. И поторопитесь... Здесь какая-то дверь.

— Вы — глупец, — вновь прокричал Бим. — Неужели вы не понимаете, что там впереди, в пустотах, могут быть змеи? Или плохой воздух... Или одна из ста смертоносных ловушек. Древние египтяне защищали свои гробницы, так что любой нежелательный гость не смог бы выйти оттуда живым.

— С воздухом тут все в порядке, — ответил Уэйд. — Где-то наверху находится система вентиляции. Через крошечные отверстия в пирамиде воздух без труда попадает сюда. И нет здесь никаких змей. Нет смертоносных ловушек. Если бы тут существовало что-то похожее, то я, наверное, уже давно погиб бы. И потом древние египтяне не строили эту пирамиду, и более того, это вовсе не гробница. И я собираюсь это доказать.

Несмотря на то, что голос Уэйда звучал приглушенно и многие слова едва можно было разобрать, Бим сразу узнал нотки триумфа в голосе своего товарища.

— Древние египтяне не могли построить эту пирамиду, потому что передо мной дверь из нержавеющего металла, а секрета его изготовления египтяне не знали. А это доказывает, что эту дверь установили не они, а быть может, и саму пирамиду построил кто-то другой.

— Металл? — эхом повторил Бим. — Вы уверены?

— Совершенно уверен. Давай. Шевели ногами, и тогда мы узнаем, что находится за этой дверью. У меня фонарь гаснет. Доктор Зорлок, давайте, вы — первый.

Зорлок был уже на коленях. Совершенно не задумываясь о том, что может порвать дорогой костюм, он полез в дыру. Бим, наблюдая за ним, почему-то решил, что профессор очень сильный. Когда Зорлок исчез во тьме, Бим последовал за ним. Мохаммед полез последним, и совершенно очевидно было, что делал он это против своей воли.

С большим трудом, с помощью Уэйда и Бима, Зорлок поднялся на ноги.

— Туда, — указал Уэйд куда-то во тьму.

Зорлок, не слушая археолога, оттолкнул его в сторону и, не дожидаясь Мохаммеда с факелом, широким шагом пошел вперед по тоннелю. Из темноты до археологов доносился только шорох его шагов.

— Пошли, — пробормотал Уэйд своему товарищу. — Этот придурок в темноте налетит на дверь и сломает себе шею.

Но Зорлок не налетел ни на какую дверь. Каким-то образом он вовремя увидел ее. Когда археологи подошли, доктор, казалось, прислонился к двери. Потом она поддалась, словно под его весом. Тяжело и медленно качнулась, открыв косяк твердого металла. Сама дверь оказалась толщиной не меньше восьми дюймов...

А потом доктор Зорлок нырнул во тьму.

Глава 3. В ловушке

Годы Уэйд ждал момента, когда раскроет секрет, узнает, что спрятано под Великой пирамидой Гизы. Старые книги, древние рукописи, хрупкие свитки, написанные на полуистлевшем ныне папирусе, записи археологических экспедиций позапрошлого столетия, дневники путешественников, которые приезжали сюда из Греции тысячи лет назад, — Уэйд годами изучал их в поисках ключа, который мог бы помочь ему разгадать эту тайну. Еще с раннего детства, с того времени, как он впервые увидел изображение великих пирамид, он удивлялся, пытаясь понять, кто построил их и зачем. Он чувствовал, что объяснения, которые предлагали историки, совершенно нерациональны. Во время обучения в колледже он посвятил больше всего времени истории Древнего Египта. После его окончания он участвовал в нескольких экспедициях в эту страну. Но в Америку он вернулся неудовлетворенным, но полным решимости добыть денег, чтобы заняться поисками и раскрыть секрет пирамид.

Теперь это время пришло. И Уэйд ни мгновения не колебался. Решительно последовал он следом за Зорлоком. Бим и египтянин-бригадир последовали за ним.

Шарящий луч фонарика и дымный факел Мохаммеда высветили большую палату, квадратную комнату со стенами футов сто в длину. Над головой, образуя арки, выгнулись широкие полосы металла, видимо, предназначенные для того, чтобы поддерживать огромную массу гранитных блоков пирамиды, которая теперь находилась над головой археологов.

Уэйд ожидал найти мумии или деревянные саркофаги, в которых могли лежать мумии. Возможно, мумию какого-то царя из давно забытых времен, сверкающую золотом и драгоценными камнями. Украшения, которые царь должен был использовать в загробном мире. Горшки, где некогда содержалась пища и напитки, которые царь должен был потреблять на пути его духа в обитель блаженных.

Однако то, что увидели археологи, больше напоминало огромные соты. Ячейки почти в рост среднего человека наполняли комнату, за исключением узких проходов. Эти ячейки напоминали Оогромные хрустальные кристаллы.

Между ними протянулись металлические кабели, установленные на высоких изоляторах. По два кабеля отходило от связок к каждой ячейки.

На полу был слой пыли в сантиметр толщиной. Пыль и тени заполняли комнату. В неровном свете факела казалось, что тени эти ведут собственную жизнь, очнувшись после того, как их упокоение оказалось нарушено после стольких лет смерти.

Однако Уэйд отлично понимал, что воображение обманывает его. Неровный свет вызывал эту игру теней. На всякий случай археолог ткнул фонариком в одну из теней. Это были только тени, отступающие от света.

В одном из проходов Уэйд заметил тень повыше. Он направил свет на нее, но она не рассеялась. Там было что-то твердое, реальное. И эта тень тоже двигалась, словно поворачиваясь к незваным гостям.

Уэйд потянулся к пистолету, который носил в кармане. Позади него задохнулся от страха Сим Бим.

В неровном свете казалось, что странная тень двинулась в их сторону. А потом Уэйд понял, кто это.

Зорлок. Доктор застыл в проходе, и его черные одежды делали его похожим на тень. Уэйд убрал пистолет назад в карман.

— Дайте фонарик, — попросил Зорлок, шагнув к археологу и протянув руку.

И до того как Уэйд успел возразить, доктор буквально вырвал фонарик из его руки.

— Подождите! — воскликнул Уэйд. — Что, черт побери, вы делаете?

— Не бойтесь, — бросил Зорлок через плечо. — Я скоро вернусь и все объясню.

Освещая себе путь фонарем, он направился к противоположной стене, а потом исчез, растворившись среди теней.

— Что с ним случилось? Куда он исчез? — удивился Уэйд.

Прошло несколько минут. Но доктор так и не вернулся.

— Нам нужно пойти посмотреть, что с ним случилось, — высказался Уэйд. — В конце-концов, мы многим ему обязаны.

— Я бы, скорее, направился в другую сторону, — возразил Бим. — Дик, давай-ка выбираться отсюда. Не нравится мне это место.

— Ерунда. Тут нет никакой опасности. Это место было во власти смерти многие века и, несмотря на легенды, опасности тут никакой нет.

— Но посмотри на эти клетки. Для чего они предназначены? И что это за кабели? Мы засунули свои головы в пасть льва, о котором мы ничего не знаем. Давайте-ка убираться отсюда, — повторил Бим.

Уэйд отказался. Он весь дрожал от волнения.

Первым нарушил тишину Мухаммед. Бригадиру явно не нравилось это место. Суеверия его народа, существовавшеие на протяжении веков, говорили ему, что здесь в любом случае скрыта опасность. Молча отодвинувшись от археологов, он занял позу, словно собирался взять низкий старт, прежде чем пуститься наутек. Факел по-прежнему был у него в руках, но ни Уэйд, ни Бим не заметили, что он делает, пока его пронзительный крик не разорвал тишину.

Археологи разом обернулись, рука Уэйда непроизвольно метнулась к пистолету. Металлическая дверь, через которую они вошли, закрылась. Они оказались пойманы в ловушку под пирамидой. Потом они долго и безрезультатно пытались отворить дверь. Та с места не сдвинулся. Они стучали в нее кулаками, но с тем же успехом они могли колотить в бронированный борт корабля. Ни на двери, ни на стене рядом с ней не было никаких признаков ни замка, ни засова, которые можно было бы отпереть. Дверь вплотную примыкала к косяку, так что подобной работой могла бы гордиться любая швейцарская фирма по производству сейфов.

Наконец Уэйд сдался.

— Ее не открыть, — объявил он. — Мы не сможем открыть дверь, если и дальше продолжим колотить в нее. Однако эта дверь должна как-то открываться.

С этими словами Уэйд направился вдоль стены, но так ничего и не нашел.

— Не могу понять, как вышло, что дверь закрылась, — пробормотал Бим.

Уэйд посмотрел на него.

— Я не хотел говорить это, Сим, но, боюсь, вы были правы. Те люди, кто построили это место, устроили смертельную ловушку. Дверь можно будет открыть через какое-то время,

а что до того, как она закрылась... Видимо, всему виной оказался наш вес, который активировал противовесы, а те в свою очередь закрыли дверь... Мне жаль, что я не послушал вас, а ведь мне так чертовски хотелось увидеть то, что тут находится... — а потом он замолчал.

Бин попытался усмехнуться.

— Забудь об этом, Дик. Тут моя вина точно такая же, как и ваша. Однако я уверен, что путь отсюда существует, и мы найдем его. И даже если нам это не удастся, наши работники сообщат властям о нашем исчезновении, и нас найдут. Насколько я знаю, египетские власти внимательно следят за нашими работами, так что сломя голову бросятся сюда, решив, что мы и в самом деле нашли что-то важное.

А потом лицо Уэйда словно окаменело. Он неожиданно замолчал и поднял голову, словно к чему-то прислушиваясь.

— Послушайте, — прошептал он. — Что это?

Где-то в глубине пещеры зародился звук. Вначале он был очень тихим, потом повторился. А потом еще и еще, нарастая, поднимаясь по тональности, превращаясь в вой, в котором потонули все остальные звуки. Это сопровождалось гулом, сильным и громким, словно где-то там, в глубине пещеры, заработали огромные машины. Вскоре вой превратился в глухой рев, который проник в самые отдаленные уголки пещеры.

Это был рев огромной силы, словно высвобождалась гигантская энергия.

— Посмотрите! — прошептал Бим. — Свет! Наверху!

Стали загораться лампы, установленные ровными рядами под потолком пещеры. Они мерцали, постепенно разгораясь, высвечивая длинные ряды ячеек. Подавляющий рев стал еще громче, достиг пика, а потом превратился в ровный гул. Теперь лампы засветились ярко, ровно.

К археологам по узкому проходу направилась фигура, двигаясь целенаправленно, механически.

— Это Зорлок, — прошептал Уэйд. — Он вернулся.

А потом археолог замер, ожидая приближения таинственного доктора, неосознанно сунув руку в карман, где лежал пистолет.

Глава 4. Объяснения доктора Зорлока

Доктор Зорлок был так взволнован, он едва мог говорить. Его голос звучал беспомощно, перемежаясь с нечленораздельными звуками.

— Наконец-то! — закричал он, обретя контроль над своим голосом. — Секрет Великой пирамиды разгадан. Мои друзья, я очень благодарен, что вы помогли мне. Но нужно сделать еще многое, и немедленно. Вы должны мне помочь. Пойдемте.

Он повернулся, и пошел назад по коридору туда, откуда пришел.

— Минуточку, — остановил его Уэйд. — Мы хотим знать, что тут происходит, прежде чем и дальше станем помогать вам.

Зорлок остановился, казалось, задумался, а потом вернулся.

— Конечно. Ах, да, конечно. Вы хотите узнать всю невероятную правду. Мне жаль, что я не рассказал вам все раньше, но, не увидев пещеру своими глазами, вы бы мне не поверили. Вы что-нибудь слышали о рукописи Тродацеро?

— Продолжайте, — попросил Уэйд. — Вы, кажется, знаете об этом месте больше, чем говорили. Так что мы слушаем.

Зорлок заколебался. Казалось, за темными очками профессора нет глаз. Лишь темные пятна.

— Эту рукопись обнаружили в Египте много лет назад, но так и не расшифровали, — заговорил он таким голосом, каким профессор обычно читает лекцию. — Что до меня, то мне принадлежит честь перевода. Я преуспел там, где другие потерпели неудачу. Это невероятный манускрипт, написанный священником. В нем была сокрыта великая тайна...

Тут он сделал многозначительную паузу, словно для того, чтобы окончательно завладеть вниманием слушателей.

— Закончив перевод рукописи, я сразу поспешил к пирамиде, чтобы открыть заблокированный туннель. Но вы уже занимались этим, и тогда я решил подождать.

— Так вот почему вы все время вились вокруг! — воскликнул Уэйд. — Вы ждали, пока мы закончим работы, а теперь собираетесь присвоить себе всю славу!

— Нет! Вы недооцениваете меня. Разве когда у вас закончились деньги, я не предложил вам помощь, чтобы вы смогли продолжать раскопки?

Уэйд заколебался. С одной стороны, Зорлок и в самом деле спас экспедицию. Выходит, они должны быть ему благодарны. Возможно, он был не таким уж и плохим человеком.

— Как вы догадались, эта пирамида была построена не Хеопсом. В свое время нашли ход в верхние камеры, и тогда фараон приказал использовать пирамиду, как свою гробницу. Сама же пирамида была построена за две тысячи лет до царствования Хеопса, более шести тысяч лет назад, и вовсе не египтянами, а расой людей, явившейся из космоса. Они путешествовали от звезды к звезде и побывали на Земле в те стародавние времена!

Зорлок делал паузу для того, чтобы его слушатели прочувствовали значимость его слов.

Уэйд покачнулся от таких откровений. Эта пирамида, эта искусственная пещера, в которой они оказались в ловушке, построена расой с иной планеты, затерянной в пространстве! Это было невероятно, невозможно!

Видимо доктор Зорлок почувствовал, что археолог сомневается в его словах.

— Подумайте о том, сколько весят гранитные блоки, из которых построена пирамида, — продолжил Зорлок. — Разве египтяне шесть тысяч лет назад, могли перевозить такие огромные каменные глыбы и складывать их друг на друга? Разве их наука могла позволить им построить нечто подобное? Посмотрите на этот зал! — Он взмахнул рукой. — Стальные балки, железная дверь в восемь дюймов толщиной. А ведь тогда был еще бронзовый век. Египтяне не умели обрабатывать железо, у них не было предметов из стали. Однако сама сталь — ерунда по сравнению с машинами в соседней пещере, машин, которые я запустил, пользуясь инструкцией, изложенной в древнем манускрипте. А электричество... — тут он указал в сторону горящих ламп. — Да и это их «электричество» ничуть не похоже на те типы энергии, что известны людям сегодня... — А потом его голос упал до зловещего шепота. — И после всего этого вы все еще думаете, что эту пирамиду и эту камеру построили египтяне?

— Я... уже и не знаю, что и думать, — ответил Уэйд. — Совершенно невероятно. Никогда не думал, то пирамиды построили египтяне, но я думал, что это были представители какой-то иной древней цивилизации. Но если эта раса при-

шла на Землю с какой-то иной планеты, то это означает, что они овладели техникой космических перелетов. Однако продолжайте, что случилось с этими астронавтами после того, как они высадились на Землю и построили эту пирамиду?

Зорлок распрямился, вытянулся и, казалось, стал еще выше.

— Это самая важная часть открытия. Последние представители этого народа сейчас в этом зале. — Тут он взмахнул рукой, описав дугу. — Они спят в этих камерах в анабиозе.

В наступившей тишине Уэйд отлично слышал, как дышал Бим. Лицо Бима было белым, глаза остекленели. Археолог прикусил губу. Мохаммеда, стоявшего рядом с Бимом, била крупная дрожь.

Уэйд оглядел помещение: тяжелые стальные столбы, поддерживающие крышу, длинные ряды клеток, кабели, подвешенные на изоляторах над клетками, светящиеся лампы... Пыль на полу. Пыль на ячейках. Пыль везде. И у него и тени сомнения не было, что они вместо могилы древнего царя нашли тайное место, где последние люди потерянного народа спали в анабиозе.

— С вашей помощью, — опять совершенно неожиданно заговорил Зорлок. — Я разбужу представителей этой расы. Я знаю, как это сделать. И тогда ваша земная наука получит огромную пользу от их знаний.

Он повернулся, ожидая, что Уэйд последует за ним, однако археолог вместо этого вынул пистолет из кармана, хотя держал его скрытым под пальто.

— Вы сказали «ваша земная наука».

Зорлок снова повернулся.

— Да, я имел в виду, конечно, «нашей земной науки».

Внешне Уэйд был спокоен, хотя внутри он был напряженным, как сжатая пружина.

— Вы сделали слишком много ошибок, доктор Зорлок. Во-первых, вы упомянули о рукописи Тродацеро. Такой рукописи не существует. Я пятнадцать лет изучал историю Египта и знаю. Даже имя не египетское. Это была первая ошибка... Когда вы увидели, что дверь у нас за спиной закрылась, вы нисколько не взволновались. Вы даже не задумались о том

факте, что мы оказались здесь за восьмидюймовой стальной дверью. Из всего этого следует, что дверь закрыли вы сами, причем при этом преследовали определенную цель. Третья ошибка. Вы отлично тут ориентируетесь. Вы сразу пошли к оборудованию, скрытому в другом помещении. Все это вы не могли узнать из рукописи. Четвертая ошибка: «...ваша земная наука». Это означает только одно: вы — не человек. Будь вы человеком, вы бы сказали: «наша»... Не знаю, кто вы такой, доктор Зорлок, но вы слишком много знаете и слишком мало рассказали. И прежде чем мы продолжим изучение этой пещеры, мы собираемся пригласить сюда с десяток ученых, специалистов, электриков, инженеров, врачей, потому что мы знаем, что в этих ячейках, и нам стоит десять раз подумать, прежде чем мы оживим эти древние создания.

— Вы глупец! — прохрипел Зорлок. — Я сказал вам правду.

— Вы лгали с самого начала, с тех пор как появились здесь! — вспыхнул Уэйд. — Пришло время поставить точки над i... Для начала откройте дверь и выпустите нас отсюда.

Он выдернул пистолет из под полы куртки и прицелился в Зорлока.

Однако доктор Зорлок ничего не сказал. Повернувшись, порывистыми, механическими движениями он направился в сторону археологов. Он шагал медленно, но во всем его облике читалась угроза, руки вытянулись, а пальцы изогнулись, словно когти. За стеклами очков по-прежнему были лишь пятна тьмы.

— Стойте, или я буду стрелять, — сказал ему сурово Уэйд.

Зорлок приближался.

— Стреляйте! — закричал Бим. — Не позволяйте подойти слишком близко.

Уэйд нажал на курок. Грохот пистолета громом разнесся по пещере. На груди Зорлока дернулось черное пальто, когда тяжелая пуля ударила прямо в центр темной фигуры.

Человек тут же упал бы, однако доктор Зорлок шел вперед как ни в чем не бывало. Вместо этого он пошел быстрее, набирая скорость.

Уэйд выстрелил снова, в упор. Полыхнул огонь, и дым выстрела окутал грудь Зорлока. Археолог не мог промахнуться. Пуля попала точно в сердце доктора.

Только тот не упал. От его гулкого смеха, казалось, качнулись стены пещеры.

А потом он напал на них. Обрушил на Уэйда страшный удар кулака. Пистолет полетел на пол. Боль пронзила руку Уэйда. Разозлившись, Уэйд со всего маху нанес удар левой, вложив в него весь вес своего тела. Но когда кулак археолога врезался в подбородок Зорлока, он отскочил, словно ударил о твердый камень.

И тут пальцы Зорлока сжались на горле Уэйда. Ногти доктора, как когти дикого зверя, впились в плоть археолога. Тот попытался разорвать смертоносный захват, но, несмотря на все его усилия, у него не хватило сил сорвать их со своего горла. И тогда Уэйд, собрав остатки сил, ударил профессора по лицу, снеся прочь очки, открыв зияющие дыры в черепе.

Да, доктор Зорлок не был человеком. Инопланетянин, невероятное чудовище. Он держал Уэйда одной рукой. Другой рукой, словно это была не рука, а кувалда, он нанес удар Биму, который бросился на помощь своему товарищу.

Вот тогда Уэйд потерял сознание.

Глава 5. Настоящий секрет

Прийдя в себя, Уэйд сел, злобно встряхнулся, чтобы прочистить кружившуюся голову. Рядом с ним на полу лежал Бим, его тело выгнулось под сумасшедшим углом. Мохаммед сидел, прислонившись спиной к стене. Стоя спиной к ячейкам, замер доктор Зорлок, жимающий в руке пистолет Уэйда.

— Вы — чудовище!

Пошатываясь Уэйд, поднялся на ноги.

— Ты их убил.

Доктор Зорлок только покачал головой. Он так и не надел очки, и его пустые глазницы напоминали адские темные дыры.

— Бен всего лишь оглушен. А араба я не трогал. Он упал в обморок от страха.

— Что?.. Что вы, — выдохнул Уэйд. — Судя по всему, эти пули вам не повредили.

— Естественно, нет. — Зорлок ударил себя в грудь, и раздался гулкий металлический звук. — Защищённый стальными пластинами, я нахожусь внутри этой хитроумной копии человеческого тела.

— Робот?

— Нет. Когда я прибыл на эту планету, я решил, что удобнее будет находиться в образе человека. Орды ваших диких воинов не позволили бы мне выполнить свою миссию, если бы поняли мою цель. В итоге я соорудил эту куклу, чтобы скрыть мой настоящий внешний вид. Для вас мое настоящее тело больше напоминало бы тело огромного паука. Именно поэтому мне приходится прятаться внутри полой оболочки, управлять ею, а говорить с вами с помощью прибора, который может модулировать звуки, созвучные вашему голосу. Кроме того, в этом теле спрятаны маленькие, но очень мощные моторы, которые позволяют мне двигаться. Наблюдаю я за вами через щель в складке кожи на горле. Прибыв на Землю, я несколько месяцев изучал поведение ваших мужчин и ваш язык.

Все происходящее напоминало Уэйду нескончаемый кошмар. Доктор бубнил и бубнил, порой глотая слова, и все, что он говорил, напоминало сюжет невероятного фантастического рассказа.

— С нашей планеты бесчисленные века назад были отправлены экспедиции колонизировать новые миры. Звездные корабли пролетали многие световые года с грузом — яйцами. Зорлинги — яйцекладущие. Экипаж, который отправлялся в путешествие, покидая родную планету, вел нормальную жизнь, но нужно было время, чтобы пересечь огромные космические просторы. Порой на это жизни могло не хватить. Однако, перед тем как погибнуть, команда активировала часть своего груза. Кроме того, им необходимо было научить новое поколение управлять кораблем, передать им все знания о зорлингах. А потом, когда члены старой команды умерли бы, они продолжили бы поле, и если бы не нашли планеты, пригодные для обитания, то все повторилось бы вновь... И новое поколение продолжило бы полет... Так вот... Шесть тысяч лет назад корабль зорлингов прибыл на Землю. Началась подготовка к колонизации. Однако астронавты обнаружили, что их судно недостаточно заполнено.

В поисках пригодной для жизни планеты, они путешествовали слишком долго. Они отправили информацию назад на родную планету по субэфирному радио, и тогда с необходимым грузом был послан маленький кораблик. Для этого путешествия необходимо было несколько тысяч лет. Экипаж корабля, который приземлился на Земле, зная, что, умрут прежде, чем спасательный корабль доберется до них, и опасаясь, что их корабль попадет в руки дикарей, решил принять самые радикальные меры. Они построили подземное убежище, спрятали там яйца, установили механизмы, необходимые для поддержания жизни и покоя. Чтобы защитить убежище и использовать в качестве ориентира для спасательного корабля, они построили пирамиду над убежищем. Ныне это сооружение известно, как Великая пирамида Гизы. Потом экипаж покинул Землю так, чтобы дикари, обитавшие в этом мире, после смерти астронавтов и понятия не имели ни о каком космическом корабле.

— Вот это и есть настоящий секрет пирамиды, — прогудел Зорлок. — Она была построена моим народом более шести тысяч лет назад.

Зорлок оглядел ячейки, все еще сжимая в руке пистолет, а потом отвратительно рассмеялся на свой механический лад.

— Я единственный член экипажа спасательного судна, — продолжал он, — Остальные погибли во время долгого полета. Я был последним «разбуженным». Когда я прибыл на Землю, то быстро и безошибочно нашел ориентир. Но оказалось, что туннель, ведущий в подземное хранилище, засыпан. Кроме того, ваши народы совершили такие научные достижения, что я никогда не осмелился бы позволить им увидеть мое настоящее лицо или мой корабль. Они уничтожили бы меня и все яйца, что хранились в этой камере, и колонизация зорлингами этой планеты сорвалась бы.

Уэйд сглотнул, поперхнулся. Теперь он знал, что нужно делать, только делать это нужно было очень быстро. Если Зорлоку удастся запустить систему пробуждения — а здесь, в хранилище, были сотни яиц, — то вскоре орда ужасных завоевателей обрушится на ничего не подозревающих землян, не говоря уже о космическом корабле Зорлока, который тоже имел свой запас яиц. Военно-воздушные силы Земли, хрупкие самолеты, которые казались столь великолепными,

не смогли бы ничего противопоставить космическому кораблю пришельцев, который мог преодолевать такие расстояния, тысячелетиям путешествуя сквозь космические бездны.

Нужно было делать что-то, причем делать быстро.

Но что? В рукопашном бою доктор Зорлок уже превзошел его. А теперь у него еще и пистолет был. Управляя этим телом из стали, Зорлок мог победить и десяток мужчин.

Попытаться переубедить его? Объяснить, что ученые Земли будут приветствовать зорлингов, что на Земле полно места и им разрешат тут поселиться?

Бесполезно! Ученые Земли, после того как они оправятся от неожиданности, с удовольствием примут знания зорлингов, будут рады обменяться научными достижениями, но ученые не распоряжаются Землей. Но разве правительства, после того как зорлинги объявятся, позволят им закрепиться на планете? Это было бы все равно, как самому разместить микроба на собственном теле.

Доктор Зорлок жил среди людей и в достаточной мере изучил их образ жизни. Так что очень сомнительно, что он поверит, то люди станут приветствовать зорлингов. Он отлично знает, как лучше поступить.

Но это был единственный шанс. Уэйд решил попробовать это только от отчаяния.

Однако доктор Зорлок только посмеялся над ним.

— Я не такой дурак. Мы слишком чуждые, слишком разные. Люди уничтожат нас, если получат такой шанс. Между нами разразится война, в которой моя раса несомненно победит. Мы обладаем превосходным оружием, и наши знания во многом превосходят ваши. Вы, создания низшей расы, обреченные на гибель. А зорлинги, захватив ваши богатые земли, быстро расплодятся, распространившись по всей планете.

Тут он прервался и взмахнул рукой, указав пистолетом на Уэйда.

— Хватит об этом. Я дал вам возможность открыть для меня заблокированный туннель и рассчитывал, что вы поможете мне пробудить моих соотечественников. Один я сейчас не смогу этого сделать. Однако, думаю, вы бы сделали все возможное, чтобы перебить всех зародышей, пока они не развились во взрослые особи.

Он снова засмеялся — насмешливый звук, который заставил Уэйда напрячься.

— Но я смогу вас использовать. Вас и вашего друга. И для вас это будет большая честь! После этого вы сможете собой гордиться!

И опять насмешливый хохот гулом разнесся по всей пещере.

— Поднимите своего приятеля. Проведете меня по коридору туда, куда я покажу.

Уэйд напрягся. Должен ли он прыгнуть, метнуться к гротескному телу из стали шанс все на одном броске?

Пистолет был направлен прямо на него. Палец доктора Зорлока лежал на спусковом крючке. Пуля прикончит его раньше, чем он доберется до противника.

Его единственный шанс был в том, чтобы ждать и смотреть, не совершит ли Зорлок какую-нибудь ошибку.

Нахмурившись, он помог Биму подняться и, стараясь не делать резких движений, потащил его в проход, который указал ему Зорлок.

— Помните, — раздался у него за спиной голос доктора, — я внимательно слежу за вами, и у меня есть пистолет.

Уэйд стиснул зубы, но ничего не сказал.

Зорлок отвел его к двери из стальных прутьев, открыл ее. Повинуясь движению пистолета, он вошел.

Археолог оказался в маленькой комнате с каменными стенами и положил на пол своего товарища, который все еще был без сознания. Он все еще надеялся, что сможет поймать доктора Зорлока врасплох. Решетка захлопнулась перед носом археолога. Щелкнул замок.

Зорлок рассмеялся.

— Можете подождать, пока не придет время выполнить великую миссию. Тогда я вернусь за вами.

Доктор отвернулся и отправился прочь.

Теперь археологи оказались пленниками.

Глава 6. Зорлинги

Первая мысль Уэйда была о его друге. Он похлопал Бима по щекам, и через несколько минут его помощник пришел в себя.

— Где я? Что случилось? — прошептал он, пытаясь сесть.

Даже в полутьме камеры его лицо было очень бледным, глаза запали.

Уэйд быстро пересказал ему все, что узнал от доктора.

— Раса пауков? — прошептал Бим.

— Что-то вроде того, — ответил Уэйд. — Вероятно, это самые большие пауки из тех, что мы когда-либо видели. И они значительно умнее. То, что они могут строить космические корабли, доказывает их интеллект.

Неожиданно взревели машины, и где-то в другом конце зала с ячейками с потолока посыпались искры, словно где-то там пробуждались к жизни новые машины.

Уэйд сознательно отвернулся. Он не желал смотреть на то, что делает доктор Зорлок.

— Они планируют колонизировать Землю, — продолжал он. — Я не знаю, сколько ему нужно времени, чтобы «разбудить» своих соплеменников, но мы должны его остановить. После того как зорлингы достигнут зрелости, у нас не будет шансов. А если они воспроизводятся с той же скоростью, что и земные пауки, которых мы знаем, то в течение нескольких месяцев их будут тысячи.

— Конечно, рабочие расскажут, что мы здесь, и кого-то отправят на наши поиски, — запротестовал Бим.

— Не вариант, — ответил Уэйд. — Завтра или послезавтра кто-то тут и в самом деле появится. Только вот у меня предчувствие, что будет слишком поздно. После того как они натолкнутся на стальную дверь... Им понадобится динамит, чтобы сдвинуть с места эту дверь. Или газовые резаки. К тому времени, как вскроют дверь, эти пауки тут роиться будут. И один Бог знает, какое у них оружие.

А потом он ударил кулаком по раскрытой ладони.

— Мы, Сим, не только должны спасти наши шеи, но и спасти всю нашу цивилизацию от величайшей опасности, скоторой когда-либо сталкивалось человечество. И все, что у нас есть, — голые руки. Если только у нас в карманах найдется что-то, что сможет нам помочь, — добавил он.

— У меня в карманах! Думаете, я ношу в карманах палочки динамита?

— Посмотрите, и увидим, — настаивал Уэйд. — Это наш единственный шанс.

В итоге Бим опустошил карманы.

— Спички, — начал он. —Мешочек табака, трубка, отвертки, пара кожаных перчаток, в которых я показываю рабочим, как нужно обращаться с лопатой за три доллара и двадцать центов в день. Вот и все.

— Те же самые вещи есть и у меня, если, конечно, не считать отверток. Зато у меня есть карманный нож! А... Дайтека мне отвертку!

Схватив инструмент, он повернулся к решетке. Однако с первого же взгляда он понял, что попытка открыть дверь безнадежна.

— Петли снаружи, до замка не дотянуться, — простонал он, а потом посмотрел на Бима. — Сим, будь я проклят, мне очень жаль, что я втянул вас в это.

— Оставьте. Я сам сунул нос в эту ловушку, — Бим с трудом поднялся на ноги и посмотрел сквозь решетку.

— Боже! — пробормотал он. — Боже...

Вместе они наблюдали ужасную драму, которая разворачивалась у них на глазах.

Зорлок по-прежнему скрывался в теле, имитирующем человека, которое создал, чтобы скрыть свою истинную сущность. И он все еще был в длинном черном плаще. Теперь, когда доктор был без шляпы и очков, было видно, что «голова» доктора — лишь слабая имитация человеческой головы. Сейчас Зорлок выглядел словно чудовищный, оживший труп, с ужасной головой и черными дырами глаз. И. что самое ужасное, казалось, ему было совершенно наплевать на то, как он выглядит. Он переходил от ячейки к ячейке, стирая пыль и убирая тяжелые заслонки, оберегавшие содержимое ячеек от света.

Закончив, он вернулся к первой ячейки. Откуда-то из-под плаща он выудил странный сосуд и, отмерив из него щепотку черного порошка, бросил его в ячейку. Нашептывая что-то себе под нос, он перешел ко второй ячейке и повторил ту же процедуру. Он собирался пробудить к адской жизни орду, которая спала, еще не проклюнувшись из яиц, чтобы потом при ее помощи завоевать планету ничего не подозревающих землян.

Наконец, закончив все свои манипуляции, Зорлок исчез из поля зрения. Где-то за стеной взвыл генератор, вновь набирая обороты. Вскоре доктор Зорлок вернулся в пещеру с ячейками. Бросив взгляд в сторону решетки, он заметил, что Уэйд и Бим внимательно наблюдают за всеми его телодвижениями.

— Скоро, — прогудел его механический голос. — Скоро вы увидите зорлингов.

Уэйд выругался, но Зорлок лишь рассмеялся ответ.

Посаженные под замок, безоружные археологи покорно ожидали своей судьбы, которую уготовил им ужасный «доктор».

Постепенно температура в темнице начала повышаться. Становилось все жарче и жарче, словно некий источник тепла

гнал через комнату волны горячего воздуха. Зорлок, занятый изучением того, что происходило в ячейках, словно и не замечал этого.

Бим вытер пот со лба.

— Что, черт побери, он собирается делать? — глухо спросил Бим. — Он что, хочет сварить нас заживо?

— Думаю, что знаю, — ответил Уэйд. — Видите кабели, что протянулись от вершины одной ячейки к другой. От него к каждой ячейке отходят два провода. Видимо, в каждую из ячеек встроен обогреватель. А тепло должно ускорить развитие яиц...

— Господи, — прошептал Бим. — Это ведь что-то вроде инкубатора, — и, несмотря на жару, он вздрогнул.

Однако археологам не оставалось ничего иного, как наблюдать. Прошло минут тридцать. Час. Тем не менее Зорлок, наблюдая за процессом, переходил от одной ячейки к другой. Температура поднималась все выше и выше.

А потом все это и случилось.

Откуда-то из пещеры, перекрывая звук генераторов, донесся странный звук, больше напоминавший пронзительный визг.

Зорлок тут же замер. Распрямившись во весь рост, он внимательно осмотрел пещеру. А потом откуда-то из глубины искусственного тела «доктора» раздался пронзительный визг.

И такой же визг ответил ему.

Первое яйцо созрело, и тварь, находившаяся внутри, проклюнулась.

Зорлок со всех ног помчался в поисках источника звука и остановился возле одной из ячеек. А потом он заворковал, и в его голосе явно слышались нотки ликования, хотя археологи так и не поняли, что говорил инопланетянин.

Медленно и осторожно доктор Зорлок нагнулся над ячейкой, поднял что-то и перенес на открытое место, положивна пол.

Вот тогда Уэйд и Бим впервые увидели, как выглядят зорлинги. Тело размером с баскетбольный мяч опиралось на четыре слабые ноги. Четыре руки, которые то и дело сжимались и разжимались, были покрыты серыми волосами. Слабый, влажный, тошнотворный на вид новорожденный зор-

линг застыл на полу пещеру — инопланетное отвратительное чудовище!

Голова, непропорциональная по отношению к телу, была лишь наполовину человеческой. Повернув голову к Зорлоку, возвышающемуся над ним, инопланетное чудовище захныкало, завывая. И вновь доктор Зорлок ответил ему. А потом он посмотрел в сторону решетки, за которой застыли Уэйд и Бим, и снова что-то сказал чудовищу на полу, а потом, вытащив из кармана плаща пистолет, направился к темнице археологов.

— Он идет к нам, — парализованный ужасом, прошептал Бим.

Неожиданно доктор остановился. А потом кто-то закричал нечеловеческим голосом. Зорлок стал оглядываться, пытаясь отыскать источник звука.

— Это Мохаммед, — воскликнул Уэйд, указывая вглубь пещеры. — Он пришел в себя. А ведь я совершенно о нем забыл, — а потом он закричал во весь голос. — Мохаммед! Мохаммед! Сражайся! Борись! Прикончи Зорлока! Он убьет тебя, если ты не прикончишь его.

Уэйд вцепился в прутья обеими руками, надеясь, что Мохаммед сможет одолеть доктора Зорлока.

А бригадир рабочих, едва бросив взгляд на приближающуюся к нему фигуру, со всех ног бросился к стальной двери, принялся колотить по ней кулаками и ногами. Когда же он осознал, что все его попытки бесполезны, он начал дико озираться, ища, куда спрятаться. Только укрытия тут никакого не было, а Зорлок был уже рядом.

— Сражайся! — закричал Уэйд.

Дрожа всем телом, бригадир шагнул навстречу доктору Зорлоку. А потом мужество окончательно покинуло его. Быть может, он стал бы сражаться, окажись перед ним простой человек, но пустые, зияющие тьмой глазницы сказали ему, что перед ним чудовище. Видимо, он решил, что Зорлок, один из оживших богов Древнего Египта.

Медленно опустившись на колени, египтянин поднял руки, моля о пощаде. Едва шевеля губами, он начал шептать какую-то арабскую молитву.

Зорлок поднял пистолет. Выстрел громом разнесся по пещере, и во лбу Мохамеда появилась крошечная черная точка.

Вздрогнув всем телом, бригадир завалился на пол лицом вниз. Уэйд застонал и отвернулся.

— О боже! — прошептал Бим. — Вы только посмотрите!

Тем временем доктор Зорлок потащил тело египтянина по полу, ухватив его за лодыжку одной рукой. Он толкнул ее в сторону зорлинга.

С благодарностью прохрипев что-то, новорожденное чудовище перебралось на тело несчастного египтянина, а потом впилось зубами в еще теплую плоть.

— Вот, что он хочет сделать с нами, — выдохнул Уэйд. — Вот какую почетную миссию он нам приготовил. Он шел убить нас, когда Мохаммед пришел в себя!

Глава 7. Сражение в пещере

На мгновение Зорлок замер, наблюдая за ужасной сценой, развернувшейся на полу у его ног. А новорожденная тварь, поедавшая тело несчастного бригадира, довольно верещала, словно благодарила доктора за обильную трапезу. А потом внимание доктора отвлеклось.

Где-то в глубине пещеры заверещал еще один вновь родившийся зорлинг.

Доктор ответил ему и быстро направился ко второму новорожденному. Осторожно взял его на руки и отнес к полусъеденному трупу Мохаммеда. Второй зорлинг присоединился к первому. И вновь где-то в пещере раздалось щебетание.

— В любую минуту он отправится за нами, — прошептал Уэйд. — И тогда мы тоже станем пищей для одного из этих отвратительных существ.

Ситуация становилась отчаянной. Археолог еще раз попытался разжать прутья решетки, но все его попытки оказались напрасны. В отчаянии он оглядел маленькую комнатку — ловушку, в которой они оказались. На полу он увидел вещи, которые они вынули из карманов: трубки, табак, нож, отвертку, две пары перчаток — ничего, что могло бы им помочь.

Никакого оружия.

— Там еще один защебетал, — тихо сообщил Бим, все еще сжимая прутья решетки. И в голосе его звучали нотки безысходности.

Что они могли сделать?

— Если Зорлок откроет дверь, прежде чем выстрелит в нас, мы оба одновременно бросимся на него... — в отчаянии предложил Уэйд. — Это — наш единственный шанс. А пока встанем по обе стороны решетки так, чтобы он не смог увидеть нас, пока не откроет ее. У нас чертовски мало шансов, но так у нас по крайней мере есть надежда погибнуть в бою.

— Еще проклюнулось четыре или пять тварей, — ответил Бим. — А теперь Зорлок идет к нам!

— Назад, приготовьтесь! — прохрипел Уэйд. — Присядь на корточки.

Вжавшись в стенку по обе стороны двери, археологи ждали. Они отличны слышали тяжелые шаги, приближающегося механического тела.

Уэйд наклонился вперед подобрать отвертку. Ее острое лезвие могло нанести опасную рану в человеческой плоти. Может быть, ударив со всей силы, ему удастся пробить броню инопланетянина или нащупать уязвимое место в броне, защищающей зорлинга. Когда же археолог наклонился, то увидел то, что заставило его задохнуться. Пол был вымощен большими каменными блоками, которые не были сцементированными. Уэйд соскреб пыль, нашел щель между блоками.

— Помогите, Сим, — прошептал он Биму. Срывая ногти, они потянули блок. Потом Уэйд поднял его обеими руками над головой и присел у стены.

Дверь с грохотом распахнулась, когда Зорлок открыл замок. Доктор Зорлок, презирающий этих слабаков людей, застыл в дверном проеме с пистолетом в руке.

— Вас ожидает великая честь, — торжественно прогудел он. — Орда золингов пробуждается к жизни. И вы должны будете стать пищей...

Резким движение Уэйд швырнул каменный блок, вложив в бросок всю свою силу. В обычных обстоятельствах он едва поднял бы его, но отчаяние придало ему сил.

—Умпф! — вызвалось у доктора Зарлока, когда каменный блок обрушился на него.

Потеряв равновесие, неуклюжий металлический корпус рухнул на пол, пистолет, выскользнув из механической руки доктора, отлетел в сторону. Уэйд, перепрыгнув через упавшее тело, подхватил оружие. Он торопливо начал нажимать на курок, пока не опустела обойма, послав в тело Зорлока поток раскаленного свинца.

Пули, визжа, отлетали от металлических пластин.

А потом целый и невредимый Зорлок приподнялся, опираясь о пол механическими руками. Уэйд и Бим отскочили. Взвизгнув Зорлок встал на ноги.

— Залезай на ячейки! — закричал Бим. — Он не может управлять своим искусственным телом с такой же ловкостью, как мы.

И с ловкостью горного козла молодой археолог залез на ячейки, опасно балансируя на краю едва не запутавшись в сети проводов.

Уэйд последовал за своим молодым товарищем. Все что угодно, лишь бы оказаться вне досягаемости от ужасных пальцев, которые с металлическим скрежетом уже сжались в тяжелые, смертоносные кулаки.

Взвизгнув, Зорлок попытался поймать их. Однако археологи помчались через зал, перепрыгивая с вершины одной ячейки на другую. Доктор же, не решаясь полезть за ними наверх, метался по проходу между ячейками, будучи не в состоянии схватить беглецов.

А потом он оказался в тупике. Он рванулся к Биму, который немного не рассчитал, совершая очередной прыжок — его нога соскользнула. Он не упал. Но случайным движением вырвал один из электрических проводов, подводивших питание к ячейке. Во все стороны полетели искры.

Доктор Зорлок взвыл. Развернувшись он, завывая от ярости, со всех ног бросился туда, где, судя по всему, располагалась комната управления этим инкубатором.

— Он уходит, — воскликнул Бим.

— Будь я проклят, если это надолго, — ответил Уэйд. — Он боится, что мы вырвем еще несколько проводов и уничтожим содержимое ячеек. Он убежал за оружием своей расы, которое наверняка храниться где-то здесь. Ведь должен он как-то защищать своих соплеменников, пока они вырастут.

Куда и зачем убежал Зорлок, сомнений не вызывало. Он ушел за пистолетом, за каким-нибудь тепловым излучателем своей расы, лазером, дезинтегратором.

И жить им осталось несколько минут.

И тут, взглянув на вырванные провода, Уэйд воскликнул, а потом спрыгнул в проход и со всех ног бросился в комнату, где их держали. Через секунду он вернулся с перчатками и перочинным ножом.

Пару перчаток он перебросил Биму.

— Возьми эти. Рвани один из проводов... — а потом он быстро изложил свой план.

Менее чем за минуту они вырвали два провода, сняли изоляцию, освободив футов десять провода, а потом скрутили грубые петли из изолированных участков. А потом они, протащив за собой провода, встали по обе стороны двери, за которой исчез доктор Зорлок. Это была надежда, порожденная отчаянием. Если бы они смогли уничтожить Зорлока...

Теперь вся пещера была наполнена щебетанием и писком новорожденных инопланетян, проклюнувшихся из яиц, под воздействием искусственного тепла отопительных агрегатов. А на полу у мертвого тела египтянина визжали трое новорожденных зорлингов, которые наелись и теперь были равнодушны ко всему происходящему вокруг них.

Уэйд и Бим ждали. Напряженные, готовые ко всему. Их лица стали белыми как мел, а на лбу выступил холодный пот. В руках, защищенных перчатками, они держали оголенные провода. Они ждали. Но вот они услышали тяжелые шаги доктора Зорлинга.

— Он идет! — прошептал Уэйд сквозь крепко стиснутые зубы.

Зорлок проскочил через дверной проем, держа в руках какое-то оружие. Он не заметил притаившихся археологов.

Быстрым движением они оба приготовили свои петли.

Это напоминало ловлю рыбы в ванне. Зорлок не знал, что они спустились с ячеек и притаились рядом с дверью, поджидая его. Он смотрел вверх, когда петля Уэйда упала на него, соскользнула по плечам, а потом петля затянулась, прижав руки доктора к его телу, когда археолог потянул провод изо всех сил. А потом вокруг шеи Зорлока затянулась и петля Бима.

На мгновение все замерло, а потом Зорлок остановился, словно налетел на каменную стену. Посыпались искры, полыхнуло пламя, повалил дым — электричество замкнуло через стальные пластины.

Зорлок закричал, и крик его был полон боли. А потом крик превратился в зловещее булькание. Оружие с грохотом выпало из его рук. В соседней комнате генератор неожиданно взвыл от страшной нагрузки. Петли проводов теперь засветились красным. В металлическом корпусе еще раз полыхнуло пламя. Покачнувшись, доктор Зорлок начал падать и с грохотом рухнул на пол. От накинутых петель оголенных проводов посыпались белые искры.

Зорлок был мертв. А потом совершенно неожиданно из полутьмы появилось маленькое чудовище. Оно осторожно приблизилось, стараясь не прикасаться ни к остаткам оголенных проводов, ни к «мертвому» металлическому телу. Вместо этого оно потянулось к оружию, выпавшему из рук доктора.

— Осторожно! — закричал Бим. — Эта тварь уже достаточно разумна.

Слабые руки чудовища схватили излучатель и стали шарить по нему, словно пытаясь понять, как его активировать.

Уэйд беспомощно огляделся и увидел металлическую планку, валявшуюся у стены. Один конец планки был закруглен, как у средневековой дубинки. Скорее всего, это был какой-то рычаг для работы с огромными машинами.

Схватив его, Уэйд крутанул его над головой и метнулся вперед. В отчаянии он взмахнул им и обрушил на крошечное чудовище. Крики твари оборвались, когда она оказалась буквально раздавлена ударом землянина. Бросив планку, Уэйд подхватил оружие, брошенное Зорлоком.

Бим был рядом с ним.

— Что теперь ты собираешься делать?

— Не задавай дурацких вопросов, — задохнулся Уэйд. — Вы отлично знаете, что я собираюсь сделать, вот только разберусь, как работает эта штука.

Он нажал на копку в нижней части ручки. Яркое белое пламя вырвалось из сопла в передней части излучателя и ударило в ближайшую ячейку. Там, где пламя коснулось металла, тот раскалился добела.

Два маленьких зорлинга поспорили из-за остатков трупа несчастного Мохаммеда. Уэйн, повернувшись, направил пламя в их сторону. Запах горелой плоти был ужасным.

Сам же Уэйн был мрачным, как смерть, но он не колебался. Бим держался позади старшего товарища, но, похоже, не собирался останавливать его.

А потом Уэйн пошел по коридору, от ячейки и ячейке, уничтожая только что родившихся зорлингов и яйца. Когда он закончил, в пещере не осталось живых, если не считать самих археологов. По полу полз густой черный дым, а потом что-то громко треснуло, генератор смолк и наступила тишина.

Тогда Уэйд обратил инопланетное оружие против стальной двери, отрезавшей их от внешнего мира.

Толпа возбужденных, переполненных благоговейным страхом рабочих собралась в устье туннеля. Они были поражены, когда из клубов дыма появилась пара археологов, потных, в одежде, прокопченной вонючим дымом. Выбравшись из пирамиды, они повалились на песок, стали целовать его, в чем-то клясться друг другу... И никто из наблюдавших за ними не подозревал, что они не только спасли Землю, но и избежали участи много худшей, чем просто смерть.

Еще больше был удивлен джентльмен в Нью-Йорке, секретарь Американской Археологической ассоциации, когда получил телеграмму от молодого ученого, который, как он полагал, был уже на полпути домой.

АМЕРИКАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ, НЬЮ-ЙОРК ТЧК

СЕКРЕТ ПИРАМИДЫ РАСКРЫТ ТЧК ОТКРЫТИЕ ИМЕЕТ ОГРОМНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЧК ПОШЛИТЕ ЭЛЕКТРИКОВ И ИНЖЕНЕРОВ СРАЗУ ПО ПОЛУЧЕНИЮ ЭТОЙ ТЕЛЕГРАММЫ ЗПТ ЧТОБЫ УСТАНОВИТЬ НАЗНАЧЕНИЕ ОБОРУДОВАНИЯ ЗПТ НАЙДЕННОГО НАМИ В ХРАНИЛИЩЕ ПОД ПИРАМИДОЙ ТЧК ПЕРЕДАЙТЕ КОЛЛИНЗУ И ВСЕМ ТЕМ ЗПТ КТО СОМНЕВАЛСЯ В ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ НАШИХ РАБОТ ДВОЕТОЧИЕ ПУСТЬ ИДУТ К ЧЕРТУ ВСКЛ

С УВАЖЕНИЕМ ДИК УЭЙД И СИМ БИМ

Ракеты над Европой

СНОВА НА ФРОНТЕ ХОДЯТ СЛУХИ О СТРАННЫХ БОМБАРДИРОВКАХ

19 октября 1939

На западном фронте прошлой ночью наступило затишье. Тем не менее ходят слухи, что странный артиллерийский обстрел, имевший место два дня назад, повторился. В этот раз, как и в прошлый, сообщение пришло из Альспач, расположенного неподалеку от линии фронта. Крестьяне утверждают, что вчера ночью кто-то выпустил по деревне снаряды огромной взрывной силы и невероятно большого калибра.

Компетентные военные наблюдатели, которые отправились проверять эти слухи два дня назад, в недоумении, так как не могут объяснить, что происходит. Посланные на разведку самолеты сообщили, что в этом районе нет никакой вражеской артиллерии. А потом странные снаряды, оставляющие за собой снопы сверкающих искр и газовые хвосты, снова стали падать на мирные поселения. Всякий раз они взрывались с шумом, а ударная волна сбивала людей с ног, и только полная и своевременная эвакуация из района обстрела спасла человеческие жизни.

Однако настоящая мистика началась, когда на следующее утро обнаружили остатки одного из «снарядов». Судя по всему, некоторые из них были до тридцати дюймов в диаметре.

Среди различных гипотез наиболее правдоподобной сочли ту, что выдвинул один из военных, предположивший, что снаряды были ракетами, запущенными с большого расстояния, несущими заряд невероятной мощности. Однако такое фантастическое предположение нуждается в подтверждении, и если это окажется правдой, то это очень напоминает холокост. Ракеты…

Мартин Ленгли протер стекла очков. С сожалением он отложил газетную вырезку, которую с мрачным видом протянул ему молодой человек.

— И вы заявляете, что это — странное новое оружие? — тихим голосом поинтересовался он.

— Может быть. Мы знаем, что слухи верны. Но у нас есть только наши страхи...

Молодой человек, стоявший перед ним, был штатским, но по прямой осанке и широкому развороту плеч можно было с уверенностью сказать, что совсем недавно он носил военную форму. Бледное лицо, взгляд внимательный и напряженный.

Ленгли откашлялся.

— Лейтенант Андрэ, — начал он. — Армия, естественно...

— Простите меня, месье, — перебил его лейтенант. — Я нахожусь здесь как частное лицо. В данный момент я действую на свой страх и риск, так что не стоит упоминать страну, на службе которой я состою. Вы должны помнить об этом. Мы уже имели негативный опыт... Шпионы...

Ленгли заморгал.

— Шпионы! Только не в Америке! Тут нет никаких шпионов.

Молодой человек едва заметно улыбнулся.

— Боюсь тут, месье, вы ошибаетесь. В любом случае нужно быть осторожным. Однако я пришел к вам не для того, чтобы говорить о шпионах, — продолжал молодой человек. А потом он снова указал на вырезку. — Вы раньше слышали о чем-то подобном?

Ленгли виновато покачал головой.

— Боюсь, я почти не читаю газет. Новости с полей войны в Европе мне не по нраву. К счастью, у меня и без того полным-полно работы...

Ленгли увидел, насколько его слова поразили молодого человека.

— Да, месье. Война претит всем нам, — он выдержал паузу, а потом упрямо продолжил: — Вы ученый, и очень наука — работа всей вашей жизни. Но жизни миллионов людей могут зависеть от вашей работы. Поэтому я и приехал к вам. Нам нужна ваша помощь... Мы очень нуждаемся в вас. Если наши враги и в самом деле использовали ракеты, это угроза для всей нации...

— Моя помощь... — печально протянул Ленгли. Потом он еще раз взглянул в лицо молодого человека, и ему показалось, что он видит не только его, а еще миллион молодых людей, на лицах которых написаны такой же страх и неуверенность. Они в самом деле нуждались в его помощи. — Только вот я не знаю...— начал было ученый, а потом замолчал.

Идея, пришедшая ему в голову, вызвала недоумение. Ленгли провел много лет, экспериментируя с ракетами. Он много лет мечтал построить ракету, которую можно было бы использовать как космически корабль. Он видел модель такого корабля и видел, как тот летает. Ландстрет — его учитель, светлая ему память, смастерил как-то такую ракету, но его секрет ушел вместе с ним в могилу. С тех пор Ленгли знал, что никогда не успокоится до тех пор, пока сам не создаст еще одну такую модель. И теперь этот молодой человек — Ленгли заставлял себя не думать, о том, что перед ним офицер, — предлагал ему шанс...

— Но от меня-то вы что хотите? — поинтересовался Ленгли.

Молодой лейтенант глубоко вздохнул. Сверкнув глазами, он схватил руку Ленгли и на мгновение сжал ее.

— Спасибо, господин Ленгли, — прошептал он. — С помощью великого Мартина Ленгли мы обязательно победим. Мы должны разгадать загадку. Если мы не сможем найти защиту от этого оружия, а наши ученые уже признались в собственном бессилии, то нам по крайней мере нужно найти что-то адекватное для принятия ответных мир. Иначе наш враг...

В тот же миг Ленгли побледнел, как полотно.

— Нет, — объявил он. — Нет! — Он потер лоб рукой, не зная, что еще и сказать. — Моя работа исключительно мирная, никакой войны. Моя страна поддерживает нейтралитет. И более того лейтенант, я всю свою жизнь был пацифистом. Вы просите от меня невозможного.

— Вы не понимаете! Эта война навязана нам... Она ведется против невинных людей. Наши солдаты готовы умереть в бою, но новое оружие... Это переходит все границы. У нас есть подозрение, что наши враги могут посылать эти ракеты за сотни километров, убивая женщин и детей, которые и так страдают... Мы хотим создать подобное оружие

лишь для того, чтобы продемонстрировать его врагу и пригрозить: если они станут использовать его, мы им также воспользуемся.

Ленгли медленно покачал головой.

— Мне жаль, — протянул он. — Это не моя война...

Ракета влетела через большой эркер за спиной лейтенанта, раздался страшный грохот... От взрыва дом качнуло. Сбитый с ног ударной волной Ленгли отлетел к стене. Он навсегда запомнил смертоносный вихрь пыли и медленно падающие кирпичи с оседающего потолка. Потом он вспомнил, что офицер говорил о шпионах. А потом... Потом словно чья-то огромная рука закрыла ему глаза...

— Доктор сказал: «Необходимо, чтобы вы хорошенько отдохнули», — молодая сиделка в белом улыбнулась Мартину Ленгли.

Ленгли едва разглядел ее силуэт сквозь красный туман, застилавший ему взор. Он смотрел, словно через визор расфокусированного фотоаппарата. Однако, собравшись с силами, он все-таки задал вопрос. И первыми словами, которые он произнес, были:

— Как лейтенант?

— Он в порядке. Когда вы сможете говорить с ним, он непременно к вам заглянет.

Ленгли уставился в потолок. Постепенно в его сердце начал разгораться огонь гнева.

— Вы знаете, что произошло? — спросил он у медсестры.

Она успокаивающе улыбнулась ему, а потом сказала:

— Вам, мистер Ленгли, не надо так волноваться.

Именно в этот миг Ленгли увидел лейтенанта Андрэ, который появился за спиной медсестры. В этот раз молодой человек был одет в военную форму своей страны. Только вот лицо его оказалось наполовину скрыто повязками. Левая рука его висела на ремне, а другой он отдал салют, поднеся её к фуражке, когда навис над кроватью Ленгли. Мгновение казалось, что сестра вот-вот погонит его прочь, но потом, взглянув на Ленгли, она улыбнулась и отошла.

— Вы в порядке, месье? — с тревогой в голосе поинтересовался молодой человек, а потом добавил, словно уговаривая себя: — Конечно, в порядке. Врачи мне все рассказали.

Через час я уезжаю на родину, и я зашел сказать вам, насколько мне обидно, что причинил вам такие неприятности. Наши враги не остановятся ни перед чем, — он посмотрел на ученого, и тот увидел, что губы молодого человека бледные, как из пепел. — Простите, месье, мне слишком тяжело сдерживать свои чувства.

В этот момент Мартин Ленгли понял, что сделает, как только выйдет из больницы.

Иногда он даже самому себе казался странным. А в этот раз спокойного Ленгли охватил приступ холодной ярости. Его глаза горели диким блеском. Неожиданно он сел в постели.

— Если вы подождете, пока я оденусь, лейтенант, я присоединюсь к вам, — сказал он совершенно спокойно. — Эти ракеты заинтересовали меня.

А через четыре дня Мартин Ленгли вышел из летающего судна, которое забрало его на Азорских островах. Туда он добрался на крейсере, который высадил его в тридцати милях от Сэнди-Хука. А потом был самолет. И вот Ленгли стоял на чужой земле.

В комнате собрались шесть человек. Мартин Ленгли оглядел их мрачные лица. В комнате было тяжело дышать от сигаретного дыма. Стопки бумаги лежали на огромном круглом столе. Эти несколько высокопоставленных офицеров из корпуса разведки внимательно слушали майора Бриллард. Майор говорил спокойно, но в его голосе звучали мрачные нотки. Словно сама смерть, раскинула свои крылья над собравшимися.

— ... и теперь мы определенно знаем, что наш враг изготовил подобные реактивные снаряды в огромном количестве. До сих пор они, судя по всему, лишь экспериментировали с ними. В противном случае, если бы они начали массированный обстрел... — тут майор запнулся. — Но они не станут делать этого, пока не будут готовы нанести главный удар. Пока у них не будет тысячи таких ракет, готовых к запуску. Нам надо быть готовыми к тому моменту. Иначе наша страна будет полностью и окончательно уничтожена.

— Отлично, — объявил Ленгли. — Тогда покажите то, с чем мы имеем дело.

Военные отвели ученого в лабораторию, показали ему куски искореженного металла, железа, меди, фрагменты корпуса — это все, что оставалось от ракет, только обломки.

Лейтенант Андрэ отправился в лабораторию вместе с Ленгли. В течение ближайших нескольких часов ученый был еще больше разочарован. Все обломки ракет оказались слишком сильно деформированы, чтобы можно было что-то сказать о том, как они устроены.

— Я должен получить одну из этих ракет целой, — не задумываясь, объявил ученый. — Ту, которая не взорвалась.

— Невозможно! Мы надеялись, что вы сможете воссоздать ее по обломкам. Конечно, наши патрули предупреждены, и если хотя бы одна из ракет не взорвется, ее тотчас доставят сюда.

— Нужно сделать ловушку, — объявил Ленгли. — Сети. Маты и мягкая грязь. Даже разрывные снаряды часто не взрываются, если попадают во что-нибудь мягкое.

— Мы не уверены, что они используют контактное взрывчатое вещество. Быть может, у них временный взрыватель.

— В таком случае, все, что вы можете сделать, уведомить своих солдат, чтобы те молились, — вздохнул Ленгли.

Но сослуживцы Андрэ были не готовы к молитве. Ленгли предоставляли все, что он просил. Его распоряжения исполнялись по первому требованию.

В ту же ночь несколько сотен отважных добровольцев вышли из укрепленных фортов, дотов и землянок и стали таскать ведра воды, выливая их в ямы, устраивая огромные озера грязи; срубая штык-ножами и складывая друг на друга кусты, превращая их в подобие огромных матов.

В районе деревни Альспач, где ракеты падали уже несколько ночей подряд, никого не было — ни жителей, ни военных. Ленгли сам отправился туда. Его сопровождал Андре. Враги, заметив отряд Ленгли, открыли ураганный огонь из минометов и пулеметов Ленгли и его спутники нырнули в воронку, но не все успели укрыться. Сколько еще людей умрет, прежде чем они добудут неразорвавшуюся ракету, ученый не знал, только теперь на его лице появилось такое же отрешенное выражение, как и на лице Андрэ.

После полуночи на оставленные позиции упало несколько ракет. Словно по окопам ударили чудовищные заряды шрапнели. Взрывы оказались невероятной силы. Ракеты упали рядом. Земля, казалось, встала дыбом...

Уже перед самым рассветом, словно светящийся призрак со свистом прилетела последняя ракета. Ленгли и Андрэ наблюдали за происходящим, сжавшись на дне воронки. С ревом ракета устремилась к земле, Ленгли и Андрэ сжались, ожидая взрыва, только его не последовало.

Ракета попала в одну из гигантских грязевых луж.

Когда Ленгли и Андрэ выудили из грязи невзорвавшуюся ракету, они, точно так же, как те солдаты, что им помогали, вымазались в грязи с ног до головы. Ракета имела гладкий корпус, и нужно было еще больше людей, чтобы вынести её с поля боя. И под прикрытием утреннего тумана Андрэ привел их.

До восхода солнца они заполучили ракету и отнесли ее на другую сторону холма, чтобы противники не смогли разглядеть, что они делают, когда взойдет солнце. Потом они загрузили ракету на машину. Лнгли сел с одной стороны, а Андрэ — с другой стороны от ракеты, не давая ей откатиться в сторону и сдетонировать. Ни один из них даже не подумал, что с ними случится, если ракета взорвется, когда они будут рядом.

Когда же они благополучно прибыли в лабораторию, то вокруг них сгрудились специалисты по взрывчатым веществам. Вскоре военные вытащили зубы у ракеты. Когда фугасный заряд вынесли из лаборатории, Ленгли вдруг почувствовал слабость в коленях и буквально рухнул на ближайший стул. Потом он вытер пот с лица. Каждый мускул его тела дрожал от напряжения.

— Мы победили! — прошептал Андрэ бескровными губами. — Мы добыли одну из этих ракет. Как только мы разберемся, как она работает, мы и сами сможем сделать точно такие же. Мы выиграли! Выиграли! Выиграли! — В конце этой краткой речи он почти кричал.

— Может быть, — протянул Ленгли. —Я видел сегодня слишком много смертей. И многие из них умерли из-за этой штуки, которая, по-вашему, должна принести мир.

Лаборатория была переполнена. Эксперты всех сортов собрались тут, чтобы помочь. Когда Ленгли начал осматривать корпус ракеты, он заметил тревогу на лицах собравшихся экспертов. То же выражение он видел на лицах многих людей, с тех пор как прилетел в Европу. А потом он неожиданно понял, все они — все те, кто находился на войне, отчасти напоминали приговоренных к расстрелу...

Ленгли удалил корпус и стал изучать двигатели. Одного взгляда на них оказалось достаточно для того, чтобы сердце едва не выпрыгнуло из груди ученого.

Эти ракеты... Они были построены по дизайну Ландстрета! Того самого Ландстрета, который построил «Вояджер» и послал его к звездам, чтобы тот не попал не в те руки. Ландстрет умер, защищая модель ракеты вроде этой. Но выходит, он умер напрасно! Каким-то образом диктатор, который заставил Ландстрета бежать из страны, добрался до его чертежей. Или ракета упала назад на землю, и ее подобрали подручные диктатора. Но если так, то почему диктатор не построил ракетные корабли, почему его орды не бороздят на них небо, сметая всех и вся на своем пути. Или это должно произойти в ближайшем будущем?

Ленгли вздрогнул, когда по его телу прокатилась новая волна страха.

А потом он заметил еще одну деталь. Ракета была сделана невероятно грубо. Ей далеко было до изящных механизмов Ландстрета. Те, кто изготовил ее, так и не смогли точно повторить механизм Ландстрета. Система управления выглядела совершенно примитивной. В самом деле, этой ракетой почти невозможно было управлять, она летела сама по себе.

Возможно, люди диктатора нашли старые заметки Ландстрета. Это и позволило им создать подобную ракету. Конечно, они не находили никакого «Вояджера». Но они получили ключ, и сделали, что смогли. Нахмурившись, Ленгли продолжал изучать ракету...

Неожиданно ассистенты и эксперты, собравшиеся вокруг него, заволновались. Повернувшись, ученый увидел посыльного, который буквально продирался сквозь толпу. Андрэ забрал у посыльного записку. Прочитав, он побелел как мел.

— Это из штаб-квартиры, — пробормотал он. — Наша разведка сообщает, что враг собирается атаковать в ближайшее время, через несколько дней, может, часов. Месье Ленгли нам просто необходимо получить такие же ракеты для контратаки.

Ленгли не ответил. Он хотел сказать, что подобное невозможно, но у него язык не поворачивался произнести это. Ленгли с самого начала знал, что затея эта безнадежна. Правда, у него была модель — он разобрался в системе управления двигателями. Теперь он знал, как эти ракеты сделаны. Но потребуются недели, чтобы начеритили чертежи, подготовить

оборудование, начать производство, наладить работу двигателей и изготовить боеголовки. А у них не было этих недель. Никто не знал, сколько у них времени.

— Мы должны придумать что-то еще, — с горечью заметил Ленгли. — Мы должны найти какой-то способ... А почему бы и нет... Мы должны найти способ взрывать эти ракеты, когда они еще на подлете. Взрывать их до того, как они ударятся о землю.

— А разве... разве такое возможно? — удивился Андрэ.

— Можно кое-что придумать, — тихо сказал Ленгли.

Как он получил необходимый результат, Ленгли и сам не понял. Ему помогали лучшие из ученых этой страны. Все они помогали Ленгли. Они работали все вместе, а потом от усталости готовы были отказаться от замысла. Но они продолжали. А напряжение и страх постепенно нарастали.

— Когда наступит момент ноль? Когда враги атакуют? — перешептывались помощники Ленгли.

А потом они поняли: им улыбнулась удача.

Копаясь в реактивном механизме ракеты, Лэнгли нашел решение. Ракетный двигатель не работал, если газ выходил со слишком большой скоростью. Значит, нужно отправить сигнал, блокирующий работу двигателей.

— Господи, — пробормотал Ленгли. — Разве такое возможно?

Неужели и в самом деле возможно то, о чем он подумал? Только вот на проверку времени не было. Это должно было сработать. Ракеты прилетали в облаке искр, и за каждой тянулся сверкающий хвост. Идея заключалась в том, чтобы выпустить сигнал — направленный импульс, прежде чем они упадут на землю.

Ленгли вызвал инженеров, и они начали монтировать установку. Они трудились весь день и всю ночь. А сводки, приходящие в лабораторию, заставляли их поторопиться. Враг уже сосредоточил у линии фронта большие группировки войск, танки, батареи артиллерии, а в первую же ночь, пока Ленгли с помощниками еще изучали ракету, разнес ракетами форд, который до этого считался неприступным. Враг пока не начинал наступления, однако мог напасть в любой момент.

— Месье Ленгли?

— Мы делаем все возможное, — ответил ученый. — Молчите и не мешайте работать.

К полудню второго дня импровизированные приборы отправили на линию фронта. Достаточно ли их будет? Ленгли не знал. Будут ли они работать? Ленгли не знал. Однако он надеялся, что будут. Слабые приветствия прозвучали, когда он сказал, что все готово. Его помощники слишком устали, чтобы веселиться. Да и сам Ленгли слишком устал, чтобы заботиться об их настроении.

Наступила вторая ночь. Но Ленгли не отправился на передовую. Он и так знал, что случится, когда дальнобойные ракеты попадут в лучи его приборов. Вместо этого он уселся в кресло в углу лаборатории и уснул. И в его снах эхом отдавались крики:

— Мы выиграли! Выиграли! Выиграли!

Он не видел, что произошло. А потом он услышал, как кто-то зовет его, почувствовал, как кто-то дергает его за руку. Он открыл глаза. Над ним склонился Андрэ. Лицо лейтенанта казалось серым, а глаза казались безумными.

— Месье, месье! Мы проиграли. Все пропало!

Ленгли сел.

— Не удалось! — повторил он. — Ракета не взорвались?

— Ракеты взорвались, месье. Но они... — Лейтенант попытался что-то объяснить, но его слишком сильно переполняли эмоции и речь его понять было невозможно.

— Покажите, что произошло, — резко потребовал Ленгли.

Когда они достигли линии фронта, ночь была уже на исходе, и первые лучи зари уже раскрасили небо на востоке.

Измученные офицеры безмолвно застыли, в отчаянии уставившись на Ленгли. Андрэ исчез на пару минут, а когда вернулся, с ним подошли человек двадцать пять. Многие лица были знакомы Ленгли — это были те самые люди, с которыми он работал. тказавшись ото сна, они словно по мановению волшебной палочки перенеслись из лаборатории на передовую.

— Нужно пройти на позицию, чтобы вы сами смогли увидеть результаты, — сказал Андрэ, обращаясь к Ленгли — Территория, где мы расположили наши излучатели... она... Она теперь в руках наших противников. Некоторые до сих пор расположены на ничейной земле.

Ленгли задумчиво кивнул. Он должен был сам увидеть.

Обстрел утих, и на передовой не было никакой активности. Вдалеке на территории противника что-то надрывно гудело. Там двигались машины. Враг приближался, занимая новые позиции.

Потом Ленгли заметил небольшие группы врагов — разведчики, пробирающиеся вперед. Земля тут была все изрыта, вся в огромных воронках. Где-то на фланге прерывисто закашлял пулемет, а потом замолчал. Ему в ответ прозвучало несколько винтовочных выстрелов.

— Здесь находилась одна из установок, — спокойно проговорил Андр.

Ленгли посмотрел на землю, которую, казалось, перепахали гигантской косой. И нигде не было ни следа ни машины, ни трупов. — Вчера вечером ракеты взорвались в воздухе, но эффект оказался таким же ужасным, как если бы взорвались на земле.

Ленгли ничего не ответил. Смысл сказанного подавлял.

В этот раз враги выпустили ракеты такие большие, что даже если бы удалось расширить диапазон действия прожекторов, чтобы ракеты взрывались на расстоянии в полкилометра, это не помогло бы. При взрыве всю территорию внизу накрывал дождь из осколков металла. И ни самих передатчиков, ни людей, которые их обслуживали...

Люди должны были спрятаться под землей, но оттуда они не могли направлять лучи передатчиков. Но даже если и так, то, когда начнется наступление, ракеты станут взрываться не только над передовой, но и пролетая над окопами, обрушатся на находящиеся в тылу склады и линии коммуникации. Они станут взрываться над городами, и смертоносный дождь скрежещущего металла обрушится на людей. Гражданские начнут гибнуть далеко за линей фронта. Погибнут невинные.

Ландстрет — застенчивый маленький гений — сделал это изобретение. Но он собирался использовать ракеты только в мирных целях, хотел завоевать космос, добраться до иных миров. Но в настоящее время ракеты использовали для того, чтобы уничтожить ни в чем не повинных людей.

Ленгли замер, и лицо его скривилось. Он ничего не видел и не слышал. Где-то слева вновь ударил пулемет — злобно

загремел в ночной тишине. Далеко справа выстрелили из миномета. А потом где-то над головой загудели самолеты — они тоже несли смерть.

Запутавшись в своих горьких мыслях, Ленгли не услышал шепот лейтенанта. А потом раздался странный щелчок. Пули не свистели, не шипели, они щелкали, как кнут.

— Вражеский отряд, — дернул его за рукав Андрэ. — Посмотрите! Туда! Из целая дюжина. Вон там, в воронке. К нашим укреплениям мы вернуться не успеем.

Молодой офицер нырнул вниз, дернув следом за собой ошеломленного ученого. Воздух внезапно завибрировал, наполнившись звуками винтовочных выстрелов. Ленгли упал лицом вниз в воронку. Следом за ним еще кто-то сполз по склону и застонал. Ружейные выстрелы зазвучали со всех сторон, когда отряд Андрэ начал отстреливаться. Снова ударил пулемет. К нему присоединился еще один, а потом — третий. Лучи прожекторов прорезали туман. А потом над землей со свистом пролетели новые ракеты, и весь фронт замер. Миллионы людей знали, что смерть неизбежна и единственное, что им оставалось, вслепую стрелять по вражеским позициям.

У Ленгли не было винтовки. Более того, в свое время его признали не годным к строевой службе. Но, когда один из солдат неожиданно прекратил стрелять и сполз вниз по склону воронки с лицом, развороченным пулей, Ленгли автоматически схватил его винтовку. Ствол оказался еще теплым. Неожиданно ученый увидел фигуру в серой форме и нажал на спусковой крючок. Человек в серой форме дернулся, а потом полыхнуло яркое пламя и где-то рядом ухнуло, засыпав землей часть воронки.

— Гранаты! — завопил Андрэ. — Они бросают гранаты. Осторожнее. Смотрите!

Еще одна граната взорвалась слева. Стальные осколки запели в воздухе. А потом с шлепком что-то упало в грязь рядом с Ленгли.

— Бросьте ее назад! — закричал Андре. Но в этом приказе не было никакой необходимости. Ученый схватил гранату и, раскрутив, выбросил ее из воронки. Она взорвалась в воздухе.

У Ленгли не было времени, чтобы осознать, насколько близко он был от смерти.

А потом он опять услышал шорох песка. Еще одна граната упала в воронку. Один из солдат бросился за ней. Но Андрэ первым схватил ее. Он уже собирался швырнуть ее обратно, но она взорвалась у него в руке.

Одно ужасное мгновение тело лейтенанта стояло на ногах, а потом рухнуло. Его правая рука отсутствовала, лицо превратилось в кровавую кашу, кровь фонтаном била из перебитого горла и из развороченной груди. Потом тело беззвучно рухнуло на землю.

Взрывы гремели по всей передовой. Вражеские орудия били по позициям, и им отвечали полевые батареи. Вражеские патрули тоже затаились, попрятавшись в воронки. Ленгли и те, кто остался от его отряда, стали отступать. Ленгли плакал. Слезы катились по его щекам. Он видел, как героически умер человек — тот, кого он считал своим другом, своим товарищем. И еще он увидел кое-что...

Сначала все подумали, что Ленгли сошел с ума. Но он нашел решение проблемы. Он рассказал об этом своим спутникам, а потом, ожидая, когда подготовят лабораторию, наблюдал за ходом сражения. У них были сомнения.

— Невозможно! — сказали ему.

— Невозможно. Черт побери! — фыркнул он. — Дайте пройти. Я хочу заняться делом, и у меня чертовски мало времени.

Подчиняясь воле Ленгли, они отвезли его назад в тыл. Но они, казалось, совершенно утратили веру в победу. Однако стоило им взглянуть на Ленгли, у них возрождалась надежда. Оказавшись в лаборатории, Ленгли снова принялся за работу. Одобрительные крики смолкли. Они не понимали, что задумал Ленгли, а он им толком не объяснил, но они помогали ему.

Угроза уже стала практически неотвратимой. Не позднее чем через сутки враг должен был перейти в наступление. Ленгли оставался их единственной надеждой. Единственное, что им оставалось, — верить в гений американского ученого.

Перестрелки стихли по всему фронту. Люди смотрели на часы, на небо, ожидая, когда сражение разразится с новой силой...

Прошел день, но атаки не последовало. Самолеты-разведчики скользившие над линией фронта, докладывали, что

орды диктатора готовы перейти в наступление в любой момент. Ленгли же использовал все ресурсы, предоставленные его команде. А враги собирали силы по всему фронту, ожидая нулевого часа. Их подразделения расположились в каждой роще, вдоль всего фронта, используя любое прикрытие. Тупые носы танков торчали из-за каждого дерева. Там были легкие танки, готовые уничтожить пехоту, и тяжелые — чтобы подавить пулеметные гнезда. Далеко за линей фронта ожидали самолеты, готовые подняться в воздух и высадить на голову противника десант. Дальнобойная артиллерия уже навела орудия...

А где-то далеко в тылу врага, там, где их не могли обнаружить самолеты, совершающие разведывательные полеты, располагались позиции, откуда враги готовы были запустить ракеты. Враг подготовился к наступлению, но упор делал на ракеты. Укрепления союзников Ленгли могли противостоять обстрелу тяжелых орудий, они не поддались бы ни танкам, ни пехоте противника, но даже самые крепкие бетонные перекрытия не выдержали бы попаданий ракет, кумулятивный заряд которых без труда пробивал самые крепкие бетон и сталь.

Эти ракеты пробивали любую защиту... А потом, пролетев над линией фронта, они обрушатся на гражданское население, находящееся в тылу. Никакая армия не смогла бы пройти там, где с легкостью пробьют себе путь эти ракеты.

Диктатор это знал. У него были войска, артиллерия, самолеты. Но самое главное, у него было секретное оружие. И оно уже оказалось протестировано. У него не оставалось никаких сомнений в победе...

Мартин Ленгли работал. Он изменил силовые лучи, которыми он выводил из строя механизмы ракет. Люди Ленгли расставили его устройства вдоль всего фронта. На тех участках, где согласно докладам разведки ожидался основной удар армии диктатора, установили дополнительные излучатели. Но и в этом случае их было слишком мало.

Больше Ленгли ничего не мог сделать за столь ограниченное время. Он и так считал, что, жонглируя людьми и установками, сотворил настоящее чудо.

И вот наступила третья ночь. Над позициями войск диктатора воцарилась тишина — до полуночи. Потом открыли огонь

тяжелые дальнобойные орудия, снятые с кораблей и установленные на железнодорожные платформы. Снаряды большого калибра стали взрываться по всему фронту, пытаясь отыскать укрепления противника.

Ленгли находился в полевом штабе. Теперь он ничего не мог сделать. Все, что возможно, уже было сделано. Теперь оставалось лишь испытать новые защитные установки. Ученому ничего не оставалось, как ждать, когда солдаты диктатора начнут запускать смертоносные ракеты.

С двух часов ночи вдоль всего фронта завязались перестрелки. А потом раздались взрывы, словно среди ночи захрюкали гигантские свиньи.

— Это тяжелая мобильная артиллерия, — объяснил помощник Ленгли. — Следующими заговорят их гаубицы.

Ленгли ничего не ответил. К нему приставили нового помощника после героической гибели Андрэ. Ленгли так и не запомнил его имени. Это значения не имеет. Грохот шел по всему фронту, то поднимаясь до крещендо, то превращаясь в мрачное хрюкание и ворчание.

— Когда же они запустят свои ракеты? — через некоторое время спросил Ленгли, сгоравший от нетерпения.

— Перед рассветом. Они запустят ракеты, чтобы разбить наши форты и укрепления. Они всякий раз действуют именно так. Потом легкая артиллерия разраовняет обломки. А после их войска перейдут в наступление.

Помощника Ленгли трясло, словно в лихорадке.

— Боже мой, только бы ваши приспособления смогли остановить эти ракеты, месье Ленгли. Если только...

Ленгли тяжело вздохнул.

— Теперь уже от меня ничего не зависит. Мы либо выиграем — либо проиграем. Мы будем жить — или умрем. Единственное, что меня утешает: мы сделали все, что могли.

Минуты тянулись, словно часы. Грохот орудий нарастал. По всему фронту воцарился настоящий ад... Постепенно горизонт на востоке начал светлеть.

И тогда запустили ракеты... Судя по всему, их стартовые площадки находились не так далеко от передовой, так как Ленгли видел, как они стартовали, оставляя позади огромные огненные хвосты, а потом, двигаясь по параболе,

они устремились в темное ночное небо. Они летели не так быстро, как снаряды, и, так как они двигались на реактивной тяге, их полет можно было проследить невооруженным глазом.

Когда они поднялись в небо, в штабе все разом замолчали. Телефонные звонки смолкли. Наступил судьбоносный момент, который должен был определить весь дальнейший ход войны. Это знали все присутствующие. Это знали и солдаты, съежившиеся в окопах и землянках, и летчики, которые с первыми лучами зари подняли в воздух свои машины и сейчас кружили над полем боя. Это знали и все офицеры. Все, кто был в штабе, повернулись в сторону Ленгли. Круг затравленных, испуганных лиц. Люди видели смерть, которая спускалась к ним с неба.

Ленгли встал. В этот миг он был напряжен, как струна, которая готова вот-вот порваться. Его глаза выпучились, уставившись в небо.

Он увидел первую ракету, миновавшую пик своей траектории и устремившуюся вниз. А потом она взорвалась. Бах! Она взорвалась — невероятно яркая вспышка, выжигающая укрепления из бетона и стали и вжавшихся в землю солдат.

— Боже, — прошептал Ленгли. — Снова неудача. Снова я в чем-то ошибся.

Вокруг него люди эхом повторяли его слова, шептали их, яростно выкрикивали, чувствуя приближение смерти. И это были те самые люди, страна которых должна была вот-вот превратиться в руины.

Появилась еще одна ракета. Она медленно шла вниз, и ее огненный хвост слепил. Ленгли закрыл глаза. Второй взрыв разбил его сердце. Неудача с первой ракетой ничего не значила. Но когда две ракеты подряд... Он упал на пол, бессознательно ожидая третьего взрыва. Но ничего не произошло. А он ждал, ждал и ждал. Но взрыва не было. А потом он услышал, как перешептываются люди вокруг него, и их голосах звучали скорее удивленно, а не испуганно. Ленгли открыл глаза. То, что он увидел, заставило его подняться на ноги.Третья ракета не обрушилась на них. Сверкая огненным хвостом, словно луч далекого фонаря, она развернулась в воздухе, потом, описав огромную дугу, полетела назад к позициям противника.

Сколько человек следило за ее полетом — неизвестно, но скорее всего, все, кто находился в окопах по обе стороны, неотрывно следили за ее полетом и видели, как ракета развернулась в сторону армии диктатора. Солдаты обеих армий перестали стрелять. Все стояли парализованные, наблюдая за полетом ракеты.

В небе появилась четвертая ракета, но и она, точно так же, не долетев до цели, развернулась и направилась назад в сторону противника, который ее запустил. Пришли первые сообщения от самолетов–разведчиков о том, что первые ракеты взорвались далеко за позициями войск диктатора. Взрывы более мощные, чем при обстреле или бомбовом ударе. Но в штабе, где находился Ленгли, знали, что не было никаких обстрелов и бомбовых ударов. Просто ракеты вернулись к тем, кто их запустил. Наступление войск диктатора оказалось сломлено. Пушки замолчали. Над истерзанной, изуродованной землей на несколько минут воцарилась мертвая тишина. А потом одна за другой ракеты обрушились на позиции армии диктатора, уничтожая людей и технику...

— Победа, но... — тихо протянул Ленгли. — Благодаря мне война будет и дальше продолжаться.

— А вы бы хотели, чтобы мы были разбиты и было уничтожено огромное количество мирного населения? — поинтересовался полковник. — Месье Ленгли, поверьте мне: не мы развязали эту войну. И не мы использовали оружие, которое уничтожало как солдат, так и мирное население. Так почему бы не сделать бойню менее кровопролитной?

Они стояли в дальнем углу огромного зала и говорили спокойно, в то время как остальные в зале — а тут собралось более сотни человек, — спорили о чем-то, говорили друг с другом на повышенных тонах. Около дюжины военных и бизнесменов терлось рядом с полковниковм и Ленгли. Все они ждали своей очереди, чтобы выразить благодарность или пожать руку американскому ученому. Тем временем в соседней комнате готовили столы для большого приема...

Выслушав полковника, Лангли ничего ему не ответил. Он оглянулся на людей, которые хотели поздравить его и поблагодарить, и вновь, несмотря ни на что, почувствовал приступ тошноты.

— В любом случае я не смогу остаться, — тут он запнулся.

— Но месье, мы так вам обязаны...

— Вы мне ничего не должны. Скорее уж, вы всем обязаны вашему лейтенанту Андреэ. Он погиб, но при этом показал мне, что нужно сделать: перехватить управление ракетой и перенаправить ее. А ваш противник, использовавший разработки несчастного Ландстрета, который разрабатывал ракеты исключительно в мирных целях, чтобы добраться до звезд, теперь знает: если он использует ракеты, они непременно вернутся к нему. Контуры управления ракеты получат сигнал и, подчиняясь ему, развернутся, и отправятся назад по той же траектории. Я не стану объяснять подробности действия этого механизма. Только один Бог знает, сколько еще продлится ваша война, и каким образом можно воспользоваться этим оружием... Так что поздравлять меня будете, только когда война закончится.

Полковник медленно поклонился, а потом протянул руку, чтобы обменяться с Ленгли рукопожатием.

Только ученый Мартин Ленгли руку пожимать ему, не стал. Вместо этого он, поклонившись в ответ, быстро вышел из зала...

ВОЗВРАЩЕНИЕ САТАНЫ

Глава I. Смерть в ночи

Джон Роммер, покосившись, взглянул через ветровое стекло.

— Черт побери, Боб, — протянул он. — Все окна темные. Должно быть, Маршала нет дома.

В тот вечер машину вел я.

— Вчера он тут был. Я пытался уговорить его вернуться в город, но он даже слушать меня не стал. Я же предупреждал тебя: он сильно изменился.

— Да? И в чем это проявляется?

— Когда его дядя умер...

— Его дядя умер девять лет назад, когда мы все еще учились в выпускном классе в колледже

— Это был его богатый дядюшка, — пояснил я.

— Что-то я не слышал, чтобы у него был еще один дядюшка, — проворчал Роммер. — Так что с ним такое вышло?

— Марш едва знал этого второго дядюшку. Его звали Силас Хантер. Он объявился тут год назад и купил дом. Он был то ли археологом, то ли энтомологом... или что-то в таком роде... одна из этих пташек, которые рыскают повсюду, выкапывают кости, похороненные за последние десять-двадцать тысяч лет. Потом они рассказывают вам, как выглядели животные в древности, если это были кости животных. А если кости принадлежали человеку, они расскажут, чем завтракал этот человек в утро перед смертью. Вот таким был этот Силас. Двадцать лет он занимался раскопками в Юкатане, видимо, поэтому Марш его толком и не знал...

— Юкатан?

— Да. Племена майя построили там огромные храмы, а потом ушли, оставив их. Я читал в газетах, что пару тысяч лет назад у них была высокоразвитая цивилизация. Однако никто о них ничего толком не знает. А вот Силас был одним

из тех, кто знал. Он привез с собой невероятную коллекцию манускриптов, артефактов, камней, кувшинов и всякого разного. И еще он хвастался, что умеет читать иероглифы майя, и будь я проклят, если Марш всем этим не заинтересовался. После того как дядя умер, Марш собрал свою старую банду и объявил, что собирается продолжить дело своего дяди...

Повернувшись, я увидел, что Роммер не слушает меня. Он внимательно вглядывался в лобовое стекло и весь напрягся. Мы как раз подъехали к дому Марша. Свет фар скользнул по декоративным колоннам, словно туннель мерцающего света прорезал мутную тьму.

И тут я увидел то же, что и Роммер. Я ударил по тормозам, и автомобиль нырнул носом, колеса завертелись, закапываясь в гравий. Что-то странное висело в воздухе впереди, и лучи фар едва касались его. Оно выглядело как равносторонняя призма, каждая сторона которой была около шести дюймов. И эта призма была черной, как полуночная тьма. Она висела в воздухе без видимых средств поддержки.

Потом призма начала поворачиваться и постепенно увеличиваться в размерах. Еще секунда — и она выскользнула

из луча света, стала подниматься, словно на невидимых крыльях. И тогда я услышал вибрирующий музыкальный звук, словно зазвонили маленькие колокольчики...

Был март, и ветер ревел между колонн старого дома, где жил Маршал Хантер. Ветер завывал среди голых деревьев на широкой лужайке, закручивал усики тумана.

Роммер выскочил из машины и уставился вверх. Я присоединился к нему. Там, в небе, ничего не было, кроме низко летящих облаков, несущихся над землей.

— Что за дьявольщина... — начал я.

— Вероятно, какая-то тень, которую отбрасывал туман, — пояснил Роммер.

— Ерунда! — отрезал я. — Я видел что-то, и не было никакой тени. Да и ты тоже это видел. Зачем пытаться это отрицать?

Он не ответил мне. Повернувшись, он помчался вверх по лестнице к двери и стал изо всех сил стучать молотком.

Я посмотрел вверх, но в небе ничего не было. Тогда я подошел к Роммеру, который все еще стучал в дверь. Тут в прихожей зажегся свет, и раздраженный голос прорычал:

— Кто это?

Это был Маршал Хантер. Я узнал бы его голос в любом случае. Роммер, должно быть. почувствовал облегчение, услышав голос приятеля. Он выругался, словно этим хотел снять тяжесть со своих плеч.

— Черт побери твой подозрительный характер, Маршал Хантер. Открой дверь и впусти друзей.

Марш открыл дверь, пряча пистолет в карман.

— Джон Роммер! Откуда ты взялся? Когда я в последний раз слышал о тебе, ты был в Китае, — потом, нахмурившись, Марш посмотрел на меня. — Боб Грант, почему ты не сказал, что Джон в городе?.. Если вы и дальше станете торчать на пороге и пялиться на меня, я сломаю тебе шею.

Он отвел нас в логово, где работал, когда мы приехали, вытащил пробку из бутылки виски. Джон и Марш переглянулись, как бывало в старые времена. Карман пальто Марша отвисал под тяжестью пистолета. Мы оба видели, как он убрал пистолет в карман, но ничего не сказали. Если он хотел носить оружие, но нечего об этом не говорить, — это его проблемы.

Марш попытался сделать вид, что ничего не заметил, но я видел, он сильно взволнован. Каждый раз, когда ветер на улице завывал, он клонил голову на бок и прислушивался. И прислушивался он совершенно не к завыванию ветра.

Джон Роммер знал, что Марш беспокоится. Мы проговорили часа два о разных пустяках, потом Джон откинулся на спину стула, поднял ноги, положив их на стол, а потом зевнул.

— Я зарегистрировался в городском отеле, — объявил он. — Но мне это место не понравилось. То есть я устал от отелей. Думаю, останусь у тебя, Марш.

У меня тут же возникла идея. Я скользнул на свое место и тоже положил ноги на стол. Я нисколько не хотел спать, и, тем не менее, широко зевнул.

— Я тоже устал, — добавил я.

Марш, моргнув, посмотрел на нас. Я видел, что ему хочется, чтобы мы осталась, но он не мог понять, почему мы так неожиданно объявились.

— Все в порядке, парни. Я вас понимаю. Вы не стали спрашивать, что случилось. Но у меня нет иного выбора, как разрешить вам мне помочь, — а потом усмешка исчезла и

Марш нахмурился. — Однако у меня нет никаких проблем, понимаете. Я только беспокоюсь...

Он так и не закончил фразу. Ветер ужасно взвыл. Но стенания ветра перекрыл звук, исходящий из глубины дома. Это был крик человека, которого настигла внезапная смерть.

ГЛАВА II. Камень Коатала

Я совсем забыл, что у Роммера тоже был пистолет. Он носил гражданскую одежду, но оружие было всегда при нем. И когда он соскочил со своего стула, то больше напоминал пантеру, учуявшую опасность. Его правая рука метнулась под пиджак. Он выхватил пистолет раньше, чем Марш вынул руку из кармана.

— Что это? — фыркнул Роммер.

— Не знаю, — ответил Маршел, побледнев.

Он, видимо, и в самом деле не знал. И ещё я видел, что он сильно напуган.

— Похоже, кричал человек.

— Ты, черт побери, прав, это и в самом деле звучало, как предсмертный крик, — воскликнул Роммер.

Марш кивнул.

— Крик раздался из комнаты, где находятся реликвии Майя, — заметил он.

Роммер немного побледнел, но решительно отправился по коридору в указанном направлении. Мы были рядом.

Марш открыл дверь, ведущую в крыло здания. Так было темно, как в подземелье. И запах был тошнотворным, отвратительным. Он вызывал рвоту, напоминал запах горелой плоти. Марш скривился, но, не колеблясь, шагнул вперед во тьму. Щелкнул выключатель, и оказалось, что мы стоим в большой комнате, наполненной множеством древних реликвий. Возле маленькой стеклянной витрины на полу лежал человек. Дымок поднимался из дыры у него в спине. Хозяин дома вытаращился на мертвеца, а потом шагнул вперед. Окрик Роммера остановил его.

— Пусть Боб осмотрит его. Взгляни-ка, что в том углу. А я тут осмотрюсь.

— Что? — запнулся Марш, не понимая, что происходит. — Зачем?

— Потому что тварь, которая убила его, может еще находиться в комнате. У меня на спине глаз нет, так что будем прикрывать друг друга. А пока... Боб осмотри тело. А я прикрою твою спину. Ты — мою...

Незнакомец был в кроссовках. Фонарик лежал так, что несчастный, будь он жив, не смог бы до него дотянуться.

Я перевернул человека на спину. Спереди он тоже был обожжен. Так обожжен, что невозможно было сказать, ударил его разряд в грудь или в спину.

Однако мой взгляд приковало лицо незнакомца. Он словно скривился от боли, но не это заставило меня замереть. Кожа незнакомца была коричневой. Высокие скулы, нос с горбинкой. Он очень напоминал индейца. Но что делал этот индеец в доме Марша, а точнее мертвый индеец?

— Он мертв. Похоже, грабитель. Судя по всему, индеец.

Когда я сказал: «индеец», Марш что-то заговорил, но Роммер резко оборвал его, заявив, что, прежде всего, нам нужно обыскать помещение.

Мы разбрелись, пробираясь среди каменных плит со странными надписями, идолов, витрин с каменными молотками, ножами и другим барахлом, что собирал дядя Марша. И мы ничего не нашли.

Потом мы вернулись к телу. Марш пробормотал что-то о том, что нужно вызвать полицию.

— А я думаю, не стоит, — возразил Роммер. — Вместо этого нам сначала нужно разобраться в том, что тут происходит!

— Я... Я и сам ничего не понимаю, — ответил Марш, выпучив глаза.

Роммер хмыкнул.

— Когда ты отправился открывать нам дверь, в руке у тебя был пистолет. У тебя были какие-то причины, для того чтобы вооружиться?

Марш посмотрел на пистолет, который до сих пор держал в руке. Потом он прикусил губу. Мы ждали. Наконец, Марш решился. Он кивнул в сторону одной из витрин.

— Там лежит часть Камня Коатала, — начал он. — Вы когда-нибудь о нем слышали?

Роммер покачал головой. Я тоже ничего о таком камне не слышал, поэтому подошел и посмотрел на витрину. Камень определенно был разбит и в витрине находился всего лишь обломок. С первого же взгляда я мог сказать, что камень очень старый — артефакт погибшей цивилизации, исчезнувшего народа. Судя по всему, когда-то в прошлом он был отполирован, а теперь большая часть полировки стерлась. На поверхности камня были вырезаны какие-то письмена. Взглянув на обломок этого камня, у меня возникли неприятные ощущения. Неведомый давным-давно умерший художник вырезал на камни сообщение тем, в руки кого попадет этот камень через много лет. И вот прошли столетия. Резчик давным-давно умер, а его творение — резьба, почти стерлась.

— Майя, да? — с сомнением поинтересовался Роммер.

— Его нашли в руинах города майя на Юкатане, но он не принадлежит культуре майя. Резьба сделана задолго до того...

— Что?

— Это памятник цивилизации, существовавшей задолго до эры майя. А еще майя могли принести его откуда-то или найти в Ютакане. Но, безусловно, письмена не принадлежат культуре майя.

— Ну и что? — прервал его я. — Что нам с этим делать? — Я толкнул ногой тело на полу.

— Я не много знаю об том камне, — продолжал хозяин дома. — Видите, он разбит? И у меня не все его части. Он был разбит на три куска. Один хранится в краеведческом музее в одном из мексиканских городов. Второй, найденный много позже, — в Смитсоновском институте в Вашингтоне. Последний обломок нашел мой дядя. Он и привез его сюда... Шесть недель назад музей в Мехико был ограблен, и обломок Камня Коатала украден. Ничего другого вор не тронул. Две недели назад ограбили Смитсоновский институт. И там украли только обломок этого камня...

Его рассказ звучал убедительно. Когда же он сделал паузу, стало слышно, как на улице завывает мартовский ветер.

— Так вот почему ты вооружился, — пробормотал Роммер.

— Это может показаться вам настоящим сумасшествием, только я почему-то решил, что мой дом будет ограблен...

Казалось, он был уверен, что спятил. Грабители ворвались в музей в Мексике, украли кусок бесполезной породы. Потом грабители вломились в Смитсоновский институт. Им был нужен только обломок камня! А теперь этот мертвец перед витриной, где находился последний обломок камня! И грабитель был убит чем-то вроде молнии!

Или в этой комнате пряталось невидимое, сверхъестественное, невообразимое существо, которое стерегло этот кусок камня?

Был ли важен камень сам по себе, или все дело было в нанесенных на него письменах? Древний резчик, что пытался он сказать, когда вырезал эти фигуры на черной поверхности? Какая сила столетиями скрывалась в камне, чтобы молнией поразить незадачливого вора? Или это были те силы, которые до сих пор неизвестны современной науке?

— Почему этот камень так важен? — поинтересовался я.

— У меня есть фотографии других фрагментов. Я работал над переводом. Эти иероглифы напоминают письменность древних майя. Однако полностью перевести надпись мне не удалось. Если уж говорить честно, то и большая часть текстов майя непереводимы. Но у меня есть подсказки, расплывчатые намеки...

Тут он вздрогнул, и эта дрожь волной прокатилась по его телу с головы до пят. Его зубы залязгали, как будто он собирался сказать то, чего говорить вовсе не хотел. Более того, он боялся сказать, что думает по этому поводу. Мертвый человек на полу, темные идолы по всей комнате, обломок таинственного камня в витрине... Вновь Маршал Хантер заговорил лишь после того, как Роммер рыкнул на него.

— Насколько мне удалось перевести внешний круг, там говорится: «Злой мыслитель спит. Он должен быть уничтожен, до того, как он проснется...» — тут его шепот оборвался, а потом он заговорил снова: — Перевод настолько трудный, что мне удалось угадать лишь общую мысль. Художник попытался выразить, что это страшнее всего в его жизни. Однако он не сказал, почему это так ужасно. Непонятно, что он имел в виду. Но он предполагал, что была принесена какая-то жертва, и благодаря этой жертве мыслитель обречен спать веками...

Произнося это, Марш был совершенно серьезен. Я видел: мой друг не просто верит в ужас из прошлого, но отчаянно боится, ведь попытка кражи куска Камня Коатала могла означать, что некто скоро пробудится к жизни или уже пробудился.

Марш, без сомнения, верил в это. А вот мне трудно было поверить во что-то подобное. Шел тысяча девятьсот тридцать девятый год, и чудовища были не в моде. Современная наука развеяла многие мифы. Только вот не мог я сказать, что все это ерунда, потому что помнил о темной призме, которую высветили фары машины возле дома, помнил, что эта призма висела в воздухе без какой -либо поддержки, помнил странный звон, исходивший от этой штуковины. Во дворе — призма, в доме — фрагмент камня. А еще — индеец, умерший от удара молнии.

Неожиданно Роммер зашипев, резко повернулся к хозяину:

— Кто еще в доме, Марш? — шепотом спросил он.

Я с удивлением уставился на приятеля. Казалось его вопрос совершенно не связан с тем, о чем шел разговор до того.

— Никого, — ответил Марш. — У меня есть повар и горничная, но они живут отдельно в маленьком домике на заднем дворе. Тут, со мной в доме, никто не живет, — покачал он головой.

— Я слышал, как кто-то очень осторожно прошел по дому, — прошептал Роммер. — Он подслушивает наш разговор, стоя прямо за дверью этой комнаты.

ГЛАВА III. Экла

Кто-то! Я почувствовал, как волосы у меня на загривке встали дыбом. Неужели за дубовой дверью затаился человек или что-то, явившееся из темного прошлого человеческой расы, что-то чудовищное, зародившееся, когда Камень Коатала был только выточен?

Марш направился было к двери, однако Роммер остановил его. Роммер по сути своей всегда был командиром, и, если опасность рядом, он всегда принимал самое верное решение.

— Остановись, Марш! — приказал он. — Этим займемся мы с Бобом. Стой на месте и прикрывай наши спины. Держись у стены так, чтобы никто не смог зайти сзади.

— Сзади?..

— Несколько минут назад в этой комнате умер человек, — пояснил Роммер — Мы искали... но так и не нашли, что его убило. Опасность все еще может быть тут, и если мы все разом отвернемся...

Марш не возражал. Он отступил к стене, вытащил пистолет и уставился вглубь комнаты, защищая наши спины. Мы же на цыпочках подобрались к двери, прислушиваясь. Из-за двери не доносилось ни звука. Лицо Роммера, казалось, окаменело. Потом он неожиданно схватился за дверную ручку, дернул дверь, та распахнулась, и я увидел того, кто прятался за ней.

Это был человек! Я облегченно вздохнул. Роммер нацелил на него пистолет. Злоумышленник либо не знал ничего об оружии, что само по себе было маловероятно, или был поистине бесстрашным. Когда дверь распахнулась, незнакомец, до этого сидевший на корточках, выпрямился, двигаясь так быстро, что его фигура больше напоминала размытое пятно. Роммер, увидев, что злоумышленник всего лишь человек, замешкался. Он колебался всего лишь секунду, но и этого оказалось достаточно незваному гостю. Ловким ударом он выбил пистолет из руки Роммера и развернулся, готовый удрать.

И тогда я поступил так, словно всю жизнь играл в американский футбол. Когда незнакомец уже наклонился, готовый взять низкий старт, я метнулся вперед, ударив его плечом под колено. Он сложился, словно был сбит с ног поездом. В какой-то момент я все-таки подумал, что ему удастся вырваться. Незнакомец пинался и царапался, не обращая внимания на то, что Роммер подобрал пистолет и нацелил его на моего противника.

— Ладно, приятель, сам напросился, — пробормотал я себе под нос.

Выждав удобный момент, я отвесил ему левой отличный хук. Это оглушило моего противника. Тогда я ловко перевернул его на живот и вскочил на ноги, потом взял его за штаны сзади и, приподняв, потащил назад в ком-

нату с экспонатами. Марш уставился на моего пленника выпученными глазами, как рыба, вытащенная из воды.

Я швырнул «грабителя» на пол. Это, казалось, привело его в себя. Он приподнялся на коленях, с опаской поглядывая на нас. Его шляпа упала, и тогда я понял, что совершил ошибку. Несмотря на мужской костюм, это была девушка.

Коричневая кожа, темные глаза, волосы черные, как крыло ворона. Сильно испуганная девушка, готовая дорого продать свою жизнь.

Роммер присвистнул от удивления. Он убрал пистолет назад, в карман. Но он мог вытащить его снова в любой момент. Но даже если это и была девушка, ей предстояло многое объяснить.

Она в свою очередь уставилась на нас. Глаза ее горели, подбородок был высоко поднят. Потом она перевела взгляд с Роммера и Марша на меня, и в какой-то миг мне показалось: она собирается вцепиться мне в глотку. Тут она увидела мужчину, распластавшегося на полу, и ее настроение мгновенно изменилось. Она забыла о нас. Она оказалась ужасно напугана, можно даже сказать, была в ужасе.

Ее коричневая кожа побелела. Она закрыла лицо руками. Она прошептала что-то вроде «я не понимаю» и упала на колени рядом мертвецом. А потом взглянула на дыру у него в груди и снова посмотрела на нас. Безумный страх читался в её взгляде.

— Сатанас проснулся... — прошептала она.

А потом она упала в обморок.

— Пойду принесу ей выпить, — объявил Роммер, отправившись вглубь дома, где мы пили, до того как все началось. Он вернулся, держа в руках початую бутылку вина.

Пока он и Марш охраняли нас, я залил немного вина в рот девушки. Она открыла глаза и начала что-то бормотать, но её слова показались мне бессмысленными. Однако Марш, казалось, понял её. Он наклонился и начал расспрашивать девушку. Роммер приказал мне взять у Марша пистолет и внимательно следить за тем, что происходит вокруг.

Никогда не забуду эту сцену. Роммер и я застыли, прижавшись спинами к стене, выставив пистолеты, готовые в любой момент открыть огонь. На полу, неподалеку от витрины, где хранился таинственный камень, лежал мертвец. Рядом с ним

на полу сидела перепуганная девушка, а Марш, присев рядом с ней на корточки, расспрашивал её на незнакомом мне грубом, гортанном языке. Иногда девушка вставляла фразу на ломаном английском языке.

Марш говорил тихо, успокаивающе. Судя по всему, он расспрашивал незнакомку о том, что она делала в его доме. Отвечая, девушка то и дело указывала на труп.

— Прийти с ним... Хотеть это... — она махнула рукой в сторону витрины с Камнем Коатала.

Мне показалось, что в этот миг Роммер дышать перестал. Марш внимательно посмотрел на нее, а потом на нас, словно хотел сказать: «Я же говорил, что все происходящее связано с Камнем Коатала».

Я наблюдал за Маршем, который говорил с девушкой, и внимательно слушал, что та отвечала. Однако он не слишком-то хорошо ее понимал. Он хмурился и задавал новые вопросы гортанным голосом. Неожиданно мой взгляд остановился на его руках. Марш то сжимал кулаки, то разжимал их.

Но кто же эта девушка? Откуда она явилась? Почему она искала Камень Коатала? Чего она так ужасно боялась?

Наконец, Марш распрямился. Девушка тоже встала, застыла, дрожа всем телом.

— Её зовут Экла, — объявил Марш. — Я не понимаю всего, что она говорит. Она слишком плохо знает английский, она учила его всего пару месяцев. А я не так хорошо понимаю её язык. Она говорит на мертвом языке, отдаленно напоминающем язык майя. Возможно, он и язык майя имели один и тот же источник...

В голове у меня в тот миг пронеслось: «Боже! Она говорит на мертвом языке! Выходит, это она и ее спутник украли первый обломок камня, потом наведались в Смитсоновский институт, и теперь явились сюда за недостающими фрагментами». А Марш тем временем колебался, раздумывая, что сказать, словно не мог подобрать подходящих слов. В комнате воцарилась мертвая тишина. Снаружи по-прежнему завывал ветер. Потом Марш продолжил, только теперь он шептал — говорил едва слышно.

— Сначала я подумал, что она из племени майя. Но, нет. Она из племени прородителей майя, принадлежит к расе,

которая существовала за тысячи лет до того, как племена майя вышли к Юкатану...

Я подумал, в каком укромном уголке Земли обитают они ныне. Наверное, в каких-то тропических джунглях, спрятанных в горной долине. Марш словно почувствовал, о чем я хочу его спросить, продолжил:

— Её народ погиб тысячи лет назад. Они жили на территории Юкатана. Они вымерли еще до того, как пришли майя. И те нашли лишь следы погибшей цивилизации, заброшенные, пустынные города. Майя нашли Камень Коатала, и никогда точно не знали, что означали надписи, но, охваченные сверхъестественным страхом, сохранили его. Камень хранился в одном из храмов майя, пока этот храм не уничтожили. В наше время обломки этого камня нашли среди руин построек майи...

Я слышал, как Роммер пробормотал себе под нос:

— Если ее раса погибла, то как вышло, что она здесь?

— Она была одной из рабынь Сатаноса.

Когда Марш произнес это имя, Экла вздрогнула.

— Она одна из тех, кто готов пожертвовать собой, пытаясь уничтожить... Она не смогла толком рассказать мне о Сатаносе. Думаю, что в свое время их раса достигла высот цивилизации, а Сатанас был ученым... Когда-то он был человеком...

— Господи! — прошептал Роммер.

Марш продолжал, проглатывая слова.

— Дальше-больше. Он потерял человеческий облик, жил где-то в подземном городе... Его невольники пытались уничтожить его, но его власть оказалась слишком велика... Они наконец додумались, как это сделать. Когда Сатанас окончательно утратил человеческий облик, отдых ему не требовался... — продолжал Марш. — Он предложил им стать, как он... Но рабы так или иначе обманули его. Они сделали так, что Сатанас уснул и теперь будет спать вечно, а потом пожертвовали собой...

Эта девушка с коричневой кожей, черными волосами ичерными глазами была одной из рабов, которые отказались от вечной жизни, погрузившись в вечный сон — пожертвовали собой в попытке освободить свой народ от чудовища, которое ими управляло. Ее раса погибла, но Сатанас и его рабы спали в хорошо охраняемой комнате, спали пока столетия сменяли друг друга.

— Меньше чем два года назад Экла и ее друзья-рабы проснулись. Энергия, поддерживавшая их сон, стала ослабевать. Сатанас, которому изначально подавали намного больше энергии еще спал. Проснувшиеся попытались уничтожить его, но это оказалось невозможно. Но, пока они спали, за пределами камеры было оставлено сообщение, в котором говорилось, как уничтожить чудовище. То, как это сделать, было выгравировано на камне, известном как Камень Коатала.

Несмотря на то, что история звучала фантастически, я поверил Маршу, уж слишком складно все выходило. Кража куска камня из мексиканского музея, из Смитсоновского института, попытка кражи камня, которая произошла у меня на глазах — рассказ Марша все это объяснял. Рабы из прошлого пытались освободиться от спящей угрозы. Однако все это звучало фантастически, если не считать мертвеца, распростертого на полу. И все же, что произошло с этим человеком? Что убило его?

Марш выслушал Эклу, а потом повернулся к нам.

— Экла просит нас помочь ей добраться до Юкатана. Она говорит, что Сатанас проснулся. Он пленил некоторых из своих бывших рабов и узнал, что они ищут. Он послал своих новых рабов, чтобы самому раздобыть Камень Коатала... — тут Марш замолчал и сглотнул. — Она говорит, что новые рабы Сатанаса не люди, а похожи на черные призмы, и что звенят, как колокольчики, когда двигаются. Она говорит, что один из них был здесь и убил её товарища... Вы видели что-то, напоминающее черные призмы? — тут он внимательно посмотрел на нас.

Неужели мы видели их?

— Господи! — ахнул Роммер. — Так вот что это такое было!

И вслед за его вздохом из глубины дома донесся странный звук — звук, напоминающий звон колокольчика.

Глава IV. Чёрная призма

Я увидел её первым. Она поднялась с полки и заскользила через комнату. И она в самом деле напоминала кусок черного камня — призма из полированного обсидиана. Вначале я принял ее еще за один артефакт Марша.

Реликвия, черт побери! А потом у меня промелькнула мысль: «Проклятая тварь живая! Она все время находилась на этой полке, наблюдая за нами, подслушивая нас».

Невероятная форма жизни! Слуга темного властелина, вышедшего из темного прошлого Земли.

Призма поднялась с полки, и комната наполнилась перезвоном крошечных колокольчиков. Медленно вращаясь, она поднялась, продолжая поворачиваться, пока один из её черных углов не уставился на нас. И мне не нужно было слышать крик Эклы, чтобы понять, что должно вот-вот случиться. Призма должна была выпустить молнию. Еще секунда — и еще один человек погиб бы. Но я был парализован. Я чувствовал, что превращаюсь в лед. Марш стоял рядом и смотрел, бормоча:

— Что это?

Призма развернулась в нашу сторону. На конце ее черной поверхности приоткрылось крошечное отверстие. Оно щелкнуло, открываясь, и осталось открыто, как у фотокамеры, установленной для долгой экспозиции, а потом отверстие стало светиться.

Ударила молния. Когда затвор этого треугольника щелкнул, заморгал зловещий глаз, Джон Роммер словно очнулся. Вначале я подумал, что это вдогонку молнии из призмы сокрушительно ударил гром, но это было не так. Второй и третий раскат грома последовали почти сразу, и только потом я осознал, что происходит. Это Роммер использовал свой пистолет. Все три пули ударили в призму. С каждым ударом та дергалась, но оставалась висеть в воздухе. Колокольчики звенели все громче.

Третья пуля ударила прямо в яблочко. Она врезалась в отверстие, прямо туда, откуда били молнии, за секунду до того, как ударила очередная.

Призма словно сошла с ума. Колокола бешено зазвенели, звон колокольчиков накладывался друг на друга. Призма расплылась и черной каплей метнулась к полу, словно самолет, вышедший из-под контроля. А потом капля сделала несколько кругов, словно гимнаст под куполом цирка. Тут Экла ожила. Она отлично знала, что произойдет дальше, а мы нет.

Девушка метнулась за стеклянную витрину, подхватив обломок Камня Коатала. Даже страшно испуганная, она помнила, зачем явилась в дом Марша. Она схватила камень

и на ломанном английском прокричала нам о том, что мы должны бежать.

Капля вновь стала призмой, продолжая безумно кружить. Колокольчики звонили, словно безумные. Экла пулей вылетела из двери, Роммер подтолкнул Марша, чтобы он вышел из ступора, а потом мы втроем последовали за девушкой. Из комнаты, из дома, через подъездную дорожку, к воротам — со всех ног. Но все же мы бежали недостаточно быстро.

Стена у нас за спиной треснула. Яростный удар ветра швырнул меня головой вперед. Я упал на землю, сильно ударившись плечом, и несколько раз перекувырнулся через голову. В яркой вспышке света, которая за этим последовала, я увидел, как Экла, Марш и Роммер тоже полетели кувырком. Мне показалось, что от рева взрыва покачнулись небо и земля. Я прокатился по газону как мяч, а потом зарылся лицом в сырую землю и сложил руки над головой. Куски камня и обломки кирпича падали, казалось, вечность. Когда все стихло, я перевернулся и посмотрел в сторону дома.

Там не так много осталось. Взрыв призмы смел все крыло, где располагались реликвии майя. Мы устроили перекличку. Роммер и Экла были в порядке. Один из обломков сильно ударил Марша в плечо, но тот сказал, что все это ерунда. Мы накинулись на него с вопросами.

Тогда Марш рассказал нам, что призма и в самом деле была вещицей из его коллекции. Его дядя нашел две такие призмы во время раскопок на Юкатане. А потом Экла с помощью Марша поведала нам правду об этих призмах. Их создал Сатанас, и те беспрекословно выполняли приказы своего повелителя. Они полетят туда, куда направит их Сатанас, и выполнят то, что он пожелат. Девушка не знала, каким образом они летают и как над ними осуществлятся контроль. Для Эклы все это казалось волшебством. Для Роммера это были всего лишь новые принципы полета.

— Левитация... Антигравитация в совокупности с оружием, о котором мы не имеем никакого понятия. А потом тот взрыв. По всей вероятности, какая-то форма атомной энергии, которую наши ученые только начали изучать...

Страх звучал в его голосе.

— Секрет, который на многие столетия был похоронен в самом сердце джунглей!

Тут Роммер сделал паузу, и я знал, что он собирается сказать. Он так и сказал:

— Ты и Марш хотите отправиться со мной на Юкатан? Хочу узнать, как работают эти призмы!

— Конечно, — тут же согласился Марш. — Экла говорила, что Сатанас пробудился и взял на себя управление призмами. Они его и глаза, и уши, и оружие. Мы должны уничтожить Сатанаса, прежде чем он соорудит дюжину проклятых тварей... Мы должны отправиться на Юкатан немедленно.

— Так чего же мы ждем? — сглотнул я. — Немедленно — значит, прямо сейчас.

Мы не стали возвращаться на руины дома, не стали ждать полицию и пожарных. Взрыв разбил мою машину, поэтому мы взяли седан Марша, а Роммер сел за руль с общего молчаливого согласия.

Когда Роммер вывел машину из гаража, я не сказал ему, что порывы ветра донесли до меня звон колокольчиков. Я не видел призмы, но дядя, по словам Марша, нашел две призмы. Одна была уничтожена в доме, но вторая...

И еще я подумал о том, что Сантанас, скорее всего, разработал какую-то систему радиоуправления этими призмами. Он находился далеко от нас на Ютикане и не смог бы поспеть за Роммером, если тот по-настоящему поспешил бы. А после того как я услышал звон колокольчиков, я не стал призывать Роммера ехать осторожно. Пока мы неслись по дороге, спидометр несколько раз достигал отметки восьмидесяти, так что мы с легким ветерком добрались до аэродрома.

Но когда Роммер выбрался из машины перед пустынным ангаром, небо оказалось затянуто облаками, и мы так ничего и не увидели. Ветер стих. И никто из нас не увидел черных призм и не услышали звона колокольчиков!

Роммер поспешил к ангару, где находился его самолет. Менее чем через пять минут четыре полуодетых механика, обезьяны, прыгали вокруг крылатой машины. Двери ангара оставались открытыми. Механики быстро проверили горючее в баках, уровень масла, работу моторов. Самолет был большим двухмоторным монопланом — сочетание бомбардировщика и

истребителя. Стойки для бомб были пустыми, но в хвостовой башне был установлен один пулемет, а в передней —другой . Они остались там со времен войны.

Когда мы погрузились на самолет, Роммер сел в кресло пилота и врубил двигатели. Механик включил огни на взлетном поле, Роммер вывел самолет из ангара, а потом разогнался и резко взял шурвал на себя. Еще мгновение, и он поднял самолет в ночное мартовское небо.

Вот так мы отправились на Юкатан.

ГЛАВА V. Атака

Роммер вел самолет, а мы с Маршем пытались поговорить с Эклой. Мы хотели побольше узнать о Сатанасе. Кто он? Что он собой представляет? Как он выглядит? Где логово, в котором он живет?

— Сатанас... Сатанас... — бормотал себе под нос Марш, вслушиваясь в слова девушки и пытаясь понять, что она хочет сказать. Лицо у него было таким озадаченным, словно он постоянно складывал в уме два и два, всякий раз получая в ответе пять.

— Сатанас, — наконец выдавил он. — Древнее имя Сатаны. Очень древнее. Но откуда это слово известно на Юкатане?

Неожиданно он выпрямился, и глаза его широко раскрылись, словно его поразила какая-то удивительная мысль.

— Думаю... Интересно, а не могло ли это слово дойти до нас из глубины веков? Пережить десять тысяч лет с момента смерти материка Му? Может быть, Сатанас изначально жил на материке Му? Или же муриты подобрали слово и легенду о Сатане у доисторической цивилизации, задолго до них существовавшей на Юкатане? После того как Му затонул в глубинах Тихого океана, другие расы, поддерживавшие отношения с древними муритами, сохранили легенду и слово, которое в искаженном виде распространилось по миру вместе с миграцией рас, которые за десять тысяч лет растеклись по всей Азии и Европе. Не удивлюсь, если выяснится, что легенда о Сатане, прокатившись по всему земному шару, вернулась на Юкатан...

Марш бормотал и дальше что-то себе под нос, а Экла внимательно наблюдала за ним.

Я слышал о материке Му и раньше. Статуи на острове Пасхи, развалины на отмелях островов Тихого океана... Был ли Марш прав? Угадал он? Может, на Юкатане когда-то обитала раса рогатых чудовищ с копытами на ногах, а теперь один из её представителей явился в наш мир из далекого прошлого? А теперь этот самый Сатана разрушил цепи, сковывавшие его? Экла попыталась описать нам Сатанаса. Она видела его — служила ему в далекой древности. Но она не знала английского в нужном объеме, а Марш не понимал её речь настолько хорошо, чтобы понять, о чем идет речь.

Сатанас жил под землей. Когда Экла и её товарищи усыпили его, над усыпальницей раскинулся город — гигантский мегаполис, которым правил безумный ученый. Когда они пробудились, город исчез, превратился в горы пыли и щебня. И тот город, что потом на этом же месте построили майя, тоже исчез. Проснувшись, соплеменники Эклы нашли указания о том, где искать обломки камня, на котором было вырезано послание, говорящее, как уничтожить Сатанаса. Они были мужественными, эти древние люди, и отправились на поиски камня...

И Экла была мужественной. В ней была некая отрешенность, пренебрежение к собственной жизни, как и у Джона Роммера. «Наверное, они составили бы отличную пару», — подумал я, глядя на своего друга. А тот то и дело оглядывался на нас. Потом, поймав мой взгляд, он поманил меня.

— Что случилось? — спросил я.

— Молния ударила где-то позади нас, — ответил он.

— Молния?

Он кивнул.

— Но мы над облаками, — удивился я.

— Верно. Тем не менее я видел вспышку молнии где-то позади. Ты бы прогулялся в башню на хвосте и расчехлил пулемет. Если кто-то и в самом деле гонится за нами, можешь сбивать без всяких сомнений.

Для вопросов времени не оставалось, потому что, как только я расчехлил пулемет, небо разорвала новая вспышка молнии. Она исходила из какой-то точки позади самолета

и не достала нас, погаснув всего за сотню ярдов от корпуса самолета.

Только эта молния была не природного происхождения. За нами гналась вторая призма. Каким-то образом она взяла наш след и теперь следовала за нами.

Саму призму я не видел, она была слишком маленькой и находилась слишком далеко. Только это никакого значения не имело. Я нашпиговал воздух раскаленным свинцом, надеясь, что хотя бы один из моих выстрелов достигнет цели. Пулемет в моих руках раскалился, а потом до меня донесся звук, напоминавший вой диких существ. Я услышал чей-то крик!

— Получи! Вот тебе! Вот! — и только тут, осознал, что кричу сам.

Мне ответила еще одна вспышка молнии. В этот раз она ударила намного ближе, но чуть правее. Призма нас нагоняла!

Роммер резко вдавил штурвал и, наклонив самолет на левый борт, ушел в облака. Мир вокруг несколько раз перевернулся. Вновь в нашу сторону ударила молния. Я развернул пулемет в ту сторону, откуда она прилетела, и дал длинную очередь. Когда мы нырнули в облака, я увидел, как очередной огненный палец протянулся в нашу сторону. А потом черный туман окутал нас.

Однако я еще несколько часов просидел в башне, неся бессрочную вахту. Но ничего так и не произошло. Больше не было ни одной молнии. Призма потеряла нас в облаках. Или мы сами заблудились? А может, призма перестала охотиться на нас?

Наша первая остановка была в Майами, штат Флорида. Мы оставались на земле достаточно долго, пока техники обслуживали самолет. За это время мы успели проглотить по стейку. Еще в Майами Роммер купил две коробки динамита. Ведь у нас на борту не было бомб, а динамит мог с легкостью их заменить.

Теперь перед нами лежало шесть сотен миль водной глади. Под нами в воде скользили акулы, где-то позади летела призма, впереди нас ждал сам Сатана, а в салоне было полно динамита...

Однако Роммер взял штурвал на себя, и самолет снова взлетел.

Глава VI. Динамит

Экла сидела рядом с Роммером, а Марш и я устроились сзади. Какое-то время я разглядывал коробки с динамитом, а потом посмотрел на Марша.

— А что относительно народа Эклы? — спросил я. — Если мы взорвем Сатанаса, то и их уничтожим тоже.

— Она говорила, что все они выбрались из-под земли.

— Хорошо.

— Но она говорила, что теперь, когда Сатанас пробудился, многим из них придется вернуться в свой подземный город.

— Вынуждены вернуться? Зачем? Если бы я выбрался из такой ловушки, то меня назад было бы не вернуть.

— Экла рассказала, что Сатанас использует призмы для охоты на беглецов, — тут он нахмурился и покачал головой.

— Ничего себе! Я поверю, что человек станет делать все что угодно, если за ним станет присматривать такая штуковина. Но если соплеменники Эклы снова оказались под землей, то как мы сможем использовать динамит? Ведь, убив Сатанаса, мы и их прикончим.

На это он ничего не сказал. Просто сменил тему. Однако я повторил последнюю фразу, и тогда он ответил мне.

— Экла сказала, чтобы мы не сомневались и уничтожили Сатанаса, чего бы нам этого не стоило. Если при этом мы уничтожим кого-то из её соплеменников — ерунда. Она сказала, что они сами поблагодарили бы нас, если бы нам удалось уничтожить их вместе с их хозяином!

Таков был ответ! Лучше смерть, чем рабство! Я очень жалел, что задал этот вопрос.

Больше я ничего не спрашивал. Отправился в башню на хвосте и, устроившись там, задумался о том, что за существо этот Сатанас, если его слуги, как мужчины, так и женщины, настолько его ненавидят. Как он выглядит?

Если бы я знал всю правду... Но я ничего не знал... А через несколько часов впереди из моря поднялись утесы мыса Капоче. Мы были над Юкатаном. Мы оставили позади шесть сотен миль, и теперь по крайней мере можно было не опасаться акул. Однако, как вскоре выяснилось. при выборе между Сатанасом и акулами последние были бы предпочтительнее.

Солнце уже повисло над западным горизонтом. Я думал, мы приземлимся, но у Роммера были другие идеи. Он повел самолет дальше, над зелеными холмами. Мы летели над джунглями, за минуту преодолевая расстояние, на которое нам потребовался бы день, отправься мы в путешествие пешком. А Экла, сморщив лоб и нахмурившись, давала Роммеру указания.

Мы уже были над плато, когда она подняла руку, указывая куда-то. Руины древнего города были едва видны. Мы смутно видели круг, примерно в милю в диаметре. Растительность внутри этого круга была темно-зеленой, намного темнее, чем снаружи. Роммер повел самолет вниз. В юго-западном секторе города темнела огромная дыра в земле, окруженная разрушенными колоннами. Рука у Эклы дрожала, когда она указала на неё. Роммер повернулся на своем сиденье:

— Эта дыра в земле ведет вниз, прямо к Сатанасу, — воскликнул он. — Боб, возьми динамит и ступай в башню на хвосте. Когда мы будем над этой дырой, сбрось коробки с динамитом.

Коробки уже были связаны. При помощи Марша я перетащил коробки в хвост самолета, потом откинул крышку бомбового люка.

Роммер нацелил нос самолета на отверстие и привел самолет в пике. Когда самолет стал снижаться, я увидел, что поднималось из той дыры. Призмы! Черные кусочки тьмы! Они потоком поднимались из-под земли, направляясь к нам, словно черные демоны, сбежавшие из ада! Роммер тоже увидел их. Он врубил двигатели на полную, и самолет еще быстрее устремился вниз. Я схватил коробки динамита. В этот миг в моей голове промелькнуло несколько диких мыслей. Сатанас ждал нас. «Успеем ли мы добраться до него, прежде чем его слуги-призмы доберутся до нас? — подумал я. — Интересно, когда рванет, разрушит ли взрыв связь между Сатанасом и его слугами? Или мы должны будем сражаться с ними по всему Юкатану?..»

Единственное, на что мы могли надеяться: динамит уничтожит Сатанаса. Если нет — нам конец! И не будет ни печальной музыки, ни цветов. Четыре тела, гниющих среди обломков самолета в самом сердце джунглей Юкатана, сожженные молниями призм. И это если баки самолета не рванут в воздухе.

Но молнии не полетели в нас. Сатанас не отдал приказа своим слугам сжечь нас. Он сдержал призмы, пока они не оказались так близко от нас, что не могли промахнуться.

Но тут Роммер резко изменил курс самолета, вытащив его из пике. Мы были как раз над дырой. Сейчас или никогда.

— Получите, бесы из ада! — взвыл я и швырнул динамит в люк, а потом, уцепившись за крепления пулемета, замер, глядя, как коробки полетели вниз. Я ждал взрыва.

И он произошел. Несколько молний, вырвавшихся из призм, врезались в падающие ящики. Полыхнуло. Все затянуло дымом, сквозь который были видны и другие вспышки — призмы добавили свои молнии к взрыву динамита.

Однако до того как я услышал грохот взрывов, я понял: наш заряд цели не достиг. Он взорвался в воздухе, не попав в дыру... Мы не уничтожили Сатанаса.

Мы потерпели неудачу.

А потом разверзлись небеса, и все громы небесные сплелись в единый хор. Ударная волна врезалась в самолет, швырнула его вверх, и машина полностью вышла из-под контроля. То, что я железной хваткой держался за турель пулемета, спасло меня от падения, когда самолет, крутясь, полетел прочь от дыры — входа в подземный город.

Я услышал отвратительный звук рвущегося металла. Толстые кабели рвались, словно тонкие нити. Самолет крутануло снова, а потом еще раз. Судя по всему, руки были сломаны, система управления разбита комбинированным взрывом динамита и ударом нескольких молний. Кружа, мы полетели вниз. Деревья метнулись нам навстречу. Срезав вершины, наш самолет врезался носом в зеленые заросли. Корпус с треском раскололся. Миллион огненных пальцев вонзилось мне в голову.

Глава VII. Сатанас

— Боб, — проговорил кто-то рядом. — Боб, старик.

Я открыл глаза. Надо мной склонился Роммер. Кровь бежала у него из носа, а голову он склонил набок, чтобы не

капать на меня кровью. Я же, хоть и не чувствовал себя так уж хорошо, сел.

Марш сидел на земле рядом со мной. Его лицо было белым от боли, и он прижимал левую руку к груди. Экла стояла неподалеку. С одной стороны ее головы у виска была глубокая рана. Плечи ее были опущены, и выглядела она полностью сдавшейся. А потом что-то затрещало. Девушка обернулась посмотреть, что происходит. Я посмотрел тоже.

Рядом с металлическим корпусом самолета пылало пламя. Треск доносился именно оттуда.

— Больно? — поинтересовался Роммер.

Я покачал головой, чтобы доказать, что я не ранен, попытался встать на ноги. А потом я увидел призмы, плавающие в воздухе вокруг нас.

Мы были окружены черными призмами. Мне даже не пришло в голову спросить, как я выбрался из самолета. Конечно, вытащил меня Роммер. Я не собирался благодарить его, потому что догадывался, что этим он не сильно облегчил мою участь. И тут призмы начали двигаться. Но двигались они рывками, словно их повелителю требовалось несколько раз повторить команду. Только через несколько мгновений мне стало совершенно ясно, что призмы от нас хотят. А хотели они, чтобы мы встали и отправились куда-то.

Эти ужасные чудовища погнали нас через руины древнего города. Так скот ведут на убой. Они вели нас к дыре в земле, к колодцу, который вел под землю в обитель Сатанаса.

Сначала я подумал, что нас заставят прыгать в эту яму, а потом увидел ступени, идущие вдоль стены ямы. И, судя по всему, они были вырезаны недавно. Как я потом узнал, это Экла и ее народ изготовили эту лестницу, чтобы бежать из подземелья. Призмы хотели, чтобы мы спустились в яму.

После крушения самолета, я чувствовал себя нехорошо, но, когда я добрался до дна ямы и огляделся, мне стало намного хуже. Дно огромной ямы было покрыто слоем костей — человеческих костей, зеленых от плесени. Черепа, кости рук и ног, ребер... Видимо, майя использовали эту яму как жертвенный колодец.

Туннель, темный, как подземелья ада, увел нас вглубь земли. Черные призмы летели следом, но вела нас Экла. Тут

был настоящий подземный лабиринт, и без девушки мы бы заблудились. Наконец мы добрались до конца туннеля. Избитая, исцарапанная, со всклокоченными волосами, она повернулась лицом к стене, которой заканчивался туннель.

А потом стена поднялась. Тяжелый каменный блок, служивший дверью, скользнул вверх. Свет хлынул из комнаты, сокрытой за этой странной дверью. Мы прошли вперед и натолкнулись на Сатанаса.

Не знаю, что я ожидал увидеть. Какое-то чудовище, человеко-зверя... Странное, чудовищное создание, восседающее на троне. Лохматый, рогатый зверь с копытами...

Чего бы я ни ожидал, я увидел совсем другое. У противоположной стены возвышался черный блок приблизительно шести футов длиной и четырёх высотой. Он напоминал алтарь, но был всего лишь подставкой для стеклянного шара в четыре фута диаметром, наполненного серой массой. Шар был окружен множеством трубок, по которым скользили разноцветные мерцающие огоньки. Я уставился на шар. Потом я услышал, как с шипением втянули воздух Роммер и Марш, который, казалось, забыл о своей больной руке. Сейчас она безвольно висела вдоль тела.

В тот миг все мы в недоумении уставились на странный шар. Никто из нас так и не понял, что это. Только Экла об этом знала, поэтому не отрывала глаз от пола. Она даже не взглянула на шар. Наступила полная тишина. Даже колокольчики призм молчали. Все, казалось, чего-то ждали. Я чувствовал чье-то враждебное присутствие. В воздухе была напряженность, как от избытка электричества. Мурашки поползли у меня по спине, мое сердце бешено колотилось. В голове у меня крутился миллион вопросов. Что это такое?

Роммер откашлялся. Этот звук послужил сигналом, и четыре луча света выскользнули из шара, потом один коснулся Эклы, другой — Марша, третий — Роммера, а последний — меня. В первый момент я подумал, что мы будем убиты — взорвемся в небытие. Вначале, как я ожидал, будет всплеск безумной боли, потом тьма.

Световой луч ударил мне в глаза, но я не ослеп. И никакой боли не было. Световой луч, как мне показалось, скользнул

по зрительному нерву, а потом прямо мне в мозг. А потом в моем мозгу возникла чужая мысль. Сатанас говорил со мной.

Как? Не знаю. Быть может, луч света нес информацию, электрические импульсы, вроде как специальный телефон. Наши ученые давно пытались разработать такую систему. Луч света передавал ментальный импульс через глазные нервы, которые в свою очередь передавали сигнал в мозг, преобразовывающий его в мысли.

Первое, что сделал Сатанас, так это лишил меня возможности двигаться. Один за другим по лучу света скользнули вопросы. Кто я? Почему я пришел сюда? И я ответил на них. Я не мог ничего с собой поделать. А вопросы сыпались один за другим: из какого мира я пришел? Где находится моя страна? Кто управляет ею?

А потом из меня начали выкачивать все, что я знал, всю мою историю... Но тогда я не совсем понимал, что происходит. Даже сейчас я не в полной мере осознал, что тогда происходило. Я отвечал на вопросы, хотел я того или нет.

Однако в какой-то момент я тоже задал вопрос, и шар ответил на него. Так вот шар этот и был Сатанасом. Это был мозг! Вся серая масса внутри шара была мозгом. И никакого тела. Мозг, плавающий в растворе питательных веществ, соединенный тонкими проводами с черным блоком, на котором он стоял. И никаких глаз. Фотоэлементы передавали в мозг изображение. Никаких ушей. Микрофоны их полностью заменили. Без рук. Но их функцию могли выполнить тысячи различных инструментов. А призмы, которыми Санатас управлял с помощью радиоконтроля, давали ему возможность действовать на расстоянии.

Сатанас был мозгом. Неудивительно, что Экла оказалась не в состоянии описать его. Но она говорила, что когда-то он был человеком. Когда я это осознал, то пришло и объяснение тому, что этот мозг в несколько раз больше человеческого. Сатанас был человеком в том смысле, что гигантский мозг в прозрачном шаре состоял из человеческих мозгов. Давным-давно хирурги Му, извлекая человеческие мозги из голов ещё живых людей, сращивали их вместе. Ученые Му создали Сатанаса.

Но почему и зачем ученые Му создал этот мозг?..

Сатанас «выслушал» мой вопрос. И ответил. Ученые Му, как и ученые нынешних дней, искали Истину. Они пытались решить проблемы быстро усложняющейся науки. Продолжительности жизни одного человека едва ли хватило бы, чтобы понять основы сложных наук, а потом начать собственное исследование. Помогала специализация, но даже это не решало все проблем.

Пытаясь найти решение, хирурги Му создали Сатанаса — построили супермозг, огромную логическую биомашину, которая должна была решить все научные проблемы. Мозг, обладающий силой ста обычных людей.

Во время этой грандиозной работы, они забыли об одной вещи: о муках людей, которые умерли под ножами ученых. Для создания Сатанаса они использовали мозги ученых и мозги рабов. Сами ученые были не против умереть ради науки и не могли понять, почему преступник или раб должны возражать. Они, конечно, жалели, что операция по удалению живого мозга вызывала такую боль, совершенно не обращая на это внимания. Как же эти умирающие люди должны были ненавидеть хирургов-палачей!

Результат оказался очевиден. Каждый фрагмент ткани головного мозга, который попадал в мозг Сатанаса, нес в себе два базовых воспоминания: память о невыносимой боли и сжигающую ненависть к людям. Когда разум начал функционировать, когда Сатанас очнулся, в памяти его не было ничего, кроме боли и всесокрушающей ненависти.

Он ненавидел Му, ученых Му, хирургов, которые создали его. Он ненавидел весь род человеческий. Однако он ждал и учился. Потом он восстал.

«Где Му? — вопрос пронзил мой разум с силой молнии. — Где Му?.. Где Му?»

«Погребен под водами океана, разбит, уничтожен», — мысленно ответил я. Теперь, после долгих веков, Сатанас вновь ожил, но его память до сих пор переполняли боль и ненависть.

Тут луч света угас. И Джон Роммер начал действовать. Его рука метнулась под пиджак, и он выхватил компактный автоматический пистолет. Он опустошил обойму прямо в стеклянный шар, в котором размещался мозг Сатанаса. Выстрелы

следовали один за другим с такой скоростью, что я не мог различить их.

На мгновение мое сердце забилось в бешеном ритме. Горячая волна свинца ударил в Сатанаса, который ничего не знал об огнестрельном оружии, изобретенном пока он спал...

Я уставился на стеклянный шар, ожидая увидеть, как стеклянный шар разлетится под ударами пуль. Шар не разбился. Пули, казалось, не причинили ему никакого вреда. Они отскочили от невидимой стены, окружающей шар и, взвыв как сердитые шершни, рикошетом полетели по комнате.

Но они не причинили никакого вреда Сатанасу. Его защищало невидимое силовое поле.

Пистолет продолжал впустую щелкать, когда обойма опустела, а Роммер с глупым видом уставился на Сатанаса. И пистолет все еще был у него в руке. А потом мой друг с проклятием запустил бесполезным теперь пистолетом в шар. Тот, как и пули, отскочил от невидимого силового поля.

И тут силовая волна обрушилась на нас из шара. Она ударила в Роммера, а потом во всех нас, отшвырнув назад в стене. Колокольчики призм безумно зазвонили. Силовая волна придавила меня удушающим одеялом, словно хотела раздробить мои кости.

Почему Сатанас не убил нас тогда, не знаю. Может, ему были нужны рабы. Дважды мы пытались уничтожить Сатанаса и дважды терпели неудачу.

ГЛАВА VIII. Секрет Камня Коатала

Последующие дни превратились в ужасный кошмар. Мы убирали обломки, перекатывали упавшие камни, убирали мусор, который накопился в подземном городе в течение столетий. Мы стали рабами. Роммер, Экла и её люди — человек двадцать. Марш делал то же, что и мы, только вот рука у него все еще висела на перевязи. О побеге речи и не шло. По общему согласию, мы старались избегать этой темы.

Нас охраняли. Мы все время находились под наблюдением проклятых призм! Если один из нас начинал работать

медленнее, призмы тут же подлетали к нему сзади. А потом в вершине призмы открывалось отверстие, начинали звенеть крошечные колокольчики, и легкий укол крошечного разряда заставлял несчастного раба «взбодриться» и вновь приняться за работу. Обычно одного «укола» было более чем достаточно.

Проходили дни. Начали прибывать новобранцы — туземцы с выпученными от удивления глазами, которых призмы отловили в джунглях и загнали в подземный город. Мне было очень жаль их. Они брели по подземным коридорам, словно совершенно перепуганные дети.

Призмы загнали в подземелье даже вождя туземцев. Он был человеком угрюмым и не желал работать. Получив несколько электрических «пинков», он, как безумный, с криками понесся по туннелям. Мы же отправились работать.

Вскоре призмы вновь отвели нас в комнату, где находился Сатанас. Вождь уже был там — съежившись, сидел в углу.

Но Сатанас времени даром не терял. Стоило нам войти, одна из призм вспыхнула молнией. пробив тело вождя туземцев насквозь. Тело несчастного осело на пол. Вонь стояла ужасная.Серое чудовище, заключенное в стеклянном шаре, казалось, наслаждалось происходящим. Судя по всему, казнив вождя при нас, оно словно хотело показать нам, что случится с нами, если мы откажемся подчиняться. А потом нас погнали назад на работы.

Лицо Марша было белым как мел. А у Роммера лицо окаменело.

— Мы должны выбраться отсюда.

Когда мы работали, призм поблизости не было, и Роммеру удалось перекинуться парой фраз с Эклой и ее соплеменниками.

Суть разговора сводилась к тому, что нам не выйти живыми отсюда. Имея определенную свободу передвижения в подземном лабиринте, мы могли бы на какое-то время скрыться, но призмы стали бы охотиться на нас в туннелях, а попытайся мы выбраться из подземного города, они ждали бы нас на выходе.

— Тогда мы должны попытаться разбить шар Сатанаса! — прошептал Роммер.

— Как?

Мы не знали, а, судя по словам Эклы, поколение её соплеменников пыталось сделать это, но онитак и не смогли повредить стеклянный шар.

Роммер и слова не сказал о Камне Коатала. Тот был уничтожен... А даже если и нет, то камень остался в горящем самолете. Но когда Экла случайно упомянула о нем, Роммер вцепился в нее взглядом.

— Даже если бы он у нас был, мы не смогли бы прочесть то, что на нем написано.

Экла повернулась в нашу сторону и что-то прошептала в ответ. Марш внимательно слушал. Он даже работать перестал.

— Вы сможете прочесть надпись! Это все, что нам нужно. Я так долго изучал этот камень, что смогу воспроизвести надписи по памяти!

Это был наш единственный шанс на спасение. Камень Коатала! Нам нужно было узнать, каким способом можно уничтожить Сатанаса... Я так разволновался, что забыл, где я, пока звон колокольчиков не вернул меня на землю.

Я обернулся. Одна из призм была прямо у меня за спиной. Интересно, может ли Сатанас с помощью призм подслушивать наши разговоры? Не знаю. Но я видел, как открылось отверстие, готовясь выпустить разряд, и тут же снова принялся за работу. Я видел, что Экла и ее сородичи приободрились после того, как Марш заверил их, что готов по памяти воспроизвести рисунок на камне, Оособенно Экла. Кроме того, она то и дело бросала косые взгляды на Роммера, а он — на неё...

С помощью куска металла Марш, работая все время, отведенное для сна, воспроизводил надпись на плоском камне. Мы же вынуждены были помогать ему, по очереди стоя на страже. Призмы не караулили нас у дверей камеры, где мы спали, но то и дело пролетали мимо, спеша по своим делам.

Узнав о могущественной человеческой цивилизации, которая ныне правит Землей, Сатанас готовился напасть и уничтожить её. И это была еще одна причина, по которой нам следовало его уничтожить.

В конце третьей ночи Марш закончил свой труд. Экла начала изучать его творение. Эти знаки совершенно ничего не

значили для меня, но определенно что-то сказали ей. Когда она расшифровала надпись, глаза её широко раскрылись от страха.

— О! — прошептала она. — Ой...

Её соплеменники собрались вокруг нее и начали что-то шёпотом обсуждать. Роммер и я подобрались к ним, готовые в любой момент рухнуть на пол и притвориться спящими, если в дверях покажется одна из этих ужасных призм. Даже аборигены Юкатана, которые не понимали ни Экlу с её соплеменниками, ни нас, почувствовали: что-то происходит.

Роммер подтолкнул локтем Марша.

— Спросите её, о чем они там говорят.

Он задал Экле какой-то вопрос. Но девушка не пожелала отвечать. Вместо этого она внимательно посмотрела на Роммера.

Марш снова спросил ее, настаивая, чтобы девушка ответила. Она что-то сказала ему. На мгновение лицо моего друга расплылось от радости, а потом он снова помрачнел.

— Надпись говорит... После того как Экла и остальные рабы Сатанаса погрузились в сон, ёе соплеменники обнаружили большой водоем рядом с западными пещерами подземного города. Они сконструировали шлюз, который легко открывался, и не затопили пещеры, лишь только потому, что рабы спали и их не смогли пробудить. Открой они шлюзы — и все спящие рабы погибли бы... И еще Экла говорит, что надпись на Камне Коатала рассказывает, как найти эти шлюзы и как открыть их.

— Утопить Сатанаса в его норе, как крысу! — воскликнул я. — Так чего же мы ждем? Пойдем и затопим это подземелье.

Я вскочил на ноги, распрямившись. В этот миг вся боль и усталость ушла из моего тела.

Вот он, шанс уничтожить Сатанаса — это отвратительное чудовище, явившееся к нам из прошлого! Тут призмы ничего поделать не смогут! Вода. Даже если Сатанас опустит все каменные двери, вода все равно просочится, найдя щелочку. Она разрушит все электрооборудование, замкнет радиостанцию, с помощью которой чудовище из прошлого контролирует призмы.

Неожиданно Роммер дернул меня, повалив на пол.

— Тихо! — прошипел он мне на ухо.

— Почему тихо, черт побери! Давай-ка прямо сейчас отправимся к озеру.

Я был словно взведенная пружина. Мои нервы были напряжены до предела. Все, о чем я мог думать, так это только о том, как уничтожить этот чудовищный, враждебный человечеству разум. В тот миг я не видел никаких недостатков в предложенном плане.

— Конечно, мы утопим Сатанаса, — пояснил Роммер. — Но мы можем сами утонуть.

Я сглотнул. Я об этом не подумал, а Марш, Роммер и Экла, судя по всему, подумали.

Но через секунду я понял их ошибку.

— Люди прошлого наверняка знали способ открыть шлюз и не утонуть.

Мои друзья согласились со мной, а потом Марш спросил Эклу. Она ответила очень медленно, и пока он слушал, глубокие морщины пролегли на его лице.

— Девушка говорит, что шлюз может открыть один человек. Другие могут пробраться по туннелям и затаиться у выхода.

— А что произойдет с тем, кто откроет шлюз? — поинтересовался Роммер?

Марш только головой покачал.

— Он утонет...

В наступившей мертвой тишине я услышал звон колокольчиков — одна из этих черных призм проскользнула по коридору мимо дверей нашей камеры. Один человек утонет, но зато остальные спасутся. Голос Роммера стал еще тише.

— Я открою шлюз, — объявил он.

Наступил момент тяжелого молчания. Тогда Экла яростно покачала головой и указала на себя. Она не знала, что сказал Роммер, но поняла, что он имел в виду. И она не собиралась разрешить ему открыть шлюз. Она сама добровольно вызвалась это сделать. Я задохнулся. Но прежде чем я что-то сказал, комната наполнилась шепотом. Каждый из соплеменников Эклы хотел стать добровольцем. Однако Роммер взял инициативу в свои руки.

— Будем тянуть жребий, — объявил он.

Мы наломали палочек разной длины.

— Тот, кому достанется самая короткая, открывает шлюз, с мрачной решимостью объявил Роммер.

Мы стали тянуть жребий. Однако на свою палочку мне можно было не смотреть. Прежде чем я вытащил ее из руки Роммера, я уже все знал.

Короткая! Смерть указала на меня.

Глава IX. Неудача

Роммер и Экла провели меня через лабиринт извилистых темных коридоров. Дважды у нас за спиной звучал перезвон колокольчиков, но нас, видимо, не заметили. Роммер отдал мне свои наручные часы со светящимися цифрами.

— Один час, Боб, — сказал Роммер перед тем, как уйти. — За это время мы соберем у выхода всех, кого сможем. Все что тебе нужно сделать, — опустить этот рычаг. Тем самым ты освободишь противовес, который откроет замок...

Тут он закашлялся, и его рука сжала мою. Я попытался отогнать все посторонние мысли. Это был единственный способ побороть страх.

— Передай привет ребятам на Бродвее. И вам двоим удачи... А теперь убирайтесь отсюда!

И они скрылись в темноте.

Какое-то время я слышал шорох их шагов, хотя двигались они очень осторожно. Но вскоре и эти звуки стихли. Я остался один. Один в темноте в ожидании смерти. В тот миг я все бы отдал за бутылку виски. Мне показалось, что прошла вечность, прежде чем я первый раз посмотрел на часы. Прошло всего пять минут!.. Пятнадцать минут. Потом тридцать. Я стоял в темноте, дрожа и чувствуя, как капельки холодного пота сползают по позвоночнику. Все это время я держал руку на рычаге.

И тут я услышал перезвон колокольчиков. Сначала я подумал, что ошибся, но звук повторился. Перезвон колокольчиков звучал в полной темноте! Призма! Три призмы! Я видел, как они приближаются, испуская тусклый свет.

Если бы знать, что замышляет Сатанас? Неужели эти призмы ищут меня?

Я прижался к стене, стараясь не дышать... Прошло тридцать пять минут... Призмы выскользнули из туннеля, тыкаясь в стены все ближе и ближе. Без сомнения, они искали меня.

А потом они меня нашли.

Я не смог дождаться оговоренного времени. Когда призмы развернулись в мою сторону, я понял: сейчас или никогда. Вскочив на ноги, я заорал:

— Сдохните вместе со своим господином!

И надавил на рычаг. Тот скользнул вниз, повинуясь движению моей руки. Сердито жужжа, призмы устремились ко мне. Я пригнулся, ожидая, что вот-вот в туннель хлынет вода. А потом в свете приближающихся призм я увидел, как в стене открылся огромный зев — противовес сместил потайную дверь. Из этой дыры должна была литься вода. Только вот ничего не вылилось. Я ощутил лишь порыв тухлого воздуха.

За долгие века подземное озеро высохло.

А через полчаса мы все вновь предстали перед Сатанасом. Марш стоял справа от меня, Роммер застыл слева, и Экла прижалась к нему. За нашими спинами столпились соплеменники Эклы и туземцы. А позади них в воздухе, образовав полукруг, застыли призмы. Мы все были согнаны сюда, и теперь Сатанас, судя по всему, собирался судить нас.

Очередная попытка уничтожить чудовище сорвалась. Не нужно было говорить, что Сатанас собирался покарать виновных и первым в этом списке был я. Правда, в этот миг меня заботило только одно.

— Роммер, — прошептал я. — Я сделал все, что мог. Я открыл шлюз, только вот озеро высохло...

— Нам вновь не повезло. Еще до того как пришло время бежать, нас всех согнали сюда. Если бы там была вода, мы все утонули бы...

— Выше голову, приятель. Мы еще покажем этому сгустку гнилой протоплазмы, что мы можем умереть, как мужчины.

Они поверили мне! Они были уверены, что я не струсил!

А раз так, я с вызовов повернулся к Сатанасу. Марш стоял слева от меня, Роммер — справа, в этот миг нам и сам дьявол был не страшен.

Сатанас же решил не тратить времени на допросы. Его призмы поймали меня рядом с рычагом. Если даже он не убьет моих друзей, то, без сомнения, прикончит меня, хотя бы для примера. Тут я вспомнил о том, какая судьба постигла вождя туземцев.

У меня над головой задвигалась призма, зазвенела своими колокольчиками, словно созывая упырей на мои похороны. А потом она опустилась, застыв передо мной, словно выбирая позицию поудобнее. Как только черная призма оказался прямо напротив меня, «глазок» призмы открылся. Вот-вот она должна была выпустить смертоносную молнию.

Я высоко поднял голову. К черту эту призму, и пусть Сатанус идет в ад! Я был готов. Собравшись, я был готов к смерти. Но, прежде чем призма приготовилась испепелить меня не выдержал один из туземцев. Дико взвыв от ужаса, он вырвался из толпы и попытался убежать.

Призма резко развернулась в сторону беглеца. Еще мгновение ожидания — а потом ударила молния. В комнате тошнотворно запахло паленой плотью. Призма, по-прежнему звеня колокольчиками, развернулась в мою сторону. В этот миг у меня в голове роилось тысяча мыслей. Врезать по призме кулаком! Бежать! Броситься на стеклянный шар — обитель Сатанаса!

Но я так ничего и не сделал. Не было смысла даже пытаться. Больше всего в этот миг я хотел, чтобы все поскорее закончилось. Я чувствовал себя усталым, больным, избитым. У меня не осталось никакой надежды! Я хотел умереть.

Призма прицелилась в мою грудь, щелкнул «затвор». А потом Роммер неожиданно прыгнул вперед.

У меня аж дыхание перехватило.!

Он прыгнул вперед и ухватился за края призмы. Его вес заставил призму опуститься, и молния ударила в пол, опалив камни.

Он спас мне жизнь. По крайней мере в этот миг. Но Роммер не закончил. Навалившись на призму всем телом, он развернул её на сто восемьдесят градусов. И очередная молния ударила прямо в стеклянный шар Сатанаса!

Все произошло очень быстро, но я отчетливо видел, что произошло. Сатанас был защищен каким-то видом силового поля, которое не пропускало ни один материальный объект. Но это

поле не могло остановить молнию, и прежде чем призма вырвалась из рук Роммера, разряд пробил защитную стену, стеклянный шар и ударил в самый центр массы, которая и была Сатанасом!

Если бы Роммер на секунду опоздал или поспешил, то второго шанса у него не было бы. Но прыгнул он вовремя. Призма, действовавшая по приказу Сатанаса, уже не могла остановить разряд...

Сама по себе призма двигалась очень быстро. Но реле, которое её формировало, медленно набирало разряд. Да и сами призмы порой двигались заторможенно. Видимо, в это время Сатанас переключал свое внимание на что-то другое. Я заметил эту медлительность. А Роммер, видимо, все четко рассчитал, всю сложность механических движений призм, поскольку приказам Сатанаса приходилось проходить через ряд реле и радиопередатчик. От радиопередатчика сигнал шел в призму, где другие реле преобразовывали импульс в механическое движение. Один импульс открывал затвор призмы, другой приказывал выпустить разряд. Третий приказывал прекратить формирование нового заряда и закрыть «затвор».

Для электромеханического устройства настоящим чудом было то, что призмы работают столь четко и слаженно. Однако все рассчитать так четко, как это сделал Роммер, было и в самом деле трудно. Однако его расчет оказался верен, и разряд поразил не меня, а Сатанаса...

От сероватой массы огромного головного мозга повалил густой вонючий дым. Расплавленное стекло отчасти сползло на «подставку», а часть осколков, словно дробь, врезались в плоть мозга. Из-за вони в комнате невозможно было дышать.

Сатанас тут же занялся лечением, призвав на помощь свою медицину. И вновь Роммер оказался быстрее машин.

Он выпустил из рук призму, а потом крикнул:

— Бежим!

Только мне не требовалось этого приказа.

Мозг не был мертв. Он был всего лишь ранен. Да, он умирал, но он боролся, и призмы, разом приведенные в действие, оказались гораздо опаснее когтей обезумевшего льва.

Мы со всех ног помчались по туннелю, и я услышал перезвон колокольчиков призм, которые помчались следом за нами. А потом вслед нам ударили молнии.

Но призмы были не нацелены в нас. Обезумевший мозг, умирая, палил из призм во все стороны. Некоторые из молний, как мне показалось, ударили в сам мозг. Некоторые из них попали в другие призмы. Я так думаю, потому что за спиной у нас раздались взрывы, а кроме призм, взрываться там было нечему.

Вокруг нас с потолка падали камни, стены дрожали. Казалось, потолок подземного города вот-вот обрушится... Мы со всех ног бежали к колодцу.

Не знаю, как нам удалось подняться по лестнице, но нам это удалось. Однако, даже оказавшись на поверхности, я чувствовал, как у меня под ногами от подземных взрывов дрожит земля. Каждый раз, когда земля вздрагивала, я радостно кричал. В конце концов глухой подземный грохот смолк.

Сатанас — зловещий разум, созданный учеными на древнем материке Му, — чудовище, которое спало долгие века ,наконец-то было мертво, уничтожено находчивым Джоном Роммером. Когда Сатанас погиб, многие призмы находились на поверхности. Но мы так и не увидит и не нашли ни одну из них. Возможно, они до сих пор лежат где-то в непроходимых джунглях Юкатана.

Мы больше не пытались спуститься в колодец и пробраться в туннели подземного города. От взрывов обрушились тонны породы. Мы даже не пытались расчистить эти подземные ходы. Единственным нашим желание было как можно скорее покинуть Юкатан. Конечно, нам пришлось совершить долгий переход через джунгли, пересечь горы и спуститься к океану. А потом мы вернулись в Нью-Йорк.

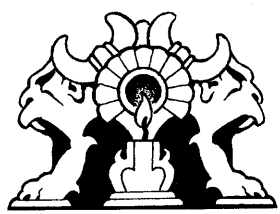
Эпилог

Вскоре Маршал Хантер сильно изменился. Теперь он и смотреть не желал ни на один древний манускрипт. А если кто-нибудь при нем упоминал Юкатан, Марш вздрагивал.

Его снова манили огни Бродвея, и он старался как можно быстрее забыть о том, что случилось...

Иногда мистер и миссис Роммер вырывали Марша из потока светской жизни, и они приходили в гости ко мне. Миссис Экла Роммер была всегда очень мила со мной.

Когда они приезжали ко мне, мы проводили спокойный вечер за партией бриджа. И я старался не участвовать ни в чем более волнительном, чем составление контрактов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Джонгор *(роман)*.....5
Первая часть. Джонгор из Затерянной земли.....7
Вторая часть. Возвращение Джонгора.....85
Третья часть. Джонгор сражается вновь.....168

Король четвёртой планеты *(роман)*.....229

Бегство из прошлого *(роман)*.....345

Пропавший линкор *(роман)*.....457

Повести и рассказы.....535
Человек двух миров *(повесть)*.....536
Бомбы для рогатки *(рассказ)*.....572
Страна золотых людей *(рассказ)*.....590
Красная смерть Марса *(повесть)*.....607
Под страхом смерти *(повесть)*.....640
Звуки боевых труб *(рассказ)*.....678
Когда начинаются неприятности *(повесть)*.....706
Тайна пирамиды *(повесть)*.....734
Ракеты над Европой *(рассказ)*.....770
Возвращение Сатаны *(повесть)*.....789

В СЕРИИ *«ЗАБЫТАЯ КЛАССИКА»*
ИЗДАТЕЛЬСТВО «Северо-Запад» ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН

ДВЕРЬ В ИНОЙ МИР

В СЕРИИ *«ЗАБЫТАЯ КЛАССИКА»*
ИЗДАТЕЛЬСТВО «Северо-Запад» ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

В СЕРИИ *«ЗАБЫТАЯ КЛАССИКА»*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Северо-Запад» ПРЕДСТАВЛЯЕТ
Готовятся к печати (следите за подпиской):

Э. ГАМИЛЬТОН «Космический наёмник»

Г. ФОКС «Сага о Кирыке»

Дж. КЭМПБЕЛЛ «Путь чёрной звезды»

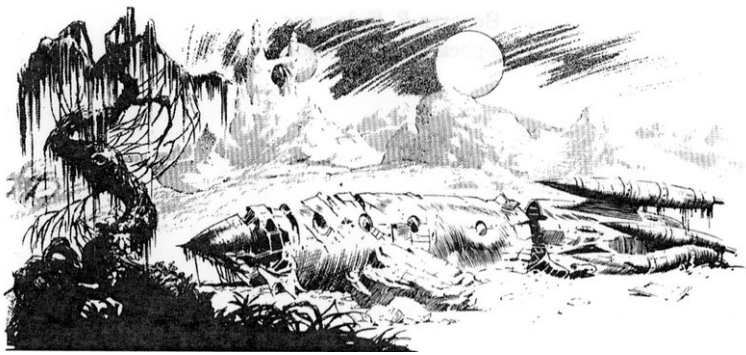
А. МАРТИН-БАРНС «Огненный меч»

Р. ГОВАРД «Мёртвое ущелье»

СБОРНИК «Звёздная шхуна»
(лучшие рассказы самиздата 70х)

М. ЛЕЙНСТЕР «Красная планета»

Х. КОУЛСОН «Паутина колдовства»

РОБЕРТ МУР

ВИЛЬЯМС

ПРОПАВШИЙ ЛИНКОР

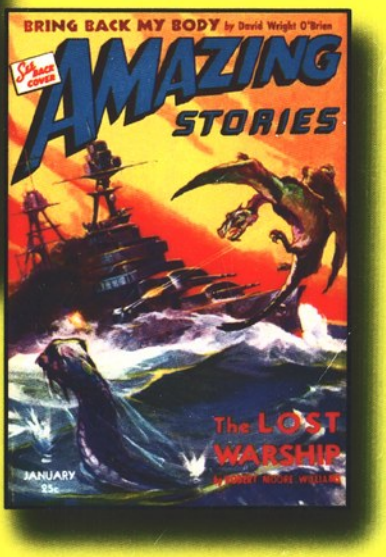
+ 16

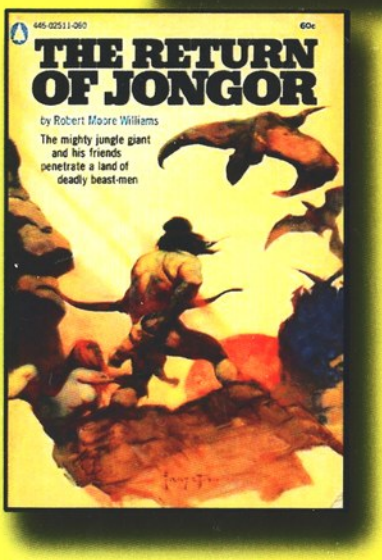
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ
Тираж 50 экземпляров

Составитель серии *А. Лидин*
Ответственный за выпуск *Я.Забелина*
Ответственный редактор *И. Кремнев*
Редактор *А. Лидин, З. Линник*
Главный художник *Л. Соловьева*
Верстка *В. Кудрешов*
Корректор *И.Жигалова*

ЗАБЫТАЯ КЛАССИКА

ISBN 978-5-93835-576-7

9 785938 355767

•Северо-Запад•